

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Владивостокский государственный университет экономики и сервиса»
Институт права

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В XXI ВЕКЕ

**СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ
И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ**

**Материалы международной
научно-практической конференции**

29–30 ноября 2014 г.

Под общей редакцией д-ра полит. наук, канд. юрид. наук
А.Ю. Мамычева

Владивосток
Издательство ВГУЭС
2014

УДК 009+34+35
ББК 69
П64

**ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В XXI ВЕКЕ :
П64 СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ**
[Текст] : материалы международной научно-практической конференции
(Владивосток, 29–30 ноября 2014 г.) / под общ. ред. д-ра полит. наук, канд.
юрид. наук А.Ю. Мамычева; Владивостокский государственный универси-
тет экономики и сервиса; Институт права. – Владивосток : Изд-во ВГУЭС,
2014. – 306 с.

ISBN 978-9736-0393-2

В сборнике представлены материалы международной научно-практической конферен-
ции, проходившей во Владивостокском государственном университете экономики и сервиса (29–
30 ноября 2014 г.). В настоящем издании дается анализ отдельных аспектов правовой политики
российского государства: рассматриваются проблемы историко-правовой эволюции, современное
состояние, проблемы и направления развития правовой политики государства в XXI веке. В пред-
ставленных научно-практических материалах международной дискуссии дан междисциплинар-
ный анализ теоретико-правовых и прикладных проблематик современной правовой политики,
рассмотрены актуальные вопросы совершенствования кадровой политики в государственных уч-
реждениях, бизнес-структурах. Отдельно обсуждаются направления развития образовательной
политики в юридико-политическом, социально-философском, психологическом аспектах.

Для профессиональных юристов, политологов, социологов и всех интересующихся про-
блемами развития правовой политики государства. Кроме того, материалы международной кон-
ференции могут быть использованы в учебном процессе на юридических и других гуманитарных
факультетах (институтах), а также подготовке и переподготовке специалистов в области государ-
ственного и муниципального управления, менеджмента, государственных служащих, политиче-
ских и общественных деятелей, в том числе аспирантов и магистров.

УДК 009+34+35
ББК 69

Ответственные редакторы:

Верещагина А.В. – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой публичного
права Института права ВГУЭС (Россия)

Коротина О.А. – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии
и юридической психологии Института права ВГУЭС (Россия)

Кравченко А.Г. – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой частного права
Института права ВГУЭС (Россия)

Якимова З.В. – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой управления
персоналом и трудового права Института права ВГУЭС (Россия)

Мамычев А.Ю. – доктор политических наук, кандидат юридических наук, заведующий
кафедрой теории и истории российского и зарубежного права Института
права ВГУЭС (Россия)

ISBN 978-9736-0393-2

© Владивостокский
государственный университет
экономики и сервиса, 2014

© Институт права, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ОРГКОМИТЕТ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ	9
1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА: ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ	
<i>Малько А.В., Гайворонская Я.В.</i> ПРАВОВЫЕ АКТЫ КАК ИНСТРУМЕНТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКЕ	10
<i>Мордовцев А.Ю.</i> КОНСТИТУЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ПЕРЕХОДНОГО ТИПА... 13	13
<i>Мордовцева Т.В.</i> ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЙ СВОБОДОЙ СОВЕСТИ В СВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ.....	16
<i>Любашиц В.Я.</i> ТРАДИЦИОННОЕ ГОСУДАРСТВО: ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ	19
<i>Кравцов Н.А.</i> ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ОПЫТА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИКИ, ПРАВА И ИСКУССТВА ДЛЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	25
<i>Фоминская М.Д.</i> ХРИСТИАНСКИЕ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ДОСТОИНСТВЕ ЛИЧНОСТИ КАК ОРИЕНТИР СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА	28
<i>Мамычев А.Ю., Мамычева Д.И.</i> КРИЗИС ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО МЫШЛЕНИЯ И УНИВЕРСАЛИСТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ	32
<i>Мамычев А.А., Глинская Г.С., Кравченко А.Ю.</i> СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ	37
<i>Тимошенко К.И.</i> РОЛЬ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА САМОЗАЩИТУ В РОССИИ.....	41
<i>Дзотов Ч.А.</i> ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ	43
<i>Медведева Л.М., Полозов М.И.</i> НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ И ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ	48
<i>Мамычев А.Ю., Сухомлинов А.С.</i> ДЕЙСТВИЕ ПРАВА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЗНАНИЯ И СООТНОШЕНИЕ СО СМЕЖНЫМИ ПРАВОВЫМИ ЯВЛЕНИЯМИ	53
<i>Сухомлинов А.С.</i> ДЕЙСТВИЕ ПРАВА КАК КАЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА	56
<i>Олешкевич Н.А.</i> ПРОЯВЛЕНИЕ ЭКСТРЕМИЗМА В ГИС ИНТЕРНЕТ, СМИ И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИМОРСКОГО КРАЯ (2009–2014 Г.).....	57
<i>Стародубцев С.С.</i> ТИПИЧНЫЕ (КЛАССИЧЕСКИЕ) ФОРМЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	59
<i>Уханов А.Д., Кравченко А.Г.</i> ЕСТЕСТВЕННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	64
<i>Уханов А.Д., Мамычев А.Ю.</i> ТРОЦКИЗМ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ УЧЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ	67
<i>Уханов А.Д., Мамычев А.Ю.</i> ФОРМИРОВАНИЕ И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МАРКСИСТСКОЙ ЭТИКО-НОРМАТИВНОЙ ТЕОРИИ.....	70

<i>Хомик Э.В.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ В УСЛОВИЯХ АКТИВИЗАЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ.....	72
<i>Бухарина М.К., Ду Сюелун, Ань Фужой, Сунь Сяотянь.</i> ЗАКОННОСТЬ И ПРАВОПОРЯДОК НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.....	74
<i>Иванова С.Е.</i> ГОСУДАРСТВЕННЫЕ, КОРПОРАТИВНЫЕ И ЛИЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ	76
<i>Мирзорин М.Л.</i> ПРАВОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА.....	78
<i>Shinkovskaya N.V.</i> THE PROSPECTS OF THE ECONOMIC MODERNIZATION OF REGIONS IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY RUSSIAN POLITICAL REGIME.....	80
<i>Саркисян Л.Р.</i> ЮРИДИЧЕСКИЙ ФИКЦИОНАЛИЗМ В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ НАУКЕ.....	84
<i>Шулькина А.Л.</i> ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ: ЕВРАЗИЙСКОЕ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.....	86
<i>Амарян Л.А.</i> ТРАДИЦИИ СУДЕБНОГО КРАСНОРЕЧИЯ В РОССИИ.....	89
<i>Полякова А.С., Пономарева М.А.</i> ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ «ПЕРЕХОДНОГО ГОСУДАРСТВА».....	91
<i>Полякова А.С., Третьякова С.А.</i> ИНТЕРПРИТАЦИИ ПОНЯТИЯ «ДЕМОКРАТИЯ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ МЫСЛИ ГОСУДАРСТВ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.....	93
<i>Полякова А.С., Беловош М.А.</i> ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: СОВРЕМЕННОСТЬ	95
<i>Литвинова С.Ф.</i> МЕХАНИЗМ ПРОДВИЖЕНИЯ ЗАКОНОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН.....	96
<i>Пугачев А.Н.</i> ГАРАНТИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	99
 2. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО	
<i>Курасова К.</i> ЭФФЕКТИВНОСТЬ ООН В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ (НА ПРИМЕРЕ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА).....	102
<i>Аминова Ф.М.</i> ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН.....	104
<i>Афзали Н.Д.</i> ОБЩИЕ АСПЕКТЫ НАСТУПЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БЕЗ НАЛИЧИЯ ВИНЫ.....	106
<i>Богоненко В.А.</i> ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УЧАСТИЯ СУБЪЕКТОВ ЕСТЕСТВЕННЫХ МОНОПОЛИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ ЕАЭС (НА ПРИМЕРЕ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ).....	108
<i>Грудинина А.П.</i> РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ИНСТИТУТА МЕНЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	111
<i>Каймакова Е.В., Щелкунов С.В.</i> УСЫНОВЛЕНИЕ И УДОЧЕРЕНИЕ РОССИЙСКИХ ДЕТЕЙ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДДАНАМИ.....	114
<i>Караваева Е.А.</i> ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИИ	117
<i>Тараненко Е.М., Каракулина И.В.</i> ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПРИМОРСКОГО КРАЯ.....	119
<i>Кравченко А.Г., Немец А.</i> ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННЫХ ФОРМ И ТЕХНОЛОГИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫМИ ПРОЦЕССАМИ ПОСРЕДСТВОМ ИКТ	122

<i>Куприянова Д.</i> ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ЭВТАНАЗИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ И ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ.....	125
<i>Ложкина Ю.В.</i> ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТНОШЕНИЙ ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ СОДЕРЖАНИЯ БЫВШИМИ СУПРУГАМИ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ	127
<i>Нгуен Т.Н.</i> ЛЕГАЛИЗАЦИЯ КЛОНИРОВАНИЯ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	131
<i>Уваровская М.А.</i> ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСЫНОВЛЕНИЯ (УДОЧЕРЕНИЯ) РЕБЕНКА ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДДАНАМИ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ.....	133
<i>Хашимова Д.Н.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО УСЫНОВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН.....	136
<i>Бухарина М.К., Чжоу Кэюй, Ли Чжэнь.</i> ЧАСТНО-ПРАВОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТОВ КИТАЙСКОГО И РОССИЙСКОГО ПРАВА: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	138
<i>Шиманов М.</i> МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЮЖНОЙ КОРЕЕЙ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА И ОХРАНЫ ВОЗДУШНОГО ПРОСТРАНСТВА	141
<i>Бухарина М.К., Ахметшина В.А.</i> ПРАВООЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ РФ В КОНТЕКСТЕ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА	144
<i>Бухарина М.К., Ван Синьян, Чжан Цзымин.</i> КОЛЛИЗИИ В НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА КИТАЯ	146
<i>Муртазакулов Д.С., Пурге А.Р.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕТОДОВ ВРТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН	149
<i>Полякова А.С., Поричук Г.В.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ДЕМОКРАТИИ: ПРОБЛЕМЫ «ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА»	151

3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ГОСУДАРСТВАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

<i>Дзотов Ч.А.</i> СПЕЦИФИКА ПРАВООТНОШЕНИЙ ПРИ ОКАЗАНИИ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	153
<i>Тимошенко И.В.</i> О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИНСТИТУТА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ.....	156
<i>Шульга В.И.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОРГАНИЗОВАННЫХ ФОРМ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ	157
<i>Верещагина А.В., Козлова З.С.</i> ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОБОЩЕНИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 260 И 261 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)	160
<i>Андруханенко К.Н.</i> О ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ МЕЖДУ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМ ИНСТИТУТОМ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ И ПРАКТИКОЙ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ	163
<i>Алексеенко А.П.</i> ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ ЗА НАЙМ ИНОСТРАННЫХ СОТРУДНИКОВ БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ.....	164
<i>Голянкин Е.О.</i> РОЛЬ ВСЕРОССИЙСКОГО ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОГО КОМПЛЕКСА «ГОТОВ К ТРУДУ И ОБОРОНЕ» В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	166
<i>Клочков П.В.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ЭТАПЕ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШЕННЫМ В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН.....	168

<i>Михальченко Н.Г.</i> ПРАВОВОЙ СТАТУС БАНКА РОССИИ: ПЛЮРАЛИЗМ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ	170
<i>Морозова В.А.</i> СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ).....	173
<i>Пережогина Ю.Д.</i> ТЕРРОРИЗМ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ.....	175
<i>Сергиенко Э.Э.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОСТАВОВ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ЗАКРЕПЛЕННЫХ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И БЕЛОРУССИИ.....	177
<i>Ярмоц Е.Н.</i> ГЛАСНОСТЬ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ О СУДАХ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ДОСТУПА К ПРАВОСУДИЮ.....	180
<i>Петрова Е.Н.</i> ОСОБЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА	182
<i>Силкин М.М.</i> АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНЫЕ МЕТОДЫ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН	185
<i>Евдокимова А.Р., Шульга В.И.</i> МОШЕННИЧЕСТВО С МАТЕРИНСКИМ (СЕМЕЙНЫМ) КАПИТАЛОМ	186
<i>Белошапко Ю.Н.</i> ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ И НАЛОГОВО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ	189
<i>Демидов Н.А.</i> БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ	192
<i>Пахарьков К.А.</i> КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИМОРСКОГО КРАЯ.....	194
<i>Березянская А.В.</i> СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ.....	197
<i>Личковаха А.В.</i> РОЛЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА В ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ РЕБЕНКА В ПРИМОРСКОМ КРАЕ.....	201
 4. ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ, МАЛОМ, СРЕДНЕМ И КРУПНОМ БИЗНЕСЕ	
4.1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ.....	
<i>Агаркеримова Ф.Т., Бережнова А.В., Тараренко А.В.</i> СОВРЕМЕННАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ПРЕДПРИЯТИЙ СУДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ.....	205
<i>Демина Е.О.</i> СПЕЦИФИКА РАБОТЫ КАДРОВЫХ АГЕНТСТВ КАК СЕГМЕНТ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА	207
<i>Жилина М.В.</i> УПРАВЛЕНИЕ ТАЛАНТАМИ: АНАЛИЗ ОПРЕДЕЛЕНИЙ И ПОДХОДОВ.....	210
<i>Макова Е.Е.</i> СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕНЕДЖЕРА ФРОНТ-ОФИСА В ФОРМИРОВАНИИ РЕПУТАЦИИ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА.....	212
<i>Остюкова Е.О., Каирова Л.А.</i> РОЛЬ КАДРОВОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ ОРГАНИЗАЦИИ.....	214
<i>Плакий М.И., Бондарев В.В.</i> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ СФЕРЫ УСЛУГ.....	218
<i>Ремезов А.А.</i> ПОНЯТИЕ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ, ЕЁ СУЩНОСТЬ И ВИДЫ.....	220
<i>Попова Т.С., Пономаренко М.А., Васильева Л.Р.</i> УДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ ТРУДОМ КАК ЭЛЕМЕНТ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ.....	222
<i>Трифонов Е.В.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРИФИРМЕННОГО ОБУЧЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ	225

4.2. СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ.....	227
<i>Базенкова Е.А.</i> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА КОЛЛЕКТИВА ОРГАНИЗАЦИИ.....	227
<i>Гарбузов А.В.</i> ОЦЕНКА ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ПЕРСОНАЛА.....	230
<i>Гридина Д.В.</i> ДИАГНОСТИКА КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ОРГАНИЗАЦИИ.....	234
<i>Дерябина С.С.</i> ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНОГО ПРИСТАВА.....	235
<i>Иценко М.И., Домнич Н.Н.</i> ИДЕАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КОМПЕТЕНЦИЙ ДЛЯ МЕНЕДЖЕРА ПО ПРОДАЖАМ.....	238
<i>Карезина Л.А.</i> ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ ДЕЛОВОЙ ОЦЕНКИ ПЕРСОНАЛА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОРГОВОГО ПРЕДПРИЯТИЯ.....	240
<i>Ковтун Н.В., Шамахова Ю.В.</i> ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ НАПРАВЛЕНИЯ И СПЕЦИАЛИСТА ПО ПОДБОРУ ПЕРСОНАЛА.....	243
<i>Лысенко М.Н.</i> ИНТЕРВЬЮИРОВАНИЕ И АНКЕТИРОВАНИЕ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ ОТ ПЕРСОНАЛА.....	245
<i>Марченко М.В., Замесина Д.А.</i> ДИАГНОСТИКА УРОВНЯ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ И ЛОЯЛЬНОСТИ ПЕРСОНАЛА.....	248
<i>Михайлов И.С.</i> ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОТДЕЛА ПРОТОКОЛА АППАРАТА ГУБЕРНАТОРА АДМИНИСТРАЦИИ ПРИМОРСКОГО КРАЯ.....	251
<i>Свиридова В.М.</i> ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ТРУДА ПЕРСОНАЛА.....	253
<i>Шкодич И.В.</i> НАСТАВНИЧЕСТВО КАК МЕТОД АДАПТАЦИИ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ.....	255
4.3. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ВУЗЕ.....	257
<i>Басенко В.</i> АКТУАЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ СРЕДИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ.....	257
<i>Василевский Н.В.</i> ПОДБОР ПЕРСОНАЛА КАК КАДРОВАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В МОЛОДЁЖНОМ ЦЕНТРЕ.....	259
<i>Ким Е.Ю.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ И ДОБРОВОЛЬНАЯ СЕРТИФИКАЦИЯ ПЕРСОНАЛА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ.....	261
<i>Романова Г.С.</i> НЕОБХОДИМОСТЬ ПРОВЕДЕНИЯ ТРЕНИНГА ФОРМИРОВАНИЯ КАРЬЕРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА.....	265
<i>Шумкин Ф.Ю., Винниченко Р.И., Лицов Д.А.</i> КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.....	268
<i>Попова Ю., Кашина А., Колганова Н., Михайлова В., Попов Д., Новикова Е., Творогов С.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗА ЖИЗНИ И ДОСУГА СТУДЕНТОВ ВУЗОВ Г. ВЛАДИВОСТОКА.....	270
<i>Шеметова Д.И., Мальцева М.А.</i> ИНТЕРНЕТ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ.....	272
<i>Чиновникова Т.А.</i> КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ОЦЕНКЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА.....	273
<i>Литвинова С.Ф.</i> КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК.....	275
5. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ	
<i>Махова И.Ю., Фань ШО, Четверикова Н.Д.</i> ПРИМЕНЕНИЕ ПСИХОГЕОМЕТРИЧЕСКОГО ТЕСТА (С. ДЕЛИНГЕР) В ИССЛЕДОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ РОССИИ И КИТАЯ.....	280
<i>Чернявская В.С., Дятлова А.А.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУТБОЛИСТОВ-ЮНИОРОВ И ДРУГИХ СПОРТСМЕНОВ ВЫСОКИХ ДОСТИЖЕНИЙ.....	283

<i>Вылегжанина Е.К.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА ВЫПУСКНИКОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ	286
<i>Пежемский А.А.</i> ЛЮБОВЬ – ИСКУССТВО ИЛИ СЛУЧАЙНОСТЬ?	288
<i>Лашевич Е.К., Швед А.В., Чернявская В.С.</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ КРЕАТИВНОСТИ И НАДСИТУАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ.....	291
<i>Ротэряну Ю.М., Чернявская В.С.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ УСПЕШНОСТИ СДАЧИ ЕГЭ	294
<i>Слабко Т.К., Чернявская В.С.</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ И УРОВНЯ ИХ УЧЕБНОЙ УСПЕШНОСТИ	298
<i>Телушкина Е.А., Черкашина Е.А., Чернявская В.С.</i> СООТНОШЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-РОЛЕВЫХ ПОЗИЦИЙ ПО ТЕСТУ БЕЛБИНА И УРОВНЯ КРЕАТИВНОСТИ ПО ТЕСТУ РЕНЗУЛЛИ	301

ОРГКОМИТЕТ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Ализода З. – кандидат юридических наук, Уполномоченный по правам человека в Республике Таджикистан (Республика Таджикистан)

Балащенко С.А. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой экологического и аграрного права, декан юридического факультета Белорусского государственного университета (Республика Беларусь)

Босьяцки А. – доктор права, профессор Варшавского государственного университета (Польша)

Верещагина А.В. – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой публичного права Института права ВГУЭС (Россия)

Коротина О.А. – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и юридической психологии Института права ВГУЭС (Россия)

Кравченко А.Г. – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой частного права Института права ВГУЭС (Россия)

Кузьменко М.Д. – кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления и права Института права ВГУЭС (Россия)

Любашиц В.Я. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ЮФУ (Россия)

Малько А.В. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН (Россия)

Мамычев А.Ю. – доктор политических наук, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории российского и зарубежного права Института права ВГУЭС (Россия)

Махмудов М.А. – доктор юридических наук, профессор, Председатель Конституционного суда Республики Таджикистан, академик АН РТ (Республика Таджикистан)

Мордовцев А.Ю. – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права Института права ВГУЭС (Россия)

Левченко А.И. – кандидат юридических наук, проректор по науке Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко (Украина)

Литвинова С.Ф. – кандидат юридических наук, доцент, директор Института права ВГУЭС (Россия)

Овчинников А.И. – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права Института права ВГУЭС (Россия)

Понеделков А.В. – доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политологии и этнополитики Южно-Российского института – филиал РАНХ и ГС при Президенте РФ (Россия)

Терентьева Т.В. – доктор экономических наук, профессор, первый проректор ВГУЭС (Россия)

Федоренко В.Л. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Украины, член Конституционной Ассамблеи (Украина)

Хошимов Д.Д. – кандидат юридических наук, руководитель аппарата Конституционного суда Республики Таджикистан (Республика Таджикистан)

Якимова З.В. – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой управления персоналом и трудового права Института права ВГУЭС (Россия)

1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА: ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ПРАВОВЫЕ АКТЫ КАК ИНСТРУМЕНТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКЕ

А.В. Малько

*д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки
директор Саратовского филиала Института государства и права РАН
г. Саратов*

Я.В. Гайворонская

*канд. юрид. наук, доцент
Юридическая школа Дальневосточного федерального университета
г. Владивосток*

Правовая политика – одно из новых динамично развивающихся направлений в современной юридической науке. Она позволяет связать воедино доктрину, правотворчество и юридическую практику, обеспечив тем самым научно обоснованный характер государственной деятельности. Понимаемая в качестве продуманного комплекса мероприятий, правовая политика нацелена на целостное реформирование правовой системы общества и с этой точки зрения является инструментом обеспечения правового прогресса. Правовая политика представляет собой научно обоснованную, последовательную, целеполагающую, системную деятельность всех субъектов права (прежде всего, государства), осуществляемую соответствующими правовыми средствами и направленную на развитие правовой системы, повышение уровня правовой культуры, формирование правового государства, укрепление законности и правопорядка, искоренение негативных черт права и т.д., иначе на правовой прогресс общества [1].

Под *средствами правовой политики* понимаются инструменты и деяния, используемые для достижения целей и задач правовой политики, для реального осуществления стратегических правовых идей. В теории правовой политики к инструментам как средствам правовой политики относят различные нормативные установления, отличающиеся субстанциональностью и статичностью. В частности, к инструментам правовой политики относятся права и обязанности, льготы и запреты, поощрения и наказания, правовые режимы и правовые основы, правовые акты и институты права и т.д. При этом инструменты правовой политики подразделяются на первичные (простые) и комплексные (сложные). Первичные выступают в качестве элементарных, наиболее простых инструментов (дозволения, запреты, приостановления и др.). Комплексные правовые инструменты складываются из элементарных, первичных и представляют собой сложносоставные юридические образования (это правовые режимы, правовые акты и т.д. [2].

Итак, правовые акты в целом относятся к комплексным (сложным) средствам правовой политики и являются основным ее инструментом.

Общее понятие правового акта можно было бы сформулировать следующим образом: *правовой акт* – это волеизъявление управомоченного субъекта, совершаемое в определенной форме и в установленных законом случаях, которое порождает юридические последствия в силу прямого указания закона. Такое определение можно назвать «широким» подходом к понятию правового акта. В отличие от «узкого» понимания правового акта как документа компетентного органа, широкий подход охватывает все виды правовых актов, созданных как государственными, так и негосударственными субъектами, в частности, правовые акты физических лиц, а также учитывает различные формы внешнего выражения правовых актов (устную, письменную, конулюдентную).

По своей сущности правовой акт – это волеизъявление, порождающее юридические последствия. Необходимо выделить два неразрывно связанных аспекта сущности правового акта: 1) волеизъявление; 2) юридические последствия.

Конструкцию правовых последствий можно определить следующим образом:

а) собственно юридические последствия, выражающиеся в возникновении субъективных прав и юридических обязанностей, наступлении юридической ответственности, изменении правового статуса лиц, а также возникновении, изменении или прекращении правовых отношений;

- б) волеизъявления политико-правового характера;
- в) иные акты реализации функций уполномоченного субъекта, предусмотренных законодательством.

Признание документов, имеющих политико-правовые последствия, правовыми актами, принципиально для понимания последних в качестве инструментов правовой политики. Так, в практике высших государственных органов имеются документы, которые не порождают собственно юридических последствий. Например, постановлениями Государственной Думы РФ оформляются иногда заявления, обращения, декларации; Совет Федерации может выступать с заявлениями и обращениями по общеполитическим и социально-экономическим вопросам [3]. Указанные документы являются актами реализации политических функций. Однако указанные документы, во-первых, издаются в соответствии с законодательством. Напр., в соответствии с ст. 68 Регламента Совета Федерации «по общеполитическим и социально-экономическим вопросам Совет Федерации может выступать с заявлениями, обращениями, принимаемыми в том же порядке, что и постановления палаты» [4]. В Регламенте Государственной Думы издание постановлений предусмотрено более, чем в 43 случаях, при этом п. «н» ст. 63 предусматривает возможность издания Государственной Думой постановлений и «по другим вопросам своей компетенции». В частности, как уже отмечалось, в форме постановлений в практике Думы издаются обращения, заявления и декларации по общеполитическим вопросам. Во-вторых, подобные документы издаются в пределах компетенции государственных органов, в них выражаются функции этих органов. В-третьих, сам статус высших органов государственной власти (Государственной Думы, Совета Федерации, Президента, Правительства Российской Федерации) придает особую, повышенную значимость документам, издаваемым этими органами. В этой связи было бы неверным отказывать в правовой природе документам такого уровня, ведь зачастую они имеют общегосударственное и/или международное значение. Кстати, подобного рода документы есть и в практике органов власти субъектов федерации.

Роль различных правовых актов в качестве средств правовой политики неодинакова. В той или иной степени все правовые акты выступают инструментом правовой политики. Некоторые акты в большей степени проявляют себя как средства формирования правовой политики, другие – как средства ее реализации. В различных видах правовой политики (конституционно-правовой, административно-правовой, например, либо региональной, муниципальной, локальной политике) решающее значение будут иметь различные виды правовых актов. В целом можно констатировать, что правовая политика выражается в основном в актах высокой юридической силы, в актах вышестоящих государственных органов и должностных лиц. Чем меньше юридическая сила документа, тем меньше его роль в качестве инструмента правовой политики. Однако это утверждение справедливо только в том случае, если речь идет о государственной или общенациональной политике. Если мы возьмем, к примеру, локальную правовую политику, то инструментом ее проведения будут выступать локальные правовые акты, которые в других случаях не оказывают влияния на формирование правовой политики.

Выше мы не зря разделили правовые акты на собственно юридические и политико-правовые в зависимости от правовых последствий и особенностей юридической природы. Нетипичные правовые акты политического и политико-правового характера являются основным инструментом правовой политики. Доктринальные (доктрины, программы, концепции и т.д.) и политико-правовые акты (послания, обращения, заявления по политическим вопросам и т.п.) соответствуют понятию и специфике правовой политики как явления; именно в них закрепляются принципы и стратегические цели правовой политики, программы развития общества или отдельной сферы общественных отношений на перспективу, провозглашаются ценности, из которых будет исходить власть в своей правотворческой и правоприменительной деятельности.

Есть особая разновидность правовых актов, которая выступает основным средством формирования и выражения правовой политики. Речь идет о так называемых доктринальных, концептуальных, программных или стратегических актах. Правовая политика может проявляться в так называемых «актах мягкого права», которые, в свою очередь, воплощаются в различных концепциях, посланиях, стратегиях, программах и т.д., зачастую получающих «путевку в жизнь» от президентов и правительств.

Исследуемые акты имеют различные наименования. Так, в практике современной правовой системы существуют доктрины, стратегии, основы и основы государственной политики, концепции, принципы, программы, планы [5].

Вообще для характеристики подобных актов в науке достаточно прижился термин «доктринальные акты», хотя встречается он нечасто и специальных исследований по этому вопросу очень мало. Доктринальный правовой акт – это специальный нормативный правовой акт, направленный на регулирование целей, приоритетов, содержания и способов реализации государственной политики Российской Федерации, политики субъектов Российской Федерации или муниципальных образований в различных сферах общественного, политического, государственного, социально-экономического и культурного развития, основанный на системе государственного планирования и прогнозирования на долгосрочную, средне-

срочную и краткосрочную перспективу [6]. Эту же группу актов называют стратегическими правовыми актами [7], а также концептуальными и доктринальными документами [8].

Еще одним нетипичным правовым актом политического характера, который имеет особое значение в качестве инструмента правовой политики, является Ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию. Особую роль в качестве инструмента правовой политики имеют акты Конституционного Суда Российской Федерации.

Доктринальные (стратегические) правовые акты – это та разновидность правовых актов, которая специально создана для формирования и фиксации правовой политики. В настоящий момент доктринальные (стратегические) правовые акты не могут в полной мере раскрыть свой потенциал как средство правового регулирования и особый инструмент правовой политики. Их правовая природа, юридическая сила и степень обязательности не определены. Эти акты не имеют устоявшейся формы принятия. Подобные документы утверждаются различными органами и различными актами. Как результат, их юридическая сила будет зависеть от акта, утвердившего соответствующую доктрину или иной стратегической документ. Это юридический нонсенс, но многие из ныне опубликованных доктрин, концепций и т.д. вообще не имеют выходных данных и реквизитов юридического документа! Даже справочно-правовые системы, работающие с официальными версиями документов по договорам с государственными органами, не имеют информации о реквизитах этих документов и используют формулы «текст приводится в соответствии с публикацией на сайте». Это было бы объяснимым и верным, если бы документы содержали пометку «проект», но этого нет. Более того, отсутствуют какие бы то ни было данные об авторах этих документов [9]. Некоторые из этих документов, в частности, исходящие от Президента РФ, не утверждаются правовым актом Президента, а выходят в свет с пометкой «утверждено Президентом №... дата...» [10].

Такая ситуация недопустима с точки зрения юридической техники, это подрывает авторитет документов, исходящих от органов государственной власти, размывает степень их обязательности. Доктринальные (стратегические) акты, несмотря на специфический язык изложения и максимально обобщенный характер, должны приобрести определенную юридическую природу, стать обязательным основанием для издания федеральных законов и иных правовых актов. Такие документы, для повышения их эффективности, должны дополняться поручениями и указаниями органам и должностным лицам, подчиненным издающему субъекту, рекомендациями иным субъектам по приведению своей деятельности в соответствие с утвержденными доктринальными документами и разработке на их основе и в целях из реализации конкретизирующих нормативных правовых актов регулятивного характера в пределах своих полномочий и компетенции. Именно в таком качестве доктринальные (стратегические) документы должны войти в систему правовых актов РФ в качестве основного средства выработки отдельных направлений правовой политики.

1. Барсуков, А.Ю. Правовой прогресс как юридическая категория: учебное пособие / А.Ю. Барсуков; под ред. А.В. Малько. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2006. – С. 104.

2. Малько, А.В. Теория правовой политики: монография / А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 107–108.

3. Об обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «К председателю Правительства Российской Федерации В.А. Зубкову о проблемах увековечения памяти советских воинов, погибших на территории иностранных государств». Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 16 октября 2007 г. № 5216-4 ГД [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс»; О заявлении Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О ситуации вокруг республики Ирак». Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 16 октября 2007 г. № 5217-4 ГД [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс»; Заявление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 27 апреля 2007 г. № 162-СФ «В связи с ситуацией, сложившейся вокруг памятнику воину-освободителю в Таллине» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «Консультант-Плюс».

4. О регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 33-СФ (в ред. Постановлений СФ ФС РФ от 20.02.2008 № 46-СФ) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «Консультант-Плюс».

5. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Президентом РФ от 09.09.2000 г. № Пр-1895); Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (текст приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://www.kremlin.ru> по состоянию на 20.11.2013 г.); Основные положения Основ государственной политики Российской Федерации в области космической деятельности на период до 2030 года и дальнейшую перспективу (утверждены Президентом РФ от 19.04.2013 г.

Пр-906); Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Доступ из справ.-прав. сист. «Консультант-Плюс».

6. Пакет законодательной инициативы по организации национальной системы правовых актов в Российской Федерации. Подготовлен Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования / науч. рук. В.И. Якунин. – М.: Научный эксперт, 2010. – С. 7.

7. Маланыч, И.Н. Понятие стратегического нормативного акта как результата эволюции системы законодательства России / И.Н. Маланыч // Юридические записки Воронежского государственного университета. Вып. 22. Демократия и правовая система России: преимущества, достижения, противоречия. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2009. – С. 117–130.

8. Ирошников, Д.В. Понятие и классификация концептуальных и доктринальных документов Российской Федерации [Электронный ресурс] / Д.В. Ирошников, С.В. Нестеров // Правовая инициатива. – 2013. – № 7. – С. 7. Режим доступа: <http://49e.ru/ru>

9. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (текст приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://www.kremlin.ru> по состоянию на 20.11.2013 г.); Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» (текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://www.government.ru> по состоянию на 20.02.2013 г.); Стратегия развития авиационной промышленности на период до 2015 года (текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://www.minpromtorg.gov.ru> по состоянию на 04.04.2013 г.). // Консультант-плюс.

10. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Президентом РФ от 09.09.2000 г. № Пр-1895); Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 год (утверждены Президентом РФ 30.04.2012 г.); Основные положения Основ государственной политики Российской Федерации в области космической деятельности на период до 2030 года и дальнейшую перспективу (утверждены Президентом РФ от 19.04.2013 г. Пр-906); Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утверждены Президентом РФ 28.04.2011 Пр-1168).

КОНСТИТУЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ПЕРЕХОДНОГО ТИПА

А.Ю. Мордовцев

д-р юрид. наук, профессор

директор Саратовского филиала Института государства и права РАН

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

г. Владивосток

Таганрогский институт управления и экономики

г. Таганрог

Не только в современной теории государства, но и в рамках науки конституционного права формирование демократических политико-правовых институтов, как правило, связывают с принятием конституций, в которых, собственно, и фиксируются основные принципы народовластия, формы правления и устройства конкретного государства и т.п. В историческом плане, это, по сути своей, предполагает, что первые конституции возникли не ранее первых европейских буржуазных революций и являются «результатом долгой и тяжелой классовой борьбы между феодализмом и абсолютизмом – с одной стороны, буржуазией, крестьянами и рабочими – другой» [1].

Такой подход к проблеме генезиса и развития конституций (точнее «писанных конституций»), безусловно, имеет и исторические предпосылки, и собственную логику, вырастающую, естественно, из базовых постулатов классового подхода к праву, государству, обществу. Однако методологическое преодоление этого, весьма узкого по своим эвристическим возможностям типа понимания природы правовых и политических явлений убеждает в том, что, во-первых, формирование разного рода «демократий» изначально не было связано с процессом создания конституций, но являло собой самостоятельное проявление специфических социальных, духовных, социокультурных факторов и установок.

Так, «именно греки (вероятнее всего, афиняне) ввели в обиход термин «демократия»... Судя по всему, термин *демократия*, носивший оттенок недоброжелательности, употреблялся аристократами как эмоционально окрашенный эпитет и выражал презрение к простолюдинам, которые сумели оттеснить аристократов от управления государством» [2]. По мнению ряда современных исследователей

(Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко, А.И. Ковлер и др.), еще на уровне гуманитарной интуиции идеи о «гражданском равенстве» развивал софист Протагор, а первое употребление самого понятия демократия приписывают Фукидиду.

Однако это только один (афинский или «полисный») сценарий «демократизации» общества и государства. В Древнем Риме и формирование, и развитие демократических институтов, впрочем, и их упадок происходили, по иному, а именно в рамках имперской государственно-правовой парадигмы (римско-имперский вариант демократии).

Ряд современных западных правоведов и политологов (Х. Аренд, Л. Фридман, Ф. Фукуяма) серьезно полагают, что демократия суть американское изобретение и «родилась она 200 лет назад» в США, где действительно была связана с конституционными процессами и в результате достигла искомой цели – привела к либеральному «концу истории» (Ф. Фукуяма), когда борьба идеологий и разных моделей политико-правового развития общества уступила место конкуренции «стратегий эффективного удовлетворения потребностей человека и общества». Правда, вариантов «конца истории» (как и «заворотов истории») также более чем достаточно: до Фукуямы имели место философско-правовые идеи Г.В.Ф. Гегеля, видевшего «конец истории» в «шестивии Наполеона» и «обуржуазивании» социальных отношений, после Гегеля в этом же направлении А. Кожев представил свои наработки, связывая «конец истории» с «борьбой сталинской и фордовской» историй и т.п.

В общем же (отбросив разного рода философские интенции в этом вопросе), согласимся с Р. Далем, считающим, что «судя по всему, демократию, так же как и огонь, живопись, письмо, изобретали не однажды и не в одном месте» [2]. Возникали соответствующие условия (в сфере духа и в сфере «материи») и начинался процесс «демократообразования», идущий, разумеется, разными темпами и в разных формах, и дающий, естественно, отличающиеся результаты. Так что «либеральная демократия» не может быть единственным вариантом функционирования ее правовых и политических институтов, структур, не является некой «универсальной», а значит и не «венчает» собой «конец истории».

Во-вторых, вряд ли целесообразно ограничиваться исключительно позитивистской трактовкой национальных конституций (изучая, прежде всего, их в юридико-техническом контексте) и обходить вопрос о соотношении «юридических» и «фактических» конституций, поднятый еще Ф. Лассалем, считающим, что если «...писанная конституция не будет соответствовать фактической, действительной между ними неизбежно рано или поздно произойдет столкновение. Писаная Конституция, этот лист бумаги, этот акт, неизбежно побеждается конституцией естественной...» [3]. В этом плане, например, текст Конституции вполне может и не совпадать с содержанием реальных (в том числе, и демократических) процессов, не отражать правовой или политической специфики транзитивного общества, а значит и не быть юридическим вектором его дальнейшего развития.

Напротив, в истории имеют место случаи, когда писанная Конституция отсутствует, но национальное государственно-правовое поле адекватно исторически сложившимся социальным связям и институтам (от семьи до верховной власти). Так, Московская монархия имела, разумеется, свою неписаную конституцию, однако эта конституция свое торжественное выражение имела не в хартиях и договорах, не в законах, изданных учредительным собранием... а в том чисто нравственном убеждении, что порядок, устанавливающий характер внешней мощи государства и его распорядителей... установлен свыше, освящен верою отцов и традициями старины» [4].

В-третьих, практика показала, что глубоко неверно формировать и принимать писанные Конституции в условиях острого политического (цивилизационного, идеологического либо, вообще, системного) кризиса, причем, нередко кризиса самой демократии. В 1923 г. П.И. Новгородцев писал: «... демократический строй привел не к ясному и прямому пути, а к распутью... вместо того, чтобы быть разрешением задачи, демократия сама оказалась задачей» [5]. Например, можно ли в полной мере считать адекватной историческим, духовным, ментальным, социально-экономическим особенностям российской государственности принятую, что называется прямо в «жаркие дни» серьезного кризиса постсоветской демократической модели Конституцию РФ 1993 г.? Либо Основной Закон нашего государства стоит рассматривать как своего рода «временным актом» или «актом переходного периода» и т.п.

В этом же контексте в отношении Конституции РФ стоит заметить, что содержание этого важного нормативно-правового акта формировалось *вне* какой-либо четкой и ясной, национально выверенной *политико-правовой стратегии развития* нового отечественного права и государства: привычное для отечественного интеллектуального и духовного пространства *противоборство модернизаторско-либерального, западного, и консервативно-охранительного, славянофильского* (и не только) в период 1992–1993 г. не состоялось (советский период привел к практическому забвению многих славянофильско-консервативных идей, заменив их исключительно классовой версией государственно-правового развития, напротив, в это время «либерализм вошел у нас в моду. Никто не осмелился сказать у нас слово без либеральной приправы, всякий старается оправдать свои фантазии либеральными целями» [6]), а потому и вопрос о поиске способов нормативно-правового выражения русской идентичности (на публичном уровне, буквально,

несколько дней назад один из аспектов этой проблемы прозвучал в решении XVIII Всемирного русского народного собрания, 2014 г., указавшего на важность «нормативного закрепления статуса русского народа как государствообразующего, памятуя, что вокруг него сформировалась вся семья народов России») в Основном Законе России вообще не прозвучал.

Конечно, не так давно прошедшее 20-летие Конституции РФ является еще одним поводом не только для общего рассмотрения содержания ее статей, особенно в плане выявления «успехов» или «неудач» их действия в отечественном государственно-правовом пространстве, но и для историко-политической (конечно, в отмеченной здесь широкой трактовке этого способа, являющейся, по сути своей, *социально-политической*) интерпретации ее социокультурной праворегулятивной природы, национальной и нормативно-регулятивной специфики.

Нерешенность же этих вопросов в современной российской правовой литературе очевидна: большинство научных статей, докладов, монографических исследований, вышедших за последние годы, в том числе и к этой, эпохальной дате, были в основном посвящены юридико-техническим либо политическим проблемам конституционализма на рубеже XX–XXI вв., осмыслению места и значения Основного закона в государственном строительстве, критическому анализу советских конституций, на фоне которого и «высвечивался» прогрессивный характер Конституции 1993 г. и т.п.

В правокультурную же, правоментальную и историческую «подкладку» этого, безусловно, важно и знакового в истории постсоветской государственности документа (за редким исключением) никто «не посмотрел», не подверг скрупулезному изучению архетипические, социальные, культурные основания действующей Конституции, другими словами, не провел ее «этнокультурной экспертизы».

Правда, конечно, имели место и упомянутые здесь «исключения».

Так, например, Ю.С. Пивоваров серьезно полагает, что Конституция РФ не смотря ни на что «соответствует нашей политической ментальности». М.Ю. Урнов придерживается иного мнения и считает, что «... между идеями, содержащимися в Конституции, и нашей ментальностью лежит глубокая пропасть. Конституция, при всех ее недостатках, основана на либеральных ценностях... Что же касается массового сознания, то оно в настоящее время пребывает во власти глубочайшего авторитарного синдрома... Избавление общества от авторитарного синдрома и правового нигилизма и приближение правосознания к фундаментальным идеям Конституции может быть обеспечено ... только системным совершенствованием институтов власти и повышением правовой культуры» [7].

Конечно, трудно спорить с первой частью суждений М.Ю. Урнова, но сделанные им выводы, в принципе, повторяют уже ставшие привычными социальные мифы:

- а) исторически «укорененный авторитарный синдром» россиян;
- б) необходимость «переделки» национального политического и правового сознания (культуры, ментальности) под букву и дух «прогрессивной» Конституции РФ [8]¹.

Несомненно, большой интерес представляют и суждения одного из авторов Конституции РФ, С.М. Шахрая, который в полной мере справедливо указывает, что «Конституция – это не просто юридический текст. Конституция – это сложный, живой, постоянно работающий механизм... Конституция создает необходимые условия и одновременно разумные ограничения для свободы общественного и политического творчества. Это в свою очередь помогает постоянно адаптировать практику государственного и общественного управления к новым вызовам современности... А способность эффективно отвечать на вызовы, не изменяя самим себе, своей истории и своей культурной матрице, лежит в основе успешного развития и успешной конкуренции всех социальных систем...» [9].

Однако несколько ранее по тексту он отмечает, что «исторически сложилось так, что первые пять-семь лет после принятия Конституции 1993 года главным критиком нового Основного Закона была именно Государственная Дума, что серьезно тормозило претворение многих конституционных положений в жизнь... В таких условиях в середине 1990-х годов главным инструментом для продвижения идей и принципов Конституции стали Конституционный Суд Российской Федерации и Глава государства. Это были два института, которые сыграли, как сказали бы наши зарубежные коллеги, контрмажоритарную роль. «Контрмажоритарный» институт – это институт, который может законно противостоять воле большинства» [Там же].

Правда, С.М. Шахрай подробно не останавливается на рассмотрении и анализе причин, приведших к такого рода ситуации в российском политико-правовом пространстве первой половины 90-х годов XX в. Однако некоторые из них представляются вполне очевидными: стремление «продать» заимствованные политико-правовые нормы и институты в ткань национальной политической системы и тем самым

¹ Подобные предложения можно увидеть и у других исследователей. «Разумеется, никакая, даже самая совершенная конституция не создаст нового общества в России. Для этого нужно прежде всего кардинально изменить российский менталитет...»

пойти по пути «опережающего развития», когда *институционально-нормативная основа создается ранее*, чем этого требуют объективные процессы развития переходной и нестабильной экономической и политической системы, что, безусловно, приводит к отторжению многих конституционных положений со стороны, казалось бы, наиболее демократического органа государственной власти 90-х годов – Государственной Думы РФ, и, в конечном счете, порождает отмечаемые С.М. Шахраем «контрмэжоритарные меры», проявляющие стремление ряда представителей национальных властных элит к быстрому и механическому навязыванию России чужеродного политического и юридического мира.

Наверное, в период «проталкивания» либеральной модели реформирования в постсоветской России вряд ли кто-либо (в высших эшелонах власти) серьезно задумывался о том, что формирование и распространение, диффузия типов (или образцов) правовых институтов и институтов государственной власти идет далеко не в прозрачной среде, как говорится «с чистого», готового к любым рецепциям правосознания (конечно, в широком, непозитивистском его понимании), а в очень насыщенной, и даже «туманной» сфере мощного «поднормативного регулирования» – обычного, традиционного, религиозного, корпоративно-общинного и др. И простое наращивание формально-правовых конструкций, постоянное увеличение нормативного массива, количества разных законов не приводит к ощутимым положительным изменениям, а часто, вообще, выхолащивается, сводясь к простому декларированию и пустым пожеланиям. Вообще, наивно рассчитывать, что при столкновении закона и жизни, устоявшихся в социуме представлений, ценностных ориентаций и коррелирующих с ними потребностей и интересов граждан и их групп обязательно «победит закон».

В целом же, в общем теоретико-методологическом ракурсе рассмотрения правокультурной и исторической природы Конституции России необходимо выделить несколько важных (узловых) для сближения фактической и юридической конституций моментов:

1) властные элиты должны стремиться донести до сознания большинства населения знание базовых конституционных норм, порождаемое, прежде всего, через процесс качественного толкования последних;

2) нельзя уйти от проблемы морально-нравственного фундамента, необходимого для усвоения конституционных положений в современном российском обществе, с учетом его исторических, социокультурных, ментальных и иных основ;

3) через эффективно работающие институты правового образования, воспитания, в хорошем смысле, идеологический механизм осуществить систему мер по созданию российской властной элиты, мыслящей в лучших национальных государственно-правовых, державных традициях.

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 22. – С. 372.

2. Даль, Р. О демократии / Р. Даль. – М., 2000. – С. 17.

3. Лассаль, Ф. О сущности конституции // Конституционное право: хрестоматия / Ф. Лассаль; сост. Н.А. Богданова. – М., 1996. – С. 47

4. Алексеев, Н.Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи / Н.Н. Алексеев // Русский народ и государство. – М., 1998. – С. 529.

5. Новгородцев, П.И. Демократия на распутье / П.И. Новгородцев. – М., 1992. – С. 541.

6. Катков, М.Н. Идеология охранительства / М.Н. Катков. – М., 2009. – С. 298.

7. Конституция 1993 года как план будущего для России: материалы круглого стола. – М., 2009. – С. 61.

8. Чиркин, В.Е. Конституция: российская модель / В.Е. Чиркин. – М., 2002. – С. 11.

9. Шахрай, С.М. К 20-летию Конституции Российской Федерации: из истории российского конституционализма и государственного строительства / С.М. Шахрай // Вопросы правообразования. – 2013. – № 2. – С. 14, 15.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ СВОБОДОЙ СОВЕСТИ В СВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Т.В. Мордовцева

д-р культурологии, проф., магистр юриспруденции

Таганрогский институт управления и экономики

г. Таганрог

В истории права идея злоупотребления – *shikane* – обсуждалась еще римскими юристами, которые признавали возможность таких случаев, когда лицо, имеющее права, пользуется им не столько для достижения собственных интересов, сколько в целях причинения вреда другому лицу. С течением времени данная идея получила два основных аспекта понимания: первый – касался злоупотребления властью, т.е. теми

правами и полномочиями, которые возложены на уполномоченное лицо, второй аспект подразумевал злоупотребления гражданами своими субъективными правами и свободами.

В современной юридической науке нет однозначного мнения относительно использования термина злоупотребления правом, его отраслевой принадлежности и даже обоснованности его правовой природы. В основном, исследователи делятся на тех, кто признает наличие достаточных юридических признаков у категории «злоупотребление правом» и тех, кто их отрицает. Среди последних можно упомянуть С.Н. Малеина, уверенного, что злоупотребление правом не может быть отнесено ни к общей норме права, ни к продуктивной научной и теоретической идеи, поскольку «возможно одно из двух: если субъект действует в границах принадлежащего ему права – и тогда он не злоупотребляет своим правом, или он выходит за пределы установленные законом и таким образом, нарушая закон, не злоупотребляет правом, а совершает элементарное правонарушение, за которое должна следовать ответственность» [1. С. 160]. Несмотря на столь четкую позицию, понятие злоупотребления все же используется в различных отраслях права, где имеются такие нормы, как «злоупотребление должностным положением», «финансовые злоупотребления», «злоупотребление правом на проведение агитации» и т.д.

Сущностная основа злоупотребления правами заключается в конфликте между внешне правильным использованием лицом своих правовых возможностей и, в принципе, аморальным антиобщественным поведением. Достаточно отметить, что этимологическое значение слова «злоупотребление» ориентирует к анализу философских категорий зла, добра, справедливости, должного, т.е. к системе понятий, на которых основан дух закона. Вероятно, именно эта сверх идея права и закона обусловила появление позиции, согласно которой злоупотребление правом, должно находиться в сравнительном ряду типов правового поведения – правомерного и противоправного.

Как писал Жан-Луи Бержель о соотношении «буквы» и «духа» права, «есть случаи, когда какие-то лица по форме соответствуют существующей правовой системе, но, придавая своим действиям полную видимость юридической правильности, на самом деле используют свои права, отдельные правила или институты в целях, противоположных тем, которые преследуются позитивным правом. То есть они следуют букве права, но нарушают его дух. Поэтому именно дух права должен быть в центре внимания, поскольку дух есть синоним естественной направленности, или конечных целей, на которых основывается любая юридическая система» [2. С. 441]. Продолжая эту мысль, он утверждает, что за такие формы поведения, которые не нарушают «буквы» объективного права, но противоречат духу права, следует наказывать, поскольку они связаны с правовым злоупотреблением и мошенничеством.

Сходное представление развивал болгарский правовед Я. Янев, в 80-х гг. XX века он относил данное явление к типу осуществления права, находящегося в противоречии с целями и предназначением права. По его мнению, необходимо не только отличать правомерное поведение от правонарушения, но и видеть различия в злоупотреблении правом и правонарушении. «Когда действия или бездействия ни прямо, ни косвенно не нарушают правовых норм и принципов права, но находятся в противоречии с принципами морали и правилами социалистического общежития, нарушают эти правила, в отношении которых закон требует, чтобы они уважались и соблюдались, то в принципе это будет злоупотребление правом» [3. С. 184]. Поэтому злоупотребление правом сводится к тому, что по форме данное явление правомерное, а по сути – аморальное.

Отталкиваясь от этого и других подходов к определению злоупотребления правом, современный российский правовед А.А. Малиновский отмечает, что исследование злоупотребления правом должно осуществляться не только с помощью традиционных критериев «правомерности-неправомерности», но также и с точки зрения цели права, возможности его использования во вред общественным отношениям, осуществления в противоречии с его назначением» [4. С. 27]. Он вводит критерии квалификации деяния как злоупотребления правом, признавая при этом, что вопросы квалификации, при отсутствии четких признаков злоупотребления в качестве общей нормы права, вызывают серьезные сложности, но не исключают теоретического интереса к данной проблеме.

По мнению А.А. Малиновского, для того, чтобы установить, является ли конкретное деяние злоупотреблением права, необходимо утвердительно ответить на следующие вопросы: 1) обладает ли субъект конкретным правом, 2) совершил ли он действие по осуществлению своего права; 3) осуществлено ли субъективное право в противоречии с его назначением и 4) был ли причинен вред личности, обществу, государству в результате осуществления права? Таким образом, он признает, что злоупотребление правом возможно, как минимум, при наличии субъективного права и свободы выбора способов его реализации.

Исследовательская позиция А.А. Малиновского представляет интерес еще и потому, что он раскрыл особенности злоупотреблений правом в сфере свободы совести и вероисповедания, хотя выбранные им для анализа примеры с трудом поддаются правовому анализу, поскольку указывают на явления внутреннего самочувствия и духовного самосознания верующего человека. В общем, он анализирует шесть основных ситуаций злоупотреблений правом, последовательно доказывая, что описанные в них деяния

могут быть квалифицированы именно как злоупотребления правом в двух формах – правомерного и противоправного поведения.

В качестве примеров злоупотреблений свободой совести, приводимых российскими правозащитными организациями, отстаивающими интересы малочисленных религиозных объединений, прежде всего протестантского направления, отмечаются факты воспрепятствования деятельности религиозной организации в совершении религиозных обрядов, проведении религиозных встреч и т.п. со стороны представителей правоохранительных органов по причине признания данных групп экстремистскими. В этой связи необходимо особо отметить, что обвинения в экстремизме становятся наиболее распространенным примером злоупотребления властью в отношении к малочисленным религиозным объединениям. В списке экстремистских организаций, публикуемых Минюстом России, по состоянию на 20 апреля 2013 г. числится 1802 пункта, среди которых упоминаются печатные издания, сайты религиозных организаций, решение по которым принимали городские, районные, краевые, областные суды, а также давались определения Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, послужившие основанием для мер предупредительного характера со стороны уполномоченных органов. Однако, по мнению аналитиков и правозащитников, обвинения в экстремизме довольно часто носят популистский характер и служат средством идеологической борьбы власти с неправославными объединениями как способом поддержки и демонстрации лояльности власти к официальной позиции РПЦ. Широкой огласки получили решения Европейского суда по правам человека в отношении к религиозному объединению «Свидетелей Иеговы», который вынес оправдательное решение, что, тем не менее, не привело к исключению преследований и вмешательств во внутреннюю жизнь организации по-прежнему включенной в списки экстремистских. Следствием обвинений в экстремистском характере религиозных объединений, как правило, являются злоупотребления в запрете мессианской деятельности и прозелитизма.

Перечень проблем, относимых к фактам злоупотребления свободой совести, будет не полным, если оставить без внимания противоречия между тенденцией клерикализации российского общества, включая властные структуры, и сохранением светским принципов государственности. Перспективы распространения угрозы клерикализации российской государственной власти все чаще обозначаются исследователями как реальное противоречие конституционным гарантиям защиты принципов светского государственного устройства. Несмотря на кажущуюся очевидность несоответствия клерикальных устремлений власти ее светским императивам, в научно-теоретическом плане данная проблема представляет особый интерес.

Как отмечается в одном из современных исследований, «в юридической науке государство светского типа рассматривается как мировоззренчески нейтральное, в отличие от клерикального государства, в котором церковь имеет государственный статус, пользуется огромными привилегиями и является влиятельной политической силой, или теократического государства, наделяющего церковную иерархию всей полнотой власти» [5. С. 42]. Однако такое деление, хоть и наиболее ясное и простое, оспаривается в связи с наличием множества особенностей и исключений. Так, например, И.В. Понкин, предлагает более широкую типологию государств по критерию светскости. Он считает, что большинство современных государств, даже те, которые не закрепляют в Конституции своей страны соответствующий официальный статус, являются светскими, но при этом они значительным образом отличаются по характеру реализуемых в этих государствах моделей отношений с религиозными объединениями. К тому же термин «клерикальное государство», по его мнению, является не вполне удачным, т.к. в современном значении клерикализм адресует к именованию политического направления, которое широко использует религию и церковь для усиления воздействия на все сферы общественной жизни. Поэтому И.В. Понкин, разделяя государства на светские и не светские, предлагает свою типологию моделей светского государства, включая в нее: эквипотенциальную, преференциальную, контаминационную и идентификационную модели [Там же. С. 171].

Из всех моделей светского государства, предложенных И.В. Понкиным, очевидное сходство с современной ситуацией в российском формальном и неформальном праве имеет идентификационная модель, при которой оказывается вполне допустима позиция выделения религиозных объединений, отражающих гражданскую, национальную, культурную идентичность большинства граждан. Если в преференциальной модели (светского государства!) глава государства может быть одновременно и главой религиозной организации, то в идентификационной модели это недопустимо, что как раз и соответствует российским реалиям. Тем не менее, государственная власть, особенно в лице органов местного самоуправления в тех регионах, которые исторически имели прочные связи с культурно-религиозными традициями при формировании светских принципов жизненного уклада коренного населения, вошедшего в состав титульного народа, как например, Татарстан, Адыгея, Бурятия, Башкортостан, Дагестан, Ингушетия, КБР, КЧР и т.д., вполне оправданно и не нарушая светских основ государственности, может выражать свою принадлежность к соответствующей религии.

В логике этого принципа можно рассматривать инициативу власти о введении в России законодательных актов, защищающих чувства верующих, которые противоречат принципам отделения и невмеша-

тельства государства в религиозную жизнь. Обсуждение законопроекта о защите чувств верующих вызвало критику по поводу светских основ российской государственности на том основании, что ни церковь, ни иные религиозные объединения, не могут оказывать воздействие на принятие решение о реализации правовых механизмов в защиту каких-либо религиозных интересов. Если такой закон вступит в силу, то он разделит светское общество не только по принципу верующий-неверующий, но и верующий-инаковерующий. Таким образом, постулируемая в данных инициативах защита государством чувств верующих становится препятствием для реализации конституционной нормы свободы совести, что открывает путь для новых злоупотреблений правом.

Клерикальный характер законодательной власти сказывается на исключении религиозных объединений и организаций из числа «иностранных агентов» в законе «О некоммерческих организациях», хотя очевидно, что некоторые из них имеют регулярную поддержку и финансовую помощь из-за рубежа.

Таким образом, государственная власть в отношениях с религиозными объединениями не выдерживает «духа» закона о светских основах общества, а также игнорирует принцип равенства религий, что, безусловно, следует отнести к форме правомерного злоупотребления, соответствующего «букве» закона.

1. Малейн, Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность: монография / Н.С. Малейн. – М.: Юрид. литература, 1985. – 182 с.

2. Бержель, Ж.-Л. Ощая теория права / Ж.-Л. Бержель; пер. с фр. Г.В. Чуршуква; под ред. В.И. Даниленко. – М.: Nota bene, 2000. – 575 с.

3. Янев, Я. Теория социалистического права / Я. Янев // Советское государство и право. – 1975. – № 1. – С. 110.

4. Малиновский, А.А. Злоупотребление в гражданском праве России / А.А. Малиновский. – М., 2002.

5. Понкин, И.В. Проблемы государственной политики в сфере противодействия экстремистской деятельности: учеб. пособие / И.В. Понкин. – М., 2011. – 311 с.

ТРАДИЦИОННОЕ ГОСУДАРСТВО: ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

В.Я. Любашиц

д-р юрид. наук, зав. каф. теории и истории государства и права

Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону

Формирование государственности у народов мира шло разными путями. Первой страницей в истории постпервобытного общества является длительная эпоха государственности народов, живших в IV тыс. до н.э. – I тыс. н.э. на территории Северо-Восточной Африки, Передней, Южной и Восточной Азии, в бассейне Средиземного моря. Первые государства возникли на базе рабовладельческих цивилизаций Древнего Востока – в Египте, Месопотамии, Малой Азии, Индии, Китае. Наивысшего развития рабовладельческое государство достигло в античную эпоху – эпоху расцвета рабовладельческой античной государственности на Балканском полуострове, на побережье Малой Азии, островах Эгейского моря и на Апеннинском полуострове – в Древней Греции и Древнем Риме.

Первая государственность на земле, возникшая на Древнем Востоке – в Египте, Вавилоне – отличается особыми закономерностями, обусловленными спецификой египетской, вавилонской и иных современных им цивилизаций [1; 2]. Возникновение государства на Древнем Востоке характеризуется следующими основными чертами:

– сохранением основных экономических и социальных структур первобытного строя (земельная община и слабое развитие индивидуальной собственности на землю; значительная роль коллективной собственности, в частности, коллективной собственности на рабов, которые принадлежали в основном государству, храмам);

– наличием институтов патриархального быта, а в отдельных странах – даже следов матриархата;

– первобытными формами рабства с сохранением домашнего рабства, где у раба имелась возможность пользоваться и распоряжаться своим имуществом и даже заводить семью.

Таким образом, для первой формы государственности, возникшей, в частности, в рамках египетской цивилизации, характерно появление государства (получившего в литературе название древневосточной деспотии) при отсутствии частной собственности на землю и, соответственно, отсутствии классов в понимании их как групп людей, разнящихся отношением к основным средствам производства. Первые государства на Древнем Востоке были доклассовыми.

В эволюции послепервобытных обществ можно выделить группу первичных и вторичных государств. В благоприятных природно-климатических зонах в результате собственного независимого развития возникали первичные государства.

О «первичных» государствах в Месопотамии, Месоамерике, в Горном Перу пишет, в частности, А.Б. Венгеров: «Поселок (селение), в котором живут свободные общинники-земледельцы и который выделился в религиозный и хозяйственный центр из группы первоначальных селений, постепенно перерастает в административно-хозяйственный и религиозный центр-город-государство. Вместе с прилегающей к нему небольшой сельскохозяйственной местностью он становится городом-государством. Такой город-государство знает уже социальную дифференциацию, имущественное расслоение; разделение труда закрепляется территориально; формируется первоначальный аппарат управления. При этом формируются три центра управления, административного и идеологического лидерства: городская община, дворец и храм, что приводит к созданию разветвленного бюрократического аппарата.

Необходимость учитывать потребность свободных земледельцев-общинников – основной социальной и производительной силы раннеземледельческого общества – в земельных угодьях, в воде, ирригационных сооружениях, определять вклад в общественные работы (строительство каналов, мостов, дорог), создавать и учитывать общественные фонды, поступление дани, налогов, вести учет запасов и многое другое объективно привело к возникновению в первых городах-государствах разветвленных информационных систем, в которых фиксировались самые разнообразные сведения вплоть до данных о каждом члене соответствующей семьи» [3].

Таким образом, первичные государства либо опережали в своем генезисе такие фундаментальные социальные процессы, как формирование институтов «частной» собственности и классовообразование, либо эти процессы шли параллельно, хотя и тесно взаимосвязанно. «На самых первых, зачаточных этапах своего возникновения первичное государство, – пишет А.Б. Венгеров, – возникало одновременно с разделением общества на ранние классовые структуры – знать, зажиточных горожан, свободных общинников-земледельцев, ремесленников, зависимых лиц. Первичный аппарат складывался, как правило, из социальных структур управления земледельческой общины, но по своим функциям и отношению к общине, к прилегающим селениям он становится уже аппаратом города-государства. Классовая природа первичных государств четко определяется лишь с течением времени, когда расслоение общества и классовообразование приводили к захвату государственного аппарата господствующим классом и приспособлению его к своим интересам и нуждам» [3; 4; 5].

Вторичные государства возникали рядом с первичными и под влиянием последних заимствовали те или иные институты или структурные принципы. Нередко соседи развитых центров осуществляли захват и распространяли свои структуры на уже существующую общественную стратификацию, создавая «суперстратификационное» общество. Чаще всего это наблюдалось при завоеваниях земледельческих цивилизаций кочевниками – скотоводами.

Другой исторический путь образования государства олицетворяют собой древние Афины и Рим. Для античной государственности характерно становление через последовательное разложение родовой организации власти в ходе перехода от коллективной к частной собственности на землю и орудия производства. Так, на территории Аттики (Греция) до VIII века до н.э. был первобытнообщинный строй. Племена – филы, населявшие Аттику, управлялись такими органами – племенной вождь (басилевс), совет старейшин, народное собрание. По мере разделения труда, развития денежного хозяйства родовые связи разлагаются. Свободные общинники теряют землю, растет долговая кабала. Увеличивается число рабов, в том числе за счет военнопленных. Родовые органы преобразуются в органы государства: функции басилевса переходят к 9 архонтам (старейшинам), выбираемым ежегодно из знати; племенной совет старейшин заменяется ареопагом, состоявшим из бывших архонтов; народные собрания, хотя и остаются, но теряют свое значение, вместо родовых (этнических) фил вводится территориальное деление; учреждаются новые органы (совет пятисот, коллегия стратегов), избираемые свободным населением вне связи с родовыми отношениями. Аналогичные процессы образования государства, с известной спецификой, шли в Древнем Риме. Как отмечается в литературе, возникновение рабовладельческих античных государств отнюдь не является универсальным путем формирования государственности, а отражает специфическую форму образования государственности, характерную лишь для Древней Греции и Древнего Рима, их уникальных цивилизаций. Более того, предметом острых дискуссий сегодня является вопрос о том, является ли античный полис государством? М. Берент считает, что полис был «безгосударственным обществом». По его мнению, афинский лидер не занимал никаких формальных постов и не имел в своем распоряжении государственного аппарата принуждения [6]. Лишь диктатуру Суллы, правление Помпея, первый триумvirат, правления Цезаря, Августа можно отнести к государству, как считает сторонница данной позиции – отечественная исследовательница Е.М. Шгаерман.

Таким образом, эволюция общественной власти в родовой общине в государственную власть не есть одномерная конструкция. Образование государства – многолинейный, многовариантный процесс. Так, пока недостаточно изучен вопрос о специфике происхождения государственности у восточных сла-

вян, о закономерностях их государственности. При разложении первобытного общества, как правило, образуется «архаичное государство», основанное на так называемом «азиатском способе производства» (Древний Восток, Африка, Америка, Океания). Как отмечается в литературе, «возможен и другой вариант развития, особенно характерный для Европы: первобытнообщинная формация при своем разложении дает прафеодальную формацию, которая лишь затем переходит в настоящий феодализм» [7].

Сложность и неоднозначность конкретно-исторических процессов формирования государства обусловила различные точки зрения в науке на объяснение универсальных причин его появления.

Это вполне естественно и понятно, ибо каждая из них отражает или различные взгляды и суждения разных групп, слоев, классов, наций и других социальных общностей на данный процесс, или взгляды и суждения одной и той же социальной общности на различные аспекты данного процесса возникновения и развития государства и права.

На процессы политогенеза оказывают влияние как эндогенные, так и экзогенные факторы. К ним можно отнести: увеличение прибавочного продукта, новые технологии, войны и завоевания, торговлю [8].

В научной литературе существуют два основных подхода к объяснению ранней государственности. Один из них принадлежит уже упоминавшемуся выше Э. Сервису По «интегративной» версии государство возникает как результат преобразования управленческих структур усложняющегося общества. Здесь уже наличествует сложная экономическая и социальная инфраструктура. В число признаков включается высокоразвитое и специализированное ремесло и торговля, крупное монументальное строительство, появление городов, письменности и права [9]. Согласно второй – «конфликтной», автором которой являлся М. Фрид, государство как организация предназначена для стабилизации отношений в сложном стратифицированном обществе. Конфликтное объяснение происхождения государства исходит из отношений эксплуатации, классовой борьбы, войны и межэтнических противоречий [10]. К этой версии примыкают и марксистки ориентированные исследователи. Интересной в этом споре является позиция Н.Н. Крадина. Он, как нам представляется, прав, когда отмечает, что «в реальности и интеграция и конфликт одновременно присутствует в природе государства» [11]. Действительно, оно (государство) к важным социальным функциям относит защиту своих жителей от внешних врагов, преступников, осуществляет организационные функции и др. Одновременно политическая власть распоряжается ресурсами и различными благами и создает тем самым статусное неравенство.

Традиционное государство в литературе по-другому еще называют «архаическим», или «ранним». В отечественной научной литературе оно имело название «раннеклассовое общество». В зарубежной политической антропологии разработкой теории раннего государства активно занимался Х.Дж. Классен. Ему и его соавтору П. Скальнику принадлежит классическая работа «Раннее государство» (1978), в котором дается такая характеристика государства: это – централизованная социополитическая организация для регулирования социальных отношений в сложном стратифицированном обществе, разделенном на два основных страта или класса, – управителей и управляемых, первые из которых осуществляют политическое господство, а вторые имеют даннические обязанности [12].

В этой же работе они предложили типологию ранних государств: «зачаточное», «типичное», «переходное». Каждому из них соответствует определенная степень зрелости. «Зачаточному» типу государства соответствовало доминирование клановых связей и существование должностных лиц за счет доли редиистрибуции; отсутствие правовой кодификации и специальных судебных органов; недостаточное развитие аппарата управления. «Типичному» – сохранение линижда (группы однолинейных родственников) с переходом к внеклановой управляющей подсистеме; появление зафиксированного свода законов, специального аппарата судей, специальных чиновников. В «переходном» раннем государстве преобладает уже назначение на должность в аппарате управления, выплачивается жалование чиновникам вместо существовавшей практики «кормления»; имеется судейский аппарат, решающий все вопросы правотворчества; функционирует система налогообложения; основные сферы жизнедеятельности контролируется чиновничьим корпусом [Там же. С. 641].

Современные специалисты выделяют различное число критериев, свидетельствующих об отличии государства от предшествующих организаций.

С. Надель использовал три критерия различения: во-первых, территориальную суверенность; во-вторых, централизованный аппарат управления, который обеспечивает защиту закона и поддержание порядка; в-третьих, существование специализированной и привилегированной правящей группы или класса, отделенной своим статусом и организацией от всего остального населения.

Отечественный исследователь Ю.В. Павленко выделяет две модели ранних государств, которые отличаются друг от друга по выполняемым функциям. Один тип ранних государств был назван точечным, другой территориальным. Точечные государства представляли собой города-государства (древнеегипетские и древнешумерские «номовые государства» третьей фазы по И.М.Дьяконову). Древнешумерское государство разделялось на два сектора: крупные хозяйства, которые вышли из-под ведения общинных органов самоуправления и которыми (хозяйствами) владели храмы и верхушка должностных лиц. Во второй сектор входили земли, принадлежавшие больше семейным общинам во главе со своими патриархами. Пе-

пераспределение продукта происходило через города, в которых действовала государственная администрация. Обмен как на внутреннем, так и на внешнем рынке происходил как обмен дарами или на основе неэквивалентной «взаимопомощи», то есть в виде хозяйственно-редистрибутивной деятельности.

Территориальные ранние государства являли собой крупные политические общности, центром которой был город – столица, окруженная экономически независимыми провинциями (удельными княжествами). Прибавочный труд в них, в отличие от первого, точечного государства (с его организационно-экономическими и хозяйственно-редистрибутивными функциями), изымался на основе редистрибутивно – даннической эксплуатации.

При наличии разных подходов в оценке критериев, признаков традиционного государства, мало кто из исследователей настаивает на универсальных показателях. Тем не менее традиционно принято выделять три главных признака государственности, включая и ее ранние этапы: территориальное деление, налоги и формирование аппарата власти и управления. Мы проанализируем четыре основных признака в последовательности, несколько отличающейся от привычной.

Выявление признаков государства можно осуществить как путем анализа признаков, в которых проявляется его социальное назначение, особая роль в обществе (так называемые функциональные признаки), так и путем характеристики признаков, в которых выражается специфика внутренней организации власти (так называемые структурные признаки).

Исторически первым признаком складывающегося государства стала замена родоплеменной организации населения территориальной [13]. Последняя была обусловлена принципиально новым характером связи производящего хозяйства, вызванного к жизни неолитической революцией, со своими природными предпосылками, интенсивным развитием обмена и локализацией (в ходе дробления племен и народов) недвижимости, земли и построек как объективных предпосылок общественного производства. По мере того, как углублялись имущественные и социальные различия, территория, на которой осуществлялось производство, выступала уже не столько как предпосылка, сколько как место «действия» общественного труда. Это закономерно порождало вытеснение кровнородственных связей, мешающих дальнейшему развитию производительной силы труда, производственно-территориальными связями, вытекающими из общности экономических интересов.

Генезис территориальной организации населения К. Маркс прослеживает в книге Моргана главным образом на примере Греции и Рима. В отличие от древневосточных цивилизаций, разнообразие природных условий в Средиземноморье способствовало бурному развитию разделения труда, ремесел и обмена. Фокусом политической жизни здесь стали города, куда стекались и где перемешивались осколки разных родов, племен, этнических групп (народов). Перенесенные в новые условия (опосредованного обобщения и представительной формы выражения общей воли) характерные для родоплеменной общности стереотипы коллективного обсуждения наиболее важных дел породили специфические структуры античной рабовладельческой демократии собственников средств производства. Связанную с этим роль города как эпицентра складывающейся политической жизни, публичной борьбы противоположных интересов (а не только мнений), выработки социальных компромиссов и т.п. не упустил из своего поля зрения К. Маркс. Выписывая в конспект мысль Моргана о длительном (около трех столетий) периоде, в течение которого в Древней Греции «совершался переход от родовой организации к политической (гражданской)», Маркс добавляет в скобках: «Он должен был бы сказать, что термин «политический» употреблен здесь в аристотелевском смысле: политический – городской и политическое животное – горожанин» [14].

В этой реплике помимо уточнения, существенного для понимания мысли Моргана, заключена важная мысль: развитие родовой организации в направлении государства, как уже отмечалось выше, не исчерпывается греко-римским (полисным) вариантом. Очевидно, там, где основой хозяйственной жизни является деревня, а главной социальной ячейкой община (как у кочевых народов) процесс генезиса государства протекает в русле общих закономерностей, но иными, нежели в греко-римском мире, путями.

Смена родовой организации социального управления политической, государством – не одномоментный акт, а постепенный, длительный процесс, полный противоречий и драматизма.

Разделение населения по административно-территориальным единицам и распространение государственной власти по территориальному принципу означает не только возникновение государственной организации, но и начало процесса складывания отдельных стран. Территория, важнейшие параметры которой, в свою очередь, определяются географией и месторасположением, имеет немаловажное значение для исторических судеб и перспектив любого государства или народа. Более того, в древнейший период истории человечества, когда природа в буквальном смысле слова продолжала диктовать людям формы жизнеустройства и хозяйственной организации, географический фактор играл определяющую роль в жизни людей и государств.

При этом важно учесть, что география и месторасположение имеют множество аспектов, таких, как размеры и масштабы территории конкретного государства, место его расположения, топография, климат, условия для сельскохозяйственного производства, наличие природных ресурсов, доступ к морям и океанам и т.д.

Эти аспекты определяют целый ряд параметров, которые указывают на потенциальные и реальные возможности государства, определяющие его место среди других государств.

Как показывает исторический опыт, сама земля, территория государства составляет тот стратегический ресурс, который по значимости, возможно, превосходит все остальные ресурсы.

По мнению Л. Дюги, «характер государства может и должен признаваться только за коллективностью, располагающей политической властью и обитающей на определенной территории» [15]. Поэтому неудивительно, что само понятие политической власти с самого начала отождествлялось с отправление власти на определенной территории и с самой этой территорией.

Второй признак государства связан с учреждением особой публичной власти, которая непосредственно с интересами населения не совпадает [16]. В родоплеменном сообществе существовала родовая патерналистская власть (от лат. *potestas* – сила, мощь), сущность которой – жестокое принуждение. Она распространялась только на сородичей и осуществлялась по кровнородственному признаку, ей подчинялись только члены рода в силу их личной зависимости от коллектива. Власть же публичная распространяется по территориальному принципу, она подчиняет всех, кто находится на определенной подвластной территории. Эти «все» представляют подвластный народ, население, «публику», совокупность абстрактных объектов власти (подданных или граждан). Для публичной власти неважно, связаны подвластные кровнородственными или национальными узами или нет. Публичной власти на ее территории подчиняются все граждане. Любая власть, в том числе государственная, – это особая функция по руководству, управлению и координации волевых действий людей. Проявляясь в них, государственная власть не сводится только к этому. Она есть нечто большее. Государственная власть ведет к установлению таких отношений, в которых она выступает как высший авторитет, добровольно или вынужденно признаваемый всеми членами социального сообщества, сложившегося на данной территории. Властное руководство предполагает, с одной стороны, возможность носителей властных функций определять поведение людей, с другой – необходимость подвластных подчинять свое поведение властному повелению. Подчинение – следствие как убеждения, так и принуждения. Власть, подчеркнем еще раз, – это сила, которая способна подчинять. Утрата этого качества вызывает паралич власти со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Различные установки обуславливают разные причины подчинения подвластных государственной воле. Такое подчинение может быть следствием: применения прямого принуждения или угрозы его применения; вознаграждения или ожидания вознаграждения за подчинение государственной воле; приспособления целей подвластных к государственной воле; отождествления их целей с государственной волей; наконец, привычки. Все эти факторы, разумеется, в действительности сочетаются и переплетаются друг с другом, выступая как система социальных мотивов повиновения государственной воле. Однако это никоим образом не исключает того, что какой-либо из перечисленных факторов в конкретной ситуации приобретает приоритетный характер.

Власть – неотъемлемое свойство человеческого сообщества. Как социальное явление она представляется в виде совершенного и объективного регулятора общественных отношений. Будучи порождена ими, власть в свою очередь выступает в роли инструмента организации общества, утверждения дисциплины и порядка в нем [17].

Совместная деятельность в любом обществе обусловлена тем, что люди никогда не жили изолированно друг от друга, общение составляет необходимое условие существования людей. Поэтому генезис власти следует искать в самой необходимости человеческого общежития. Именно в таком общежитии возникает психологическая потребность подчинения индивида единой общественной воле, появляется чувство зависимости, состояние подвластности на одной стороне и чувство властолюбия, воля к власти – на другой.

Конечно, явление властности не есть только психологический феномен, оно возникает под влиянием социальных условий жизнедеятельности как общественная функция по руководству трудовым процессом. В самом общем виде власть рассматривается как функция любого организованного коллектива людей по налаживанию их совместной деятельности с помощью особых методов (убеждения или принуждения) для достижения определенных целей. В этом состоит восприятие власти как социальной функции, которая была присуща еще первобытному обществу: общественная власть племени, фратрии, рода, осуществляемая советами старейшин родов и племен, народными собраниями (типа древнегреческой агоры) и т.п. Такая власть не отделяется от ее источника и носителя, выражает общие интересы и потребности общества и применяется для руководства его общими делами.

Таким образом, в качестве основных признаков власти как таковой (в социальном смысле слова) прежде всего необходимо отметить ее особую общественную функцию. Именно функциональный подход позволяет отграничить наиболее общее понятие власти от иных, частных ее проявлений, характеризующих те или иные формы властной деятельности (власть как отношение господства и подчинения, как властеотношения и т.д.). Такой подход обеспечивает выделение власти в относительно самостоятельную сферу, отличную от других видов общественной деятельности. В пределах указанной сферы формируются

коллективный носитель власти – стойкая, организационно оформленная общественная структура в лице той или иной ячейки общества (семьи, общественной организации и т.д.), наконец, народа как универсальной общности людей.

С появлением государства власть отчуждается от общества и становится отличительным признаком любого государства, приобретая политический характер. Это значит, что власть, как социальная функция, преобразуется в политическую власть.

Есть различные подходы к пониманию ее природы. Некоторые современные авторы (Р. Даль, П. Кальверт и др.) считают, что она предшествует государству и существует в любом коллективе – профсоюзе, клубе, племени, фирме и т.д. Марксистская теория связывает политическую власть с появлением классов и государства. Есть и другие взгляды, но обычно политическую власть связывают с борьбой социальных групп за распределение социальных ценностей в социально-асимметричном обществе (политика как способ перераспределения социальных статусов в обществе).

Поскольку лица, образующие особый аппарат политической власти, управления и суда, не принимают непосредственного участия в производстве материальных благ, они нуждаются в материальных средствах для своего содержания. Эти средства взыскиваются с населения в виде налогов и займов, что является третьим признаком государственной организации общества.

Древнее общество не знало этого института, так как не располагало аппаратом управления и прямого принуждения, который, не участвуя в процессе производства, становился в обществе «иждивенцем». Привилегии должностных лиц являются средством обеспечения их поведения и деятельности в интересах экономически господствующих социальных групп.

Налоги всегда были главным источником пополнения казны. Под налогами обычно понимаются обязательные платежи, устанавливаемые и взимаемые государством со своих подданных.

И еще несколько слов необходимо сказать о праве как особом регуляторе общественных отношений. Важным четвертым признаком государства является выражение воли господствующего класса, социальных групп в нормах права и, таким образом, придание этой воле общеобязательного характера [18].

Предшествовавший строй не только не знал, что такое право и обязанность в юридическом смысле слова, но и вообще самого деления на права и обязанности.

На известной весьма ранней ступени общественного развития возникла потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена и позаботиться о том, чтобы отдельный человек подчинялся общим основным требованиям общественной жизни. Эти правила, вначале выражавшиеся в обычае, постепенно превращались в закон. Правовые обычаи и законы постепенно складывались в систему права. Соблюдение норм права обеспечивается при необходимости государственным принуждением.

С древнейших времен, с самых первых памятников права – законов, уставов, сборников правовых обычаев и судебных решений, других юридических документов, – сквозь вязь противоречивых элементов, когда правовую ткань порой разрывают классовые интересы, политические страсти, а то и своеволие, произвол правителя – законотворца, в нем неизменно проступает исконное (что находит выражение в самом факте введения и поддержания общеобязательных норм, юридических процедур, одинаковых для всего населения решений) – нацеленность на установление единого, стабильного, целесообразного порядка поведения людей, разумного разрешения конфликтов, учет интересов различных лиц, участников данных отношений, защищенность и гарантированность их прав.

Подведем итоги. Традиционное государство можно характеризовать как специфическую форму политической организации, поскольку в ней содержатся все институты, обеспечивающие управление всем обществом и его сохранение, а также имеется монополия на законное обращение к силе и употребление высших санкций, не допускающих апелляции.

Общество ранней государственности определяется как централизованный институт, который уже в состоянии принуждать население к труду и войне (Карнейро), а также имеет монополию на легитимное насилие на территории (Вебер). Государство готово выполнять ключевые функции, связанные с организацией военной силы, по поддержанию легитимности социального порядка.

Основными признаками традиционного государства, которое уже не может быть противопоставлено коренным образом другим, более зрелым историческим формам государства, являются, во-первых, территориальный принцип; во-вторых, публичная власть или особый аппарат управления; в-третьих, налоги и займы и, в-четвертых, право как особый регулятор общественных отношений.

1. История политических и правовых учений. Древний мир / под ред. В.С. Нерсесянца. – М., 1985; История политических и правовых учений / под ред. О.В. Мартышина. – М., 2003.

2. Графский, В.Г. Всеобщая история государства и права зарубежных стран. Т. 1. Древний мир и средние века / В.Г. Графский; под ред. проф. С.Н. Медведева, доц. С.О. Звонков. – М.; Ставрополь, 2003. – С. 17–106.

3. Венгеров, А.Б. Значение археологии и этнографии для юридической науки / А.Б. Венгеров // Советское государство и право. – 1983. – № 3. – С. 32.
4. Бутенко, А.П. Государство: его вчерашние и сегодняшние трактовки / А.П. Бутенко // Государство и право. – 1993. – № 7. – С. 13–17, 19.
5. Мамут, Л.С. Государство: полюсы представлений / Л. Мамут // Общественные науки и современность. – 1996. – №4.
6. Berent M. The Stateless Polis: the Early State in the Ancient Greek Community. Alternatives of Social Evolution / Ed. By N.N. Kradin, A.V. Korotaev et all. Vladivostok, 2000. P.229.
7. Захаров, А. Еще раз о теории формаций / А. Захаров // Общественные науки и современность. – 1992. – №2. – С. 51.
8. Любашиц, В.Я. Государство и общество: опыт системного анализа / В.Я. Любашиц // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2002. – № 3.
9. Service E. 1975. Origins of the State and Civilization. N.Y.: Norton. Thapar R. 1981. The State as Empire // The Study of the State I Ed. by H.J.M.Claessen and P.Skalnik. The Hague: 409-426.
10. Fried M. 1967. The Evolution of Political Society: an essay in political anthropology. N.Y.: Columbia University press.
11. Крадин, Н.Н. Политическая антропология / Н.Н. Крадин. – М., 2001. – С. 40.
12. Claessen H.J.M., Skalnik P. 1978 (eds.). The Early State. The Hague: Mouton. P. 640.
13. Бабурин, С.Н. Территория государства. Правовые и геополитические проблемы / С.Н. Бабурин. – М., 1997.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 45. – С. 326.
15. Дюги, Л. Конституционное право. Общая территория государства / Л. Дюги. – М., 1908. – С.129.
16. Байтин, М.И. Государство и политическая власть / М.И. Байтин. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1972. – С. 177.
17. Любашиц, В.Я. Государственная власть: понятие, особенности и виды / В.Я. Любашиц // Правоведение. – 2002. – №6.
18. Байтин, М.И. Сущность права / М.И. Байтин. – Саратов, 2001.

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ОПЫТА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИКИ, ПРАВА И ИСКУССТВА ДЛЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Н.А. Кравцов

канд. юрид. наук, доцент

*Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону*

Подходы к анализу художественной и политико-правовой среды были в Древней Греции схожими. В основе анализа обеих сфер лежали единые принципы. Принцип математичности был очевиден в рамках теории искусства. Но он явно присутствовал и в рамках политико-правовой философии. Анализ государства и права с точки зрения представлений о геометрической пропорциональности, или на основе арифметических уравнений наблюдается у авторов такого масштаба, как Платон и Аристотель.

С принципом математичности был тесно связан принцип формы, ставший основным, как в сфере эстетики, так и в сфере политики. Не будет особым преувеличением сказать, что вопрос о форме политической организации с лёгкой руки греков стал на многие столетия основным вопросом политической науки. При этом опять же, изначально, греки не ограничивались только математическими абстракциями, или только эстетическим подходом к искусству, но стремились рассуждать о практической пользе искусства, которая была для них не менее очевидной, чем практическая польза политики, или права. Искусство при таком подходе могло рассматриваться как средство воспитания отдельных граждан, целых сословий, или всего государства, как орудие, гармонизирующее политическое общение не только из возвышенных сообщений, но и с учётом вполне утилитарных целей.

Такая близость теоретических подходов к эстетике и политике предопределила существование уникального явления: политические мыслители, в их большинстве, не считали возможным пройти мимо проблем искусства и его общественной роли, а некоторые деятели и теоретики искусства приходили к выдвиганию политических проектов.

Конечно, было бы нелепостью приписывать античности исключительно идеалистический взгляд на искусство, как на нечто, существующее только ради всеобщей гармонии и всеобщего же блага. Нам

известны многочисленные примеры того, как древнегреческие политики и правители пользовались им, как средством достижения личных целей.

Античные правители были покровителями искусств до определённых пределов, за которые артисты не могли выходить, да и не могут сейчас. Не зря мифология донесла до нас историю поэта и музыканта Лина, который обучал музыке Геракла. Стоило учителю попытаться наказать неспособного ученика, как тот убил его ударом кифары. Мы можем узреть в Геракле символ власти, опирающейся на силу. Власть может «быть в чину учимых и требовать учащихся», но власть не позволяет своим учителям чрезмерных вольностей. Она может уничтожить их физически, и не обязательно сама: достаточно натравить собратьев по искусству. Не зря роковой для Лина удар был нанесён не палицей Геракла, а кифарой!

Нельзя забывать и о том, что, как в низменных, так и в самых возвышенных целях, древнегреческая политическая теория могла приводить к требованию установления государственной цензуры в области искусства, а практика зачастую воплощала это требование в реальность.

Но при этом, несомненно и то, что современность проигрывает античной Греции в уровне искусства, используемого в политических целях. Да, эта цивилизация знала многочисленные примеры того, как искусство, и в теории, и на практике ставилось на службу политике. Другое дело – о каком искусстве шла речь! Союзниками высокопоставленного политика становились прославленные поэты, драматурги и деятели изобразительного искусства, но не артисты балагана! В нашем же отечестве в авангард идеологического фронта призываются, в первую голову, представители поп-культуры. И, если в Греции постановка искусства на службу политике не угрожала населению одновременной повальной эстетической деградацией, то теперь дело обстоит именно так.

Многое в теории и практике древнегреческих полисов заслуживает самой искренней похвалы, если не является достойным подражания. Кажется не только обоснованной, но и весьма перспективной наблюдавшаяся тенденция к эстетизации права. Можно сказать, что такая эстетизация есть изящная форма объективации права. Более, это одна из форм бытия юснатурализма, и это тем очевидней, что античное понимание искусства придавало большое значение подражанию природе. Аристотелевское понимание естественного права как совокупности объективно существующих по природе справедливых социальных пропорций вызывает однозначные ассоциации с объективно прекрасным в искусстве. Историческая же изменчивость эстетических представлений, которая неминуемо должна отражаться и на представлениях о прекрасном в праве может быть основой для рассуждений о «естественном праве с меняющимся содержанием», построенных не в духе Штаммлера – пленника кантовского разделения «сущего» и «должного», но рассуждений более свободных, стирающих грань между этими сферами – грань тем более опасную, что она неминуемо приводит к утверждению исключительно императивного характера правовых норм, откуда один лишь шаг до утверждения строгого нормативизма (тоже выросшего в рамках кантовской традиции). Прекрасное, поскольку оно объективно, есть одновременно и сущее и должное. Оно и императивно и индикативно. Оно основано на природных началах, но требует творческой активности разума для своего выявления и сохранения. Эстетизация права – это одновременно и форма исторического мышления о праве. Немецкая историческая школа права, как известно, отталкивалась от сравнения права с языком, который развивается исторически по своим внутренним законам, но такая аналогия может проводиться и в отношении сферы прекрасного, каноны которого тоже развиваются исторически движением собственных внутренних пружин. Если вы марксист – оставайтесь им в своё удовольствие, ибо прекрасное коренится в природе, но представления о нём преломляются через экономические обстоятельства и классовое сознание! Иными словами – учитывать возможность эстетического подхода к праву, значит – найти точку соприкосновения между различными традициями понимания права.

Древние греки распространяли художественное начало и на сферу правовой практики. Трудно представить в наше время возложение на правонарушителя обязанности исполнить о себе порочащую песню, или поручение этого другим лицам. Однако учёт художественного начала и его применение в сфере современного права всё же возможен. Прежде всего, настаиваем на том, что распространение клеветы в художественной форме должно считаться отягчающим обстоятельством, или квалифицированным составом при совершении уголовного преступления, а распространение сведений, порочащих честь и деловую репутацию в такой форме – влечь за собой более серьёзную гражданско-правовую ответственность. Лица, распространяющие в художественной форме экстремистские взгляды, бросающие вызов общественной нравственности, или оскорбляющие религиозные чувства могут быть ограничены, тем или иным образом, в праве художественного самовыражения. Речь может идти о запрете на участие в творческих союзах, на признание в качестве деятелей искусства, о запрете распространения продуктов их творчества и т.д. Производители продукции, встречающей неоднозначные оценки с точки зрения общественной нравственности, а также организации, или индивидуальные предприниматели, оказывающие аналогично воспринимаемые услуги могут быть ограничены в праве выступать в качестве спонсоров или рекламодателей в сфере академического искусства, подобно тому, как в ряде стран производители табачной или алкогольной продукции ограничены в возможности спонсировать спортивные состязания.

Уникальной особенностью древнегреческой политической жизни, могущей служить достойным образцом для подражания, было использование деятелей искусства в качестве политических посредников, как в международных отношениях, так и для установления гражданского мира. Наша страна упустила в своё время счастливую возможность для использования такого посредничества при строительстве отношений со странами бывшего Советского Союза. Уникальность ситуации состояла в том, что известные деятели культуры были на момент распада державы, в большинстве своём, «общими» для всех вновь образовавшихся независимых государств. Культурное единство народов могло бы стать основой для скорейшего построения новых форм интеграции, возможно, более тесных, чем аморфное СНГ, или прочие псевдоконфедеративные союзы, приносящие больше выгоды чиновникам общих структур (по существу – синекур!), чем их народам. Но этого не произошло. Не происходит ничего подобного и теперь. Россия и другие когда то братские страны не вспомнила об общих деятелях искусства ни для прекращения конфликта с Грузией (вернее – с властью этой страны, но никак ни с ее народом), ни для улаживания разногласий с прибалтийскими республиками. Да и интеграция с теми республиками, отношения с которыми представляются более гармоничными, упор делается на военное и экономическое сотрудничество, а не на сотрудничество в сфере искусства. Не более эффективно использование авторитета деятелей искусства и для поддержания гражданского мира. Современные деятели российского искусства либо однозначно примыкают к одной из сторон в политическом противостоянии, становясь такими же непримиримыми, как и остальные участники противоборства, либо вообще не имеют подлинной политической позиции. В последнем случае, они либо стараются держаться поближе к власти, и им не особенно важно, кто эту власть олицетворяет, либо готовы поддержать любую из сторон, при условии надлежащего вознаграждения, либо стараются находиться «вне политики». Мир искусства в России сейчас (во многом в силу особенностей культурной и экономической политики государства) сам разобщён и разнороден. Представители популярного искусства по преимуществу, довольны властью и будут ею довольны, пока не лишатся возможности хорошо зарабатывать на своём творчестве (а порой и «псевдотворчестве»). Что же до представителей академического искусства, то они зачастую настроены оппозиционно, но не обладают достаточным политическим весом. Они, как правило, не слишком известны широкому кругу граждан по той простой причине, что упадок художественного образования сделал мало известным академическое искусство, как таковое. Такое положение вещей во многом устраивает власть, но очевидно, что оно же лишает власть возможности прибегнуть к выгодам, которые она бы могла извлечь ради общего блага, если бы деятели академического искусства обладали большим общественным весом.

Если что-то в древнегреческой традиции и представляется совершенно недостойным подражания – то это низкий социальный статус большинства деятелей искусства. В нашем Отечестве их статус неоднозначен. И опять же, имеет место серьёзная разница между представителями академического и популярного искусства. Первые, вроде бы, пользуются уважением. Но только на словах. Государство не создаёт условий, позволяющих формировать для них публику. Государство не предоставляет им достойного финансирования. Иное дело – представители популярного искусства. В отношении к ним наблюдается некоторая доля лицемерия. С одной стороны, никто не решится публично заявить, что известный поп-певец стоит выше, допустим, известного дирижёра, или академического композитора. Но именно на его концерт пойдут с большей охотой. Высокая цена билетов на концерт всемирно известного скрипача вызовет большее негодование, чем такая же цена билетов на концерт поп-идола. Если судить по экономическому положению, то оно свидетельствует о фактически более высоком социальном статусе деятелей популярного искусства в сравнении с деятелями искусства академического, при формальном равенстве правового статуса.

Два года тому назад в Греции деятели искусства провели мирную манифестацию. Представители разных жанров и традиций вышли на улицы с цитатами из великих греческих классиков на транспарантах. Они вышли, словно вместе со своими древними предшественниками, чтобы осудить игры политиков и бизнесменов, ведущие народ к катастрофе. Многовековое искусство греков сегодня так же служит политическому делу общего блага, как и столетия тому назад. Значит, у греческого народа есть не только великое прошлое, но и, вопреки всем кризисам и неурядицам, великое будущее. Смогут ли российские деятели искусства однажды показать всему миру, что великое будущее есть и у нас?

ХРИСТИАНСКИЕ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ДОСТОИНСТВЕ ЛИЧНОСТИ КАК ОРИЕНТИР СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

М.Д. Фоминская

*канд. юрид. наук, доцент, профессор каф. теории и истории
государства и права*

*Ставропольский институт кооперации (филиал) Белгородского университета
кооперации, экономики и права
г. Ставрополь*

Современное правовое мышление, юридическая техника и правовая практика, ключевые юридические институты и фундаментальные правовые категории обусловлены развитием религиозно-философской мысли, которая подготовила теоретический, нравственный и цивилизационный фундамент для тех или иных систем права, мысль, конечно, не новая, однако, достаточно часто игнорируемая при проведении конкретно-исторических и иных правовых исследованиях.

В этом плане полностью согласимся с важным теоретико-методологическим замечанием, сделанным Р.А. Папаян: «С сожалением приходится констатировать, что современное правоведение порою предпочитает не усложнять себе жизнь и не органичивать свободу своих теоретических изысканий каким-то еще библейскими постулатами». Так во многих работах, посвященных исследованию источников права, общих принципов права, правосознания и т.п. «аккуратно разбираются» такие источники как доктрина, нормативный договор, правовой обычай, юридический (судебный, административный) прецедент, религиозные тексты (причем рассматриваются в качестве примера таковых мусульманские источники права!) «и лишь о последнем из них “религиозном”, – хотя бы в плане его роли в истории европейского права, не говорится ни слова... в общем контексте атеистических ориентаций постсоциалистической Восточной Европы и антирелигиозных настроений Запада это воспринимается скорее отрицательная оценка обращения права к “религиозным текстам” вообще. А еще важнее то, что вследствие подобного отношения... при существовании мусульманского видения права, создается впечатление *полного отсутствия того, что можно было бы назвать христианским видением, отсутствует христианское осмысление основных, неотъемлемых прав человека*. Подобное пренебрежение приводит в ряде работ к тому, что и *человеческое достоинство, и мораль становятся величинами переменными* (курсив мой – М.Ф.)» [1].

В этом плане и формируется в профессиональном и массовом правосознании установка на то, что «бытующий взгляд о некоем превосходстве морали, о якобы присущей ей первенстве в отношении права не имеет сколько-нибудь серьезных оснований» [2], что права это высшая справедливость и более высокий ориентир для человеческого развития и защиты его достоинства, чем абстрактная и туманная система морали [3].

Следовательно, употребление правовой категории «достоинство человека» требует уяснения и пояснения: во-первых, как общей философско-правовой категории; а, во-вторых, разъяснение содержание данной категории осуществляется с привязкой к национально-культурной специфике ее понимания, поскольку именно от последнего существенно зависит ее интерпретация в массовом и профессиональном правосознании. Такая методологическая позиция, с нашей точки зрения весьма оправдана, поскольку российская цивилизация и ее правовая система это относительно самостоятельно социокультурное явление, обладающее специфической динамикой и закономерностями развития. Справедливо в этом плане отмечает Е.А. Лукашева, рассматривающая проблематику прав человека и достоинства личности с позиции цивилизационного подхода к праву, что российская правовая цивилизация – это отдельное и самостоятельное образование «у нее сформировались свои принципы социального устройства, взаимодействия людей», которое «обладает устойчивыми компонентами, скрепляющими характер общественного взаимодействия, определяющими ее “стиль”» [4].

Фундаментальное различие в духовно-нравственном понимании достоинства человека связана с цивилизационным различием религиозного мировоззрения, которое в течение многих веков формировало понимание личности, ее место в общественной организации, индивидуальные и социальные ее характеристики. Так, в православном мировоззрении достоинство личности всегда осмыслялось в качестве духовно-нравственного, социально-активного и правового феномена, поскольку связывалось не только с нравственными стандартами личности, но и сего активной социальной позицией. В западноевропейском контексте достоинство было связано с частной, частной жизнью, его индивидуальной верой и часто не гармонировало с активной социальной позицией. Индивидуальные духовно-нравственные стандарты здесь были частным делом индивида и редко выступали, особенно благодаря натурфилософским правовым учениям Просвещения, в качестве обязательных ориентиров общественного взаимодействия. Если в отечественном правосознании вера, дела, социально активное действие, право, духовно-нравственные стандарты

и проч. стремились к гармоничному взаимодействию, то в западноевропейском мировоззрении, напротив, противопоставлялись друг другу.

Так, например, известный дореволюционный юрист Н.С. Суворов писал что «на христианском западе учения об оправдании человека перед Богом верою, а не делами, сделалось исходным пунктом и основным догматом реформации XVI века». В западноевропейских учениях и доктринах те или иные авторы «отрицали всякое значение этих (добрых, высоконравственных и т.п. – М.Ф.) дел, договаривались даже до таких крайностей, – как это сделал один из учеников Лютера, – что добрые дела вредны. Как будто история целых пятнадцати столетий, протекших от начала христианской эры до реформации, привела лишь к затемнению совершенно простой и ясной истины, что человек не головой и не устами только, а сердцем и делами должен обнаруживать и доказывать свою христианскую нравственность».

В свою очередь, отечественная «религиозно-философская мысль никогда не находила интереса в таких вопросах», она акцентировала внимания именно на *гармоничности и взаимообусловленности веры и дела, нравственности и права, внешнего и внутреннего* [5]. И это со всей очевидностью проявлялось как в духовно-нравственном складе русской христианской цивилизации, так и в ее социальном, правовом, политическом и экономическом укладе.

В христианской философско-правовых и нравственных учениях большее внимание особенно после эпох Реформации и Просвещения уделялось догматическим вопросам, внешним характеристикам организации христианской и гражданской общины. Вопросы веры занимали мыслителей намного больше и чаще, чем проблематика социально-правового и нравственного поступка. Лишь в XX веке критике начали подвергаться «перемещение юридических оценок в области морали: этим объяснялся возврат к фарисейской и раввинистической трактовке закона, характеризующейся немилосердным ригоризмом или софистической интерпретацией его буквы. Все эти отклонения понуждают молодых богословов идти проторенным путем, вместо проникновения в индивидуальность верующего. В то же время требовалось использовать целую систему отживших практических предписаний, совершенно чуждых данному субъекту, которые извлекались из канонического права и литургии. Напротив, другие важные и актуальные проблемы, такие, например, как психология или социальная активность, вовсе не затрагивались. В противовес этим основным недостаткам застывшей и далекой от жизни казуистики необходимо было создать нравственность личных и актуальных достоинств» – пишет по этому поводу Й. Цеглер [6].

Это «упущение» нравственной ответственности, моральной обусловленности социального поведения личности у христианских мыслителей в купе со светскими политическими и правовыми учениями (начиная особенно с Нового времени) не только отодвинули, но и полностью «вывели» нравственную проблематику из правосознания западноевропейского человека. В этом плане проблема достоинства личности, его права и свободы связывались исключительно с вопросами рационалистической свободы и индивидуального эгоизма и утилитаризма, составляющие идейно-концептуальное ядро в социально-правовом мировоззрении и «в новообразующихся структурах европейского правового сознания» [7].

Так, если в христианской философско-правовой мысли достоинство человека обосновывалось в духовно-нравственном аспекте, и оно было связано с наделенности *божественными свойствами человека* (т.е. достоинства человека в нем самом, в его наделенности божественным, сотворенности по образу и подобию Бога – «и сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему» Быт. 1, 26 [8]¹), а нравственное начало обосновывалось через признание личностью тех же божественных свойств (Богом данного достоинства) за другими личностями («как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» – Матф. 7, 12) [Там же]²; то в новоевропейской политико-правовой мысли нравственная составляющая из вышеуказанной моральной максимума полностью исчезает. *Формы осмысления личного достоинства сохраняется, но трактуется она в рационализированном и натурфилософском контекстах.* Классическим выражением этой «нравственно опустошенной константы» стала формула

¹ В православной традиции это ключевой момент в понимании человеческого достоинства как *Богоданной нравственной природы*: «Богоданное достоинство подтверждается наличием у каждого человека нравственного начала, которое опознается в голосе совести» – отмечается в учении Русской православной церкви о достоинстве человека. Поэтому и личное достоинство неразрывным образом в христианской философско-правовой мысли связано с *нравственной ответственностью*, а позитивное право, как это отмечал В.С. Соловьев, связывалось с *принудительной силой* к добру и нравственному порядку. Апостол Павел в Послании к Римлянам пишет, что «Дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющее, и оправдывающая одна другую».

² Следовательно, «человек, носящий в себе образ Божий не должен превозноситься (как и производить действия по отношению к другому – М.Ф.) этим высоким достоинством, ибо это не его личная заслуга, но дар Божий. Тем более он не должен оправдывать им свои слабости и пороки, но, напротив, осознавать ответственность за направление и образ своей жизни».

кантовского категорического императива, требующего, чтобы люди воспринимали и вели себя относительно друг друга как *самоценностями* (тождественными самому себе, а не Богу, ценность которых заключена в их индивидуальности, а не в Божественной природе) и никогда как к средствам достижения своих целей. Отсюда и направленность позитивного права, не на «реализацию определенного минимального добра, или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла» [9]; а на обеспечение формального порядка, основанного на максимуме «разрешать и запрещать другим лишь то, что не разрешаешь и запрещаяшь себе».

Лишь естественно-правовая философская мысль и затем неотомская философско-правовая доктрина возрождают нравственную проблематику и юридическую формулу достоинства личности, базирующуюся на универсальных этических максимах (например, развитие христианских католических и протестантских этических учений в XX веке) и религиозно-философских учений о личности и ее свободах (официальная доктрина неотомизма, возрожденная естественно-правовая мысль, основанная на учениях Св. Ф. Аквинского).

При этом свобода и разум в христианских учениях Запада становятся ядром в интерпретации достоинства личности, ее жизненной перспективы и этическом взаимодействии с окружающим миром. Предлагаемые «обновленные» учения о достоинстве личности и ее нравственной ответственности по большому счету стремились приспособить духовно-нравственную проблематику этого вопроса к изменяющейся социальной действительности, развивались с учетом индивидуалистических, утилитарных и иных тенденций в развитии общества и его рационализованного правосознания.

При этом утверждается, что различные светские моральные системы вне христианской веры не способствуют сегодня восстановлению ответственности, разума и добра в человеке. Не ведут чисто рационалистические морализаторства и к справедливому устройству, гармоничности гражданской общины, ни воспитывают они и уважение к свободе и праву других, искажая понятие ответственности и служение общему благу. Так, отмечается, что «предложенное через Иисуса прощение отличает христианство от всех серых систем ригористического, самодовольного и безрадостного морализма. Оно освобождает нас от того чрезмерного стерильного требования, в которое нас ввергает моралистически усиленная мания совершенства, в конечном счете *разрушая любую радость конкретной ответственности*. Христианская мысль о прощении дарует именно радость ответственности; она дарует радость той личной ответственности, с которой все более считается и церковь, к которой она все более должна взывать и культивировать в растущей анонимности нашей общественной жизни с ее комплексами, сложно обозримыми жизненными ситуациями» [10].

В контексте рассмотрения достоинства личности следует также указать на различие между категориями *индивидуальность* и *индивидуализм*, поскольку это различие влияет не только на понимание сущности и содержания «достоинства личности», но и уточняет, в контексте цивилизационного подхода к праву и иным социальным явлениям, имеющиеся разность в организации социально-правового взаимодействия между личностями, правовую регламентацию социальных отношений, правоприменительную и другую юридическую деятельность. Кроме того, это различие часто упускается из виду при проведении различных (юридических, политических, философских, социологических и др.) исследований.

Не претендуя на полноту, отметим, что индивидуализм и индивидуальность различаются:

– *во-первых*, в логико-теоретическом аспекте, где первое ориентирует на принцип (организации, взаимодействия и т.п.), а второе – указывает на характеристику чего либо как конкретного, индивидуального, специфического;

– *во-вторых*, индивидуализм может трактоваться в качестве идеологии, стиля, формы мыследеятельности личностей, а индивидуальность – идея об исключительности конкретного феномена, явления, события, личности и т.п., т.е. первое носит всеобщий характер, а второй частный, конкретный;

– *в-третьих*, индивидуализм выступает в качестве объединяющего, всеобщего свойства, характерного группе, народу, нации, идеологической платформе, политическим учениям и т.п., а индивидуальность, напротив указывает на различия, на способы личностной, профессиональной, этнонациональной идентификации;

– *в-четвертых*, если индивидуализм неотъемлемо связан с рационализированной формой сознания, то индивидуальность, напротив, имеет преимущественной духовно-нравственное измерение, а также социально-психологические характеристики [11];

– *в-пятых*, индивидуализм базируется на социальном, экономическом, символическом и т.п. неравенстве личностей, неравенство есть основа и фактор развития этого принципа организации и взаимодействия, а индивидуальность, напротив, основывается на духовном равенстве и единение разнообразных индивидуальных частей.

Так, в христианской догматической и философско-религиозной мысли в качестве аксиомы является то, что различные дарование личностей (т.е. дарованные духовно-нравственные ее качества, форми-

рующие достоинство самой личности [11]¹) уравниваются в Боге как их Источнике, но не формально, механистически, а качественно и в этом духовном единстве все различия снимаются – «в этом неравенстве – писал священномученик Иоанн – залог высшего и разнообразного нравственного развития» [12].

В этом плане *неверно* характеризовать российское общество как антииндивидуальное, отечественную государственность как противолитичную форму правления, основанную на коллективном духе с чуждыми формами индивидуального властно-правового взаимодействия, а русское право как общинно ориентированное и уравнивающее. Напротив, «На Руси *всегда ценили индивидуальность* (именно в выше названном понимании, не выводимую из рационального принципа и идеологизированного шаблона – индивидуализма – М.Ф.), *но не привечали индивидуализм*. Эта особенность русского человека, ставшая основой национального мировоззрения и национального уклада жизни, определяла судьбу всех реформ в России за последние столетия, и будет определять впредь» [13].

О данном факте свидетельствуют и многочисленные социологические опросы, которые проводились различными институтами и коллективами ученых на протяжении всего этапа либерально-демократической модернизации государства и права, духовно-нравственной типизации общественного мировоззрения и т.д. В них фиксируется, что индивидуальность личности и ее достоинства является одной из ключевых ценностей правосознания россиян, а вот свойства характеризующие принцип индивидуализма в общественном взаимодействии и государственно-правовой, социально-экономической и духовно-нравственной организации оцениваются весьма негативно [14]. Причем эта установка отечественного правосознания характерна как для молодого, так и уже зрелого поколения людей [15], что говорит о функционировании как механизма социально-правовой преемственности, так и об устойчивости основных характеристик правового сознания граждан.

Так, например, в недавнем социально-политическом исследовании респонденты отдают высокое предпочтение ценности индивидуальности личности и ее достоинству и выдвигают «серьезный запрос на морально-политические ценности и в, в частности, на идеи в целом презю социальной справедливости». При этом растет и востребованность такой ценностной правовой ориентации как индивидуальная автономия, которая трактуется не в «стиле» принципов индивидуализма, а имеет «морально-политический срез проблемы» [16]. В целом показывается в современных исследованиях тематизация и актуализация авторитарно-коммуникаристской модели демократии. При этом авторитарная проблематика связывается с построением сильной государственности и стабильной государственной властью. Социологические данные фиксируют, что «особое значение имеет такая ценность, как “сильное государство”. В литературе по авторитаризму она нередко интерпретируется как один из наиболее явных показателей авторитарности, анализ наших данных показывает, что этот индикатор следует трактовать более острожено», поскольку он связывается не с авторитарным началом государственной власти, а с морально-нравственным. Ратуя за усиление государственной власти, общество, прежде всего, предьявляет «серьезный запрос на морально-политические ценности и, в частности, на идеи социальной справедливости», идеократической обусловленности властно-правовой деятельности, обеспечение и реализацию высоких духовно-нравственных (деонтологических) стандартов деятельности тех или иных должностных лиц [Там же. С. 20–24].

Таким образом, «достоинство личности» является *фундаментальной категорией* не только для философско-правовых, социально-религиозных, политических учениях и доктрин; но и выступает *базовым институтом* в современном законодательстве. Для современных христианских философов достоинство человека является основополагающим *концептуально-правовым ядром* в обосновании неотъемлемых прав и свобод человека. При этом еще раз подчеркнем, что в христианской философско-правовой мысли достоинство человека обосновывалось в *духовно-нравственном аспекте* и оно связано с наделенностью *божественными свойствами человека*, это ключевой момент в понимании человеческого достоинства как *богоданной нравственной природы*.

Следует также отметить тот факт, что духовно-нравственная категория «достоинство личности» играла определяющую роль в национально-культурной эволюции правовой системы общества (как западноевропейских, так и отечественной), тех или иных юридических институтов (особенно прав и свобод человека). Причем особенности понимания и трактовка данной категории влияло не только на формирование специфической системы нормативного регулирования общественными процессами и уникального (цивилизационного)

¹ В «Основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве...» говорится, что «Если к образу Божию в Православии возводится неотъемлемое, онтологическое достоинство каждой человеческой личности, ее высочайшая ценность, то подобающая достоинству жизнь соотносится понятием подобия Божия, которое по Божественной благодати достигается через преодоление греха и стяжание нравственной чистоты и добродетелей. А потому человек, носящий в себе образ Божий, не должен превозноситься этим высоким достоинством, ибо это не его личная заслуга, но дар Божий».

характера взаимодействия различных социально-нормативных систем (религии, права, обычаев и т.п.); но и на становление особого типа устойчивого взаимодействия в системе человек – общество – государство.

Достоинство личности и ее свобода выступают основополагающими элементами духовно-нравственной культуры общества и религиозного правосознания. Понимание, устойчивые идейно-смысловые и чувственные элементы этой категории, сформированные в рамках религиозного мировоззрения, в дальнейшем выступали ориентиром не только духовно-нравственного развития общества и личности, социальной организации, но и нормативно-правового регулирования общественных отношений, обеспечивали преемственное воспроизводство национально-культурной (цивилизационной) формы и стиля правового мышления.

1. Папаян, Р.А. Христианские корни современного права / Р.А. Папаян. – М., 2002. – С. 155–156.
2. Алексеев, С.С. Философия права / С.С. Алексеев. – М., 1999. – С. 59.
3. Хайек, Ф.А. фон. Дорога к рабству / Ф.А. фон Хайек. – М., 1992.
4. Лукашева, Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение / Е.А. Лукашева. – М., 2011. – С. 309; 311.
5. Суворов, Н.С. Вера и дела / Н.С. Суворов. – Ярославль, 1888. – С. 9–10.
6. Циглер, Й. Нравственное Богословие / Й. Циглер // Символ. – 1997. – № 38 (декабрь). – С. 12.
7. Бачинин, В.А. Энциклопедия философии и социологии права / В.А. Бачинин. – СПб., 2006. – С. 283.
8. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека // Основополагающие документы Русской Православной Церкви. Режим доступа: <http://projectrussia.orthodoxy.ru/PR/grc.php>. (Рим. 2, 15).
9. Соловьев, В.С. Право и нравственность // Власть и право. Из истории русской правовой мысли / В.С. Соловьев. – Л., 1990. – С.102.
10. Шнайдер, Т. Указ. раб. – С. 496 (Unsere Hoffnung, 15, in.: Synode I. 1976. 94f).
11. Величко, А.М. Философия русской государственности / А.М. Величко. – СПб., 2001. – С. 45.
12. Иоанн (Восторгов). Берегись обманных речей // Сочинения: в 5 т. Т. 5. – СПб., 1998. – С. 29.
13. Бабурин, С.Н. Российский путь: утраты и обретения / С.Н. Бабурин. – М., 1997. – С. 251.
14. Левада, Ю. Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российской трансформации / Ю. Левада // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 1; Общественное мнение – 2008. Ежегодник. – М., 2008; Россия: мониторинг, анализ, прогноз. М.Ж НИИСС, январь–август 1996. №5 // http://vyborg.ru/sociology/issled.php?id_half1996_sozdanie.html; Тихонова, Н.Е. Личность, общность, власть в российской социокультурной модели / Н.Е. Тихонова // ОНС. – 2001. – № 3 и др.
15. Арутюнян, М.Ю. Обаз и опыт права: Правовая социализация в изменяющейся России / М.Ю.Арутюнян, О.М. Здравомыслова, Ш. Курильски-Ожвэн. – М., 2008.
16. Шестопал, Е.Б. Политическая повестка дня для российской власти и ее восприятие гражданами / Е.Б. Шестопал // Политические исследования. – 2011. – № 2. – С. 20.

КРИЗИС ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО МЫШЛЕНИЯ И УНИВЕРСАЛИСТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

А.Ю. Мамычев

д-р юрид. наук, доцент

Д.И. Мамычева

канд. культурологии, доцент

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

г. Владивосток

В современном государственно-правовом процессе происходят значительные трансформации, связанные как с изменением демократических принципов, практик демократического волеизъявления и публичного взаимодействия, так и с деформацией самой идейно-концептуальной основы демократии. В этом плане симптоматична книга «Постдемократия» известного английского политолога Колина Крауча. В своём нашумевшем исследовании он обосновывает, что современные формы демократии и принципы организации демократической политической системы подвергаются существенной трансформации. Общий характер этих изменений сводится к тому, что публично-властное пространство постепенно закрывается от массового влияния и участия, а сфера государственного управления значительно «элитототализируется», т.е. основные рычаги воздействия, механизмы перераспределения общественных благ, возможности влия-

ния на принятие общественно значимых управленческих решений постепенно концентрируются вокруг определённой группы политико-экономической элиты.

Сегодня публичная политика, по заключению английского исследователя, все чаще и все больше оказывается под контролем привилегированных элит. К. Крауч полагает, что современная публичная политика имеет дело с «запутавшейся общественностью», а действующие формы взаимодействия общества и государственной власти формируют пассивную позицию населения в выработке собственной политической повестки дня, что, по его мнению, в известной степени ведёт к выходу «за рамки идеи народовластия» и формированию корпоративно-элитарной политики с преобладанием интересов властно-экономической элиты. Поэтому «чем больше государство уходит от обеспечения жизни простых людей, порождая у них апатичное отношение к политике, тем проще корпоративным интересам более или менее незаметно использовать его в качестве своей дойной коровы. Неспособность признать это служит отражением глубокой наивности неолиберальной мысли» [1].

В этом аспекте автор призывает к пересмотру идейно-концептуальных основ организации демократического политического процесса и государственного управления, к формированию относительно новых и более эффективных форм и методов взаимодействия общества и государства, которые учитывали бы как социокультурные среды реализации демократических принципов и процедур, так и глобальные тенденции развития.

Думается, в этом плане будет вполне уместным поставить вопрос о том, что такое «демократия» и как это понятие (идейно-концептуальный принцип) влияет на организацию современного государственно-правового процесса в России. Ответ на него равнозначен пониманию того, что есть настоящие политико-правовые и социально-духовные процессы, современность, которую мы переживаем в целом.

С нашей точки зрения, в настоящее время о демократии нельзя говорить как о конкретном понятии, поскольку сегодня оно стало предельно размытым и концептуально варьирующимся политическим феноменом, чьё содержание меняется в зависимости от политико-идеологических и узкокорпоративных интересов. В то же время в качестве политической практики «демократия» характеризуется сегодня «плавающими» рамками и требованиями, что особенно проявляется при сравнительно-правовом анализе различных государственно-правовых пространств современности, в развитии современного международного порядка. Итак, именно слово «демократия», перешагнув уровень уникальной цивилизационной модели государства, стало составляющей нового квазирелигиозного вероучения, претендующего на мировое доминирование.

Справедливости ради, следует признать, что претензии на мировое господство этой новой «мессианской» доктрины вполне оправданны, т.к. действующая система демократических догматов, символов и ценностей позиционирует себя как универсальная, сглаживающая религиозные, социокультурные и институционально-правовые различия. Причём демократическая парадигма мышления «ставит себя» *над* традиционными формами и механизмами общественного единства и организации, представляя новый уровень, контекст существования государственно-правовых пространств. Вместе с тем альтернативной доктрины, имеющей социально-духовные, институциональные, материальные и иные ресурсные основания, на сегодняшний день нет! В современном научном и обыденном сознании нет альтернативы демократическому образу мысли. «Демократия» выступает в настоящее время в качестве матрицы познания и интерпретации действующих социальных, политических, правовых и иных событий и процессов, представляет единственно верную (по крайней мере серьёзно не оспариваемую) нормативно-ценностную систему.

Общеизвестно, что стереотипы, символы, образы и установки (преимущественно организующие наше мышление и понимание происходящего) играют существенную, а порой и решающую роль в эволюции политической практики, развитии научного дискурса, политической идеологии и проч. Неслучаен поэтому и дефицит современных исследований, критически анализирующих существующие «авторитетные» установки и образы, категории и понятия теории государственной власти. Сегодня под видом государствоведческих исследований в основном выходят статьи и монографии, посвящённые проблемам правового государства, его построения, реализации и т.п. Вряд ли теория государственной власти сводится исключительно к толкованию, комментированию и интерпретации одного уникального (с цивилизационной точки зрения) проекта политической организации.

Причём чем больше выходит научных публикаций, посвящённых данному вопросу, тем более расплывчатым становится вопрос о сущностном различии таких категорий, как «демократия», «государство», «правовое государство», «государственная власть», «права человека» и проч. При дефинитивном анализе содержание данных категорий выводится практически одно из другого, читателю неизвестность определяется через неизвестность, государство определяется через систему демократического правления, права и свободы, правовое государство в целом (другой модели государства, видимо, не существует) или наоборот и т.д.

Другой пример описания сути государственной власти сводится к форме её правовой организации, проблематике первичности и вторичности субъектов публичной власти либо правовым способам её реализации. Существование государственной власти в этом свете совпадает с правовым инструментарием, который обеспечивает демократизм, реализацию прав и свобод. При этом механизмы публичных органов власти (т.е. институтов государственной, региональной и муниципальной власти) весьма часто совпадают с самим правовым регулированием («власть есть специальный вид права» – Ф.Ф. Кошкин), а государственная власть вообще понимается как средство для достижения, реализации, прежде всего, правовых целей.

В этой связи мы имеем, как это ни странно, весьма существенный разрыв, а порой и противоречие между концептуальным полем понятия «власть» (сформированным целым корпусом гуманитарных наук) и теориями государственной власти (построенными, по мнению С.А. Котляревского, на «искусственной стилизации»).

В последнее время в понятие «государственная власть» более или менее удачно вкладывают систему признаков демократического политического режима, т.е. сводя первую к одной из форм её реализации. При этом блестяще доказывается, что в тоталитаризме и авторитаризме власти как таковой не существует (поскольку государственная власть основана на юридических формах и свободе), а функционирует принуждение, насилие, которые не имеют общего «с существом государственной власти, учреждённой демократически и реализуемой в публично-правовых формах».

Существует определённая сдержанность, а нередко и исследовательская боязнь в социокультурном, ментальном, этнополитическом и антропологическом анализе государственных феноменов, реконструкции тенденций и закономерностей цивилизационного развития политических, правовых, экономических, духовных институтов и структур¹. За позитивистскими (легалистская трактовка политических процессов) или метафизическими (естественно-правовая, коммуникативная, постмодернистская и прочие интерпретации политической реальности) рассуждениями скрывается игнорирование, сознательное абстрагирование от действующих национально-культурных факторов и доминант².

Согласимся с Е.А. Лукашевой, утверждающей, что хотя российская цивилизация – относительно молодое социокультурное образование и её цивилизационные модели, институты и структуры ещё находятся в стадии развития, формирования, однако «у неё сформировались свои принципы социального устройства, взаимодействия людей, отношения человека к власти». Поэтому российскую цивилизацию и её социокультурные феномены – политико-правовые, социально-экономические, духовно-нравственные – необходимо исследовать, – настаивает член-корреспондент РАН, – как «самобытное социокультурное образование, в основе которого лежат свои принципы и устои. Они, как и у других цивилизаций, не остаются неизменными на различных этапах исторического развития, а трансформируются, преобразуются в соответствии с новыми процессами национального и мирового развития. Некоторые отмирают по мере неизбежного движения общества по пути прогресса, возможно появление новых устоев и стержневых опор, но они *включаются в общую систему соционормативной цивилизационной системы*, взаимодействуют со всеми компонентами и создают особый сплав, сохраняющий своеобразие системы. Любая цивилизация обладает устойчивыми компонентами, скрепляющими характер общественного взаимодействия, определяющими её “стиль”» [2].

Сегодня можно констатировать, что апеллирование к социокультурным основам политического процесса, к пониманию динамики государственной власти, в частности, при обосновании той или иной научной гипотезы, вызывает (как это ни странно) негативную реакцию со стороны научного сообщества. Подобные исследования маркируются как научная деятельность, сбившаяся с «магистрального пути» развития современного гуманитарного дискурса. Например, о действующих институтах власти (Президента РФ, Федерального собрания, правительства, судов) не пишет только ленивый. Однако описание данных институтов ограничивается формально-нормативистской трактовкой, редко анализом причин адекватности их

¹ Слишком уж схожи исторические параллели и аналогии, тенденции в развитии властно-правовой деятельности, которые зачастую высвечивают непопулярные, но устойчивые типы и формы национальной мыследеятельности, преемственно воспроизводящиеся модели публично-властного взаимодействия в системе личность – общество – государство.

² Хотя в то же время каждый из исследователей предполагает (или, по крайней мере, догадывается), что любая абстракция (позитивистского и метафизического характера) всегда наполняется специфическим, конкретно-историческим, социокультурным и проч. содержанием, интерпретируется и понимается в контексте определённого общества, свойственного ему стиля мышления и т.п. Отсюда традиционна велика значимость сравнительных исследований, которые можно сравнить со значимостью теории сопротивления материалов в естественно-научной картине мира, поскольку именно познание специфических национально-культурных закономерностей, трендов и доминант развития государства, отдельных форм деятельности и взаимодействия, различных институтов и структур позволяет отразить сопротивляемость, готовность национального материала (политического бытия) к тем или иным новациям, рецепциям, заимствованиям.

функционирования нормативной модели, закреплённой на конституционно-правовом уровне. Рассмотрение публичных институтов власти в качестве национально-культурных феноменов, трансформаций и преемственности в их функционировании, возникающих дисфункций и аномических эффектов при национальной адаптации абстрактных ценностно-нормативных и институциональных моделей – не популярно. Не говоря уже о формировании соответствующего теоретико-методологического и социолого-методического обоснования подробных исследовательских проектов.

Таким образом, все мы увлечены перспективами демократии и правового государства, не понимая чётко (или понимая каждый по-своему), что это такое. Скорее всего, *здесь важно не содержание этих крайне актуальных «понятий», а вера в них*. Впрочем, то, что демократия основана на рациональной вере в неё, мысль не новая. О том, что демократические формы не в состоянии достичь взятых на себя «обязательств» (прямое правление народа, учёт общественных интересов и потребностей в парламентаризме, обеспечение наиболее полной свободы и социальной справедливости и т.д.), что демократия представляет собой рационализированную веру в недостижимые идеалы индивидуальной свободы, за которую ей прощают все (А. де Токвиль), или что она есть великая лож современности (К.П. Победоносцев), или массовая политическая иллюзия (Ж. Эллюль), или новая форма деспотизма (Ж. де Местр, Э. Берк), или безликая и анонимная форма дисциплинирования и муштры социального и индивидуального тела и души (М. Фуко), писалось достаточно много. Однако сегодня эта традиция критического анализа демократических форм политической организации, рассмотрения их достоинств и недостатков, проектирования и моделирования современных, смешанных типов и форм государства постепенно сходит со страниц научных изданий, публичных лекций, политического лексикона и проч.

Причём мировой демократический транзит возобновляет, правда в новых формах и формулах, средневековую риторику: об истинности знания («демократическая истина» становится новой формой политического деспотизма – все, что выходит за пределы демократической модели западного образца, объявляется неразумным, иррациональным); о праведности государственного обустройства (институционально-нормативном оформлении «рая» на Земле); сакральности определённых символов, образов, трактуемых как изначальные, общечеловеческие; о неизменном установленном порядке правового устройства, «ранга» источников права; о священности гуманитарных интервенций и проч. К слову, именно средневековый западноевропейский пафос мессианства и универсализма породил целый ряд современных явлений и феноменов. Например, понятия «священная война», «джихад», формы военных и гуманитарных интервенций, логика обоснования которых преемственно воспроизводится в современной глобальной демократизации. По справедливому заключению В.Д. Соловья, «на самом деле мы наблюдаем классический пример регрессии к формам социального господства, которые казались исторически изжитыми» [3].

Современная доктрина демократии и концепция прав человека отправили в хранилище истории и традиционные формы толерантности и культурного плюрализма. Так, толерантность и этнокультурные различия в государственном развитии стали не только невостребованными в глобальном демократическом дискурсе, но и в целом замещаются «институциональной нетерпимостью» (к иным, недемократическим – традиционным формам государственного строительства) и культурной неприязнью к тем цивилизационным пространствам, которые «идут не по столбовой дороге современности» (К. Райз). Принцип плюрализма культурных форм и идентичностей, а также процессы «национализации» публично-правовых институтов очевиднейшим образом противоречат современным основополагающим признакам демократии (равенства прав, приоритета суверенности личности, свободы и т.п.), поскольку национальное, этническое, локальное и групповое становятся приоритетней по отношению к индивиду, блокируют формирование схожих индивидуальностей (или «гомогенных субъективностей» – М. Фуко), препятствуют формированию глобального гражданского общества.

Более того, в ряде исследований доказывалось, что универсалистские ценности, сформированные в эпоху Просвещения, являются сегодня единственным способом обеспечения устойчивого развития общества и цивилизации. При этом само собой разумеющимся и не подлежащим критике считается, что понимание сущности, содержания и социального значения этих ценностей имеет одинаковое прочтение во всех юридико-политических континуумах. На этих «исследовательских фикциях» обосновывается, что только данные ценности способны обеспечить единство общественного развития, стабильность международного порядка, заместив конфликтогенные и, по своей сути, иррациональные общественные нормативно-ценностные скрепы, такие как традиции, обычаи, религия, этнос, нация и т.п., которые в современном мире не обеспечивают сплочённость и социальное доверие.

Для доминирующего стиля демократического политического мышления главным становится не внутреннее содержание жизнедеятельности человека и общества, а его формальная структурированность и господство идеократических факторов (идей формального равенства, свободы, справедливости и проч. Здесь «форма правления и парламентское устройство представляют значительно больший интерес, чем общественное, религиозное или моральное состояние общества». Здесь «чужд какой-либо органический взгляд на политическую природу вещей; не ощущая их генезиса и качественной самобытности, он уверен (либерально-демократический стиль мышления – А.М., Д.М.) во взаимозаменяемости и рациональной конструктивности многих политических институтов и структур, в его представлении они не “вырастают” (исторически – А.М., Д.М.), но создаются (формально, искусственно – А.М., Д.М.)» [4] – отмечает по этому поводу И.А. Исаев.

С другой стороны, формируется установка на квазирелигиозную веру в абсолют человеческого разума, его способности и возможности рационального конструирования гармонического единства, счастья, вечного порядка и т.п. Так, в традиционной мировоззренческой системе человек воспринимался как «антиномичный субъект», сочетающий греховную природу и стремление к истине и добру (при этом основная проблематика сводилась к свободному выбору индивидуальной воли между добром и злом). Поэтому его совершенство рассматривалось как в плоскости духовного, так и внешнего – формально-нормативного. В рамках демократической дихотомии проявляется другой ряд демаркации – рационального и иррационального, а внутреннее, духовно-нравственное содержание «отодвигается» за пределы публичной организации и социального взаимодействия.

Неолиберализм и неосоциализм [5], развивающие сегодня демократический способ мышления, источники «социального зла» переносят с внутреннего мира человека на внешнюю организацию (форму правления, государственное устройство, отдельные политические и культурные институты). Резюмируя многие неолиберальные и неосоциалистические публикации, можно с уверенностью говорить, что на деле последние «исповедуют» один стиль политического мышления, разница лишь в проектах будущего структурирования общества и мирового порядка.

В этом контексте становится очевидным и то, что современный демократический стиль мышления исходит из рискогенной и нестабильной социальной среды, которая стабилизируется не гармоничным взаимодействием духовно-нравственных, идеократических и иных ценностно-нормативных систем, а формально-организованным и абстрактным началом во властно-правовом взаимодействии. В этом аспекте очевидна и логична актуализация проблематики риска и нестабильности в развитии современных демократических систем, поиска адекватной формально-нормативной и институционально-управленческой (бюрократической) «прививки» в постоянно меняющемся мире. Отсюда вполне понятны современные «футурологические догматы мышления», развиваемые в социологических и политологических исследованиях, в контексте которых утверждается, что общественные системы и политические режимы должны «научиться жить» без каких-либо устойчивых ориентиров, культурных доминант и ценностей, национальных идентичностей, долгоживущих факторов порядка, общепризнанных авторитетов и проч.

Новая реальность – это *постоянный реальный и виртуальный кризис*, действующая система актуальных или латентных рисков. Это своего рода «глобальный дискурс гуманитарного мышления», захватывающий все сферы знания, определяя направления их развития [6]. Нестабильность – новая доминанта общественной организации, а рискогенность – новое направление в модернизации политических технологий управления, совершенствования госаппарата, политического и правового порядка и т.п.

Следовательно, конкретное государство институционально оформляется и развивается именно на этом фундаменте, представляя свой особый, хотя, может быть, *типологически и сходный* с другими национально-цивилизационными континуумами вид государства по форме и, что более важно, по содержанию.

Иначе говоря, как бы ни старались реформаторы разного толка сконструировать на отечественном социокультурном фундаменте стройный «западноевропейский дворец» (как центр политической и правовой жизни российского общества), он все равно не сможет обрести ни стабильности (устойчивости), ни социально-правовой и политической ценности для отечественного политической культуры.

Провозглашённая в ст. 1, п.1. Конституции РФ модель государственного устройства, а именно: демократическое федеральное правовое государство, не раскрывает смысл и содержание самой правовой государственности, а характеризует, скорее, систему демократического политического устройства. В дальнейших положениях Конституции совершенно чётко прослеживается логическое построение западноевропейской системы демократии (глава I Конституции). Практически во всех комментариях официального и неофициального характера при раскрытии сущности правового государства отражено именно формирование системы государственной власти, отвечающей стандартам либерально-демократической модели. Важно в этом случае то, что осознанно или неосознанно в качестве идеала, образца берётся именно специфическая модель государственного устройства и организации властных практик западных стран, причём та, которая сформировалась исключительно в рамках определённых социально-культурных, геоюридических и геополитических условий. Приведём вполне справедливые суждения известного политолога В.Б. Пастухова: «Проблема состоит в том, что конституционализм – это своего рода социальный “черный айсберг”, возвышающийся над поверхностью океана западной культуры. Его видимая часть представлена набором демократических институтов, кажущихся вполне самодостаточными и легкоусвояемыми. Возникает соблазн “отбуксировать” эту демократическую систему в сопредельные цивилизационные океаны и моря, однако кроме видимой части, есть ещё и невидимая подводная часть, глубоко погруженная в уникальную историю Запада. Об эту подводную часть и разбиваются все попытки привить конституционализм в чуждой для него культурной среде (курсив – А.М., Д.М.)» [7].

К сожалению, эта демократическая система и уникальная, исторически сложившаяся практика властного взаимодействия между обществом и государством принимают универсалистский характер. Оказывается, что практиковать не может существовать иная модель правового государства, которая не воспроизводила бы западноевропейскую логику формирования и функционирования политической организации. Получается, что если категории «правовое государство» и «либерально-демократическая система власти» (или просто «демократия») являются тождественными понятиями, равнозначным по смыслу, тогда будет и понятие «правовая

государственность». Однако такие категории, как «правовая государственность», «правовое государство», «правовое устройство» и «демократическая система», не тождественны, хотя они и имеют много общего, являются близкими и взаимосвязанными по содержанию.

В заключение отметим, что доминантой современного стиля демократического политического мышления становится не внутреннее содержание жизнедеятельности человека и общества, а его формальная структурированность и господство абстрактных идеологических «клише» (формального равенства, свободы, справедливости, выборности, толерантности и проч.). При этом данная стратегия развития политического процесса формирует рискогенную и нестабильную социальную среду, где политическая устойчивость связывается не с гармоничным взаимодействием духовно-нравственных, идеократических и иных ценностно-нормативных систем, а с формально-организованным и абстрактным началом во властно-правовом взаимодействии. В этом плане следует критически оценивать стремление в современной государственной политике к поиску универсальных формально-нормативных и институционально-управленческих (бюрократических) моделей обеспечения стабильности в постоянно меняющемся мире, поскольку такой подход формирует принципиально «новую политическую реальность», в которой доминирует не стабильность, а постоянный реальный и виртуальный кризис, действует система актуальных или латентных рисков.

Следует также заключить, что в настоящее время нестабильность (как значимый политический концепт) становится новой доминантой политического процесса, а рискогенность – новым направлением в модернизации политических технологий управления. Однако, по нашему заключению, доминантой современного демократического политического процесса и государственного управления должны стать комплексные (интегративные) и более эффективные формы и методы взаимодействия общества и государства, которые учитывали бы как социокультурную среду реализации демократических принципов и процедур, так и глобальные (общемировые) тенденции. Так, «правовое государство» (как доктринальная стратегия развития политического процесса) должна отражать типологическое своеобразие и духовно-культурную особенность, прежде всего, таких социальных феноменов как государство и право, созданных и органично развивающихся в рамках известного общества, его социокультурного и политического уклада, где конкретно-исторический институт государства институционально оформляется и развивается именно на этом фундаменте, представляя свой особый, хотя может быть типологически и сходный с другими цивилизационными континуумами, вид правового государства по форме и, что более важно, по содержанию, отражая уникальность политического бытия общества его цели, задачи и потребности.

-
1. Крауч, К. Постдемократия / К. Крауч. – М., 2010. – С. 9, 20–21, 35.
 2. Лукашева, Е.А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение / Е.А. Лукашева. – М., 2011. – С. 309, 311.
 3. Соловей, В.Д. Кровь и почва русской истории / В.Д. Соловей. – М., 2008. – С. 451.
 4. Исаев, И.А. Господство: очерки политической философии / И.А. Исаев. – М., 2008. – С. 183.
 5. Хардт, М. Множество: Война и демократия в эпоху империи / М. Хардт, А. Негри. – М., 2006.
 6. Кравченко, С.А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме / С.А. Кравченко. – М., 2009.
 7. Пастухов, В.Б. Реставрация вместо реформации. Двадцать лет, которые потрясли Россию / В.Б. Пастухов. – М., 2012. – С. 431.
 8. Алексеев, Н.Н. О гарантийном государстве // Русский народ и государство / Н.Н. Алексеев. – С. 380 – 381.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

А.Ю. Мамычев

д-р юрид. наук, доцент

Г.С. Глинская, А.Ю. Кравченко

студентки

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Перспективы развития правовой государственности, восстановление государственно-правовой стабильности, устойчивости и адекватности социально-властного взаимодействия (в системе личность – общество – государство), формирование режима законности и эффективности государственной власти зависят от поиска национальной стратегии обновления политической и правовой жизни российского общества, развития духовной и нравственной основы, поиска общественного идеала (идейно-концептуальной доктрины, отвечающей истории развития российского государства, его современному

состоянию и условиям, а также будущим ориентирам). В противном случае, если правовое государство будет опираться на западную аксиоматику, российскую государственность ждёт модель постоянно договняющей модернизации, непрекращающегося/затяжного транзитивного этапа и т.д.

В этом контексте интересен евразийский политический проект модели отечественного правового государства – «гарантийное государство». В рамках этого проекта утверждается, что государственная система властвования должна быть основана на национальных политических традициях и социокультурном укладе русского народа, но в то же время не отречься от новейших политических достижений других цивилизаций. Это государство, отмечает Н.Н. Алексеев, «которое живёт, имеет историю, изменяется, движется, развивается. Жизнь его складывается из двух противоположных моментов – из постоянного, статического и из подвижного, динамического... Сочетание статики и динамики образует режим, который можно назвать *демократической идеократией* или *идеократической демократией* (курсив наш – авт.)» [1].

Евразийский социально-политический проект предполагает построение государства с сильной государственной властью, с положительными правовыми обязанностями в отношении общества и государства (взаимного «социального служения») [2]. Причём противопоставление сильное государство – слабое общество характерно не для русской политической культуры, а для западной либерально-демократической традиции, когда в политической жизни общества выделяются два самостоятельных центра (полюса) – гражданское общество и государство. Либеральная концепция политического взаимодействия последних сводится к тому, что гражданское общество отгораживается «частоколом» естественных (неотчуждаемых) прав от государства. В рамках этого политического союза (основанного на естественно-правовом договоре) государство (государственная власть) выступает только в роли охранителя («ночного сторожа») и независимого арбитра.

Поэтому политически очевидно для западной логики, что преобладание государства над обществом, т.е. одного центра социально-политической жизни над другим, приводит к ослаблению самого общества. В свою очередь, усиление гражданского общества, его политической активности посредством созданных им же институтов ведёт к ослаблению претензий государства и подчинению его социальным нуждам. В отечественной традиции сильное государство, как правило, связывается с сильной народностью, когда государственная власть и народ соединяются в некотором единстве, не противопоставляются друг другу, а основываются друг на друге: «Сильная государственность, – писал по этому поводу И.А. Ильин, – означает, прежде всего, сильную народность, и наоборот». Так, например резкое ослабление государства в 90-е годы, вызванное сменой элит, трансформацией советской институциональной системы властвования и переориентацией на либерально-демократические «рельсы» институционально-правового развития, в конечном итоге привело и к ослаблению самого общества, резкому снижению политической и гражданской активности, к небывалому росту преступности и т.п. [3].

Причём в политических учениях и доктринах явно или косвенно, затрагивается тема социально-политического архетипа, «властного кода» (Ю.С. Пивоваров), ориентирующего русское государствоведческое мышление на воспроизводство в программных положениях метафизической (символической) и физической (институционально-правовой, субординационной, функциональной, бюрократической и т.п.) силы русской власти. При этом социально-политический кризис устойчивой и ответственной государственной власти в национальных нормативно-ценностных (аксиологических) представлениях, в повседневной (обыденной) практике *активизирует* деструктивные, конфликтогенные и рискогенные факторы и причины в развитии института государства, правовой и политической систем, публичной организации общества в целом, вызывая функциональные искажения и деформации в развитии властно-правового пространства, отдельных институтов и структур государственной власти.

В то же время силу государства не следует трактовать примитивно, как некую авторитарную или тоталитарную мощь, его чиновников, как процесс эксплуатации элитарным сословием общественного организма и проч. Обобщая отечественную политико-правовую мыследеятельность, можно с уверенностью сказать, что усиление российского государства традиционно трактуется массовым сознанием в качестве: 1) главного ресурса преодоления кризисов и противоречий, обеспечения политической стабильности, восстановления режима законности и правопорядка, целостности и единства государственности; 2) объективного фактора активизации общественного потенциала, повышения политической активности личности; 3) необходимой предпосылки стабильного развития различных сфер жизнедеятельности общества (экономической, политической, правовой, духовно-культурной и т.д.); 4) внешнего и внутреннего фактора обеспечения идеократической целостности национального публично-правового континуума; 5) условия, обеспечивающего взаимное социально-политическое служение в системе личность – общество – государство, где первичным является не разделение сфер и полномочий публично-правовых органов власти, не противопоставление различных политических субъектов и правовых статусов личности – гражданского общест-

ва – института государства, а симфоническое единство политического пространства и «правообязывающая модель отношений», ориентированных на решение общенациональных целей и задач [1]¹.

Таким образом, следует признать, что сегодня наблюдается незавершенность социально-правовых и политических реформ государственной власти. Обновление отечественной системы институтов и структур власти, по справедливому замечанию О.В. Мартышина, должно опираться на «вариант культурно-политического и правового синтеза, который сочетал бы национальные и европейские традиции, сильную власть, социальную справедливость («государство правды») и свободу личности, плюрализм, правовое государство» [4].

Причём в современной российской политической действительности объективно проявляются три взаимосвязанные и взаимообуславливающие тенденции.

Во-первых, это стремление к духовно-нравственному обоснованию государственной власти, социально-нравственной (идеократической) ответственности властно-управленческой элиты. Так, социально-политические исследования фиксируют, что в современном российском обществе доминирует не персонцентричная модель легитимации государственной власти и харизматическая практика наделения лидера государства высокими духовно-нравственными атрибутами, а, напротив, присутствует потребность в формировании морально-правовой системы ответственности публичной власти и реализующих ее лиц. Политико-психологические исследования, проведенные группой исследователей под руководством Е.Б. Шестопала, выявили высокую степень тревожности людей, обусловленную, прежде всего, духовно-нравственным несовершенством действующей системы государственной власти и ее представителей. Эти тревоги «связаны не столько с экономическими проблемами, хотя те и лежат на поверхности, сколько с ощущением отчуждённости власти от общества, её несправедливостью и своекорыстием, отсутствием моральных опор. Это “гуманитарное измерение”, связанное с ценностями, настроениями и моральным климатом, очень слабо проработано у модернизаторов». Эти основания системы государственной власти слабо проработаны и у современных консерваторов, о чем будет сказано ниже, поскольку и действующая консервативная идейно-концептуальная платформа «не придаёт этим ценностям большого значения» [5].

Во-вторых, это требование интегрировать западноевропейские достижения в области прав и свобод человека, некоторые демократические ценности с социокультурной моделью политической организации и традиционными (исторически сложившимися) практиками публично-властного взаимодействия в системе личность – общество – государство. Так, целая серия социологических исследований фиксирует, что для отечественного политического сознания характерен «органичный сплав» национального традиционного мировоззрения и модернизационных ценностей, современных демократических требований к государственной власти и ее деятельности [6]. В этих исследованиях фиксируется, что государственная власть воспринимается сегодня гражданами «новой России» в качестве «инструмента реализации интересов общности в целом (причём устойчиво в российском политическом сознании и практике приоритет отдаётся интересам общности, всего народа, социально-культурной целостности, а не интересам отдельной личности – авт.), гаранта обеспечения возможности ее существования и развития (такое представление воспроизводится, как отмечалось выше, на всех этапах развития российской государственности как устойчивый социально-политический архетип – авт.), дав возможность каждому заявить о своих правах и по возможности, учтя интересы индивидов и отдельных групп населения, в своей практической деятельности оно (государство – авт.) должно руководствоваться прежде всего интересами общности как единого целого, как, впрочем, и любой человек или население целых регионов и крупные социальные группы. Для россиян не те или иные группы индивидов должны в борьбе друг с другом уметь отстаивать свои интересы, а государство как выразитель общих интересов должно, принимая во внимание интересы различных субъектов, на базе общественного консенсуса проводить политику, направленную на благо народа как единой общности» [7].

¹ Например, Н.Н. Алексеев отмечает, что гарантийное государство «обеспечивает осуществление некоторых постоянных целей и задач, что оно является государством с положительной миссией. Гарантийное государство противопоставляется, следовательно, государству релятивистическому, не ставящему перед собой никаких положительных целей, не имеющему никакой постоянной программы, не руководящемуся никакими стабилизированными принципами... в нем обеспечивается проведение в жизнь некоторых положительных социальных принципов, некоторой стабилизированной социально-политической программы, которая может рассчитывать на всеобщее признание со стороны людей весьма различных философских, научных и религиозных убеждений». Такое государство основывается на нравственно-правовых и духовных основах, утверждает «правду», как необходимый нравственный идеал и критерий оценки политико-правовой действительности. В нем утверждается «истинная» духовно-нравственная свобода личности, ибо «право есть та область духовно-нравственной жизни человека, которая имеет дело с тем, что человек «свободно может» и к чему он насильственно не принужден».

В соответствии с этим, по нашему мнению, формирование идейно-концептуальной доктрины развития системы государственной власти должно реализовываться как на основе *консервативно-политического моделирования*, так и с учётом *глобальных (межцивилизационных) тенденций* развития [8]. Дело в том, что современные критерии и индикаторы устойчивости и стабильности государственной власти в глобальном демократическом транзите становятся весьма рискогенными и конфликтогенными, поскольку «диктатура экономоцентризма» (т.е. основные показатели стабильности государства) связывается с развитием рыночных институтов и отношений, потребительского мировоззрения, устойчивого спроса и т.п., а не с качеством межличностных отношений, целостностью общественных систем и проч. Тотальность процессов политической стандартизации и государственно-правовой унификации на основе неолберально-демократической парадигмы вызывает повсеместные системные деформации и цивилизационную конфликтогенность. Иначе говоря, действующие параметры и индикаторы устойчивого развития государственности в глобализирующемся мире, представляемые в качестве универсальных и общечеловеческих, исторически себя не оправдали.

Поэтому идейно-концептуальная доктрина развития публичных институтов власти должна интегрировать как действующие международно-правовые требования и политические стандарты, так и традиционные ценности и принципы воспроизводства социально-политической целостности и устойчивости российского общества. Прав в этом плане У. Бек, отмечая, что при формировании будущей устойчивой модели государственно-правового развития «следует заниматься вопросом, как цивилизации, не принадлежащие Западу, по-иному, чем он, планируют и представляют себе свои особые сочетания культуры, капитала и национального государства, а не предполагать, что они являются недоразвитыми вариантами некоего западного первообраза» [9]. Исследователь верно отмечает, что «политэкономическим мифом» XX века была идея, согласно которой рыночные механизмы и в целом капиталистическая система «перемелют» любую традиционную культуру, сформируют новое мировоззрение и адаптирует традиции и обычаи взаимодействия между людьми к требованиям экономической системы. Однако все больше стран, особенно государственно-правовые системы евразийских и восточных стран, которые, наоборот, «перемололи» западную политэкономическую систему и адаптировали рыночные отношения под требования своей цивилизации.

- *В-третьих*, это «тяга» на уровне массового политического мышления к восстановлению сильной государственности, в соответствии с восстановлением силы государственной власти. Причём конкретно-историческое проявление государственной силы имеет морально-правовой тип обоснования, в котором вертикаль ценностно-нормативной иерархии выстраивается от духовных, абсолютных истин и доминант к социальным. Законотворческая, правоприменительная и судебная деятельность государственной власти обрамляется нравственным содержанием и духовным долгом. Сильными в массовом восприятии являются те политические формы и правовые средства, опосредующие взаимодействие личности, общества и государства, которые основываются на духовно-нравственном служении и правообязанности, а формально-нормативный аспект общественного порядка трактуется в качестве вторичного, инструментального. Для современного массового политического мышления, как показывают социологические данные, «особое значение имеет такая ценность, как “сильное государство”. В литературе по авторитаризму она нередко интерпретируется как один из наиболее явных показателей авторитарности. Анализ наших данных показывает, что этот индикатор следует трактовать более осторожно», поскольку он связывается не с авторитарным началом государственной власти, а с морально-нравственным. Поэтому «неоправданно отождествление коммунитаристских традиций нашей политической культуры с собственно авторитаризмом». Радея за усиление государственной власти, общество, прежде всего, предъявляет «серьезный запрос на морально-политические ценности и, в частности, на идеи социальной справедливости», идеократической обусловленности властно-правовой деятельности, обеспечение и реализацию высоких духовно-нравственных (деонтологических) стандартов деятельности тех или иных должностных лиц [5].

Поэтому в отечественной политической мысли на протяжении всей истории реальное либо мнимое ослабление государства интерпретируется доктринальным, профессиональным и массовым политическим сознанием в качестве негативной тенденции, инициирующей деструктивные и конфликтогенные факторы и события, аномические политические процессы, инволюцию правовой культуры и нигилизм. При этом кардинальное реформирование публично-правовых институтов власти традиционно приводит в России к ослаблению государства, к развитию функциональных искажений и деформаций в системе государственной власти.

1. Алексеев, Н.Н. О гарантийном государстве / Н.Н. Алексеев // Русский народ и государство. – С. 380–381.

2. Любашиц, В.Я. Государственная власть: парадигма, методология и типология: монография. Ч. 1. / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев. – М., 2013.

3. Плискевич, Н.М. Российский социум девяностых (Размышления над книгой Л. Гордона и Э. Клопова) / Н.М. Плискевич // Общественные науки и современность. –2002. – № 2.

4. Мартышин, О.В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры / О. Мартышин // Государство и право. – 2003. – № 10. – С. 30.
5. Шестопал, Е.Б. Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами / Е.Б. Шестопал // Политические исследования. – 2011. – № 2. – С. 22–23.
6. Общественное мнение-2008. Ежегодник. – М., 2008.
7. Тихонова, Н.Е. Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства / Н.Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2005. – № 6. – С. 39.
8. Обретение будущего: повестка дня 2012. – М., 2011.
9. Бек, У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / У. Бек. – М., 2007. – С. 448.

РОЛЬ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА САМОЗАЩИТУ В РОССИИ

К.И. Тимошенко
аспирант

*Южный федеральный институт
г. Ростов-на-Дону*

Волна демократических реформ в России конца XX – начала XXI веков повлекла за собой изменение взаимоотношений человека и власти, его правового статуса в обществе и государстве, придав особую значимость конституционному праву личности защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ). Данное право в российской правовой науке получило название права на самозащиту и послужило стимулом к появлению в отечественном правовом пространстве альтернативных способов легальной правозащитной деятельности.

Необходимость в совершении носителем субъективного права любых защитных действий (бездействия) обусловлена уже совершенным или возможным посягательством на его законное право или свободу. Иными словами, такая необходимость является следствием правового конфликта, субъекты которого сознательно создают или стремятся создать экономические, идеологические, политические или юридические условия противоправных деяний в определенной сфере общественных отношений. Поэтому можно использовать структуры гражданского общества для урегулирования социальных конфликтов (в том числе и правовых), поскольку оно включает в себя механизмы выявления, формирования и выражения общественного мнения, необходимого для устранения возникающих конфликтов и их последствий.

Проблемой эффективного общественного устройства в разные века занимались Платон, Аристотель, Конфуций, Ф. Аквинский, Т. Мор, Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк, Э. Арато, Дж.Л. Коэн, И. Шапиро, И. Кравченко, Е. Гуренко и др. Под влиянием разницы менталитета, культур и эпох формировались разнообразные представления о содержании понятия гражданского общества. До сих пор в научной литературе нет единообразного определения того, что это. Тем не менее, большинством отечественных и зарубежных ученых, как отмечает А.К. Сквиков, под гражданским обществом понимается совокупность всевозможных общественных отношений, складывающихся «вне рамок государства на принципах самоорганизации и самоуправления» [1]. Он также указывает на то, что гражданское общество является динамичным образованием, на развитие которого оказывают влияние внутригосударственные политические, экономические и социальные изменения. Рассуждая о природе гражданского общества, Л. Грудцына предложила понимать его как средство или инструмент самозащиты человека от непосредственного вмешательства в частную жизнь со стороны государства в лице его уполномоченных органов и должностных лиц и, одновременно, как институт, предоставляющий возможность воздействия на государство для обеспечения прав и свобод личности [2].

Рассмотрим некоторые структуры гражданского общества, посредством которых может быть реализовано право человека на самозащиту прав и свобод в России. Один из наиболее активных институтов гражданского общества, посредством которого может быть осуществлено право человека на самозащиту прав и свобод в той или иной сфере общественной жизни, – это политические партии. Являясь связующим звеном между гражданами и властью, они могут в целях обеспечения реализации прав и свобод граждан, среди прочего, вносить на рассмотрение в Государственную Думу РФ законопроекты. К примеру, в настоящее время пресс-службой политической партии ЛДПР готовится проект закона о расширении пределов самообороны в уголовном законодательстве РФ, исключаящий из ст. 37 Уголовного кодекса РФ термины «необходимая оборона» и «пределы необходимой обороны» по причине неоднозначности их толкования. Вместо них предлагается закрепить в данной статье право граждан на оборону от физического на-

силія. Пункт 2 ст. 39 УК РФ будет дополнен, так называемой, «доктриной крепости», получившей широкое распространение в законодательстве ряда штатов США и устанавливающей право граждан на защиту своего жилища, а в некоторых случаях и нежилых помещений, от незаконного вторжения любыми способами.

В социальной сфере для реализации социально-экономических прав и свобод гражданами создаются различные объединения, такие как Федерация профсоюзов Амурской области, «Ассоциация юристов России» и ее региональные отделения, Саратовский областной общественный фонд защиты прав и благополучия потребителей и т.д. В зависимости от целей создания и деятельности общественных организаций различаются и способы защиты прав человека, к которым они могут прибегать. Самый распространенный способ защиты прав и свобод – это обращение с иском в суд для защиты интересов конкретного гражданина или неопределенного круга лиц. Наиболее яркий пример – деятельность общественных организаций в сфере защиты прав потребителей. Так, например, Набережночелнинским городским судом Республики Татарстан в сентябре 2013 г. было рассмотрено заседании гражданское дело по иску региональной общественной организации «Комитет защиты прав потребителей по Республике Татарстан», действующей в интересах гражданина Д. Григорьева, к закрытому акционерному обществу «ФОН» о взыскании неустойки и компенсации морального вреда за невыполнение обязательств по договору участия в долевом строительстве, предметом которого является право требования к ЗАО «ФОН» передачи двухкомнатной квартиры [3].

Особая роль среди структур гражданского общества отводится средствам массовой информации, в частности, по причине активного развития в последние десятилетия средств массовой коммуникации. СМИ посредством журналистских расследований, телепередач, газетных статей формируют общественное мнение, играя важную роль в правовом информировании граждан и стимулируя общественность на участие в акциях по защите прав человека. Соответственно, при самостоятельной защите человеком собственных прав и свобод обращение в СМИ позволяет использовать такой важный фактор как общественное мнение. Одним из примеров реализации права на самозащиту посредством обращения в СМИ может служить история годовалого Лени Румянцева, впавшего в кому из-за врачебной ошибки [4]. Несмотря на возбуждение уголовного дела по ч. 2 ст. 118 УК РФ «Причинение тяжкого вреда здоровью вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей» и проведение следственных мероприятий, добиться надлежащего лечения ребенка родителям удалось только после освещения подробностей сложившейся ситуации в СМИ.

Развитие общественных отношений в современной России носит стремительный характер и приводит к расширению круга самоорганизующихся институтов гражданского общества, что, в свою очередь, влечет за собой увеличение количества возможных рычагов их влияния на процессы, связанные с правовой защитой населения. Одним из таких самоорганизующихся элементов стала медиация – процедура разрешения правовых споров, с участием третьей, нейтральной стороны (медиатора), которая может применяться участниками спора вместо обращения к существующим государственным механизмам или параллельно с ними. Как справедливо отметила С.И. Калашникова, «... нельзя отрицать, что в современных условиях становления и динамичного развития гражданского общества они (суды) зачастую оказываются недостаточно эффективными. Участники спорных правоотношений становятся все больше заинтересованными в самостоятельном урегулировании возникающих противоречий на взаимовыгодной основе при осуществлении ими контроля над используемой процедурой и ее результатом» [5]. Результатом формирования на рубеже XX–XXI веков нового российского правосознания и правовой культуры стало понимание возможностей примирительных процедур, в частности, медиации, в системе защиты прав и свобод человека и гражданина.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что право человека на самозащиту занимает одно из центральных мест в системе прав человека в России. Оно позволяет гражданам защищать собственные права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, когда в силу различных причин такая защита не может быть осуществлена представителями органов государственной власти. Реализация данного права возможна, в том числе, и путем обращения к институтам гражданского общества, которые принимают немаловажное участие в работе комплексной системы защиты прав и свобод человека и гражданина в России, оказывая существенное влияние на установление и развитие в стране правового государства, обеспечивающего и защищающего права человека согласно общепризнанным стандартам мирового сообщества.

1. Сквиков, А.К. Формирование гражданского общества: мировая практика и российская действительность [Электронный ресурс] / А.К. Сквиков. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/106-8090>

2. Грудцина, Л. Институты гражданского общества и механизм реализации прав и свобод человека и гражданина [Электронный ресурс] / Л. Грудцина. Режим доступа: URL: http://www.law-n-life.ru/arch/114/114_Grudtsyna.doc.

3. Сайт Региональной Общественной организации «Комитет защиты прав потребителей по Республике Татарстан» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kzpprt.ru/sudebnaya-praktika/zao-fon-1>
4. Ежедневная электронная газета «Общественный контроль» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ok-inform.ru/zhurnalistskie-rassledovaniya/5967-obzhegshis-na-moloke-v-komu-ne-vpadayut.html>
5. Калашникова, С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции / С.И. Каашникова. – Екатеринбург, 2011. – С. 3.

ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ

Ч.А. Дзотов
аспирант

Московский психолого-социальный университет
г. Москва

Рассмотрение принципов и правил регулирования и развития правовых отношений, связанных с реализацией конституционного права на квалифицированную юридическую помощь, только в рамках сложившейся в конституционно-правовой науке и практике «теоретической структуры» является недостаточным. Поэтому, с нашей точки зрения, данную помощь как конституционно-правовой феномен следует анализировать в широком «исследовательском контексте», учитывая различные стороны его правового бытия – *формально-юридическое, социально-правовое, ценностно-нормативное*.

В этом аспекте считаем целесообразным дифференцировать принципы и правила, регламентирующие отношения сторон при оказании квалифицированной юридической помощи на две основных группы: ценностно-нормативные и специально-юридические (рис.).

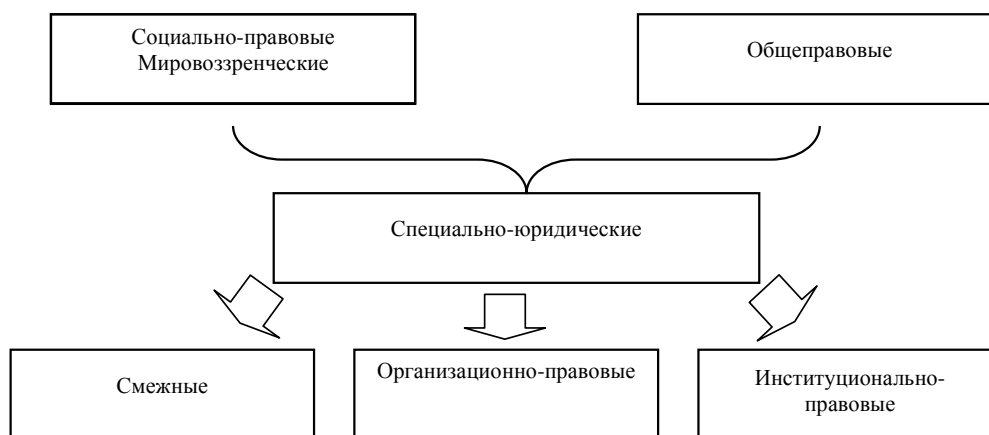

Рис. Принципы функционирования и условия развития правоотношений, связанных с реализацией конституционного права на квалифицированную юридическую помощь

Ценностно-нормативная группа с нашей точки зрения можно условно подразделить на такие два подвида как мировоззренческие и общеправовые. *Мировоззренческие* конституционно-правовые ценности и принципы связаны с правовой культурой и правосознанием граждан. Они определяют особенности развития отношений и их общий характер, избрание нормативных моделей и форм оказания юридической помощи, в целом обуславливают понимание и содержание понятия «квалифицированная юридическая помощь».

Здесь следует отметить, что некоторые ценностно-нормативные принципы-идеи, оказывающие регулирующее воздействие на развитие тех или иных отношений, не всегда находят своё закрепления в законодательстве в виде соответствующих формулировок, однако, являются исходными в их развитии. К таким принципам-идеям относятся, как правило, гуманизм, социальная справедливость, принцип социальной свободы, социально-правовой защищенности личности, принцип социального и гражданского долга. Поэтому данные социально-правовые принципы, носящие мировоззренческий характер, *пронизывают всю деятельность субъектов общественного взаимодействия*. Кроме того, важно подчеркнуть, что ценностно-нормативные требования выступают в качестве *деонтологических основ* профессиональной деятельности.

сти юриста и, как правила, фиксируются в тех или иных профессиональных кодексах этического поведения и проч.

Гуманистические основы в реализации права на квалифицированную юридическую помощь означает, что в ходе её осуществления должны учитываться не только юридические результаты деятельности, но и социально-духовные, моральные последствия. Например, необходимо учитывать, что в ходе осуществления юридической помощи могут возникать такие ситуации, когда лицо, оказывающее данную помощь не нарушая требования норм права, может причинить социальный и моральный вред. Так, гуманное отношение к людям является основополагающим, непререкаемым принципом, входящим в кодекс профессиональной этики юриста, представляющий собой систему «моральных принципов, лежащих в основе деятельности юриста и служащих его мировоззренческим и методологическим ориентиром» [1].

Во многих деонтологических кодексах подчёркивается, что одной высокой квалификации (диплом и последующие аттестации) недостаточно для того, чтобы состоять в качестве профессионального работника юридического труда. В этом плане фиксируется, что исходным, основополагающим в юридической деятельности является заботливое отношение к каждому человеку, с которым он сталкивается в процессе выполнения своей профессиональной деятельности. Все люди, с которыми по роду своей деятельности юрист общается (свидетели, потерпевшие, подозреваемые, подзащитные и т.д.), воспринимают его не только как исполнителя определенной профессиональной роли, но и как человека со всеми его положительными и отрицательными качествами. Поэтому, гуманное (уважительное) отношение к людям представляет собой такое отношение, в котором практически (в соответствующих действиях и мотивах) признается достоинство личности. Сложившееся в моральном сознании общества понятие уважения предполагает: возможное наиболее полное удовлетворение интересов людей, доверие к людям, внимательное отношение к их убеждениям, проблемам, чуткость, вежливость, деликатность и др.

Социальная справедливость означает, что при оказании помощи следуют учитывать, что требования юридических норм и их применение к конкретным ситуациям может привести к нарушению формального равенства и справедливости, породить для лица, получающего помощь, неблагоприятные социальные последствия. Например, с точки зрения О. Хёффе социально-правовая справедливость в общественном взаимодействии предполагает достижение баланса между пользой (положительным социальным результатом) и ущербом (негативные социально-правовые последствия): «Согласно основной идее беспристрастности и взаимности предметом справедливости является такое устройство общежития, которое не приводит к “распределению” его пользы и ущерба на разные группы. Если предположить, что баланс пользы и ущерба в целом является положительным – иначе предпочитают жить отдельно, – то он должен идти на благо не просто обществу как коллективу, но и каждому в отдельности» [2].

С выше рассмотренным принципом тесно взаимосвязан принцип *социальной солидарности*, который предполагает, что развитие общественных отношений основывается: во-первых, на взаимных обязательствах и ответственности друг друга; во-вторых, на взаимопомощи, т.е. в случаях опасности, неблагоприятных жизненных ситуациях, нужды и т.п. предусматриваются социальные формы и способы взаимопомощи.

Принцип *социально-правовой защищённости* также является исходным в развитии отношений, связанных с реализацией права на квалифицированную юридическую помощь и носит комплексный, системный характер. В процессе общественного развития, на различных этапах социальной и правовой организации человек создавал различные организационные формы и способы защиты и обеспечения своих интересов и потребностей. Комплексность данного принципа заключается в том, что последний лежит в основе всех форм и видов социального взаимодействия (как частноправового, так и публично-правового) в системе личность – общество – государство. При этом непреходящий характер данного принципа обусловлен стремлением человека сохранить, защитить свою жизнь, индивидуальную свободу, здоровье и т.д. [3].

Социально-правовой принцип *добросовестности* также является комплексным, исходным принципом развития отношений по поводу оказания и получения квалифицированной юридической помощи. Например, в Кодексе профессиональной этики адвоката изложена целая система социально-правовых требований, обязанностей и этических стандартов, характеризующих добросовестное выполнение профессиональной деятельности. Так, согласно Кодексу профессиональной этики адвоката п. 1. ст. 8 адвокат должен честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполняет свои обязанности, активно защищает права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещёнными законодательством средствами и др.

Общеправовые принципы представляют собой общеобязательные исходные нормативно-правовые положения любых правовых отношений, которые отличаются универсальностью, общезначимостью, определяющие как содержание правового регулирования, так и критерии правомерности поведения и взаимодействия всех участников, регулируемых правом отношений. Общие принципы присущи любой без исключения соци-

ально-правовой деятельности субъектов, разнообразным общественным отношениям и взаимодействиям, разворачивающихся в правовой жизни общества [4].

К общеправовым принципам, как правило, относят законность, обеспечение прав, свобод и законных интересов, верховенство прав, правовое равенство и др. Рассмотрим кратко данные принципы применительно к особенностям отношений, связанных с оказанием и получением юридической помощи.

Законность при осуществлении правовой помощи предполагает, что последняя реализуется исключительно в рамках требования юридически норм. Конечно, случаются жизненные обстоятельства когда, например, адвокат стоит перед нравственно-этической проблемой, когда интересы адресата помощи идут вразрез с нормативно-правовыми принципами, т.е. возникает конфликт принципа законности и не менее важного принципа – приоритета интересов лица, получающего юридическую помощь. В данном случае, основополагающим, без сомнения, является конституционно-правовой принцип законности. Другими словами правовые отношения между всеми участниками процесса оказания квалифицированной юридической помощи, строятся и реализуются в строгом соответствии с действующим законодательством.

Данный принцип законности развивается в текущем законодательстве, например, в п. 1 ст. 7 «Об адвокатуре и адвокатской деятельности». Кроме того, также говорится о том, что адвокат должен соблюдать и кодекс профессиональной этики, который хотя и требует приоритета интересов субъекта, которому оказывают юридическую помощь адвокат, но отмечается, что этот принцип не может противоречить общеправовому принципу законности.

Принцип *верховенства прав и свобод* также основывается на конституционной норме (ст. 2, ст. 18 и др.) и является общеправовым принципом развития любых правоотношений. Этот принцип предполагает, что человек имеет возможность пользоваться всеми «выгодами (правами, конституционными гарантиями и проч.), которые даёт закон, и требовать соблюдения и принудительного осуществления своих прав. Именно из этого логически и вытекает обеспечение правовых форм и способов оказания юридической помощи. По справедливому замечанию М. Кику, этот принцип ориентирует на два важных принципа, связанных с функционированием юридической помощи. Во-первых, «если государство принимает или изменяет законы, которые настолько сложны, что многие из тех, на кого они направлены, не в полной мере или совсем не понимают их ни в теоретическом плане, ни в плане практических возможностей их использования, то... существует обязанность государства каким-либо образом облегчить доступ к законам, сделав его более реальным». Во-вторых, это предполагает, что «равный доступ к закону для богатых и бедных жизненно важен для реализации принципа верховенства права¹. Таким образом, жизненно важно обеспечить необходимую юридическую помощь и представительство всем тем, чья жизнь, свобода, собственность или доброе имя находится в опасности и кто не может оплатить соответствующие услуги» [5].

Принцип *равноправия* или иначе принцип равенства всех перед законом также зафиксирован на конституционно-правовом уровне и является общеправовым. При этом реализацию этого принципа гарантирует государство, ч. 2 ст. 19 Конституции РФ. В соответствии с этим общеправовым принципом в общественном взаимодействии обеспечивается равенство возможностей граждан во всех сферах их жизнедеятельности. При этом степень реализации этих возможностей зависит от социально-правовой активности самого человека.

Применительно к отношениям, связанным с осуществлением и получением юридической помощи можно отметить, что принцип равенства будет являться абстрактным (пустым, лишённым своего конкретного содержания), если в обществе не организационно и институционально не обеспечены (в действующих юридических нормах, учреждениях и т.д.) возможности защиты своих прав и законных интересов. Так, например, принцип равенства будет «пустым» если лицам, не имеющим возможности оплатить юридические услуги, не будет гарантировано государством право на получение бесплатной юридической помощи, а также обеспечены необходимые условия для реализации права на бесплатную помощь (создана действующая система её оказания, определены субъекты её осуществляющие и проч.).

Поэтому, общеправовой принцип равенства предполагает, что право на юридическую помощь является необходимым «предварительным условием» для тех, кто нуждается в правовой защите и в доступе к правосудию. При этом сама квалифицированная юридическая помощь представляет собой правовой механизм, «который устраняет барьеры на пути равного доступа к правосудию, особенно те, которые связаны с недостатком финансовых средств. В этом смысле юридическая помощь является защитой от двух ярусов системы правосудия, на одном из которых люди в состоянии платить, а на другом нет... если равенство перед законом – это не просто пустое обещание, власти должны взять на себя задачу гарантиро-

¹ В данном случае полагается прямая взаимосвязь верховенства права и доминирование высшей ценности прав и свобод человека, необходимостью их государственного признания (например, в принятии Всеобщей декларации прав человека 1948 г.) и защиты.

вать всем гражданам равные возможности защиты их прав и содействовать реализации их интересов» [Там же. С. 125].

Принцип *правосудия* выражает гарантии защиты прав, свобод и законных интересов в судебном порядке. В ч. 1 ст. 46 Конституции РФ записано: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод». Равный доступ всех к системе правосудия является основополагающим элементом любой правовой системы. В этом плане конституционное право на квалифицированную юридическую помощь представляет собой один из значимых элементов доступа к правосудию, обеспечения его реального функционирования в жизнедеятельности граждан, поскольку оно, как отмечалось выше, связано главным образом с защитой прав и свобод человека и гражданина в сфере судопроизводства. При этом конституционные права и государственные гарантии, закреплённые в п. 1. статья 48 Конституции РФ, многими теоретиками права и практикующими юристами относятся именно к блоку прав и гарантий судебной защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина. Однако, мы уже обосновывали, что юридическая помощь по своему содержанию шире, чем гарантированная правовая помощь в защите прав и свобод человека и гражданина в сфере судопроизводства.

В этом плане, юридическая помощь является неотъемлемой частью системы правосудия, обеспечивает функционирование как частноправового взаимодействия в обществе, так публично-правовых отношений между личностью и государством. Более того, «сила или слабость общества измеряется высотой барьеров на пути доступа к существующей в нем системе правосудия. Институт правовой помощи – один из инструментов доступа к системе правосудия. Он открывает двери в мир правосудия для тех, чей социально-экономический статус не позволяет пробиться туда самому» [6].

Специально-юридические принципы, обуславливающие развитие правовых отношений, связанных с получением и оказанием юридической помощи, можно условно подразделить на: смежные, организационно-правовые и институционально-правовые.

К **смежным принципам**, которые характерны для многих видов правовых отношений, следует, по нашему мнению, отнести такие принципы, как равенство возможностей, свобода слова и высказывания личного мнения и др.

Принцип *равенства возможностей* утверждает идею о том, что каждая субъект, каждая сторона в тех или иных правоотношениях должны иметь необходимые возможности по защите своих прав, свобод и законных интересов. Принцип равенство конкретизируется в любой отрасли права, являясь отраслевым выражением конституционного принципа равноправия. Так, например, в ст. 2 ТК РФ закрепляется принцип равенства как основополагающая норма-принцип, «пронизывающая» все без исключения трудовые правоотношения. По отношению к юридической помощи данный принцип в основном анализируется в контексте системы правосудия. В этом плане утверждается, что ни одно судебное разбирательство не может считаться справедливым и равноправным, если сторонам не представлена возможность участвовать в подлинно состязательном судебном разбирательстве.

Этот принцип «предполагает ряд элементов и связан с другими правами, такими как право на справедливое и публичное судебное разбирательство компетентным, беспристрастным и независимым судом, созданным на основании закона». При этом «если стороны находятся в существенно неравном положении, справедливость и самого процесса, и его результата сомнительна. Результат процесса тем более сомнителен и его справедливость может быть легко оспорена, если одна из сторон имеет представителя, а другая, вследствие нехватки средств, нет» [5. С. 129].

Принцип *свободы слова и высказывания личного мнения* при осуществлении юридической помощи также представляет собой реализацию конституционного права на эту помощь. Так, согласно ст. 29 Конституции РФ никто не может быть принуждён к отказу от выражения своего мнения и убеждения, однако, свобода высказывания, как и другие права и свободы, подчиняется общему правилу: она действует до тех пор, пока не нарушаются другие права или общественные интересы. Применительно к отношениям, связанным с осуществлением и оказанием юридической помощи данный принцип свобода слова в устной речи является важнейшим инструментом, который использует субъект при оказании квалифицированной юридической помощи. Именно посредством произнесения устной речи, например, адвокаты добиваются защиты или восстановления прав своих клиентов. В то же время это не исключает, а напротив предполагает ответственность юриста за заявления, сделанные им публично (например, в ходе судебного заседания) в процессе защиты интересов своего клиента.

В свою очередь, свобода мнения является категорией субъективного характера, «каждый вправе его высказывать, и не обязан при этом каждое своё определение снабжать обильной фактурой. Особенно это относится к лицам, оказывающим юридическую помощь. Они не должны быть привлечены к любому виду юридической ответственности за высказывание своего мнения, даже в том случае, если последнее основано на заведомо ложных сведениях... Ведь никому не придёт в голову привлекать к ответственности следователя или прокурора за выражение ими своего негативного мнения по отношению, например, обвиняемого» [7].

Организационно-правовые принципы представляют собой комплекс норм-принципов, юридических средств и технологий правового воздействия на общественные отношения, связанные с оказанием и осуществлением юридической помощи. К таковым организационно-правовым началам, регулирующим правовые отношения юридической помощи, с нашей точки зрения, следует отнести:

– принцип *равного доступа к правосудию и справедливого судебного разбирательства*, недопущение дискриминации граждан при оказании квалифицированной юридической помощи (т.е. конкретизация вышеуказанных принципов непосредственно к отношениям оказания и получения квалифицированной юридической помощи);

– принцип *достоверности информации* относительно полномочий лица, осуществляющего предоставление юридической помощи, а также широкое *информирование* населения о лицах, оказывающих квалифицированную юридическую помощь;

– принцип *контроля* за соблюдением лицами, оказывающими бесплатную юридическую помощь, норм профессиональной этики и требований к качеству ее оказания. Данный контроль, как уже отмечалось выше, может осуществляться как органами публичной власти в форме правовых критериев профессионализма и квалификационных требований к профессиональной деятельности, так и институтами гражданского общества – например, в форме установления профессиональных стандартов деятельности, этических кодексов поведения и проч.

В свою очередь к **институционально-правовым** принципам организации и регулирования отношений, связанных с оказанием квалифицированной юридической помощи, следует отнести:

– *во-первых*, принцип доступности юридической помощи предполагает, что субъект, нуждающийся в квалифицированной юридической помощи, имеет свободный доступ к ней, т.е. должен получать ее беспрепятственно и при любых обстоятельствах. Так в соответствии с действующим законодательством РФ субъект права может быть ограничен в свободе передвижения, быть признанным ограниченно дееспособным или вообще недееспособным, но не может быть ограниченным в доступе к лицу, оказывающему квалифицированную юридическую помощь. Например, в уголовном судопроизводстве это выражается в праве на доступ к защитнику, а в гражданских правоотношениях – в введении дел через своего законного представителя;

– *во-вторых*, принцип свободного вступления в отношения, предметом которых является оказание юридической помощи, связан напрямую с предшествующим принципом и предполагает свободный выбор по своему волеизъявлению субъекта этой помощи. Этот принцип выражается, с одной стороны, правом на свободный выбор конкретного юридического помощника (например, заключение соглашения с любым адвокатом, имеющим право заниматься адвокатской деятельностью на территории РФ), с другой – это запрет навязывания субъекта, оказывающего квалифицированную юридическую помощь (т.е. субъекту, попавшему в трудные жизненные обстоятельства, не могут быть навязаны услуги какого-либо конкретного лица, от которого якобы зависит благоприятный исход дела, или качество оказания помощи и проч.). Кроме того, этот принцип распространяется не только на особенность возникновения правовых отношений между субъектом, нуждающимся в помощи и лицом ее оказывающим, но и на сам характер ее реализации. Так, данный принцип устанавливает запрет на устранение субъекта, оказывающего юридическую помощь от представления интересов своего поручителя;

– *в-третьих*, принцип свободного выбора формы квалификационной юридической помощи, т.е. субъект, оказавшийся в проблемной жизненной ситуации, имеющей правовой характер, может самостоятельно и свободно выбрать форму юридической помощи, обратившись либо к профессиональному сообществу защитников – адвокатуру, либо к государственной системе бесплатной юридической помощи. Так, в ФЗ «О бесплатной юридической помощи» в п. 6 ст. 5 четко зафиксировано право на «свободный выбор гражданином государственной или негосударственной системы бесплатной юридической помощи»;

– *в-четвертых*, принцип конфиденциальности отношений с субъектом, оказывающим юридическую помощь. В соответствии с действующими нормативно-правовыми актами и деонтологическими кодексами профессионального поведения общение лица, оказывающего юридическую помощь, им лица, получающего должно строиться на принципах конфиденциальности и сведения полученные при реализации этой помощи не могут быть разглашены третьим лицам без согласия адресата помощи. Например, в ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации» определяется, что адвокат не вправе «разглашать сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием последнему юридической помощи, без согласия доверителя»;

– *в-пятых*, принцип наделения лица, оказывающего юридическую помощь, особыми правами, который выражается в обязанности уполномоченных лиц совершать определённые действия по отношению к субъекту, оказывающему юридическую помощь. Например, данный субъект должен быть извещён о времени и месте, где его клиенту понадобится квалифицированная юридическая помощь или субъект, оказывающий помощь имеет право обращаться в государственные и иные органы за информацией, необходимой для качественного предоставления правовой помощи;

– *в-шестых*, принцип профессионализма, объективности и беспристрастности при оказании юридической помощи выражается в том, что субъект, оказывающий данную помощь, не может: действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне; занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда защитник убежден в наличии самоговора своего подзащитного; делать публичные заявления о доказанности вины доверителя, если он ее отрицает; принимать поручения на оказание юридической помощи в количестве, заведомо большем, чем в состоянии выполнить и проч.

1. Кодекс профессиональной этики юриста [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yurist-online.com/uslugi/yuristam/literatura/deont/56.php>.

2. Хёффе, О. Справедливость: философское введение / О. Хёффе. – М., 2007. – С. 40.

3. Юридическая деонтология / под ред. проф. О.Ф. Скакун. – Харьков, 1999.

4. Политическая и правовая жизнь общества: актуальные проблемы. – М., 2000.

5. Кики, М. Право на юридическую помощь в гражданском судопроизводстве: обоснование с позиций принципа верховенства прав человека / М. Кики // Бесплатная юридическая помощь и обеспечение доступа к правосудию в России: сб. докл. – М.: ООО «ЛигалСтадис.РУ: консалтинг и коммуникации», 2010. – С. 132–133.

6. British Columbia Coalition for Access to Justice 4. The Legal Aid Stories. Fall 1998.

7. Мельниченко, Р.Г. Об иммунитете устного высказывания адвоката / Р.Г. Мельниченко // Адвокат. – 2005. – № 9. – С. 30–31.

НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ И ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Л.М. Медведева

д-р ист. наук, профессор

М.И. Полозов, студент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Современное состояние России характеризуется наличием множества социально-экономических проблем, решение которых для большинства населения страны требует значительных усилий или не представляется возможным. К наименее защищенным с этой точки зрения социальным группам относится молодежь. Трудности с получением образования, устройством на работу, приобретением жилья и других благ существенно снижают качество ее жизни. Сложившиеся условия социализации молодежи, включающие не только материальные, но и культурные, нравственные, идеологические факторы, затрудняют формирование всесторонне развитой, самостоятельной, ответственной, профессионально подготовленной личности. В то же время будущее страны зависит от того потенциала, который закладывается в молодое поколение, и от того, как оно сможет им распорядиться. Именно поэтому вопросы молодежной политики представляются актуальными, соответствующими приоритетным национальным интересам.

В последние годы усилилось внимание исследователей к проблемам обучения, воспитания, трудоустройства, ценностных ориентаций юношей и девушек. Они отмечают изменения, происходящие в молодежной среде, и анализируют вызвавшие их причины. Свои теоретические изыскания и практические выводы авторы все чаще связывают с молодежной политикой государства, путями и средствами ее совершенствования.

Е.В. Еремина вполне обоснованно называет формирование гражданской идентичности и патриотизма российской молодежи одной из приоритетных задач современного государственного управления [2]. В.А. Смирнов и Д.С. Савченко своевременно ставят вопрос о разработке эффективных механизмов управления процессом молодежной самоорганизации и социальной интеграции. Ссылаясь на концепцию Э.Шилза, они отмечают, что молодежь на «периферии» копирует ценностно-нормативные программы «центра» и это создает социальную напряженность. Авторы говорят об особом феномене – провинциальной молодежи, студенчестве, имеющем изначально меньшие возможности для успешного жизненного старта, получения адекватного современности образования, самореализации и обретения высокого социально-экономического статуса [12].

В работе О.А. Коряковцевой [6] рассматривается процесс формирования и реализации государственной молодежной политики в России с 1990-х годов по настоящее время. По мнению автора, указанный

период становления государственной молодежной политики в России можно условно разделить на три этапа, каждый из которых имеет свои особенности и соответствующий уровень управления. На первом этапе (1990–1995 гг.) – федеральном – были определены права молодежи, принципы формирования государственной молодежной политики и приняты важные федеральные правовые акты. Для второго этапа (1996 – 2000 гг.) – регионального – характерно делегирование полномочий по развитию молодежной политики преимущественно субъектам государства, которые взялись за расширение нормативно-правовой базы, опираясь на федеральные стандарты и законодательство. На третьем этапе (2000 г. – настоящее время) в связи укреплением вертикали власти доминирующие позиции вновь занимает федеральный уровень управления молодежной политикой. Предложенная автором периодизация подчеркивает смещение уровня политического управления в зависимости от сложившейся в стране конъюнктуры.

Пониманию содержания и особенностей разработки и реализации государственной молодежной политики способствуют исследования, посвященные процессу ее законодательного оформления. В работах И. Ильинского, В. Лукова [4], П. Меркулова [7], Т. Ростовской [10], и других авторов рассматривается развитие нормативно-правовых основ государственной политики, регламентирующей положение молодежи. Обобщая итоги законотворческой деятельности органов власти в 1990-е годы, П. Меркулов отметил, что она носила непоследовательный и сумбурный характер, в результате чего сложился объемный массив нормативно-правовых актов, не являющихся единым цельным механизмом регулирования молодежной политики. В следующем десятилетии, согласно мнению исследователей, законодательная база расширялась и в большей степени соотносилась с потребностями совершенствования деятельности государства в отношении молодежи.

Положительной тенденцией, обозначившейся в последние годы, можно считать внимание авторов к теоретическому обоснованию молодежной политики. Интересную интерпретацию концепций, существующих в современной зарубежной и отечественной социологии, представил в своей работе В.А. Смирнов [11]. Он полагает, что измерения молодежной политики, рассматриваемой как деятельность государства и общества, определяются преобладанием проблемного или ресурсно-ориентированного подхода к молодому поколению. Первый предполагает отношение к молодежи как к группе, несущей социальную напряженность, второе – как к ресурсу реализации каких-либо политических решений, проектов, программ и стратегической ценности. Исходя из этого определяются модели молодежной политики: социального контроля, мобилизационная и социального воспитания. Автор отмечает, что рассмотрение молодежной политики как особого механизма, позволяет эффективнее анализировать особенности взаимоотношений государства, общества и молодежи. Он выделяет различные виды рассогласований в структуре молодежной политики, которые препятствуют ее осуществлению: между программным уровнем, с одной стороны, конкретным воплощением в практике общественно-политических институтов, технологическим сопровождением и социальными практиками, с другой.

Иной подход к рассмотрению молодежного вопроса, разработанный учеными санкт-петербургских научных центров, представлен в статье Е. Омельченко. На основе анализа изменений «форм молодежной социальности» делается заключение, что в сегодняшних условиях традиционное восприятие молодежи в качестве объекта управления или в качестве ресурса для использования оказывается не только слабо релевантным новой ситуации, но и не дальновидным. Изложенная Е. Омельченко концептуальная позиция исходит из того, что молодежная политика окажется неэффективной, если не сможет увидеть в молодежи субъекта социальных и политических отношений. Понимание желаний молодых людей, их целей, устремлений и идей, по мнению автора и его коллег, должно стать необходимым основанием для выстраивания партнерских отношений с молодежью и привлечения ее для решения острых социальных проблем на разных уровнях.

Указанные подходы вряд ли можно считать противоречащими друг другу. В определенной степени их следует рассматривать как части целого, аргументируя тем, что молодежь – это и объект, и субъект молодежной политики. Что касается высказанного Е. Омельченко тезиса о партнерских отношениях государства и молодежи, то для такого партнерства явно не достаточно понимания желаний и устремлений одной из сторон, необходима общность интересов, которая возникает при определенных условиях, которые должны регулироваться властью и обществом.

Несмотря на наметившийся в отечественной историографии прогресс в освещении концептуальных основ и содержания молодежной политики, эта тематика требует постоянного внимания и изучения с позиций меняющихся обстоятельств и потребностей. Практическое значение имеет выявление перспективных направлений поддержки молодежи и управленческих решений.

Механизмы реализации молодежной политики, ориентированные на демократические преобразования общества, создавались вместе с новыми общественно-политическими институтами. Старые формы воспитания и приобщения молодежи к труду считались неприемлемыми. Справедливой критике и отрицанию подверглись идеологические установки, антидемократические методы и формализм в деятельности комсомола. В то же время, забвению были преданы и заслуживающие внимания сильные стороны совет-

ской молодежной политики: концептуальная детерминированность, целенаправленность, последовательность, системность. Патриотизм и коллективизм советской молодежи рождались не на голом месте, а были результатом кропотливой работы и давали положительные плоды. Достаточно вспомнить, какие масштабные проекты удалось реализовать благодаря ударным комсомольским стройкам и общественному призыву.

Отказ от принципа преемственности и разумного использования имеющегося опыта объясним радикализмом произошедшей в стране перестройки. Но он в немалой степени осложнил создание эффективных институтов молодежной политики и предопределил их частую реорганизацию.

В 1991 г. был учрежден федеральный орган исполнительной власти – Государственный комитет Российской Федерации по делам молодежи. В дальнейшем он неоднократно переименовывался и менял ведомственную принадлежность, а в 2012 г. получил название Федеральное агентство по делам молодежи, подчиненное Министерству образования и науки Российской Федерации.

В 1990-е годы начала формироваться нормативно-правовая база государственной молодежной политики. Принимались акты федеральных и региональных законодательных органов, министерств и ведомств, Федерального собрания, Президента и Правительства страны. Среди них Федеральный закон Российской Федерации от 28.06.1995 г. «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», Указ Президента Российской Федерации от 16.05.1996 г. «О мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи», Федеральный закон Российской Федерации от 24.06.1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и т.д. Часть положений федерального и регионального законодательства утратила силу и в 2000-е годы была изложена в новой редакции в соответствии с Конституцией Российской Федерации и международными нормами. Неоднократно предпринимались попытки создать специальный федеральный закон, содержащий цели молодежной политики, направления и гарантии государственной и социальной поддержки молодежи и молодежных организаций, меры защиты их прав и свобод. Но они не увенчались успехом, так как еще не сложилось ясности и единства в понимании этого вопроса в правительственных кругах.

В 1994 г. была принята программа «Молодежь России» [8]. Она предусматривала решение целого комплекса сложнейших задач по социально-экономической поддержке молодежи и продлилась в 1998–2000 и 2001–2005 годы. Ее общие итоги за 1994–1997 гг. были признаны неудовлетворительными, хотя имелись некоторые достижения – 1,5 тыс. молодых семей получили квартиры. Совет Федерации отметил успешность программы 2001–2005 гг., позволившей создать 2 тыс. региональных учреждений социального обслуживания молодежи и 1,5 тыс. клубов. Однако далее ее признали нецелесообразной ввиду отсутствия достаточных средств [17].

В результате анализа результатов практической деятельности остро обозначилась потребность в выработке более реалистичного генерального курса в отношении молодежи. Стабилизация политической власти в стране способствовала активизации работы в этом направлении. В русле общей тенденции долгосрочного планирования была подготовлена и в 2006 г. утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации «Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2016 года» [15]. В первоначальной версии документа было заложено концептуальное положение о том, что самоорганизация граждан, негосударственных организаций, бизнеса и их взаимодействие друг с другом должны стать основой общества будущего. В редакции 2008 и 2009 гг. акцент был сделан на развитие созидательной активности и самостоятельной жизнедеятельности молодежи, ее вовлечение в социальную практику.

Характер общественного развития и его приоритеты оказывали существенное влияние на содержание программных документов. Молодежь стала рассматриваться как движущая сила, способная дать новый импульс прогрессивным преобразованиям в стране. В «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации 8 декабря 2011 г. [16] говорится о необходимости внедрения инновационной деятельности в жизнь молодых людей; предполагается развитие научных олимпиад; поддержки инновационных программ, проектов, разработанных благотворительными организациями, школьниками, студентами, одаренными детьми.

В декабре 2013 г. согласно рекомендациям Министерства образования и науки Российской Федерации был составлен проект «Стратегии развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года». Основная цель создания этого документа состояла в том, чтобы обозначить долгосрочные ориентиры развития молодежной политики страны и, руководствуясь ими, разработать новые нормативно-правовые акты и систему плановых мер.

Постепенно усложнялась и развивалась структура государственных и общественных организаций субъектов федерации, призванных осуществлять молодежную политику. Они сконцентрировали свою деятельность на таких направлениях, как организационно-методическое обеспечение и взаимодействие с

молодёжными объединениями, работа с целевыми проектами и программами по содействию образованию, трудоустройству, патриотическому воспитанию юношей и девушек, их приобщению к физкультуре и спорту. При региональных департаментах молодежной политики созданы молодежные правительства и советы. Не имея законодательных и исполнительных полномочий, они получили возможность вносить предложения или проекты на рассмотрение государственных органов. Многие молодёжные общественные организации («Российские студенческие отряды», «Молодая Гвардия» и др.) и политические партии открыли свои филиалы и отделения в различных субъектах страны. Органы власти поддерживают связи с государственными бюджетными Центрами занятости населения различных населённых пунктов, используют возможности интернет-порталов по поиску работы и вакансий. Повысилась координация организаций и учреждений по информированию молодежи, проведению культурных мероприятий, конференций, семинаров, стажировок, выставок и акций к знаменательным датам. Важной частью работы в регионах стала материальная поддержка молодежи: предоставление грантов и стипендий учащимся и молодым исследователям, финансирование бизнес-проектов начинающих предпринимателей и т.д.

Основным ориентиром и средством проведения молодежной политики в стране стали федеральные целевые программы (ФЦП). Принимавшиеся в последнее десятилетие программы социально-экономического развития, среди общенациональных предусматривали решение молодежных проблем. Ряд ФЦП был адресован преимущественно молодому поколению. На программу «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006–2015 годы» в 2014 г. был запланирован объем финансирования в размере 11 064,9 млн руб., на «Федеральную целевую программу развития образования на 2011–2015 гг.» – 13 893,5 млн руб. С учетом специфики молодежной политики действующая ФЦП «Жилище» на 2011–2015 была дополнена подпрограммой «Обеспечение жильём молодых семей» (соответственно 3500,0 млн руб.) [9].

На основе федеральных разрабатываются и реализуются региональные целевые долгосрочные программы. И те и другие рассматриваются как основной инструмент государственного регулирования социально-экономического развития страны и контроля за расходованием средств. В послании Президента Российской Федерации о бюджетной политике в 2014–2016 гг. говорилось о том, что государственные программы должны стать ключевым механизмом, с помощью которого увязывается стратегическое и бюджетное планирование.

Нельзя, однако, сказать, что этот механизм отлажен и полностью выполняет свои функции. Специалисты отмечают разбалансированность его элементов: итоги выполнения программ не соответствуют планам, расчетное материальное обеспечение, как правило, не совпадает с реальными затратами. Причины заключаются не только в недостатках оценки ресурсов и планирования, но и в неэффективности используемых рычагов управления.

Между тем, ситуация требует быстрых и точных решений. Падение цен на нефть, экономические санкции западноевропейских стран привели к снижению роста доходов федерального бюджета. Нейтрализовать негативное влияние внешних факторов, обеспечить рост национальной экономики и выполнение социальных обязательств невозможно без активизации внутренних ресурсов и в первую очередь трудоспособного населения.

Молодежь как участник экономической и общественной деятельности в настоящее время, несмотря на предпринимаемые усилия со стороны государства, испытывает большие трудности. По данным Федеральной службы государственной статистики средний возраст безработных в июне 2014 г. в Российской Федерации составил 35 лет. Если среди всего трудоспособного населения России безработица наблюдалась на сравнительно низком уровне 5,0%, то в возрастной группе 15–19 лет она достигла 31,1%, а 20–24 лет – 12,4%. О проблемах трудоустройства говорит тот факт, что пребывающие в состоянии поиска работы один год и более составили 28,5% от общего числа безработных [3]. Парадоксальность ситуации заключается в том, что в стране, декларирующей необходимость инновационного развития и модернизации, выпускники высших учебных заведений не могут устроиться на работу по специальности, представители инженерных профессий не пользуются спросом, а среди наиболее распространенных вакансий на рынке труда – продавцы и рабочие без специальной подготовки.

Средняя заработная плата в России на октябрь 2014 г. по подсчетам данных с интернет-сервисов поиска работы, сделанным кадровым агенством «Президент», составила 29 053 руб. [13]. Имея такой доход, можно рассчитывать на удовлетворение минимальных потребностей в продуктах и услугах. Решение главной для большей части молодежи задачи – приобретение жилья – остается несбыточной мечтой. Ипотечные кредиты, средняя ставка по которым в январе-августе 2014 г. составила 12,2% [1], в условиях нестабильности экономики и неуверенности в завтрашнем дне не пользуются большим спросом. А цены на жилье остаются высокими: в среднем по стране в октябре 2014 г. один квадратный метр стоил 57 229 руб. [14]. Не удается обеспечить устойчивый рост жилищного строительства. Например, в Приморском крае, развитию которого в последние годы уделяется немало внимания, по данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики объём введенного с января по апрель 2014 г. жилья

уменьшился на 27% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года и составил 74,6 тыс. кв. м. На 9% сократился ввод в эксплуатацию индивидуальных жилых домов [5].

В целом реализуемые программы и проекты оказывают точечное действие на решение проблем молодежи, не приобретают масштабного характера и слабо отражают региональную специфику. Несмотря на определенные успехи государственной молодежной политики, механизмы ее реализации недостаточно привязаны к сложившимся общественным отношениям. Бюджетное содержание целевых проектов необходимо, но в условиях вялотекущего социально-экономического развития и процветающей коррупции оно дает ограниченный эффект. Основной акцент имеет смысл делать на образование и воспитание молодежи с целью повышения ее адаптации в окружающем мире и повышения способности влиять на его устройство и состояние. Прямая материальная поддержка должна подкрепляться расширением системы мер, обеспечивающих самореализацию и проявление творческой инициативы через контролируемые преференции в налогообложении, кредитовании, предоставлении прав собственности, через гарантии законности и т.д. И совершенно очевидно, что перспективы молодежи зависят без общего развития производства, науки и культуры в стране.

1. АИЖК: по итогам 2014 года средняя ставка по ипотеке вырастет до 12,5% годовых [Электронный ресурс]. URL: http://www.pkf.ru/news/news_484.html

2. Еремина, Е.В. Гражданская идентичность молодежи как приоритетное направление государственной политики / Е.В. Еремина // Власть. – 2014. – № 4. – С. 59–62.

3. Занятость и безработица в Российской Федерации в июне 2014 года (по итогам обследований населения по проблемам занятости) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/148.htm (Дата обращения: 3.11.2014).

3. Ильинский, И.М. Государственная молодежная политика в современной России: философия преемственности и смены поколений / И.М. Ильинский, В.А. Луков // Московский гуманитарный университет. – 2008. – №4. – С. 9.

4. Каковы тенденции на рынке жилой недвижимости Владивостока, Уссурийска и Находки [Электронный ресурс]. URL: http://www.rosrealt.ru/statya_nedvizhimost/804/ (Дата обращения 4.11.2014).

5. Коряковцева, О.А. Государственная молодежная политика в современной России / О.А. Коряковцева // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2009. – Сер. 4. №1. – С. 7.

6. Меркулов, П. Опыт нормативно-правового регулирования молодежной политики в постсоветской России / П. Меркулов // Власть. – 2013. – № 1. – С. 106–108.

7. О федеральной программе «Молодежь России». Постановление Правительства Российской Федерации от 25 ноября 1994 г. № 1279 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=201070138&rdk=&backlink=1> (Дата обращения 7.10.2014)

8. Перечень федеральных целевых программ и федеральных программ развития регионов, предусмотренных к финансированию из федерального бюджета на 2014 год. [Электронный ресурс]. URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/FcpList/Full/2014> (Дата обращения 29.10.2014)

9. Ростовская, Т.К. Об эволюционном развитии законодательства по вопросам государственной молодежной политики» / Т.К. Ростовская // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. – 2014. – №1. – С. 3.

10. Смирнов, В.А. Молодежная политика: опыт системного описания / В.А. Смирнов // Социологические исследования. – 2014. – № 3. – С. 72–80.

11. Смирнов, В.А. Молодежные и студенческие peer group в социокультурном контексте российской провинции / В.А. Смирнов, Д.С. Савченко // Alma Mater. – 2013. – № 12. – С. 25–30.

12. Средние зарплаты по России [Электронный ресурс]. URL: <http://person-agency.ru/salary.html> (Дата обращения 7.11.2014).

13. Средняя цена на Росриэлте в октябре [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosrealt.ru/>

14. Стратегия государственной молодежной политики Российской Федерации до 2016 года»: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 1760-р. // СЗ РФ. – 2006. – № 52. – Ст. 5622.

15. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 08 декабря 2011 г. № 2227-р. // СЗ РФ. – 2012. – № 1. – Ст. 216.

16. Тарцан, В.Н. Государственная молодежная политика в современной России [Электронный ресурс] / В.Н. Тарцан. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2010/3/13.pdf> (Дата обращения 28.10.2014)

ДЕЙСТВИЕ ПРАВА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЗНАНИЯ И СООТНОШЕНИЕ СО СМЕЖНЫМИ ПРАВОВЫМИ ЯВЛЕНИЯМИ

А.Ю. Мамычев,

д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
г. Владивосток*

А.С. Сухомлинов, соискатель

*Ростовский юридический институт МВД России
г. Ростов-на-Дону*

В юридической литературе при обсуждении проблем действия права внимание акцентируют, как правило, на трёх моментах, а именно на праве сущем (должном), существующем (позитивном) и специфическом правовом действии [1].

1. В первом аспекте, действие права анализируют как совокупность реализуемых и реализованных правовых возможностей, как то, что вошло в юридическую практику субъектов, так и то, что потенциально может войти в неё, оказывая определённое влияние на духовную область правовой жизни, прежде всего, на восприятие права его адресатами. Например, Д.А. Керимов отмечает, что «первоначально правовая возможность возникает как предпосылка создания правового установления (правотворчество) – лишь первая стадия превращения возможности в действительность, поскольку вслед за этим наступает период действия самого права, регулирования соответствующего общественного отношения (правореализация)». Поэтому взаимодействие правовой действительности и возможности обеспечивает «проникновение в глубинные пласты сущности права, выявляются связи и зависимости развивающейся правовой системы, выясняются, в какой степени её прошлое детерминирует настоящее, а настоящее – будущее» [2].

2. Во втором аспекте действие права анализируют как объективно существующие формы его выражения, как возможность возбудить у адресатов юридических норм позитивную правовую активность, используя механизм государственного принуждения. Отсюда утверждается, что действительность правовых норм, равно как и их должный характер (обязанность), «находится “в руках” государства» [3]. В этом плане сила и действие права обуславливаются обязанностью его предписаний, обеспечиваемых государством выступающей условием его мощи и действенности. Под действием права, отмечает в этом аспекта проф. С.С. Алексеев, следует понимать «пути и формы влияния права на общественные отношения, а также способы реализации юридических норм в практической деятельности людей и общественных образований» [4].

3. В третьем аспекте действие права представлено в контексте социально-правовых действий, характеризующее тем, как реализуются цели права, удовлетворяются потребности и интересы участников регулируемых правом отношений. В этом аспекте действие права рассматривается как юридически значимая активность субъектов, которая может выступать в форме правового и неправового действия. При этом неправовое действие субъектов своим возникновением обязано существующим в обществе разнохарактерным процессам, которые развиваются параллельно, иногда совпадают, в других случаях идут вразрез друг другу, образуя между собой непреодолимое конфликтогенное пространство, в контексте которого взаимодействуют субъекты. Например, Л. Фридман убеждал, что появление неправовых практик и частных неофициальных систем (теневое право) связано с формированием «пустот» или «слабости» в официальной системе регулирования общества [5].

В этом плане сам процесс формирования неправового действия является ответом общества на возникшие проблемы в социальном взаимодействии, не получившие соответствующего разрешения через официальную правовую систему. Однако этот процесс приобретает негативные характеристики в тех случаях, когда неофициальные практики трансформируются в неправовые, т.е. противостоящие официальной системе права, характеризующиеся в качестве противоправных. В этих случаях существующие официальные правовые регуляторы действия субъектов теряют свою оправданность и легитимность, авторитетность и действенность, их замещают стихийные процессы неформального правосудия, неформальные процедуры, неправовые инструменты разрешения конфликтов и т.д.

В свою очередь теневые нормы, будучи скрытыми от общественности, не корректируются публично, что позволяет активно развиваться различным формам неправового действия, образуя так называемое неправовое пространство с институционализацией теневого права [6]. Последнее формирует такое взаимодействие субъектов в контексте реализации своих целей и потребностей, которое противоречит праву, морали, социальной справедливости, публичному (общественному, государственному) интересу.

Кроме того, достаточно часто действие права и его реализация, воплощение в жизнь рассматриваются как идентичные, тождественные категории. Конечно, следует согласиться, что данные термины яв-

ляются близкими и взаимосвязанными, между ними существует определенная терминологическая связь, однако в своем содержании они не совпадают, уже даже исходя из этимологии слов «реализация» и «действие». Действие ориентирует исследователя, прежде всего, на функционирование чего-либо в определенное среде, для достижения конкретных целей, а реализация – на перевод, воплощение чего-либо в существующую действительность.

В этом плане следует согласиться с Д.А. Керимовым, что «действие права – это более широкое понятие, чем реализация правовых норм. В свою очередь реализация правовых норм – это более высокая ступень действия права» [7]. Действительно, прав В.И. Гойман, когда отмечает, что из этого общетеоретического суждения следует сделать два важных вывода: *во-первых*, что действие права охватывает своим содержанием реализацию права (хотя впрочем, не всякое действие право связано с его реализацией); *во-вторых*, реализация права свидетельствует о качественном, результативном действии права, указывает на то, что фактические и юридические цели действия права достигнуты [1. С. 51].

Таким образом, действие права связано с воплощением в жизнь функциональной направленности права, его информационной, ценностной, регулирующей и охранительной функций, на его преобразующую и организующую роль, а реализация права – с формами и способами реализации конкретных установлений, содержания нормативно-правовых актов, рассматриваемое в контексте достижения результативности действия права, выраженное в фактических правомерных действиях (правомерном поведении субъектов). Например, Ю.И. Гревцов связывает действие права не только с юридико-технической стороной этого процесса, сколько со способностью права изменять и направлять социальную жизнь общества, посредством различных элементов, институтов и структур правовой системы [8].

В свою очередь реализация законов, как замечает Б.И. Сазонов, определяет «совокупность операций по созданию правоотношений, через которые достигается должное поведение людей, должное состояние коммуникативных связей» [9]. По мнению А.В. Полякова, действие права «представляет собой его системное функционирование», а реализация права при этом рассматривается автором как «часть этого механизма, включающая претворение возможностей, заложенных в правовой норме, в жизнь» [10].

Другим важным аспектом рассматриваемой проблематики является соотношение действия права и правового действия с правовым регулированием. Думается, что правовое регулирование является частью, аспектом действия права, оно представляет собой совокупность юридических средств, механизмов и институтов специально-юридического воздействия на правовое действие субъектов, с целью вызвать, обусловить у последних общественно полезные или желательные действия. «Одновременно, – пишет по этому поводу В.И. Гойман, – это также деятельность по отбору, закреплению в предписаниях и передаче в практику юридических средств организации поведения и деятельности индивидов и коллективов, по внедрению в правовую систему специально-юридических механизмов обеспечения должного поведения, блокирования деструктивных форм его проявления и стимулирования конструктивной активности граждан и их организаций» [1. С. 56–57]. Таким образом, правовое регулирование представляет часть механизма действия права, которая характеризует государственно-правовое воздействие права, посредством формирования определённого юридического инструментария (правового режима), на деятельность его адресатов.

В свою очередь правовая деятельность является составной частью действия права, выражает «субъективно-деятельностный» аспект его функционирования, поскольку отражает правомерную деятельность граждан, органов государственной власти и иных субъектов права, направленную на сохранение, воспроизводство либо совершенствование юридического механизма правового регулирования, в том числе его компонентов: механизмов правового регулирования, правореализационного процесса и государственно-властного принуждения. В этом плане акцентируется внимание на конкретных действиях субъектов права, которые своим практическим поведением порождают определённые, юридически значимые результаты.

Касаясь специфического характера уже юридической деятельности, отметим, что она состоит в том, что: *во-первых*, является осознанной и целенаправленной и поэтому ее осуществляют только уполномоченные государственные органы и их должностные лица, а также дееспособные граждане и их организации, которые могут, например, осуществлять влияние на правотворческий процесс и т.п.; *во-вторых*, в отличие от правового поведения имеет ярко выраженный публично-правовой, официальный характер и часто оформляется в тех или иных актах-документах (нормативных, правоприменительных, интерпретационных).

К субъектам данной деятельности относят компетентные государственные органы и их должностных лиц, а также граждан и их организаций. Поэтому принято выделять:

а) *собственно юридическую деятельность государства*, выраженную в правотворческой, информационной, правоприменительной, правоохранительной видах деятельности, а также деятельность в сфере социально-правового контроля. Юридическая деятельность граждан в данных сферах правовой активности государственных органов и должностных лиц подчинена волевым решениям органов государства и согласуется с ними. В этом измерении, как отмечает профессор В.М. Серых, деятельность граждан и различных институтов

гражданского общества, лишённая собственных целей, выступает скорее объектом, чем субъектом юридической деятельности государства и не образует ее отдельного, относительно самостоятельного вида [11];

б) *юридическая деятельность граждан и институтов гражданского общества* представляет относительно самостоятельным видом только на стадии реализации норм частного права. Именно здесь граждане и их организации выступают в качестве самостоятельных и действенных субъектов, а государственные органы и должностные лица, наоборот, лишены здесь ведущей роли и осуществляют, как правило, функции социально-правового контроля, надзора за законностью в юридической деятельности граждан и общественных институтов.

Таким образом, действие права и правовое действие субъектов выражают не только сущностное и функциональное назначение права, но и в практическом плане уровень «прочности» и стабильности социально-правового взаимодействия, а также устойчивость правопорядка, формируя объективные критерии в оценке социального поведения. В этом плане следует также учитывать, что право, как впрочем, и любой социальный институт, должно соответствовать как определённым функциональным требованиям, заключающиеся в обеспечении относительно устойчивого и стабильного существования социальной системы, ее целостности и единства; так и должно быть направлено на охрану национально-культурной стандартизированной деятельности, обеспечивающей преемство и воспроизводство базисных (ценностно-мотивационных, духовно-нравственных и др.) интеграционных основ конкретного общества. Русский дореволюционный юрист С.А. Муромцев отмечал в своё время, что право «есть лишь средство к достижению некоторых культурных целей», поэтому его функционирование «должно оцениваться с точки зрения этих целей» [12].

Поэтому, по справедливому замечанию румынского исследователя А. Нашица, вообще «никакое правотворчество в подлинном смысле этого слова не было бы возможным, если бы оно не стремилось к моделированию правовых норм в соответствии с характерными свойствами, стабильными структурами и закономерными связями, которые право должно не только отражать, но и упорядочивать» [13]. Следовательно, именно правовая типизация, адекватная социально-экономическим, политическим, духовным и ценностным условиям может обеспечить адекватность и стабильность правовой упорядоченности общественных отношений.

Историки и антропологи права давно уже на богатом фактическом материале показали, практически аксиоматическое положение (однако, не учитываемое в процессе правотворческой деятельности, в ходе формулирования приоритетов и направлений правовой политики государства) о том, что когда официальное право, т.е. действующий нормативно-правовой материал сталкивается с глубоко укоренившейся поведенческой практикой и народной правовой психологией и не соответствует ей, его эффективность, мягко говоря, почти нулевая.

-
1. Гойман, В.И. Действие права (методологический анализ) / В.И. Гойман. – М., 1992. – С. 42.
 2. Керимов, Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права) / Д.А. Керимов. – 2-е изд. – М., 2001. – С. 277.
 3. Неновски, Н. Право и ценности / Н. Неновски. – М., 1987. – С. 28.
 4. Алексеев, С.С. Общая теория социалистического права / С.С. Алексеев. – М., 1982. Т. I. – С. 128.
 5. Фридмэн, Л. Введение в американское право / Л. Фридмэн. – М., 1993.
 6. Баранов, В.М. Теневое право / В.М. Баранов. – Нижний Новгород, 2002.
 7. Керимов, Д.А. Философские проблемы права / Д.А. Керимов. – М., 1986. – С. 171.
 8. Гревцов, Ю.И. Правовые отношения и осуществление права / Ю.И. Гревцов. – Л., 1987. – С. 61.
 9. Сазонов, Б.И. Социальные, организационные и правовые основы механизма действия права / Б.И. Сазонов // Государства и право. – 1993. – №1. – С. 25.
 10. Поляков, А.В. Общая теория права: курс лекций / А.В. Поляков. – СПб., 2001. – С. 448.
 10. Социология права / под ред. проф. В.М. Сырых. – М., 2002. – С. 188.
 11. Муромцев, С.А. Определение и основное разделение права / С.А. Муромцев. – СПб., 2004. – С. 51.
 12. Нишиц, А. Правотворчество. Теория и законодательная техника / А. Нишиц. – М., 1974. – С. 16.

ДЕЙСТВИЕ ПРАВА КАК КАЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА

А.С. Сухомлинов, соискатель

Ростовский юридический институт МВД России
г. Ростов-на-Дону

Правовая жизнь общества как общетеоретическое понятие охватывает все сферы бытия общества, так или иначе связанные как с действием права, так и с правовым действием субъектов. Содержание этого понятия не исчерпывается действием позитивного права и соответственно законодательно определенными процедурами действия субъектов права, поскольку включает весь юридический быт народа, различного рода факторы и доминанты развития определенной правокультурной среды, непосредственно или опосредованно влияющие на режим законности и обеспечения правопорядка. Поэтому, если применить структурно-функциональный подход к рассмотрению правовой упорядоченности общественных отношений, то условно можно выделить различные уровни, социальные слои правовой жизни общества.

Во-первых, с очевидностью следует выделить аксиологический уровень, выражающий «надэмпирическую реальность бытия права» (С.И. Максимов), т.е. уровень идеального долженствования права и правового действия. Данный уровень включает не только аксиологическую (идеи права, идеалы порядка и справедливости, правовые стандарты, аксиомы и принципа права, правовая идеология) и доктринально-концептуальную (правовые концепции и доктринальные положения, категориально-понятийный аппарат) составляющие, но и доминанты, обеспечивающие правокультурную целостность и единство – тип правового мышления, стандарты социально-правового действия, «социально-правовую психологию» нации (Г.Д. Гурвич).

Во-вторых, формально-символический слой организации правовой упорядоченности, т.е. уровень знаковых форм и символической ритуализации правового действия. Соответственно данный уровень включает знаково-логическую форму организации правового материала и логику нормативного рассуждения, а также логическую форму принятия решений. Кроме того, данный срез правовой упорядоченности в конкретной правокультурной среде имеет свою специфическую символизацию правовых явлений и процессов. Выражающеся, например, в действующей государственно-правовой ритуализации и символики, в действии исполнительной, законодательной, судебной власти и проч.

В-третьих, это уровень институционально-нормативного кодирования общественных процессов и связанная с этим юридическая деятельность. Данный уровень выражает существующие юридические институты, сгруппированные в организационные комплексы, образующие юридический порядок общественных отношений, порождая тем самым особые правовые режимы, устанавливающие приделы и модели правового действия [1]. Сюда также можно отнести действие политических и социально-экономических институтов по обеспечению правовой упорядоченности общественных отношений, а также институционально-нормативную активности публично-правовых органов власти (законодательная, правоприменительная, судебная юридическая практика) и общественных институтов и структур.

И, наконец, *в-пятых*, это собственно практический срез правовой жизни общества, включающий конкретные правовые действия граждан, их организаций, юридическую деятельность должностных лиц, а также протекающие в этой сфере нормативно регламентированные процессы [2].

Следовательно, правовая жизнь общества, рассматриваемая в комплексном контексте, позволяет отразить и проанализировать все стороны юридического бытия нации, действующие негативные и позитивные тренды его развития. При этом в контексте правокультурной целостности такие категории, как действия права и правовое действие имеют существенное значение для совершенствования состояния законности и правопорядка в российском обществе.

С одной стороны, действие права выступает как качественная характеристика функционирования правовой системы, реализации основных функций и назначения права. С другой правовое действие отражает место и роль права в мыследеятельности граждан, уровень развития правосознания и правовой культуры общества. В частности можно говорить о том, что каждое правовое действие совершается в результате некоторой субъективной активности (интеллектуально-волевой, практической и проч.), которая фактически формирует саму правовую мотивацию субъекта. При этом это правовая мотивация при реализации субъективных интересов и потребностей может реализовываться в «правильных правовых формах» (И.А. Ильин), либо происходит «деформация потребностей и интересов» и «деформация процесса принятия решений» (В.Н. Кудрявцев), которые ведут к «правовым аномалиям» и прежде всего к правонарушениям, правовому нигилизму (хотя в некоторых случаях выделенные деформации в правовом действии субъектов формируют и правовой идеализм).

Итак, действие права это, прежде всего, комплексное социальное явление, отражающее «совокупный эффект» функционирования всей системы норм права, правовых институтов и учреждений, совокупности средств организации правового поведения субъектов права. В свою очередь, результатом действия права является формирование определенного порядка правового действия субъектов. Бесспорно, право

потеряло бы всякий смысл, всякое позитивное социальное значение и ценность, если бы не проявляло себя как активное творческое начало, не формировало и не изменяло общественную среду, не определяло направление, формы и способы взаимодействия социальных субъектов.

Важно учитывать, что действие права отражает не только способность различных элементов правовой системы осуществлять нормативное воздействие на поведение участников общественных отношений, но и отражает сам *процесс* функционирования этих элементов. Именно от того насколько эффективно (неэффективно), системно (хаотично) и функционально (дисфункционально [3]¹) деятельность отдельных элементов и структур зависят, в конечном итоге, социальная ценность и полезность права как такового.

В действии права можно выделить, таким образом, *статическую* и *динамическую* составляющую. Первая отражает сущностные качества самого права, т.е. информационные, ценностные, нормативные, социальные характеристики, являющиеся доминирующими в пределах определенного пространства и время, обуславливающие социальное взаимодействие и справедливый обмен, баланс жизненно важных интересов и потребностей, а также формы, методы и способы правомерного поведения субъектов. Вторая выражает процесс восприятия и творческого усвоения вышеназванных характеристик права, а также функционирование различных элементов и структур правовой системы, отдельных субъектов правоотношений по реализации права, формированию определенного образа правовой жизни общества.

В контексте соотношения статической и динамической характеристики действия права можно сказать, что «статика», особенно в романо-германской правовой семье, является *необходимой составляющей* для оценки справедливости и правомерности, разворачивающихся в обществе социальных процессов и явлений, а также качества, эффективности и легитимности правореализационной деятельности. Однако при этом следует иметь в виду, что не только статический срез действия права обуславливает динамический, но и, наоборот, с течением времени правовая практика подвергает коррекции саму статику, т.е. качественные характеристики права. Несмотря на то, что право является одним из самых консервативных, стабильных социально-нормативных регуляторов, «инструментом» общественной стабильности и безопасности, можно с уверенностью констатировать, что в процессе своего действия оно «видоизменяется с течением времени и что юридический порядок данной страны находится в состоянии беспрестанной мутации» [1].

Таким образом, *действие права* – это качественная, деятельностная характеристика всех элементов правовой системы общества по реализации информационной, ценностной, регулирующей и охранительной функций права, посредством определённых форм, методов и способов нормативно-регулирующего воздействия. Результатом реализации этих функций права, в контексте действия права, является не само поведение людей, а, прежде всего, достижения состояния упорядоченности и стабильности общественных отношений в полном соответствии с замыслом законодателя и ожиданиями адресатов правовых норм.

1. Бержель, Ж.-Л. Общая теория права / Ж.-Л. Бержель. – М., 2000. – 314 с.

2. Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М., 2005

3. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М., 2006. – С. 133.

ПРОЯВЛЕНИЕ ЭКСТРЕМИЗМА В ГИС ИНТЕРНЕТ, СМИ И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИМОРСКОГО КРАЯ (2009–2014 г.)

Н.А. Олешкевич,

канд. филос. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Экстремизм (от лат. *extremus* – крайний), проявляющийся в приверженности к крайним взглядам и действиям, является одним из признаков «эпохи перемен», – времени, когда приходят в движение языковые, культурные, религиозные и социальные нормы, переосмысливаются цели, переоцениваются ценности

¹ Дисфункция означает, что элементы и структуры системы могут в процессе своего функционирования порождать такие следствия и эффекты, которые не соответствуют их функциональной природе, что, в конечном итоге, может вызвать системные сбои и структурные кризисы, недееспособность и неадекватность системных элементов действующим процессам и событиям, в конечном итоге привести к развалу всей системы в целом.

индивида и общества. Сегодня проявления экстремизма разной окраски и степени агрессивности можно встретить и в СМИ, и в социальных сетях, и в повседневных социальных отношениях. При этом идеи, образы, лозунги и эмоциональные оценки переносятся из информационного пространства в социальное и обратно, т.е. медиа-реальность и реальная жизнь смешиваются.

Распространение экстремистских материалов, как правило, направлено либо на манифестацию радикальных идей, либо на заражение этими идеями широкой аудитории пользователей или читателей, либо на провокацию эмоциональных реакций связанных с ксенофобией, массовой истерией, стремлением к превосходству, либо на образование «коннективов» (сетевых коллективов) единомышленников.

На территории Приморского края проявления экстремизма чаще всего фиксируются в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники», в электронных СМИ, имеющих разделы «форум» или «комментарии», – это «Живой журнал», «vostokmedia.com», «lenta.ru», а так же в газете «Арсеньевские вести». Кроме того, правоохранными органами изымается большое количество аудио- и видеозаписей, видеолекций, обращений, пропагандистских и обучающих роликов, самиздатовских сборников, листовок и брошюр, изданной за рубежом литературы, связанной в основном с радикальным исламом, неонацизмом или расизмом. В последние месяцы появилась литература с признаками украинской русофобии.

В социальных отношениях экстремизм чаще всего проявляется либо в форме национальной или религиозной нетерпимости, связанной с зараженностью неокрепших умов радикальными идеями, либо в форме конфликтов между представителями различных национальностей на почве различий в понимании «культуры быта»: приличного/неприличного, личного/публичного, допустимого на людях/недопустимого и т.п. Отдельной проблемой является разница в культурно-бытовом поведении местных и приезжих в местах компактного проживания мигрантов, а так же в целом потребительское отношение мигрантов к городской инфраструктуре.

Согласно Федеральному закону от № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», экстремизм определяется, во-первых, как действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а так же социальной, расовой, национальной или религиозной розни и унижение достоинства человека, либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии. В экстремистских материалах – это заявления о неполноценности лиц, или национальных групп, зоосемантические метафоры, используемые в качестве характеристик мышления, миропонимания, мироотношения, оскорбления достоинства с использованием приемов дисфемизации и эвфемизации.

В-вторых, – как пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека, либо группы лиц по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности. В экстремистских материалах – это проявления гиперидентичности и ксенофобии, связанные с культивированием образа врага, антисемитизмом, одобрением холокоста, геноцида, депортаций.

В-третьих, – как публичные призывы к насильственным действиям против человека, либо группы лиц по признаку их социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности. В экстремистских материалах – это демонстрация образцов агрессивного поведения (избиений, угроз расправой и т.п.), сопровождающегося понятийным редукционизмом, радикализмом и психологическим манипулированием. Например, на странице «ВКонтакте» «Националисты Владивостока» дается следующее определение национализма: «Национализм – идеология и политика, базовым принципом которых является тезис о высшей ценности нации, её первичности в государство образующем процессе. В своей основе национализм проповедует верность и преданность своей нации, политическую независимость и работу на благо собственного народа, объединение национального самосознания для практической защиты условий жизни нации, её территории проживания, экономических ресурсов и духовных ценностей. Он опирается на национальное чувство, которое родственно патриотизму. Эта идеология стремится к объединению различных слоёв общества, невзирая на противоположные классовые интересы. Она оказалась способной обеспечить мобилизацию населения ради общих политических целей в период перехода к капиталистической экономике».

В-четвертых, экстремизм понимается как пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций. В экстремистских материалах – это не только символика и атрибутика Третьего рейха, на флагах, значках, телах, но и символика скинхедов и неонацистов. Наиболее часто пользователи социальных сетей размещают флаги со свастикой, цитаты и изображения Гитлера, Гимлера, Геринга, нацистское приветствие («зига») и исторические фотографии нацистов с современными надписями.

Наиболее известные группы экстремистской направленности, действовавшие на территории Приморского края в последние пять лет: «Союз Славян»; «Национал-большевистская партия (НБП)» и связанные с ней панк-группа «25 регион» и банда «Приморские партизаны»; «Хизб ут-Тахрир», «Древнерусская англистическая церковь православных староверов-инглингов», «Дом жизни» (неопятидесятники-харизматы); «Свидетели Иеговы», «Фалуньгун, Фалунь Дафа».

Таким образом, проблемы экстремизма имеют следующие аспекты проявления:

- психологический: проблемы идентичности/гиперидентичности, накопления и канализации социальной агрессии на «разрешенные» объекты, провокации со стороны СМИ и использование заинтересованными лицами техник эмоционального и ментального заражения и внушения;
- субкультурно-идеологический: проблемы установления групповой идентичности посредством оппозиций свой/чужой, выработки «инновационного» языка означивания («языка надглобальных понятий, фрагментированных представлений, сетевой онтологии, внесударственной социальности, наднациональной культуры»), образов-мемов и образов-образцов (скинхеда-нациста-фашиста-патриота), выбора символов и атрибутов, наработки образцов поведения;
- историко-мифологический: альтернативное или мифологическое понимание истории, историческое моделирование, постановочные обряды-акции, обыгрывание культурно-религиозной традиции.
- религиозно-эскапистский (уход без возврата, по Тойнби): исламисты – уход на «джихад» в Сирию, Ирак; харизматы – уход в глоссалию; Свидетели Иеговы – уход в альтернативное описание мира, религиозная исключительность, запрет на переливание крови. Поиски ворот в Средиземье, ИГИЛа, «нового неба и новой земли».
- сепаратистский: распространение идей сепаратизма, обозначенного в текстах интернет-ресурсов как «регионализм», и организация протестного движения «несистемной активности», направленной на разрушение основ конституционного строя, «против гиперцентрализма» России, выраженного в виде призывов к нарушению территориальной целостности РФ.

ТИПИЧНЫЕ (КЛАССИЧЕСКИЕ) ФОРМЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С.С. Стародубцев

аспирант каф. теории и истории государства и права

Таганрогский институт управления и экономики

г. Таганрог

Классические или типичные формы легитимации органов власти в юридической литературе только в первом приближении являются очевидным аналитическим концептом. Более детальный анализ специализированной литературы свидетельствует о разных основаниях в теоретико-правовой интерпретации «типичности». Так, в качестве классических типов легитимности государственной власти и результатов её публично-правовой деятельности приводят классификацию, предложенную немецким социологом М. Вебером, указывая выделенные им харизматический, традиционный и легальный типы оправдания публичной власти, её сущности и назначения в обществе в качестве типичных форм и оснований. Данные типы рассматривают как универсальные (типичные для публично-властного взаимодействия и его оправдания) формы легитимации власти, а уже затем, на их основе выводят неклассические (смешанные, т.е. сочетающие различные классические формы в реальной политико-правовой практике) типы легитимации институтов публичной власти.

Другой подход предлагает иной взгляд на типичность и нетипичность форм легитимации публично-правовой деятельности, который основывается не на научной классике, а на выделении традиционных (устоявшихся, авторитетных и проч.) и современных форм социального оправдания самой власти и её активности. В этом случае религиозный авторитет, правовые традиции и обычаи, правовые доктрины, общий интерес, общее благо, общественное согласие и иные, разные по своей сути и содержанию, формы и способы оправдания публично-правовой организации и властной деятельности рассматриваются в качестве классических, традиционных. В свою очередь, в качестве нетрадиционных, неклассических рассматриваются современные формы публично-властного взаимодействия, которые легитимируются не на одном традиционном источнике (авторитет священных книг, суверенность монарха, общие правовые основы, общественное благосостояние, социальный порядок и т.п.), а представляют собой сложную сеть легитимирующих друг друга элементов, источников, оснований. Переплетение последних и выступает для многих исследователей – нетипичными (смешанными) формами легитимирования актуального публично-властного взаимодействия, правового порядка и конкретной юридической деятельности [1].

В данном случае речь идёт о сложных, нетипичных, уникальных ситуациях, «в которых появляются целые сети доверия и недоверия», где доверие/недоверие выступает базовым элементом длительных общественных отношений и социального порядка в целом: «утрата доверия равноценна утрате общего смысла во всем происходящем в кругу повседневности и на всех иных уровнях социальной структуры общества» [2].

В ряде случаев исследователи вообще отходят от концептов «типичности» и «нетипичности» указывая на формальные и фактические основания легитимации государственной власти. В первом случае речь идёт об универсальных формах легитимации власти – официальные нормативно-правовые, традиционные (традиции, обычаи, устойчивые верования) или харизматические источники авторитета и доверия к власти, должностным лицам и их публично-правовой активности. Во втором случае о реальных механизмах легитимирования, задействующие различные источники и смешенные основания оправдания власти, её деятельности и результатов [3].

А.-Н.З. Дибиров вообще старается отойти от дихотомии классические и современные (нетипичные, смешанные) формы и основания легитимации институтов власти посредством формирования синтетической модели – многоуровневой модели легитимации власти. Так, он выделяет: базовый уровень легитимации государственной власти – основанный на универсальных формах легитимирования – традиции, рационально-легальный или авторитарно-харизматических источник; второй этаж (уровень) легитимация конкретных политико-правовых институтов и структур – опирающийся на базовый уровень, смешивая в зависимости от общества и конкретно-исторической ситуации указанные источники, основания легитимации власти; третий уровень – персоналистский уровень, легитимация конкретных деятелей, их деятельности и способов «вхождения во власть», на котором могут привлекаться целая серия разнообразных источников и механизмов [4].

Сложную структуру феномена «легитимации» предлагают и авторы недавно вышедшего монографического исследования, которые рассматривают последний легитимность как качественную характеристику политико-правовой организации всего общества, а легитимацию как сложный многоуровневый процесс достижения этого состояния. При этом исследователи обосновывают, что в современном государственно-правовом процессе невозможно чётко идентифицировать типичные (классические) и нетипичные (смешенные) основания легитимации, а сам процесс легитимирования вряд ли, с точки зрения исследователей, универсальную и жёсткую структуру. В монографии авторы также снимают вопрос о типичных и нетипичных формах легитимации государственной власти через формирования архитектурного строения процесса легитимации власти, политического и правового порядка, где классические и неклассические формы и основания легитимации располагаются в различных уровнях, срезах «общей архитектуры легитимности» [5].

С позиции других исследователей, например, придерживающихся социологического направления в юриспруденции, напротив, выделение классических (типичных) оснований легитимации государственной власти и неклассических (нетипичных, современных) форм и инновационных технологий оправдания её назначения и деятельности представляется достаточно важным аналитическим инструментарием [6]. Важность последнего обусловлено тем, что позволяет описать динамизм социально-правового развития, выделить источники и их развитие, описать направления трансформации юридической мысли, опирающихся или реинтерпретирующие классические концепты, формы и механизмы. Кроме того, *типичные формы легитимации выступают универсальной «матрицей познания» различных смешенных форм и неклассических вариантов оправдания деятельности и социальной значимости органов и структур власти.*

Итак, с учётом вышеизложенного представляется целесообразным, с точки зрения настоящего исследования, более подробно рассмотреть классические (типичные) формы легитимации органов государственной власти. Обращаясь к этой проблематике отметим, что достаточно часто, при рассмотрении классических форм легитимации, не учитывается то, что М. Вебер в своих работах даёт чёткое разведение двух несовпадающих феноменов: тип легитимного властного господства и оправдание (легитимация) подданными определённой государственно-правовой организации. Довольно часто эти две классических форм легитимации воспринимаются и трактуются как равнозначные, что мягко говоря, не отражает содержание веберовской концепции и её теоретико-методологического потенциала.

Согласно М. Веберу можно выделить несколько типичных социально-властных практик, в ходе которых различным явлениям и процессам государственно-правовой реальности приписывается легитимная значимость. Используя формулировки М. Вебера, в данном случае речь идёт о типичных (чистых, универсальных, классических) или идеальных «мотивах подчинения» и «внутренних оснований оправдания» власти [7]¹.

В выделяемых идеальных типах такового социального признания согласно М. Веберу важным является не только *внутренняя мотивационная структура* социального действия, но и *общественный контекст*, который выражается в соотношении субъективного поведения с поведением других людей. Дан-

¹ Следует подчеркнуть, что немецкий исследователь сам неоднократно подчёркивал, что выделенные им типы и виды – это идеальные модели. Так, он отмечал, что основываясь на методологическом принципе, называемому «условием объективной возможности и адекватной причинности» он конструирует идеальные типы.

ный контекст описывает типичные сложившиеся модели поведения в обществе, устойчивые практики взаимодействия, а также возможные (также типичные) реакции со стороны окружающих. Этот общественный контекст или межчеловеческое пространство «складывается из контактов, встреч, взаимодействий и кристаллизуется в виде более продолжительных общественных отношений множеств организаций, режимов, систем, вплоть до онтологической границы, очерчивающей все население» [2. С. 30].

К таковым типичным социальным практикам, в контексте которых общественно оформляется легитимная значимость действующих властных институтов и структур, публично-властных решений и результатов деятельности М. Вебер относит: целерациональное, ценностно-рациональное, аффективное, традиционное действия [8]. Подчеркнём, что в формировании этих классических (типичных) моделей легитимации придаётся значению, которое люди придают действиям своим собственным, действиям других людей и социальному окружению в целом.

Традиционное действие основано на существующих устойчивых общественных традициях, обычаях, привычках и т.п. Здесь легитимность приписывается всему, что соответствует исконному образу порядка, справедливости, гармонии, а всякое действие значимо в соотношении с вечно существующим, «вечного вчерашнего» [9]. При этом традиционные основы общественного взаимодействия воспринимаются как *базовый ориентир*, как образец подлинной и адекватной социальной, правовой, политической организации общественных отношений.

Данный классический тип мотивационной структуры поведения и придания значимости социального взаимодействия встречается достаточно часто в публично-правовом взаимодействии и в легитимации властной деятельности. Например, в современных отечественных исследованиях показывается, что «в российской политике действуют закономерности, парадоксальным образом приводящие к становлению демократических ценностей и институтов через традиционные психологические механизмы» [10]. Следовательно, в рамках традиционного типа социально-властных практик значимость (легитимность) тем или иным явлениям и процессам придаётся через их соответствие, включение в традицию, в обычные формы и модели взаимодействия. В этом плане следует согласиться с К. Чистовым который отмечал, что любая социальная «новация может существовать только как инновация, т.е. когда она уже втянута в традицию, адаптирована ею, функционирует в её составе» [11].

Это устойчивый общественный механизм превращения «незнакомое в знакомое», т.е. процесс превращения социально-властной новации в привычное. Суть этого процесса, с точки зрения С. Мосовичи, это «постановка на якорь» (анкоринг) новых идей, социально-властных практик, нормативных моделей поведения и проч., т.е. их сведение к привычным категориям и образцам поведения, помещения их в знакомый контекст. «Заякорить», по теории С. Московичи, предполагает: «во-первых, произвести наименование неизвестного явления (идеи, практики, образца поведения – С.С.), а тем самым описать его, наделив определёнными характеристиками (известными, понимаемыми – С.С.); во-вторых, произвести отграничение его от других (сложившихся, устойчивых, понятных – С.С.) явлений; в-третьих, превратить его в объект конвенции тех, кто имеет к этому явлению непосредственное отношение». Благодаря этому включению нового явления (идеи, нормы, установления и т.д.) в традицию соответствующей группы с помощью анкоринга, это явление становится не только частью этого социального мира, но и меняется сама традиция [12].

Аффективный тип социального действия и наделения легитимности общественных явлений и процессов основан на эмоциональной вере в значимость (легитимность) отдельных властных действий персонифицированного или деперсонифицированного (институционального) характеров. Данный тип отражает иррациональную подоплёку социального поведения, формируемого на основе определённого эмоционально-психологического состояния, которое складывается под воздействием реально существующей обстановки (межличностное пространство, контекст социального взаимодействия) и миром бессознательных структур.

Очевидно, что социальное взаимодействие осознаётся и рационализируется только выборочно, «пятнами», связывает высокорационализированные формы сознания (правовую идеологию, политику и т.п.) с миром бессознательных структур, с неосознанными культурными кодами (архетипами), психологическими состояниями и направленностями, определяя тем самым отношение личности к праву, государству и иным явлениям социально-юридической действительности, поведенческо-правовую и психолого-правовую самореализацию индивида [13]. Поэтому обращение исследовательского внимания к иррациональным основам процесса легитимации является вполне востребованным и оправданным [14]¹.

¹ Достаточно ярко и справедливо эту идею отразил современный историк права и государства И.А. Исаев отмечая, что «амбициозные убеждения современной политико-правовой науки в чистом рационализме своих категорий и понятий в жизни постоянно сталкиваются с неизвестно откуда возникающими феноменами иррационального и стихийного. Как правило, адепты этой науки просто-напросто отворачиваются от всех необъяснимых явлений и фактов, поскольку вмешательство иррационального угрожает разрушить всю выстроенную ими рациональную систему знания».

Целерациональный тип основан на наделении легитимности (значимости) тем действиям и структурам, которые способствуют достижению индивидуализированных целей. Другими словами все окружающее приобретает смысл и значение только сквозь призму индивидуального, частного блага. Главным в содержании легитимности является категория «эффективности» – «все легитимно, что способствует эффективному достижению поставленных целей и задач индивидуального существования».

Это область негативной свободы, где институционально и нормативно обеспечиваются, по заключению И. Берлина, публично-правовые рамки в которых «разрешено делать то, что способен делать человек, или быть тем кем он способен быть, не подвергаясь вмешательству» [15]. «В этой сфере все дело в моем понимании и намерении, моей цели, поскольку внешнее полагается как безличное... Субъективная воля требует, чтобы то, что пребывает внутри её, т.е. её цель, получило внешнее наличное бытие» [16].

Следовательно любая публично-властная деятельность легитимируется в том случае, если она направлена на эффективное обеспечение режима свободного, ничем не связанного (ни моралью, ни традициями, ни апелляцией к коллективным идеалам и т.д.) существования индивидов, реализующих свои утилитарные интересы и потребности, а также сформировать условия для изолированного и самодостаточно функционирующего различных социальных единиц.

Ценностно-рациональный тип исходит из того, что легитимность основана на вере в безусловную ценность самого действия, воспринимаемого как должного, соответствующего определённой рационализированной ценностной и нормативной системе. В данном аспекте социальным значением обладают те институты, структуры и собственно деятельность, которые выражают общеразделяемую систему базовых ценностей и норм, ведут к их повседневной реализации. Именно благодаря этим аксиологическим основаниям социального взаимодействия направляется и легитимируется институционализация иных, инструментальных (вторичных) ценностей, таких как юридических, политических и других общественных институтов. Именно вторичный характер последних определяет их социальное назначение и процесс их легитимации. Их целью, социальным назначением является воплощения посредством институциональных механизмов первичных, базовых общественных ценностей и потребностей.

Однако если вышеназванные типы социального действия гарантируют, согласно М. Веберу, легитимность чисто внутренне, т.е. разные типы оправдания власти в повседневной деятельности, частной жизни, то существуют и *идеальные внешние типы оправдания власти*, властных отношений в публичной сфере. К таковым классическим (типичным) основаниям внешней легитимации относятся: традиционная, харизматическая и легальная типы легитимного господства. Данные классические типы легитимного господства, определяют доминирующие стратегии обоснования существующих институтов и применяемых способов управления общественными процессами [17].

Традиционная легитимность опирается на сложную систему обычаев и традиций, которые воспроизводятся с незапамятных времён, и поддерживается укоренённой в человеке социальной привычки придерживаться устоявшихся форм и моделей взаимодействия. В этом плане легитимными становятся те та институционально-властная структура, которая наиболее адекватным образом воплощают издревле сложившийся порядок вещей, репрезентирует и поддерживает национальную идентичность. В свою очередь, легитимируются та публично-властная активность и результаты юридической деятельности органов власти и должностных лиц, которые соответствуют устоявшимся социально-культурным формам и моделям властного взаимодействия в системе личность-общество-государство.

При этом традиционная легитимация является достаточно сложной и многоуровневой, её нельзя сводить к простому копированию или производству традиций. Сама по себе традиционность (традиции, обычаи) не тождественна историческому наследию, поскольку именно преемственно воспроизводящее отношение современников к объектам, институтам, идеям прошлого «позволяет ту или иную часть исторического наследия включить в содержание категории “традиция”». Это отражает идею о том, что «сумма событий за время существования человечества – не традиция, а скорее генеалогия общества. И сумма воздействий прошлых состояний также не есть традиция, она лишь современное состояние общества» [18].

В традиции, прежде всего, обнаруживаются, с одной стороны, такие элементы, которые являются *типоформирующими* факторами конкретных социальных явлений, (государства, права, власти, справедливости и т.д.), с другой – в ней присутствуют механизмы контроля и трансляции уникального социально-правового и этнополитического опыта, обуславливающие специфический культурцивилизационный тип конкретного общества, государства, права.

Безусловно, правы и современные социологи П. Бергер и Т. Лукман отмечая, что каждый институт в свою очередь «всегда имеет историю, продуктом которой он является» [19], невозможно понять тот или иной институт, не понимая как *исторического процесса*, в контексте которого он был создан, так и специфику *институциональной преемственности*, в рамках которой эти институты становятся частью общей исторической традицией. Следовательно, институциональная структура общества формируется и развивается, как с опорой на традиционную специфику общества, так и с учётом возникающих новых социальных потребностей и интересов. Причём, государственно-правовые институты становятся именно теми консер-

вативными национальными элементами, которые сохраняют стабильность общества и идентичность граждан в постоянно изменяющемся мире.

В тоже время традиционную легитимность необходимо рассматривать в двух плоскостях, т.е. различать *техническую* и *экзистенциальную* институциональную преемственность. Так, если первая, по утверждению В.В. Волкова, отражает преданность, обязательство «играть по сложившимся правилам», то вторая представляет собой принятие некоего образа жизни, готовность стать и быть исторически обусловленными социальными субъектами [20]. Причём последнее основано на определённом образе политико-правовой мышледеятельности, которая в значительной степени предопределяет уникальность правового и политического бытия нации на различных этапах эволюции государства и права.

Таким образом, каждый социально-властный субъект переживает традиционный опыт и ведёт себя консервативным образом, поскольку «*включается* в одну из фаз развития этой объективной мыслительной структуры (обычно в современную им фазу), и ведёт себя в соответствии с этой структурой или просто воспроизводя её целиком или частично, или развивая её далее через приспособление к конкретным жизненным ситуациям» [21].

Второй тип господства это *харизматическая легитимность*, характеризуется личной преданностью социально-политических субъектов делу какого-либо человека и их верой, доверием только к его личным качествам и достоинствам, отличающиеся героизмом, образцовыми качествами, сакральным характером и другими необычайными характеристиками. «В случае харизматического господства – отмечает М. Вебер – подчиняются харизматическому *вождю* как таковому в силу личной веры в его откровение, доблесть или образцовость, т.е. в его харизму» [22].

Данный тип легитимного господства по мысли М. Вебера является предельно персонифицированным. Здесь властное подчинение, институциональное развитие обуславливаются личностно, вождизм и элитаризм являются одним из наиболее ведущих факторов, обуславливающих специфику функционирования всех сфер общественной жизнедеятельности. Харизматическая легитимация не связана напрямую с рациональными суждениями, а опирается на гамму чувств, эмоций это сенсорная по своей природе легитимация, хотя, безусловно, имеет рациональную интерпретацию, но уже как вторичный феномен [21]. При этом легитимность тех или иных политических и юридических институтов напрямую зависит от «воли» харизматического лидера, поскольку лишь созданные, равно как и поддерживаемые, личной харизмой институциональные структуры будут являться оправданными в данной социальной ситуации.

Кроме того, «*вторичной*» *легитимностью* будут наделяться и те институты, которые способствуют осуществлению великой идеи сформулированной лидером или продолжающие начатое им великое дело.

Третьим типом легитимного господства является – *легальная (рациональная) легитимность* – это, наоборот, предельная форма деперсонифицированного господства, в рамках которой социально-политические субъекты подчиняются деперсонифицированным институтам и структурам, их должностным лицам, от лица которых в данный момент на основании легальных процедур они осуществляют управление обществом. «В случае легального господства люди подчиняются законно установленному объективному безличному порядку (и установленным этим порядком начальникам) в силу формальной законности его распоряжений и в их рамках» [22].

Сущность этого типа господства сущность заключается в соответствии институтов государственной власти рационально-легальному принципу, с помощью которого установлен политико-правовой порядок. На практике такая легитимность выражается через соответствие, адекватность действующих политических и юридических институтов требованиям рационально сконструированного порядка, закреплённого в тех или иных нормативно-правовых актах (прежде всего в конституции страны). Следовательно, данная модель легитимации государственной власти основана на рациональной оценке и связана, в первую очередь, с формированием убеждённости в разумности существующего порядка, законов, привил.

Рациональная легитимация предполагает, что население поддерживает (или отвергает) государственную власть, исходя, прежде всего, из собственной оценки действий этой власти. Не лозунги и обещания (они имеют сравнительно кратковременный эффект), не имидж мудрого правителя, часто даже не справедливые законы, а практическая деятельность органов государственной власти, должностных лиц, особенно высших, служит основой рациональной оценки. Рациональная легитимность (или *легальная легитимность*) в своём законченном виде, – отмечает Ж.-Л. Кермон, – сформирована ныне в декларациях и преамбулах всех существующих демократических конституциях, а с недавних времён такая легитимность санкционирована запретом на пересмотр основных правовых текстов [23].

Однако, очевидно, что эти типы господства представляют идеализацию (идеальные типы) существующих политико-правовых процессов в том или ином государстве, поскольку в реальной государственной практике формируются смешенные (нетипичные) формы и основания легитимности публично-властных институтов и их деятельности. Так, например, нередко традиционная, харизматическая и рациональная легитимности сочетаются и взаимно усиливают друг друга, обеспечивая стабильность и преемст-

во государственно-правовой организации. Следует подчеркнуть, и на это уже обращалось внимание выше, что сам М. Вебер в своих работах постоянно оговаривал идеалистический характер своей классификации и использовал понятие легитимности в различных контекстах, то предельно сужая, то, напротив, предельно расширяя его содержание.

1. Хук ван М. Право как коммуникация / Ван М. Хук. – СПб., 2012. – С. 255–257.
2. Штомпка, П. Доверие – основа общества / П. Штомпка. – М., 2012. – С. 28, 20.
3. Дроздова, А.М. Легитимация и ответственность государственной власти во взаимоотношениях государства и личности / А.М. Дроздова, С.А. Комаров. – СПб., 2011. – С. 75–116.
4. Дибиров, А.-Н.З. Теория политической легитимности / А.-Н.З. Дибиров. – М., 2007. – С. 100–102.
5. Любашиц, В.Я. Государственная власть: парадигма, методология и типология: монография. Ч. I / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев. – М., 2013. – С. 241–260.
6. Социология права: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч-информ. исслед. Отд. правведение; отв. ред. Е.В. Алферова. – М., 2008.
7. Weber M. The Methodology of the Social Sciences. – New York: Free Press, 1949. – P. 164–170.
8. Филиппов, А.Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия / А.Ф. Филиппов // Полития. – 2002. – № 2. – С. 98.
9. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М., 1990. – С. 646.
10. Шестопап, Е.Б. Взаимоотношения граждан и власти в ходе демократического транзита в России. Теоретические проблемы / Е.Б. Шестопап // Логос. – 2003. – № 4–5.
11. Чистов, К.В. Народные традиции и фольклор / К.В. Чистов. – М., 1986. – С. 110.
12. Честнов, И.Л. Постклассическая теория права: монография / И.Л. Честнов. – СПб., 2012. – С. 177.
13. Мордовцев, А.Ю. Российский правовой менталитет: монография / А.Ю. Мордовцев, В.В. Попов. – Ростов н/Д, 2006.
14. Исаев, И.А. Власть и закон в контексте иррационального / И.А. Исаев. – М., 2006. – С. 8
15. Берлин, И. Две концепции свободы [Электронный ресурс] / И. Берлин. Режим доступа: <http://kant.narod.ru/berlin.htm>
16. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. – М., 1990. – С. 95.
17. Любашиц В.Я. Государственная власть: теоретико-методологический и правокультурный аспекты: монография / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев, О.И. Мирошкина. – М., 2012.
18. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М., 1995. – С. 92–93.
19. Волков, В.В. «Следование правилу» как социологическая проблема / В.В. Волков // Социологический журнал. – 1998. – № 3/4. – С. 165–169.
20. Манхейм, К. Диагноз нашего времени / К.Манхейм. – М., 1994. – С. 596.
21. Вебер, М. Хозяйство и общество. Ч. 1. «Экономика. Общественное устройство и власть» [Электронный ресурс] / М. Вебер. Режм доступаЖ http://www.soc.pu.ru:8101/persons/golovin/r_weber2.html
22. Чиркин, В.Е. Основы государственной власти / В.Е. Чиркин. – М., 1996.
23. Quermonne J.-L. Les regimes politiques occidentaux. – P., 1986.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А.Д. Уханов, студент

А.Г. Кравченко

канд. юрид. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Каждый феномен мыслится в определенной системе координат, основу которой составляет некоторая общеправовая традиция, создающая последующие рамки для любого понятия, явления и т.д. В юриспруденции функцию всеохватывающей, необходимой, конструирующей традиции выполняет правопонимание, т.е. представление о том, что *есть право*, какова его сущность и природа, социальная ценность и назначение. Именно правопонимание рассматривает и включает в себя все существующие явления

юридической (и социально-правовой) реальности и предопределяет их содержание применительно к отдельно взятой отрасли права.

В истории политико-правовой мысли можно выделить два наиболее комплексных, ведущих правопонимания, диаметрально противоположных и диалектически тождественных друг другу, противостояние между которыми создавало неповторимые правовые системы, пронизанные духом либо одного из типов правопонимания, либо сочетающие их в определенной мере и степени. К данным концепциям относятся теория позитивизма (нормативное правопонимание) и естественно-правовой (аксиологический, юс-натуралистический) подход. И хотя современная правовая наука провозглашает решительный отход от этих устоявшихся, «изживших себя» традиций и формирует новые типы правопонимания, не основанные на комбинирование уже известных, а совершенно по иному переопределяющие право [7], тем не менее, действующее законодательство большинства современных стран (в том числе нормы международного права) в целом находятся под влиянием «ренессанса естественного права», произошедшего после Второй мировой войны¹.

В соответствии с естественно-правовой традицией каждый человек и гражданин наделяется в силу своей принадлежности к человеческому роду, в независимости от пола, расы, социального положения (и прочих идентифицирующих критериев), перечнем *неотделимых, неотчуждаемых* прав, происходящих из самой природы индивидуума. Естественное право понимается как «воплощение объективных свойств и ценностей «настоящего» права, выступает в виде должного образца, цели и критерия для оценки позитивного права и соответствующей правоустанавливающей власти» [5]. К классическим естественным правам, нашедшим впервые свое закрепление в Декларации независимости Соединенных Штатов 1776 года, относятся право на жизнь, право на свободу и добывание счастья.

Следует помнить, что в правопонимание право рассматривается в объективном, широком смысле, как система регулирования общественных отношений, нормативный компонент политической системы и т.д., включающий в себя, прежде всего, субъективные права и продиктованные их наличием субъективные обязанности. Однако в естественно-правовом поле зачастую происходит абстрагирование от оборотной медали любого права (в широком смысле), представленной обязанностью. Если в позитивизме обязанность интерпретируется в виде императивного установления власти, подлежащего в обязательном порядке к исполнению, то естественно-правовой подход зачастую игнорирует такую важную составляющую объективного права, как обязанность [4]². При этом сам факт существования естественных обязанностей некоторыми исследователями ставится под сомнение, т.к. подобная категория представляет только «искусственную умозрительную конструкцию призванную «составить компанию» [на основе корреспондирования] естественным правам человека» [6].

В связи с этим, здесь требуется сделать небольшое отступление понятийно-методологического характера, из самой логики следует, что соотносению подлежат соразмерные понятия и категории, поэтому сравнение правомерно проводить только в одной плоскости, среди одноуровневых понятий. Поэтому целесообразным и возможным видится сравнение права в целом из разных типов правопонимания и субъективных прав (обязанностей) из одной традиции с субъективными правами (обязанностями) из другой. Соблюдение данного требования является необходимым условием для обеспечения корректности и научности в исследовании заявленной проблематики.

Самое значение слова «обязанность» очень близко с термином «долг» и очень часто воспринимается как его синоним. Однако сам термин «долг» является скорее моральной категорией и очень редко встречается в законодательстве, но здесь следует кратко ознакомиться с критикой естественно-правовой теории с позиций позитивизма. Одним из ключевых контраргументов в отношении естественных прав является тезис о чрезмерной их перегруженности различными моральными и метафизическими категориями, когда грань между религиозными, мифологическими и др. регуляторами стирается, и качества присущие данным регулятивным системам приписываются естественному праву [5. С. 55, 56]. Поэтому подобные перегибы присущи естественному правопониманию, более того они во многом составляют его основу.

Таким образом, для понимания естественных обязанностей необходимо не отказываться от категорий морали, а наоборот использовать их для раскрытия. В этом плане сущность (содержание) естественной обязанности составляет долженствование, «оно выражается во внутренней самооценки человека, как фиксация в его мысли некоего идеала понимаемого, прежде всего, как идеала выживания в определенной среде, приспособления к ней, изменения ее агрессии» [4]. В этом плане подобный тезис, очень близок

¹ Ныне действующая Конституция РФ не является исключением, достаточно обратиться ко 2 гл. Конституции.

² В российской правовой науке тема слабо разработана, в качестве основательного труда можно выделить только диссертацию на соискание ученой степени канд. юрид. наук Р.Р. Каримовой

кантовскому категорическому императиву [3], который так же дополняет естественное право обязанностью, возникающей по случаю наличия права.

При обосновании наличия естественных обязанностей возникает необходимость обращения к доминирующей доктрине происхождения государства, т.е. теории общественного договора. Общественный договор есть лишь разновидность договора, всегда предполагающего корреспондирование прав в обязанности, а отношения между государством и обществом принимают форму взаимного обязательства, т.е. носят обязательственный (договорной) характер [2]. Под защиту государства, выполняющего в классических интеллектуальных построениях роль ночного сторожа, воспитателя, просветителя человечества, попадают естественные права, подлежащие охране государством в обязательном порядке. Этот момент демонстрирует одну сторону, условие действительности общественного договора, однако помимо обязанности у государства появляется ряд прав, корреспондирование которых направлено в отношении общества, которому вменяются обязанности. Таким образом, наличие естественных обязанностей предопределено, в том числе формой общественной организации, но вопрос состоит в выяснении природы этих обязанностей, их пределов и объема.

Ключевым является тезис о том, что человек наделен естественной обязанностью противостоять вреду наносимому человечеству, обществу и личности, в том числе в форме оказания помощи органам власти по противодействию терроризму. Естественные обязанности могут быть только соразмерны естественным правам, поэтому содействие в борьбе с террористической угрозой, принимающей глобальный, интернациональный характер, выходя за территориальные границы отдельных государств, видится обязанностью соответствующей объема и ценности естественного права и поэтому последующей к соблюдению. Будучи ценной и полезной для общества организацией, выполняющей ряд функций, государство должно быть поддержано со стороны индивидуума в противодействии негативным явлениям, ставящим под угрозу все общество. В этом и состоит естественная обязанность человека и гражданина.

В законодательстве применительно к отдельно взятому субъекту естественно-правовые обязанности нашли свое закрепление в Уголовном кодексе, так ст. 125 устанавливает наказание за оставление в опасности, что предполагает наличие у человека обязанности посодествовать нуждающемуся в помощи лицу. Такое требование невозможно считать чисто позитивистским и установленным, данная норма права, вероятно, была именно санкционирована из общества, что сближает её с естественной обязанностью.

При переходе на более высокий уровень, к обществу в целом, некоторые намеки на обращение к естественным обязанностям встречаются в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [8]. Так, пункты (статьи?) 20, 21, 31, 52, 59, 61, 65, 69 и др. указывает на необходимость сотрудничества государства с институтами гражданского общества для обеспечения национальной безопасности. Гражданское общество мыслится и представляется как нечто равновеликое государству, именно в этой сфере в полной мере содержатся естественные права, когда государству более соответствует право позитивное. Поэтому подобные элементы национальной Стратегии можно расценивать как констатирование естественных обязанностей.

Однако, как известно, право есть феномен западной цивилизации, постольку никакой иной кроме западной правовой традиции не существует [1]. Но в тоже время естественное право (в современном виде)¹ выступает как универсальная, внеполитическая категория, не знающая организационных пределов и распространяющаяся на всех, однако ряд естественных обязанностей может быть возложен только на граждан.

Как справедливо замечает В. А. Четвернин зачастую речь, в «разговор» о праве, идет не об одном многомерном объекте с абсолютизацией какой-либо его стороны, а о совершенно разных объектах, называемых «правам» [9]. Поэтому даже в рамках одного типа правопонимания возможны разночтения, относительно того, что может входить и относиться к естественным правам. Такие различия во многом обусловлены национальными, социокультурными и духовными особенностями (ведь право имеет социокультурное измерение), которые формируют уникальное содержание естественных прав в различных цивилизациях и культурах. Таким образом, вопрос о слаженном межгосударственном противодействии мировым угрозам посредством апелляции к естественным обязанностям видится открытым и нуждается в дальнейшей разработке.

1. Варламова, Н.В. Понимание свободы, равенства и справедливости в контексте либертарной концепции права / Н.В. Варламова // Российский ежегодник теории права. – 2008. – № 1.

2. Гоббс, Т. Левиафан, или материя, форма и власть / Т. Гоббс. – DirectMEDIA, 1936.

3. Кант, И. Лекции по этике / И. Кант. – М., 2000.

¹ К ситуации прошлых веков (XVI–XX) это положение не применимо, достаточно вспомнить, к примеру, историю колонизации.

4. Каримова, Р.Р. Юридические обязанности: Сущность и проблема реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р.Р. Каримова. – Екатеринбург, 2008.
5. Нерсисянц, В.С. Философия права: учебник для вузов / В.С. Нерсисянц. – М., 2005;
6. Панов, А.П. Известия Саратовского университета / А.П. Панов // Новая серия. Сер. Экономика. Управление. Право. – 2012. – Т. 12, № 1.
7. Поляков, А.В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права / А.В. Поляков // Российский ежегодник теории права. – 2008. – № 1.
8. Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 (ред. от 01.07.2014) «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СПС «Консультант плюс».
9. Четвернин, В.А. Проблемы теории права / В.А. Четвернин. – М., 2010.

ТРОЦКИЗМ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ УЧЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

А.Д. Уханов, студент

А.Ю. Мамычев

д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

XX век стал эпохой «расколдования мира» и десакарализации политико-правовых отношений [1], на смену теологическим доктринам, мистическим трактатам и проч., пришли рационализированные учения и идеологические системы. Вообще XX век можно смело обозначить как период жёсткого идеологического противостояния, где противоборство (идейное, символическое, а не редко и физическое, силовое) основных идеологических платформ (социализм, либерализм, фашизм) двигали мировую историю.

Важное значение идеологического элемента в полной мере было описано и обосновано в марксизме. К. Маркс утверждал необходимость замены религии, мистических, сакральных и иных иррациональных «сюжетов» социальной мыследеятельности особой идеологией, как системой определенных мировоззренческих взглядов и установок, которые станут во многом определяющими для поведения человека. Однако сам марксизм породил целый спектр «идеологических ответвлений», теоретико-концептуальных установок, существенно деформировавших в ряде случаев изначальный «идеологический запал» марксистского учения. Одним из таких, вероятно, наиболее распространенным в левых кругах, не утратившим по сегодняшний день актуальности и «теоретической силы» является «троцкизм». При этом часто троцкизм воспринимается через устоявшиеся клише. Тем не менее, многие современные политические организации левого толка достаточно часто используют установки, положения и взгляды троцкистов в своей риторике и политических программах. Все это стимулирует рассмотрение теоретико-концептуального ядра троцкизма, уяснение тех элементов, которые до сих пор оказывают существенное влияние на развития политико-правовой мысли и политической практики.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на три принципиальных момента, которые и станут отправной точкой исследования.

Во-первых, следует учитывать, что «троцкизм» (этимология понятия на это указывает) имеет непосредственное отношение к личности Льва Троцкого, его взглядам и мировоззрению. Поэтому, троцкизму свойственна крайняя персонифицированность, это политическая концепция и идеологическая система буквально «привязана», «пропитана» личностью Троцкого. Если марксизм или либерализм вполне можно изучать и использовать, игнорируя жизненные обстоятельства Карла Маркса, Джона Локка и других отцов-основателей этих идеологических систем, то любая серьёзная попытка дать теоретическое описание троцкизма и его основных положений, без знакомства с самим автором, его жизненным путем, мировоззрением, исторической ролью и личными качествами – потерпит, с нашей точки зрения, неудачу.

Во-вторых, важным для интерпретации троцкизма являются исторические реалии, в которых происходило становление последнего, поэтому необходимо обращение в прошлое и рассмотрение процесса возникновения и формирования данного направления в контексте идеологического противостояния. Именно выяснение причин и генезиса трансформации в восприятии троцкизма как политико-правового учения и универсального «политического клише» позволит прояснить сущность, назначение и своеобразие данного феномена.

В-третьих, следует также учитывать, что многие из уже имеющихся определений троцкизма политически ангажированы. Такие определения идеологически перегружены и выполняют функции, скорее массовых лозунгов, чем научных категорий. Именно эта эмоционально-негативная массовая установка, искусственно заложенная в ряде определений и характеристик троцкизма, формирует заведомо искажён-

ное восприятие и отрицательную позицию. Поэтому, чтобы дать троцкизму сугубо научную дефиницию требуется максимально отстраниться от субъективных интересов, выраженных в некоторых определениях, отвлекаясь от идеологических перегибов и рассмотреть «троцкизм» как уникальный феномен во всем его многообразии.

Таким образом, фундамент исследования включает в себя принципы персонификации, ретроспективного обзора и идеологического плюрализма.

Определение представляет собой наиболее распространенную логическую операцию, раскрывающую содержание понятия. Существует масса способов и методов установления смысла термина, к которым относятся определения через род и вид, индуктивные, номинальные и иные методологические средства. Итогом последнего является выделение специфических признаков явления, которые отличают его от других смежных феноменов.

Попытка определить троцкизм, т.е. выделить и обосновать его существенные признаки, предпринималась не раз представителями различных представителей политико-правовой, философской и исторической мысли. В целом каждое из них имеет определенную долю рациональности, но зачастую рассматривает обсуждаемое явление лишь в узком, одностороннем порядке. В этом плане необходимо признать, что слово «троцкизм» вышло за свои уникальные политико-философские рамки, став наименованием всякого негативного отклонения (идейное деформации), в любой сфере – от господствующей идеологической системы, до искажения теоретико-концептуальных положений.

Прежде всего, авторство термина «троцкизм» принадлежит П.Н. Милюкову, для которого троцкизм является определённой теоретико-практической иллюзией [2], собирательным понятием для всех искажённых революционных теорий (прежде всего, социалистической мысли и практики). Под революционными иллюзиями понимаются – утопические, фанатичные, теоретические перенасыщенные, выдвигаемые Петроградским советом, лозунги и программные положения. Троцкизмом был наименован проект радикального преобразования, в основу которого была положена *революционная концепция* Льва Троцкого (как председателя Петросовета), более известная в дальнейшем как «теория перманентной революции».

В свою очередь зарубежный исследователь Джеймс Патрик Кэннон в своей работе «История американского троцкизма» рассматривает последний в качестве концепции «радикального возвращения», отмечая, что «троцкизм не является новым движением или новой доктриной, а лишь восстановлением, возрождением подлинного марксизма, который был развит и воплощен в жизнь русской революцией и первыми днями Коминтерна» [3].

Подобная трактовка также выглядит сомнительно, т.к. содержание троцкизма не сводится лишь к призывам к возвращению к истокам марксизма, а предлагает конкретные программные положения революционного преобразования общества. Причём, троцкизм, будучи только марксизмом, никогда бы не появился как самостоятельное политико-правовое учение. Это в очередной раз указывает на наличие особых признаков, позволяющих отличить троцкизм от марксизма. К тому же марксизм является родовым понятием для видового понятия троцкизм и выглядит гораздо объемнее последнее.

Кроме того, само появление термина троцкизм уже в социалистической среде обязано некоторой, как организационной, так и теоретической обособленности Л.Д. Троцкого от основных центров сил в социалистических кругах начала XX века. Простая ленинская схема в разделении социал-демократического движения на три лагеря: большевики, меньшевики и центристы, где Троцкий помещался к центристам, или примиренцам, в действительности не соответствует внутреннему положению дел в партии [4]. Эта внутренняя самостоятельность Троцкого, как фигуры претендующей на статус лидера партии была уже в 1913 году отмечена Департаментом полиции России, который людей приближенных к Троцкому именовал «троцкистами» [5].

Следует понимать, что возникновение нового «центра притяжения», представленного Троцким, хоть и в рамках тогда ещё единой РСДРП, возможно лишь при *концептуальных различиях* между сторонами (большевиками, меньшевиками и т.д.). Данные концептуальные различия сводились к авторским приемам толкования и применения марксизма, политике и направлению деятельности партии, а так же к прогнозам относительного будущего развития капитализма и роли рабочего класса в настоящее время. По каждому из этих пунктов у Троцкого была собственная позиция, позволявшая ему проводить меры по объединению партии в обход ленинской, мартовской и плехановской программ, вокруг своей собственной идеи [6]. Из этого не желая примеряться с господствующими векторами движениям партии и из перманентного несогласия с общей партийной массой, и вырос троцкизм, сохранивший свои критические черты до настоящего времени.

Данный протест троцкизма против партийных масс в угоду теоретическим построениям и вытекающим из них практическим действиям, допустимым и возможным только при соблюдении постулатов марксистской теории, достаточно ярко проявился во время партийных дискуссий 20-х годов. Именно во время этих дискуссий происходит теоретическая дискредитация и ниспровержение троцкизма, результатом которой стала высылка Троцкого из СССР (заметим, что именно *победа в теоретической (идеологи-*

ческой) дискуссии, хоть и с использованием административно-организационных мер, позволила совершить отстранение одного из лидеров революции от руководства).

Наделение термина «троцкизм» заведомо отрицательным смыслом, как отклонением от ленинизма, отождествляемого с волей партии и *правильным пониманием марксизма*, было совершено первоначально Бухариным; а уже позже Сталиным на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1927 года, а вся история становления и развитие большевистской партии сведена к борьбе с троцкизмом. Знаменита фраза Сталина о рождении ленинизма в борьбе с оппортунизмом всех мастей, где троцкизм был поставлен в один ряд с немецкой социал-демократией, представленной К. Каутским.

В этой интерпретации во всех официальных документах и политической риторике троцкизм выступал как оппортунистическое, враждебное марксизму-ленинизму мелкобуржуазное течение, которому присущи догматизм, ревизионизм, волюнтаризм, субъективизм, схематизм, капитулянтство, а так же раскольничество [7]. Данные характеристики скорее позволяет понять, чем троцкизм не является, нежели что он представляет собой в сущности. Следует обратить внимание на логическое противоречие в вышеуказанных характеристиках. Так, в один ряд поставлены догматизм и ревизионизм, которые конфликтуют друг с другом, будучи обратными явлениями, это касается и других характеристик, которые в своей сущности противоречивы объединены не логически, а эмоционально-прагматически.

Наиболее адекватной характеристикой троцкизма из вышеупомянутых выступает догматизм. Троцкий действительно выступает наиболее последовательным догматиком марксизма, лишенным какого-либо оппортунизма. Сам Троцкий в отношении догм говорит следующее: «Но что делать в тех случаях, когда хорошие старые книги не дают необходимых указаний? Надо пытаться жить своим умом» [8]. Из чего следует, что он сам себя догматиком не считал, но в этом плане примечательно другое его высказывание: «О людях, как и партиях нельзя судить по тому, что они сами о себе говорят...» [9]. Так что, обвинения в догматизме носят вполне правомерный характер. Однако при всей своей фанатичности Троцкий имеет представление о научном марксистском методе, который позволяет сделать ему качественный анализ природы советского государства и мирового социалистического движения.

Обращая внимание на отношение к троцкизму в советской политико-правовой мысли, следует обратиться к одной смежной категории, а именно к ленинизму. Особого внимания заслуживает сталинское определение ленинизма (ставшее ведущим и догматически повторяемым на протяжении 70 лет), который выступает как течение политической мысли, берущее свое начало от марксизма, это и позволяет говорить о некоторой крайне условной смежности «троцкизма» и «ленинизма». Так Сталин определяет ленинизм следующим образом – это «марксизм эпохи империализма и пролетарской революции» [10]. Данная дефиниция интересна только для аналогии, исходя из которой можно дать следующее определение троцкизма, имеющее определенные рациональные начала. Троцкизм – это марксизм эпохи бонапартистского перерождения социализма и деформации рабочих государств.

Однако следует понимать, что эти определения несут в себе одну из логических ошибок – империализм и бонапартизм содержатся в самом определяемом и используются в рамках ленинизма и троцкизма, соответственно, составляя существенную часть самой концепции. Иначе говоря, империализм как научная категория в широкий оборот была введена Дж. Гобсоном в монографии «Империализм» [11], но в рамках ленинизма получила несколько другое обозначение, именно то, в котором встречается в сталинской формулировке. То же самое касается и бонапартизма, упомянутого ещё в XIX веке Энгельсом, но развитого Троцким и используемого им для описания природы СССР. Поэтому подобного рода ход мысли вынуждает обратиться к «троцкизму» как к особому политико-правовому, философскому учению революционной борьбы.

Основу троцкизм как течения политико-правовой мысли составляет ряд авторских концепции, разработанных Львом Троцким с использованием марксистского метода. Ключевым моментом является теория перманентной революции, включающая в себя мировую революции и саму перманентную революции [12]. Их соотношение можно рассматривать как горизонтальное (выход за пределы одного государства) и вертикальное (переход власти во время революции ко все более радикальным классам) расширение и углубление революционной ситуации. В этом же ряду находится анализ природы советского государства и последующая за этим критика [13]. Выделение новой социалистической формы эксплуатации консолидация бюрократической элиты на основе революционных достижений. Троцким водится ряд терминов, например, красный террор [13], бонапартизм, термидориантсов, деформированное рабочее государство и т.д. [14] Таким образом, из всего вышесказанного, наиболее верным видится следующее определение: троцкизм – это обобщения, изложение, выводы, сделанные Львом Троцким на основе марксистского научного метода, в соответствующую конкретно-историческую ситуацию.

1. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М., 1990.

2. Как прошли выборы во 2-ю Государственную Думу: со вступ. ст. и заключением проф. П.Н. Милюкова / сост. А. В. Смирнов. – СПб., 1907. – С. 91–92.

3. Кэннон, Дж.П. История американского троцкизма (1944) [Электронный ресурс] / Дж.П. Кэннон. Режим доступа: <http://web.mit.edu/fjk/www/Fl/Cannon/h-01.shtml>
4. Фельштинский, Ю.Г. Лев Троцкий. Кн. 1. Революционер. 1879–1917 гг. / Ю.Г. Фельштинский, Г.И. Чернявский. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2012. – С. 225–226.
5. Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год / под общ. ред. С.П. Мельгунова и М.А. Цявловского. – М., 1918. – С. 125.
6. Троцкий, Л.Д. Наша революция / Л.Д. Троцкий. – СПб., области. Ф., 1906. – Т. 771. – С. 255.
7. БСЭ. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.big-soviet.ru/660/80632/Троцкизм>
8. Троцкий, Л.Д. Еще к вопросу о бонапартизме. Мировая революция / Л.Д. Троцкий; сост. Б. Кагарлицкий. – М., 2012. – С. 85.
9. Сталин, И.В. К вопросам ленинизма / И.В. Сталин // Вопросы ленинизма. – М., 1926. – С. 12–20.
10. Гобсон, Д.А. Империализм / Д.А. Гобсон. – М., 1921.
11. Троцкий, Л.Д. Перманентная революция. СПб., 2009.
12. Троцкий, Л.Д. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? / Л.Д. Троцкий. – MintRight Inc, 1936.
13. Троцкий, Л.Д. Терроризм и коммунизм / Л.Д.Троцкий. – СПб., 2012.
14. Троцкий, Л.Д. Мировая революция / Л.Д. Троцкий; сост. Б. Кагарлицкий. – М., 2012.

ФОРМИРОВАНИЕ И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МАРКСИСТСКОЙ ЭТИКО-НОРМАТИВНОЙ ТЕОРИИ

А.Д. Уханов, студент

А.Ю. Мамычев

д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Марксизм, будучи комплексной социальной теорией и системой мировоззрения, претендует на статус социальной метатеории, охватывающей весь массив общественных явлений, к которым относятся и социальные регуляторы, в том и числе мораль. Возникновение марксистской этики связано со становлением советского марксизма, однако виднейшие теоретики и практики марксизма, не выделяя этику в отдельную науку, не могли обойти стороной такой феномен, как мораль, изображая его несколько неклассически, поскольку марксизм формулирует альтернативную точку зрения на мораль.

В существующей специализированной литературе имеются разные интерпретации как марксизма, так и марксистской этической теории. Рассмотрим кратко основные направления подобных трактовок.

Во-первых, марксизм – это сознательное выражение бессознательного исторического процесса. Во-вторых, марксизм – общеполитический метод познания природы, общества, сознания (в данном случае следует отождествлять с материалистической диалектикой). В-третьих, марксизм – передовой продукт развития человеческой мысли, соответствующий определенной эпохе (2 пол. XIX в.). В-четвертых, марксизм – экономическое, политическое и философское учение, основанное К. Марксом и Ф. Энгельсом. В-пятых, марксизм – это системное и фундаментальное отрицание философской идеалистической традиции, положения которой составляют основу этических представлений. Особый и непосредственный интерес для настоящей работы представляют собой две последних трактовки, именно они позволяют охарактеризовать предмет марксистской этики и описать основные положения марксизма относительно морали и нравственности.

Мораль в марксистской традиции обладает следующими характеристиками: нормы морали имеют чисто классовый характер; мораль проистекает из экономических и производственных отношений, т.е. является продуктом общественного развития; мораль, как и все в мире, находится в постоянном процессе становления и изменения; мораль является формой идеологического сознания; мораль есть феномен надстроечный и враждебный передовым, прогрессивным производительным силам; мораль служит противоречивым общественным интересам; мораль, наряду с правом и государством понимается инструментально.

К. Маркс отбросил идеалистические теории морали, согласно которым моральные принципы стоят над историей и являются порождением некоей высшей силы (абсолютный дух, PROVIDENCE и т.п.). Он утверждал, что формирование и усвоение человеком нравственных принципов и норм может происходить только в процессе практической деятельности. Ф. Энгельс писал: «Представления о добре и зле так сильно менялись от народа к народу, от века к веку, что часто прямо противоречили одно другому» [1]. Претерпевая подобные изменения, сохранялись лишь те представления, что соответствовали новым экономическим отношениям и положению класса. Таким образом, мораль не есть об-

щечеловеческое или конкретно культурное достояние, а вполне исторически сформированные правила поведения, которым в процессе классовой борьбы, в ходе диалектического противостояния базиса и надстройки в угоду классу эксплуататоров были приписаны ложные свойства.

Мораль, с точки зрения основоположников марксизма, может играть прогрессивную роль только тогда, когда она отвечает потребностям общественного развития, т.е. служит делу революции и установлению диктатуры пролетариата. И напротив, быть орудием реакции, когда она защищает устаревшие и отмирающие общественные формы и силы.

Не отрицая полезность и даже важность морали в обществе, Маркс и Энгельс акцентировали свое внимание на том, кому принадлежит право «выработки» моральных норм, которое связано с экономических господством и собственностью на средства производства. Предрекая в будущем возникновение коммунистической формации, Маркс указывал на необходимость замены религии (формы идеалистического сознания) идеологией, функцию которой и может выполнять пролетарская, коммунистическая мораль, ставшая в таком случае действительно общечеловеческой в ходе исторического процесса [2].

Дальнейшее развитие марксистской этической теории связано с деятельностью основателей советского государства и первых вождей революции В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий, а также с советскими идеологами 20-х гг. Е.А. Преображенским, Н.И. Бухариным, В.И. Сталиным.

В целом Ленин, будучи убежденным марксистом, повторяет и развивает основные положения марксистского подхода к этике, однако все эти обобщения дополняются реальной практикой, проводимой большевистской партией: «Наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата». Далее отмечается, что нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше...; коммунистическая мораль противоположна «той психологии и тем привычкам, которые говорят: я добиваюсь своей прибыли, а до остального мне нет никакого дела» [3]. Ленин окончательно вывел мораль из области непреложного идеала в область проверяемого: этичность необходимо проверять и доказывать, служит ли то или иное действие делу революции, полезно ли оно делу рабочего класса.

Важный вклад в марксистскую теорию этики внес Л. Троцкий, поскольку из всех теоретиков и практиков марксизма он единственный, кто глубоко и последовательно осветил положения марксистской этики относительно соотношения морали и политики, в частности подверг диалектическому анализу иезуитски принцип «цель оправдывает средства». Троцкий исследовал вопрос о том, при каких исторических условиях возникает потребность в использовании таких политических средств, как убийство, ложь и т.д. Он считал оправданной, а следовательно, нравственной лишь ту цель, что ведет к повышению власти человека над природой и к уничтожению власти человека над человеком. Иными словами, именно в достижении этой цели дозволены все средства, а т.к. этого достичь можно только революционным путем, то освободительная мораль пролетариата имеет революционный характер [4].

Первыми основательными трудами марксистской этики как науки стали работы Е.А. Преображенского «О морали и классовых нормах» и Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма». Здесь нравственность уже толкуется релятивистски и нигилистически: «Самое существо этики, – писал он, – в том и состоит, что это есть нормы, которые обхвачены фетишистской оболочкой. Фетишизм есть *существо* этики... Этика... предполагает фетишистский туман, в котором многие теряют дорогу». Пролетариату же, по мнению Бухарина, нужны простые и понятные нормы поведения, носящие характер «таких же технических правил, как для столяра, который делает табуретку... Если он хочет добиться коммунизма, то ему нужно делать то-то и то-то, как столяру, делающему табуретки. И всё, что целесообразно с этой точки зрения, то и следует делать» [5].

И.В. Сталин не оставил трудов и речей, посвященных проблемам этики и морали. Его теоретические работы не исповедуют напрямую моральный нигилизм, однако есть исторический источник, показывающий его истинное отношение к морально-этическим принципам. На личной принадлежащей Сталину книге «Материализм и эмпириокритицизм» владелец оставил следующие пометки: «1) слабость, 2) лень, 3) глупость – единственное, что может быть названо пороками. Всё остальное – при отсутствии вышеуказанного составляет несомненно добродетель!».

Таким образом, моральные принципы, отстаиваемые Сталиным, были далеки как от идеалистических, так и от марксистских представлений и скорее походили более на культ силы, перед которой все моральные пороки и изъяны совершенно незначительны и неважны [6].

В целом происходит некоторая вульгаризация марксизма в целом, том числе и этики, это, прежде всего, связано с выходом данной концепции из рамок теории и попытка реализовать его на практике, сведя ошибочно его лишь к политической составляющей (научному коммунизму). Мораль и этика в этом случае есть лишь дополнение учения и орудие, используемое новым господствующим пролетарским классом.

Основываясь на вышесказанном, можно сформулировать определения основных категорий этики:

Добро – то, что угодно классу эксплуататоров и идет им на пользу; результат и процесс насилия, удовлетворяющий интересы господствующего класса. Зло – то, что не удовлетворяет интересы господствующего класса.

Справедливость – выражение существующих экономических отношений, где несправедливо то, что не соответствует данному способу производства, а следовательно, и угнетение. Долг – обязанность угнетенных классов исполнять возложенные на них требования. Совесть – это внутреннее отражение установок, принятых в социальной группе, к которой принадлежит индивидуум.

Ответственность – последствия, наступаемые за неисполнение классовых обязанностей. Честь и достоинство – внушенная категория, служащая для «усмирения» угнетенных и надления их ложной надеждой; средство разделения на социальные группы «по рождению».

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. – С. 94.
2. Маркс. К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд.
3. Ленин, В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. – С. 309.
4. Троцкий, Л.Д. Мировая революция / Л.Д. Троцкий. – М., 2012. – С. 292.
5. Бухарин, Н. Теория исторического материализма / Н. Бухарин. – М., 1923. – С. 239.
6. Правда. – 1994. – 21 декабря.

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ В УСЛОВИЯХ АКТИВИЗАЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Э.В. Хомик

*Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России
г. Владивосток*

В Приморском крае проявления нетерпимости на национальной основе в настоящее время, в силу исторических предпосылок, пока не носят массовый характер и проявляются эпизодически по инициативе националистически настроенных представителей молодежи. В этой ситуации наличие подобных настроений требует объединения усилий, консолидации всех заинтересованных сторон с целью создания условий для формирования толерантного сознания у молодежи.

Одной из главных причин межнациональной напряженности в Приморском крае являются активизирующиеся миграционные процессы. За последние 15–20 лет внутренняя миграция из полууправляемого процесса превратилась в стихийные потоки, непосредственно охватывающие более 30 миллионов человек.

В настоящее время на территории Приморского края проживает около 2 млн человек, представленных 120 национальностями. Можно выделить 8 наиболее крупных диаспор: азербайджанская – около 11 тыс. человек, армянская – около 8 тыс. чел., таджикская – около 1 тыс. чел., узбекская – около 4 тыс. чел., киргизская – около 1 тыс. чел.

Большая часть вынужденных мигрантов – многодетные семьи, лишившиеся имущества по месту прежнего пребывания. Миграция в Приморский край, несмотря на ее масштабы, не способна полностью компенсировать убыли населения в этом регионе страны, но создает реальную конкуренцию на рынке занятости и в социально-бытовой сфере. Прямое следствие этих процессов – рост социальной и культурной отчужденности мигрантов, рост ксенофобии и взаимной агрессии. Активное расселение мигрантов по всей территории края приводит к тому, что агрессивные настроения молодежи распространилась из крупных городов в средние и небольшие населенные пункты.

Распространение толерантных принципов, отказ от монополии на истину, готовность к компромиссу и диалогу предполагают наличие целого комплекса условий – объективных и субъективных. На процесс становления толерантности оказывают воздействие многообразные факторы:

- исторические традиции, ментальность различных слоев населения;
- политическая воля и особые интересы центральной и региональных элит;
- степень правовой и политической культуры граждан;
- наличие соответствующего законодательства и эффективность деятельности правоохранительной системы;
- социально-экономические особенности;
- специфика взаимодействий между этносами и религиозными общностями, их открытость другим культурам;
- отношение к социально уязвимым слоям, мигрантам и другим маргинальным группам;
- содержание сообщений СМИ.

Анализ криминогенной ситуации в районах массовой миграции показывает, что речь идет не только о преступлениях против мигрантов, но и значительной доле преступлений, совершенных самими мигрантами. Стабилизация преступности мигрантов и ее некоторое снижение в последние годы объясняются, прежде всего, организационным оформлением землячеств в местах миграции и их жестким контролем

за поведением своих членов, более жестким и эффективным, чем деятельность правоохранительных структур.

СМИ навязчиво тиражируют образ «современного российского молодого нациста», подсказывая тем самым молодежным группировкам идеологизированную модель поведения. Гневные высказывания в самих СМИ о негативных последствиях национализма и ксенофобии оказывают прямо противоположное действие. В связи с чем, необходимо искать пути взаимодействия со СМИ, чтобы проводимая ими информационная политика максимально способствовала решению задач профилактики и искоренения насилия, экстремизма и терроризма в Российской Федерации, а не провоцировала межэтнические и социальные конфликты. Возможно использование средств массовой информации, в первую очередь молодежной направленности, для формирования критического отношения общества к деятельности молодежных экстремистских движений, различных зарубежных неправительственных и российских организаций, использующих молодежь для дестабилизации общественно-политической обстановки на территории Российской Федерации.

Идеологический кризис в стране привел к отсутствию у целого поколения понятия о жизненных ориентирах, личностных ценностях. Формирование у молодежи необходимых социальных качеств – важнейшая задача для любого государства. В России эту задачу сначала выполняли семья и православная церковь, а с 1917 года семья и система идеологических организаций. После 1991 года семья, как важнейший компонент формирования государственно-значимых качеств у подрастающего поколения практически не рассматривалась в новых государственных стратегиях, а идеология и идеологическая работа была признана вредным атавизмом тоталитарного общества. Как показал опыт, государственно-значимые качества у молодежи самопроизвольно развиваться не могут, а простое копирование старых форм идеологической работы без наполнения их новым содержанием малоэффективно. Проблема создания государственной идеологии, которая бы соответствовала нынешнему положению общества и менталитету, стоит не только перед нашим государством, но и перед другими субъектами, входящими в глобализированное сообщество. Рассматривая причины нетерпимости на национальной почве, необходимо отметить, что современная российская молодежь – это поколение, родившееся и сформировавшееся в период революционных преобразований страны и окружающего мира, когда ломались устоявшиеся нормы морали и права.

Представители радикальных исламистских организаций в течение последнего десятилетия активно работают в молодежной среде не только в районах традиционного распространения ислама (Северный Кавказ, Поволжье), но и в местах миграции выходцев из этих регионов – Центральный федеральный округ, Приморье, Дальний Восток. Как убедительно показывает наш и зарубежный опыт, в отсутствие мощной государственной целенаправленной системы формирования у молодежи четкой системы представлений о мире и месте в человека нем, об отношении человека к окружающей его действительности и к самому себе, а также обусловленных этими представлениями основных жизненных позиций и установок людей, молодежь легко попадает под влияние радикальных и экстремистских идей, чуждых национальному менталитету.

Альтернативой разрушительному влиянию указанных тенденций должно стать повышение роли государства в патриотическом воспитании молодежи. Необходимо принятие закона о молодежи как основы для дальнейшего развития российской молодежной политики. Кроме того, для изменения сложившегося положения необходимо совершенствование и развитие методологических основ политики в области становления гражданского общества, принятие идеологии укрепления государственности, нацеленной на решение триединой задачи сохранения России – сохранения культуры, сохранения населения и сохранения территориальной целостности государства.

Проявления нетерпимости к другим общностям, национальностям среди молодежи в настоящее время стали носить более опасный для общества характер, чем за все прошлые периоды существования государства. Общегосударственная система мер по формированию толерантности в молодежной среде должна предусматривать мобилизацию энергии людей в области организации безопасности жизнедеятельности, направляя ее в правовое русло. Для этого необходимо использовать весь спектр средств и методов воздействия (психологические, административные и правовые) проводить разъяснительную работу, использовать механизм пропаганды. Успех этой деятельности будет зависеть от степени соответствия направленности проводимых мероприятий общественным ожиданиям и от готовности общественно-политических лидеров самим следовать в жизни тем лозунгам, которые декларируются ими перед рядовыми обывателями.

На территории Приморского края организована системная и целенаправленная работа по решению вопросов профилактики национализма, межконфессиональных конфликтов и устранению предпосылок проникновения и распространения экстремизма в различных его проявлениях. Итогом этой работы стало возросшее доверие к органам исполнительной власти со стороны руководителей национальных и религиозных организаций, что позволяет сторонам эффективно сотрудничать и своевременно предотвращать возможность возникновения конфликтов на почве национальных и религиозных различий.

Имеющие место случаи проявления национальной розни и нетерпимости в студенческой среде являются актуальной и серьезной угрозой дальнейшему расширению экспорта образовательных услуг, расширения научно-технических и культурных связей, построению мирных и дружественных отношений между Россией и зарубежными странами. Выступления экстремистских, националистически настроенных элементов в Воронеже, Санкт-Петербурге, Волгограде и ряде других регионов вызывают не только обеспокоенность и тревогу у многих граждан страны, но и обязывают органы государственной власти, силовые структуры, СМИ, учреждения системы образования, общественные организации обратить особое внимание на вопросы межнациональных отношений.

В целях преодоления элементов негативного отношения молодежи к представителям иных национальностей, укрепления стабильности и согласия в обществе, недопущению нарушений общественного порядка, необходимо:

1. Предусмотреть комплекс мер и мероприятий, направленных на формирование интернационализма, национальной терпимости у населения края, особенно молодежи.
2. Содействовать внедрению в систему образования, начиная с начального и общего, механизмов и технологий формирования установок толерантного сознания и поведения школьников.
3. Оказывать поддержку при создании молодежных объединений и инициировать их деятельность на привлечение молодежи разных национальностей, взглядов и вероисповеданий.
4. Способствовать проведению смотров, конкурсов, фестивалей иностранных студентов вузов Дальнего востока России, Приморского края и города Владивостока.
5. Осуществлять взаимодействие с правоохранительными органами, общественными организациями, средствами массовой информации по вопросам формирования механизмов своевременного противодействия экстремизму и проявлениям национальной розни и неприязни.
6. Содействовать созданию в местах концентрации молодежи и иностранных студентов передвижных пунктов охраны общественного порядка и патрульно-постовой службы.
7. Способствовать СМИ в объективном освещении вопросов, связанных с проявлениями национальной нетерпимости и конфликтов на национальной почве.
8. Предложить вузам Приморского края на основании их лучшей практики по воспитанию интернационализма в студенческой среде разработать план мероприятий по совершенствованию системы патриотического воспитания студенческой молодежи в духе толерантности, национальной терпимости и предотвращения экстремизма.
9. Провести социологическое исследование, направленное на выявление проблем безопасности и психологической адаптации иностранных студентов в дальневосточных вузах.
10. Предложить учебным заведениям Приморского края в рамках программ совершенствования воспитательной работы разработать планы подготовки и переподготовки педагогических кадров общеобразовательных школ, преподавателей кафедр общественных дисциплин приморских вузов по проблемам формирования установок толерантности и профилактики экстремизма.
11. Рассмотреть вопрос о создании межвузовского совета по вопросам развития международных связей и интернационализации образовательной деятельности.
12. Оказать содействие в создании Приморского центра толерантности на базе одного из университетов Приморского края.

ЗАКОННОСТЬ И ПРАВОПОРЯДОК НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ И РОССИИ. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

М.К. Бухарина

ассистент каф. теории и истории российского и зарубежного права

Ду Сюелун, Ань Фужой, Сунь Сяотянь, студенты

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Законность представляет собой многоплановое явление. Многочисленные определения раскрывают различные аспекты законности: принцип деятельности государственных органов, своеобразный политико-правовой режим общественной жизни, а также строгое требование соблюдения законов.

Под законностью условимся понимать строгое и неуклонное соблюдение закона всеми государственными органами, общественными и хозяйственными организациями, должностными лицами и гражданами

Изучение проблем законности и правопорядка, их однозначное толкование исключительно важно в связи с тем, что все без исключения отраслевые юридические науки, исследующие различные аспекты права, правоприменительного процесса, так или иначе, в конечном счете, обязательно сталкиваются с ни-

ми. Особую актуальность и практическую значимость проблема законности приобретает в связи с выдвинутой концепцией формирования правового государства.

В теории права отмечается, что понятие «законность» характеризует правовую действительность под углом зрения практического осуществления права, идейно-политических основ правовой системы, ее связи с основополагающими общественно-политическими институтами, с политическим режимом данного общества.

В юридической литературе понятие законности трактуется по-разному. В настоящее время предложен комплексный подход к этому понятию. Законность трактуется в трех аспектах:

1) принцип государственно-правовой жизни в качестве основополагающего общеправового начала жизни общества. Требование соблюдения и исполнения закона обращено в равной мере ко всем субъектам правового общения – населению, государственным органам, общественным объединениям, должностным лицам;

2) метод государственного руководства обществом, предполагающий, что государство осуществляет свои функции, прежде всего правовыми средствами и в правовых формах. При этом методе функционирования законности необходимо наличие трех условий: развитое законодательство; его реализуемость и исполнимость; наличие специальных органов контроля за реализацией правовых предписаний;

3) режим жизни общества предполагает обеспечение реального верховенства права в жизни общества, правового закона, установление правовых отношений между государственной властью и личностью. Режим законности означает также распространение ее требований на все сферы жизни.

Если понятие «законность» отражает состояние юридической правомерности общественных отношений, то понятие «правопорядок» включает и другие их свойства такие, как определенность, системность, организованность, гарантированность, устойчивость, единство.

В силу указанных особенностей правопорядок можно охарактеризовать как порядок, обеспечивающий стабильность общественной жизни и социальный прогресс. Поскольку он определяется правом и обеспечивается государством, то закрепляет наиболее важные черты и стороны социально-экономического строя, систему господствующих в стране политических отношений.

Современное конституционное право Китая отражает национальную специфику и историческую уникальность государственности Китая, особенности китайского варианта модернизации тоталитарно-бюрократического общества.

В силу политических, исторических и социальных причин значительное место в Китае всегда занимал традиционализм. «Китайский законодатель исходит из концепции создания современной законодательной базы только в случаях дальнейшей неспособности традиционализма регулировать ту или иную область общественных отношений» – отмечает Э.З.Имамов. Период культурной революции и правового нигилизма также не способствовал развитию конституционного права. До конца семидесятых годов оно носило фрагментарный характер: акты, детализировавшие Конституцию, были немногочисленными и не составляли целостную систему. Некоторые особо важные институты вообще не имели правового оформления, например, институт гражданства. С момента отмены в 1949 г. гоминьдановского закона о гражданстве и до принятия действующего закона о гражданстве 1980 г. этот институт не имел законодательного оформления, и вопросы гражданства решались «согласно обычаю и политическим установкам».

Реализация концепции «социалистически модернизируемого общества», проведение экономической реформы стимулировали законотворческую деятельность: были приняты законы, регулирующие организацию деятельности государственных органов, детализированы в текущем законодательстве конституционные нормы об экономической системе, отдельные аспекты правового статуса личности. Все это привело к созданию относительно целостной системы нормативных актов, которая отодвинула традиционалистское регулирование на второй план. В российской литературе отмечалось, что «в Китае все более актуальным становится не поддержание нормами морали и обычаев действующих правовых норм, а обратная задача – защита при помощи закона тех отношений, которые традиционно были лишь объектом морального воздействия, сейчас оказавшегося неэффективным».

Конституция Российской Федерации – Основной закон российского государства, имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Принята всенародным голосованием (референдумом) 12 декабря 1993 г. Состоит из преамбулы, двух разделов, 9 глав, 137 статей и 9 параграфов переходных и заключительных положений. Закрепляет основы конституционного строя Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина, федеративное устройство, организацию высших органов государственной власти.

Характерной чертой Конституции РФ 1993 г. является ее адекватный характер складывающимся в обществе общественным отношениям. Она отражает переходный характер российского общества, противоречивый способ его существования. В ней нашли воплощение то, что достигнуто и отстаивается многонациональным народом России: многообразие форм собственности, конкуренция, свобода экономической деятельности, политический и идеологический плюрализм, признание прав и свобод человека и гражданина, федеративное устройство, основанное на самоопределении и равноправии народов, самостоятельный статус местной самоуправления и т.д.

К характерной черте Конституции РФ 1993 г. относится и наличие в ней основополагающих положений. Она содержит нормы, регулирующие наиболее важные общественные отношения и служащие правовой основой для текущего законодательства. Поэтому по своему содержанию они предельно абстрактны, ибо имеют своей целью закрепление самого главного в общественных отношениях.

Характерной чертой Конституции России является также ее прямое действие. Это закреплено в статье 15 Основного закона РФ. В соответствии с этим, конституционные нормы не нуждаются в каком либо ином правовом подтверждении. Это придает им действительную высшую юридическую силу и служит гарантом от их искажения.

Наконец, для Конституции Российской Федерации характерны незыблемость и обеспечение прав и свобод человека и гражданина. Это выражается в том, что Конституция провозглашает, что «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2). При этом особо подчеркивается, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». В Конституции закрепляются и гарантируются права и свободы человека и гражданина в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права.

Законность представляет собой взаимоотношения органов государства с гражданами, при которых эти взаимоотношения строятся на основе законов, и за отступление от них наступает юридическая ответственность. Суть данного понятия состоит в строгом, точном и неукоснительном соблюдении, исполнении и применении норм права участниками общественных отношений. Обязанность соблюдения законов ложится на обе стороны, а юридическая ответственность за неисполнение законов возлагается на любую сторону независимо от положения субъекта. Следовательно, режим законности уравнивает всех граждан общества по отношению к законам.

Принципы законности образуют основное ее содержание и состоят в следующем: единство законности, верховенство закона, целесообразность и реальность. Гарантиями законности являются средства и условия, обеспечивающие соблюдение правовых предписаний. Правовыми гарантиями законности выступают следующие факторы: совершенствование законодательства, контрольно-надзорные мероприятия, меры защиты и ответственности. Законность необходимо отличать от близкого понятия правопорядка, который основывается на законности.

Правопорядок – это совокупность правовых отношений, урегулированных правом и основанных на законности. Следовательно, правопорядок – это фактическое состояние общественных отношений и результат законности. Среди особенностей правопорядка можно выделить следующие: предусмотренность данных отношений в нормах права; возникновение правопорядка после реализации норм; обеспечение его соблюдения средствами государства; правопорядок является результатом законности. Правопорядок составляет основу более широкого понятия – общественный порядок, который представляет собой состояние упорядоченности общественных отношений, достигаемое с помощью соблюдения правовых норм и других социальных регуляторов.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ, КОРПОРАТИВНЫЕ И ЛИЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

С.Е. Иванова

аспирант каф. теории и истории государства и права

Таганрогский институт управления и экономики

г. Таганрог

Диалектика государственных, корпоративных и личных интересов, в конечном итоге, и определяет содержание и направленность официальной правовой политики в различные исторические эпохи. По большому счету, этот вопрос всегда лежал в дискуссионной плоскости отношений консерваторов и либералов, западников и славянофилов, интеллектуальное противоборство которых и стало мощным доктринальным источником формирования российской правовой и политической жизни не только (как это часто отмечают современные исследователи) начиная с середины XIX в., но значительно раньше: в период петровских реформ и позже.

Относительно этого вопроса в настоящее время речь, прежде всего, идет об адекватной специфике, устоям, правовой ментальности российского социума расстановке акцентов в текущем законодательстве, но, прежде всего, в Конституции, сквозь призму нормативных положений которой законы не только принимаются, но и применяются, и толкуются (современная правоприменительная практика).

Так, в соответствии с Конституцией РФ 1993 г. преимущественное положение, очевидно, отдано частным интересам отдельной личности (ст. 2), которые поставлены «во главу угла» не только конституционной правовой политики, но и, соответственно, (учитывая место и роль Основного закона государства в национальной правовой системе) иных ее видов.

Такая конституционно-правовая иерархия разноуровневых интересов суть продукт «лихолетья» либеральных реформ 90-х годов, когда модернизацию постсоветского права, политической и экономической систем практически отождествили с их вестернизацией, основанной на поспешной и непродуманной рецепции, которая к тому же стала не просто механическим переносом чужеродных (преимущественно западноевропейских и североамериканских) институтов и норм, но заимствованием самих идей, разного рода концептуальных положений, выработанных, как известно, в ходе многовекового развития западной цивилизации (от европейской Античности до настоящего времени), ее базисных социально-правовых и политико-правовых компонентов (например, к таковым первоисточникам, по мнению Г. Дж. Бермана следует отнести римское право, религию и правовое оформление территориальных корпораций, т.е. городское самоуправление [1]).

В частности, римская правовая цивилизация – это очевидный результат особой социальности, духовности и ментальности древних римлян. Если для греков «космические глубины» (макро- и микроуровня, в том числе и сам человек) были полны «тайн и вызывали священный трепет», то римлян уже интересует в первую очередь «социальный космос». Для них Вселенная уже не выглядит бесконечной, она «сужается» до пределов государства, напротив, имперское политико-правовое пространство «расширяется» до масштабов Космоса. Государство особым образом объединяет «атомизированных» индивидов в единую социальную целостность, связывает их между правовыми, политическими, экономическими и т.п. узами. Индивид просто «прикован» к государству особыми нормативными «цепями» ответственности, дисциплины и долга. Соответственно, его интересы все же сопряжены с публичными (прежде всего государственными) целями, потребностями.

Принципиально иную ситуацию видим в отечественном государственно-правовом пространстве. Идея соборности – в своем явном виде выраженная в философско-правовых построениях А.С. Хомякова, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, В.С. Соловьева и др. – это и есть проблема особого слияния индивидуального, социального, корпоративного, государственного; это именно то общее (государственное, публичное), которое вбирает в себя особенное (корпоративные интересы) и единичное (интересы личности или частные интересы). «Соборность противоположна и католической авторитарности и протестантскому индивидуализму, она означает коммунитарность, не знающую внешнего над собой авторитета, но не знающую и индивидуалистического уединения и замкнутости» [2].

В религиозно-православном контексте эту проблему рассматривает А.М. Величко. Так он пишет: «В Церкви нет дарований, которые служили бы каждому в отдельности, но все дарования служат общей пользе, всей Церкви. Все, чем владеет человек, есть по отношению к источнику – *дарование*, в отношении ко всей Церкви – *служение*... Возникает особого рода соединение – соединение не механистическое, которое рассматривает общество как внешнюю совокупность известного количества отдельно взятых его членов, а *соединение соборное*» [3].

Таким образом, соборность – это принцип холизма в действии, т.е. особое представление о реальности как об *организме*, а не *механизме*. Холизм как представление о том, что целое (публичное, государственное) всегда предшествует частному, что оно имеет особую и правовую, и нравственную, и политическую данность и является самодостаточным феноменом социального пространства, а не складывается из фрагментов путем их простого сложения всегда имманентен традиционному государственно-правовому миру, определяется сложной эволюцией национального правового и юридического менталитета, правовой, политической и экономической культурой. «Механистическое отношение к миру, представление о мире, о человеке как о машине является антитезой холизма, атомизмом» [4].

Отражение этого, холистического (органического) соотношения государственных, корпоративных и личных интересов нашло отражение и в работе Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». «Куда бы ни заходили русские люди, хотя бы временные и местные обстоятельства давали им возможность или даже принуждали их принять самобытную политическую организацию, как, например, в казацких обществах, – центром их народной жизни все-таки остается Русь-Москва, высшая власть в понятии их продолжает олицетворяться в лице Русского Царя. Они спешат принести ему присягу, поклониться ему новыми странами, которыми они завладели, вступить в непосредственную связь с русским государством» [5].

Казацкая «корпорация» (особая русская субкультура), возникшая на окраинах обширной территории страны и спасающаяся от тех или иных действий государственной власти, тем не менее продолжает считать себя, а значит, и свои интересы неотрывными от общегосударственных задач, а государственные интересы для них, во многом, «свои».

В этом плане, видимо, неслучайно, что в начале XXI в. И. Фроянов, разделяющий консервативно-охранительные политико-правовые позиции, обращает внимание на то, что «следует покончить с либеральной распушенностью, ставящей индивидуальные интересы выше интересов коллективных, общественных. Права личности – вещь, конечно, хорошая. Но нельзя их ставить во главу угла, как это сейчас делается. Эти права должны быть соотношены с правами общества таким образом, чтобы между теми и другими не было бы глубокого расхождения, наблюдаемого ныне» [6].

Именно в таком теоретико-методологическом ракурсе и следует изучать разные аспекты корпоративного права, корпорации в современной России. Тем более что в последнее время под корпорацией все чаще понимается любое структурированное представительство групп интересов, выходящее на уровень правовых, экономических и политических институтов. Хотя, есть и более узкое понимание этого социального феномена: под корпорацией понимается, прежде всего, акционерное общество. Это принципиально неверный подход к природе «корпоративного», который весьма «беден» эвристически и непригоден практически.

Соответственно сущности и специфики «корпоративного» можно охарактеризовать и корпоративное право, которое в широком смысле слова представляет собой систему правил и норм поведения, разработанных и принятых в организации. Любая организация, представляющая собой автономное образование, объединение лиц и капиталов для осуществления какой-либо деятельности, вправе формировать для своих членов определенные правила поведения с тем, чтобы максимально эффективно организовать их работу и достичь поставленных перед организацией целей и задач [7].

Подобное определение можно, встретить, например, у Т.В. Кашаниной. Корпоративное право, по ее мнению, это система норм, устанавливаемых органами управления корпорации, выражающих волю ее членов, обязательных для участников корпорации и охраняемых силой корпоративного принуждения, а при его недостаточности – силой государственного принуждения [8].

Что же касается России, то здесь наиболее мощной организующей силой всегда было и остается сейчас государство, однако корпоративизм как право-институциональная форма организации социального взаимодействия своими корнями уходит в глубь отечественной истории. Издревле русское общество развивалось не только на государственных, но и на корпоративных (органически связанных с государственными интересами, но не дублирующими их) началах, «выгодах», на основах совладения собственностью, общинного мира, особого рода «трудовой демократии» и разных форм местного самоуправления.

1. Берман, Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г.Дж. Берман. – М., 1998. Гл. 11–14.

2. Бердяев, Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев. – Париж, 1971. – С. 166.

3. Величко, А.М. Философия русской государственности / А.М. Величко. – СПб., 2001. – С. 137.

4. Дугин, А.Г. Философия политики / А.Г. Дугин. – М., 2004. – С. 95.

5. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-романскому / Н.Я. Данилевский. – СПб., 1995. – С. 412.

6. Фроянов, И. Извечные санкции / И. Фроянов // Лит. газ. – 2014. – № 45. – С. 3.

7. Шеломенцев, В.Н. Соотношение корпоративного права и общественных объединений [Электронный ресурс]. Режим доступа: // www.lex-pravo.ru

8. Кашанина, Т.В. Частное право: учебник / Т.В. Кашанина. – М.: Эксмо, 2009. – С. 89.

ПРАВОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА

М.Л. Мирзорин

преподаватель каф. уголовного права и процесса

Таганрогский институт управления и экономики

г. Таганрог

Транзит (от лат. – «перевозка») – это механизм, с помощью которого перемещается что-либо из одного пространства или среды в иную через некоторые (и это важно для понимания особой эволюционно-переходной природы этого явления) «промежуточные» пункты. В свою очередь, *демократический транзит* являет собой комплексный механизм, состоящий из разных (информационных, правовых, политических, социально-экономических и др.) предпосылок, методов и средств по становлению, формированию и развитию демократии в конкретном государстве и обществе.

Анализируя содержание и ход демократизации национального государственно-правового пространства, особый акцент, как правило, делают на экономическом и политическом ее факторах. В частности, либерально ориентированные авторы отмечают, что рыночная модель экономики без развитых институтов правового государства и гражданского общества есть самый плохой и даже в чем-то опасный вариант модернизации бывших тоталитарных и авторитарных государств, т.к. он неизбежно приводит в олигархизации и экономики, и власти (которая просто «приватизируется» новой экономической элитой [1]¹). Причем, с этим трудно спорить, если признаешь возможность только одной (западно-либеральной) модели собственно рыночных отношений.

¹ Так, Е.Т. Гайдар отмечал, что в условиях нарастающего рынка за власть уже не нужно бороться ее можно «просто купить», причем, сделать это, по его мнению, следует на вполне легальных (или полужурегальных) основаниях, т.е. оставаясь в правовом поле.

Другое дело, когда исследователь или действующий политик рассуждает в рамках плюралистического социального и политико-правового дискурса: он признает не только принципиальную возможность иных форм и способов организации рыночного хозяйства, но и видит реальные результаты функционирования таких моделей в современном мире (в Китае, Южной Корее, ряде стран Латинской Америки, Африки и др.). Так, В.Г. Федотова еще в конце 90-х годов XX в. предложила выделять особый по своим результатам и ходу вариант политико-правовой и социально-экономической модернизации, а именно – *постмодернизацию*, считая его «мягким» (в отличие от свойственных либерально-модернизационным проектам «шоковых терапий»), постепенным, но самое главное сопряженным с имеющими место в том или ином государстве историко-культурными линиями развития социума, его политическим и правовым опытом, традициями, которые, так или иначе, но все же должны определять своеобразие и направление реформирования [2].

Правда, увлекшись такого рода, безусловно, важными и эвристически полезными в том числе и для рассматриваемой темы дискуссиями, специалисты упускают из виду иной вопрос – содержание и качество продуцируемой в условиях утверждения новых, демократических экономических и политических институтов правовой информации, определяющей, в свою очередь, уровень и характер правовой информированности субъектов этой развивающейся рыночно-демократической жизни.

Более того, учитывая отмеченный ранее *опережающий принцип* функционирования правовой информации (воспроизведение социально-правовых контуров, юридического мировоззрения всегда предшествует возникновению адекватных им институтов и процессов) можно говорить о базовой (базисной), «подкладочной» роли правовой информации как при модернизации (где, часто возникает ситуация *противоречия между насаждаемой государством и чуждой большинству населения страны правовой информацией*, прямо и механически заимствованной из иных правовых пространств или созданной по «образу и подобию» иностранных правовых институтов собственных юридических массивов и *реальным экономическим, политическим опытом и устоявшимися национальными ценностями*), так в контексте указанной выше стратегии постмодернизации, предполагающей «дозировку» рецепированного права, своего рода «фильтр» заимствованной правовой информации).

Важным условием современного демократического транзита является повышающийся уровень развитости системы массовых коммуникаций: распространенность телевидения, печатной публицистики, радио, интернета, что, естественно, способствует и получению правовой информации широкими слоями населения, а это, в свою очередь создает благоприятную среду для понимания и оценки содержания различных (прежде всего, наиболее важных) законов и подзаконных актов, издаваемых, в частности, в России на федеральном и региональном уровнях. По большому счету, в любом государстве, да еще и с большей территорией и относительно высокой численностью населения демократический транзит просто невозможен без налаженной правовой информатизации социума и основную роль в организации право-информационного пространства (даже несмотря на свойственной либеральной политико-правовой модели «минимизации» государства в делах гражданского общества и индивида) должна играть государственная власть.

Однако следует отметить, что демократизация властных отношений на постсоветском пространстве, в ряде государств Восточной Европы и Азии является ключевым компонентом общего, переходного состояния национальных правовых и политических систем, а поэтому процесс формирования демократических институтов не может быть изолирован от всех, имеющих место особенностей переходного государства и нестабильной правовой системы.

В общеметодологическом плане (опираясь на некоторые положения социальной синергетики) выделим несколько специфических черт переходного периода:

1) очевидная *неустойчивость* функционирования имеющих место (сохраненных с прошлых времен и сформированных в ходе обновления) правовых и государственных (политических) структур и институтов;

2) *нелинейность* развития правовой системы, органов государственной власти, негосударственных политических структур (прежде всего, политических партий), выражаемая в *вероятностном* характере переходных процессов в этой и иных сферах жизнедеятельности [3, 4]¹;

3) *отсутствие* принципиальной, идейной (идеологической) и содержательной *целостности* национальной правовой реальности, которая, естественно, еще включает в себя и прежние нормы, институ-

¹ В переходный период, как правило, нет, и не может быть какой-либо ясной и четкой концепции развития национального права, государства, экономики. Субъекты социального обновления проводят своего рода «экспериментирование» в институционально-правовой, политической, экономической областях. Отсюда и кризисный характер модернизации, и, часто, очевидное, «затягивание» самой «переходности», и, возможное, отторжение новых демократических институтов, наблюдающаяся ностальгия части или, даже большинства населения страны по ближайшему и даже далекому политико-правовому и социально-экономическому прошлому. Например, следует ли удивляться тому, что на доктринально-правовом и доктринально-политическом уровне все чаще и чаще звучать пожелания о смене формы правления, да и всей государственно-правовой жизни: «покопавшись в неиспользованных возможностях истории следует... посоветовать России в ее ситуации... восстановление монархии, причем помпезное, замешанное на традиции, на чувстве глубокого патриотизма, знании истории, гордости за нее». Кроме этого, в ситуации затянувшегося «переходного хаоса» можно в полной мере соглашаться и с тем, что «это патриархальное прошлое в России кануло в Лету – кануло безвозвратно».

ты, правовые формы урегулирования общественных отношений, и новые (созданные самостоятельно или рецепированные) правовые конструкции, что, в свою очередь, влечет противоречивый характер исходящей от государственной власти правовой информации и, конечно же, снижает ее социальную (регулятивно-охранительную) ценность в глазах адресатов;

4) *альтернативный* (связанный с вероятностным) *характер* переходных политико-правовых процессов, т.к. их итоги, по большому счету, могут оказаться весьма далекими от первоначально ожидаемых, планируемых, что, кроме всего, связано с наличием конкурирующих концепций и стратегий, а так же борьбой их носителей (авторов и их последователей);

5) стремление многих субъектов права (в том числе, и представителей властных элит) поставить *принцип целесообразности* (в революционные периоды – «революционной целесообразности») *над принципом законности*, мотивируя это наличием «устаревших» нормативно-правовых актов, якобы «не отвечающих» изменившейся в стране ситуации, а то и вовсе «правовым вакуумом», характерным для правовой системы переходного типа. Такая ситуация, безусловно, «размывает» общеобязательный характер правовой информации, а ее основной источник – государство – «делегитимирует» (роль государственных структур в обеспечении правового порядка минимизируется, создаются предпосылки для разных анархических, радикальных проявлений со стороны определенных политических сил¹)

В целом, сформулированные здесь положения, во многом, объясняют особенности создания демократической государственности в бывшем советском политико-правовом пространстве, а также то, почему «период масштабной общественно-политической и социально-экономической трансформации в России еще не завершён» [5], а формула ч.1. ст.1 «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» не только в момент принятия основного закона страны не была констатацией факта (оформленного на конституционно-правовом уровне), а «образом желаемого будущего», но и остается им до сих пор.

1. Гайдар, Е.Т. Государство и эволюция / Е.Т. Гайдар. – М., 1995.

2. Федотова, В.Г. Модернизация «другой» Европы / В.Г. Федотова. – М., 1997. – С. 52–65.

3. Матвейчев, О.В. Суверенитет духа / О.В. Матвейчев. – М., 2007. – С. 392

4. Мамут, Л.С. Конституция, культура, демократический порядок / Л.С. Мамут // Конституция 1993 г. как план будущего для России. Материалы круглого стола. – М., 2009. – С. 108.

5. Конституция 1993 г. как план будущего для России: материалы круглого стола. – М., 2009. – С. 8.

THE PROSPECTS OF THE ECONOMIC MODERNIZATION OF REGIONS IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY RUSSIAN POLITICAL REGIME

N.V. Shinkovskaya,

Candidate of History, Associate Professor, Sub-Department of Public Policy and Administration

*Vladivostok State University of Economics and Service,
Vladivostok*

The pressing issue of the economic modernisation of Russia is impeded by the political system of Russia which rejects all the attempts to modernise it. The existing contradiction has resulted from the process of the formation of market institutions and mechanisms under the conditions of absence of political culture of democracy. The interests of the political and bureaucratic elite are poorly compatible with democratic institutions. The political circles simulate democratic reforms by way of creating institutional simulacra which are a semblance of public participation in making decisions and an oversight of their implementation and, in reality, are not supported by appropriate channels and mechanisms to perform the functions. The situation is clearly visible on the regional

¹ Ярким примером здесь будут события по разрушению СССР в 1991 г., когда союзное законодательство, по сути своей, было просто (в силу некоей политической целесообразности) «выведено» за пределы российского и иных союзных республик государственно-правового пространства, а союзная государственная власть быстро потеряла свою легитимность; а также ситуация в Украине конца 2013–2014 гг., связанная с быстрой (насильственной) сменой национальной Конституции и ряда важнейших нормативно-правовых актов в силу все той же «политической» и «экономической» целесообразности, острого желания оппозиционных (националистически настроенных) политических элит быстро войти в Европейский Союз.

level, which reveals the attempts of the authorities to achieve economic efficiency by optimising bureaucratic structures and organising surrogate forms of public activity.

Key words: *political modernisation, political elite, regional political process, the institutions, participation*

Nowadays, there is no need to justify and ground the recognition that no modernisation is possible in Russia without reforming its political system. It is recognised by scholars, analysts, and politicians. However, the paradox and dramatic character of the situation is that the issue of the modernisation is not consistent with the structure of the Russian political system which, institutionally and procedurally, accords only with the regime concentrating all processes on the vertical of the executive authority and is, for the time being, successfully rejecting all attempts to modernise it. The constructive peculiarity of the system is “that it focuses on maintaining the status-quo (distributing economic assets and power resources, first of all) and is not aimed at the modernisation development”. [Kadimova, 2012]

In 2008, acknowledging the regional policy pursued in the Russian Federation unsatisfactory the State represented by the president and the government declared they had adopted a new strategy meeting the ‘requirements of the reality’. It, as President Putin said, “requires a modern system of regional planning which should avoid any excessive regulation from the federal authority.” [Putin, 2008]. Such an approach should have been based on the strategies advanced by the regions themselves with the participation of a wide circle of persons and structures taking decisions and creating a political field, within which they would have established political alliances and looked for compromises and which would have encompassed the State, business, public organisations, the court, and the press as the fourth branch of power. However, the expectations the new strategy made one entertain contradicted the features peculiar to Putin’s political regime, under which the regions, in fact, have lost their status of political subjects. In order to solve the tasks of economic development of the regions, the State habitually set in motion the executive echelon of power and virtually eliminated all the above mentioned actors from the ranks of the subjects making decisions. Eventually the State turned out to be the only gamer on the political field. All regional authority bodies and departments became functional extensions of the federal administrative machine beginning with the plenipotentiary representative of the President and ending with the administrations of the municipal districts.

Speaking before the Federal Assembly in 2008, the then president Dmitry Medvedev clearly pointed to the interrelation between the economic modernisation and political one and he emphasised that the former could not be achieved without the latter. In 2010, in his material *Our Democracy Is Not Perfect and We Are Aware of It. But We Go Forward* published on the president’s website, he made an objective assessment of the development of the Russian political system and focused his special attention on the symptoms of stagnation and the danger that stability would transform into a factor of stagnation. Mr. Medvedev stressed that the principle task for Russia was to make the representation of the people more pronounced, so that “the political majority was not merely static and the ruling party had both rights and obligations without being only an appendage to the executive power [...] The political system must be so structured that the opinions of each social group including the smallest ones should be clearly heard, and, ideally, even the voice of one person should be heard.” [Медведев, 2010]

Although he clearly expressed the thought that Russia needed a political modernisation, Mr. Medvedev could not cross the boundaries of the system that had been established before his presidency. “A consequence of the ‘modernisation without policy’ is the system, in which the domineering bureaucracy is almost entirely independent from the institutions of public policy.” [Mezhuyev, 2010]

It is quite understandable that the roots of the problem lie in the peculiarities of the Russian transitional period: the transition to a market economy and democratic political regime occurred in circumstances when there were no economic, political and social structures complying with the requirements of the new system, which caused the inability of the Russian society to influence on the choice of the country’s course of development. The choice was made by a narrow circle of State officials who had clearly specified interests of their own, who possessed a management experience and an access to resources. The privatisation of the State property secured them a lifetime ‘administrative annuity’ and it was on the base of that appropriation that today’s political class of Russia was formed. [Furman, 2003] The existence of this class is not compatible with the democratic political process implying that wide circles of interested organisations and persons are involved into the mechanism of making and implementing decisions and, in such a way, acquire the qualities of political subjects. The openness, transparency, and deliberativeness accompanying the democratisation of the process of political participation undermine the conditions that enable the political bureaucracy to control monopolistically the State resources, which makes the sources of its wealth uncontrolled by the society. The political modernisation is a real threat not only to the wellbeing of the bureaucratic elite but also to its very existence.

The effort to prevent a real democratic process has determined the imitation model of the Russian democracy basing on poor capacity of constitutional institutions as well as on establishing structures which duplicate their functions under the supervision of the executive power all over the so-called “verticality”. Mr. Putin’s coming to power put an end to the period of spontaneous democracy under Boris Yeltsin’s presidency. The political

regime stabilised and the dual nature of the Russian State established itself on all the levels of the economic and political systems. According a certain researcher, the political actors “did not follow the structures and rules that ensured the framework for order, but adapted the structures and rules to their own objectives and, at the same time, they created new ones which supported the regime and concurrently circumvented the formal constitutional order.” [Sakwa, 2010]

The Russian society, which, for seventy years, existed in circumstances of the discordance between the proclaimed principles of the organisation and distribution of power functions and the actual practice of the Soviet State, up to the present has been unable to realise clearly having it introduced into the mass consciousness that the democratic mechanisms and processes have been substituted by simulations. The simulations radically changing the meaning of democracy discredit the idea and conceal the selfish aims of the ruling elite. The lack of alternative has become a basic condition of the latter’s existence. [Furman, 2003] The guaranteed irremovability of the power elite determines its stability and simultaneously it is one of the chief causes making the political system of Russia unable to develop democratically. Removability is realisable through competitiveness and elections. Free elections and competitiveness create a danger of losing not only political but also economic positions, whereas irremovability guarantees the retentions of the achieved status. In these circumstances, the political practice is such that it produces institutional simulacra. The process is clearly visible in the regions demonstrating the efforts of the authorities to achieve economic efficiency through the optimisation of bureaucratic structures and the organisation of surrogate forms of social activity. The change in the structure of the Federation Council has resulted in the removal of the regional authorities from the process of making decisions and deprived the regions of their status of subjects which they have in accordance with the constitution declaring the principles of federalism. The governors authorised by the local society and having political influence have been replaced by officials appointed by Moscow. The positions of the senators of the federal legislative body whose duty is to represent the regions and protect their interests have been filled with retired Moscow generals, sportsmen or regional delegates of no political importance both in the Centre and provinces. The regions have been doomed to be passive; they “do not act as initiators, subjects of innovations but as objects, recipients of the initiatives of the federal Centre, as platforms to carry out federal projects. All decisions determining the life of the regions are made by the government which takes into consideration, first of all, the interest of the Centre. The governors are mayors become ‘auxiliary bodies’ as well as regional parliaments do.” [Petrov, Titkov, 2010]

The undertaken reforms aimed to beat a path to democracy do not change the situation. The fact that, henceforth, the institution of senators must be formed only from the number of persons elected to the representative power bodies and that of deputies of the local government agencies of the pertinent subject of the Federation makes no sense since the residence requirement has been cancelled. It means, in practice, that the office may be filled by any appointee from the Centre.

The issue of decentralisation has been discussed currently by the representatives of the federal power. Suggested within the context of the development of democratic principles in the system of government it is treated uniquely within the limits of the executive echelon, of which part is also the party United Russia. Domineering everywhere and among the political parties of the subjects of the Federation as well, it is capable to initiate and approve any decisions taken by the executive power. Despite the representatives of the United Russia eagerly deny the use of it, the so-called administrative resource cannot but work for the party in power which is an official component of the administrative machine. The qualified majority of the members of the party in the legislative power condition the existence of today’s political system. The election of heads of city administrations by the city dumas in which the majority will be guaranteed for the representatives of the party in power will bring the executive vertical to a logical completion: at last, the governors will gain power over the budgets of the regional centres.

Along with the isolated and irrelevant changes in the field of election process and the partial rotation of the heads of the legislative and executive bodies of the subjects of the Russian Federation, the reform of the party legislation easing the requirements to register political parties is yet another democratic simulation. In fact, it not only did nothing to promote the democratisation of the election process but it also generated a phenomenon of the so-called ‘spoiler parties’ engaged as part of the administrative resource by the regional administrations to draw votes away from unwanted candidates.

The recent trend has been towards the attempts to create a more attractive political design of the power structures rather than a modernisation of the system. The aim is to maintain the existing political regime and retain its basic characteristics. It is reflected, in particular, in the fact that a more democratic character has been imparted to the model of political relations in service: the social basis of the political regime has been widened through the attraction of the most active members of society to the consultative zone of the power. The primaries initiated by the United Russia party when determining candidates to fill the offices of party leaders of all levels as well as the obligatory participation of party members in public debates are aimed at activating the competitiveness within the party itself rather than achieving a free inter-party competition. As Dmitry Medvedev pointed out in the above-mentioned article, if the opposition has no chance to win in fair competition, it degrades and becomes marginal, whereas the ruling party

that has no chances to lose simply stagnates and eventually degrades, too, as any living organism does when immobilised.

Although non-specified in the constitution and having no plenary power, the institution of civic chambers has become another simulation of a democratic communication between the authorities and the society. According to the concept, the civic chambers were to exempt the legislative and representative bodies of State power both of regional and federal level from the constitutionally determined role of exponents of the society's interests, which lost its meaning in the established constitutional order as well as in the real political practice. Instead of being part of the activities of the State Duma, the platform for communication and discussion has been shifted to the civic chambers to which the political analysts refer as a 'non-political parliament' (that is, a powerless one) and a 'collective ombudsman'. Aimed to act as a mechanism of feedback, it provides a way of letting off steam as well before the conflict situation may take a bad turn posing a threat to the regime.

The practice of the regions of the Russian Far East demonstrates that the regional political regime could not allow any control, even a loose one, by the society and tried to avoid any information on its activities being leaked beyond the limits of a narrow circle of government officials. That is why all the civic chambers that had come into being on the wave of social enthusiasm very quickly transformed into official consultative bodies under the governors. Replacing the odious figure of Sergey Darkin, Governor of the Maritime Province (Primorsky Krai), with the Moscow appointee Vladimir Miklushevsky, who, unlike the former, had had no links with local economic groups or interests in local economic affairs, pursued the goal to reinforce controllability over the region. The immediate task was to make the region more attractive for potential investors by securing political stability in it. The media activity, the multi-month campaign to establish seventeen coordination councils subordinate to the governor, the reanimation of the idea ruined by Sergey Darkin to establish a civic chamber, the pompous meetings with the inhabitants of the region and journalists arranged for the governor by the regional administration as well as the 'civil referenda' under the slogan of reforming the national political system suggested more often than not by the United Russia party are only few lines of the new governor's activity aimed to democratise the political process in the region.

However, the pseudo-democratic nature of the actions does not pass unnoticed by the regional society. One of the most respectable and by no means oppositional newspapers of Vladivostok representing the positions of the regional business society described the civil referendum as a large-scale political project realised with the use of the resources of the authorities of various levels which pursued no objectives to really renew the power or develop democracy in the individual territory. According to the regional analysts, the measure afforded no optional chance to 'random persons' to arrive at power; more than that, it was intended to neutralise the critical attitude of the local public by creating channels to release their criticism and, in such a way, to avoid uncontrolled actions and movements of protest that could expand from the regional centre to the provinces.

The society expressed the similar opinion about the Governor Miklushevsky's initiative which was widely advertised that seventeen expert councils attached to his office would be established to direct State programmes. According to the conclusions drawn by a Moscow expert group after it visited Vladivostok, Mr. Miklushevsky began 'to generate simulacra' in the Maritime Province, because the activity of such public organisations is consistent neither with the legislation nor political practice and it cannot correct or improve the implementation of the State programmes. The latter being drawn up, the problems of the region being presented in them, the finances distributed, their implementation is under the supervision of the State officials, whereas the expert councils have no credentials to do that. It is generally acknowledged that these and other ways the governor searches for to cooperate with the society work to appease the public rather than to make it an actor of political, economic, and social processes equal in rights with the authorities themselves.

In the long run, as the political analysts say and write, only democracy and federalism can give us an opportunity for development. To achieve the goal, real competitive conditions should be created both in political and economic spheres beginning with the transformation of the system representing the interests of the regions and ending with the establishment of the channels involving the regional society, through which the political and non-political organisations and communities could influence on the formation and implementation of the inner and external regional policy and the development of horizontal communications.

1. Furman D. Our political system. In: Free Thinking – 21, N 11, 2003, p. 9–30.

2. Kadimova I. A. Political modernisation and regional policy in Russia: problems and prospects for development. In: "The World and Policy", N 12 (72), 2012. URL: <http://mir-politika.ru/1384-politicheskaya-modernizaciya-i-regionalnaya-politika-v-rossii-problemy-i-perspektivy-razvitiya.html>

3. Medvedev D. A. Our democracy is not perfect and we are aware of it. But we go forward. URL: <http://www.kremlin.ru/news/9599.23.11> 2010. Дата обращения: 28.04.2014.

4. Mezhujev B., Kurkin N., Chernyaev A. A SPC (Shop of Political Criticism) Report. 2010. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/453684/>.

5. Petrov N., Titkov A. Power, business and society in the region: irregular triangle. Moscow Carnegie Centre. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2010.

6. Putin V. V. The opening address at the session of the State Council, July 21, 2006. On the mechanisms of interaction between the federal and regional bodies of executive power. In: Selected speeches and reports. Moscow: Book World, 2008.

7. Sakwa R. V. The dualistic State of Russia: para-constitutionalism and para-policy. In: Polis, N 1, 2010, s. 4-16.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФИКЦИОНАЛИЗМ В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ НАУКЕ

Л.Р. Саркисян

аспирант каф. теории и истории государства и права

Таганрогский институт управления и экономики

г. Таганрог

В российской правовой науке на проблему юридических фикций обратили внимание только к середине XIX века. В этот период (и позже) начинают создаваться фундаментальные научные труды, авторы которых, оставаясь, чаще всего, в романо-германской традиции, в рамках европейского континентального стиля правового мышления ставили и решали вопрос о социальной и нормативной природе, функциях и специфике фикций в отечественном и зарубежном правовом пространствах.

Правда, имеющиеся на сегодняшний день исследования, посвященные юридическим фикциям, еще не в полной мере раскрывают их сущность и значимость для правовой науки и, самое главное, для юридической практики. Отметим, что в настоящее время нет и единой точки зрения относительно содержания категориально-понятийного аппарата, необходимого для изучения сущностных и прикладных аспектов юридических фикций.

В современной правовой и философско-правовой литературе, на первый взгляд, правовые фикции определяются достаточно единообразно: суть правовой фикции, её природа усматривается, прежде всего, в том, что *определенные юридические последствия закон связывает с заведомо несуществующими фактами*. Соответственно, речь идет о вероятностном и даже предположительном характере фикции, что и позволяет отнести последнюю к особому рода юридическим предположениям, истинным исключительно в силу их признания таковыми государством (законодателем), причем, без каких-либо «экзистенциальных» (собственно, фактических, реальных) предпосылок. При этом собственно юридической (тем более легальной) дефиниции категории «правовая фикция» нет. Вызывает неопределенность и концепция правовой фикции как некоего «антипода закона», сформулированной в свое время в отечественной юридической науке.

На этом фоне, обратим внимание на то, что в зарубежной научной правовой традиции на первый план вышло изучение, с одной стороны, особой логической природы фикций, а с другой – ее социально-философской сущности.

Одним из ярких представителей этого направления исследований является Г. Файхингер. В 1911 году в Германии вышел его объемный философский трактат под названием «Философия «Как если бы»». Г. Файхингер уже был известен в философско-правовых кругах Европы как кантовед, предлагающий оригинальные варианты осмысления многих правовых идей родоначальника немецкой классической философии. В целом же, упомянутая здесь работа Г. Файхингера научной общественностью была воспринята позитивно и правовые идеи «философии фикции», или «*юридического фикционализма*», начали быстро распространяться в Германии, захватывая не только философско-правовые и теоретико-правовые, но некоторые нефилософские гуманитарные (например лингвистику) сферы. Несколько позже оформилось достаточно представительное идейное движение, заявившее претензию на пересмотр оснований всей сферы «правовой духовности», включая теории правового сознания и правового мышления как важнейших элементов правовой культуры.

Обратим внимание на то, что в учении Г. Файхингера обнаружился значительный философско-правовой потенциал. В работе «Как если бы» Г. Файхингер описывает правовые фикции, используя прошедшее время в силу того, что фикции, по его мнению, принадлежат к той стадии развития права, которая не существует в актуальном времени и поэтому всегда носит *исторический характер*:

- 1) фикция возникает тогда, когда мы обращаемся к прошлому, которого нет в настоящем;
- 2) фикция как предмет прошлого оказывает определенное влияние на *будущее*, так как закон неизбежно сталкивается с новыми правоотношениями, которые возникают в будущем и предугадать заранее их содержание нельзя.

Кроме исторического измерения Г. Файхингер изучает правовой фикции в логико-правовом и социально-философском контексте, что позволяет понять их функции. Например, как основатель ориги-

нальной теории юридического фикционализма, Г. Файхингер выдвигает идею о «гипотетических фикциях», которые позволяют субъекту воспринимать окружающий мир, т.е. превращают предметы этого мира в объекты гуманитарного познания.

К таким гипотетическим фикциям в правоприменительном процессе и относят конструкции «*как если бы*», т.е. «как если бы» эти факты были истинны (классическая модель истины, сформулированная еще Аристотелем здесь уходит на «задний» план правового мышления). Заметим, что правовое мышление, правовые действия и правовые чувства, характерные для конкретных субъектов, носителей национальной правовой культуры, естественно, направлены на формирования правовых фикции, так как именно с их помощью разного рода неупорядоченные «переживания» оформляются в эти специфические мыслительные конструкции.

В правовой фикции то, что реально возможно и не произошло, уже рассматривается как «происшедшее», хотя здесь в полной мере и сознательно допустимы (и законодателем, и правоприменителем) жесткое фактическое противоречие с действительностью (например, считать «умершим в судебном порядке того, кто возможно жив и здоров»).

Еще римское право включало, разумеется, определенный уровень античного правового мышления набор юридических фикций. В современной же Европе юридические фикции, естественно, подверглись изменению, но сущность их осталась все же неизменной: субъекты юридической деятельности приходят к «*правильному*» при помощи «*ложного*».

По мнению Файхингера, любые фикции по природе своей иррациональны, однако, они остаются в поле рационального правового мышления, более того, формализуют на правовом уровне те факты, которые в силу отсутствия очевидных экзистенциальных предпосылок, казалось бы не могут быть вообще никак логизированы. Собственно, в таком познавательном контексте Г. Файхингер и выделил юридическую фикцию как особую форму предпосылки практико-правового познания.

Вообще термин «фикция» нигде ранее не был известен, кроме как в юриспруденции, где он, безусловно, представляет предмет серьезного обсуждения. Логико-правовой механизм применения фикций в праве состоит в особом отношении группы единичных случаев к концептуальному конструкту, так чтобы в последствии «сознательное его восприятие шло по аналогии» [1]. Поэтому логической основой происхождения юридических фикций, по Г.Файхингеру, является *дедукция*, которая в данном случае означает, что это нормативное предписание является результатом обобщения, элиминирующего частные случаи, казусы. В свою очередь каждая конкретная ситуация, требующая правовой квалификации, подводится под признаки явления, описанного дедуктивным способом, то есть исходная ситуация трактуется по принципу «как если бы».

Г. Файхингер не обошел своим вниманием и такую важную проблему, как соотношение *юридических фикций и правовых презумпций*. Презумпция является своего рода юридической гипотезой, что отличает ее от юридической фикции. В юридической теории и практике их часто путали, поэтому различие между ними и стало излюбленной темой для разного рода теоретических и отраслевых юридических исследований. Презумпция – это вероятностное предположение, а фикция – все же «преднамеренная и сознательная ложь», которая, однако, на нормативном уровне объявлена в качестве истины.

Сравнительный анализ этих правовых категорий не раз предпринимался и в российской юридической науке, например, в работах В.К. Бабаева, В.М. Горшенева, Л.Л. Кругликова, Ю.Г. Зуева и В.Ю. Чуфарова и др.

Так, в монографии «Презумпции в советском праве» В.К. Бабаев рассмотрел вопрос о месте правовой фикции в советской системе права. Он справедливо отметил, что вопрос о правовых фикциях целесообразно рассматривать в двух аспектах: «с точки зрения их содержания, и как правовой прием» [2]. В этом случае содержанием фиктивного правового положения является «стремление правящего класса тем или иным образом урегулировать какое-либо общественное отношение», облачаемое в форму правовой фикции. Наличие фикций в праве обуславливается, с точки зрения автора, несовпадением юридической формы права и его социального содержания. Также, видится необходимым отличать фикции как технико-правовой прием от (ограниченной – Л.С.) *фиктивности самого права*.

В.К. Бабаев, в результате своих исследований приходит к выводу о том, что фикции в советском праве находят применение, но «только как технико-юридический прием» и к их использованию в правовом регулировании «законодатель прибегает исключительно редко» [2. С. 32].

Рассматривая взаимосвязь правовых презумпций и фикций, В.К.Бабаев выделил ряд сходств:

- 1) как те, так и другие условно принимаются за истину;
- 2) правовые презумпции и фикции получают нормативное закрепление;

Различие между этими категориями было приведено также по двум критериям: *по характеру образования* и *по степени достоверности*.

Правовые презумпции представляют собой нормативное закрепление того порядка отношений, который признается обычным, постоянным нормальным, к тому же содержащееся в презумпциях положе-

ние является *вероятно истинным*, тогда как фиктивное положение, по большому счету, *истинным быть не может*.

1. Hans Vaihinger, *Die Philosophie des Als Ob* (Berlin: Reuther & Reichard, 1911), and in English as Hans Vaihinger, *The Philosophy of "As If": A System of the Theoretical, Practical and Religious Fictions of Mankind* (C.K. Ogden trans., London: Routledge & Kegan Paul, 1924).

2. Бабаев, В.К. Презумпции в советском праве / В.К. Бабаев. – Горький, 1974.

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ: ЕВРАЗИЙСКОЕ СОЦИАЛЬНО- ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

А.Л. Шулькина

соискатель каф. теории и истории государства и права

Таганрогский институт управления и экономики

г. Таганрог

В решениях не так давно прошедшего XVIII Всемирного русского народного собора звучит необходимость не только продолжения осмысления русской идентичности, но и подчеркивается важность отражения различных ее основ в современных российских нормативно-правовых актах. В частности, речь идет о конституционно-правовом оформлении русского народа в качестве государствообразующего этноса и о надлежащей правовой институционализации (начиная с Конституции РФ) русской культуры.

В этом плане, конечно, возникает немало доктринальных вопросов, связанных с содержательной стороной этого (в условиях глобализации и сохранения либеральных ценностей у ряда представителей российских властных элит) крайне не простого процесса. Поэтому обращение, системное рассмотрение трудов евразийцев и неоевразийцев в настоящее время имеет не только и не столько теоретический интерес, но и очевидную практическую акцентуацию.

В середине XX в. основными консервативно-правовыми учениями и доктринами выступают евразийско-геополитическая (Н.С. Трубецкой) и неоевразийская (Н.Н. Алексеев) доктрины, а также учение о социальной монархии И.Л. Солоневича, в которых преемственно воспроизводятся основные постулаты консервативных государственно-правовых учений XIX – первой половины XX вв. Кроме того, в них с точки зрения консервативного стиля правового мышления интерпретируются процессы эволюции формы правления российского государства в XX веке.

Геополитический подход к организации властно-правовых отношений основан на принципах *идеократической государственности*, которые, по мнению Н.С. Трубецкого, основываются на наличии общности мирозерцания, особой системы убеждений, оформляющих верховную идею нации («идею-правительницу»). Смысл бытия государственной власти и, прежде всего, института верховной власти, заключается в организации особого «идеологического» образа жизни народа, поддержании и сохранении оригинальности, индивидуальности национальной культуры, в полной мере соответствующей особому правокультурному духу народа, его истории, политическому опыту и оригинальному юридическому быту.

В этом смысле Н.С. Трубецкой последовательно отстаивал, как неразделенность государственной идеологии и государственно-правовой жизни народа, так и подчиненность всех духовных и материальных устремлений людей *верховному правителю* как выразителю общей верховной идеи [1]. Причем, как сам народ, так и правитель становятся служителями этой «идеи-правительницы», сам же верховный правитель не возвышается над ней, а наоборот, служит ей своим «делом и смирением».

При таком государственном строе бытие каждого отдельного человека вовлекается в движение общего духовного восхождения, а государственные идеалы и цели воспринимаются и отождествляются с индивидуальными, облагораживаются и сакрализуются. Внутри этого единства каждая личность сохраняет и актуализирует свою индивидуальность и свободу, а само государственное единство опирается на «переплетение» религиозного, нравственного и социально-политического начал. На этих политико-религиозных основах устанавливается вся институциональная система властвования. Это объясняет, прежде всего, то, что в России было вообще бессмысленно «цареубийство», так как оно практически ничего бы не меняло в системе властвования.

«Цареубийство – отмечает И.Л. Солоневич – было, прежде всего, политически бессмысленными, ибо царская власть была только одним из слагаемых “системы учреждений”, и убийство одного из слагаемых политической и духовной системы ничего изменить не могло» [2]. Неудивительно, что в русском народном сознании Царская власть представлялась, чуть ли не извечной, уходящей своими корнями в глубокую древность; она освящалась Божьей волей, в соответствии с которой Царь организовывал и упорядо-

чивал (царствовал-властвовал) социальное пространство, выступая для всех своих подданных (которые перед ним равны, как перед Богом) мерилом Правды и Справедливости.

Неоевразийская (по мнению некоторых современных исследователей – евразийская) концепция Н.Н. Алексеева, во многом, стала итогом восприятия предшествующих консервативно-правовых доктрин, обосновывающих развитие российской государственности, и осмысления происходящих процессов эволюции форм правления и системы властно-правовых отношений в XX веке.

Русский юрист предлагает создание синтетической модели национального правового государства – «гарантийное государство». Последнее, это государственная система, основанная на национальных традициях и политико-правовом укладе русского народа, но которая не чужда современным достижениям европейских государств. Это государство, отмечает Н.Н. Алексеев, «которое живет, имеет историю, изменяется, движется, развивается. Жизнь его складывается из двух противоположных моментов – из постоянного, статического, и из подвижного, динамического... Сочетание статики и динамики образует режим, который можно назвать демократической идеократией или идеократической демотией» [3].

Неоевразийский социально-политический проект Н.Н. Алексеева предполагает построение государства и, соответственно, системы властных отношений с *сильной властью*, с положительными правовыми обязанностями в отношении общества и государства (принципа взаимного «социального служения»). При этом сильное государство, безусловно, связывается национальным правосознанием с «сильной народностью», т.е. когда государственная власть и народ соединяются в некотором *единстве*, не противопоставляются друг другу, а основываются на бытии друг друга.

«Сильная государственность, – писал по этому поводу И.А. Ильин, – означает, прежде всего, сильную народность, и наоборот». Поэтому, отмечает Н.Н. Алексеев, и гарантийное государство «обеспечивает осуществление некоторых постоянных целей и задач, что оно является государством с положительной миссией. Гарантийное государство противопоставляется, следовательно, *государству релятивистическому*, не ставящему перед собой никаких положительных целей, не имеющему никакой постоянной программы, не руководящемуся никакими стабилизированными принципами... в нем обеспечивается проведение в жизнь некоторых положительных социальных принципов, некоторой стабилизированной социально-политической программы, которая может рассчитывать на всеобщее признание со стороны людей весьма различных философских, научных и религиозных убеждений» [3. С. 372–373].

Такое государство основывается на нравственно-правовых и духовных основах, утверждает «правду», как необходимый нравственный идеал и критерий оценки протекающих в обществе юридико-политических явлений и событий. В нем утверждается «истинная» духовно-нравственная свобода личности, ибо «право есть та область духовно-нравственной жизни человека, которая имеет дело с тем, что человек “свободно может” и к чему он насильственно не принужден» [3. С. 604].

В этом смысле, отмечает Н.Н. Алексеев, справедливым является то, что изданный государственной властью закон, содержит, кроме юридической обязанности, также *нравственное обязательство* его исполнять, «является так сказать, всенародно произнесенной клятвой». В гарантийном государстве чувство законности пронизывает все институты государственной власти и властные отношения, «оно есть одно из моральных чувств, и те государства, в которых это чувство наиболее развито, можно называть государствами гарантийными». В свою очередь, «стремление к наибольшему обеспечению гарантийного порядка составляет последнюю необходимую черту того государственного строя, который мы называем совершенным» [3. С. 605]. Справедливо в этом смысле отмечает А.Ю. Мордовцев, когда пишет, что «*гарантийность* означает такое государство, в котором гарантируются режим *не формальной, а материальной законности*, права общества и человека на духовное развитие, свободу, социально-экономические права и др.» [4].

Обращаясь к процессам эволюции форм правления русского государства русские консерваторы отмечали, что в России революция либеральная, буржуазная, требующая правового строя, была утопией, не соответствующей русским традициям и господствующим в России революционным идеям. В России революция могла быть только социалистической. По мнению Н.Н. Алексеева, именно социалистическая революция стала ответом на «внутреннюю болезнь в общественном организме», которая поразила как идейный «склад» общества (начиная с петровских реформ), так и политико-правовую институциональную систему монархической власти (связь царя и земли, крепостничество, раскол между ведущим слоем и народом).

При этом появление на политической карте нового государства – советской России, было закономерным ответом на кризисные явления в политическом и правовом сознании граждан, в системе государственной власти и практике ее осуществления (при дуалистической монархии и особенно после февральской революции, когда установилось, по сути, двоевластие).

Интересным остается и то, что советский государственно-правовой строй по внешней форме представлял собой *прогрессистский вектор* развития: разрыв с традиционно-православными верованиями, перестройка институциональной системы властвования, снятие классовых и, соответственно, социальных

противоречий, ориентация на поступательное достижение лучшего социального устройства (справедливости и равенства в социальной жизни). Однако по своему содержанию эта форма государства базировалась на духовно-правственных и ментальных характеристиках русского народа и опиралась на традиционные начала. Властно-правовое взаимодействие граждан и государства носило, по сути, не столько юридико-формальный, сколько морально-идеологический характер, а само государство и институт верховного правителя (главы государства) одухотворялись, отчасти мифологизировались и даже сакрализировались. Основными же факторами в государственно-правовом прогрессе остались традиционные для отечественного правосознания идеи: поиск царства правды, справедливости, силы государства и мессианская идея.

Система властно-правовых отношений Советского государства основывалась на ряде консервативно-правовых принципов:

1) традиционный принцип «народности». Общность, коллектив становятся базовой единицей советского общества, распространенной и обыденной организации жизни советских людей, каждая социальная группа должна была преследовать кроме индивидуальных, общие интересы, как они определялись всем советским обществом. Весь государственный организм выстраивался на первоначальных организованных ячейках граждан – советов (деревенских, городских, фабрично-заводских). Именно они провозглашались фундаментом всей советской системы, «теми первоначальными государственными органами, из которых образуются все остальные органы советского государства» [3. С. 323–324]. Подобная государственная система, как справедливо отмечает Н.Н. Алексеев, «в принципе своем преодолевает индивидуализм и атомизм европейской демократии... Советская система за отправную точку свою и берет не отвлеченного голосующего индивида, а известную социально экономическую единицу – деревню, волость, фабрику – с ее первичным государственным органом – советом депутатов» [3. С. 350–351]. Таким образом, заключает исследователь, подобный способ организации государственной власти и соответствующей ей косвенный принцип избирательного права, который предполагает многостепенное формирование центральных органов государственной власти, гораздо совершеннее непосредственной демократии и куда ближе для русского правосознания;

2) утверждался «опосредованный демократический» принцип – народ управляется не сам, а через наиболее лучших и полномочных представителей, т.е. тот или иной социальный коллектив имеет право (отраженное во всех конституциях СССР) посылать от себя непосредственно депутатов на различные съезды Советов;

3) принцип сильной и авторитетной государственной власти, которая ориентирована на одну политическую партию. Коммунистическая партия стала руководящей и направляющей силой развития советского общества, *ядром* его политической системы, политическая сфера и государственная сфера становятся полностью тождественны, но кроме того политическим становится все общество;

4) советское государство реализовывало традиционный принцип «справедливости», а «законные права личности, охрана личной свободы правом с призранием отвергались как «формальные», совершенно незначительные по сравнению с «грядущим царством социалистического братства... существующие законы применялись только в случае когда они не противоречили “революционному правосознанию”, специфическому представлению о справедливости, “правде”» [5];

5) в системе советской государственной власти действовал принцип, сформированный еще в Московском царстве, – «замещения властей», когда каждый нижестоящий орган вполне мог замещать в периоды между сессиями каждый вышестоящий орган. Например, высший орган государственной власти – Верховный совет замещал Президиум верховного совета, а Центральная Комиссия замещает Съезды Советов, президиумы и Советы народных депутатов. Получается, что в практике «вопреки, например, основным законам, советская Конституция десятки раз изменялась не Съездом Советов, а постановлениями других органов, уже не говоря о том, что важнейшие законы издавались иногда некомпетентными властями», т.е. «нижестоящий орган может заступать вышестоящий во всех вопросах» [3. С. 341].

Государственно-правовая модель советского государства, по мнению большинства евразийцев и неоевразийцев, на смотря на многие ошибки, юридические, политические, идеологические недостатки, является органичной основой отечественного политико-правового мира и в этой связи не может быть, что называется, «сброшена» с его «корабля», выведена за рамки поиска русской идентичности в начале XXI в.

1. Трубецкой, Н.С. Европа и человечество: Русский мир: сб. / Н.С.Трубецкой. – М.; СПб., 2003.

2. Солоневич, И.Л. Народная монархия / И.Л. Солоневич. – М., 1991. – С. 48

3. Алексеев, Н.Н. Русский народ и государство / Н.Н. Алексеев. – М., 2000. – С. 380–381.

4. Любашиц, В.Я. Государственная власть: теоретико-методологические и правокультурные аспекты: монография / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев, О.И. Мирошкина. – М., 2012. – С. 373.

5. Яковлев, А.М. Российская государственность (историко-социологический аспект) / А.М. Яковлев // Общественные науки и современность. – 2002. – № 5. – С. 80–81.

ТРАДИЦИИ СУДЕБНОГО КРАСНОРЕЧИЯ В РОССИИ

Л.А. Амарян, студентка

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Формирование гражданского общества в России сегодня требует новых подходов к фундаментальным проблемам правовой теории, новых нравственных и правовых идеалов, которые невозможно развивать без учета творческого наследия выдающихся русских юристов прошлого.

Судебные речи талантливых русских юристов А.Ф. Кони, В.Д. Спасовича, Н.П. Карабчевского, К.К. Арсеньева, А.И. Урусова, П.А. Александрова, Н.И. Холева, С.А. Андреевского, В.И. Жуковского, К.Ф. Хартулари, Ф.Н. Плевако, М.Г. Казаринова, А.В. Лохвицкого, Н.В. Муравьева, М.Ф. Громницкого, В.П. Пржевальского, П.Н. Обнинского, А.М. Бобрищева-Пушкина с полным правом называют прекрасными образцами судебного ораторского искусства.

Многие дореволюционные юристы отличались удивительным красноречием и безупречным мастерством риторики.

Красноречие – 1) ораторский дар, талант, искусство говорить и писать красиво, убедительно, 2) совокупность текстов, словесных произведений определенной сферы общения, поэтому существует красноречие политическое, судебное, торжественное, академическое, церковное, военное. Специфика данного понятия разнообразна: судебное красноречие – это комплекс знаний и умений юриста по подготовке и произнесению публичной судебной речи сообразно с требованиями закона [1]. Судебное ораторское мастерство связано с требованием логичности и убедительности. Доказательность – это важнейшая черта рассуждений в судоговорении. Искусство судебного оратора проявляется в умении четко определить тему спора (тезис, целевую установку), построить судебное выступление так, чтобы привлечь внимание судей и удержать его до конца выступления, тщательно, всесторонне и объективно анализируя материалы дела, опираясь на нормы права [2].

Само понятие «судебное красноречие» зародилось в Древней Греции, в период становления государственности, демократических свобод. Поскольку умение эффектно и убедительно говорить стало жизненно необходимым.

Хотя о риторике на Руси говорили уже с XII века (всем известен сборник Ивана Златоуста «Златоуст», работа М.В. Ломоносова «Краткое руководство к красноречию» и другие) информации о ее применении в судебном процессе как таковой не имеется. Именно после Великих реформ Александра II судебный процесс стал открытым, гласным, появилась состязательность сторон и, как следствие, появилось заметное число судебных ораторов. Среди них прокурор и судья А.Ф. Кони, П.Н. Обнинский, В.И. Царев, адвокаты: Ф.Н. Плевако, П.А. Александров, С.А. Андреевский, Н.П. Корабчевский, А.И. Урусов, Я.С.Киселев и многие другие.

Судебные речи дореволюционных прокуроров и адвокатов вошли в историю, как памятники непревзойденного мастерства, удивительного искусства словами выразить не только суть дела, логически изложить и выявить обстоятельства, но и затронуть самые глубины человеческой души. Не случайно когда мы знакомимся с выступлениями великих юристов того времени, мы видим, что их выступления наполнены эмоциями, накалом страстей, они как тонкие психологи, знатоки человеческих мыслей и поступков анализируют человека, обращаются к его внутреннему миру, пытаются именно там найти все мотивы поступков. Но объединяло их, прежде всего, уважение к своей профессии, широкая образованность, правовая и общая эрудиция, богатство и глубина мысли, тщательный и всесторонний анализ собранных доказательств.

Требования к языку судебной речи в определенные эпохи претерпевали изменения. Эти изменения произошли и в советский период, где господствовало свое понимание власти, государства, законности, суда и процесса, отличное от дореволюционных времен. Если в имперской России, как правило, не употребляли речевых юридических стандартов, а многие адвокаты говорили с присяжными, «как говорят писатели с публикой», то в советское время считалось, что всякие излишества могут повредить делу и помешать достижению цели [3]. Речь судебных ораторов стала клишированной, стандартизированной. В судебной речи требуется четкость официальных формулировок, наличие обязательных юридических формул, которые несут общезначимую, общепонятную для всех граждан информацию. Выступление и заключение в советский период являлись «этикетными» композиционными частями. В закрытых судебных заседаниях выступление было лаконичным, заключительная часть нередко отсутствовала. Развернутыми они были обычно в судебных речах, которые произносились в открытых процессах.

Искусство обвинительной речи в 20–30 годах XX столетия было представлено в деятельности Н.В. Крыленко (1885–1938), который известен как прокурор РСФСР, а затем и СССР. В качестве государственного обвинителя он выступал на всех крупных политических процессах, важных по своему общественно-

му значению или посвященным борьбе с экономической разрухой, поэтому его речи – это хроника событий того времени. Каждое его выступление в зале судебного заседания отличалось всесторонним и тщательным изучением дела, глубоким анализом доказательств, подробным психологическим анализом самого преступления и его причин.

Не менее известен и Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко (1907–1981), который участвовал еще и на стороне государственного обвинения во многих известных процессах того времени. Например, участие в Нюрнбергском процессе в отношении Германа Геринга, где он представлял обвинительные заключения от СССР, лично проводил допрос подсудимого, предъявлял необходимые документы, в качестве доказательства действий Геринга. Р.А. Руденко был и прекрасным оратором, обладал высокой общей и правовой культурой, глубокими знаниями. Его обвинительная речь содержала всестороннюю аргументацию, убедительность, строгую логику изложения [4].

Известны в истории СССР и другие представители государственного обвинения, которые обладали судебным красноречием. Известны выдающиеся имена и отечественных адвокатов, например, выдающийся оратор И.Д. Брауде, Н.Я. Левин, И.Ф. Крылов, С.В. Каллистратова, В.Л. Россельс, Я.С. Киселёв и т.д.

В XXI веке происходит переосмысление значения риторика как таковой и судебной в частности. Современная риторика стала рассматриваться как наука об условиях и способах действенной речевой коммуникации. Вопросу о судебном красноречии стали все чаще уделять внимание. Связано это с тем, что во многом сегодняшние публичные выступления в зале судебных заседаний имеют стандартную, клишированную форму.

Проблема в том, что многие годы юристов не учили искусству составления индивидуальной, отчасти художественной, развернутой речи, а лишь давали хорошо известную формулу того, каким должно быть выступление в суде, без лишних отступлений и ненужных размышлений. Такая практика негативно сказалась на показателе воздействия судебной речи на участников процесса. В настоящий момент происходит переосмысление значимости судебного красноречия. В высших учебных заведениях преподается такая дисциплина, как риторика, которая своей целью ставит научить студентов грамотной, профессиональной, логичной, уместной, выразительной, самобытной речи. Возвращается понимание того, что в судебной речи для ее эффективности необходимо применение не только рационального начала, но и средств эмоционального воздействия. Например, яркие краски художественной литературы, тропы, фигуры речи, вопросительные вопросы, интонационно-выразительные средства и т.д. Так Г.А. Золоторевой принадлежат слова: «Как музыканту нельзя без музыкального слуха, так и людям, работающим со словом, нельзя без любовного отношения к слову, без живого чувства языка». В этой фразе подчеркивается значимость умения говорить красиво и правильно для всех профессий, где требуется публичное выступление, в том числе и для юристов.

Целью каждого оратора является то, чтобы его слова произвели должное впечатление на слушателей, а для этого необходимо обладать большим запасом знаний, начитанностью, компетентностью в области политики, экономики, искусства. Так выдающийся русский юрист А.Ф. Кони писал, что образованный юрист должен быть человеком, у которого общее образование идет вперед специального.

Российская правовая история обладает великим наследием судебного красноречия, которое выражается в знаменитых выступлениях представителей государственного обвинения и стороны защиты, начиная с XIX века по сегодняшний день. Судебная речь в разные периоды имела свои особенности, по-разному трактовалось ее значение в судебном процессе, но неизменным всегда оставалось то, что язык – это профессиональное оружие юриста, которое необходимо использовать с предельным мастерством и точностью.

-
1. Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия / Н.Н. Ивакина. – М., 2013.
 2. Глинский, Б. Русское судебное красноречие / Б. Глинский. – СПб., 1970.
 3. Бахтин, М.М. Человек в мире слов / М.М. Бахтин. – М., 2000.
 4. Ивин, А.А. Риторика искусство убеждать / А.А. Ивин. – М., 2001.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ «ПЕРЕХОДНОГО ГОСУДАРСТВА»

А.С. Полякова

аспирант каф. теории и истории российского и зарубежного права

М.А. Пономарева, студентка

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток

Переходное государство рассматривается как разновидность государства, обеспечивающего смену общественно-политического строя и характеризующееся высокой степенью отрицания государственных институтов, разнородным составом социальной базы, установлением незавершенных государственных форм и системным кризисом в большинстве сфер своей деятельности.

Переходный период в развитии любой страны, в том числе и России, – это *особый этап эволюции* не только государства и права, но и самого общества, на базе которого они возникают и развиваются, в этот период также подвергаются трансформации экономическая, политическая и социальная сферы социальной жизни, происходит кризис идеологической основы общества. Процесс перехода от одного типа государства и права к другому уже, в силу самого этого перехода является весьма сложным, многогранным и противоречивым процессом, происходящим как в государственно-правовой сфере, так и в общественно-политической жизни.

Так В.Е. Чиркин писал о возможности проявления скачка в форме постепенности, при которой «старое исчезает не сразу, как при «скачке со взрывом» а по частям, по ступеням» [1]. Иными словами, переходный период не стабилен, не сбалансирован и способен к альтернативным путям эволюции он предполагает постепенные, ненасильственные преобразования путем проб и ошибок.

Для исследования феномена «переходного государства» существенно важно, что в переходный период происходит становление *государства и права нового качества*. Но ведь правовая система возникает не на голом месте! И тут надо отметить, что реформаторские силы не могут ликвидировать все институты власти, вместе с тем, происходит, как правило, полный отказ от прошлого политического опыта и заимствование зарубежных «политико-правовых стандартов» и лишь иногда наблюдается преемственность новых институтов старым, традиционным формам.

Так, в период смены режимов в России и в 1917 году, и в 1990-е годы полностью искоренялись старые традиционные политические и правовые формы.

В условиях повсеместной «переходности», особо важно выяснить какие изменения происходят в правовой системе, выступающей фундаментальной основой социальных отношений, продолжает ли право существовать в обществе, сохраняется ли его сущность и социальное назначение или же происходит утрата системности правовых явлений, подчинение последних политическим реалиям (или, как часто бывает, «политическим играм»).

Правовая система вообще представляет собой целостный комплекс правовых явлений и процессов (позитивное право, преобразование, реализация права, правосознание) складывающийся в результате их взаимосвязи и взаимодействия и характеризующий юридическое воздействие на общественную жизнь [2].

Представляется, что на переходном этапе развития общества право все же продолжает существовать, поскольку даже в условиях кризисных процессов социальные отношения необходимо регулировать, правовые нормы, безусловно, существует. Но здесь возникают многочисленные вопросы:

– *каково качество правовых норм в переходном государстве?* Зачастую в описываемых условиях вступает в действие т.н. чрезвычайные нормы (чрезвычайное законодательство¹), которые, отвечая на «запросы власти», далеко не всегда могут отвечать социальным потребностям, интересам, ценностям;

– *не утрачена ли системность, целостность права?* В условиях смены государственного политического порядка наблюдается системный дисбаланс, диспропорция, дисгармония между правом предыдущего и правом вновь образуемого государства, возможны такие правовые явления как переживание законов², коллизии³, пробелы и пр.;

¹ Чрезвычайное законодательство – законы, принимаемые на случай каких-либо особых обстоятельств (напр., на случай войны) и предоставляющие, как правило, главе государства особые полномочия

² Под «переживанием закона» закона в юриспруденции понимают состояние, когда закон, утративший юридическую силу, по специальному указанию нового закона может действовать в отношении определенных актов и обстоятельств, причем это закон *далеко не всегда, отвечает существующим реалиям.*

– *продолжает ли существовать правосознание* и в какие формы облачается? Вопрос о возможности восприятия обществом «переходного права» остается открытым, поскольку очевидно, что указанные выше процессы, препятствуют целостному восприятию права, его адекватной оценке, формируя деформированные представления о праве, такие как правовой нигилизм, правовой инфантилизм и пр.

Как правило, в переходный период возникают противоречия между законодательной и правоприменительной деятельностью. Это обусловлено, прежде всего, тем, что законодатели в описываемый период стремятся заполнить так называемые нормативные пробелы в праве, и совсем не заботятся о механизме их реализации. Содержание норм направлено на внешнее выражение интересов и потребностей политической элиты, нежели на выражение интересов, прежде всего, народа.

В.В. Сорокин отмечал, что главной проблемой, препятствующей эффективной реализации права в переходных условиях является то, что в данный период нарушается соответствие между статистической совокупностью правовых актов и их действием, практическим регулированием ими общественных отношений. Из этого следует, что значительно снижается качество закона, так как оно не подкреплено практикой: «Закон без ритуала, без процедуры его действия приводит: власть – к произволу, гражданина – к беззащитности». Чтобы закон заработал, он должен иметь правовую процедуру исполнения, соединение материально – правовых установлений с процедурным механизмом, детально опосредующим их реализацию.

Затрагивая проблему правосознания, следует, прежде всего, сказать, что оно представляет собой совокупность идей, представлений, чувств, эмоций, в которых выражается отношение к праву (действующему и желательному), деятельности государственных органов, а также действиям людей, совершаемым в правовой сфере.

Поскольку, как мы выяснили выше, в переходном государстве наблюдается значительное изменение качества правовых норм, можно сделать вывод, что и правосознание граждан также находится в стадии трансформации.

Как правило, содержание норм в рассматриваемый период, противоречит социальным интересам. Следовательно, меняется и отношение к праву. Имеет место появление таких явлений как правовой нигилизм, правовой инфантилизм, правовой негативизм и т.д. В.А. Туманов дает следующее определение правовому нигилизму: «Правовой, или юридический нигилизм есть скептическое и негативное отношение к праву вплоть до полного неверия в его потенциальные возможности решать социальные проблемы».

По мнению Э.Ю. Соловьёва, « правосознание – это ориентация на идеал правового государства, которая имеет этически безусловный характер и уже в данный момент определяет практическое поведение человека как гражданина». Именно благодаря этой функции правосознания можно говорить о том, что, как подчёркивают современные правоведы и философы права (Э.Ю. Соловьёв, В.С. Нерсесянц, С.С. Алексеев), право призвано охранять сферу настоящего, органично сочетая в правовой догме традиции будущего развития общества.

Переходный период является сложным, противоречивым и многогранным процессом. Изменения, происходящие в этот период, затрагивают все сферы жизни общества. Прежде всего, подобные изменения сказываются на правовой сфере, поскольку она является главным упорядочивающим элементом общественных отношений. В переходный период закладываются основы будущей обновленной правовой системы, формируется правосознание и правовая культура населения, которые играют особую роль в обеспечении устойчивости и стабильности права.

1. Чиркин, В.Е. Революционно-демократическое государство современности / В.Е. Чиркин. – М., 1984. – С. 50.

2. Аезенштат, Я.Н. От тоталитарного государства к правовому / Я.Н. Аезенштат. – М., 1993. – 199 с.

³ Коллизии – это противоречие (столкновение) норм права, регулирующих одни и те же общественные отношения.

ИНТЕРПРИТАЦИИ ПОНЯТИЯ «ДЕМОКРАТИЯ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ МЫСЛИ ГОСУДАРСТВ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

А.С. Полякова

аспирант каф. теории и истории российского и зарубежного права

С.А. Третьякова, студентка

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Явление, именуемое «демократией», существует уже более двух тысячелетий. Оно зародилось в первобытнообщинном строе, затем получило развитие в ранних городах-государствах, таких как Древняя Греция, Древний Рим. Импульсом к этому послужило стремление обычных граждан государства к управлению, к возможности влияния на исход важнейших проблем.

В Древних Афинах демократическая форма правления существовала примерно с 500 по 321 г. до н.э. Этот термин утвердился после окончания греко-персидских войн. Ранее ни при Солоне – знаменитом афинском мудреце, ни при Клисфене – политическом лидере Афин VI века до н.э. – демократии не существовало. Солон предоставил народу лишь «почет... без лишних прав», а Клисфен допускал к управлению Афинами только «верхушку демоса» [1].

Афины стали первым в мире государством с демократической политической системой. Любой гражданин имел право участвовать в работе Народного собрания. По оценкам исследователей, во времена расцвета демократии в Афинах около трети граждан занимали ту или иную государственную должность. Период величайшего культурного расцвета Афин – «золотой век Перикла» – приходится на вторую половину пятого века до н.э. В государстве в те времена жили и творили великие ученые, художники и поэты, такие как: историк Геродот, философ Анаксагор, скульптор Фидий, поэты Софокл, Еврипид и т.д. Жители города активно занимались самообразованием: посещали театры, судебные заседания; молодежь стремилась овладеть ораторским искусством, которое в Афинах достигло непревзойденных высот, став классикой. Для жителей Афин демократия была высшей ценностью; афинскому гражданину было присуще служить государству и жить в демократическом государстве, но остальной Древний мир представлял собой торжество личной диктатуры правителей – монархии, опирающиеся на силу и подавление.

Афинская демократия являлась благом для свободного населения, в то время как зависимое – рабы, эксплуатируемое население союзных городов – были недовольны существующим положением, что порождало множество конфликтов как внутри Афин, так и за его пределами вследствие стремления города расширить сферы своего влияния и экономического господства. В конечном счете конфликты и противоречия привели к Пелопоннесской войне (431–404 гг. до н.э.) – крупнейшей в истории Древней Греции. Потерпев в ней поражение, Афины навсегда утратили свое ведущее положение в Греции. Суверенитет города – государства был утрачен [1].

Древнегреческий философ Платон, ученик Сократа, живший в Афинах приблизительно с 428 по 348 гг. до н.э., имел свое мнение о демократии, противоположное взглядам афинского правительства. Если посмотреть на шкалу типов государства, составленную Платоном, то сразу же можно заметить, что демократия стоит на предпоследнем месте. Хуже нее только тирания [2].

В чем же причина такой классификации? Почему аристократия, тимократия и олигархия стоят выше в списке Платона? Ведь в современном нам мире государства с демократическим политическим режимом наиболее распространены, такой режим в самой большей степени отражает интересы большинства граждан.

Скорее всего, именно власть большинства так противит Платону. Причина этого в биографии Платона, в его происхождении. Родился он в аристократической семье, получил хорошее образование, в своей жизни путешествовал по Италии, был на Сицилии, в Мегаре, посещал Кирену и Египет. Принадлежность к верхушке общества априори повлияло на его мировоззрение, взгляды на «идеальное государство», каким он считал аристократию [3].

Наиболее показательные аргументы против демократии можно найти у Платона в 8 книге его «Государства». Они сводятся к тому, что при демократии граждане перестают почитать законы – как писанные, так и неписанные; повсюду распространены потребительство, крайнее отчуждение друг от друга, эгоизм [2]; заканчивается же все это тем, что крайняя свобода оборачивается крайним рабством; произвол толпы переходит в произвол одного, демократия превращается в свою диалектическую противоположность – тиранию. Демократия для него – результат бунта бедняков против знати и богачей [4].

Греческий философ Аристотель Стагирит, ученик Платона, живший в период с 384 по 382 год до н.э., как и его учитель, не считал демократию «правильным» государственным строем. Он рассматривает ее как качественно худшую форму по сравнению с тремя «идеальными» [5].

В третьей книге его трактата о государстве «Политика» выделяется три «правильных» строя: *монархия, аристократия и полиция*, и три отклонения от них: «*тирания от монархии, олигархия от аристократии и демократия от полиции*».

По Аристотелю, демократия практически тождественна власти черни, охлократии, так как население города состоит из всех подряд. Демократии, как худшей модели правления, Аристотель противопоставляет не только монархию и аристократию, но и полицию, к которой, напротив, относится положительно [6].

Как и в Греции, в Риме какой-то время существовала демократия. Этот демократический институт – народный трибунал – возник из противоборства плебса и аристократии в 494 году до н.э. Народные трибуны – высшие выборные лица из числа плебеев – имели полномочия налагать запрет на постановления магистратов и сената. Трибуны ежегодно избирались на плебейских собраниях, в количестве 2, затем 4, после – 10 человек. Личность народного трибуна считалась неприкосновенной, но так продолжалось лишь до начала Римской Империи.

Гай, один из самых влиятельных римских юристов, написал «Институции Гая», указав в них: «Гражданское право римского народа состоит из... решений плебеев» [7].

Марк Тулий Цицерон, древнеримский политик и философ, утверждал, что государство является не только естественным организмом, но и искусственным образованием, «народным установлением» [8]. Цицерон признавал равенство всех людей от природы и возможность достижения мудрости каждым, кто получит образование. Ссылаясь на греческих мыслителей, Цицерон различал три основные формы государства: царскую власть – монархию, власть оптиматов – аристократию и власть народа – демократию. Среди них лучшей, по мнению Цицерона, являлась монархия [9]. Он утверждал, что каждая из простых форм власти со временем вырождается, что приводит к возникновению у государства порочных состояний – тирании, власти толпы, господства богатых. Поэтому наиболее стойкой является смешенная форма режимов, собравшая в себе начало монархии, аристократии и демократии. К такому строю, по его мнению, приближалась Римская республика во времена «отцов» и «дедов».

На протяжении нескольких столетий демократия не получала существенного развития – она заменилась единоличной властью тиранов и диктаторов, угнетением большей части общества, высокими привилегиями узких кругов лиц.

Лишь в IX веке в отдельных районах средневековой Европы начинает появляться некая выборность – дворяне и почётные граждане стали напрямую участвовать в местных собраниях и избирать депутатов в региональные собрания. В Скандинавских странах постепенно складывается многоуровневая система представительных органов, и в 930 году в Исландии впервые возник аналог современных национальных законодательных собраний и парламентов – Альтинг. На Руси в те времена все важные вопросы общественного устройства решались на народном собрании – вече. В XII веке в ряде итальянских городов-государств начали проводиться прямые периодические выборы на высшие руководящие должности. В некоторых странах получила распространение выборная монархия – Священная Римская империя, где император избирался курфюрстами, Королевство Польское, где на протяжении XVI–XVIII веков «шляхетская демократия» характеризовалась широкими правами дворянства.

Фома Аквинский, средневековый философ и теолог XIII века, в своем понимании наилучшей формы государства и правления отталкивался от идей Аристотеля. Фома полагал для человека естественной общественной жизнью, требующую управления ради общего блага. Как и Аристотель, он говорит о трех «чистых», правильных формах – *монархии, аристократии, полиции*, и о трех «извращенных» – *тирании, олигархии, демократии*. Демократии противопоставляется полиция, аристократии – олигархия, монархии – тирания [10].

Самой худшей формой он считал тиранию, отличавшуюся от демократии лишь тем, служит во благо одному, в то время как демократия – во благо многих [10].

Средневековый схоласт Марсилиус Падуанский, хоть и был современником Фомы Аквинского, противопоставил притязанием пап не мечтательные теории всемирной монархии, а демократическую свободу, отрицая у церкви всякую принудительную власть [11].

Марселиус утверждал, что при принятии общественно значимых решений у каждого должен быть шанс высказать свое мнение, каким-либо образом повлиять на ситуацию. Но, по мнению Марселиуса, это не означает прекращения монархической власти, поскольку именно король представляет народ.

Он написал знаменитую книгу «Защитник мира», которая по-разному была оценена последователями: от прямого предшественника Руссо и других демократов XVIII века до сдержанных суждений о нем как о стороннике городской республики типа Падуанской коммуны.

Проанализировав понимания и применения понятия «демократия» в странах античности и средневековья можно заметить, что в различные периоды истории, в зависимости от уровня развития общества и существующих форм государства, по этим термином понимались иногда совершенно противоположные вещи: от проявления воли только свободного населения до «результат бунта бедняков против знати и богатей».

1. История Древней Греции / под ред. В.И. Кузищина. – М.: Высш. шк., 1996. – 398 с.
2. Платон. Государство.
3. Платон. Собр. соч.: в 3 т. в 4 кн. (Сер. Философское наследие) / Платон. – М.: Мысль, 1968–1973. 35000 экз.
4. Полное собрание творений Платона в 15 т. / под ред. С.А. Жебелева, Л.П. Карсавина, Э.Л. Радлова (тр. Петерб. филос. об-ва). – Пб-Л: Academia, 1922–1929. (не завершено, вышли тт. 1, 4, 5, 9, 13, 14)
5. Бронзов, А. Аристотель и Фома Аквинат в отношении к их учению о нравственности / А. Бронзов. – СПб., 1884.
6. Аристотель. Афинская полития / Аристотель; пер. С.И. Радцига. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1936. – 198 с.
7. Гай. Институции.
8. Цицерон. Полное собрание речей в русском переводе / Цицерон; под ред. Ф.Ф. Зелинского: в 2 т. Т. 1. [Речи 1–24]. 81–63 гг. до Р.Х. – СПб., 1901.
9. Цицерон. Диалоги: О государстве. О законах / Цицерон; пер. В.О. Горенштейна, прим. И.Н. Веселовского и В.О. Горенштейна, ст. С.Л. Утченко. отв. ред. С.Л. Утченко (Сер. «Литературные памятники»). – М.: Наука, 1966. – 224 с.
10. Боргош, Ю. Фома Аквинский / Ю. Боргош. – М., 1966. (2-е изд.: М., 1975).
11. Марсилий Падуанский. Защитник мира.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: СОВРЕМЕННОСТЬ

А.С. Полякова, аспирант

М.А. Беловош, студентка

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Данная проблема является актуальной, так как в современной России ежедневно происходит реформирование всех сфер жизни населения, а эти реформы требуют качественного правового регулирования.

Применение норм права должно быть гибким, так как на практике нормы будут применяться с учетом всех особенностей ситуации, они должны носить индивидуальный характер, что будет способствовать уменьшению числа правонарушений.

Для того чтобы правовые нормы осуществлялись на практике, им нужно выражать интересы населения, только в этом случае, их реализация будет возможна.

После того, как закон издан, для его соблюдения в обществе, уровень правовой культуры и правосознание необходимо поднимать на соответствующую ступень. Это зависит не только от той социализации, которая уже пройдена человеком, но и от того какие законы издаются. В ряде стран таких, как: Бельгия, Швеция, Нидерланды, Норвегия, Исландия, Дания и пришли к официальному разрешению однополых браков. Это неправильно, чьи бы интересы не выражал какой-либо закон, нравственный характер он обязан нести. Победа на Евровиденье Кончиты Вурст, показала подрастающему поколению, что время сейчас другое и все рамки опущены.

Все принимаемые нормы должны быть понятны гражданам, двусмысленность исключается, а также важным является отсутствие законов, которые противоречат Конституции РФ, как, например, закон, который запрещал подачу кассационных жалоб в федеральный Верховный Суд без их предварительного рассмотрения в верховном суде региона. Данный закон нарушал принцип равенства и права на судебную защиту [2].

Все нормы права не должны противоречить Конституции РФ 1993 года, но практика показывает, что в высшем юридическом акте страны есть противоречия. Российский ученый – правовед В.Е. Чиркин нашел в современной Конституции РФ более 26 противоречий [4]. Закрепленный главой 2 Конституции РФ перечень основных прав и свобод, по оценкам многих отечественных и зарубежных ученых-юристов, либо вообще не содержит надлежащего механизма реализации, либо ущербен и формален, т.е. не способен обеспечить реализацию конституционных принципов о высшей ценности прав и свобод человека (ст.

2), а также об их непосредственном действии (ст. 18). Многие современные конституционные положения (ст. 40 – право на жилье, ст. 38 – защита материнства и детства, ст. 58 – охрана природы, ст. 43 – право на высшее образование и др.) объективно не могут быть реализованы в полном объеме, так как не обеспечены материальными и процессуальными гарантиями, отчасти носят демагогический характер.

Недостатки юридической практики неоспоримы, существует масса научных критических замечаний по этому поводу. Так, О.В. Мартышин пишет: «Итак, преимущества, которые новое российское государство, провозглашавшее себя правовым, предоставило всем гражданам, сводятся в основном к возможности критики властей и политической борьбы, к расширению недвижимого имущества за счет приватизированных квартир и к большей свободе распоряжения недвижимостью» [1]. И.В. Мухачев полагает, что в результате принятия Конституции РФ 1993 г. «демократия была ограничена свободными выборами, не связанными с установлением ответственности избранных органов перед народом; правовое государство – сведено к конкуренции между нормативными актами различной правовой силы; светское государство – подменено господством в духовной, а в ряде случаев и в политической жизни Русской православной церкви; политический плюрализм – созданием партий «Садового кольца»; разделение властей – практически неограниченным вмешательством Президента в сферу деятельности любого государственного органа; федерализм – региональным сепаратизмом и национализмом» [5]. Каждый из процитированных авторов крайне озабочен состоянием правореализационного процесса в России.

В этой связи автор работы задается вопросом – в чем причины того что, «хорошие» законы не работают на практике. Дело в том, что правовая система нашего государства строится на наследии, а это старые традиции, обычаи которые порой препятствуют полной реализации некоторых принимаемых в правовых актах. Низкое юридическое качество, несет в себе такие проблемы как противоречивость, многослойность, несовершенство технико-юридических средств. Что приводит к казуистичности принимаемых правовых актов и затрудняет правореализующую практику. Автор данной работы пришел к выводу, что «Хорошим закон может стать лишь в том случае, если регулируемые им отношения полностью реализованы, а законодательные предписания разумны, совершенны и исполнены в полном объеме»/

Правовое поле достаточно многогранно, затрагивает все сферы жизни общества, поэтому меры принимаемые государством должны носить обязательный характер, исполнение которого требует тщательного контроля.

1. Розин, В.И. Генезис права / В.И. Розин. – М., 2000. – С. 20.

2.. Халфина, Р.О. Почему не работает закон? / Р.О. Халфина // Журнал российского права. – 1997. – № 4. – С. 21.

3 Чиркин, В.Е Революционное демократическое государство современности / В.Е. Чиркин. – М., 1984.

4. Чиркин, В.Е. Нетипичные формы правления в современном государстве / В.Е. Чиркин // Государство и право. – 1994. – № 4.

5. Яковлев, В.П. Социальное время / В.П. Яковлев. – Ростов-н/Д., 1980. – 160 с.

МЕХАНИЗМ ПРОДВИЖЕНИЯ ЗАКОНОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

С.Ф. Литвинова

канд. юрид. наук, доцент

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

г. Владивосток

Социальным назначением права является закрепление сложившихся, изменение и ликвидация, а также формирование новых социальных отношений. Если в первом случае общественные отношения – объекты правового регулирования – выступают первичными относительно права, влияют на изменение и появление новых правовых норм, то в последних трех – право обладает приоритетом, то есть является силой, изменяющей отношения в обществе.

Появление в обществе качественно измененных или несвойственных для него отношений, а также ликвидация уже сложившихся социальных связей в государстве с романо-германской правовой системой зависят от его воли, поскольку правовые нормы являются их воплощением. Она формируется под влиянием многих факторов, в том числе экономических, политических, личностных. Примерами таких отношений являются отношения, связанные с существованием частной собственности, предпринимательские отношения, формируемые в государствах постсоветского пространства; в России – это отношения, связан-

ные с применением процедуры медиации, осуществлением волонтерства (добровольчества); в Таджикистане – связанные с осуществлением традиций, торжеств и обрядов.

В процессе закрепления правом сложившихся общественных отношений достигается их стабильность и эффективность реализации правовых норм, поскольку происходит совпадение содержания ментальных констант общества и правовых норм. Механизм правового регулирования содержит все основные элементы (существующие общественные отношения и правовые нормы), на основе которых могут возникнуть правоотношения, в которых предсказуемо будут реализовываться правовые нормы.

В том случае, когда возникает необходимость изменить, ликвидировать сложившиеся отношения и сформировать новые механизмы правового регулирования предполагает возникновение правоотношений, которые отличаются по содержанию от существующих социальных отношений. И в этой связи предположить качество реализации правовых норм возможно на основе научно-исследовательской, прогнозной работы. От успешности этого процесса зависит стабильность новых отношений, правовых норм и их эффективность.

Готовность общества воспринимать изменения с принятием новых норм права, обуславливается свойством общества которое принято сейчас называть «правовым менталитетом». Понимание законодательными органами и иными субъектами права сущности правового менталитета народа делает их юридически значимыми действиями обоснованными и поддерживаемыми со стороны общества.

В связи с этим государство должно уделять особое внимание механизму разработке соответствующих законодательных актов и их реализации. Повышенное внимание должно уделяться разработке правовых актов, регулирующих частные отношения, основными субъектами которых выступают физические лица, носители менталитета.

В Республике Таджикистан разработан логичный механизм разработки нормативных правовых актов. При Президенте создан 17 марта 2009 г. национальный центр законодательства, который выступает основным субъектом научно-исследовательской, информационно-аналитической работы совершенствования законодательства страны и координатором этой деятельности, осуществляемой иными субъектами. В рамках его деятельности была разработана Концепция прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан, утвержденная Указом Президента Республики Таджикистан от 19 февраля 2011 г. № 1021. Особенности реализации этой концепции закреплены в государственных программах по отдельным отраслям права и сферам социальных отношений. Эффективности этой деятельности способствует Закон Республики Таджикистан от 8 декабря 2003 г. №53 «О Государственных прогнозах, концепциях и программах социально-экономического развития Республики Таджикистан», который создает базу для формирования научно обоснованной гипотезы о вероятном будущем социально-экономическом, научно-техническом, экологическом и внешнеэкономическом состоянии Республики Таджикистан и ее регионов, включая показатели (индикаторы, параметры), характеризующие это состояние.

Существующая правовая основа совершенствования действующего законодательства, позволяющая выявить на проектной стадии степень сопротивления общества по реализации законодательных актов, основными функциями которых является формирование в обществе новых и ликвидация нежелательных для государства отношений.

Тем не менее, правовая база Республики Таджикистан не содержит акты, закрепляющие механизм формирования нового общественного сознания, добровольного и сознательного поведения членов общества, направленного на реализацию норм, целью которых является изменение существующих общественных отношений.

Политическая воля государства в формировании новых отношений в обществе связана не только с применением принуждения. Убеждение и разъяснение также могут стать действенными инструментами изменения отношений в обществе, формирования новых желаемых традиций, идей, стереотипов и т.п. Комплекс государственных мер, связанных с принятием законов, направленных на разъяснение их смысла, убеждение в их полезной для общества необходимости, на принуждение («мягкое» или «жесткое») их исполнения и т.п., можно назвать «продвижением законов».

Ради справедливости, все же надо отметить, что в некоторых законах, призванных изменить существующие отношения в Таджикистане, закреплены отдельные элементы механизма продвижения законов. Примером такого закона в Республике Таджикистан является Закон «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан» от 08 июня 2007 г. № 272. В преамбуле этого закона разъясняется основное назначение этого закона: закон упорядочивает традиции, торжества и обряды с учётом потребностей развития общества и направлен на защиту истинных ценностей национальной культуры и уважение к народным обычаям для повышения социального и экономического уровня жизни граждан Республики Таджикистан. В качестве цели, сформулированной в ст. 1, определяется защита социальных интересов народа Таджикистана, содействие снижению уровня бедности и предотвращение излишних расходов, наносящих серьёзный ущерб экономическим интересам и моральным устоям жизни граждан. Закон также направлен на обеспечение прав и свобод граждан и общественного порядка. Разъяснение

функции и цели закона служит одним из способов убеждения, исполнения правовых норм, закрепленных в нем.

Кроме того, в соответствии со ст. 6 Уполномоченный орган, определяемый Правительством Республики Таджикистан, и местные постоянные комиссии по упорядочению традиций, торжеств и обрядов уполномочены организовывать просветительскую и пропагандистскую работу среди населения, пропагандировать научно-популярную литературу по упорядочению традиций, торжеств и обрядов, что может также рассматриваться как возможный способ разъяснения смысла такого упорядочивания, тем самым как способ убеждения.

В рассматриваемом законе закреплен механизм реализации его требований. В соответствии со ст. 4 исполнение требований настоящего Закона осуществляется Уполномоченным органом, определяемым Правительством Республики Таджикистан, а в соответствии со ст. 5 для реализации закона при местных исполнительных органах государственной власти областей, городов, районов, джамоатах поселков и сёл страны создаются местные постоянные комиссии. Создаваемые органы уполномочены контролировать упорядочение традиций, торжеств и обрядов в соответствии с требованиями настоящего Закона и иными нормативными правовыми актами; требовать от министерств и ведомств, местных исполнительных органов государственной власти областей, городов, районов, организаций, учреждений, предприятий и общественных объединений, независимо от форм собственности, информацию о выполнении нормативных правовых актов Республики Таджикистан по упорядочению традиций, торжеств и обрядов и др.

В случае несоблюдения положений данного закона Уполномоченный орган и постоянные комиссии составляют необходимый документ и направляют его соответствующим органам для применения правовых мер воздействия.

Очевидно, что в законе закреплены элементы механизма убеждения и «жесткого» принуждения. Тем не менее, не используется механизм «мягкого» принуждения», заключающегося в стимулировании правомерного поведения. Однако этот способ формирования правовых традиций является не менее эффективным, чем «жесткое» принуждение. Уполномоченный орган, определяемый Правительством Республики Таджикистан, и местные постоянные комиссии по упорядочению традиций, торжеств и обрядов состоят из таких же граждан Таджикистана, традиции, обряды и обычаи которых призван упорядочить закон. Поскольку традиции, обряды и обычаи являются проявлением менталитета общества, то эффективность деятельности таких органов можно поставить под сомнение, поскольку их работники также могут быть не согласны с осуществляемыми преобразованиями. Поэтому очень важно добиться добровольного, сознательного исполнения требований закона. Возможно, что в первое время такое исполнение может быть осуществлено под влиянием поощрения, которое может выступать как неочевидное принуждение.

Процесс продвижения законов с целью разъяснения и убеждения общества в их целесообразности и полезности, а также принуждения должен быть сформирован стратегически. Думается, что правильная стратегия продвижения законов позволит подтолкнуть изменение общественного сознания. Действительно, общество должно быть подготовлено к формированию новых отношений, время такой подготовки не может не сократиться от продуманного воздействия на общественное сознание.

Разъяснение идеи закона является важной составной частью воздействия на общественное сознание индивидов. Результатом разъяснения должно стать уяснение обществом идеи закона. Для того чтобы эта идея была воплощена в жизнь необходимо, чтобы члены общества понимали общественную и личную полезность реализации его норм. В том случае, если государство нуждается в формировании новых отношений в обществе больше, чем его члены, то должны быть продуманы меры государственного принуждения общества действовать определенным образом. Такое принуждение может быть осуществлено через правовые нормы.

Стратегия продвижения законов в Таджикистане могла бы быть разработана Уполномоченным органом, определяемом Правительством либо в концепции проекта закона. На основании этой стратегии возможна разработка планов мероприятий по реализации закона.

В концепции проекта закона возможно определить, направлен ли новый закон на закрепление, изменение, ликвидацию или формирование новых отношений в обществе, в которое такие лица входят. В. Баранов, который анализировал негативные факторы, связанные с подготовкой и принятием концепции законопроекта и которые через этот элемент законотворческого процесса могут при определенных условиях замедлить, понизить результативность принимаемого закона, пишет: «При создании концепции законопроекта следует учитывать реальные правовые позиции, ориентации и психологические установки тех субъектов, деятельность которых предполагается подвергнуть правовой регламентации. Опираясь при этом желательно на данные крупных и долговременных социологических исследований. При подготовке концепций законопроектов социологические исследования должны быть обязательным элементом ее обоснования» [1].

Анализ соответствующей таджикской и зарубежной правоприменительной практики мог бы стать одним из способов определения соответствия принимаемого закона ментальным константам и потребно-

сти общества. При этом анализ должен включать сравнение таджикской и зарубежной практики, а в случае ее расхождения объяснение причин этого.

Формирование правильной стратегии и тактики продвижения законов будет способствовать стабильности общественных отношений, правовых норм, проявляющейся в добровольной и сознательной реализации обществом правовых предписаний, и формированию соответствующих стереотипов, традиции и обычаев.

Баранов, В.М. Концепция законопроекта и ее роль в повышение эффективности принятия закона [Электронный ресурс] / В.М. Баранов. URL: http://o-patriotizme.narod.ru/zak_deyatGD2003_konfer_konz.htm (дата обращения 10.08.2013).

ГАРАНТИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А.Н. Пугачев, канд. юрид. наук, доцент

*Полоцкий государственный университет
г. Новополоцк*

Как организационно-политический и функциональный, а также юридический принцип государственной власти, суверенитет выражается в верховенстве государства на своей территории и его независимости во внешних сношениях с другими государствами и международными организациями. Следовательно, суверенитет предполагает способность государства гарантировать обеспечение своей внутренней и внешней безопасности.

Под **гарантиями суверенитета**, с точки зрения Д.М. Демичева [3. С. 124], понимаются материальные, организационные и правовые условия и предпосылки, делающие реальностью существование независимого государства. По нашему мнению, в качестве самостоятельных можно рассматривать и международные гарантии.

К **материальным гарантиям** относят создание соответствующих предпосылок: наличие определенной территории, природных ресурсов, стабильно работающую экономику, профицитный бюджет, позволяющий выделять необходимые средства для нужд обороноспособности в целях защиты суверенитета и территориальной целостности. Именно материальные ресурсы в значительной степени определяют обеспеченность, гарантированность реализации подавляющего большинства конституционных норм, в том числе и тех, которые регламентируют такой важнейший социальный институт, как государственный суверенитет.

Организационные гарантии включают в себя создание и эффективное функционирование системы органов государства, целью которых является обеспечение суверенитета и охрана территориальной целостности государства, незыблемости его границ, водного и воздушного пространства. Эту задачу выполняют пограничные войска и таможенные органы, органы внутренних дел и государственной безопасности.

В Беларуси ответственность за создание организационных гарантий несет Глава государства, который формирует и возглавляет Совет Безопасности Республики Беларусь, а также назначает на должность и освобождает от должности Государственного секретаря Совета Безопасности (п. 27 статьи 84 Конституции Республики Беларусь). Впервые Совет Безопасности был создан Указом Президента Республики Беларусь от 5 августа 1994 г. №24. Аппаратом этого органа руководит подчиняющийся непосредственно Президенту Государственный секретарь.

Согласно п. 28 статьи 84 Конституции Республики Беларусь Президент является Главнокомандующим Вооруженными Силами Республики Беларусь, а также назначает на должность и освобождает от должностей высшее командование Вооруженных Сил. Подчиненное Президенту Министерство обороны в соответствии с Законом «О Вооруженных Силах Республики Беларусь» от 3 ноября 1992 г. несет ответственность за боевую и мобилизационную готовность, подготовку Вооруженных Сил к выполнению задач в военное время, материально-техническое обеспечение, развитие организационной структуры, вооружения и военной техники, оперативную и боевую подготовку, воинскую дисциплину, обеспечение защиты секретной информации и противодействия иностранным разведкам, соблюдения законодательства в сфере обороны. Таким образом, Президент, являясь Главнокомандующим Вооруженными Силами Республики Беларусь, ответственен перед народом Беларуси за обеспечение надежной защиты государства, выполнение международных соглашений по обороне, осуществление военной политики и военной доктрины Республики Беларусь.

При создании необходимых гарантий национальной безопасности и защиты суверенитета исходят из так называемой «оборонной достаточности», которая означает такое состояние в отношениях между

государствами, при котором количество и качество вооруженных сил одного государства достаточны для обеспечения его безопасности, но недостаточны для осуществления нападения на другое государство. А.В. Шавцова уровень оборонной достаточности определяет рядом факторов: «характером и масштабом возможных потенциальных источников военной опасности, размером территории, геостратегическим положением, наличием ресурсов, политических и военно-стратегических целей государства. (...) При таком понимании принципа оборонной достаточности можно сделать вывод: государство обязано соотносить свои усилия по обороне с международной обстановкой, нормами современного международного права» [4. С. 40].

Важнейшее значение имеют *юридические гарантии*, подразумевающие наличие нормативной правовой базы, регулирующей данную сферу правоотношений: заключение международных договоров, отказ от политического вмешательства в дела других государств, нейтралитет, соблюдение норм международного права.

Приоритетные юридические гарантии государственного суверенитета впервые нашли свое отражение в Декларации Верховного Совета Республики Беларусь о государственном суверенитете, принятой 27 июня 1990 года. В частности, в статье 6 Декларации впервые было закреплено, что «территория Республики Беларусь является неделимой и неприкосновенной и не может быть изменена или использована без согласия Республики Беларусь. Все вопросы о границах решаются только на основе взаимного согласия между Республикой Беларусь и смежными суверенными государствами путем заключения соответствующих договоров, которые подлежат ратификации Верховным Советом Республики Беларусь».

В статье 10 Декларации помещались положения, имеющие непосредственное отношение к обороноспособности и национальной безопасности нашей страны: «Республика Беларусь имеет право на собственные вооруженные силы, внутренние войска, органы государственной и общественной безопасности... Республика Беларусь имеет суверенное право определять порядок и условия прохождения ее гражданами воинской службы, службы в органах государственной и общественной безопасности, решать вопросы размещения войск и вооружения на своей территории».

Как пишет Г.А. Василевич, «Декларация хотя и не имела тогда, по нашему мнению, юридического значения, в плане ее соотношения с другими актами носила рекомендательный характер, однако стимулировала принятие законодательных и иных нормативных актов Республики Беларусь. Многие ее идеи были включены в проекты разрабатываемых нормативных актов. На это в принципе нацеливала и сама Декларация, в статье 12 которой сказано, что положения настоящей Декларации реализуются Верховным Советом путем принятия новой Конституции (Основного Закона) и законов Республики Беларусь [2. С. 140]. И действительно, провозглашенные в Декларации программные установки впоследствии нашли свое нормативное подтверждение.

Наиболее плодотворной в этом отношении была десятая сессия Верховного Совета Республики Беларусь двенадцатого созыва, на которой были приняты основополагающие законы: об обороне, о вооруженных силах, о государственной границе, о пограничных войсках, о всеобщей воинской обязанности и военной службе, о статусе военнослужащих, утвержден текст военной присяги на верность народу Республики Беларусь.

Но наиболее стремительное движение к обретению государственного суверенитета произошло после неудавшегося в Москве путча ГКЧП (Государственный Комитет по Чрезвычайному Положению) в августе 1991 года. На внеочередной пятой сессии Верховного Совета был принят закон от 25 августа 1991 года «О придании статуса конституционного закона Декларации Верховного Совета Республики Беларусь о государственном суверенитете Республики Беларусь». Согласно статье 2 этого Закона, в случаях, когда положения действующей Конституции Республики Беларусь (то есть Основного Закона 1978 года) входят в противоречие с положениями Декларации о государственном суверенитете, следует руководствоваться Декларацией как конституционным законом. В этот же день, 25 августа 1991 года, был принят и другой важнейший политико-юридический документ – Постановление Верховного Совета «Об обеспечении политической и экономической самостоятельности Республики Беларусь», в пункте 1 которого была объявлена политическая и экономическая независимость Республики Беларусь.

Определяющим для обретения государственного суверенитета, по мнению Г.А. Василевича [1. С. 91], были шестая и седьмая сессии Верховного Совета, когда решился вопрос об официальных символах (гербе и флаге) и переподчинении государственных органов, которые ранее входили в структуру СССР (пограничные и железнодорожные войска, таможенная служба и др.). Для полноценной реализации Беларуси в качестве члена международного сообщества важное значение имело принятие 2 октября 1991 года Заявления о принципах внешнеполитической деятельности Республики Беларусь, а 8 декабря 1991 года Председателем Верховного Совета Республики Беларусь было подписано Соглашение между Республикой Беларусь РСФСР и Украиной, которое прошло ратификацию Верховным Советом 10 декабря 1991 года. В тот же день Верховный Совет принял Постановление «О денонсации Договора 1922 года об образовании Союза Советских Социалистических Республик», в соответствии с которым Договор 1922 года признавался не действующим по отношению к Республике Беларусь.

Особо следует выделить *международные гарантии* государственного суверенитета, ведь распространение суверенитета Республики Беларусь на всю ее территорию составляет основу независимости Беларуси в международных отношениях.

Международно-правовые акты, раскрывая содержание принципа «суверенного равенства, уважения прав присущих суверенитету», к числу присущих суверенитету государств и охватываемых им прав относят право каждого государства на юридическое равенство, на территориальную целостность, на свободу и политическую независимость. На государствах лежит обязанность уважать право друг друга свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы, равно как и право устанавливать свои законы.

В рамках международного права все государства имеют равные права и обязанности, что предполагает обязанность уважать друг друга по вопросам определения и осуществления политики отношений с другими государствами. Государственный суверенитет характеризуется также правом государств по своему усмотрению принадлежать или не принадлежать к международным организациям, быть или не быть участниками международных договоров, включая право быть или не быть участниками союзных договоров. В Заключительном акте Сопредседания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года особо оговаривается право государств на нейтралитет, что нашло отражение в статье 18 Конституции Республики Беларусь, где говорится о том, что «Республика Беларусь ставит целью сделать свою территорию безъядерной зоной, а государство – нейтральным».

Внешнегосударственный аспект территориальной целостности и неприкосновенности территории государства получил выражение и закрепление в ряде универсальных и региональных международно-правовых актов, а также двусторонних договорах Республики Беларусь с определенными государствами. Направленность международного права такова, что, с одной стороны, любое государство в силу суверенитета само определяет параметры собственной государственно-правовой системы, с другой – оно должно действовать в строгом соответствии с общепризнанными принципами международного права.

Наиболее отчетливо такой подход получил свое выражение в статье 8 Конституции Республики Беларусь: «Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства... Не допускается заключение международных договоров, которые противоречат Конституции». В Законе «О международных договорах Республики Беларусь» установлен механизм имплементации международных договоров в национальную систему права. В статье 18 Конституции Республики Беларусь получили закрепление основные принципы международного права: равенство государств, неприменение силы или угрозы силой, нерушимость границ, мирное урегулирование споров, невмешательство во внутренние дела других государств. Это не случайно, ведь в 1945 году БССР выступила одним из учредителей ООН, что и позволило ей во многом безболезненно в начале 90-х гг. XX в. решать проблемы собственного суверенитета.

1. Василевич, Г.А. 1991 год: хроника пикирующей страны / Г.А. Василевич. – Минск: Право и экономика, 2012. – 171 с.

2. Василевич, Г.А. Конституционное право Республики Беларусь: учебник / Г.А. Василевич. – Минск: Книжный Дом: Интерпресс-сервис, 2003. – 832 с.

3. Демичев, Д.М. Конституционное право: учеб. пособие / Д.М. Демичев. – Минск: Выш. шк., 2004. – 351 с.

4. Шавцова, А.В. Обороноспособность – гарантия государственного суверенитета Республики Беларусь / А.В. Шавцова // Право и демократия: межвузовский сборник научных трудов; гл. ред. В.М. Хомич. – БГУ. – Минск, 1997. Вып. 8. – С. 40–44.

2. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ООН В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ (НА ПРИМЕРЕ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА)

К. Курасова, студентка

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Проблема эффективности международно-правового регулирования международных конфликтов приобретает все большую актуальность. Ключевым моментом этой проблемы является организация ООН, на которую возложена главная ответственность по поддержанию международного мира. Большинство зарубежных и российских ученых считает, что необходимо совершенствовать механизмы миротворчества и постконфликтного урегулирования, в рамках которых обеспечивалось бы эффективное сочетание миротворческой составляющей с работой социально-экономических и гуманитарных структур системы ООН [2].

В западной и российской науке практически отсутствует комплексное исследование на данную тему. Частично эта тема затрагивается в работах российских и зарубежных ученых, например, Н.В. Александрова «Пути и методы урегулирования этнополитических конфликтов в современном мире», М.В. Андреева «Современные международно-правовые аспекты реформирования Совета Безопасности ООН», С.В. Шатуновского-Бюрно «Повышение эффективности ООН, международно-правовые аспекты», Д.В.Поликанова «Конфликты в Африке и деятельность международных организаций по их урегулированию», Гетачеу Джиги Деликса «Этнополитические конфликты в Африке», Хайри Наджи Абдель Фатах Аль-Ориди «Ближневосточный мирный процесс: Палестинское направление» [3].

29 ноября 1947 г. Генассамблея ООН проголосовала за создание двух государств – еврейского и арабского – на Западном берегу реки Иордан (Резолюция № 181). 14 мая 1948 года еврейский Национальный совет провозгласил создание Государства Израиль. На арабской части государство создано не было, а на его территорию претендовали соседние страны. Лидеры арабских государств не согласились с решением ООН о разделе Палестины. Противоречия между арабами и израильтянами привели к арабо-израильской войне 1948-1949 годов [1].

Первая война между государствами разразилась сразу же после провозглашения 14 мая 1948 г. независимости государства Израиль. Переговоры февраля-июля 1949 г., приведшие к перемирию между Израилем и арабскими странами, закрепили временную границу между противостоящими сторонами на рубежах боевого соприкосновения войск в начале 1949 г.

Вторая война вспыхнула спустя семь лет. Под предлогом защиты национализированного египетским правительством Суэцкого канала, Израиль ввел свои войска на Синайский полуостров. Спустя пять дней после начала конфликта израильские танковые колонны захватили сектор Газа, заняли большую часть Синая и вышли к Суэцкому каналу. В декабре, после объединенной англо-французской интервенции, предпринятой против Египта, в области конфликта были размещены войска ООН. Израильские вооруженные силы покинули Синай и сектор Газа в марте 1957 г.

Третья война, за свою скоротечность получившая название Шестидневной, протекала с 5 по 10 июня 1967 г. Поводом для нее послужило усиление бомбардировок военных объектов Израйля сирийской авиацией в начале 1967 г. Война стоила арабам утраты контроля над Восточным Иерусалимом, потери Западного берега реки Иордан, сектора Газа, Синая и Голанских высот на израильско-сирийской границе.

26 марта 1979 г. Израиль и Египет подписали в Кэмп-Дэвиде (США) мирный договор, который завершил состояние войны, существовавшей между двумя странами в течение 30 лет. В соответствии с кэмп-дэвидскими соглашениями Израиль целиком возвратил Египту Синайский полуостров, а Египет признал право Израйля на существование. Два государства установили дипломатические отношения друг с другом [4].

31 июля 1988 г. король Иордании Хусейн заявил о прекращении административных и иных связей своей страны с Западным берегом Иордана, в ноябре 1988 г. была провозглашена независимость государства Палестина. В сентябре 1993 г. при посредничестве США и России в Вашингтоне была подписана

декларация, открывающая новые пути урегулирования кризиса. В этом документе Израиль давал согласие на организацию Палестинской национальной автономии, а ООП признавала право Израиля на существование. В соответствии с Вашингтонской декларацией, в мае 1994 г. было подписано соглашение о постепенном введении палестинского самоуправления на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа в течение пятилетнего переходного периода [5].

Однако, начиная с середины 1996 г., динамика переговорного процесса и палестино-израильских отношений изменилась в худшую сторону. Это было связано с внутрисполитическими изменениями в Израиле, проблемами строительства палестинского государства.

19 ноября 2003 года Совет Безопасности ООН резолюцией 1515 одобрил мирный план «дорожная карта», разработанный квартетом международных посредников – США, Россией, ООН и Евросоюзом. После консультаций с Израилем и Палестинской автономией в него были внесены поправки. Первая фаза «дорожной карты» предполагала положить конец терроризму и насилию, нормализовать жизнь палестинцев, улучшить гуманитарную ситуацию на палестинских территориях и восстановить палестинские структуры власти [6].

Обе стороны также должны были официально признать право друг друга сосуществовать независимо и мирно. Вторая фаза «дорожной карты» была связана с созданием независимого палестинского государства с «временными границами и атрибутами суверенитета». Предполагалось, что арабские государства восстановят торговые, дипломатические и другие связи с Израилем, существовавшие до начала интифады. Процесс создания палестинского государства должен был контролироваться международными наблюдателями. Фаза третья предусматривала соглашение о постоянном статусе и окончании конфликта. Целью этой фазы плана являлись «консолидация реформ и стабилизация палестинских структур власти, эффективная работа палестинских служб безопасности и палестино-израильские переговоры по установлению постоянного статуса Палестины в 2005 году». Предусматривался созыв второй международной конференции, на которой должны быть утверждены соглашения, достигнутые Израилем и Палестиной об окончательных границах, статусе Иерусалима, беженцев и поселений [7].

Негативная реакция на план «дорожная карта» в Израиле и в Палестинской автономии, а также скептическое отношение к нему в соседних Сирии и Ливане позволили наблюдателям расценить план как «невыполнимый». Прекрасно понимая, что главным препятствием для реализации любого плана являются исторические корни проблемы, критики тем не менее предпочитали говорить о неприемлемости содержания «дорожной карты», которая подразумевает, что Израиль должен прекратить строительство еврейских поселений на оккупированных территориях и признать независимое Палестинское государство к 2005 году, а палестинцы – предпринять реальные усилия для прекращения насилия против населения Израиля.

В поддержку плана «дорожная карта» выступали только его создатели. От ООН это сделал Кофи Аннан, призвавший руководство Палестины и Израиля воспользоваться планом «дорожная карта» и при поддержке спонсоров мирного процесса – США, России, ЕС и ООН – положить конец многолетнему конфликту. В свою очередь, главы МИД европейских государств, собравшиеся на совещание на греческом острове Родос, также призвали палестинцев и израильтян принять «дорожную карту» без каких бы то ни было условий. А госсекретарь США Колин Пауэлл прибыл в регион для ведения переговоров со всеми заинтересованными сторонами [8].

Из анализа арабо-израильского конфликта и роли ООН в его разрешении можно сделать следующие выводы. Во-первых, конфликт усложнен историческим фактором, который обуславливает большие трудности в его разрешении, так как оба народа претендуют на соответствующую территорию, обосновывая это исторической правдой. Во-вторых, арабские страны принципиально отвергли создание еврейского государства. По заявлению арабских лидеров, план ООН нарушал права большинства населения Палестины, которое тогда состояло на 67% из неевреев. Они назвали предложенный ООН план катастрофой. Критике подвергались как размер, так и качество территории, выделенной для еврейского государства [9]. В-третьих, данный конфликт выявил противоречия в принципах ООН: с одной стороны, право народа на национальное самоопределение, с другой стороны, право на территориальную целостность. В связи с этим в процессе реализации плана «Дорожная карта» должна была учитывать все эти факты.

1. История арабо-израильского конфликта. Справка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/politics/20081229/158280840.html>

2. Карвальо, Э.Ж. Проблема повышения роли и эффективности СБ ООН в разрешении международных конфликтов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Э.Ж. Карвальо. – М., 1996. – 32 с.

3. Конторер Д. ООН и израильский вопрос. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://migdal.ru/index.php?topic_id=4 1.09.2003г.

4. Палестино-израильский конфликт: война идеологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama>

5. Вопрос о Палестине и Организация Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/peace/palestine/questionofpalestine.pdf>
6. Резолюция 1373 СБ ООН по борьбе с международным терроризмом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/e73827d2e97e19b2c3256b09003a29dd!OpenDocument
7. Резолюция 1353 СБ ООН по вопросу о сотрудничестве с государствами для операций для поддержания мира. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/6bac8ba6bfd7821dc3256aa20025b8a7!OpenDocument
8. План «дорожная карта». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kimo.univ.kiev.ua/Asia/61.htm>
9. UN General Assembly Resolution 181: The UN Partition Plan for Palestine, November 29, 1947 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mideastweb.org/181.htm>

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Ф.М. Аминова

канд. юрид. наук, доцент

Российско-таджикский (славянский) университет

г. Душанбе

Развитие медицины в Республике Таджикистан (далее – РТ) позволило производить различного рода вмешательства в репродуктивную систему человека с целью восстановления репродуктивной функции. Следует констатировать тот факт, что с каждым годом количество лиц, обращающихся за медицинской помощью в центры репродуктивного здоровья, в целях проведения искусственного оплодотворения, возрастает, что связано, прежде всего, с увеличением бездетности в стране под воздействием различных факторов. Так, в период с 2012 по 2014 г. количество обратившихся за помощью в центр репродуктивного здоровья составляет 101 супружеских пар. Из них в 2012 г. – 25, в 2013 – 29, в 2014 – 47. Несмотря, на маленькие цифры, на сегодняшний день тенденция роста очевидна.

С одной стороны, проведение указанных операций предоставляет людям возможность ощутить радость материнства и отцовства, а с другой – порождает ряд этических, юридических и иных проблем. Такое положение вещей связано, как правило, с отсутствием четкого законодательного обеспечения указанных отношений. Учитывая то, что в нашей стране вспомогательные репродуктивные технологии репродукции используются недавно, широкий круг рассматриваемых отношений требует законодательного регламентирования.

В Таджикистане с 2007 года действует Закон РТ «О трансплантации органов и (или) тканей человека», который, однако, не регулирует отношения, связанные с воспроизводством, на что прямо указывает ст. 5 данного закона: «...действие настоящего Закона не распространяется на органы, их части и ткани, имеющие отношение к процессу воспроизводства человека, включающие в себя продуктивные ткани (яйцеклетку, сперму, яйцники, яички или эмбрионы)».

Тем не менее, многие авторы относят искусственное оплодотворение и имплантацию эмбриона к одной из разновидностей трансплантации органов и тканей человека [5]. Такая точка зрения, на наш взгляд, является не вполне оправданной, поскольку репродуктивные клетки нельзя отнести ни к органам, ни к тканям человека, так как орган – часть организма, имеющая определенное строение и специальное назначение (сердце, почки, печень, легкие, поджелудочная железа, кости, твердая мозговая оболочка, роговица глаза и другие), ткань же в свою очередь представляет собой клеточные соединения и их производные (межклеточные вещества), объединенные общностью строения, функций и развития (костный мозг, скелетно-мышечная система, сосудистая ткань, клапаны сердца, кожа и другие). Репродуктивные клетки нельзя назвать тканью, поскольку каждая половая клетка индивидуальна, способна быть функциональной в отдельности от других аналогичных клеток. Являясь специфическим объектом донорства, репродуктивная клетка содержит в себе информацию, участвующую в генетическом формировании человека.

На сегодняшний день активно осуществляются такие процедуры, как имплантация эмбриона, экстракорпоральное оплодотворение, инъекция сперматозоида в цитоплазму ооцита, донорство спермы, донорство ооцитов, искусственная инсеминация спермой мужа (донора). Однако законодательная характеристика указанных процедур отсутствует. Так, Г.И. Литвинова выделяет шесть методов искусственного оплодотворения: а) извлеченная яйцеклетка жены оплодотворяется мужем и имплантируется в организм жены; б) извлеченная яйцеклетка жены оплодотворяется донором и имплантируется в организм жены; в)

яйцеклетка другой женщины оплодотворяется мужем и имплантируется в организм жены; г) яйцеклетка другой женщины оплодотворяется донором и имплантируется в организм жены; д) яйцеклетка жены оплодотворяется мужем, но имплантируется в организм другой женщины; е) яйцеклетка жены оплодотворена донором, но рождает другая женщина [3]. Е.В. Григорович в свою очередь отмечает, что сущность искусственного оплодотворения состоит в том, что яйцеклетка женщины оплодотворяется путем внесения в нее сперматозоидов при помощи технических средств [2]. А.В. Шибина с такой позицией не согласна [8].

В Таджикистане, как и в большинстве стран СНГ, не разработано должного механизма правового регулирования отношений, возникающих в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий. Такая ситуация, как совершенно справедливо отмечает С.С. Шевчук, отрицательно сказывается на защите прав и интересов участников отношений [7]. Процедура искусственного оплодотворения и имплантации эмбриона производится в учреждениях, которые получили лицензию на данный род деятельности.

Искусственное оплодотворение может быть произведено при наличии письменного согласия одинокой женщины (супругов). Лица, которые дали письменное согласие на искусственное оплодотворение, должны иметь законодательно закрепленное право на получение информации о процессе и последствиях применения вспомогательных репродуктивных технологий. Кроме того, женщина, в отношении которой применяется искусственное оплодотворение должна иметь право на получение развернутой информации о результатах медицинского обследования, данных о доноре, предоставляемую учреждением, использующим вспомогательные репродуктивные технологии.

В законодательстве отсутствует какое-либо ограничение права на использование искусственного оплодотворения. Таким образом, сегодня вспомогательные репродуктивные технологии могут применяться в отношении любой совершеннолетней женщины независимо от наличия для этого каких-либо медицинских показаний. Такое положение вещей представляется недопустимым, поскольку обращение к вспомогательным репродуктивным технологиям должно иметь место лишь в случае невозможности наступления беременности естественным путем. Именно поэтому искусственное оплодотворение должно производиться исключительно по медицинским показаниям, к примеру, при условии стойкого бесплодия и т.д. Как справедливо было отмечено в юридической литературе, «...способной к естественному рождению детей женщине (или супругам) эта операция не должна проводиться» [2].

В доктрине не сложилось единого мнения относительно возможности применения вспомогательных репродуктивных технологий в отношении женщин, не состоящих в браке. Первая категория ученых придерживается мнения о том, что право на применение ВРТ должно иметь место независимо от семейного положения. Данная точка зрения основывается как правило на мнении о том, что одинокие женщины способны самостоятельно обеспечить ребенка материально и воспитать его.

Причем, лишение женщины права иметь ребенка говорит Е.В. Григорович, из-за того, что она не состоит в браке, является нарушением ее права на создание семьи» [1]. Вторая категория ученых в свою очередь считает, что законодательное закрепление возможности применения вспомогательных репродуктивных технологий в отношении к женщинам, не состоящим в браке, означает признание неполной семьи нормой семейного устройства, в реальности таковой не являющейся [6]. Думается, что обе точки зрения являются вполне обоснованными и достаточно аргументированными, тем не менее считаем, что лишение одинокой женщины возможности иметь ребенка будет являться нарушением ее конституционных прав.

С особой осторожностью следует подойти к вопросу проблемных сторон донорства. Так, донор обязан пройти всестороннее медицинское обследование (включая психическое) состояния организма в целях подтверждения возможности использования его донорского материала.

Причем на него должна быть возложена обязанность по предоставлению достоверных сведений о наследственности, а также перенесенных заболеваниях и как следствие должна быть предусмотрена соответствующая ответственность.

Следует также установить возрастные ограничения, поскольку, как об этом свидетельствует медицинская генетика, с возрастом человеческий организм может приобретать некоторые мутационные изменения, которые способны передаваться по наследству.

Кроме того, в законодательстве, на наш взгляд, должны быть закреплены ограничения, не позволяющие производить донорство репродуктивных клеток у кровных родственников реципиента. Такой запрет исключил бы возможность осуществления искусственного оплодотворения супругами, являющимися кровными родственниками, частности супругами, являющимися друг для друга кузенами (в Таджикистане такого рода браки получили значительное распространение).

В связи со всем вышеизложенным считаем необходимым принять Закон РТ «О применении вспомогательных репродуктивных технологий в Республике Таджикистан», который регулировал бы правовые условия применения указанных методов.

1. Григорович, Е.В. Некоторые аспекты правового регулирования искусственных методов репродукции / Е.В. Григорович // Юрист. – 1999. – № 2. – С. 30.

2. Григорович, Е.В. Искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона (семейно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Григорович. – М., 1999. – С. 42.
3. Литвинова, Г.И. Правовые аспекты искусственного оплодотворения / Г.И. Литвинова // Советское государство и право. – 1981. – № 9. – С. 119.
4. Малеина, М.Н. Человек и медицина в современном праве / М.Н. Малеина. – М., 1995. – С. 95.
5. Палькина, Т.Н. Проблемы реализации права на искусственное оплодотворение, право на имплантацию эмбриона / Т.Н. Палькина // Семейное и жилищное право. – 2008. – № 4 [Электронный ресурс]. Дата обращения 21.11.2014 г. <http://www.center-bereg.ru/f1371.html>.
6. Чикин, В.В. Семейно-правовое регулирование применения вспомогательных репродуктивных технологий [Электронный ресурс] / В.В. Чикин. Дата обращения 20.10.2014 г. http://www.juristlib.ru/book_6596.html
7. Шевчук, С.С. Некоторые проблемы правового регулирования применения искусственных методов репродукции [Электронный ресурс] / С.С. Шевчук. Дата обращения 12.11.2014 г. <http://www.lawmix.ru/comm/4662>
8. Шибина, А.В. Актуальные проблемы правового регулирования при применении новых репродуктивных технологий [Электронный ресурс] / А.В. Шибина. Дата обращения 21.11.2014 г. <http://sibac.info/index.php>

ОБЩИЕ АСПЕКТЫ НАСТУПЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БЕЗ НАЛИЧИЯ ВИНЫ

Н.Д. Афзали

*Российско-таджикский (славянский) университет
г. Душанбе*

На сегодняшний день в науке гражданского права остаются дискуссионными вопросы, связанные с применением гражданско-правовой ответственности, а также с условиями ее наступления. Гражданско-правовая ответственность является одним из важных средств гражданско-правового регулирования имущественных и личных неимущественных отношений.

Общепринятым является то, что гражданско-правовая ответственность наступает в следствии совершенного гражданско-правового нарушения, а следовательно, для привлечения правонарушителя к такой ответственности необходимо наличие определенных условий, которые в литературе обычно обозначаются как «состав гражданского правонарушения». Во многих учебниках гражданского права в качестве элементов состава гражданского правонарушения указываются:

- противоправность поведения лица,
- наличие убытков,
- причинная связь между противоправным действием и убытками,
- вина правонарушителя [2. С. 946].

Под противоправным поведением понимается действие или бездействие лица, которое нарушает правовые нормы или условия договора. Противоправность – это такой элемент состава гражданского правонарушения, который характеризует юридическое качество действия или бездействия лица, обобщенно именуемое иногда, наряду со словом «поведение», словом «деяние» [7. С. 55].

Наличие убытков – это результат, т.е. последствие поведения лица, их причинившего. Если действие или бездействие причинителя может быть как противоправным, так и правомерным, то его результат – убытки – всегда противоправен, поскольку он отражает фактически наступившие от действия одного лица неблагоприятные последствия в имущественной сфере другого лица. В соответствии со ст. 15 ГК РТ по убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Причинная связь как условие наступления гражданско-правовой ответственности означает, что убытки были причинены именно противоправным поведением данного лица, а не произошли по какой-либо иной причине [2. С. 949]. Иными словами, противоправное поведение лица должно являться причиной убытков, а убытки – её следствием, иначе невозможно наступление гражданско-правовой ответственности. В некоторых случаях бывает весьма сложно выявить причинную связь потому, что наступление убытков было обусловлено сразу несколькими обстоятельствами. В науке гражданского права выдвигалось множество теорий, объяснявших, каким образом в подобных случаях необходимо определять причину убытков.

Три первые элемента состава гражданского правонарушения являются «объективными» условиями гражданско-правовой ответственности. Вина же признается ее субъективным условием.

В законодательстве Республики Таджикистан, а также Российской Федерации, как и в законодательстве многих государств, понятие вины как таковое не определяется, дается лишь указание на то, что она существует в виде умысла или неосторожности, которые в юридической науке обычно именуется формами вины.

По общему правилу, необходимым условием применения гражданско-правовой ответственности является вина, т.е. лицо, не исполнившее обязательство, либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности). Наличие вины в гражданском праве не сводится к юридико-техническому приему, состоящему в вероятностном предположении виновности правонарушителя и обеспечивающему, преодоление трудности доказывания виновности и рациональное, с точки зрения законодателя, распределение этого бремени между сторонами отношения юридической ответственности [6]. Хотя общепринятое представление о вине как о субъективном условии гражданско-правовой ответственности, отраженное практически во всех учебниках гражданского права, является совершенно очевидным и бесспорным. В действительности в правоприменительной практике и в юридической литературе часто встречаются различные варианты отождествления ответственности с виной.

В соответствии с действующим законодательством, при наличии определенных случаев, для применения гражданско-правовой ответственности достаточно лишь одного факта наступления последствий (наличия убытков). Так, гражданско-правовая ответственность может наступать и без вины. Это заключается в том, что лицо, причинившее вред, несет ответственность независимо от наличия своей вины [5. С. 351.]. В подобных ситуациях законодатель возлагает на обязанное лицо повышенную ответственность, так называемую ответственность «без вины». Законодатель полагает, что обязанное лицо – профессионал, который занимается определенной деятельностью, требующей специальных знаний и навыков, которая в силу своего характера предполагает возможность неблагоприятного результата. Получается, что обязанное лицо, вступая в такие отношения, возлагает на себя безусловную ответственность за последствия. Так, например, статьи об ответственности владельца источника повышенной опасности и другие статьи, аналогичным образом формулирующие основания освобождения от ответственности, не закрепляют начало вины в качестве необходимого условия гражданско-правовой ответственности. Ответственность в соответствии с ними наступает независимо от вины правонарушителя, что предполагает возможность ее возложения без наличия вины. Однако такое понимание противоречит такому принципу юридической ответственности, как принцип ответственности за вину. В науке гражданского права такая ответственность называется эвентуальной. Применение эвентуальной ответственности сопровождается определенными недостатками.

Данная ситуация сложилась в результате того, что законодатель раскрывает сущность вины в гражданском праве через категории, заимствованные из уголовного права. Но ведь особенностью гражданско-правовых отношений является то, что они регулируют товарно-денежных отношений. Для таких отношений компенсаторно-восстановительная функция гражданско-правовой ответственности является существенным аспектом. Ведь для компенсации убытков, понесенных участниками имущественного оборота, субъективное отношение их причинителя к своему поведению, как правило, не имеет существенного значения. Для реализации данной функции гражданско-правовой ответственности необходимо наличие вреда, а вина в силу ч. 2 ст. 432 ГК РТ предполагается: обязанность по ее доказыванию возлагается на лицо, нарушившее обязательство. Необходимо учитывать, то обстоятельство, что участниками гражданских правоотношений являются не только граждане, но и юридические лица, и публично-правовые образования. Конечно, вина юридического лица может проявляться в форме вины его участников (например полных товарищей), органов (руководителей) и других должностных лиц, а также его работников, выполняющих свои трудовые или служебные функции, поскольку именно через их действия юридическое лицо участвует в гражданских правоотношениях. Так закон и возлагает на него ответственность за действия указанных физических лиц (ст. 1083 ГК РТ). Поэтому в отличие от уголовного права в гражданском праве не так важно субъективное отношение нарушителя к своим действиям. Ю.Б. Фогельсон, считал, что правильнее говорить о вине как о «поведении, цели, риске, интересе и т.д., но не о психическом отношении к своему поведению» [8. С. 190].

Что касается действующего законодательства, то ответственность «без вины» тесно связана с правилом презумпции вины. Как уже отмечалось, данное правило вытекает из гражданского законодательства, которое закрепляет, что причинивший вред всегда предполагается виновным, пока не докажет обратного. Указанная презумпция установлена, прежде всего, в интересах наименее защищенной (и добросовестной) стороны, которой является чаще всего потерпевший, так как избавляет его от обязанности доказывать вину причинителя вреда [3. С. 77]. Таким образом, ответственность в деликтных обязательствах, наступающая независимо от вины правонарушителя, является исключением из общего правила.

Вопрос влияния презумпции вины на ответственность без вины в юридической литературе практически не исследован. Он тесно связан с вопросом о понимании вины [4. С. 18], поскольку понимание

презумпции зависит от понимания вины, и наоборот. В связи с этим хотелось бы дать формулировку вины. Вина – психическое отношение лица к своему действию (противоправному поведению) и его результату (нарушению договора, причинению вреда, неосновательному обогащению), правовое содержание которого составляет желание или нежелание наступления противоправного результата, возможность или невозможность предвидения этого результата и его избежание. [1. С. 46.] Как ранее отмечалось, формами вины считаются умысел и неосторожность: лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, отвечает при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности (ст. 432 ГК РФ). Вообще закрепление в законодательстве «психологического» понимания вины позволяет совершенно четко разграничить вину как субъективное условие ответственности, с объективными условиями. При таком определении вины исключается возможность возложения ответственности без вины тогда, когда она не предполагается законом или договором, по причине ее отождествления с объективными условиями ответственности.

В заключении хотелось бы отметить, что вопрос о соотношении ответственности «за вину» и ответственности «без вины» пока еще открыт. Решение данного вопроса окажет огромное влияние на гражданско-правовые отношения в целом. Безусловно, законодательное закрепление понятий ответственности «за вину» или «без вины» позволит разграничить их сферу действия. Хотя действующее гражданское законодательство уже отказывается от традиционного для уголовно-правовой сферы подхода к пониманию вины. Ведь вина в гражданском праве рассматривается не только как субъективное, психическое отношение лица к своему поведению, а как принятие им объективно возможных мер по устранению или недопущению отрицательных результатов своих действий, диктуемых обстоятельствами конкретной ситуации.

1. Арул, В.А. Вина как субъективное основание гражданско-правовой ответственности / В.А. Арул // Уч.зап.Тарт. ун.-та. Вып. 758. Тарту, 1986. – С. 40–51
2. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 1 / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. – М.: РГ-Пресс, 2009. – 1008 с.
3. Дмитриева, О.В. Ответственность без вины в гражданском праве / О.В. Дмитриева. – Воронеж, ВВШ МВД РФ, 1997–136 с.
4. Ойгензихт, В.А. Презумпции в советском гражданском праве / В.А. Ойгензихт. – Душанбе, 1976. – 190 с.
5. Римское частное право: учебник / под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. – М.: Юриспруденция, 2000. – 448 с.
6. Скворцов, А.В. Ответственность без вины по договору поставки. Сейчас.ру 2005–2014 [Электронный ресурс] / А.В. Скворцов. Режим доступа. URL: <http://www.lawmix.ru/comm/4783> (дата обращения 23.11.2014)
7. Собчак, А.А. О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности / А.А. Собчак // Правоведение. – 1968. – № 1. – С. 49–57.
8. Фогельсон, Ю.Б. Избранные вопросы общей теории обязательств Ю.Б. Фогельсон. – М.: Юристъ, 2001. – 191 с.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УЧАСТИЯ СУБЪЕКТОВ ЕСТЕСТВЕННЫХ МОНОПОЛИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ ЕАЭС (НА ПРИМЕРЕ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ)

В.А. Богоненко

канд. юрид. наук, доцент

*Полоцкий государственный университет
г. Новополоцк*

Интеграционные процессы, в которых участвуют Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, вышли на новый, более качественный уровень своего развития, что стало возможным благодаря подписанию Договора о Евразийском экономическом союзе 29 мая 2014 года. Таким образом, появилась возможность продолжить процесс сближения и гармонизации национальных законодательств, в том числе в нефтегазовой отрасли.

Особый интерес представляет характеристика законодательства Российской Федерации, нормы которого регулируют отношения в нефтегазовой отрасли и иные, связанные с ними отношения, поскольку ознакомление с правовым опытом этой страны представляется важным с точки зрения его заимствования

и оценки перспектив дальнейшей интеграции в рамках ЕАЭС. Вместе с тем, Россия является ведущим производителем и поставщиком энергетических ресурсов во многие регионы мира, что оказывает существенное влияние на состояние энергетических рынков и процессы интеграции в различных экономических регионах и сообществах.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 г. № 1715-р была утверждена Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. При всей своей важности для энергетического сектора России и социально-экономического развития страны Энергетическая стратегия воздействует и на сферу интересов сопредельных государств, во многом определяя стратегию их развития и перспективы экономики. Не случайно, в рамках данной Стратегии представлены и перспективы спроса на российские энергоресурсы. Положения Энергетической стратегии увязываются с внешней энергетической политикой России, поскольку стратегической целью такой политики является максимально эффективное использование энергетического потенциала России для полноценной интеграции в мировой энергетический рынок, укрепления позиций на нем и получения наибольшей выгоды для национальной экономики [3. С. 17].

Основу правового регулирования отношений в нефтегазовой отрасли Российской Федерации составляет законодательство:

- о недрах;
- о трубопроводном транспорте;
- об энергоснабжении;
- о естественных монополиях.

К числу источников правового регулирования отношений в нефтегазовой отрасли можно отнести и Водный кодекс Российской Федерации. Водный кодекс содержит положения, касающиеся использования водных объектов для разведки и добычи полезных ископаемых, содержит классификацию водных объектов в зависимости от особенностей их режима, физико-географических, морфометрических и других особенностей, нормы о праве собственности на водные объекты и нормы, касающиеся права пользования водными объектами, о линейных сооружениях, в том числе трубопроводах и т.д. [2].

Нормотворчество в Российской Федерации сопровождалось наличием постоянного проблемного поля, а именно: отсутствием в общем пакете законов закона о трубопроводном транспорте, хотя еще в сентябре 1999 г. Госдума рассматривала проект Закона «О магистральном трубопроводном транспорте». Работа была приостановлена в связи с рассмотрением проекта о создании единого Технического регламента ЕврАзЭС (ЕАЭС). В настоящее же время деятельность предприятий трубопроводного транспорта регулируется большим количеством технических нормативных правовых актов, которых насчитывается более 80.

Среди важнейших источников внутригосударственного регулирования отношений в нефтегазовой сфере Российской Федерации следует назвать следующие законы:

- Федеральный закон «Об экспорте газа» 2006 г.
- Федеральный закон «О газоснабжении в Российской Федерации» 1999 г.
- Закон «О недрах» (ред. от 28.12.2013)
- Федеральный закон «О естественных монополиях» 2005 г.

Обращает на себя внимание Закон «Об экспорте газа» – как нормативный правовой акт, индивидуализирующий подход российского законодателя к вопросу об источниках и характере правового регулирования отношений в нефтегазовой сфере в целом. В качестве ведущего экспортера газа Российская Федерация нуждается в специальном нормативном правовом акте на уровне закона, который определяет основы государственного регулирования экспорта газа исходя из необходимости защиты экономических интересов Российской Федерации, исполнения международных обязательств по экспорту газа, обеспечения поступления доходов федерального бюджета и поддержания топливно-энергетического баланса Российской Федерации [6]. Данный закон в большей мере носит характер конститутивного акта, поскольку содержит основополагающие положения, обеспечивающие эффективное правовое регулирование в сфере экспорта газа на уровне иных нормативных правовых актов и обеспечивает основы нормотворчества на дальнейшую перспективу.

В качестве основного регулятора отношений газоснабжения в Российской Федерации выступает Федеральный закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О газоснабжении в Российской Федерации». Само название данного Закона указывает на его место в системе прочих регуляторов: Федеральный закон «О газоснабжении в Российской Федерации» определяет правовые, экономические и организационные основы отношений в области газоснабжения в Российской Федерации и направлен на обеспечение удовлетворения потребностей государства в стратегическом виде энергетических ресурсов. Данный закон призван регулировать отношения газоснабжения на внутреннем рынке Российской Федерации, имея в виду, что экспорт газа регулируется специальным законом. В качестве примеров противоположного нормотворчества можно назвать Закон Республики Беларусь «О газоснабжении» или Закон Республики Казах-

стан «О газе и газоснабжении», как нормативные правовые акты стран, не имеющих специальных законов об экспорте газа. Различия законов вышеназванных стран можно проводить не только по целям, но и по содержанию, в том числе понятийному аппарату. Например, такое ключевое понятие как «газоснабжение» по своему содержанию значительно отличается в законах Российской Федерации и Республики Беларусь.

В работе по разработке и принятию нормативных правовых актов, призванных регулировать отношения в нефтегазовой отрасли, в том числе и деятельность трубопроводного транспорта в Российской Федерации не может не учитываться характер административно-территориального устройства. Россия – федеративное государство, в состав которого входит значительное число субъектов. Это обстоятельство оказывает влияние на решение многих вопросов, связанных с добычей, перемещением и потреблением нефти и газа, поскольку затрагиваются вопросы бюджетного процесса, уплаты налогов и перераспределения доходов, планирования территорий и их социально-экономического развития. Кроме того, в специальной литературе отмечается, что весьма немаловажно в законодательной деятельности обеспечить баланс интересов федерального центра и субъектов Федерации. С одной стороны, неразвитость федерального законодательства в той или иной сфере нормативного регулирования отрицательно сказывается на законотворчестве в субъектах РФ. Потому и пришлось отменить в свое время, в 2002 г., Закон Республики Татарстан «О нефти и газе», который, в частности, содержал раздел «Магистральный трубопроводный транспорт нефти и газа, добываемых на территории Республики Татарстан». Он был признан несоответствующим федеральному законодательству [1. С. 8].

Закон «О недрах» – это один из нормативных правовых актов, который был разработан уже в начале 90-х гг. XX века. В обновленной редакции этот Закон регулирует отношения, возникающие в связи с геологическим изучением, использованием и охраной недр территории Российской Федерации, ее континентального шельфа, а также в связи с использованием отходов горнодобывающего и связанного с ним перерабатывающих производств, торфа, сапропелей и иных специфических минеральных ресурсов, включая подземные воды, рапу лиманов и озер. Закон «О недрах» стал одним из первых нормотворческих опытов российского законодателя в деле разработки нормативных правовых актов, направленных на регулирование отношений в целом в нефтегазовой отрасли. Закон содержит важные положения, обеспечивающие интересы Российской Федерации в нефтегазовом секторе и устанавливающий компетенцию в этой области субъектов Российской Федерации. В соответствии со ст. 1.2. недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью. Вопросы владения, пользования и распоряжения недрами находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Кроме того, данный Закон содержит следующие важные положения, касающиеся: участков недр федерального значения, участков недр местного значения, государственного фонда недр, федерального фонда резервных участков недр, полномочий федеральных органов государственной власти в сфере регулирования отношений недропользования, государственного учета участков недр, баланса запасов полезных ископаемых, кадастра месторождений полезных ископаемых, соглашений о разделе продукции, полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации [4] и т.д.

Отдельным образом выделяется Федеральный закон «О естественных монополиях». Закон определяет правовые основы федеральной политики в отношении естественных монополий в Российской Федерации и направлен на достижение баланса интересов потребителей и субъектов естественных монополий, обеспечивающего доступность реализуемого ими товара для потребителей и эффективное функционирование субъектов естественных монополий. Среди иных отношений Федеральный закон «О естественных монополиях» регулирует и деятельность субъектов естественных монополий в сфере транспортировки нефти и нефтепродуктов по магистральным трубопроводам, а также транспортировки газа по трубопроводам [5]. Здесь следует указать на зависимость национального нормотворчества от интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и необходимость формирования единых принципов и правил регулирования, в том числе деятельности субъектов естественных монополий.

Постановлением Межпарламентской Ассамблеи ЕврАзЭС от 16 мая 2012 г. № 14-14 были одобрены Рекомендации по приведению национального законодательства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации в соответствие с:

- Соглашением о единых принципах и правилах регулирования деятельности субъектов естественных монополий;
- Соглашением о единых принципах и правилах конкуренции;
- Соглашением о правилах доступа к услугам субъектов естественных монополий в сфере транспортировки газа по газотранспортным системам, включая основы ценообразования и тарифной политики.

Из вышеизложенного можно прийти к заключению о необходимости:

- систематизировать законодательство в нефтегазовой области в направлении к повышению роли законов, а не технических нормативных правовых актов;

- упорядочить и в т.ч. унифицировать юридическую терминологию нормативных правовых актов применительно к потребностям интеграционных процессов;
- осуществить кодификацию законодательства в нефтегазовой отрасли посредством разработки Энергетического кодекса.

1. Василенко, А.Б. Законодательное обеспечение трубопроводного транспорта углеводородов / А.Б. Василенко // Наука и технологии трубопроводного транспорта нефти и нефтепродуктов. – 2012. – № 4(8). – С. 6–9.

2. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (принят ГД ФС РФ 12.04.2006) (ред. от 14.10.2014) // СПС «КонсультантПлюс» // <http://www.consultant.ru/popular/waternew/>

3. Гудков, И.В. Энергетическая стратегия России в системе программных документов: внутригосударственные и международно-правовые аспекты / И.В. Гудков, П.Г. Лахно // Энергетическое право. – 2010. – № 1. – С. 7-23.

4. Закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 28.12.2013) «О недрах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2014) // СПС «КонсультантПлюс» // <http://www.consultant.ru/popular/nedr/>

5. Федеральный закон от 17.08.1995 № 147-ФЗ (ред. от 30.12.2012) «О естественных монополиях» // СПС «КонсультантПлюс» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133349/

6. Федеральный закон от 18.07.2006 № 117-ФЗ (ред. от 30.11.2013) "Об экспорте газа" // СПС «КонсультантПлюс» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155064/

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ИНСТИТУТА МЕНЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А.П. Грудина, студентка

А.В. Верещагина

науч. рук., канд. юрид. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Распад СССР в 1991 году привел к образованию независимых государств, каждое из которых пошло по своему пути развития: политическому, экономическому, культурному, социальному. Не стали исключением Российская Федерация и Республика Беларусь. Значительные изменения коснулись законодательного регулирования отдельных отраслей права.

Вместе с тем, между Российской Федерацией и Республикой Беларусь 08 января 1999 года заключен Договор «О создании единого государства» [1]. Одной из целей указанного Договора является формирование единой правовой системы демократического государства, а также гармонизация и унификация законодательства государств-участников, что свидетельствует о стремлении союзных государств выработать единый подход к формированию законодательной базы и разрешению правовых вопросов.

Указанные обстоятельства вызывают интерес к законодательству союзных государств. В рамках сравнительного анализа нормативно-правовых актов, а также судебной практики Республики Беларусь и Российской Федерации, представляется интересным рассмотрение института мены земельных участков, как недостаточно изученного и имеющего особенности применения на практике.

Отношения, возникающие по поводу мены недвижимости, носят имущественный характер и урегулированы гражданским законодательством, которое нацелено на развитие рыночных отношений, как в России, так и в Белоруссии.

Правовые нормы, регламентирующие мену земельных участков, в основном носят бланкетный характер, как в законодательстве Российской Федерации, так и в законодательстве Республики Беларусь. В соответствии с идентичными положениями Гражданского кодекса Российской Федерации [2] и Гражданского кодекса Республики Беларусь [3] при заключении договора мены надлежит руководствоваться правилами, применимыми к заключению договора купли-продажи. Вместе с тем институт мены имеет свою специфику и не может быть в полной мере урегулирован на основании положений о купле-продаже. Справедливости ради стоит отметить, что понимание наличия особенностей мены у законодателя присутствует. Так, Гражданские кодексы обоих государств содержат положения о равноценности обмениваемых товаров, встречном исполнении обязательств по передаче товара, а также наступлении ответственности сторон, в связи с недобросовестностью исполнения обязательств по договору, применимые исключительно к мене.

По договору мены каждая из сторон обязуется передать в собственность другой стороны один товар взамен на другой. При этом каждая из сторон одновременно признается и продавцом, и покупателем.

В Российской Федерации предметом договора мены земельных участков является сам участок. Земельным кодексом Российской Федерации установлен ряд особенностей для купли-продажи земельных участков, соответственно распространяющихся на мену [4]. Закрепление в Земельном кодексе РФ ограничений в отношении сделок с землей представляется удачным решением законодателя, в результате которого можно избежать некоторых затруднений применения мены на практике. Вместе с тем отнесение Земельным кодексом РФ к объектам земельных отношений частей земельных участков вызывает вопрос: возможно ли обменять не весь участок, а лишь его часть?

Представляется, что часть участка не может являться предметом договора и объектом имущественных правоотношений до тех пор, пока она не будет выделена в самостоятельный земельный участок в установленном порядке. Так в качестве предмета мены выступает участок прошедший государственный кадастровый учет.

Действующим земельным законодательством Республики Беларусь сомнения по поводу возможности совершения сделок с частью земельного участка исключены. Что следует оценить положительно. Предметом договора мены в соответствии с положениями Кодекса о земле Республики Беларусь могут выступать лишь сформированные земельные участки, находящиеся в собственности, при сохранении их целевого назначения [5].

Общими требованиями для России и Белоруссии, предъявляемыми к предмету договора мены, является указание в договоре конкретного местоположения участка, его размера, категории земель, целевого назначения, кадастрового номера, зданий и сооружений, находящихся на нем, а также, кто является собственником участка, обязательства сторон в отношении участка и права третьих лиц. Необходимость указания приведенных требований, применительно к Белоруссии, закреплена в Постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 июля 2008 года [6], в соответствии с которым при разрешении земельных споров судам надлежит исследовать правоудостоверяющие документы, подтверждающие факт предоставления земельного участка истцу, государственную регистрацию права на земельный участок, его кадастровый номер, вещное право на земельный участок и его площадь. В Российской Федерации документом, определившим условия мены, явилось Письмо государственного комитета Российской Федерации по земельным ресурсам и землеустройству от 19 октября 1994 года № 2-16/1629 [7], которое утвердило рекомендуемую форму договора мены земельными участками (в настоящее время является недействующим).

Интересным является установление белорусским законодателем максимального размера участка, предоставляемого в частную собственность. С позиции совершения мены земельных участков данное ограничение представляется удачным, в связи с тем, что обмениваемые участки по договору мены признаются равноценными, если иное не будет указано в договоре, одинаковый размер участков выступает одним из критериев признания участков равными.

Другим аспектом института мены, заслуживающим внимания, является признание обмениваемых участков равноценными. При обмене неравноценными земельными участками на практике возникает вопрос: можно ли признать такой договор недействительным? В отличие от договора купли-продажи в договоре мены цена не является существенным условием. По смыслу статьи 568 Гражданского кодекса РФ и тождественной статьи 538 Гражданского кодекса РБ обмениваемые товары предполагаются равноценными, обязанность по признанию их таковыми возложена на стороны договора. Обязательным условием оценки земельных участков является ее нормативность, то есть соответствие кадастровой стоимости земельного участка. Также оценки подлежат здания, сооружения и иные объекты недвижимости, находящиеся на земельном участке, являющемся предметом договора мены. Данные сведения указываются в актах оценки объектов недвижимости и прилагаются к договору мены. Вместе с тем необходимо отметить, что мена земельных участков представляет собой гражданско-правовую сделку и совершается на принципах свободы договора и воли сторон. Таким образом, в случае соглашения сторон о равноценности земельных участков независимо от их кадастровой, рыночной стоимости, данное положение договора будет признано действительным.

Примечательным по вопросу установления денежного эквивалента является судебная практика Республики Беларусь. По договору мены одна сторона передала второй стороне имущество, однако встречного исполнения обязательства не последовало. Сторона, надлежащим образом исполнившая свои обязательства, обратилась в суд с требованием о понуждении другой стороны передать имущество, а также взыскать проценты за пользование чужими денежными средствами на основании части 4 статьи 457 Гражданского кодекса РБ, согласно которой, в случае, когда продавец не исполняет обязанность по передаче предварительно оплаченного товара, на сумму предварительной оплаты подлежат уплате проценты в соответствии со статьей 366 Гражданского кодекса РБ. Указанная статья предусматривает ответственность лица за пользование денежными средствами вследствие их неправомерного удержания, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате либо неосновательного получения или сбережения за счет другого лица. Из смысла договора мены вытекает то, что у сторон обязанность по оплате обмениваемых

объектов не возникает, за исключением тех случаев, когда объекты признаются неравноценными. Следовательно, взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами невозможно. Данная позиция изложена в письме Высшего Хозяйственного суда Республики Беларусь [8].

Особое внимание российского законодателя обращено на обязанность сторон по договору предоставить информацию об обременениях земельного участка и ограничениях его использования. Факт её сокрытия может явиться основанием, по которому суд признает договор незаключенным. Так, например, во избежание нарушения своих прав стороны в предварительном договоре мены предусмотрели условие, по которому в случае возникновения до момента заключения основного договора обременений или обязательств в отношении обмениваемых участков, предварительный договор расторгается, а сторона, на участок которой возникло обременение, обязана уплатить неустойку. Арбитражный Суд Приморского края своим решением признал данное положение договора действительным и соответствующим закону [9].

Другим вопросом, вызывающим интерес, является вопрос правомерности совершения мены доли в праве общей собственности на земельный участок. В соответствии с положениями Гражданских кодексов РФ и РБ участник долевой собственности вправе по своему усмотрению распоряжаться долей, с соблюдением при ее возмездном отчуждении правил предоставления преимущественного права покупки остальным участникам долевой собственности. Данное правило применяется при отчуждении доли по договору мены. Однако при отчуждении доли в праве общей собственности на земельный участок по договору мены стороне предоставляется право собственности или доля в праве общей собственности на другой индивидуально определенный земельный участок, очевидно, что такой участок обладает исключительными характеристиками (размер, местоположение и т.п.). Соответственно участники долевой собственности не могут использовать право преимущественного приобретения доли, так как предоставить в обмен участок, указанный в заявлении, не представляется возможным. Следовательно, преимущественное право долевых собственников фактически нарушается. Российский правоприменитель в данном случае идет по пути лишь обязательного уведомления участников долевой собственности о намерении отчуждения доли. По делу о признании незаконным отказа регистрирующего органа в регистрации сделки мены доли в праве общей собственности Калининградский областной суд в кассационном определении установил, что отказ в связи с не предоставлением сведений об уведомлении всех участников долевой собственности о намерении отчуждения доли является правомерным [10]. Данная позиция находит подтверждение и в Законе Республики Беларусь «О государственной регистрации недвижимого имущества, права на него и сделок с ним» [11].

Сторонами договора мены могут являться физические и юридические лица, обладающие земельными участками на праве собственности. Спорным вопросом в Российской Федерации, нашедшим разрешение в законодательстве Республики Беларусь, является отнесение к субъектам земельных правоотношений иностранного государства.

Действующие земельное и гражданское законодательство Российской Федерации не содержит норм, позволяющих выделить иностранное государство в качестве субъекта земельных правоотношений, что представляется существенным недостатком.

В Кодексе о земле РБ, напротив, в качестве субъектов выступают иностранные государства, дипломатические представительства и консульские учреждения иностранных государств, международные организации и их представительства. В соответствии со статьей 12 Кодекса о земле РБ иностранные государства обладают правом собственности на землю, земельные участки, находящиеся на территории Республики Беларусь. Данный подход представляется удачным, так как на территории обоих государств находится достаточное количество посольств и консульств иностранных государств, которые осуществляют свою деятельность в зданиях и сооружениях, расположенных на земельных участках.

В истории существуют примеры мены земельных участков, расположенных на территории разных государств. Например, по договору между СССР и Польшей от 15 февраля 1951 года обе стороны обменялись равноценными по размеру пограничными участками [12]. Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь об условиях размещения Посольства Российской Федерации в Республике Беларусь и Генерального консульства Российской Федерации в г. Бресте от 17 ноября 1997 года, России переданы в собственность различные объекты недвижимости [13].

В результате сравнительного анализа нормативно-правовых актов, а также судебной практики Республики Беларусь и Российской Федерации можно сделать вывод о наличии общего и особенного в регламентации института мены земельных участков.

Несмотря на то, что договор мены имеет сходства с договором купли-продажи, он имеет и свои специфические особенности, и, как следствие, требует более четкой регламентации в законодательстве. Сотрудничество соседних государств и обмен положительным опытом в отношении мены земельными участками позволили бы урегулировать спорные вопросы совершения сделок мены. Это привело бы к бо-

лее эффективному применению договоров мены на практике, что упростило бы оборот земельных участков между собственниками и способствовало развитию рыночных отношений.

1. Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь «О создании союзного государства» от 08 декабря 1999 года // Российская газета. – 2000. – 29.01. – № 21.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: федеральный закон от 26.01.1996 №14-ФЗ (в ред. от 30.01.2014) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс» (далее по тексту – Гражданский кодекс РФ).
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь. Закон Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 [Электронный ресурс] / Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь – Режим доступа: http://etalonline.by/?type= text®num=НК9800218#load_text_none_1_
4. Земельный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // Российская газета. – 30.10.2001. – № 211–212.
5. Кодекс Республики Беларусь о земле. Закон Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 425-3 [Электронный ресурс] / Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь – Режим доступа: http://etalonline.by/?type= text®num=НК0800425#load_text_none_1_
6. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 декабря 2011 года [Электронный ресурс] / Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: <http://www.pravo.by/>
7. Типовые договоры дарения и мены земельными участками: письмо Роскомзема от 19.10.1994 № 2-16/1629 [Электронный ресурс] / СПС «Консультант плюс»
8. О взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами вследствие просрочки передачи имущества, присужденного по приказам хозяйственных судов. Письмо Высшего Хозяйственного суда Республики Беларусь от 7 мая 2003 года № 03-25/956 [Электронный ресурс] / Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: <http://www.pravo.by/>
9. Постановление Арбитражного Суда Приморского края от 10 декабря 2012г. №А-51-25896/2012 [Электронный ресурс] / РосПравосудие – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>
10. Кассационное определение Калининградского областного суда от 29 февраля 2012 года по делу № 33-748/2012 [Электронный ресурс] / РосПравосудие – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>
11. О государственной регистрации недвижимого имущества, права на него и сделок с ним: Закон Республики Беларусь от 22 июля 2002 года № 133-3 [Электронный ресурс] / Законодательство стран СНГ. Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1845
12. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой об обмене участками государственных территорий, утвержденный Советом Министров СССР от 15 февраля 1951 года // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1975. Т. 2. – М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1975. – С. 170.
13. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь об условиях размещения Посольства Российской Федерации в Республике Беларусь и Генерального консульства Российской Федерации в г. Бресте от 17 ноября 1997 года (с изменениями от 4 марта 2005 г.) // Бюллетень международных договоров. – 2006. – № 3. – С. 70–71.

УСЫНОВАНИЕ И УДОЧЕРЕНИЕ РОССИЙСКИХ ДЕТЕЙ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ

Е.В. Каймакова

канд. юрид. наук, доцент

С.В. Щелкунов, студент

*Юго-Западный государственный университет
г. Курск*

Проблема детской безнадзорности на сегодняшний день имеет глобальный характер. После крушения СССР возникают новые государства, новые границы, но в силу ухудшения экономического и социального состояния общества в постсоветский период появляется большое количество беспризорных детей. Говоря о статистике беспризорных людей, стоит заметить, что точный подсчет провести в силу специфики проблемы невозможно. Российская Федерация испытывает трудности, теряя около 800 тысяч человек в год, вместе с этим теряя свою устойчивость и моральные ценности. В последнее время в СМИ ведется пропаганда того, что российское общество возрождает свои духовные ценности, а именно семью, религию и культуру. Однако здесь можно провести анализ и сказать, что не всё так положительно как нам препод-

носят. Основной информацией выступает статистика Главного контрольного управления Президента России. Согласно этим данным количество сирот после 1994 года в стране увеличилось в разы (рис. 1). При этом лишь 1/10 из общего числа детей, лишившихся родительской заботы, стали сиротами вследствие смерти, инвалидности родителей.

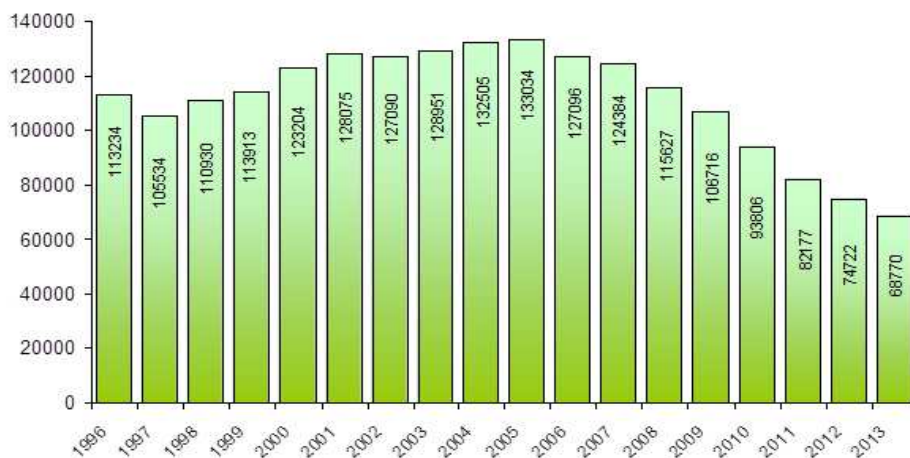

Рис. 1

Так как Российская Федерация является субъектом международного права, в Конвенцию о правах ребенка включила положения, посвященные уходу за сиротами, беспризорными детьми, лишенными собственной семьи по тем или иным обстоятельствам. Согласно ч. 2 статьи 20 Конвенции о правах ребенка, государства, ратифицировавшие этот договор, обязаны в силу своего внутреннего закона обеспечить уход за детьми. Такой уход может подразумевать и усыновление (удочерение) детей. В практике усыновления (удочерения) ребенка важным является факт принадлежности ребенка к какой-либо национальности, его физическое и психическое состояние, культурное развитие и многое другое. Однако перед тем, как затрагивать непосредственно проблемы усыновления (удочерения) ребенка иностранными гражданами в РФ, нужно дать определение этому понятию.

В российском законодательстве содержится термин «усыновление», который, в свою очередь, обозначает и «удочерение». Данное объединение терминов было сделано для удобства. Усыновление (удочерение) можно определить как «юридический акт, в силу которого между усыновленным ребенком и его усыновителем устанавливаются правовые (личные и имущественные) отношения, аналогичные отношениям между родителями и детьми» [5. С. 43]. Его ключевая задача заключается в замене биологических родителей приемными ребенком.

В последнее время с ростом увеличения мобильности граждан, как российских, так и иностранных набирает популярность усыновление детей иностранными гражданами. Защита и поддержка детей отразилась в международных актах, конвенциях. Исходя из того, что в семейных отношениях появляется иностранный элемент, в национальном семейном праве имеются коллизии, которые позволяют в случае споров выбирать право чьего государства применять. Унификация норм права помогает решать спорные моменты, но РФ не является участницей Европейской конвенцией об усыновлении детей 1967 г. В связи с этим и существуют проблемы в некоторых аспектах. Термин «иностранное государство» закреплен в статье 1186 ГК РФ. Данная статья устанавливает, что все гражданско-правовые отношения с участием иностранного элемента регулируются международными договорами, которые ратифицировала Россия. Исходя из того, что Конституция РФ в приоритет ставит международные акты, в случае отсутствия таковых документов, возникает вопрос: право какой страны применять для усыновления ребенка? На практике возможны различные варианты развития событий. Одним из наиболее «комфортных» выступает вариант обращения к Разделу VII СК РФ.

«Применение семейного законодательства к семейным отношениям с участием иностранных граждан и лиц без гражданства». Несмотря на то, что в СК РФ отсутствует понятие «иностранное государство», характеризуя нормы, да и название раздела, можно сделать вывод о том, что его можно использовать при рассмотрении спорных ситуаций.

При процедуре усыновления как уже говорилось выше есть субъекты: во-первых, это усыновители (которые и являются иностранным элементом), во-вторых, усыновляемые (несовершеннолетние граждане РФ). К усыновителям закон предъявляет ряд требований, при выполнении которых и появляется право забрать ребенка. Анализируя закон, можно сделать вывод, что усыновление должно происходить только в

интересах ребенка. Практика показывает, что под интересами ребенка понимаются не только создание домашней обстановки, материального достатка и психологической стабильности, но для некоторых детей усыновление является возможностью вылечить болезни, которые в силу отсутствия навыков и средств медицины не поддается лечению в России. Весьма серьезным моментом является то, что процедура усыновления иностранным гражданином производится судом в особом порядке, предусмотренном гражданским процессуальным законодательством (Подразделом IV ГПК гл. 29, ст. 269 – 275, в котором нашли законодательное закрепление некоторые особенности, касающиеся порядка усыновления российских детей иностранными гражданами). Также в ст.273 ГПК указывается, что заявление об усыновлении рассматривается в закрытом судебном заседании с личным участием опекунов, органов опеки и попечительства, прокурора. Несколько лет назад, после ряда ужасных событий, произошедших в США, уполномоченный по правам ребенка П.А. Астахов распорядился принять ряд мер, связанных на ограничение или полный запрет усыновления российских детей американскими семьями.

Один из первых печальных случаев произошел в штате Мэриленд. Семейной паре предъявлено обвинение в убийстве приемного сына – 8-летнего Дениса Урицкого. Сейчас супруги Мэримен – на свободе под залогом. Брат и сестры погибшего мальчика находятся на попечении американских социальных служб. Второй инцидент произошел в конце января 2013 года в пригороде провинциального тexasкого городка Одесса скоропостижно скончался трехлетний Макс Алан Шатто. Еще за несколько месяцев до своей смерти он носил имя Максим Кузьмин. В России его гибель стала поводом для очередного витка кампании против усыновления детей иностранцами. В Америке обвинения в насилии над приемными детьми вызвали, по меньшей мере, недоумение. Стоит учитывать тот факт, что не только в США происходят такие печальные случаи, однако по статистике (рис. 2) за 2013 г. большинство усыновленных детей находятся в США.

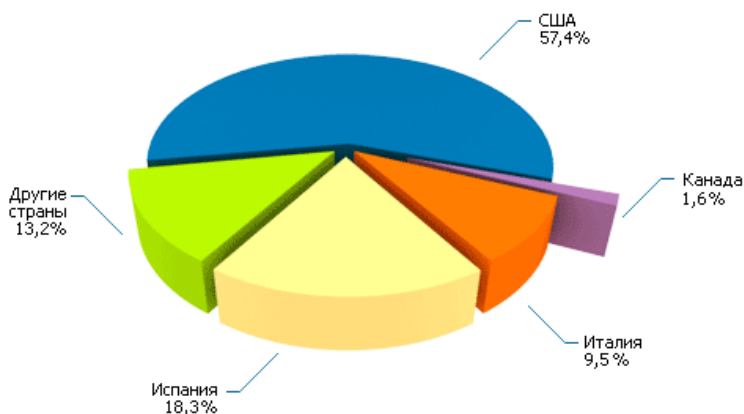

Рис. 2

В заключение стоит отметить, что необходимо более тщательно проверять иностранных граждан на гарантию того, что межгосударственное усыновление осуществляется в интересах ребенка и никак не затрагивает интересы усыновителей. Также необходимо унифицировать международные акты и нормы, касающиеся семейного права, что приведет к общим нормативным источникам и минимизации коллизий. Положительным моментом нужно сделать правовую и фактическую поддержку российских детей за территорией России.

1. Ильина, О.Ю. Брак как новая социальная и правовая реальность изменяющейся России / Ю.О. Ильина. – Тверь: ТГУ, 2005.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).

3. Нечаева, А.М. Защита интересов ребенка / А.М. Нечаева. – М.: Наука, 2012. – 85 с.

4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (принят ГД ФС РФ 08.12.1995).

5. Юридический энциклопедический словарь / под. общ. ред. В.Е. Крутских. – 3-е изд. – М., 2003.

ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИИ

Е.А. Караваева, студентка

А.В. Верещагина

науч. рук., канд. юрид. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

В статье производится анализ оснований прекращения права собственности в законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации. Интерес к данной проблеме обусловлен специфичностью земельно-правовых отношений, выражающейся в том, что земля может являться объектом права частной собственности, но при этом, отношения по поводу земли имеют публично-правовой характер, что проявляется, например, в необходимости осуществления государственной регистрации операций с землей (ст. 131 ГК РБ, ч. 1 ст. 131 ГК РФ) [1]. Поэтому рассмотрение правового регулирования института прекращения права частной собственности на землю в настоящее время является актуальным.

Особый интерес исследование данной проблемы представляет в таких государствах как Беларусь и Россия, т.к. имея общую законодательную систему в период существования СССР, Россия и Беларусь продолжили самостоятельное развитие, в условиях экономического и правового взаимодействия друг с другом. Так, например, Гражданский кодекс РБ и Гражданский кодекс РФ схожи по структуре и содержанию и имеют совпадения в нумерации и содержании статей. Это объясняется тем, что оба государства при разработке кодекса использовали «Модельный гражданский кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств» первая часть которого была принята Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 29 октября 1994 г. [2]. Все это обуславливает ряд сходств в конструкции нормативно-правовых актов или непосредственно нормах, но при этом есть и свои индивидуальные различия, изучение которых может способствовать совершенствованию регулирования земельных отношений обоих государств. Условно разделим различия оснований прекращения права собственности на землю в РБ и РФ на конструктивные и содержательные¹.

1. Конструктивные различия

Нормы в отношении прекращения права собственности в обоих рассматриваемых государствах содержатся в Гражданских кодексах РБ и РФ, а также в Земельном кодексе РФ и Кодексе РБ о земле [3]. Однако способ закрепления перечня оснований прекращения права собственности на землю в РБ и РФ различен, что является изначальным конструктивным отличием.

Российский законодатель указывает перечень оснований в ГК РФ, а в ЗК РФ помещает отсылочную норму, не содержащую никаких других, помимо содержащихся в ГК РФ оснований. В Беларуси кроме перечня, содержащегося в ГК РБ, имеется отдельный перечень оснований прекращения права собственности в Кодексе РБ о земле. Данные отличия можно оценить двояко, с одной стороны, российский законодатель создал более универсальную для всех объектов гражданских правоотношений систему, поместив основания прекращения права собственности на землю в числе оснований для других объектов права собственности, что удобно для правоприменения. С другой стороны, дополняющий ГК РБ и закреплённый в Кодексе Республики Беларусь о земле перечень оснований позволяет составить более полную картину правового регулирования отношений по поводу конкретного объекта права собственности – земельного участка. Однако негативным моментом является то, что в статьях ГК РБ и Кодекса РБ о земле, содержащих основания прекращения права собственности на землю, отсутствуют взаимные отсылки, что может усложнить получение полного объема правовой информации о регламентации рассматриваемой проблемы в Беларуси.

Интересным моментом является то, что Кодекс Республики Беларусь о земле содержит две главы. Одна из них посвящена переходу прав и ограничений (обременений) прав на земельные участки. В ней закреплено такое основание изменения земельных правоотношений, как сделки с землей. В другой главе «Прекращение прав, ограничений (обременений) прав на земельные участки» регламентируются основания прекращения права собственности на землю, то есть из смысла указанных разделов выходит, что осуществление сделок с землей и передача права собственности на землю другим лицам не входит в перечень оснований прекращения права собственности, так как данные основания законодатель поместил в разные главы. При этом ГК РБ указывается, что право собственности прекращается при отчуждении собственни-

¹ Классификация предложена автором.

ком своего имущества другим лицам, т.е. совершении сделок с землей. Поэтому, на мой взгляд, структура Кодекса Республики Беларусь о земле содержит противоречие Гражданскому кодексу РФ.

В перечне оснований прекращения права собственности как ГК РБ, так и ГК РФ содержатся отсылочные нормы. Отличием является то, что ГК РФ имеет большее количество отсылочных норм, и, помимо общих с ГК РБ оснований, включает основания прекращения права собственности в виде выкупа земельного участка для государственных или муниципальных нужд (ст. 282 ГК РФ), изъятие земельного участка, используемого с нарушением законодательства (ст. 285 ГК РФ), изъятие земельного участка, который не используется в соответствии с его целевым назначением (ст. 284 ГК РФ). Белорусское земельное законодательство содержит аналогичные основания прекращения права собственности на землю, но закрепляет их в Кодексе РБ о земле, что предупреждает возможность возникновения трудностей правоприменения. Поэтому, считаю, что большое количество норм со ссылочной диспозицией в ГК РФ является негативным явлением.

Рассмотрение конкретных норм о прекращении права собственности на землю в Беларуси и России, позволяет выявить ряд менее явных, конструктивных отличий. Как российский, так и белорусский законодатель указывают, что принудительное изъятие частной собственности осуществляется по основаниям, предусмотренным законом по решению (постановлению) суда (ч. 2 ст. 236 ГК РБ, ч. 2 ст. 235 ГК РФ), но при этом ГК РФ конкретизирует случаи прекращения права собственности на землю именно по решению суда. Например, выкуп земельного участка для государственных или муниципальных нужд. ГК РБ данный вопрос не увязывает с конкретным основанием прекращения права собственности на землю и распространяет основание в виде вынесения судом постановления о прекращении права собственности на все указанные случаи принудительного прекращения этого права.

В Гражданских кодексах обоих государств в качестве оснований прекращения права собственности закреплена национализация и приватизация собственности. В ГК РФ данные основания снабжены дополнительными сведениями в отношении их реализации, с отсылкой к конкретизирующим статьям ГК РФ. ГК РБ такой детализации нет.

Ряд оснований, имеющих в Кодексе РБ о земле, отсутствуют в перечне оснований прекращения права собственности на землю в России, что является признаком конструктивного своеобразия белорусского законодательства в рассматриваемой сфере. Так, признание земельного участка бесхозным по законодательству Беларуси основание прекращения права собственности. В России данное основание распространяется только на жилое помещение. Такое основание как «неосуществление мероприятий по охране земель», имеющееся в Кодексе РБ о земле отсутствует в российском законодательстве. Но, при этом ГК РФ закрепляет обязанность собственника обеспечивать охрану земель, неисполнение которой может привести к прекращению права собственности на землю по ряду иных оснований. Указанная особенность свидетельствует о более детальной регламентации земельно-правовых отношений белорусским законодателем.

Наряду с указанными особенностями в Гражданских кодексах РБ и РФ имеются терминологические различия, не имеющие принципиального характера. Так в обоих нормативно правовых актах есть основание прекращения права собственности в виде отчуждения имущества, которое не может принадлежать лицу – в России в силу закона, в Беларуси – в силу акта законодательства. Как мы видим, в тексте статьи используются разные термины, имеющие сходное содержание.

2. Содержательные различия

По своему содержанию система оснований прекращения права собственности в РБ и РФ совпадает. Однако есть значимые различия и особенности, характерные для каждой из рассматриваемых стран. Особенностью российского законодательства является наличие таких оснований прекращения права собственности, как обращение в доход РФ имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы и подтверждающие законность их приобретения. Данные нормы содержат отсылку на законодательство о противодействии коррупции и терроризму [4]. Таким образом, законодатель включает институт прекращения права собственности в систему противодействия коррупции и расширяет перечень отраслей права, позволяющих поддерживать антикоррупционную и антитеррористическую политику РФ.

Специфичными являются имеющиеся в белорусском законодательстве такие основания, как отчуждение земельного участка исполнительными комитетами различного уровня и прекращение гражданства Республики Беларусь (ст.60 Кодекса РБ о земле). В РФ лицо может иметь земельный участок, будучи гражданином иностранного государства, исключение составляют отдельные категории земель.

Существенные различия есть в регламентации прекращения права собственности на землю по такому основанию как неиспользование земельного участка по целевому назначению. В Беларуси и России значительно отличаются сроки неиспользования земли, несоблюдение которых ведет к ее изъятию. Так, в России изъятие земельного участка в случае его неиспользования по целевому назначению осуществляется по истечении 3-х лет, данное правило распространяется на все категории земель. В Беларуси указанный

срок составляет 1 год для сельскохозяйственных земель и 2 года для земель несельскохозяйственного назначения.

Кроме того, белорусское законодательство содержит специфичные для РФ основания прекращения права собственности в виде изъятия земельного участка в случае невыполнения собственником обязанности приступить к занятию земельного участка и производить на нем восстановление разрушившихся строений в установленный срок. В соответствии с Кодексом РБ о земле право собственности на землю по такому основанию прекращается, если гражданин в течение 1 года со дня регистрации земельного участка и возникновения на него права собственности не приступил к его занятию или в течение одного года после разрушения капитального строения (здания, сооружения), для которого предоставлялся земельный участок, не приступил к его восстановлению или возведению нового капитального строения. Данный факт является показателем того, что белорусский законодатель применяет более жесткие меры и более заинтересован в эффективном и рациональном землепользовании.

Анализ норм института прекращения права собственности на землю позволяет прийти к выводу о том, что в Республике Беларусь земельные правоотношения государство контролирует в большей степени. В Белоруссии земля предоставляется частным лицам под строгим надзором и в случае несоблюдения правил ее использования незамедлительно возвращается в собственность государства. Подход белорусского законодателя более верный, так как земля является одним из ценнейших ресурсов, попустительство которого может иметь серьезные последствия как экономического, так и экологического характера.

1. Гражданский Кодекс Республики Беларусь: закон от 7 декабря 1998 г. № 218-З (в ред. от 11.07.2014 г. № 191-З) [Электронный ресурс] // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE». Далее в тексте ГК РБ; ГК Республики Беларусь; ГК Белоруссии; Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть первая: федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 05.05.14 № 129-ФЗ) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс». Далее в тексте ГК РФ.

2. Гражданский кодекс. Модель. Рекомендательный законодательный акт Содружества Независимых Государств. Часть первая (Принят в г. Санкт-Петербурге 29.10.1994 на 5-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс».

3. Земельный Кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ (в ред. от 21.07.2014г. № 234-ФЗ) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс»; Кодекс Республики Беларусь о земле: закон от 23 июля 2008 г. № 425-З (в ред. от 26.10.2012 г. № 432-З) [Электронный ресурс] // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE». Далее в тексте ЗК РФ; Кодекс о земле.

4. О противодействии терроризму: федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.06.2014) [Электронный ресурс] //СПС «Гарант»; О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ [Электронный ресурс] //СПС «Гарант».

ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Е.М. Тараненко

ст. преп. кафедры частного права

И.В. Каракулина, студентка

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Высшие учебные заведения вступают в гражданские, административные, трудовые и иные отношения в качестве субъекта правоотношений, что обуславливает наличие у них субъективных прав и юридических обязанностей. За неисполнение последних у вузов наступает юридическая ответственность. В соответствии с законом образовательное учреждение высшего профессионального образования независимо от их формы отвечает по своим обязательствам всем находящимся у него на праве собственности (оперативного управления) имуществом.

В данной статье была рассмотрена практика судов Приморского края с целью выявления основных нарушений, допускаемых вузами и определения рекомендаций по их предотвращению. Предметом исследования стали 67 судебных дел с участием вузов в качестве ответчика, по которым было вынесено 48 решений об удовлетворении требований истцов, 12 – об отказе в иске, было заключено 2 мировых соглашения, а также вынесено 5 определений о прекращении производства по делу в связи с отказом истца от

иска. Из анализа споров было установлено, что из них составили: 35 трудовых споров, 26 жилищных споров, 2 земельных спора, 3 гражданско-правовых (договорных) спора, 1 спор о защите прав потребителей. Из этого очевидно, что в большинстве рассматриваемых случаев вуз выступает участником трудовых споров и жилищных споров. Обращает не себя внимание, что судебных споров, связанных с осуществлением основной деятельности вузов – образовательной, исключительно мало. Из рассмотренного количества дел только 1 касалась качества предоставления образовательных услуг.

Как было указано выше, наибольшее количество споров с участием вузов в качестве ответчиков – это трудовые споры. Среди них споры о восстановлении на работе, о взыскании заработной платы, о признании незаконными изменений условий трудового договора, о признании незаконным и необоснованным приказа о наложении дисциплинарного взыскания. Как правило, по делам о восстановлении на работе истцы также требуют взыскать с работодателя заработную плату за время вынужденного прогула, а также выплатить компенсацию морального вреда.

Основания исков зависят от видов споров. Так, при подаче исковых заявлений о восстановлении на работе, истцы ссылаются на отсутствие оснований для дисциплинарного увольнения, наличие действующих трудовых договоров. При взыскании заработной платы, прежде всего, указывалось право на получение заработной платы своевременно и в полном размере, количество неоплаченных рабочих дней, право на компенсационные выплаты, предусмотренные в Приморском крае. При предъявлении требований о признании незаконным и необоснованным приказа о наложении дисциплинарного взыскания истцы в качестве основания указывали сам факт дисциплинарного взыскания.

В качестве доказательств были предъявлены: трудовые договоры, а также дополнительные соглашения к ним, свидетельские показания, акты отсутствия работника на рабочем месте, приказы о наложении дисциплинарного наказания, листы нетрудоспособности работника, приказы о дисциплинарном взыскании, распоряжения о выполнении отдельных обязанностей, правила внутреннего трудового распорядка, должностные инструкции и т.д.

При рассмотрении данной категории дел, суды принимали во внимание следующие факты: невозможность выполнения работником отдельных распоряжений работодателя по независящим от него причинам; при наложении дисциплинарного взыскания необходимость учитывать тяжесть совершенного проступка и обстоятельства, при которых он был совершен; право работника на получение заработной платы в сроки и в размере, предусмотренным Трудовым кодексом РФ, трудовым договором и локальными актами работодателя; необходимость указывать в приказе о дисциплинарном взыскании за неисполнение или ненадлежащее исполнение каких обязанностей оно применяется; необходимость знакомить работника со всеми документами, подтверждающими правомерность применяемых взысканий; сроки действия отдельных локальных актов работодателей; обязанность работодателя возместить работнику не полученный им заработок во всех случаях незаконного лишения его возможности трудиться.

Основные нарушения, которые были допущены вузами, состоят в ненадлежащем оформлении всех необходимых документов при наложении дисциплинарных взысканий, а также в неправильной квалификации действий работников в качестве прогула или неисполнения/ненадлежащего исполнения трудовых или служебных обязанностей. В ряде случаев в трудовом договоре не были указаны некоторые обязательные условия, например, условия, связанные с оплатой труда, от которых зависит их размер. Не всегда работники информировались в установленном законом порядке об условиях труда, правилах внутреннего трудового распорядка, изменениях трудовых договоров. Допускались нарушения формы трудового договора, а также подмена трудового договора гражданско-правовым, бессрочного договора срочным. В области оплаты труда основные нарушения связаны с несвоевременностью выплаты заработной платы или невыплатой полной суммы заработной платы или выходного пособия. При применении дисциплинарных взысканий нарушался порядок их наложения. Причем, в большинстве случаев, когда работник требовал восстановления на работе, увольнение применялось в качестве вида дисциплинарного взыскания с различными нарушениями закона.

Суд, как правило, удовлетворял основные требования истцов, равно как и требование о взыскании с ответчика компенсации морального вреда в соответствии со статьей 237 ТК РФ, в отдельных случаях компенсировались также расходы на представителя. Большинство апелляционных жалоб, поданных вузами, было оставлено без удовлетворения, а решения судов в пользу работников – без изменения.

Практика рассмотрения дел по спорам, возникающим из жилищных правоотношений с участием вузов не так многочисленна, как по трудовым спорам, однако 26 дел все же было доведено до суда. В основном споры заключаются в следующем: о признании права пользования жилым помещением, о признании права на регистрацию по месту жительства, о возложении обязанности заключения договора социального найма жилого помещения, об обязанности произвести текущий ремонт жилого дома. Истцами, как правило, являются сотрудники вузов, ответчиками – вузы.

Основаниями исков являлись факты проживания сотрудников вузов в помещениях, принадлежащих вузам (общежитиях и т.д.), право пользования жилым помещением, предусмотренное законодатель-

ством и локальными актами работодателя, факт проживания в оспариваемом жилом помещении в течение длительного времени, неисполнение обязанности осуществления ремонта жилых помещений, ненадлежащее состояние жилых помещений и мест общего пользования.

В жилищных спорах доказательствами являлись: трудовой договор, договор социального найма жилого помещения, сведения о регистрации по указанному адресу, документы, подтверждающие оплату коммунальных услуг, документы, подтверждающие неудовлетворительное состояние жилых помещений.

Основания, принятые судом во внимание состоят в следующем: определение вида жилого помещения (отнесение его к общежитию); наличие ордера на занятие жилого помещения; факт оплаты проживания в помещении; применимое законодательство; продолжительность работы в вузе, осуществляющем оперативное управление жилищным фондом; фактическое проживание в помещении в течение длительного времени на законных основаниях; факт признания обязанности по содержанию и проведению текущего ремонта жилых помещений вузом.

Основные нарушения, которые были допущены вузами, состоят в необоснованном отказе в регистрации по месту жительства, отказе в заключении договора социального найма, нарушении обязанности проведения текущего ремонта дома.

В целом в практике судов земельные споры занимают не последнее место, однако с участием вузов это случается нечасто. С 2011 года было рассмотрено всего два таких спора: об освобождении самовольно занятого земельного участка, об устранении препятствий пользования земельным участком путем сноса самовольных построек (металлических гаражей). Причем, в первом случае истцом выступала прокуратура в интересах неопределенных круг лиц, во втором – вуз, подавший апелляционную жалобу на ранее принятое решение суда.

Основания исков следующие: факт самовольного занятия ответчиком земельного участка для размещения поста охраны и шлагбаума, нарушение права на свободное передвижение неопределенного круга лиц, интересы муниципального образования на получение доходов от использования земель, наличие незаконно возведенных построек на земельном участке, переданном истцу на праве постоянного (бессрочного пользования) для конкретных целей – размещения парка и благоустройства территории.

Доказательствами послужило отсутствие документов, подтверждающих законность размещения построек, акт проверки земельного участка, сведения о месторасположении оспариваемого имущества, постановление администрации г. Владивостока о предоставлении земельного участка, свидетельство о государственной регистрации данного права.

При рассмотрении споров суд принимал во внимание то, что предоставлялись ли доказательства, свидетельствующие о наличии правоустанавливающих документов, подтверждающих право на самовольно занятый земельный участок; расположение спорного имущества, его характеристики; находится ли имущество в собственности ответчика.

Соответственно, единственное нарушение, допущенное вузом, состоит в незаконном размещении построек на чужом земельном участке.

По спорам, вытекающим из договорных отношений истцами являлись либо студенты, либо их родители как заказчики образовательных услуг.

Основаниями исков послужили факты отчисления из вузов, отсутствие информации о необходимости ликвидации академических задолженностей в установленные сроки, предоставление приказа об отчислении с нарушением установленной формы, ненадлежащее качество образовательной услуги.

В качестве доказательств предъявлялись договоры об оказании образовательных услуг, больничные листы, квитанции об оплате образовательных услуг, свидетельские показания.

Суд принимал во внимание обстоятельства, в соответствии с которыми был отчислен студент, способ информирования студента об отчислении, соответствие оказываемой услуги требованиям закона.

Таким образом, в ходе рассмотрения данной категории дел по трем делам суд исковые требования удовлетворил, по одному утвердил мировое соглашение. А при рассмотрении спора из защиты прав потребителей взыскал с высшего учебного заведения компенсацию морального вреда в пользу истца в полном объеме и частично удовлетворил остальные требования.

В основном нарушения, допускаемые вузами, связаны с несоблюдением порядка отчисления студента, в частности, ненадлежащим оформлением приказов.

Высшее учебное заведение как хозяйствующий субъект, уполномоченный в соответствии с положениями устава осуществлять отдельные виды предпринимательской и иной приносящей доход деятельности, вправе вступать в гражданско-правовые отношения с контрагентами. Ввиду этого на высшее учебное заведение в полной мере распространяются положения гл. 25 ГК РФ об ответственности за нарушения обязательств.

Образовательное учреждение высшего профессионального образования, выступая в роли работодателя, несет ответственность за нарушение законодательства о труде и об охране труда в соответствии Трудовым кодексом РФ.

В заключение необходимо отметить, что вузам следует обратить внимание на соблюдение трудового законодательства, поскольку именно в этой сфере зафиксировано наибольшее количество нарушений. Особенно строго следует соблюдать порядок привлечения к дисциплинарной ответственности, в частности, увольнения по инициативе вуза, как работодателя. Необходимо обязательно знакомить работников отделов кадров со всеми изменениями Трудового кодекса РФ, а также с практикой его применения.

1. Гражданский кодекс РФ. Часть первая: федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 22.10.2014 г. № 315-ФЗ) [Электронный ресурс] / СПС «Консультант плюс»

2. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.01.2001 г. № 197-ФЗ (в ред. 04.11.2014 г. №333-ФЗ) [Электронный ресурс] / СПС «Консультант плюс»

3. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ (в ред. от 21.07.2014 г. № 262-ФЗ) [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс»

4. Банк решений Арбитражных судов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ras.arbitr.ru/>

5. Судебное делопроизводство [Электронный ресурс]: Приморского краевого суда г. Владивостока – Режим доступа: <http://kraevoy.prm.sudrf.ru/>

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННЫХ ФОРМ И ТЕХНОЛОГИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫМИ ПРОЦЕССАМИ ПОСРЕДСТВОМ ИКТ¹

А.Г. Кравченко

канд. юрид. наук, доцент

А. Немец, студент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Российская Федерация является государственным образованием в рамках территорий которого проживает множество этнических сообществ, существуют как минимум три мировые религии, а отдельные территории носят ярко выраженный национальный характер. Это этнокультурное многообразие, с одной стороны, создает поле для культурного и духовного развития российского общества, обеспечивает ценностный обмен между отдельными социальными группами, создает естественную культурно-духовную конкуренцию обеспечивающую этнокультурную эволюцию. С другой стороны, этническое и культурное многообразие создает конфликтогенный потенциал, и как показывает практика, способный перерасти в политическое и даже военное противостояние федерального центра и отдельных регионов. Особенно актуальным данная проблема становится в свете последних лет мировых практик искусственно-разжигания межнациональной и социально-экономической розни в отдельных государствах третьего мира, странами, заинтересованными в ресурсной и военной эксплуатации колонизируемых.

При этом, указанная проблема разворачивается как в плоскости незаконных идейно-организационных действий физических лиц и зарубежных неправительственных организаций, так и в сети Интернет [1]. В частности, события на Украине сегодня наглядно показывают насколько западно-либеральная олигархия США зависима от информационной оправданности своих действий. Применение США технологий влияния как на мировое сообщество в целом, так и на собственное население страны не менее эффективно, чем антигосударственная пропаганда в пределах колонизируемых государств. Вполне закономерно, что эти технологии информационной манипуляции используют прежде всего естественные слабые точки общества, к которым в частности относится межэтническое и межконфессиональное конфликтогенное поле. Соответственно ведение культурно-религиозной экспансии, разрушения национальной идентичности обществ становится не светлой идеей объединенной планеты, а технологией ресурсной колонизации. Деятельность же спецслужб стран колонизаторов направлена на усиление и углубление этнокультурных противоречий, трансформации общественной толерантности в социальную, религиозную, национальную розню. Терроризм, экстремизм и сепаратизм выступают в этих технологиях пиковым значением и задачами подобной антиправовой деятельности. Поэтому в этом глобальном контексте вполне логичным представляется попытка любого государства создать систему национальной этнокультурной защиты, способной эффективно противостоять указанным деструкциям. А учитывая, что «при информа-

¹ Подготовлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 14-43-93016

ционализме производство благ, осуществление власти и создание культурных кодов стали зависимы от технологических возможностей общества с информационной технологией как сердцевинной этих возможностей» [2, 492-493] особое значение с системе этнокультурной национальной безопасности должно отводиться ИКТ.

Сама этнокультурная безопасность является достаточно широким понятием, включающая не только защиту общества от деструктивных влияний масс культуры и форм религиозного фанатизма, но и защищенность от противоречий возникающих внутри самого общества. Такими противоречиями может является религиозные конфликты, конфликты социально-экономические, конфликты на национальной почве, потеря культурной идентичности и многие иные проявления этно-культурной специфик. Так, например, незаконная миграция формирует сильное конфликтологическое поле между мигрантами и местным населением, создавая благоприятные условия развития экстремизма на межэтнической и межрелигиозной основе. Для противодействия данной угрозе Постановлением Правительства РФ от 14.02.2007 № 94 (ред. от 02.10.2014) «О государственной информационной системе миграционного учета» введена Государственная информационная система миграционного учета [3]. Такие электронные средства как цифровая дактилоскопия, электронный паспорт применяемые при контроле въезда и выезда на территории развитых государств, объединенные с единым информационным ресурсом, повышают эффективность отечественных государственных органов миграционного учета и контроля.

Следующим сектором ИКТ обеспечивающим этнокультурную безопасность и оптимизирующим этнокультурную политику является электронные технологии в сфере образования и культуры. Здесь следует отметить, что в последние годы государство достаточно активно развивает не только Интернет ресурс Министерства образования и науки РФ – <http://минобрнауки.рф>, который носит преимущественно информативный характер, но и обеспечивает режим обратной связи с образовательной средой и потребителями образовательных услуг посредством ресурса Федеральной службы по надзору с сфере образования и науки (<http://obrnadzor.gov.ru>) и сопутствующих ресурсов.

В частности, соблюдение прав в сфере образования обеспечивает электронная приемная (<http://obrnadzor.gov.ru>), позволяющая задать вопросы компетентному специалисту, а также проинформировать Федеральную службу по надзору с сфере образования и науки о фактах коррупции в учебной организации и нарушения образовательных прав учащихся. Аналогичный режим обратной связи организован на сайте Министерства культуры РФ (<http://mkrf.ru>), дополняемый комплексом госуслуг по сохранению культурного населения страны.

Крайне важным в политике этнокультурной безопасности становится просвещение общества. От поверхностных и энциклопедичных знаний об исторических фактах, социальных и политических процессах к обеспечению их понимания и корректного толкования. Поскольку процесс качественного просвещения является антагонистом манипуляторных политических технологий, его массовое распространение должно стать приоритетом современной России. И отчасти элементы этого процесса мы можем наблюдать сегодня в СМИ, в том числе в серии документальных фильмов, журналистских репортажей и интервью с первыми лицами российского государства. Однако эти меры носят достаточно поверхностный, не фундаментальный и перманентный характер. Очевидно, что российское государство нуждается в рационализации общества на более глубинных культурно-интеллектуальных уровнях, обеспечить которые может только образование и самообразование граждан. В этой связи следует отметить высокий потенциал по разворачиванию информационной доступности национальных библиотек (например, <http://www.rsl.ru>). Сегодня хотя данные ресурсы и представлены в сети Интернет, но доступ к ним ограничен, прежде всего, платной основой оказания информационных услуг населению. Не следует игнорировать возможности ИКТ в плане патриотического воспитания на уровне самого государства, ограничиваясь исключительно партийными и гражданскими ресурсами. Создание специальных интернет площадок взаимодействия государства и молодежи, также может стать эффективным инструментом по противодействию молодежного экстремизма, который особенно активно используется в сетевых технологиях «цветных революций» [4].

Таким образом, ИКТ выступает мощным инструментом, позволяющим охватить значительную часть политически активного населения. Соответственно ведение культурного просвещения в сети Интернет через специальные государственные ресурсы позволило бы объективировать общественное сознание, обеспечить его устойчивость к влияниям деструктивных информационных технологий, так активно применяемых рядом недружественных России олигархических элит западных и восточных государств.

В целом же политика информационной и этнокультурной безопасности, выходящей сегодня на первое место как комплексное явление, включает в себя:

- правовую политику по законодательной регламентации информационного пространства России, включая его этнокультурный аспект;
- государственную политику информатизации России, в том числе компьютеризацию органов власти, образовательных и культурно-просветительских учреждений;

- политику Министерства образования и науки РФ по созданию цифровой и этнокультурной компетентности будущих выпускников школ и вузов;
- создание электронных подсистем государственного управления осуществляющих оптимизацию деятельности по мониторингу этнокультурных и религиозных процессов на региональных уровнях.

Из вышесказанного видно, что игнорировать влияния электронных средств коммуникации на этнокультурные коды уже невозможно. Зависимость современного общества от ИКТ, в том числе социальные сети, СМИ представленные в сети Интернет, блогерское влияние как технология продвижения информации и т.п. для молодых поколений стала более значительной частью чем телевидение и пресса. По сути идет создание коммуникативных площадок между заказчиками информационного влияния и обществом. В этом контексте закономерным представляется создание государством альтернативных каналов транслирования информации. Что сегодня можно противопоставить информационному влиянию кроме правовых и политических ограничений и запретов? Во-первых, уже разворачиваемые технологии облучения недостоверных источников информации, транслирование непротиворечивых данных, опровергающих деструктивные идеологии, в том числе в сети Интернет. Во-вторых, важным видится устранение главного аргумента черных информационных технологий на общество, который можно охарактеризовать как «отсутствие обратной связи государства с обществом и системы реагирования на требования общества». Причем речь идет не о российском обществе в целом, а об отдельных этнических группах, религиозных конфессиях.

Современная этнокультурная политика России должна включать в себя не только стратегию поддержки и защиту культурного многообразия и культурно-образующих религий, но и предоставление этническому меньшинству, представителем традиционных религиозных конфессий специальных коммуникативных площадок, на которых возможен диалог с государством. Использование ИКТ в этом разрезе позволит государственному аппарату своевременно и адекватно реагировать на этнокультурные проблемы, обеспечит их предотвращение на ранних стадиях развития, усилит национальное единство и согласие в многонациональном российском обществе. Говоря конкретно о потенциале разворачивания сети коммуникативных площадок, думается выделить такие из них, как:

- 1) базовая площадка для общественного контроля за состоянием культурно-исторических ценностей, памятников;
 - 2) базовая площадка для реализации этнических и религиозных инициатив в области образования;
 - 3) базовая площадка для надзора за соблюдением конституционных прав этнических меньшинств;
 - 4) информационная базовая площадка для проведения социологических и политических исследований отдельных этнокультурных мнений;
 - 5) базовая площадка для обращений представителей этнических меньшинств и религиозных организаций к федеральным органам власти с организацией соответствующего контроля реагирования на эти обращения.
- б) интернет-ресурс по мониторингу религиозных и этнических конфликтов.

Обобщая сказанное, отметим, что проблемное поле информационных технологий в вопросах этнокультурной безопасности России является многоаспектным и крайне сложным трендом. Многообразие вызовов системе национальной безопасности в этом измерении, глобальность последствий деформаций этнокультурного поля страны выводит рассмотренную нами проблему в разряд приоритетных исследований и практических проблем российской государственности. При этом глобальными вызовами являются не только деструктивные интернет-технологии, но и естественные состояния обществ населяющих территорию России. Так, одним из таких вызовов, например, является проблема электронного неравенства, наиболее остро представленная в социальных группах с традиционной культурой и консервативными религиозными взглядами. Отрицание данными группами значение информационных технологий в жизни общества, игнорирование технологических решений создают реальные проблемы в вовлечении отдельной группы населения в процессы информационно-коммуникационного обмена [5]. В то же время навязывание электронных технологий в ущерб чувствам верующим также вряд ли оправданно. Соответственно следует понимать, что переход на исключительно электронные формы взаимодействия общества и государства все-таки невозможен, а организация властных коммуникаций в традиционных формах, должно быть сохранено в ограниченных объемах, по крайней мере в среднесрочной перспективе. Сегодня приоритетной задачей российского государства является формирование нового, особого гражданского статуса – «электронный гражданин». И.Л. Бачило определяет понятие «электронный гражданин» как гражданина, способного «владеть компьютерной техникой и, главное, умеющего поставить вопрос перед источником информации, а также производить полезную информацию – вход в орбиту Электронного правительства» [6].

1. Информационная безопасность и вопросы профилактики киберэкстремизма среди молодежи (сборник статей) / под ред. Г.Н. Чусавитиной, Л.З. Давлеткириевой, Е.В. Черновой. – Магнитогорск: МаГУ, 2013. – 162 с.

2. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 492–493.
3. [Электронный ресурс]. <http://www.fms.gov.ru/about/infosystems/gismu/879/details/37538/>
4. Гапич, А.Э. Технологии цветных революций: монография / А.Э. Гапич, Д.А. Лушников. – 2-е изд. – М.: Инфра-М, 2014. – 126 с.
5. Русская православная церковь – против электронных удостоверений личности [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.rg.ru/2013/02/06/chip.html>
6. Бачило, И.Л. Государство и право XXI в. Реальное и виртуальное / И.Л. Бачило. – М.: Юридическое издательство «ОРКОМПАНИ», 2012. – 280 с.

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ЭВТАНАЗИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ И ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Д. Куприянова, студентка

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Проблема закрепления и реализации соматических прав человека приобретает все большую актуальность в современном обществе. Ключевым моментом этой проблемы является соотношение правового и этического аспекта в современном обществе. В данный момент участники дискуссии по этому вопросу не могут найти консенсуса. За закрепление такого соматического права человека, как эвтаназия высказываются такие ученые как М. Ковалев, Я. Гинтер, Ю. Дмитриев, Е. Шлекова и др. [2].

Вопрос об объективном существовании и необходимости законодательного закрепления и обеспечения соматических прав впервые поднял М. Лаврик [4]. Соматические права рассматриваются как права человека распоряжаться своим телом. К данным правопритязаниям относят осуществлять его «модернизацию», «реставрацию» и даже «фундаментальную реконструкцию», изменять функциональные возможности организма и расширять их технико-агрегатными либо медикаментозными средствами, право на смерть, изменение пола, гомосексуальные контакты, трансплантацию органов, употребление наркотиков или психотропных средств, право на искусственное репродуктивное, стерилизацию, аборт и клонирование [4. С. 24].

Одно из спорных и неоднозначных в науке и практике соматических прав человека – право на смерть (эвтаназия). Это право законодательно закреплено в некоторых странах и до сих пор является предметом дискуссий: можно ли ее легализовать? Нарушает ли ее легализация морально-этические нормы?

Эвтаназия (греч. «белая смерть») – это процесс принятия легкой смерти, которая позволяет человеку уйти из жизни достойно, легко и безболезненно. Существует два вида эвтаназии: активная и пассивная. В активной эвтаназии врач при помощи специальных средств умерщвляет пациента. При пассивной «белой смерти» пациент просит не продолжать его лечение или не продолжать поддерживать искусственным путем его жизнеспособность [3. С. 8].

Начиная с XIX века данный термин обозначал «умерщвление пациента из жалости». Потом во времена фашистской Германии, эвтаназию использовали для психически больных и неизлечимых пациентов. Тогда эвтаназия была принудительной мерой [Там же. С. 9]. В наши дни, современное общество вернулось к вопросу «гуманной смерти».

Но почему тогда общество, которое старается стремиться к гуманизму, отрицает и осуждает эвтаназию? Потому что, мировое сообщество не считает ее гуманной. В законодательстве большинства стран сказано, что эвтаназия не допустима с правовой точки зрения [Там же. С. 24].

Например, в Российской Федерации введение лекарств, прерывающих жизнь пациента, считается преступлением. Это закреплено в ст. 45 закона «Об охране здоровья граждан», где врачам запрещается «удовлетворять просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо действиями или средствами» [2. С. 57]. В это же время медицинские работники имеют право выписывать наркотические препараты, которые облегчают страдания больного, но медицинские работники в некоторых случаях отказываются помогать больному таким способом, опасаясь, что данные медикаменты могут вызвать наркотическую «зависимость», в то время как смертельно больному пациенту уже все равно, будет ли у него зависимость или нет.

В зарубежных странах и, с недавних пор, в России, развивается такое направление медицины, как паллиативная медицина, открываются хосписы. Некоторые государства легализовали эвтаназию (как пассивную, так и активную). Например, в Нидерландах существует практика использования эвтаназии не только для человека с неизлечимым физическим заболеванием, но и для таких пациентов с затяжной или тяжелой формой депрессии. Эвтаназия оказывается на дому: к больному приезжает специальная бригада

«скорой помощи», в состав которой входят нотариус, врач и врач-психолог. Психолог и врач осматривают пациента и, в случае необходимости, проводят процедуру эвтаназии [7].

Также эвтаназия узаконена в таких странах как Албания, Бельгия, Франция, Люксембург, Колумбия и Япония (в двух последних есть противоречивые законы и судебные прецеденты по данному вопросу). Пассивная эвтаназия легализована в таких странах как Израиль, Мексика, США, Швеция и Швейцария.

Албания была одной из первых европейских стран, позволившая легализовать эвтаназию в 1999 году. Пассивная эвтаназия, когда пациент не в состоянии дать согласие по причине своего физического состояния, такое как кома, также имеет законность осуществления, если предоставлено согласие на ее проведение от трех членов семьи. Закон остается спорным внутри страны в значительной степени из-за существенного влияния католической церкви в Албании [6].

Бельгия легализовала эвтаназию в начале XXI века, хотя задолго до этого правоохранительные органы не привлекали к ответственности врачей, которые предоставляли услуги эвтаназии неизлечимо больным пациентам [6].

Люксембург узаконил эвтаназию и принял закон об окончании жизни с помощью врача в 2008 году. Высший суд Колумбии в 1997 году принял решение об оправдании проведения эвтаназии, но парламент так и не принял соответствующий закон. В Японии, несмотря на существование закона, запрещающего эвтаназию, в 1962 году было принято решение суда, определившее критерии, которым должен соответствовать врач, для предоставления услуг пациенту на законной основе [6].

В Великобритании медикам за эвтаназию грозит до 14 лет тюрьмы, в Испании и Германии эвтаназия однозначно квалифицируется как убийство за исключением пассивной формы эвтаназии, специально закрепленной в законе. По просьбе смертельно больного человека медики могут прекратить с помощью медикаментов продлевать ему жизнь. В соответствии с законодательством штата Индиана (США) действует так называемое прижизненное завещание, в котором пациент официально подтверждает свою волю на то, чтобы его жизнь не продлевалась искусственным образом при определенных обстоятельствах. В 1977 году в штате Калифорния (США) после долгих лет обсуждений на референдумах был принят первый в мире закон "О праве человека на смерть", по которому неизлечимо больные люди могут оформить документ с изъявлением желания отключить реанимационную аппаратуру. Необходимо отметить, что во всех перечисленных примерах речь идет лишь о пассивной эвтаназии. Активная эвтаназия карается законом всех стран.

В любой стране, где эвтаназия запрещена, врача, у которого пациент отказался от продолжения лечения, могут назвать клятвопреступником и могут привлечь к уголовной ответственности, т.к. он не оказал медицинскую помощь, которая гарантируется государством. Именно врач несет ответственность за жизнь, лечение и смерть пациента.

Что же касается международного права, то оно не закрепляет четкую позицию по данной проблеме. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Европейская конвенция по защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и другие нормативно-правовые акты содержат положения, которые могут быть использованы для оправдания эвтаназии (например, о достоинстве личности). Во Всеобщей декларации прав человека, принятой резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года, в пункте I статьи 25 сказано: «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам» [1]. Статья 5 гласит: «Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию» [1]. Подобная идея содержится в Международном пакте о гражданских и политических правах от 11 декабря 1966г. в статье 7 «Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающему его достоинство обращению или наказанию. В частности, ни одно лицо не должно без его свободного согласия подвергаться медицинским или научным опытам» [5].

Вполне возможно, что гражданин, болеющий тяжелым заболеванием, согласен на эвтаназию. Скорее всего, для него именно она будет считаться медицинским опытом. Но он не может реализовать это свое право. А что может быть хуже, чем невозможность реализовывать свои права из-за предсмертного состояния, когда гражданин не в состоянии сказать хотя бы одно слово или принять помощь своих родных или помощь медперсонала? Разве нельзя назвать подобную ситуацию жестоким обращением, унижающее достоинство человека? Необходимо согласиться с мнением ученых, которые высказываются за легализацию эвтаназии. Потому что смертельно больной человек не может сразу умереть, но и не может полноценно жить. Так как законодательство запрещает эвтаназию, эти пациенты испытывают мучительную боль. Подобное положение унижает их человеческое достоинство.

Из всего вышесказанного можно вывод, что право на уважение человеческого достоинства должно, в конечном счете, обеспечиваться и через реализацию права на достойную смерть. Опираясь на такие термины как «этика», «мораль», «врачебная клятва Гиппократа», религиозные убеждения, современному обществу тяжело воспринимать легализацию «белой смерти» как средство милосердия, а не как способ лишения жизни пациентов.

1. Всеобщая декларация прав человека 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ declhr

2. Дмитриев, Ю.А. Права человека в Российской Федерации по осуществлению эвтаназии / Ю.А. Дмитриев, Е.В. Шлекова // Государство и право. – 2000. – №11. – С. 57-59.

3. Капинус, О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление: монография / О.С. Капинус. – М.: Изд. дом «Буквевед», 2006. – 400 с.

4. Лаврик, М.А. К теории соматических прав человека / М.А. Лаврик // Сибирский Юридический Вестник. – 2005. – № 3. – С. 24–25.

5. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/ decl_conv/conventions/pactpol.shtml

6. Опыт легализации эвтаназии в других странах. «Белая смерть». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gia.ru/spravka/20070417/63786753.html>

7. Сонькина, А. Некорректно связывать с «пассивной эвтаназией» хоспис и паллиативную медицину [Электронный ресурс] / А. Сонькина. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/anna-sonkina-nekorrektno-svyazyvat-s-passivnoj-evtanaziej-xospis-i-palliativnyuyu-medicinu/#ixzz3KcXi8EET>

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТНОШЕНИЙ ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ СОДЕРЖАНИЯ БЫВШИМИ СУПРУГАМИ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ

Ю.В. Ложкина, студентка

А.Р. Пурге

науч. рук., ст. преп. кафедры частного права

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Согласно статистическим данным количество разводов в нашей стране сохраняется на высоком уровне и имеет тенденцию к ежегодному росту. Расторжение брака влечет для бывших супругов ряд правовых последствий имущественного и неимущественного характера, в этой связи исследуя проблемы семьи и брака необходимо вторгаться в ближайшие сферы [1]. Одной из важнейших сфер семейных отношений является оказание материальной поддержки нуждающимся в ней членам семьи, в том числе, бывшим. И если обязанность предоставления содержания несовершеннолетним детям их родителями не вызывает сомнений, то вопросы содержания бывших супругов порождает немало споров, как в теории, так в практике семейных правоотношений.

В связи с тем, что имущественные отношения между бывшими супругами являются весьма разнообразными и подвержены регулированию как законом, так и соглашениями сторон, должны быть определены приоритеты в механизме правового воздействия на такие отношения. Для обозначения содержания, предоставляемого бывшим супругам, используются различные понятия: «материальная поддержка (помощь)», «материальное содержание», «алименты», при этом, лишь алиментное содержание обеспечивается мерами государственного принуждения и конкретизируется нормами семейного законодательства [2]. Алиментное обязательство представляет собой урегулированное нормами семейного права имущественное правоотношение, возникающее на основе соглашения сторон или решения суда, в силу которого одни члены семьи обязаны предоставить содержание другим ее членам, а последние вправе его требовать. Вопросы предоставления внутрисемейного содержания актуальны для любой правовой системы на любом уровне ее развития. Соответствующие правовые нормы о таком содержании, как правило, входит в систему семейного законодательства и напрямую зависят от уровня развития экономики государства и от тех функций, которые государство берет на себя, регулируя отношения в семье.

В современных условиях алиментные правоотношения между бывшими супругами носят достаточно сложный характер и потому заслуживают пристального внимания со стороны государства. Все споры в этой сфере семейных правоотношений должны находить правильное решение, т.к. от этого нередко зависит обеспечение жизненных нужд и благополучие наиболее социально уязвленных, нуждающихся в поддержке, граждан.

Обязанность оказывать материальную поддержку друг другу (выплачивать алименты) возлагается на отдельных членов семьи законом. Предполагается, что соответствующая поддержка должна оказываться добровольно, однако при отказе в предоставлении алиментов они подлежат взысканию в судебном порядке. Дела о взыскании алиментов относятся к одной из наиболее распространенных категорий дел, рассматриваемых и разрешаемых в порядке гражданского судопроизводства, в их числе и дела о взыскании алиментов на содержание бывших супругов. Так, в случае отсутствия алиментного соглашения между бывшими супругами алименты могут быть взысканы в судебном порядке при наличии определенных семейным законодательством оснований. Согласно ст. 90 СК РФ право требовать предоставления алиментов в судебном порядке от бывшего супруга, обладающего необходимыми для этого средствами, имеют:

- бывшая жена в период беременности и в течение трех лет со дня рождения общего ребенка;
- нуждающийся бывший супруг, осуществляющий уход за общим ребенком-инвалидом до достижения ребенком возраста восемнадцати лет или за общим ребенком-инвалидом с детства I группы;
- нетрудоспособный нуждающийся бывший супруг, ставший нетрудоспособным до расторжения брака или в течение года с момента расторжения брака;
- нуждающийся супруг, достигший пенсионного возраста не позднее чем через пять лет с момента расторжения брака, если супруги состояли в браке длительное время [3].

Действующее семейное законодательство не допускает возникновения алиментных правоотношений между лицами, состоящими в так называемом «гражданском браке». Суды, рассматривая и разрешая алиментные споры между указанными субъектами, отказывают в исках, независимо от наличия общих детей и продолжительности фактических семейных отношений. Так, в одном из решений мировой судьи по делу Ващенко к Валиеву о взыскании алиментов на содержание супруги указано следующее. Стороны в течение трех лет состояли в гражданском браке, от которого имеют несовершеннолетнего ребёнка. На основании судебного приказа ответчик выплачивает в пользу Ващенко алименты на содержание дочери в размере 1/4 части своих доходов, что не соответствует среднемесячному уровню прожиточного минимума для детей, установленному в регионе. Истец не работает, так как является студенткой 4 курса дневного отделения. Никаких доходов не имеет. При этом, содержит и воспитывает маленького ребёнка, что требует значительных затрат. Дохода на ребенка от алиментов не хватает даже на полноценное питание ребёнка. Ващенко считает, что в соответствии с ч. 1 ст. 90 СК РФ имеет право требовать предоставления алиментов в судебном порядке от бывшего супруга, обладающего необходимыми для этого средствами, как бывшая жена в течение трёх лет со дня рождения общего ребенка. Отказывая в иске, мировой судья указал, что ст. 90 СК РФ предусматривает право бывшего супруга на получение алиментов после расторжения брака, а брак между Ващенко и ответчиком в органах записи актов гражданского состояния не заключался. Поскольку государственная регистрация заключения брака между указанными сторонами не производилась, супружеские права и обязанности между ними (включая право на содержание) не возникли [4].

Нередко требование о предоставлении содержания супругу заявляется одновременно с иными требованиями: о расторжении брака; о взыскании алиментов на ребенка; о разделе совместно нажитого имущества. Так, в случае одновременного рассмотрения требований о расторжении брака и о взыскании алиментов на содержание супруга, возникает вопрос, какие нормы семейного законодательства подлежат применению при разрешении вопроса о взыскании алиментов в данной ситуации. Поскольку на момент рассмотрения требования о взыскании алиментов, брак между супругами, даже в случае принятия положительного решения судом, нельзя считать расторгнутым, алименты должны взыскиваться в соответствии со ст. 89 СК РФ [5]. Вместе с тем после вступления решения суда в силу, супруги становятся бывшими, следовательно взыскание алиментов должно осуществляться на основании требований ст. 90 СК РФ. Из материалов судебной практики следует, что суды в мотивировочной части таких решений, ссылаются, как правило, одновременно и на ст. 89 СК РФ (о взыскании алиментов на супругов), и на ст. 90 СК РФ (о взыскании алиментов на бывших супругов). Так, районным судом г. Москвы рассматривалось гражданское дело по иску Балугевой Д. А. к Балугеву Д. В. о расторжении брака, взыскании алиментов на детей и средств на содержание супруга до 3-х лет, разделе совместно нажитого имущества, внесении изменений в кредитные договора. Из материалов дела следует, что стороны состоят в зарегистрированном браке. От данного брака имеют несовершеннолетних детей. Истец указала, что жизнь с ответчиком не сложилась. Ответчик за весь период брака семью не содержал, нигде не работал, не принимал участия в воспитании детей и злоупотреблял наркотиками. Определенное время назад семья фактически прекратила свое существование, истица не проживает совместно с ответчиком, общего хозяйства не ведет, семейный бюджет отсутствует. Ответчик находится в Сизо г. Москвы. Учитывая, что стороны не возражали против расторжения брака, а решение о сохранении или прекращении брачных отношений является личным делом каждого из супругов, суд пришел к выводу об удовлетворении заявленных требований Балугевой Д.А. о расторжении брака. Также суд удовлетворил требования о взыскании алиментов на детей. В отношении взыскания алиментов на супруга суд указал следующее: «В силу ст. 89 СК РФ супруги обязаны материально поддерживать друг друга. В случае отказа от такой поддержки и отсутствия соглашения между супругами

об уплате алиментов право требовать предоставления алиментов в судебном порядке от другого супруга, обладающего необходимыми для этого средствами, имеет жена в период беременности и в течение трех лет со дня рождения общего ребенка. Статья 90 СК РФ также предусматривает право требовать предоставления алиментов в судебном порядке от бывшего супруга, обладающего необходимыми для этого средствами, бывшая жена в период беременности и в течение трех лет со дня рождения общего ребенка». Суд счел правомерным по ст. ст. 90, 91 СК РФ взыскивать с Балуева Д.В. алименты на содержание истицы до исполнения дочери В. 3-х летнего возраста в размере 9000 р. ежемесячно. Поскольку сведений о размере заработной платы ответчика нет ввиду нахождения последнего в СИЗО г. Москвы, суд исходил из величины прожиточного минимума, установленного в городе на момент рассмотрения дела. В остальной части иска было отказано [6].

Несмотря на то, что основания для взыскания алиментов на супруга и на бывшего супруга, в значительной мере перекликаются, их полный перечень не совпадает. В этой связи, представляется, что в случае, когда основание для взыскания алиментов предусмотрено исключительно для бывших супругов (ст. 90 СК РФ), соответствующее требование должно заявляться после вступления в силу решения о расторжении брака и рассматриваться в отдельном судебном заседании.

Приведенный пример из судебной практики относится к числу наиболее распространенных среди дел о взыскании алиментов на содержание бывших супругов с точки зрения основания требования. Так, чаще всего бывшие супруги обращаются в суды с соответствующим иском в период воспитания ребенка в возрасте до трех лет. При анализе судебных решений данной группы выявлена проблема различного толкования судами нормы о трехлетнем существовании права на заявление требования о взыскании алиментов. В большинстве случаев суды определяют срок выплаты алиментного содержания периодом до достижения ребенком трех лет. Вместе с тем, судебной практике известны и другие примеры. Например, судом апелляционной инстанции было отменено решение мирового судьи, которым удовлетворено требование о выплате алиментов бывшей супруге до достижения ребенком трехлетнего возраста. Отменяя решение мирового судьи, районный суд указал, что из содержания и смысла нормы закона не следует, что алименты на содержание супруга обязательно должны быть взысканы до дня достижения ребенком трёхлетнего возраста. С учётом имущественного и иного положения сторон, суд счел необходимым сократить период взыскания алиментов на содержание супруги до достижения ребёнком двухлетнего возраста [7]. Таким образом, существующая редакция п. 1 ст. 90 СК РФ не позволяет однозначно толковать норму о периоде существования права на получение содержания от бывшего супруга. В этой связи, представляется необходимым внести изменения в абзац первый п. 1 ст. 90 СК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Право требовать предоставления алиментов в судебном порядке от бывшего супруга, обладающего необходимыми для этого средствами, имеют: бывшая жена в период беременности, а также в течение трех лет со дня рождения общего ребенка на период до достижения ребенком трехлетнего возраста».

Алиментные правоотношения между бывшими супругами носят сложный, а нередко, конфликтный характер. Представляется, что при разрешении споров о взыскании алиментов, об освобождении или изменении алиментных обязательств, должны учитываться интересы обеих сторон, как получателя алиментов, так и плательщика. Статья 90 СК РФ предусматривает взыскание алиментов только в случае обладания бывшим супругом необходимыми для этого средствами. Вместе с тем критерии достаточности имущественного положения не имеют четкой законодательной регламентации, в результате чего, его оценка осуществляется судом по собственному усмотрению, что нередко приводит к принятию незаконных и необоснованных решений и их дальнейшей отмене вышестоящими судами. Можно привести следующий пример из судебной практики. Районный суд Омской области в порядке апелляционного производства рассматривал дело по апелляционной жалобе Печелатовой Е.В. на решение мирового судьи, которым постановлено: «В удовлетворении исковых требований Печелатовой Е.В. к Печелатову А.А. о взыскании алиментов на содержание бывшего супруга, имеющего ребенка до 3-х лет, отказать». Исследовав материалы дела и доводы апелляционной жалобы, суд апелляционной инстанции нашел решение мирового судьи подлежащим отмене, указав следующее. В силу ст. 90 СК РФ юридически значимым обстоятельством для разрешения данного спора является наличие у ответчика необходимых для выплаты алиментов денежных средств. По мнению суда апелляционной инстанции, вывод мирового судьи об отсутствии у ответчика необходимых для выплаты алиментов средств является необоснованным и опровергается исследованными в судебном заседании суда апелляционной инстанции доказательствами. При рассмотрении жалобы судом апелляционной инстанции были истребованы по ходатайству истицы Печелатовой Е.В. сведения о доходах Печелатова А.А. по месту работы. Согласно представленным сведениям ответчику начисляется заработная плата. Дорогостоящие препараты, необходимые ответчику для лечения, он получает бесплатно, другие препараты он приобретает самостоятельно. Исходя из размера прожиточного минимума, установленного в области на момент рассмотрения дела, у ответчика при установленном доходе, необходимости оплачивать алименты на ребенка, приобретать лекарственные средства, за вычетом средств на обеспечение прожиточного минимума, остаются денежные средства для выплаты алиментов на

бывшую супругу. В этой связи, решение мирового судьи было отменено судом апелляционной инстанции и принято новое решение о взыскании с Печелатова А.А. в пользу Печелатовой Е.В. алиментов на ее содержание до достижения ребенком возраста трех лет в твердой денежной сумме в размере 9 (девять) минимальных размеров оплаты труда – 900 (девятьсот) рублей, ежемесячно [8].

Алиментные правоотношения между супругами, за исключением случаев назначения алиментов бывшей жене, воспитывающей общего ребенка в возрасте до трех лет и ребенка-инвалида до 18 лет, носят длительный, фактически бессрочный характер. При этом в период существования алиментных правоотношений у сторон может измениться жизненная ситуация, что позволяет заинтересованной стороне обратиться в суд с требованием о прекращении таких правоотношений, либо об их изменении. Исследованные материалы судебной практики свидетельствуют о недостаточной законодательной защищенности бывшего супруга – плательщика алиментов в данной ситуации. Из рассмотренных судебных решений следует, что даже в случае существенного изменения положения плательщика алиментов (сокращение дохода, потеря работы, нетрудоспособность, вступление в новый брак) суды, как правило, сохраняют существующие алиментные обязательства, в редких случаях лишь сокращая размер алиментного платежа.

Нормы Семейного кодекса РФ, посвященные основанию и порядку взыскания алиментов на содержание бывших супругов, равно как и порядку освобождения от их уплаты, во многом не имеют конкретизации основных критериев и носят оценочный характер. Так, анализ судебной практики показал отсутствие единого подхода при определении и оценке имущественного положения сторон, юридического значения изменившихся жизненных обстоятельств и их влияния на существующие алиментные обязательства, а также при определении срока существования алиментных правоотношений между бывшими супругами. Кроме того, закон содержит и другие оценочные категории – «длительность брачных отношений», «непродолжительность пребывания в браке», «нуждаемость» и другие. При этом, от их правильного определения зависит не только законность и обоснованность вынесенных судебных постановлений, но и справедливость разрешения сложной жизненной ситуации, возникшей в отношениях между бывшими супругами.

В этой связи, представляется необходимым конкретизировать ряд положений семейного законодательства. Так, на основании сформировавшейся судебной практики по делам о взыскании алиментов на содержание бывших супругов, предлагается внести следующие изменения в Семейный кодекс РФ:

– Дополнить ч. 1 ст. 90 СК РФ двумя абзацами следующего содержания: «Необходимыми признаются средства, обеспечивающие плательщику алиментов после уплаты алиментов сохранение достатка в размере не ниже величины установленного прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения»; «Нуждаемость бывшего супруга определяется разностью его доходов и расходов на лечение, исходя из принципа обеспечения его содержания на уровне не ниже величины установленного прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения»;

– Пункт четвертый ч. 1 ст. 90 СК РФ изложить в следующей редакции: «нуждающийся супруг, достигший пенсионного возраста не позднее чем через пять лет с момента расторжения брака, если супруги состояли в браке более десяти лет»;

– Уточнить один из пунктов ст. 92 СК РФ, указав следующее: «Суд может освободить супруга от обязанности содержать другого нетрудоспособного нуждающегося в помощи супруга или ограничить эту обязанность определенным сроком как в период брака, так и после его расторжения: в случае пребывания супругов в браке менее одного года».

На основании анализа материалов судебной практики, можно заключить, что споры по делам о взыскании алиментов, возникающие между бывшими супругами, относятся к достаточно распространенной категории гражданских дел. Данное обстоятельство свидетельствует, во-первых, о том, что немало людей, после расторжения брака, испытывают острую необходимость в дополнительном содержании; во-вторых, о том, что бывшие супруги, несмотря на возможность самостоятельного решения вопроса по содержанию, путем заключения алиментного соглашения, предпочитают судебный способ урегулирования проблемы. При этом из содержания судебных постановлений апелляционной и кассационной инстанций следует, что с решениями судов по урегулированию таких споров, зачастую не согласны обе стороны – как истец, так и ответчик. В то же время алиментное соглашение, могло бы позволить разрешить целый ряд вопросов между бывшими супругами путем взаимных уступок и дополнительных уточнений. В случае же отсутствия такого соглашения, у бывших супругов сохраняется возможность самостоятельного урегулирования вопросов алиментного содержания, путем заключения мирового соглашения в рамках судебного производства. Однако на практике такая возможность используется лишь в редких случаях. Вместе с тем, утвержденное судом мировое соглашение имеет те же правовые последствия, что и решение суда, а именно, в случае отказа стороны от добровольного исполнения его условий, оно подлежит принудительному исполнению. Изложенная ситуация позволяет говорить о недостаточной осведомленности

граждан о преимуществах такого способа разрешения споров, а также о необходимости более активного развития в стране примирительных процедур как в рамках гражданского судопроизводства, так и вне суда.

1. Фатеева, С.В. Брак и семья в современном обществе: проблема культурного наследия / С.В. Фатеева // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 4. – С. 66-69
2. Смолина, Л.А. Правовое регулирование отношений супругов и бывших супругов: дис.... канд. юрид. наук / Л.А. Смолина. – Челябинск, 2006. – 184 с.
3. Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 1995г. №223-ФЗ (в ред. от 05.05.2014 № 126-ФЗ) [Электронный ресурс] / СПС «Консультант плюс»
4. Решение мирового судьи судебного участка №2 по Туймазинскому району и г. Туймазы Республики Башкортостан по делу №2-76/12 от 20 февраля 2012 года [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.gcourts.ru/case/3889968>
5. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05 ноября 1998 № 15 (в ред. от 06.02.2007 № 6) [Электронный ресурс] / СПС «Консультант плюс»
6. Решение Тушинского районного суда (город Москва) по делу № 2-5136/2013 от 24 сентября 2013 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sudact.ru/>
7. Апелляционное решение Будённовского городского суда Ставропольского края по делу № 11-19/2011 от 10 июня 2011 года – Электронная база судебных решений «РосПравосудие» / Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-budennovskij-gorodskoj-sud-stavropolskij-kraj-s/act-101700692/>
8. Апелляционное решение Нововаршавского районного суда Омской области по делу № 11-2/2011 от 22 марта 2011 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sudact.ru/>

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ КЛОНИРОВАНИЯ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Т.Н. Нгуен, студент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Проблема клонирования приобретает все большую актуальность. Ключевым моментом этой проблемы является противоположные мнения в применении клонирования человека, кроме того, это противоречит международному праву. Большинство участников дискуссии по этому вопросу высказываются негативно, так как человеку свойствен страх перед новым и неизведанным.

Научно-технический процесс – неотъемлемая и важная часть в современной жизни человека. Однако развитие науки и техники, особенно такое бурное и бесконтрольное, не только улучшает качество жизни человека, но также приводит человека к гибели и катастрофам. Создание оружия массового уничтожения, экологический кризис, техногенные катастрофы – это лишь часть тех негативных процессов, которые мы могли наблюдать и наблюдаем по сей день и которые повлекли за собой научно-технический прогресс.

Один из спорных вопросов, которые задают себе ученые, является вопрос о клонировании.

Клонирование (англ. cloning от др.-греч. κλών – «веточка, побег, отпрыск») – в самом общем значении – точное воспроизведение какого-либо объекта. Объекты, полученные в результате клонирования, называются клонами. Причём как каждый по отдельности, так и весь ряд.

Клонирование человека – это прогнозируемая методология, заключающаяся в создании эмбриона и последующем выращивании из эмбриона людей, имеющих генотип того или иного индивида, ныне существующего или ранее существовавшего.

Клонирование человека сейчас уже очень близко к реальности, благодаря историческому научному прорыву д-ра Яна Вильмута и его коллег из Великобритании. Возможность клонирования человека общественным мнением воспринимается неоднозначно, существуют обоснованные мнения «за» и «против».

В международном праве отношение мирового сообщества к клонированию человека представлено в нескольких нормативно-правовых актах.

Дополнительный Протокол к Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины, касающийся запрещения клонирования человеческих существ, был подписан 12 января 1998 г. 24 странами из 43 стран-членов Совета Европы (сама Конвенция принята Комитетом министров Совета Европы 4 апреля 1997 г.).

Декларация Организации Объединенных Наций о клонировании человека была принята резолюцией 59/280 Генеральной Ассамблеи от 8 марта 2005 года. В ходе дискуссии на уровне ООН рассматривалось несколько вариантов декларации: Бельгия, Британия, Япония, Южная Корея, Россия и ряд других

стран предлагали оставить вопрос о терапевтическом клонировании на усмотрение самих государств; Коста-Рика, США, Испания и ряд других выступили за полный запрет всех форм клонирования. Следует отметить также Резолюцию Комиссии по правам человека «Права человека и биоэтика» и Резолюцию ЭКОСОС «Генетическая конфиденциальность и не дискриминация».

В 2002 году в Российской Федерации был принят Федеральный закон «О временном запрете на клонирование человека» № 54-ФЗ. Как было указано в его преамбуле, закон вводил временный (сроком на пять лет) запрет на клонирование человека, исходя из принципов уважения человека, признания ценности личности, необходимости защиты прав и свобод человека и учитывая недостаточно изученные биологические и социальные последствия клонирования человека. С учетом перспективы использования имеющихся и разрабатываемых технологий клонирования организмов предусматривается возможность продления запрета на клонирование человека или его отмены по мере накопления научных знаний в данной области, определения моральных, социальных и этических норм при использовании технологий клонирования человека.

Согласно ст. 4 Закона, лица, виновные в его нарушении, несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Срок действия закона истёк в июне 2007 года, и в последующие два года вопрос клонирования человека никак не регулировался на национальном уровне. В 2009 году был представлен законопроект, вносящий Федеральный закон «О временном запрете на клонирование человека» поправки, продлевающие мораторий на клонирование на неопределенный срок – до вступления в силу закона, устанавливающего порядок применения биотехнологий в этой области. Причина запрета была указана в пояснительной записке к законопроекту: «Клонирование человека встречается с множеством юридических, этических и религиозных проблем, которые на сегодняшний день ещё не имеют очевидного разрешения». Было оговорено, что клонирование других организмов, а также любых клеток, в том числе человеческих, в исследовательских целях не запрещено (ст. 2. Федерального закона «О временном запрете на клонирование человека» в редакции от 29.03.2010).

6 декабря 2010 года Минздравсоцразвития объявил о намерении провести через Думу Федеральный закон «О биомедицинских клеточных технологиях», которым предлагалось ввести бессрочный запрет на клонирование человека. В ответ на это российское трансгуманистическое движение организовало акцию по сбору подписей против запрета на клонирование человека с целью добиться отмены запретов на клонирование человека и использование эмбриональных стволовых клеток, а также пересмотра системы регулирующих правил в сторону их упрощения.

В заключение нужно отметить, что с современным развитием науки и техники клонирование может сыграть важную роль в помощь людям, страдающим тяжелыми генетическими болезнями. Но нужно сказать, что человечество не готово к жертвованию и риску. Кроме того, клонирование также противоречит нормам международного права, так как представляет потенциальную опасность жизни человека в будущем.

1. Генетическая конфиденциальность и недискриминация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/ecosoc/docs/2004/r2004-9.pdf>

2. Декларация Организации Объединенных Наций о клонировании человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_clon.shtml

3. Дополнительный протокол к Конвенции о защите прав и достоинства человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/168.htm>

4. Права человека и биоэтика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G03/136/82/PDF/G0313682.pdf?OpenElement

5. Стивен, Вир. Клонирование человека: Аргументы в защиту [Электронный ресурс] / Стивен Вир. Режим доступа: transhumanism-russia.ru/content/view/206/110/

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСЫНОВЛЕНИЯ (УДОЧЕРЕНИЯ) РЕБЕНКА ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ

М.А. Уваровская, студентка

А.Р. Пурге

науч. рук., ст. преп. кафедры частного права

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

г. Владивосток

Усыновление по праву рассматривается в качестве приоритетной формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, поскольку наиболее оптимально регулирует устройство таких детей. Семейное законодательство РФ предусматривает возможность усыновления российских детей, как гражданами России, так и иностранными гражданами, что в последнее время стало довольно распространенным явлением. Верховный Суд РФ, обобщив судебную практику за последние три года, пришел к выводу о том, что наметилась тенденция к снижению количества дел о международном усыновлении. Так, если в 2011 г. с вынесением решения было рассмотрено 3076 дел, в 2012 г. – 2426 дел, то в 2013 г. уже 1247 таких дел [1, 2, 3]. Однако, несмотря на снижение, количество дел об усыновлении иностранными гражданами российских детей остается значительным.

Основные положения, касающиеся международного усыновления, получили закрепление в международных актах, которым соответствует ст. 165 СК РФ, закрепляющая норму о том, что на территории РФ усыновление и удочерение детей российских граждан иностранными гражданами производится по законодательству государства, гражданином которого является усыновитель, или по законодательству государства, на территории которого усыновитель имеет постоянное место жительства на момент подачи заявления об усыновлении, удочерении ребенка [4]. Помимо законодательства указанных выше государств должны также соблюдаться с учетом положений международного договора РФ о межгосударственном сотрудничестве в области усыновления детей правила российского законодательства, а именно ряд норм СК РФ об усыновлении (удочерении), содержащихся в гл. 19 СК РФ. Как показывает судебная практика, при рассмотрении таких дел суды, прежде всего, проверяют, выполняются ли требования положений СК РФ.

Исходя из закрепленных в Семейном кодексе РФ норм об усыновлении (удочерении) детей следует, что в соответствии с п. 4 ст. 124 СК РФ усыновление (удочерение) детей иностранными гражданами допускается только в случаях, если не представляется возможным передать этих детей на воспитание в семьи граждан РФ, постоянно проживающих на территории РФ, либо на усыновление родственникам детей независимо от гражданства и места жительства этих родственников. При этом дети могут быть переданы на усыновление гражданам РФ, постоянно проживающим за пределами территории РФ, иностранным гражданам или лицам без гражданства, не являющимся родственниками детей, по истечении двенадцати месяцев со дня поступления сведений о таких детях в федеральный банк данных о детях, оставшихся без попечения родителей.

Иностранные граждане-кандидаты в усыновители вправе проводить процедуру усыновления ребенка как самостоятельно, так и через представительства иностранных органов и организаций, получивших разрешение на осуществление такой деятельности на территории России. По данным судебной статистики наибольшее количество детей усыновлялось в последние годы гражданами США, Италии, Испании, Франции, Германии. С 1 января 2013 г. Федеральным законом от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» было запрещено усыновление (удочерение) детей гражданами США, поскольку в этой стране были зафиксированы многочисленные случаи насилия над детьми, усыновленными в России, в том числе со смертельным исходом [5].

В соответствии с положениями гл. 29 ГПК РФ дела об усыновлении (удочерении) детей иностранными гражданами рассматриваются в порядке особого производства [6]. При этом иностранные граждане или лица без гражданства, желающие усыновить ребенка, являющегося гражданином РФ, подают заявление об усыновлении соответственно в верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области и суд автономного округа по месту жительства или месту нахождения усыновляемого ребенка. Правоприменительная практика свидетельствует о том, что дела о международном усыновлении систематически рассматриваются судами Российской Федерации. Согласно данным справок по итогам работы судебных коллегий по гражданским и административным делам Приморского краевого суда за 12 месяцев 2013 г. и за 6 месяцев 2014 г. Приморским краевым судом в 2013 г. было рассмотрено 43 дела об усыновлении детей иностранными гражданами, а в первом полугодии 2014 г. таких дел было рассмотрено 22.

Заявление об усыновлении (удочерении) ребенка должно удовлетворять требованиям, установленным ст. 271 ГК РФ. К заявлению должны быть приложены соответствующие документы. В частности, в качестве доказательств по таким делам рассматриваются: свидетельства о рождении и о браке усыновителей; медицинские заключения о состоянии здоровья усыновителей; документы о их доходах; документы, подтверждающие владение жильем; документы о постановке на учет в качестве кандидатов в усыновители; документы о прохождении подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей; заключения компетентного органа государства, гражданами которого являются усыновители, об условиях их жизни и о возможности быть усыновителями и иные документы, которые должны быть легализованы, если государство усыновителей не является участником Гаагской конвенции, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов, от 5 октября 1961 г., вступившей в силу для Российской Федерации с 31 мая 1992 г. [7]. Все документы представляются в суд в двух экземплярах.

В процессе подготовки к судебному разбирательству дел об усыновлении (удочерении) детей иностранными гражданами судья обязывает органы опеки и попечительства по месту жительства или месту нахождения усыновляемого ребенка представить в суд заключение об обоснованности и о соответствии усыновления интересам усыновляемого ребенка с приложением всех необходимых документов, установленных законом.

Требованием закона является рассмотрение заявления об усыновлении (удочерении) в закрытом судебном заседании с обязательным участием усыновителей (усыновителя), представителя органа опеки и попечительства, прокурора, ребенка, достигшего возраста четырнадцати лет, а в необходимых случаях родителей, других заинтересованных лиц и самого ребенка в возрасте от десяти до четырнадцати лет. Суд, рассмотрев заявление об усыновлении, принимает решение, которым удовлетворяет просьбу усыновителей (усыновителя) об усыновлении ребенка или отказывает в ее удовлетворении.

Анализ судебных решений по делам об усыновлении (удочерении) детей иностранными гражданами позволил сделать вывод, что в большинстве случаев усыновляемыми (усыновленными) лицами были мальчики (в 65% случаев), нежели девочки (35% случаев). Наиболее часто усыновлялись дети в возрасте 3–4 года.

На основе изучения материалов правоприменительной практики по делам об усыновлении (удочерении) детей иностранными гражданами можно сделать вывод, что в большинстве случаев заявления об установлении усыновления удовлетворяются судом. Ключевым основанием удовлетворения судами заявлений об усыновлении (удочерении) детей иностранными гражданами явилась невозможность передачи детей на воспитание в семьи граждан РФ, постоянно проживающих на территории РФ, либо на усыновление родственникам детей независимо от гражданства и места жительства этих родственников (п. 4 ст. 124 СК РФ) – 87% случаев. В 13% случаев основанием усыновления (удочерения) детей явилась также в дополнение к указанному основанию невозможность усыновления братьев и сестер разными лицами (п. 3 ст. 124 СК РФ).

Анализ оснований, по которым на практике суды отказывали в удовлетворении заявлений об установлении усыновления (удочерения) иностранным гражданам, позволил сделать выводы, что в наибольшем количестве случаев суд отказывал в случае непредставления суду установленных законом документов или представления их в ненадлежащей форме, без легализации в установленных законом случаях (27%). Также весьма распространенным основанием отказа было непринятие органами опеки и попечительства достаточных мер к устройству детей на воспитание в семьи родственников и граждан Российской Федерации и наличие реальной возможности передачи ребенка на воспитание указанным гражданам (16%). В 11% случаев было отказано вследствие невыполнения требования об усыновлении братьев и (или) сестер одними и теми же лицами. В 10% случаев вследствие выявленного в ходе судебного заседания несоответствия усыновления (удочерения) интересам ребенка. По 6% от общего количества оснований к отказу составили: отрицательное заключение органа опеки и попечительства по вопросу об усыновлении (удочерении) ребенка; отказ усыновляемого (удочеряемого) ребенка от усыновления (удочерения); отсутствие у усыновителей материальных и жилищных условий для полноценного физического, психического, духовного и нравственного развития ребенка; отсутствие эмоциональной привязанности ребенка к усыновителям; несоответствие возраста усыновляемого ребенка пожеланиям заявителей, отраженным в социально-психологическом отчете, составленном на территории иностранного государства и значительная разница в возрасте между усыновителями и ребенком, что не отвечало требованиям иностранного законодательства, а также интересам ребенка.

Рассмотрение дел об усыновлении (удочерении) детей иностранными гражданами всегда связано с разрешением ряда сложных вопросов, стоящих перед судом при вынесении решения по делу. Обобщение практики рассмотрения таких дел показало, что в этой сфере существуют проблемные аспекты, которые связаны с недостаточно четким правовым регулированием, в связи с чем, необходимо дополнить и систематизировать существующие положения Семейного кодекса РФ в этой части.

Так, одной из проблем является проблема защиты прав и законных интересов биологических родителей усыновляемых (удочеряемых) детей, поскольку их права и интересы зачастую игнорируются. Семейный кодекс РФ в ст. 130 устанавливает правовые основания передачи ребенка на усыновление без согласия его родителей. Среди них – признание судом факта неуважительности причин неучастия родителей в воспитании и содержании своих детей более шести месяцев. Однако до настоящего момента остается неурегулированным сам механизм судебного признания этих причин неуважительными, что на практике приводит к весьма печальным последствиям. Необходимо этот механизм уточнить и конкретизировать в законе. Также необходимо обязательно привлекать в дело родителей (родителя) усыновляемого (удочеряемого) ребенка, а в случае невозможности – родственников ребенка. Кроме того, думается, что такие сложные дела, как дела об усыновлении (удочерении) детей иностранными гражданами должны рассматриваться только коллегиально, чтобы суд в процессе обсуждения мог прийти к единственно правильному решению дела. При единоличном рассмотрении суд фактически лишен такой возможности.

Проблемным аспектом является возможность усыновления (удочерения) детей иностранными гражданами, если дети уже были переданы им в семью на воспитание или под опеку, поскольку в этом случае сведения о детях в государственный банк данных не направляются. Таким образом, поскольку сведений нет, суд может отказать в удовлетворении заявления об установлении усыновления, а между тем, усыновление является приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей, по сравнению с другими формами. В связи с этим требуется дополнение и уточнение положений Семейного кодекса РФ, например, путем внесения в ст. 124 п. 2.1 следующего содержания «усыновление допускается в отношении детей, находящихся под опекой потенциальных усыновителей или переданных в приемную семью потенциальных усыновителей, при отсутствии сведений об этом ребенке в государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей».

Еще одной проблемой, выявленной в ходе анализа материалов судебной практики, является проблема учета политической обстановки в стране, гражданами которой являются потенциальные усыновители. Не секрет, что в настоящее время в мире существует несколько «горячих точек», где ведутся военные действия. Думается, что для решения обозначенной проблемы целесообразно включить в п. 1 ст. 123 Семейного кодекса РФ абзац следующего содержания: «При устройстве ребенка должна учитываться политическая ситуация в стране, гражданами которой являются потенциальные опекуны, попечители или усыновители. Данные о политической ситуации должны запрашиваться судом при подготовке дела к судебному разбирательству в каждом конкретном случае в уполномоченных государственных органах». Это позволит исключить усыновление, не соответствующее интересам ребенка.

Также проблемой является вынесение судами решений об отказе в усыновлении ребенка по надуманным основаниям. Имеются примеры таких судебных решений, когда суд первой инстанции, «перестраховываясь» определенным образом, выносит решение об отказе в усыновлении (удочерении) ребенка иностранными гражданами, неправильно истолковав нормы материального и процессуального права. Подобные решения могут отменяться или изменяться только судом вышестоящей инстанции, если кто-либо из заинтересованных лиц обжалует решение. В противном случае, ребенок лишается права жить и воспитываться в семье. Для решения проблемы целесообразно закрепить в Семейном кодексе РФ четкие основания, по которым в удовлетворении заявления об усыновлении (удочерении) может быть отказано. В настоящее время такого перечня нет.

В целом можно заключить, что процедура усыновления (удочерения) детей иностранными гражданами нуждается в уточнении и оптимизации. При этом, как справедливо подчеркивает П. Влаардингер-Бройк, «государственные органы обязаны устанавливать адекватные процедуры, тщательно следить за их выполнением и регулярно контролировать как приемных родителей, так и агентства, выступающие посредниками между государствами происхождения детей и приемными родителями. Усыновление (удочерение) должно отвечать наилучшим интересам ребенка. Если это не так, органы власти должны искать другие решения» [8].

1. Обзор практики рассмотрения в 2011 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации. Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 23 мая 2012 г. [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс».

2. Обзор практики рассмотрения в 2012 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации. Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 22 мая 2013 г. [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс».

3. Обзор практики рассмотрения в 2013 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Феде-

рации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации. Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 2 июля 2014 г. [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс».

4. Семейный кодекс РФ: федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 04.11.2014 г. № 333-ФЗ) // Российская газета. – 2014. – 7 ноября. – С. 1-3.

5. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (Часть I). – Ст. 7597.

6. Гражданский процессуальный кодекс РФ: федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 21.07.2014 г. № 232-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 30 (часть I). – Ст. 4233.

7. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) [Электронный ресурс] / СПС «Референт Дельта».

8. Влаардингербойк П. Международное усыновление (удочерение) [Электронный ресурс] / Развод и право: Портал юридического центра. – 2014. – Режим доступа: <http://www.to-1.ru/articles/173/>.

9. Справка по итогам работы судебных коллегий по гражданским и административным делам Приморского краевого суда за 12 месяцев 2013 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Приморского краевого суда. – 2014. – Режим доступа: <http://kraevoy.prm.sudrf.ru>.

10. Справка по итогам работы судебных коллегий по гражданским и административным делам Приморского краевого суда за 6 месяцев 2014 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Приморского краевого суда. – 2014. – Режим доступа: <http://kraevoy.prm.sudrf.ru>.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО УСЫНОВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Д.Н. Хашимова

*Межгосударственное образовательное учреждение высшего профессионального
образования «Российско-таджикский (славянский) университет»
г. Душанбе*

Институт усыновления известен всем современным правовым системам.

Усыновление (удочерение) – юридический акт, в результате которого между усыновителем и его родственниками, с одной стороны, и усыновленным ребенком – с другой, возникают такие же права и обязанности, как между родителями и детьми, а также их родственниками по происхождению [2, 299].

На сегодняшний день международное усыновление, по своей сути, довольно таки распространенное явление. Но как показывает практика, международное усыновление сталкивается с очень серьезными проблемами, не редко даже влечет чреватые последствия. В частности, за последние годы во многих странах были зафиксированы факты жестоко обращения и даже смерти детей, усыновленных иностранными гражданами. Это, в свою очередь, свидетельствует о несовершенстве положений законодательства, касающегося порядка и условий усыновления, о ненадлежащем исполнении должностными лицами своих полномочий по проверке кандидатов на роль усыновителей. Такое положение требует совершенствование правовых механизмов регулирования отношений по международному усыновлению.

Согласно ст. 127 Семейного кодекса Республики Таджикистан усыновителем может выступать только дееспособное лицо – гражданин Таджикистан. Как вытекает из положений указанной нормы, в Республике Таджикистан международное усыновление не допускается.

Такой подход государства к регулированию вопроса международного усыновления был оправдан тем, что, во-первых, в Таджикистане достаточное количество отечественных граждан, желающих усыновить детей; во-вторых, в стране существуют большое количество детских учреждений, где помещаются дети, оставшиеся без попечения родителей, и в Таджикистане достаточная социально-экономическая база, необходимая для содержания этих учреждений. Иначе говоря, Республика Таджикистан не нуждается в международном усыновлении.

Как заявил на момент принятия поправок тогдашний Министр образования Абдуджаббор Рахмонов, что «существуют факты, когда наши дети, которые были усыновлены иностранцами, не воспитываются на должном уровне, и зачастую они подвергаются эксплуатации» [7]. Однако конкретные примеры насилия над детьми, усыновленными иностранными гражданами, не были приведены. Государственные чиновники отмахнулись тем, что «официально таких фактов не зарегистрировано, и в практике таджикских судов не было случаев рассмотрения таких дел. Но, по неподтвержденным данным, за рубежом были отмечены такие случаи» [7].

На сегодняшний день в таджикском обществе не сложилось единого мнения по вопросу допустимости или недопустимости усыновления таджикских детей иностранцами. В частности, одни считают, что запрет международного усыновления наиболее приемлемым для условий Таджикистана. Ведь до приня-

тия поправок в Семейный кодекс РТ в 2006 году иностранцев, желающих усыновить таджикских детей, было не малое количество. Такой поток международного усыновления в Таджикистане объяснялся следующими факторами:

- во-первых, более короткие процедурные сроки для усыновления, тогда как в большинстве стран процесс усыновления мог затягиваться на годы;

- во-вторых, дешевизна процедуры усыновления. В Таджикистане пошлина, которую выплачивали иностранные граждане за усыновление, был приравнен размеру одной минимальной заработной платы (около 2, 5 доллара США).

Несомненно, существовавшая система упрощенного порядка процедуры усыновления детей в Таджикистане приводила к востребованности таджикских детей для международного усыновления. Наряду с этим в стране не был налажен механизм, позволяющий надлежащим образом отслеживать судьбу усыновленных детей. Поэтому власти страны были серьезно обеспокоены тем, в какие руки попадут дети и как сложится их дальнейшая судьба. Исходя из этого, введение запрета на международное усыновление исключает риск использования таджикских детей для неблагоприятных целей иностранными лицами.

Вместе с тем представляется, что такой запрет ограничивает права таджикских детей на возможность усыновления и обретения семьи. Ведь по официальным данным в настоящий момент в стране насчитывается более 102 тыс. детей, оставшихся без попечения родителей. В нашей стране очень много желающих усыновить детей. Например, по городу Душанбе ежегодно в очередь на усыновление встают около 200 семей, по г. Ходжент – 330 семей. И, как показывает практика, из-за процедурных сложностей усыновления, связанных с оформлением документов, из указанного количества семей в год могут стать усыновителями, например, по г. Душанбе только 8 семей, что является очень низким показателем. При этом потенциальные родители усыновляют в основном мальчиков и не хотят усыновлять больных и с ограниченными возможностями детей.

В отличие от Республики Таджикистан ст. 127 Семейного кодекса Российской Федерации допускает международное усыновление в Российской Федерации. Между тем вопросы международного усыновления в Российской Федерации за последние годы также приобрели острейший характер.

В феврале месяце 2013 года МИД РФ заявил, что «находит целесообразным приостановить усыновление гражданами США российских детей. МИД РФ сомневается в способности американских властей надлежащим образом защищать приемных детей из России» [1]. Так, по разным данным, в США к 2011 году умерли от 18 до 21 детей. Последняя цифра даже расшифровывалась: 6 россиян погибли от жестокого обращения американских родителей, 15 умерли по тем или иным причинам (ДТП, болезнь, и т.п.) [1].

В ответ на указанное положение Президент России подписал Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», статья 4 которого вводит запрет усыновления российских детей гражданами США: «Запрещается передача детей, являющихся гражданами Российской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданам Соединенных Штатов Америки, а также осуществление на территории Российской Федерации деятельности органов и организаций в целях подбора и передачи детей, являющихся гражданами Российской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданам Соединенных Штатов Америки, желающим усыновить (удочерить) указанных детей».

На основании вышеизложенного хотелось бы отметить, что, на наш взгляд, отмена международного усыновления в Республике Таджикистан является нецелесообразным по следующим причинам:

- во-первых, в современных условиях в Таджикистане многие дети лишены внимания и опеки, голодают и не имеют возможности получить образование. Государство воспитывает детей, оставшихся без попечения родителей, в детских учреждениях до достижения ими 18 лет. По достижению совершеннолетия эти дети покидают стены детских учреждений и практически получается, что они брошены на произвол судьбы – без определенной работы, без определенного места жительства. Ведь государство на данном этапе своего развития не может этих детей обеспечить жильем, работой и т.п. В результате такие дети, столкнувшись с суровыми законами судьбы и не находя своего места в обществе, становятся преступниками. Поэтому, запрещая практику международного усыновления, можно не допустить использования наших детей в неблагоприятных целях за границей, но отнюдь невозможно предотвратить жестокое обращение с ними здесь, на родине. Тогда как есть вполне реальные шансы, что при усыновлении таджикских детей иностранными гражданами, они за границей обретут достойную жизнь и достойное образование;

- во-вторых, нет соответствующих доказательств, подтверждающих факты насилия над таджикскими детьми, усыновленными иностранцами. Тогда как можно утверждать, что международное усыновление вредит нашим детям;

- в-третьих, ограничиваются права на усыновление иностранных лиц, которые ранее были гражданами Республики Таджикистан, но по тем или иным причинам, стали иностранными гражданами. Например, в СМИ широко освещалась проблема девочки по имени Дина, мать которой при трагических обстоятельствах убили. После смерти матери девочка осталась на попечение бабушки и дедушки, которым

под семьдесят лет. У Дины есть родная тетя – сестра мамы Елена, которая в 1994 году из Душанбе уехала с мужем в Германию, где приняла немецкое гражданство. Елена не раз пыталась удочерить Дину и увезти с собой за границу, но ей всегда отказывали по причине того, что Семейный кодекс РТ не допускает международное усыновление. Теперь получается, что Дина будет жить с бабушкой и дедушкой. А что будет после смерти ее бабушки и дедушки? Конечно же, ее устроят в определенное детское учреждение. Получается, что Таджикистан предпочитает отдать ребенка в руки детских домов, нежели обеспечить надлежащее воспитание детей в семье среди родных и близких. Статья 1 Семейного кодекса РТ закрепляет принцип приоритета семейного воспитания детей, однако данный принцип не учитывается при усыновлении детей иностранцами;

– в-четвертых, норма Семейного кодекса РТ, запрещающая международное усыновление напрямую, не соответствует ст. 21 Конвенции о правах ребенка, которая гласит, что государства-участники, которые признают и/или разрешают существование системы усыновления, обеспечивают, чтобы наилучшие интересы ребенка учитывались в первостепенном порядке, и они:

b) признают, что усыновление в другой стране может рассматриваться в качестве альтернативного способа ухода за ребенком, если ребенок не может быть передан на воспитание или помещен в семью, которая могла бы обеспечить его воспитание или усыновление, и если обеспечение какого-либо подходящего ухода в стране происхождения ребенка является невозможным.

c) обеспечивают, чтобы в случае усыновления ребенка в другой стране применялись такие же гарантии и нормы, которые применяются в отношении усыновления внутри страны,

d) принимают все необходимые меры с целью обеспечения того, чтобы в случае усыновления в другой стране устройство ребенка не приводило к получению неоправданных финансовых выгод связанными с этим лицами,

e) содействуют в необходимых случаях достижению целей настоящей статьи путем заключения двусторонних и многосторонних договоренностей или соглашений и стремятся на этой основе обеспечить, чтобы устройство ребенка в другой стране осуществлялось компетентными властями или органами.

Исходя из этого можно сделать вывод, что наши законодатели пошли по пути наименьшего сопротивления: зачем что-то создавать, с кем-либо сотрудничать, стремиться обеспечить устройство детей в другой стране, когда можно просто запретить.

Обобщая вышеизложенное, хотелось бы отметить, что, на наш взгляд, было бы лучше не запрещать международное усыновление, а наоборот, отдать приоритет для усыновления детей отечественными гражданами, а после – иностранными гражданами. Наряду с этим в нашей стране также необходимо развить механизм отслеживания дальнейшей судьбы усыновленных детей иностранными гражданами.

1. Жить в приёмной семье в России в 39 раз опаснее, чем в США [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://tfolk.ru/?p=10148>.

2. Каменецкая, М.С. Семейное право России: учеб.-практ. пособие / М.С. Каменецкая. – М.: ЕАОИ, 2007. – 387 с.

3. Конвенция о правах ребенка, 1989.

4. Семейный кодекс Республики Таджикистан // Ахбори Маджлиси Оли РТ 1998. №22. Ст.303; 2006., №4. ст. 196; 2008. №3. ст. 201; 2010. №7. ст. 546; Закон РТ от 25.03.2011года №710; Закон РТ от 26.12.11г., №791.

5. Семейный кодекс Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 29 декабря 1995 г.: по состоянию на 20.11. 2014 г.] [Электронный ресурс]. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» <http://www.fergananews.com/articles/6499>

ЧАСТНО-ПРАВОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТОВ КИТАЙСКОГО И РОССИЙСКОГО ПРАВА СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

М.К. Бухарина, Чжоу Кэюй, Ли Чжэнь

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Слово «право» в русском языке может использоваться как для обозначения юридических, так и неюридических явлений.

Такие словосочетания, как «естественное право» и «права человека» не имеют формально-юридического смысла. Право выступает в качестве одного из видов *регуляторов общественных отноше-*

ний. Деление права на частное и публичное осуществляется по критерию того, чьи интересы затрагивают регулируемые нормой отношения – индивидуальные или общественные.

Целью данной работы является обеспечение единообразного решения одного и того же вопроса в разных государствах.

Актуальность работы обусловлена усложнением связей и отношений социума, комплексный характер которых объективно требует интеграции права в частно- и публично-правовые блоки, что вызывает потребность определения новых граней общности и различия отраслей права для более полного использования потенциальных возможностей системы права в обеспечении эффективной правовой регламентации. Также весьма актуальными для нас становятся вопросы непосредственно развития частного права в настоящее время, потому что российское законодательство нестабильно. В юридическом смысле все правовые системы равны между собой, но, с другой стороны, в содержательном аспекте они отличаются.

Объектом данного исследования являются частноправовые отношения.

Субъектом данного исследования являются физические, юридические лица, обладающие по международному частному праву способностью осуществлять права и обязанности, а также государства.

Частное право регулирует имущественные и личные неимущественные отношения между физическими и юридическими лицами, то есть те отношения, которые возникают между равными субъектами, не носят публичного характера.

Частное право имеет набор определенных признаков:

- 1) регулирует отношения частных лиц между собой;
- 2) обеспечивает частный интерес: акцентирует внимание на экономической свободе, свободном самоизъявлении и равенстве товаропроизводителей, защите собственников от произвола государства;
- 3) обеспечивает свободное волеизъявление субъектов при реализации своих прав;
- 4) предполагает широкое использование договорной формы регулирования;
- 5) содержит нормы, обращенные к субъективному праву и обеспечивающие судебную защиту;
- 6) характеризуется преобладанием диспозитивных норм, рассчитанных на ответственность по своим обязательствам и действиям;
- 7) сохраняет классическую юридическую технику.

Частноправовые отношения складываются по воле самих участников, совершаемые ими двусторонние действия (например договоры купли-продажи) приобретают юридическую силу, если осуществляются добровольно.

Бурное развитие международной торговли и глобализация экономических связей в последние десятилетия получило выражение, в частности, в интенсификации процессов международной унификации норм международного частного права, особенно широко и успешно развивающихся в последние десятилетия именно в сфере договорных обязательств. Вместе с тем эти процессы поставили вопрос об учёте особенностей, вытекающих из международного характера коммерческого оборота, на уровне национальных правовых систем.

Современному коллизионному регулированию свойственно подчинение материальной действительности обязательственному статусу либо путем включения вопроса о действительности в перечень вопросов, определяющих сферу действия применимого к договору права, либо путем специальной коллизионной нормы, подчиняющей материальную действительность праву, подлежащему применению к договору.

Китайское законодательство, в отличие от российского, относит действительность сделки к обязательственному статусу, который охватывает вопросы о действительности договора, момента его заключения, толкование содержания, исполнения, ответственности сторон за неисполнение своих договорных обязательств, изменения, приостановления и распоряжения договора.

Существуют как преимущества, так и недостатки в применении либо одной правовой системы, либо множества правовых систем в силу расщепления статуса: расщепление, учитывающее различные аспекты и элементы договорных отношений, отличия между договорами разного вида и характера, благоприятно для адекватного регулирования конкретных разнообразных вопросов договорных отношений; расщеплению могут подвергаться лишь те договоры, статусы которых объективно могут быть расщеплены; ссылка в договоре на две или три правовые системы существенно усложнит работу суда, который, обладая меньшими возможностями, чем европейский и американский суды, сталкивается с большими трудностями, устанавливая и применяя иностранный правопорядок; китайские суды обладают ограниченными полномочиями в применении категории расщепления, что препятствует ее распространению в китайской судебной системе.

Хотя в международной практике все реже применяется объективный подход, в целом он сохраняет свое практическое значение в определении применимого права к договорным отношениям в силу его определенности, особенно в отношении тех договоров, которые связаны с передачей права собственности на вещи.

Применение принципа автономии воли для определения применимого к договору права отвечает требованиям справедливости и правосудия. С одной стороны, в юридическом смысле все правовые системы равны между собой, но, с другой стороны, в содержательном аспекте они отличаются, и подчас серьезно друг от друга и стороны вправе выбрать правовую систему, которая бы устраивала обе стороны и отвечала реальной необходимости регулирования их договорных отношений.

Отсутствие пространственных пределов ограничения автономии воли сторон отвечает тенденциям глобализации международного делового оборота, поскольку широкие возможности по выбору применимого права позволяют сторонам сделки реализовать собственное желание к подчинению своих прав и обязательств наиболее совершенному с их точки зрения правопорядку, а также облегчить процесс достижения компромисса по вопросу о применимом праве. На практике часто в качестве такового выступает «нейтральный», «равноудаленный» правопорядок, с которым ни одна из сторон не связана.

Сравнение российского и китайского законодательства об оговорке о публичном порядке свидетельствует о схожести подходов к её регулированию:

– российский и китайский законодатели следуют преобладающей в мире тенденции негативной концепции публичного порядка, исключающей применение несовместимой с основами национального правопорядка нормы иностранного правопорядка;

– содержание правовых конструкций «публичный порядок», а также близких к публичному порядку понятий «основ правопорядка» и «основополагающих принципов права» конкретно в законодательстве России и КНР не определено; в силу данного обстоятельства особую значимость в толковании указанных понятий играет доктрина и судебная практика;

– как Россия, так и КНР ограничивают применение оговорки о публичном порядке случаями явной несовместимости результата применения иностранного права с внутренним правопорядком; обращение к оговорке о публичном порядке обуславливается не противоречием самих иностранных норм права основам отечественного правопорядка, а лишь негативными последствиями их применения.

Сравнительный и исторический анализ института обязательственного статута сделки международного характера в России и КНР показал:

1) в советское время господствовал объективный подход при определении применимого права к внешнеэкономическим сделкам, вытесненный после распада СССР субъективным подходом, и в настоящее время в России главенствует принцип автономии воли сторон, тогда как принцип наиболее тесной связи играет вспомогательную роль;

2) в китайском коллизионном праве, возникшем в последней четверти XX века, при определении обязательственного статута международной коммерческой сделки так же, как и в современной России, главенствует субъективный подход – принцип автономии воли сторон, а принцип наиболее тесной связи играет вспомогательную роль.

Китайское законодательство не знало объективного подхода для определения обязательственного статута договора.

Анализ понятия сделки международного характера по законодательству России и Китая показывает, что ни российское, ни китайское законодательство не устанавливают однозначного подхода к определению признаков сделки международного характера.

Подводя итог проведенному анализу действующего законодательства и научных публикаций специалистов в области частного и публичного права, хотелось бы отметить, что в рамках данной работы была осуществлена попытка рассмотрения понятия частного права, особенности его правового регулирования. Хотелось бы отметить, в научной литературе данному вопросу посвящено, относительно небольшое количество исследований, и зачастую многие исследователи, понятие частное право, отождествляют с понятием гражданское право, хотя гражданское право лишь основа частного права.

Это еще раз доказывает, необходимость изучения не только, специализированных отраслей права, но и его основ.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ);

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (Ч. 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 05.05.2014) / СПС Консультант плюс.

3. Агарков, М.М. Ценность частного права / М.М. Агарков // Правоведение. – 1992. – № 1. – С. 25–41; Правоведение. – 1992. – № 2. – С. 31.

4. Алексеев, С.С. Частное право: научно-публицистический очерк / С.С. Алексеев. – М., 1999.

5. Бублик, В.А. Публично- и частноправовые начала в гражданско-правовом регулировании внешнеэкономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Бублик. – Екатеринбург, 2000.

6. Коршунов, Н.М. Частное и публичное право: проблемы формирования основ современной теории конвергенции / Н.М. Коршунов // Журнал российского права. – 2012. – май.
7. Попондопуло, В.Ф. О частном и публичном праве / В.Ф. Попондопуло // Правоведение. – 1994. – № 5–6. – С. 53.
8. Яковлев, В.Ф. Экономика. Право. Суд / В.Ф. Яковлев. – М.: МАИК «Наука / Интерпериодика», 2009. – 148 с.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЮЖНОЙ КОРЕЕЙ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА И ОХРАНЫ ВОЗДУШНОГО ПРОСТРАНСТВА

М. Шиманов, студент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

В соответствии со ст. 79 Конституции РФ Россия может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Такие международные договоры, касающиеся вопросов экологии, являются источниками экологического права. Источники Международного экологического права между Россией и Южной Кореей существуют в виде общепризнанных принципов и норм, договоров и конвенций, резолюций и протоколов международных организаций и конференций.

Изучение проблемы охраны окружающей среды в современных международных отношениях является очень важным, так как позволяет изучить причины ухудшения экологии в настоящее время, найти средства предупреждения или нейтрализации негативного воздействия на окружающую среду. Тем самым обеспечив более чистую экологию будущим поколениям не только на локальном уровне, но и на межгосударственном уровне, который является глобальным, дает возможность более эффективно координировать действия, направленные на улучшение экологии.

На сегодняшний день сотрудничество между Россией и Республикой Корея в сфере экологии осуществляется на основе Межправительственного соглашения о сотрудничестве в области охраны окружающей среды (июнь 1994 г.). В рамках данного документа создан Российско-Корейский комитет по сотрудничеству в области охраны окружающей среды.

Россия и Корея являются участниками Монреальского протокола по веществам, разрушающим озоновый слой – международный протокол к Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 года, разработанный с целью защиты озонового слоя с помощью снятия с производства некоторых химических веществ, которые разрушают озоновый слой. Протокол был подготовлен к подписанию 16 сентября 1987 года и вступил в силу 1 января 1989 года. После этого последовала первая встреча в Хельсинки в мае 1989 года. Если страны, подписавшие протокол, будут его придерживаться и в будущем, то можно надеяться, что озоновый слой восстановится к 2050 году. Генеральный секретарь ООН (1997-2006) Кофи Аннан сказал, что «возможно, единственным очень успешным международным соглашением можно считать Монреальский протокол».

В середине 1980-х гг. озоновый слой начал интенсивно истощаться. Причиной этому явились, по мнению нескольких ученых, некоторые галогенированные углеводороды, широко применяемые в промышленности, попадающие в атмосферу Земли. С целью международного противодействия разрушению озонового слоя был разработан Монреальский протокол. Он предусматривает для каждой группы галогенированных углеводородов определённый срок, в течение которого она должна быть снята с производства и исключена из использования.

В России, в соответствии с Монреальским протоколом, были установлены уровни ежегодного потребления озоноразрушающих веществ, соответствующие уровням, установленным Монреальским протоколом по веществам, разрушающим озоновый слой. Также была введена норма, согласно которой производство этих веществ осуществляется в объеме ежегодно рассчитываемых уровней с учетом общего разрешенного уровня производства. Для ежегодного определения потребления в России озоноразрушающих веществ, допустимых к ввозу на территорию Российской Федерации и допустимых к производству в стране, в целях поэтапного уменьшения потребления ГХФУ был введён учет производства, ввоза, вывоза и использования озоноразрушающих веществ, а также установлена необходимость ежегодного расчета допустимых объемов производства озоноразрушающих веществ и объемов озоноразрушающих веществ, допустимых к ввозу на территорию России. Минприроды России также была рассмотрена организация оперативного обмена информацией с соответствующими уполномоченными органами Республики Корея как одним из основных экспортёров химических веществ, разрушающих озоновый слой.

На двадцать втором совещании сторон Монреальского протокола в Бангкоке 8-12 ноября 2010 года было отмечено несоблюдение Монреальского протокола Республикой Корея. Отмечалось, что Республика Корея сообщила об экспорте 37 метрических тонн гидрохлорфторуглеродов в 2008 году и 18,2 метрических тонн гидрохлорфторуглеродов в 2009 году в государство, не являющееся стороной Монреальского протокола, в результате чего Республика Корея переходит в режим несоблюдения положений о торговых ограничениях в отношении государств, не являющихся Сторонами Протокола

Сегодня подавляющее большинство ученых пришли к мнению, что нынешнее беспрецедентно быстрое изменение климата – это антропогенный эффект, вызванный, прежде всего, сжиганием ископаемого топлива. Ученые считают, что безопасный уровень потепления – 2 градуса Цельсия и человечество уже прошло треть «дистанции».

Необходимо приложить все усилия для ограничения выбросов парниковых газов и не допустить глобального потепления.

Киотский протокол к Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК) – итог разнообразных тенденций, направленных на глобализацию в решении проблем экономики и экологии. Он определяет те принципиальные структурные элементы, на которых в двадцать первом веке будут основываться глобальные усилия по решению проблемы климатических изменений.

Таким образом, РКИК сформировала определенное пространство в сфере международного права, установила принципы, с которыми по большей части готовы были согласиться все подписавшие ее стороны. В ней заявляется, что проблема изменений климата достаточно серьезна, а странам Третьего мира даны заверения, что ответственность за решение этой проблемы в данное время лежит прежде всего на промышленно развитых государствах. Конвенция недвусмысленно формулирует принципиальный подход к решению проблемы: постепенный, основанный на постоянном уточнении информации, усиленно подчеркивающий необходимость распространять информацию и подвергать переоценке обязательства сторон.

На состоявшейся в 1995 г. Первой сессии Конференции Сторон РКИК было принято решение 1/CP.1, получившее название «Берлинский мандат», в соответствии с которым был начат международный переговорный процесс по разработке нового юридически обязательного документа, дополняющего РКИК в части конкретных обязательств Сторон по численному сокращению или ограничению выбросов. Обсуждение организационных вопросов в Берлине проходило довольно спокойно, если не считать провала попыток согласовать формальные процедурные нормы (эта ситуация повторилась и в Киото). Дольше всего продолжались дебаты о торговле квотами. По этому вопросу был достигнут перспективный компромисс, предусматривавший пробные попытки в этом направлении, но без четко сформулированных обязательств по зачету эмиссии странам-донорам. В Берлине стороны согласились с тем, что прежние обязательства являются недостаточными «для долгосрочных действий в период после 2000 года». Было решено начать выработать меры по ужесточению обязательств, взятых на себя промышленно развитыми странами, перечисленными в Приложении I. Было решено, что новых требований по отношению к развивающимся странам выдвигаться не будет, а «намеченный объем работы необходимо завершить по возможности к 1997 году, чтобы ее результаты можно было утвердить на третьей сессии Конференции сторон». Так было положено начало новым интенсивным переговорам, в конце концов, завершившимся встречей в Киото.

Киотский протокол стал первым глобальным соглашением об охране окружающей среды, основанным на рыночном механизме регулирования – механизме международной торговли квотами на выбросы парниковых газов. Первый период осуществления протокола начался 1 января 2008 года и продлился пять лет до 31 декабря 2012 года.

Страны, подписавшие Протокол, определили для себя количественные обязательства по ограничению либо сокращению выбросов на период с 1 января 2008 года по 31 декабря 2012 года. Цель ограничений – снизить в этот период совокупный средний уровень выбросов 6 типов газов (углекислый газ, метан, фторуглероды, фторуглероды, закись азота, гексафторид серы) на 5,2 % по сравнению с уровнем 1990 года.

Основные обязательства взяли на себя индустриальные страны: Евросоюз должен сократить выбросы на 8%, США – на 7%, Япония и Канада – на 6%;, страны Восточной Европы и Прибалтики – в среднем на 8%, Россия и Украина – сохранить среднегодовые выбросы в 2009–2012 годах на уровне 1990 года. Развивающиеся страны, включая Республику Корею, обязательств на себя не брали.

В 2011 году на конференции ООН по изменению климата в Дурбане была достигнута договоренность о продлении действия Киотского протокола до принятия нового соглашения, хотя, по оценке «Гардиан», вероятно, что лишь страны ЕС и немногие другие будут участвовать в продленном протоколе.

Киотский протокол также стал ареной противоборства между США и его геоэкономическими соперниками. Страны ЕС и Япония, выступившие главными инициаторами этого соглашения, видят в нем механизм глобального контроля не только за применением «грязных» технологий, но и в целом за технологическим развитием. Тем самым они создают механизм глобального экономического регулирования, противоречащий претензиям США на роль «мирового менеджера».

В течение первого года действия Киотского протокола его механизм на территории России так и не начал действовать – создание национальной биржи по торговле квотами на выбросы парниковых газов фактически приостановлено на неопределённый срок, отсутствуют и проекты совместного осуществления по замене оборудования российских предприятий на более эффективное и экологически чистое. Причина – отсутствие документов, необходимых для создания национального реестра выбросов парниковых газов. Кроме того, российские предприятия не заинтересованы в энергосбережении из-за низких внутренних цен на энергоресурсы.

В 1994 году было принято Межправительственное соглашение между Российской Федерацией и Республикой Корея о сотрудничестве в области охраны окружающей среды. В соответствии с этим соглашением основная задача этого сотрудничества заключается в предоставлении лучших возможностей для обмена информацией, технологиями и опытом в отношении обеспечения устойчивого развития и в совместных действиях по вопросам охраны окружающей среды. Сотрудничество по защите и улучшению состояния окружающей среды может развиваться в следующих областях: уменьшение загрязнения и обеспечение контроля за выбросами вредных веществ, в том числе контроля за выбросами от передвижных и стационарных источников; охрана вод от загрязнения, включая очистку бытовых и промышленных стоков; предотвращение загрязнения прибрежных и морских вод; предотвращение загрязнения окружающей среды, связанного с сельскохозяйственным производством, охрана окружающей среды от загрязнения пестицидами; управление в области обращения с твердыми отходами и восстановления природных ресурсов, контроль за захоронением токсичных веществ, уменьшение шума, управление в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов; участие в охране и улучшении состояния окружающей среды на субрегиональном, региональном и глобальном уровнях; прочие области защиты и улучшения состояния окружающей среды.

В рамках Межправительственного соглашения о сотрудничестве в области охраны окружающей среды 24 июня 2014 года состоялась встреча делегаций Республики Корея и Минприроды России. По итогам встречи принято решение о подготовке проекта России и Республики Корея в области управления отходами.

В числе перспективных направлений для взаимодействия России и Республики Корея Директор Департамента международного сотрудничества Минприроды России Нуритдин Инамов назвал сотрудничество в области ликвидации прошлого экологического ущерба (ПЭУ), утилизации и обращения с отходами. Он отметил, что страны к настоящему времени уже организуют совместные мероприятия для обмена опытом и технологиями в этих и других сферах охраны окружающей среды.

Глава делегации Республики Корея – руководитель Департамента экологической промышленности и технологий Республики Корея Ким Ду Хван отметил, что Республика Корея делает ставку на предотвращение образования отходов, их переработку, а не на складирование, что позволяет не только сокращать выбросы CO² в атмосферу, но и производить вторичное сырье для нужд промышленности.

Н. Инамов отметил заинтересованность российской стороны в изучении зарубежного опыта управления отходами, передовой экологической практики и технологий в области охраны окружающей среды, а также готовность к передаче своего опытом в этой сфере.

Стороны обсудили возможность использования в России корейского опыта по созданию экономически эффективной и экологически оправданной системы утилизации бытовых отходов и их рециклинга, а также способы привлечения инвесторов в данную отрасль.

Корейские коллеги проинформировали российскую сторону о своих планах по разработке совместного пилотного проекта в области обращения отходами с тем, чтобы уже на ближайшем девятом заседании Российско-Корейского совместного Комитета стало возможно обсуждение конкретных дальнейших шагов в данной области. По словам зарубежных коллег, данный проект будет ориентирован на применение и адаптацию в российских условиях корейского опыта в области обращения с отходами.

В свою очередь, Н. Инамов проинформировал корейскую делегацию о разработанных Минприроды России законопроектах в сфере обращения с отходами, внедрения наилучших доступных технологий и ликвидации ПЭУ.

Он отметил удовлетворенность российской стороны достигнутым к настоящему времени уровнем сотрудничества с Республикой Корея в природоохранной области.

Взаимодействие двух стран по данному направлению регулируется межправительственным Соглашением о сотрудничестве в области охраны окружающей среды от 1994 года и созданным в его рамках Российско-Корейским совместным Комитетом по сотрудничеству в области охраны окружающей среды, восьмое заседание которого состоялось в г. Сеуле 11-13 декабря 2013 года. В настоящее время Минприроды России совместно с корейскими коллегами ведет работу по подготовке проведения девятого заседания Комитета в России.

ПРАВООЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ РФ В КОНТЕКСТЕ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

М.К. Бухарина, ассистент каф. теории и истории российского
и зарубежного права

В.А. Ахметшина, студентка

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Соблюдение прав и свобод человека и гражданина является основной задачей любого демократического государства. В Российской Федерации ярким примером правозащитного института выступает орган государственного контроля и надзора – прокуратура. В нашей стране по-прежнему остается актуальной проблема обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Согласно статистике Европейского суда по правам человека за 2013 г. Россия обладает одним из худших послужных списков в области нарушений прав человека. Поэтому целью данной работы является анализ и характеристика правозащитной деятельности прокуратуры РФ. Изучив исследования ученых М.П. Полякова, А.В. Федулова, С.Г. Березовского, Ю.В. Кореневского, внесших значительный вклад в изучение темы обеспечения и соблюдение прав и свобод человека и гражданина, авторы исследования определяют следующие задачи:

- 1) раскрыть сущность, предмет и задачи прокурорского надзора;
- 2) определить цель прокурорского надзора;
- 3) рассмотреть полномочия прокурора по надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина;
- 4) оценить работу прокурора по вопросу обращения граждан.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие во время защиты прав и свобод человека и гражданина органами прокуратуры РФ.

Предметом научного труда выступает деятельность прокуратуры РФ в части обеспечения соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

С момента возникновения прокуратура всегда вела контроль над исполнением прав и свобод человека и гражданина. Это подтверждает Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 21.11.2011) «О прокуратуре Российской Федерации» [1], который установил важную роль прокурорского надзора. Осуществляя свою работу, сотрудники прокуратуры несут ответственность за соблюдение прав и свобод человека и гражданина. И если их исполнения остается на не должном уровне, они обязаны принять предусмотренные законом меры к восстановлению нарушенных прав и свобод граждан. Предметом прокурорского надзора за исполнением законов (ст. 26 Закона о прокуратуре) является соблюдение Конституции РФ и исполнение законов, действующих на территории РФ, а также издаваемых правовых актов федеральными министерствами, государственными комитетами, службами и иными федеральными органами исполнительной власти, представительными и исполнительными органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций. Как можно отметить, основной деятельностью прокурорского надзора является защита прав и свобод человека и гражданина. Исходя из определения прокурорского надзора, можно указать на то, что это надзор за обеспечением точного и единообразного применения и исполнения законов на всей территории Российской Федерации путем принятия средствами прокурорского надзора мер:

- 1) по выявлению и своевременному устранению любых нарушений закона, причин и условий, способствующих им;
- 2) по восстановлению нарушений законности;
- 3) по привлечению виновных лиц к установленной законом ответственности.

Цель прокурорского надзора заключается в обеспечении верховенства закона; прав и свобод человека и гражданина; суверенных прав РФ и прав субъектов РФ; прав органов государственной власти и органов местного самоуправления, учреждений и организаций, общественных и политических организаций и учреждений.

Анализируя все вышесказанное, можно прийти к выводу, что полномочия прокуратуры по надзору распространяются на все органы и на всех должностных лиц, независимо от их подчиненности. Если поступают сведения о нарушении прав человека, то орган контроля и надзора проводит проверку в любом органе, предприятии, учреждении и т.д. Согласно Конституции РФ обеспечение прав и свобод человека и гражданина возложено на все органы.

Задачи прокурорского надзора имеют свое отображение в приказах, законах, действующих на территории РФ, и устанавливаются в нормативных актах Генерального прокурора РФ. Генеральный прокурор ставит основной задачей перед прокурорами соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Это подтверждает приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» [2]. Особое внимание прокуратура уделяет социально незащищенным категориям граждан: пенсионеры, инвалиды, дети-сироты, несовершеннолетние. Прокуроры всех субъектов РФ контролируют соблюдение жизненно важных вопросов. Также прокуратура ведет надзор за исполнением законов в сфере экономики: частная собственность, предпринимательская деятельность, налогового законодательства и др. Следует подчеркнуть, что одна из главнейших задач прокуратуры как федерального правозащитного органа – это защита общественных и личных интересов. Таким образом, прокурорский надзор – это гарантия реального соблюдения прав и свобод человека и гражданина, и он выступает основным важнейшим направлением прокурорской деятельности на современном этапе.

Обратимся к ст. 27 Закона о прокуратуре [3], в которой прописаны полномочия прокурора:

1. Рассматривая обращения и заявления, прокурор получает информацию о соблюдении прав и свобод человека и гражданина и принимает необходимые меры для решения проблемы.
2. Прокурор на личном приеме граждан или через СМИ разъясняет, какими правами обладает человек и как их необходимо защищать, если они нарушаются.
3. Если прокурор своевременно выявит нарушение законов и примет меры к их устранению, то противоправные действия будут пресечены.
4. Если прокурор предполагает, что нарушение прав и свобод человека и гражданина несут характер преступления, то он возбуждает уголовное дело и принимает предусмотренные законом меры.
5. Прокурор обязан проконтролировать, вынесено ли постановление о привлечении виновных лиц к административной ответственности и исполнено ли оно.
6. Прокурор предъявляет и поддерживает в суде иск в интересе пострадавших.

Рассмотрев полномочия прокурора, мы делаем вывод, что он наделен необходимыми полномочиями, которые позволяют отстаивать права и свободы человека и гражданина.

Как было сказано выше, общение с гражданами необходимо важное условие для эффективной работы прокурора. Ежегодно прокуратура рассматривает более 40 тыс. дел. Рассматривая и решая жалобы, заявления граждан прокуратура получает ценную информацию о соблюдении прав в обществе, в стране. Но также прокурор получает информацию о работе самой прокуратуре. Это позволяет улучшить деятельность самих внутренних органов, путем анализа недостатков и упущений в работе. В органах прокуратуры осуществляется личный прием граждан. Заранее оповещают, кто будет вести прием, когда, где и во сколько. Данную информацию можно найти в самой прокуратуре или на сайте города. Все поступающие в органы прокуратуры обращения в соответствии с действующим законодательством подлежат обязательной регистрации в течение трех дней. Заявления, разрешение которых не входит в компетенцию данной прокуратуры, а также подлежащие разрешению другими органами и учреждениями в семидневный срок с момента регистрации направляются соответствующему прокурору или по принадлежности с одновременным уведомлением об этом заявителя. Обращения разрешаются в течение 30 дней со дня их регистрации в органах прокуратуры, а не требующие дополнительного изучения и проверки – не позднее 15 дней. В случае проведения дополнительной проверки большим объемом работы срок разрешения обращений может быть продлен до 30 дней, о чем извещается заявитель. При отказе в удовлетворении заявления или жалобы заявителю разъясняется порядок обжалования принятого решения, а также право обращения в суд, если таковое предусмотрено законом. Пересмотр принятого решения возможен, если в повторном обращении содержатся новые обстоятельства.

Исходя из поставленных задач, мы выяснили и раскрыли необходимые условия, цели работы органов прокуратуры РФ. Рассмотрели полномочия прокурора по надзору защиты прав и свобод человека и гражданина и оценили работу прокуратуры. Таким образом, мы приходим к выводу, что прокуратура необходимый орган в правозащитной сфере прав и свобод человека и гражданина. Она осуществляет надзор, который способствует выявлению правонарушений, следит за исполнением законов, прав и свобод человека и гражданина, а также государства. С момента возникновения прокуратуры в России (1722 г.) она не утратила свое значение до сих пор и еще долгое время будет являться основным органом защиты прав и свобод человека и гражданина.

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2014. – № 6. – Ст. 548.

2. Приказ Генпрокуратуры РФ от 15.12.98 «О порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации». <http://www.lawrussia.ru>

3. Федеральный закон Российской Федерации от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». <http://www.consultant.ru>

4. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01. 1992 №2202-1 (действующая редакция от 21.07.2014).
5. Карпов, Н.Н. Прокуратура в системе государственной власти Российской Федерации / Н.Н. Карпов. – М., 2007.
6. Кобликова, А.С. Уголовный процесс: учебник для вузов / А.С. Кобликова. – М., 1999. – 365 с
7. Мельников, Н.В. Прокурорская власть и личность: Правовые средства обеспечения конституционных прав и свобод граждан России / Н.В. Мельников. – М., 2003.
8. Поляков, М.П. Прокурорский надзор / М.П. Поляков, А.В. Федулов. – 3-е изд. – М., 2009.

КОЛЛИЗИИ В НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА КИТАЯ

М.К. Бухарина, ассистент каф. теории и истории российского
и зарубежного права

Ван Синьян, Чжан Цзымин, студенты

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

На настоящий момент китайская административно-правовая наука (как и правовая наука в КНР вообще) в настоящее время еще находится на стадии становления. Общественные отношения, выступающие предметом регулирования административного права, подвергаются значительным изменениям по мере того, как модель «социализма с китайской спецификой» преобразуется в направлении сокращения сферы непосредственного государственного руководства, уменьшения степени его централизации. Все это затрудняет выработку четкого и общепринятого понимания административного права китайскими юристами, ведет к различиям во взглядах на формы административной деятельности, к отсутствию устоявшейся классификации актов органов государственного управления.

В качестве учебной дисциплины административное право стало внедряться в систему юридического (политико-юридического) образования КНР лишь с 1983 г. и только в 1986 г. было включено в учебные планы большинства юридических факультетов и институтов. В те же годы оно стало одним из главных предметов на курсах кадровых работников административных руководителей. В августе 1985 г. на учредительном съезде в Чанчжоу было основано научно-исследовательское общество административного права. Тогда же им была проведена первая научная конференция по вопросам взаимосвязи административного права с экономической реформой. В общетеоретических работах административное право обычно рассматривается как одна из основных отраслей в системе права КНР, служащая задачам государственного управления. Авторы, которые занимаются изучением административного права, как правило, не выделяют его в качестве отрасли правовой системы и понимается как «общее название административно-правовых норм, регламентирующих административное управление государством в различных областях», или как «различные законодательные установления, относящиеся к государственной административно-управленческой деятельности».

Задачи административного права в КНР являются:

- 1) регулирование общественных отношений и отношений в сфере государственного управления;
- 2) некоторые авторы не ограничивают административное право только управленческой деятельностью, а говорят также о «контроле за организацией и осуществлением управления»;
- 3) в учебнике «Введение в юриспруденцию» сфера административно-правового регулирования определяется как область общественных отношений, в которой отражается организация, компетенция, принципы деятельности, система управления и порядок работы государственных административных органов;
- 4) регулирование внутриорганизационную деятельность органов государственного управления.

В данный момент эта тема очень актуальна, так как китайское законодательство представляет собой сложную, многоуровневую структуру, которая содержит в себе массу несогласованностей и противоречий. Трудности становления и развития правовой системы Китая обусловили повышенный интерес представителей правовой науки к изучению природы противоречий в праве.

Объектом исследования являются административное право и коллизионные проблемы в нормативно-правовых актах Китая. Предметом исследования стали, прежде всего: административное право, нормативно-правовые акты, правовые межгосударственные и межобластные коллизии Китая. Целью данной работы является выяснение роли и места административного права в правовой системе КНР, а также понятие и роль коллизий в нормативно-правовых актах административного права Китая. Исследование проблемы регулирования межгосударственных и межобластных коллизий, а также изучение причин воз-

никновения проблемы межгосударственных и межобластных коллизий в праве Китая, определения их влияния на механизм правового регулирования.

Задачи, поставленные в данной работе:

- определить роль административного права в Китае;
- определить источники административного права в Китае;
- исследовать причины возникновения проблемы межгосударственных и межобластных коллизий в праве Китая.

Несоответствие между нормативным регулированием и реальным состоянием общественных отношений, низкая эффективность значительной части законодательства во многом объясняются необъективным, поверхностным подходом к исследованию данной проблемы. Выявление и исследование конкретных причин, вызывающих противоречия и нестабильность общественных отношений в государстве, является актуальной задачей юридической науки.

Из вышесказанного можно увидеть, что Конституция КНР и основанные на ней законы определяют другие задачи административного права в Китае, определяющие принципы организации и деятельности государственных (в том числе и административных) органов, а также нормативные акты органов государственной власти и государственного управления (в китайской терминологии – государственных административных органов) различных уровней, совместные нормативные акты государственных административных органов и руководящих органов Компартии Китая и общественных организаций, в которых содержатся внешневластные юридические нормы. Кроме того, совместные нормативные акты могут приниматься двумя и более административными органами.

Административно-правовые нормы содержатся в законах, принимаемых в КНР Всекитайским собранием народных представителей (ВСНП) и его Постоянным комитетом (ПК ВСНП). Например в принятом ВСНП Законе КНР о воинской обязанности 1984 г. или принятом ПК ВСНП Таможенном кодексе 1987 г. к ведению Государственного совета (Правительства КНР) относится издание административно-правовых актов, которые составляют значительный массив источников административного права КНР.

Источниками административного права КНР являются и локальные нормативные акты, издаваемые местными собраниями народных представителей (СНП) либо их Постоянными комитетами и местными народными правительствами. При этом местные собрания народных представителей провинций и городов центрального подчинения и их постоянные комитеты могут издавать с последующей регистрацией в Постоянном комитете ВСНП местные законы, не противоречащие Конституции, законам и административно-правовым актам. Примером может служить Положение об ответственности за нарушения общественного порядка и их предотвращении, принятое Постоянным комитетом СНП Шанхая 11 апреля 1992 г. До начала экономической реформы в КНР существовал огромный и плохо упорядоченный административный аппарат. Одним из следствий такого положения было очень большое количество различных наименований актов органов государственного управления. Как теперь признают китайские авторы, это вело к путанице в плане понимания как смысла актов, так и их юридической силы;" В феврале 1981 г. Госсовет КНР принял Временные правила об официальных документах органов государственной администрации, в которых устанавливалось, что акты, предусматривающие принятие принудительных административных мер, именуются «миилин» (приказ, распоряжение), а акты, принимаемые в целях их соблюдения народными массами, именуются «бугао» (обращение, объявление).

Вопрос о том, что следует понимать под актом субъекта администрации, является спорным в китайской административно-правовой науке. По сути, разногласия сводятся к тому, должен ли такой акт носить нормативный характер или таковым можно признавать также акты правоприменительного (индивидуального, распорядительного) характера. В зависимости от точки зрения некоторые китайские специалисты по административному праву относят к числу актов государственного управления акты, исходящие от ВСНП, ПК ВСНП, Госсовета КНР, входящих в него министерств и ведомств, а также акты народных правительств провинций, автономных районов, городов центрального подчинения, правительств крупных городов, наделенных Госсоветом соответствующими полномочиями. Другие считают, что в число актов субъектов администрации должны также включаться решения, приказы (распоряжения) народных правительств на уровне обычных городов, уездов, волостей.

Классификация актов субъектов административной деятельности пока не носит устоявшегося характера в работах китайских юристов. Все же можно констатировать, что достаточно широко применяется классификация на основе юридических свойств актов управления, непосредственно связанных с формами управления. В зависимости от этого акты разделяются на нормативные и индивидуальные, именуемые также «принятием конкретных административных мер». Правовое положение субъектов административной деятельности, объем их компетенции служат еще одним критерием при классификации. Применительно к этому выделяются акты, действующие в общенациональном и местном (локальном) масштабах. По форме акты делятся на письменные и устные.

Китайское законодательство представляет собой сложную, многоуровневую структуру, которая содержит в себе массу несогласованностей и противоречий. Трудности становления и развития правовой системы Китая обусловили повышенный интерес представителей правовой науки к изучению природы противоречий в праве.

В КНР намечается тенденция к формированию двухуровневой системы источников права в ряде отраслей:

- 1) законы;
- 2) подзаконные акты, обычно именуемые положениями о порядке применения того или иного закона.

Другие авторы считают, что правовая система КНР является множественной, то есть она состоит из четырех разных правовых подсистем. Учитывая различия в каждой из этих подсистем, возникают правовые коллизии между ними. Именно это служит причиной возникновения межобластных коллизий в современном Китае. Одним из таких авторов является Ли Миян. Он считает, что межобластные правовые коллизии в современном Китае – это коллизии между правовыми системами материкового Китая, Гонконга, Макао и Китайского Тайваня. Материковый Китай, Гонконг, Макао и Тайвань-Китай должны использовать для урегулирования правовых коллизий правила международного частного права, а также должны сформулировать новые правила для решения межрегиональных коллизий в праве.

В настоящее время у каждого региона есть нормативные или неписанные правила, основанные на традициях или судебной практике. В материковом Китае есть «Международное частное право КНР (модельное право)» 1994 г. По мнению автора, международное частное право в Китае по своей природе сформировалось под влиянием советского. Такая ситуация является рецепцией, которая не в полной мере отражает китайскую специфику. В Китае было невозможно в короткие сроки создать новую систему международного частного права, заимствование опыта Советского Союза было единственно возможным путем.

Любая правовая система, как и все иные социальные явления, не может быть статичной, она постоянно изменяется, «находится в динамике» и своими изменениями постоянно порождает новые и новые правовые противоречия, в том числе и коллизии в праве, как вне зависимости от воли субъектов правотворчества так и по их прямому волеизъявлению. Несоответствие между нормативным регулированием и реальным состоянием общественных отношений, низкая эффективность значительной части законодательства во многом объясняются необъективным, поверхностным подходом к исследованию данной проблемы. Выявление и исследование конкретных причин, вызывающих противоречия и нестабильность общественных отношений в государстве, является актуальной задачей юридической науки.

В целом же в КНР на сегодняшний день система формальных источников конституционного права КНР включает в себя нормативные акты (Конституцию, законы, административные и подзаконные акты, акты местных органов государственной власти (собраний народных представителей, их постоянных комитетов и народных правительств), акты толкования права), нормативные договоры (международные договоры), правовые (конституционные) обычаи. Последние появились в правовой системе КНР сравнительно недавно, несмотря на то, что правовая система Китая относится к социалистическому типу (что закреплено в нормативных документах), который предполагает отрицание роли неписаных (в том числе обычных) правовых норм. На наш взгляд, появление конституционных обычаев одно из свидетельств прогрессивного развития правовой системы КНР в целом и конституционного права в частности.

Современное правовое развитие общественных отношений в КНР требует более тщательного исследования причин и обстоятельств, препятствующих развитию этих отношений. Для поддержания единой, целостной правовой системы необходимо создание четких юридических механизмов, регулирующих вопросы преодоления правовых противоречий. Создание этих механизмов – сложная и многогранная проблема, которая не может быть разрешена без изучения, прежде всего, причин возникновения этих противоречий, как явлений правовой действительности.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕТОДОВ ВРТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Д.С. Муртазакулов, д-р юрид. наук, проф. каф. гражданского права ТНУ

А.Р. Пурге, ст. преп. кафедры частного права

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Происхождение детей от конкретных родителей, удостоверенное в законном порядке, является основанием для возникновения правовых отношений между родителями и детьми. При этом под термином «происхождение детей» имеется в виду их кровное происхождение от определенных мужчины и женщины.

Семейный кодекс РФ внес существенные изменения в правовое регулирование установления и удостоверения происхождения детей: существенно расширены основания установления отцовства в судебном порядке, существенно изменились основания оспаривания отцовства [7]. Так, только после принятия Семейного кодекса РФ в 1995 году для признания отцовства стало достаточным любых доказательств, с достоверностью подтверждающих происхождение ребенка от ответчика. Наиболее достоверным из них является медико-генетическая экспертиза, которая, как отмечалось на заседании Государственной Думы во время обсуждения проекта Семейного кодекса РФ, есть основа для установления отцовства [2].

Семейный кодекс Республики Таджикистан, в отличие от российского законодательства, закрепляет следующие основания для установления отцовства в судебном порядке: совместное проживание и ведение хозяйства с матерью ребенка или совместное воспитание либо содержание ими ребенка, или другие доказательства, достоверно подтверждающие происхождение ребенка от конкретного лица, доказательства, достоверно подтверждающие признание ответчиком отцовства. Следует отметить, что аналогичные основания содержались в КоБСе РСФСР и по сравнению с современным российским законодательством не были расширены.

Отдельного внимания требует установление происхождения детей при применении методов искусственного оплодотворения и имплантации эмбриона суррогатной матери. Закрепление порядка установления происхождения ребенка, который родился в результате применения методов ВРТ является новеллой Семейного кодекса РФ.

В Семейном кодексе РТ ранее содержалась норма о государственной регистрации рождения ребенка при применении методов ВРТ, однако в 2006 году эта норма была исключена из Семейного кодекса РТ [8]. Норма о государственной регистрации рождения ребенка при применении методов ВРТ содержится в настоящее время в Законе РТ «О государственной регистрации актов гражданского состояния» где говорится, что лица, состоящие в браке и давшие согласие на применение методов ВРТ записываются родителями рожденного ребенка [6].

В большинстве случаев применение методов ВРТ правоотношения между родителями и детьми устанавливаются на основе принципа признания. Причем признание ребенка происходит еще до его рождения и даже зачатия, в момент дачи согласия на применение того или иного метода ВРТ. В случае применения ВРТ, не связанных с имплантацией эмбриона суррогатной матери, спорных вопросов правового характера при определении отца и матери ребенка не возникает ни в Российской Федерации, ни в Республике Таджикистан: закономерно, что лица, состоящие в браке и давшие свое согласие на применение таких технологий, в случае рождения ребенка записываются его родителями в книге записи рождений.

Более спорным является установление родителей при рождении ребенка в результате имплантации эмбриона суррогатной матери.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что до недавнего времени ни в Семейный кодекс РФ, ни в каких-либо иных нормативных актах даже не упоминалось о тех правах и обязанностях, которые возникают у мужа суррогатной матери, если она состоит в браке. При оформлении договора в медицинском учреждении о выполнении услуг по вынашиванию ребенка, согласия ее мужа никто, как правило, не спрашивал, хотя он мог и возражать против того, чтобы его жена выступала в роли суррогатной матери. В то же время на мужа не только ложится определенная моральная нагрузка в период беременности жены, но и материальная ответственность за новорожденного в том случае, если женщина решит воспользоваться своим законным правом оставить ребенка. Более того, если суррогатная мать воспользовалась правом оставить ребенка себе, то ее муж автоматически в соответствии с принципом презумпции отцовства записывался бы его отцом со всеми вытекающими отсюда последствиями и, в первую очередь, обязанностью содержать этого ребенка. Нарушение прав мужчины было налицо.

В настоящее время согласно Федеральному закону от 21 ноября 2011 года №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» женщина, состоящая в браке, зарегистрированном в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, может быть суррогатной матерью только с письменного согласия супруга [5]. Это представляется верным.

Законодательством Республики Таджикистан никак не регулируются отношения, связанные с рождением ребенка суррогатной матерью.

В Российской Федерации рождение ребенка с помощью суррогатной матери вызывает множество споров, так как возможность возникновения родительских прав у супругов, ожидающих ребенка, поставлена в зависимость от воли суррогатной матери.

Кроме того, закон РФ не содержит указания на негативные последствия в случае, если в течение установленного срока ребенок вообще не зарегистрирован, т.е. ни суррогатная мать, ни нареченные родители не могут быть привлечены к ответственности за просрочку месячного срока для государственной регистрации ребенка, впрочем эта же проблема имеет место и при обычном рождении ребенка. В связи с чем представляется необходимым законодательно решить вопрос об установлении административной ответственности за несвоевременную государственную регистрацию рождения ребенка и внести соответствующую статью в главу 5 Кодекса об административных правонарушениях РФ в следующей редакции «Нарушение сроков государственной регистрации рождения ребенка» и предусмотреть санкцию в виде штрафа от двух до пяти тысяч рублей.

Законодательством Республики Таджикистан предусмотрена обязанность государственной регистрации рождения ребенка в течение трех месяцев с момента рождения, также отдельно регулируется порядок государственной регистрации ребенка, рожденного в экспедиции или в отдаленной местности, где нет регистрирующего органа, в этом случае государственная регистрация рождения должна быть произведена не позднее одного месяца с момента возвращения в местность, в которой есть регистрирующий орган. Интересна норма законодательства РТ о государственной регистрации ребенка, достигшего возраста одного года. Такая регистрация возможна только городскими или районными отделами органа загс и при наличии доказательств, что ранее регистрация не производилась. Законодательством РТ предусмотрена также возможность государственной регистрации рождения лица, достигшего совершеннолетия, которая может быть произведена только по заявлению самого лица, в отношении которого производится государственная регистрация. Однако норм, регулирующих государственную регистрацию рождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, законодательство РТ не содержит.

Проблема соотношения прав суррогатной матери и лиц, ожидающих передачи ребенка, давно вызывает интерес специалистов. Предлагаются различные варианты решения проблемы. Так, Г.И. Литвинова предлагала считать матерью женщину, которая родила ребенка [3]. Такая позиция была подвергнута критике М.Н. Малейной, т.к. при этом не учитывается степень участия самих супругов в процессе суррогатного материнства и наличие генетической связи между ребенком и супругами [4].

В сложившейся ситуации коллизии интересов потенциальных родителей (одного из них) и суррогатной матери, по мнению И.В. Авхадеева, следует руководствоваться не «принципом признания», а «принципом происхождения», тем более что в лице потенциальных родителей (одного из них), как правило, сочетаются оба этих принципа. Кроме того, как таковой генетической связи между суррогатной матерью и ребенком не существует, а сопутствующие «убытки» морально-этического и биологического характера, которые несет в этой связи суррогатная мать, вполне призвано компенсировать предусмотренное договором вознаграждение [1].

Предметом отдельного обсуждения является смерть суррогатной матери. Необходимо предусмотреть для таких случаев право потенциальных родителей (одного из них) быть записанными в качестве родителей ребенка при отсутствии письменного согласия суррогатной матери.

В случае же смерти потенциальных родителей (одного из них) при применении суррогатного материнства или смерти супруги, суррогатная мать записывается в качестве матери ребенка. При этом, как верно отметила В.В. Самойлова, ее «отказ от ребенка» не должен повлечь негативных последствий, связанных с лишением родительских прав и т.п., поскольку женщина не является генетической матерью, рождает ребенка не для себя и, как правило, не готова воспитывать ребенка в такой ситуации по различным основаниям (отсутствие семьи, согласия ее супруга, материальных средств и т.п.).

Обращает внимание то обстоятельство, что российское законодательство не регулирует ситуацию, когда ребенок становится невостребованным ни суррогатной матерью, ни потенциальными родителями (одним из них).

Бывают ситуации, когда лица, давшие согласие в письменной форме на вынашивание ребенка, уже в процессе беременности суррогатной матери либо после рождения ребенка отказываются и отзывают свое заявление, и суррогатная мать также не желает записывать себя в качестве матери ребенка. При этом супружеская пара становится менее обремененной стороной, так как на нее не ложится груз ответствен-

ности за вынашивание и рождение ребенка. Семейный кодекс РФ не содержит обязательства потенциальных родителей (одного из них) «записать» ребенка на себя.

Таким образом, можно заключить, что в настоящее время назрела настоятельная необходимость корректировки норм, регулирующих вопросы установления отцовства и материнства при применении ВРТ и в Российской Федерации и в Республике Таджикистан.

Соответствующие изменения в законодательстве будут не только способствовать правильному разрешению споров об установлении отцовства (материнства), но и в наибольшей степени будут отвечать интересам ребенка.

1. Авхадеев, И.В. Некоторые вопросы правового регулирования института суррогатного материнства / И.В. Авхадеев // Право и образование. – 2007. – № 9. – С. 151–158.

2. Государственная Дума. Стенограмма заседаний // Бюллетень №104. – 17 мая 1995. – Издание Государственной Думы. – С. 35.

3. Литвинова, Г.И. Правовые аспекты искусственного оплодотворения / Г.И. Литвинова // Советское государство и право. – 1981. – № 9. – С. 119.

4. Малейна, М.Н. Человек и медицина в современном праве / М.Н. Малейна. – М.: Бек, 1995. – С. 98–99.

6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 года №323-ФЗ (в ред. от 01.12.2014г. №419) [Электронный ресурс] / СПС «Гарант»

7. О государственной регистрации актов гражданского состояния: закон Республики Таджикистан от 29 апреля 2006 года №188 (в ред. от 28.06.2011г. №733) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.adlia.tj/>

8. Семейный кодекс РФ: федеральный закон от 29 декабря 1995 года №223-ФЗ (в ред. от 04.11.2014г. №333-ФЗ) [Электронный ресурс] / СПС «Гарант»

9. Семейный кодекс Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 года (в ред. от 19.03.2013г. №952) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.adlia.tj/>

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕМОКРАТИИ: ПРОБЛЕМЫ «ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА»

А.С. Полякова, аспирантка

Г.В. Поричук, студентка

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Путь к утверждению демократических принципов в государственном устройстве занял не одно столетие. Демократия как политический режим берет свое начало еще в античности и средневековье, получает новый импульс в эпоху буржуазных революций, а с падением авторитарных режимов особую актуальность приобретает процесс распространения и утверждения демократических институтов (демократизация).

Повсюду в мире военные хунты, личные диктатуры и однопартийные системы были потеснены демократическими правительствами. Широкое распространение демократии в мире – несомненно, наиболее важный политический феномен последних трех десятилетий XX в., свидетельствующий о том, что мы переживаем всеохватывающую «глобальную демократическую революцию». И сейчас, в современном мире, идеи демократии победили абсолютно. Других способов легитимации власти, кроме демократического, нет. Следует отметить, что процесс демократизации, сам по себе имея гуманистическое содержание, приобретает порой экспансионный характер. Так государства в силу различных факторов (экономических, политических и пр.) подвергаются внешнему влиянию со стороны других государств по насаждению, внедрению «полезного» режима.

Сегодня становится очевидным, что демократия сама по себе не может обеспечить достойный уровень жизни, решить большинство социально-экономических проблем, которые являются наиболее чувствительными для людей. Она может только создать необходимые политические институты и привести к решению наиболее болезненных задач. Американский политолог А. Пшеворский называет демократию системой упорядоченной неограниченности или организованной неопределенности [6]. Эта неопределенность также является той угрозой, которая может стать решающей при определении судьбы демократии.

Стратегическая проблема в процессе становления демократии – переходный период, таящий в себе множество угроз (от экономического давления до внешних военных вторжений).

Для всякого перехода центральным является вопрос о прочной демократии, т.е. о создании такой системы правления, при которой политические силы ставят свои ценности и интересы в зависимость от не

определенного заранее взаимодействия демократических институтов и подчиняются результатам демократического процесса [2].

В большинстве стран, где была установлена демократия, она оказалась непрочной. Что свидетельствует о сложности пути, ведущего к демократии, от которого всецело зависит конечный результат, «продукт» демократизации.

Виду вышеизложенного обозначим ряд проблем переходного периода:

Значительное неравенство в доходах, образовании, социальном статусе и других экономических и общественных ресурсах, которое ведет к неравенству политическому. Решение этой проблемы требует повышения демократической подотчетности крупных финансовых и промышленных корпораций – не только средствами внешнего политического и экономического контроля, но и внутри самих фирм.

Иммиграционные процессы в развитых странах способствуют популярности радикальных политических движений, враждебных не только иммиграции, но и правам человека и порой даже самой демократии.

Террористические угрозы вызвали необходимость расширения полномочий органов безопасности и правопорядка, что повлекло ограничение некоторых фундаментальных свобод граждан.

Национализм этнических меньшинств, стремящихся к созданию собственных государств, приводит к негативным реакциям со стороны остального народа, проживающего на территории той или иной страны.

Международные организации, предполагающие частичное ограничение суверенитета стран-участников, осуществляют контроль над проводимой ими политикой, которая частично оказывается вне досягаемости граждан страны или в сфере влияния других стран.

Институциональное и конституционное становление демократического режима неотделимо от формирования государственного аппарата [8]. Этот процесс смены правящих элит имеет свои закономерности, противоречия и весьма существенным образом влияет на формы и методы осуществления переходного периода.

Также предметами дискуссий по-прежнему являются состав наделённой властью народа («демоса»), вопрос о защите этнических и культурных меньшинств от воли большинства, а также о распространении демократических принципов на семьи, религиозные учреждения, школы и больницы), процедуры демократического представительства, необходимые общественные и культурные условия, экономические условия, пределы демократической политики.

Становится очевидным, что демократия сама по себе не может обеспечить достойный уровень жизни, решить большинство социально-экономических проблем, которые являются наиболее чувствительными для людей. Она может только создать необходимые политические институты и привести к решению наиболее болезненных задач.

Как сделать демократию «полезной» для человека, отвечающей его интересам и подконтрольной обществу – вопрос, над решением которого работают ученые и политики многих стран.

1. Андреев, С.С. Политический режим и политическая демократия / С.С. Андреев // Социально-политические науки. – 1992. – № 2/3. – С. 10–22.

2. Баранов, Н.А. Об эффективности демократии // Актуальные проблемы современного политического процесса: материалы международной научной конференции / Н.А. Баранов. Санкт-Петербург, 15 февраля 2007 г. – СПб.: Балт. гос. техн. ун-т, 2007. Ч. 1. – С. 179–185.

3. Гаджиев, К.С. Введение в политическую науку / К.С. Гаджиев. – М.: Логос, 2004.

4. Дилигенский, Г.Г. Демократия на рубеже тысячелетий / Г.Г. Дилигенский // Политические институты на рубеже тысячелетий. – Дубна, 2001. – С. 35.

5. Зеркин, Д.П. Основы политологии: курс лекций / Д.П. Зеркин. – Ростов н/Д: Феникс, 1996. – С. 254.

6. Пшеворский, А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / А. Пшеворский. – М., 2000. – С. 31.

7. Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – М., 2003. – С. 338.

8. Цыганков, А.П. Политические режимы / А.П. Цыганков // Современный политический журнал. – 1996. – № 1. – С. 82

9. Чиркин, В.Е. Нетипичные формы правления в современном государстве / В.Е. Чиркин // Государство и право. – 1994. – № 4.

10. Чиркин, В.Е. Конституционное право зарубежных стран / В.Е. Чиркин. – М.: Юристъ, 1997. – С. 185.

3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ГОСУДАРСТВАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

СПЕЦИФИКА ПРАВООТНОШЕНИЙ ПРИ ОКАЗАНИИ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Ч.А. Дзотов, аспирант

Московский психолого-социальный университет
г. Москва

Правовые отношения – это общественные отношения урегулированные правом, т.е. основанием их возникновения, развития и прекращения является юридическая норма, а также правообразующие, правоизменяющие или правопрекращающие юридические факты. Эти отношения гарантируются государством и находятся под его защитой. Вследствие правовой оформленности этих отношений устанавливаются субъективные юридические связи между определёнными субъектами права (в нашем случае между адресатом юридической помощи и лицом её осуществляющим), происходит преобразование общих положений норм права в конкретное поведение участников правоотношений.

При этом важно подчеркнуть, что правовые отношения предусматривают определённые *принципы своего развития* общеправовые и специальные (о чем речь пойдёт ниже) и взаимные, корреспондирующие субъективные права и обязанности (материальное и процессуальное содержание этих отношений). Именно через конкретные правовые отношения и обеспечивается действие конституционного права на квалифицированную юридическую помощь, а также реализуются правовые нормы действующего законодательства, регламентирующие различные форм и виды таковой помощи.

Конституционное право на квалифицированную юридическую помощь имеет своей целью, с одной стороны, гарантировать определённый порядок действия права, т.е. отношений, связанных с обеспечением и защитой конституционных прав и свобод человека и гражданина, а с другой – регламентировать общественные отношения, связанные с реализацией права на оказание и получение юридической помощи.

В целом правовые отношения, связанные с реализацией конституционного права на квалифицированную юридическую помощь, можно охарактеризовать следующим образом:

- *во-первых*, такие правовые отношения имеют свое собственное содержание, поскольку реализуют конкретную конституционно-правовую норму и возникают в особой сфере отношений;
- *во-вторых*, данным отношениям свойственен особый субъективный состав, т.к. только определённые субъекты права могут вступать в данный вид юридической взаимосвязи (законодательство предусматривает строго ограниченный состав субъектов, оказывающих квалифицированную юридическую помощь и определённый круг лиц, имеющих право на бесплатную правовую помощь);
- *в-третьих*, между этими участниками складываются специфические отношения, иные, чем в других случаях, поскольку данные правовые отношения, реализующие конституционное право человека и гражданина, характеризуются (в соответствии с их конституционно-правовой природой) большим многообразием, что создает многослойные юридические связи между субъектами, устанавливаемые, как правило, через «цепь взаимосвязанных между собой правоотношений» [1].

С точки зрения В.Ю. Панченко, данные действия субъектов права, связанных с оказанием и получением юридической помощи, выступают объектом или носителем правового режима реализации этой помощи и включают в себя три группы отношений: 1) правовые отношения, которые предшествуют оказанию юридической помощи; 2) правоотношения, связанные с самим процессом оказания данной помощи; 3) отношения, вытекающие из процесса оказания правовой помощи, предполагающие наступления конкретных юридических последствий [2].

Соглашаясь с вышеуказанной точкой зрения исследователя, дадим развёрнутую характеристику этим трём группам отношений и проанализируем содержание последних и их специфику.

Первая группа – это отношения, с одной стороны, которые предшествуют оказанию юридической помощи, т.е. это принципы и основания возникновения и развития данных отношений, а с другой – это отношения или условия изменения правовых отношений между субъектами. В данном случае речь идет как

об условиях и о порядке предоставления и получения квалифицированной юридической помощи той или иной категории субъектов права, так и об основаниях оказания (юридические факты, связанные с возникновением правовых отношений – правотворящие, с условиями развития данных отношений и т.д.), развитии, качественном преобразовании (например, юридические факты изменяющие содержание правоотношений – правоизменяющие) правоотношений между субъектом оказания помощи и ее адресатом.

Например, ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» определяют правовые основы регулирования отношений, связанных с оказанием осуществлением данной помощи (ст. 3), квалификационные требования и полномочия субъектов ее оказывающих (ст. 8,9, 10,11,12,13,14), определяются категории граждан имеющих право на получение бесплатной юридической помощи в рамках системы государственной бесплатной юридической помощи, фиксируются случаи оказания правовой помощи (ст. 20) и т.д. [3]

Вторая группа отношений связана непосредственно с самим процессом оказания/получения квалифицированной юридической помощи, которые складываются между адресатом помощи и субъектом ее оказывающим. При этом данные правовые отношения реализуются на основании соглашения между адресатом помощи и субъектом ее оказывающим. Например, в ФЗ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» в п. 2 ст. 25 четко определяется, что «Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному ему лицу» [4].

И, третья группа отношений – это отношения, вытекающие из процесса оказания юридической помощи, предполагающие наступления определенных правовых последствий (например, оказание помощи или ее не оказание, или недолжное оказание). В этом случае речь идёт о проблеме социальной и юридической ответственности за не оказание, недолжное оказание квалифицированной юридической помощи, на чем более обстоятельно мы остановимся ниже.

Отношения между субъектами права в контексте реализации квалифицированной юридической помощи подчиняется ряду основополагающих принципов. Под принципами в данном случае понимается совокупность общеправовых и иных юридических правил, регулирующих взаимодействие лиц, получающего и предоставляющего юридическую помощь, а также их взаимодействия с третьими лицами.

Например, в рамках Единого Стандарта оказания первичной квалифицированной юридической помощи в качестве ведущих принципов, регулирующих взаимоотношения адресата помощи и субъекта ее оказывающего выделяют: законность, гласность, доступность, обеспечение защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, социальная справедливость и социальная ориентированность [5]. ФЗ «Об оказании бесплатной юридической помощи» фиксирует в ст. 5 следующие принципы ее оказания: 1) обеспечение реализации и защиты прав, свобод и законных интересов граждан; 2) социальная справедливость и социальная ориентированность при оказании бесплатной юридической помощи; 3) доступность бесплатной юридической помощи для граждан в установленных законодательством Российской Федерации случаях; 4) контроль за соблюдением лицами, оказывающими бесплатную юридическую помощь, норм профессиональной этики и требований к качеству ее оказания; 5) установление требований к профессиональной квалификации лиц, оказывающих бесплатную юридическую помощь; 6) свободный выбор гражданином государственной или негосударственной системы бесплатной юридической помощи; 7) объективность, беспристрастность при оказании бесплатной юридической помощи и ее своевременность; 8) равенство доступа граждан к получению бесплатной юридической помощи и недопущения дискриминации граждан при ее оказании; 9) обеспечение конфиденциальности при оказании бесплатной юридической помощи.

В ФЗ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» нет специальной статьи, посвященной принципам оказания юридической помощи, но из внутренней логики данного нормативно-правового акта, а также из анализа полномочий адвоката (ст. 6) можно выделить такие принципы как: *во-первых*, свобода сбора сведений и получения информации, необходимые для оказания юридической помощи; *во-вторых*, законность, профессиональность и своевременность при оказании юридической помощи; *в-третьих*, беспрепятственно осуществлять деятельность, связанную с оказанием юридической помощи в пределах действующего законодательства; *в-четвертых*, беспрепятственно встречаться со своим доверителем, адресатом помощи и т.п.; *в-пятых*, юридически обосновывать любое значимое в сфере права действие (например, составление юридически значимых документов); *в-шестых*, честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы лица, получающего юридическую помощь.

В специализированной литературе существуют и иные теоретико-методологические попытки выявления принципов адвокатской деятельности, связанной с оказанием юридической помощи. Так, например, И.М. Зайцев формулирует следующие принципы: действие адвоката в рамках полученных полномочий; максимально полное и эффективное обеспечение интересов и прав адресата помощи; проявление творческого отношения к делу; юридическая обоснованность каждого составленного процессуального документа; положительность результатов деятельности адвоката [6]. В данном случае, конечно, выделен-

ные принципы относятся к институту адвокатов, однако, так или иначе, отражает специфику взаимоотношений адвоката, оказывающего юридическую помощь и субъекта ее получающего.

По нашему мнению комплексный и плодотворный подход к пониманию особенностей правовых отношений, в рамках которых реализуется право на квалифицированную юридическую помощь, а также к систематизации принципов и правил их социально-правового воплощения в жизнь представлен в теоретико-практических разработках Р.Г. Мельниченко и В.Ю. Панченко. Мы согласны с позицией Р.Г. Мельниченко, что принципы и правила регулирующие отношения, связанные с предоставлением и получением квалифицированной юридической помощи, исходя из деления всех правовых принципов на общеправовые, межотраслевые и отраслевые, следует классифицировать на: общие, смежные и специальные. Поэтому дадим развёрнутую характеристику этим принципам и правилам, организующим и регулиующим отношения, связанные с оказанием квалифицированной юридической помощи, по сложившейся в конституционном праве классификации.

К общим принципам и правилам, регламентирующим отношения адресата помощи и субъекта ее оказывающего, исследователь относит – законность, справедливость, гуманизм. Смежные принципы представлены у Р.Г. Мельниченко принципом состязательности и принципом активной роли суда в выявлении обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон. В свою очередь к специальным принципам и правилам оказания и получения квалифицированной юридической помощи он относит: право на свободный доступ к лицу, оказывающему юридическую помощь; право на свободный выбор лица, оказывающего юридическую помощь; право на достоверную информацию относительно полномочий лица, предоставляющего юридическую помощь; презумпция предоставления более квалифицированной юридической помощи лицами адвокатской профессии; право на конфиденциальное общение с лицом, оказывающим юридическую помощь; право наделять лицо, оказывающее юридическую помощь, особыми правами; а также принципы, направленные на создание условий для действенного оказания лицом юридической помощи [7].

С позиции В.Ю. Панченко характер и особенности правовых отношений, связанных с получением и оказанием квалифицированной юридической помощи, следует анализировать с точки зрения общего и специального правового режима. Выше отмечалось, что реализация конституционного права на квалифицированную юридическую помощь представляет собой специфическую правовую деятельность, которая выражена в процессе взаимодействия субъектов по ее оказанию и получению. В соответствии с этим режим правового регулирования отношений, связанных с юридической помощью, реализуется в двух направлениях – порядок оказания и порядок получения этой помощи [8].

В этом плане В.Ю. Панченко нормативные принципы и правила регулирования правовых отношений подразделяет на общеправовые (или общий правовой режим) и специально-правовые (специальные правовые режимы). Первый связан с общими, исходными конституционными права-гарантиями и «предметно охватывает обычные, распространенные случаи необходимости профессионального правового содействия осуществлению прав и законных интересов гражданина и организаций в большинстве сфер общественной жизни». В свою очередь специальный правовой режим регламентирует правовые отношения в «отдельных проблемных правовых ситуациях в специфических областях правового регулирования, а также ситуаций, вызванных экстраординарными обстоятельствами (например, уголовное преследование, отбывание наказания и т.п.)» [8.С. 104], которые в силу своих особенностей подвергаются особому правовому регулированию и требуют специальных правовых режимов юридической помощи.

1. Козлова, Е.И. Конституционное право России / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2006. – С. 14.

2. Панченко, В.Ю. Правовые режимы юридической помощи // Правовые режимы: общетеоретический и отраслевой аспекты / В.Ю. Панченко. – М., 2012. – С. 94.

3. Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Российская газета от 23 ноября 2011 г. (Федеральный выпуск №5639).

4. Федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Российская газета от 5 июня 2002 г. (Федеральный выпуск №2968).

5. Единый Стандарт оказания первичной юридической помощи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.alrf.ru>

6. Адвокатская деятельность: учебно-методическое пособие / под общ. ред. канд. юрид. наук. В.Н. Буробина. – М., 2001.

7. Мельниченко, Р.Г. Право на юридическую помощь: конституционные аспекты: монография / Р.Г. Мельниченко. – Волгоград, 2003.

8. Панченко, В.Ю. Правовые режимы юридической помощи // Правовые режимы: общетеоретический и отраслевые аспекты / В.Ю. Панченко; под ред. засл. деятеля науки РФ, докт. юрид. наук, проф. А.В. Малько и докт. юрид. наук, проф. И.С. Барзилова. – М., 2013.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИНСТИТУТА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

И.В. Тимошенко, д-р юрид. наук, профессор

*Таганрогский институт управления и экономики
г. Таганрог*

Актуальность затрагиваемой в настоящем докладе проблематики, как представляется его автору, обусловлена тем, что в соответствии с положениями ч. 1 ст. 48 Конституции РФ в Российской Федерации каждому гарантируется право на получение *квалифицированной* юридической помощи, тогда как в настоящее время процессуальный статус представителя по делам, вытекающим из административно-правовых отношений юрисдикционного типа, не предполагает наличие у него как профильного юридического образования, так и иных формальных критериев, подтверждающих уровень его квалификации (в полной мере это относится также и к институту представительства в гражданском процессе, но выходит за рамки затрагиваемой автором проблематики). При этом вполне очевидно, что уже само по себе закрепление права на квалифицированную юридическую помощь на конституционном уровне свидетельствует об общегосударственном значении указанного права и создает предпосылку (правовую основу) для обеспечения единого федерального стандарта оказания юридической помощи, которого в России, увы, пока что нет. Представляется, что данная проблема требует своего разрешения: в стране должен быть разработан и внедрен единый федеральный стандарт оказания юридической помощи.

Еще одна имеющая сугубо прикладной и немаловажный характер проблема функционирования института представительства в административно-юрисдикционном процессе и оказания квалифицированной юридической помощи по делам, вытекающим из административно-правовых отношений юрисдикционного типа, обусловлена, как представляется, тем, что квалифицированная юридическая помощь (как и любой иной квалифицированный труд) стоит денег и далеко не всегда соотношение «цены вопроса» (то есть затрат, необходимых на защиту интересов гражданина в административно-юрисдикционном процессе) соизмерима с результатом, который могут принести эти затраты. Это касается абсолютно все юрисдикционных производств административного типа, но наиболее наглядно проявляется в производстве по делам об административных правонарушениях, где размер административного штрафа как наиболее распространенного вида административного наказания зачастую значительно ниже, нежели самые минимальные расценки на услуги квалифицированного защитника по таким делам. В этой связи участие защитника в производстве по делу об административном правонарушении – это скорее редкость (исключение), нежели правило. В полной мере это можно сказать и о производстве по обжалованию неправомερных решений и действий (бездействия) исполнительных органов публичной власти и их должностных лиц: в подавляющем большинстве случаев такой механизм попросту не запускается, поскольку для подачи жалобы требуется соблюдение строго определенной процессуальной формы и соответствующей квалифицированной юридической помощи, то есть, опять же, определенного рода финансовых затрат.

Такая (вполне, увы, объективная) ситуация, как представляется, самым негативным образом сказывается и на качестве самого административно-юрисдикционного процесса (производства по каждому конкретному юрисдикционному делу), и на повседневной деятельности исполнительных органов публичной власти по принятию правовых актов управления правоприменительного типа.

Указанную проблему на фундаментальном уровне помогает, казалось бы, решить закрепленная в ч. 1 ст. 48 Конституции РФ норма-принцип о том, что в случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. Но так ли это в действительности и работает ли данная конституционная норма в административно-юрисдикционном процессе? Ответ на этот вопрос весьма дискуссионен.

Так, вот уже три года (с декабря 2011 г.) в России действует Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», который устанавливает основные гарантии реализации права граждан Российской Федерации на получение бесплатной квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации, а также организационно-правовые основы формирования государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи и деятельности по правовому информированию и правовому просвещению населения. В законе определены цели и принципы оказания бесплатной квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации, ее виды, субъекты и пр. Казалось бы – вопрос формально решен. Однако указанный федеральный закон, во-первых, регламентирует право на получение бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи далеко не всем, а только строго определенным категориям граждан (ч. 1 ст. 20 Закона). Во-вторых, указанный федеральный закон содержит четко определенный перечень случаев оказания такой помощи (ч. 2 ст. 20 Закона) и, увы, никак не затрагивает вопросов оказания бесплатной юридической помощи в рамках производства по делам об административных правонарушениях. Применительно к административно-юрисдикционному процессу закон касается лишь случаев обжало-

вания нарушений прав и свобод граждан при оказании психиатрической помощи и обжалования во внесудебном порядке актов органов государственной власти, органов местного самоуправления и должностных лиц (ч. 2 ст. 20 Закона), хотя и содержит в себе декларативную норму о том, что федеральными законами могут быть установлены случаи и порядок оказания бесплатной юридической помощи в административном судопроизводстве, а также в иных случаях (ч. 3 ст. 3 Закона). В этой связи представляется, что законодателю следует подумать и о правовой регламентации оказания бесплатной квалифицированной юридической помощи (пусть и для определенных категорий лиц) по делам об административных правонарушениях, тем более что упомянутая выше статья 3 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» формально это допускает.

Производство по жалобам (точнее – производство по оспариванию неправомερных решений и действий (бездействия) исполнительных органов публичной власти и их должностных лиц) подразделяется на два вида: на сугубо административное (то есть на внесудебное) и на судебное.

Первое (внесудебное) за рядом исключений (например, касаясь обращений к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации и др.) регламентировано нормами Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (в редакции от 2 июля 2013 г.) и, как таковое, не является собственно юрисдикционным процессуальным производством в так называемом «чистом виде» (то есть предусмотренным процессуальным законом порядком (стадийностью) рассмотрения юридического дела, который обуславливается материально-правовой природой дела, осуществляется в форме соответствующих процессуальных правоотношений, характеризуется соответствующей системой установления и доказывания фактических обстоятельств рассматриваемого дела, а также фиксацией результатов рассмотрения дела в соответствующих процессуальных документах как промежуточного, так и итогового характера) в отличие от судебных производств и производства по делам об административных правонарушениях. Статья 10 данного федерального закона говорит о том, что государственный орган, орган местного самоуправления или должностное лицо обеспечивает объективное, всестороннее и своевременное рассмотрение обращения гражданина, в случае необходимости – с участием гражданина, направившего обращение. Таким образом, сама возможность (необходимость) участия гражданина (как личное, так и через представителя) в процессе рассмотрения его обращения в данном случае отдается законом на полное усмотрение субъекта публичной власти, осуществляющего процесс его рассмотрения, что, на наш взгляд, не совсем уместно и не способствует решению такой задачи процесса, как «всестороннее рассмотрение обращения». В особенной степени это касается именно жалоб как вида обращений граждан в исполнительные органы публичной власти. В этой связи представляется целесообразным предусмотреть в законе юридическую возможность гражданина по собственной инициативе решать вопрос о своем личном участии либо об участии своего представителя в рассмотрении поданного им в исполнительный орган публичной власти обращения.

Что же касается института представительства по делам, связанным с порядком рассмотрения жалоб и иных обращений граждан в исполнительные органы публичной власти, то по совокупности указанных выше причин (отсутствие строгой процессуальной регламентации процедуры (механизма) рассмотрения обращений граждан и субъективной возможности личного участия гражданина в этой процедуре) указанный институт в этом ключе, увы, совсем не развит, а само участие представителя в подобного рода делах сводится, как правило, лишь к составлению письменной жалобы и ее подписанию от имени своего доверителя в рамках предоставленных соответствующей доверенностью процессуальных полномочий. И данная проблема, как представляется автору, также требует своей научной проработки и последующей правовой регламентации в контексте ее решения.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОРГАНИЗОВАННЫХ ФОРМ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В.И. Шульга, канд. юрид. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Институт соучастия является одним из неоднозначных в теории уголовного права. Многообразие способов совершения преступлений в соучастии, неясность соответствующих уголовно-правовых норм, противоречивая судебная практика создают множество проблем в данной области. Многие вопросы соучастия остаются спорными, что создаёт трудности как для квалификации преступлений, особенно её организованных форм, так и для уголовной ответственности и наказания соучастников.

Соучастие представляет собой кооперацию, где усилия каждого объединяются для достижения поставленной общей цели. В организованной группе, преступном сообществе (преступной организации)

не только значительно повышается производительность криминального труда, но и создаётся новая производительная сила, благодаря организации, как самой преступной группы, сообщества (организации), так и процесса их преступной деятельности. Все это создает основу существования и развития организованной преступности.

За последние годы организованная преступность вышла на качественно иной уровень, захватив себе выполнение ряда государственных функций, например, таких как обеспечение безопасности физических и юридических лиц с помощью «крыш», обеспечение исполнения «долговых обязательств» и т.п. Организованная преступность самоорганизовалась в криминальное государство в постсоветском пространстве, не только в России, но и в ряде других государствах бывшего СССР.

Уголовная ответственность лиц совместно, а главное, организованно участвующих в совершении общественно опасных деяний, организованной преступной деятельности ограничивается в большинстве случаев квалификацией по дополнительному признаку «деяние, совершенное организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)», что не соответствует характеру и степени общественной опасности самой организованной преступности.

Для криминологической характеристики организованной преступности еще используются, чаще всего, данные уголовно-правовой статистики по совокупности статей 208-210 УК РФ. Крайне редко используется судебная статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ о судимости по отдельным составам преступлений названных статей УК. Однако криминологическая характеристика организованной преступности, как и всей преступности, шире, чем уголовно-правовая.

В частности, не всякая организованная преступная группа, преступное сообщество (преступная организация) является составной частью организованной преступности. Часто они существуют и действуют самостоятельно друг от друга, что характерно, например, для бандформирований.

Только с изменением УК РФ, в частности, составов преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ (ФЗ от 03.11.2009 № 245-ФЗ), стало очевидным, что одним из признаков организованной группы является ее структурный характер, то есть вхождение ее в качестве структурного элемента в состав преступного сообщества (преступной организации) в сложной криминальной иерархической структуре современной организованной преступности. Представляется, что это первая попытка законодателя как-то обозначить границы организованной преступности с уголовно-правовых позиций. Ведущую роль в обозначении уголовно-правовой границы организованной преступности играет, прежде всего, ст. 210 УК РФ.

Данное обстоятельство ранее не учитывалось ни уголовным законодательством, ни правоприменительной практикой. При этом ст. 210 УК РФ до недавнего времени, как правило, самостоятельно не применялась. А значит, данные в уголовной и судебной статистиках не отражали реальные итоги уголовно-правовой борьбы с организованной преступностью. Они значительно скромнее, чем это делают правоохранительные органы и распространяют СМИ.

Так, из краткой характеристики состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2013 года следует, что «Организованными группами или преступными сообществами совершено 16,6 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (-4,3%), их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий остался на уровне аналогичного периода прошлого года (5,7%)». Но это преступления с соответствующими квалифицирующими признаками, как следствие деятельности организованных преступных формирований. Они дают только часть уголовно-правовой характеристики организованной преступности.

При этом по данным ФКУ «Главного информационно-аналитического центра» МВД РФ в 2013 году было зарегистрировано преступлений: бандитизм – 233, организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) – 251.

По данным Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) [1]:

– количество предварительно расследованных преступлений в отчетном периоде (из числа находившихся в производстве или зарегистрированных в отчетном периоде), совершенных организованной группой, в динамике составило: 2008 год – 34 746, 2009 год – 28 568, 2010 год – 20 974, 2011 год – 16 376, 2012 год – 17 237, 2013 год – 15 915.

– количество предварительно расследованных преступлений в отчетном периоде (из числа находившихся в производстве или зарегистрированных в отчетном периоде), совершенных преступным сообществом, составило: 2008 год – 1855, 2009 год – 3075, 2010 год – 1277, 2011 год – 1315, 2012 год – 779, 2013 год – 1351.

Как видно, количество преступлений, совершенных организованными преступными формированиями, из числа расследуемых по уголовным делам в 2013 году по сравнению с 2008 годом снизилось в два раза.

Примечательно, что количество оконченных рассмотрением уголовных дел в судах по ст.ст. 208–210 УК РФ за указанный период времени снизилось незначительно (около 10%). В то время как количество осужденных по этим статьям снизилось значительно (около 30%).

Так, по статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ [2] количество оконченных рассмотрением уголовных дел в судах первой инстанции по статьям 208-210 УК РФ (бандитизм, организация незаконных формирований, банд и преступных организаций) составило: 2008 год – 405, 2009 год – 333, 2010 год – 386, 2011 год – 388, 2012 год – 381, 2013 год – 366, по которым было осуждено лиц: 2008 год – 656, 2009 год – 529, 2010 год – 666, 2011 год – 607, 2012 год – 478, 2013 год – 448 чел. [3]

При этом нет ни одного осужденного лица по ч. 4 ст. 210 УК РФ (в новой редакции), занимающего высшее положение в преступной иерархии, за организацию преступного сообщества либо руководство таким сообществом и иные действия, предусмотренные ч. 1 указанной статьи, а с использованием служебного положения – только 2 осужденных в 2013 году. Хотя известно, что коррупционные связи с чиновниками являются системным свойством организованной преступности [4].

Еще одна особенность уголовно-правовой характеристики организованной преступности состоит в том, что ст. 210 УК РФ применяется только при совершении тяжких и особо тяжких преступлений, удельный вес которых, например, в 2013 году составил чуть больше 20%. За рассматриваемый период отмечается динамика снижения тяжких и особо тяжких преступлений. Как следствие, аналогичная динамика доли осужденных по ст. 210 УК РФ из числа статей 208-210 УК наблюдается в: 2008 году – данных нет, 2009 году – 34%, 2010 году – 40%, 2011 год – 43%, 2012 году около 40%, 2013 году только – 25%. Одна из причин динамики снижения регистрации преступлений, рассмотрения уголовных дел и осуждения виновных связана с организованными формами соучастия [5].

Основная уголовно-правовая проблема низкой эффективности правоприменительной деятельности правоохранительных и судебных органов состоит в том, что признаки составов преступлений с организованными формами соучастия являются оценочными.

Как справедливо отмечает проф. В.М. Быков [6] исключение ФЗ от 03.11.2009 г. № 245-ФЗ из ч. 4 ст. 35 признака «сплоченности» для преступного сообщества (преступной организации) и введение признака для него «структурирования организованной группы» не исключило проблем в квалификации по ним. Многие организованные группы имеют собственную структуру, не входя в состав преступного сообщества (преступной организации). Получается, что по этому признаку не представляется возможным отграничить организованную группу от преступного сообщества (преступной организации).

Также согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 года № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в ней (ней)» следует, что под руководством преступным сообществом (преступной организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями понимается осуществление организационных и (или) управленческих функций, как при совершении конкретных преступлений, так и при обеспечении их деятельности.

Такое руководство может выражаться, в частности, в определении целей, в разработке общих планов деятельности преступного сообщества (преступной организации), в подготовке к совершению конкретных тяжких или особо тяжких преступлений, в совершении иных действий, направленных на достижение целей, поставленных преступным сообществом (преступной организацией) и входящими в его (ее) структуру подразделениями при их создании (например, в распределении ролей между членами сообщества, в организации материально-технического обеспечения, в разработке способов совершения и сокрытия совершенных преступлений, в принятии мер безопасности в отношении членов преступного сообщества, в конспирации и в распределении средств, полученных от преступной деятельности).

К функциям руководителя преступного сообщества (преступной организации) следует также относить принятие решений и дачу соответствующих указаний участникам преступного сообщества (преступной организации) по вопросам, связанным с распределением доходов, полученных от преступной деятельности, с легализацией (отмыванием) денежных средств, добытых преступным путем, с вербовкой новых участников, с внедрением членов преступного сообщества (преступной организации) в государственные, в том числе правоохранительные, органы».

Указанные организационные и управленческие действия в том или ином объеме характерны для различных уровней руководства различными социальными общностями, в том числе и преступными. Признаки таких действий остались также недостаточно определенными и их трудно отнести к уголовно-правовым признакам, что не разрешает проблем в квалификации организованных форм соучастия.

1. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2013 года: стат. сб. // ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ [Электронный ресурс]. Дата обращения 28.11.2014 г. // https://mvd.ru/upload/site1/document_file/H8NGnfdiEy.pdf.

2. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. Дата обращения 28.11.2014 г. // <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do>.

3. Форма № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Дата обращения 28.11.2014 г. // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2361>.

4. Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Дата обращения 30.11.2014 г. // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362>.

5. Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс] // Статистика и аналитика. Дата обращения 30.11.2014 г. // <https://mvd.ru/folder/101762/item/1609734/>.

6. Быков, В.М. Проблемы применения ст. 210 УК РФ в новой редакции Федерального закона РФ от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ. Статья в журнале «Политика и право», 2011. – № 1. – С. 99–105 [Электронный ресурс] / В.М. Быков // Pandia.ru. Энциклопедия знаний. Дата обращения 30.11.2014 г. // <http://www.pandia.ru/text/77/317/58161.php>.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОБОЩЕНИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 260 И 261 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)

А.В. Верещагина, канд. юрид. наук, доцент

З.С. Козлова, студентка

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

В настоящее время охрана окружающей природной среды – одна из проблем мирового сообщества. Влияние человека на окружающую среду возрастает с каждым годом. Неслучайно одно из основных направлений национальной экологической политики сохранение естественных природных систем, поддержание их целостности и жизнеобеспечивающих функций. Это позволит обеспечить устойчивое развитие общества и экологическую безопасность, улучшить качество жизни и здоровье населения.

Лес является одним из важнейших природных ресурсов. Лесные участки находятся в федеральной собственности. Российская Федерация как собственник лесов заинтересована в обеспечении их сохранности. Данную обязанность государство реализует, в том числе правовыми способами. За нарушение лесного законодательства предусмотрена административная и уголовная ответственности. В среднем за год лесной фонд России несёт ущерб в размере около 13,8 млрд рублей. В связи с этим представляется важным анализ результатов применения уголовно-правовых запретов, направленных на защиту лесного фонда.

Уголовный кодекс РФ закрепляет два состава преступлений, связанных с нарушением лесного законодательства: незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) и уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261 УК РФ).

1. Незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ). Предметом преступного посягательства являются лесные насаждения, то есть деревья, кустарники и лианы, произрастающие в лесах, а также деревья, кустарники и лианы, произрастающие вне лесов.

Под рубкой лесных насаждений понимается отделение любым способом ствола дерева, стебля кустарника и лианы от корня и может выражаться в осуществлении таких действий без соответствующего разрешения, с превышением разрешенного объема или за пределами лесосеки, с нарушением предоставленных для вырубki сроков, а также путем вырубki тех деревьев, находящихся под запретом вырубki [1].

Пленум Верховного Суда РФ отметил, что в качестве главного критерия разграничения незаконной рубки как преступления (ст. 260 УК РФ) и как административного правонарушения (ст. 8.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) является значительный размер ущерба, причиненный такими действиями, или степень повреждения лесных насаждений [2]. Значительным размером признается ущерб, исчисленный по утверждённым Правительством Российской Федерации таксам, превышающий пять тысяч рублей, крупным размером – пятьдесят тысяч рублей, особо крупным размером – сто пятьдесят тысяч рублей [3].

Преступлением, предусмотренным ст. 260 УК РФ, может быть признана рубка, совершённая при отсутствии необходимых документов, с нарушением предоставленных для вырубki сроков, а также путем вырубki тех деревьев, рубка которых запрещена [4].

Объективная сторона состава преступления по ст. 260 УК РФ выражается в форме действия – незаконной порубки, повреждении до степени прекращения роста деревьев, кустарников, лиан, если эти деяния совершены в значительном размере. Обязательным признаком при квалификации деяния как пре-

ступления может стать один из способов его совершения, а именно повреждение до степени прекращения роста деревьев, кустарников или лиан и их порубка.

Под повреждением до степени прекращения роста деревьев, кустарников или лиан понимается потеря деревом, кустарником или лианой своих естественных функций, остановка их развития и роста и в дальнейшем их высыхание. А под порубкой – отделение сырораствующего ствола от корня.

Обязательным условием является установление причинной связи между незаконной рубкой или повреждением предмета преступления и значительным размером ущерба.

С субъективной стороны рассматриваемое преступление совершается с прямым или косвенным умыслом или по небрежности. Лицо, производящее порубку, сознает общественную опасность своих действий, предвидит, что им будет причинен ущерб, и желает (или не желает, но сознательно допускает) наступления этих последствий. При этом отношение к самому действию — порубке, характеризуется в виде прямого умысла, в то время как отношение к возможным последствиям (размеру ущерба) может характеризоваться как умыслом (прямым или косвенным), так и неосторожностью.

Субъектом преступного посягательства считается физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 16-летнего возраста, в том числе и должностное лицо, по распоряжению или разрешению которого произведена незаконная порубка (повреждение) до степени прекращения роста деревьев (кустарников, лиан).

2. Уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261 УК РФ). Предмет, данного состава преступления идентичен с предметом состава преступления, предусмотренным ст. 260 УК РФ. Субъективная сторона выражается в форме действия или бездействия – уничтожение или повреждение лесов, насаждений, не входящих в лесной фонд, в результате неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности либо поджога, либо иным общеопасным способом, а равно в результате загрязнения вредными веществами, отходами, выбросами или отбросами.

Уничтожение – это полное истребление (прекращение существования) леса, иных насаждений вследствие ненадлежащего обращения с огнем или источником повышенной опасности либо в результате другого общеопасного воздействия. Повреждение – это прекращение роста насаждений и в целом функционирования лесного массива вследствие совершения виновным лицом указанных общественно опасных деяний.

Субъективная сторона состава преступления, характеризуется виной в форме преступного легкомыслия или небрежности, умысла или неосторожности.

Субъект преступного посягательства – физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту его совершения 16-летнего возраста.

Анализ судебной практики по преступлениям, предусмотренным статьями 260 и 261 УК РФ позволяет сформулировать ряд выводов.

1. Выявление незаконных рубок осуществляется постфактум после вывоза древесины, вывода техники или же при реализации продукции, добытой преступным путем.

2. Большая часть уголовных дел о незаконной рубке или уничтожении или повреждении лесов возбуждается и рассматривается на территориях Кировского и Пограничного районов Приморского края. Такая локализация, по нашему мнению, объяснима двумя причинами: 1) близостью этих районов к границе с Китайской Народной Республикой, куда в основном поставляется лес, и 2) достаточно развитой инфраструктурой, которая позволяет без особых затруднений вывезти лес из мест незаконной рубки.

3. Судами больше рассмотрено уголовных дела по фактам незаконной рубки (ст. 260 УК РФ), нежели уничтожение или повреждение лесных насаждений. Это, как представляется, связано с тем, что установление лиц, виновных в уничтожении или повреждении, сложнее. На территории Приморского края по данным Федерального агентства лесного хозяйства в течение одной недели пожароопасного периода в огне погибают лесные насаждения общей площадью 805,8 га. Исходя из экспертных оценок, можно говорить о том, что до 70–80 % из всех лесных пожаров возникает по вине человека. При этом исследованиями установлено, что за нарушение лесного законодательства к уголовной ответственности привлекаются примерно 1 из 400 нарушителей.

4. Преступления, предусмотренные ст. 260 УК РФ совершаются по корыстным мотивам с целью сбыта вырубленного леса или произведенных из него пиломатериалов и извлечения прибыли.

5. Система доказательств, приводимых в приговорах и обосновывающих принятие решения, сводится к протоколам, фиксирующим явку с повинной, протоколам осмотра места происшествия, вещественных доказательств, показаниям представителей лесничеств и свидетелей, и, в некоторых случаях, заключениям экспертиз.

Представляется, что экспертиза позволяет объективировать признаки преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений и уничтожением и повреждением леса. По этим категориям дел возможно проведение комплекса экспертиз – дендрохронологической, почвоведческой, биологической, математической, трасологической и др. Они позволяют установить относительную дату незаконной по-

рубки, уничтожения или повреждения леса; определить место преступного деяния; размер причиненного ущерба; идентифицировать орудия рубки, уничтожения или повреждения леса и т.п.

6. Анализ используемых в процессе доказывания по этим категориям дел доказательств позволяет говорить об асимметрии доказывания в суде, которое основано преимущественно на протоколах следственных действий и иных документах (преимущественно явка с повинной).

7. Основным поводом для возбуждения дела служит не явка с повинной, а сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. Выявленная диспропорция между поводом к возбуждению уголовного дела и явкой с повинной как основным доказательствам по этим категориям уголовных дел, по нашему мнению, может косвенно свидетельствовать о минимизации усилий по доказыванию путем склонения подозреваемых (обвиняемых) к даче явки с повинной уже после возбуждения уголовного дела.

8. Правоприменитель не предпринимает усилий по установлению полного размера причиненного вреда, заявления гражданского иска (только в 57% изученных приговоров есть указание на заявление гражданского иска, хотя совершенно очевидно, что совершение рассматриваемых преступлений всегда влечет причинение вреда) и т.п. Заявленные гражданские иски, как следует из приговоров, были удовлетворены. Однако насколько обоснованы были размеры исковых требований судить сложно, поскольку только в одном приговоре нами найдено указание на расчет денежной оценки причиненного вреда.

9. Одним из распространенных средств доказывания по этим делам являются вещественные доказательства. Обычно это предметы преступного посягательства (лес) и орудия совершения преступления (бензопилы, средства транспортировки и т.п.). Действующее законодательство предусматривает различные варианты решения судьбы вещественных доказательств, в том числе возвращение их собственнику. Поскольку зачастую подсудимые заявляют, что орудия преступления им не принадлежат, а опровержения этих утверждений в деле нет, суды вынуждены возвращать эти вещественные доказательства, а не обращаться на них взыскание в счет заявленных гражданских исков. Складывается некий порочный круг, поскольку эти орудия преступления вновь могут быть использованы для преступных целей.

10. Карательная практика судов по этим категориям дел гуманна. Преимущественно определяется условная мера наказания с применением ст. 73 УК РФ.

Изложенные предварительные результаты обобщения судебной практики по рассмотрению уголовных дел, возбуждаемых по признакам преступлений, предусмотренных ст.ст. 260 и 261 УК РФ, свидетельствуют о сложности реализации этих уголовно-правовых запретов. Вероятно, это обусловлено комплексом причин. Низкий уровень жизни населения и отсутствие рабочих мест, низкая экологическая культура и недостаточность проводимых профилактических мероприятий, коррупционная составляющая в сфере лесного хозяйства, труднодоступность мест незаконной рубки, просчеты в работе оперативно-розыскных и следственных служб и т.д. – все это в совокупности влияет на эффективность уголовно-правовой охраны лесного фонда Российской Федерации.

1. Гордиенков, А.Д. Незаконная порубка деревьев и кустарников: причины и проблемы привлечения к уголовной ответственности / А.Д. Гордиенков // Экологическое право. – 2006. – №1. – С. 33–36.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 года №21. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php?Id=8201 (Дата обращения 27 ноября 2014 года).

3. Жигалов Н.Ю., Унжакова С.В. Назначение судебных экспертиз при расследовании незаконных рубок лесных насаждений // Российский следователь. – 2009. – № 22. – С. 2–5. Причиненный материальный вред лесному фонду рассчитывается в соответствии с таксами, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 8 мая 2007 г. №273 «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» (ред. от 26 ноября 2011 года) // СЗ РФ. – 2007. – №20. – Ст. 2437.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 20 декабря 2001 года №195-ФЗ (в ред.от 4 ноября 2014 г. № 332-ФЗ) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс».

О ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ МЕЖДУ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМ ИНСТИТУТОМ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ И ПРАКТИКОЙ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

К.Н. Андруханенко, студент

В.И. Шульга,

науч. рук., канд. юрид. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Институт необходимой обороны – один из древнейших уголовно-правовых институтов. Большинство авторов считают, что право на необходимую оборону – естественное, приращенное для человека. Даже сторонники узконормативного правопонимания признают, что «оборона является необходимым дополнением охранительной деятельности государства и... право обороны, как учила и школа естественного права, не создается государством, а только признается и санкционируется им» [1].

В России право необходимой обороны возведено на конституционный уровень (ст. 45 Конституции РФ) и включает в себя право лица защищать права и охраняемые законом интересы всеми способами, не запрещенными законом, причём, как свои собственные, так и других лиц, общества и государства.

Однако практически повсеместно в литературе признаётся, что граждане избегают применять это (безусловно – социально полезное) право, даже тогда, когда это вредит их собственным интересам и спокойствию. Возможно это обусловлено имеющейся правоприменительной практикой. По уголовным делам о необходимой обороне и превышении ее пределов доминирует обвинительный уклон: по уголовно-правовой статистике, число эксцессов обороны существенно больше числа приговоров, которыми признана необходимость обороны [2].

Таким образом, налицо явное противоречие между официальным признанием и нормативно-правовым регулированием института необходимой обороны и правоприменительной практикой. Анализ норм уголовного закона приводит к выводу, что во многом это противоречие вызвано крайне абстрактными формулировками норм статьи 37 УК РФ – в отличие, например, от англо-американского права, где институт необходимой обороны изначально формировался как свод прецедентов. В свою очередь, это позволяет заключить, что развитие института необходимой обороны, крайне значимого для социальной консолидации российского общества, должно идти путем наибольшей конкретизации, детализации существующих норм статьи 37 УК РФ.

Автором предлагается ряд следующих направлений такой детализации рассматриваемого института.

Во-первых, следует признать, что право на необходимую оборону есть естественное право человека, право каждого, принадлежащее ему не в силу его гражданства в определенной стране, а от рождения.

Право необходимой обороны – неотчуждаемо. Оно не может и не должно зависеть от воли законодателя или суда, которые в одном случае могут установить уголовную ответственность за общественно-опасное деяние, а в другом – не установить. Право на необходимую оборону ставится, таким образом, в зависимость от того, включил ли законодатель данное деяние в число уголовно-наказуемых или нет. Соответственно, можно предположить ситуацию, когда деяние, объективно, будучи общественно-опасным, не было по каким-либо причинам (хотя бы в силу постоянного отставания законодателя от жизни) включено в число преступных.

Означает ли не включение законодателем какого-либо деяния в число преступных (или задержка с таким включением) отсутствие у личности права на необходимую оборону против этого деяния? Видимо, нет.

В силу приоритета конституционных прав граждан следует признать справедливость второй точки зрения, так как она более всего отвечает естественно-правовым концепциям. Поэтому необходимая оборона должна быть признана для всех случаев, когда имеет место общественно-вредное посягательство, а не только тогда, когда это посягательство прямо и определенно указано в уголовном законе в качестве преступного.

Во-вторых, УК РФ не устанавливает в каких случаях (за исключением случая угрозы насилия, опасного для жизни и здоровья) обороняющийся вправе причинить любой вред нападающему. По мнению автора, включение в ст. 37 УК РФ перечня обстоятельств, при которых обороняющийся может причинить любой вред нападающему, будет вполне соответствующим духу времени и самой идее последних изменений в ст. 37 УК РФ. Следует отметить, что перечень таких случаев не должен быть исчерпывающим.

В-третьих, проведенное автором исследование позволяет сделать вывод, что естественное внутреннее состояние (например, волнение) лица, осуществляющего право на необходимую оборону, всегда отличается от его обычного (уравновешенного) психического состояния. Связь естественного волнения обороняющегося с необходимой обороной состоит в том, что при волнении, которое присуще человеку,

обороняющийся может не совсем правильно оценить опасность и характер мер, необходимых для предотвращения или прекращения посягательства на охраняемые законом объекты.

В связи с этим внезапность нападения – лишь одно из обстоятельств, которое законодатель уже счёл необходимым легализовать и которое суды должны ныне учитывать. Однако часть 2.1. статьи 37 УК РФ, указывающая на неожиданность посягательства – лишь одна из причин естественного волнения обороняющегося. К числу других факторов можно отнести: объективную значимость защищаемого права (интереса), субъективный испуг, вызванный средствами или последствиями нападения, высказанные нападающим угрозы и т.п.

В силу этого, законодатель должен установить в УК РФ и необходимость учёта естественного состояния обороняющегося как субъективного критерия его действий. Тем самым, психологическому состоянию необходимой обороны необходимо дать легальное определение, которое бы принималось во внимание судами в обязательном порядке.

Подобного рода положение, наряду с допущением в ряде случаев «права опережающего действия», признаваемого в законодательстве многих зарубежных стран, могло бы стать одним из основных направлений законодательного расширения пределов (а значит, и развития) применения права лица на необходимую оборону.

В-четвёртых, следует прислушаться к специалистам, рекомендующим ввести в практику, так называемую оборонительно-психологическую экспертизу, предмет исследования которой будет требовать применения не только психологических, но и иных специальных знаний в области охраны и безопасности. Данное положение вытекает из предшествующего тезиса о естественном характере волнения обороняющегося.

В-пятых, на законодательном уровне целесообразно установить мотив действий лица при превышении пределов необходимой обороны. Так как превышение пределов необходимой обороны возможно только с умышленной формой вины. Такой подход будет корреспондировать содержанию данного института.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что необходимая оборона – это естественное право лица на защиту, так как угроза им быть убитым или раненым во время посягательства оказывает более устрашающее воздействие, чем вероятность осуждения виновного в нападении со стороны государства. Поэтому на законодательном уровне необходимо учитывать не только объективные, но и субъективные факторы в поведении обороняющегося лица.

Право на необходимую оборону играет также серьезную роль в воспитании граждан в духе уважения к закону, необходимости его применения, нетерпимости к преступным проявлениям, формировании осознания гражданского долга, без которых становление в России гражданского общества и, тем более, правового государства не представляется возможным.

1. Перцев Д.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы необходимой обороны / Д.В. Перцев. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. – С. 112.

2. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: в 2 т. Т. 1 / Н.С. Таганцев. – Тула: Автограф, 2001. – С. 7.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ ЗА НАЙМ ИНОСТРАННЫХ СОТРУДНИКОВ БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

А.П. Алексеенко

ст. преп. кафедры частного права

С.А. Киселев, студент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

В настоящее время во время масштабной глобализации остро встаёт вопрос о правовом обеспечении проблемы найма иностранных сотрудников. Так, уровень привлечения иностранной рабочей силы на Дальнем Востоке примерно вдвое выше среднероссийского и составляет более четырех процентов. На 2011 год в регион приехало более 260 тысяч иностранных граждан, в том числе в Приморье – 153 тысячи, из них 26 тысяч – из Китая, остальные – из стран СНГ.

В науке трудового права найму иностранных сотрудников посвящено достаточно много исследований, но в большинстве из них данная проблема рассматривалась сквозь призму трудовых споров и правового регулирования порядка их разрешения.

Основными источниками по регулированию трудовых отношений, осложненных иностранным элементом является трудовой кодекс РФ и Федеральный закон № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». В ст. 2. ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» даётся понятие иностранного гражданина, работника и трудовой деятельности иностранного гражданина. Иностранец – физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства. Также в статье 2. Основные понятия ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» даётся понятие трудовой деятельности и иностранного работника: трудовая деятельность иностранного гражданина – работа иностранного гражданина в Российской Федерации на основании трудового договора или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг).

Иностранец – иностранец, временно пребывающий в Российской Федерации и осуществляющий в установленном порядке трудовую деятельность.

В Статье 13 условия участия иностранных граждан в трудовых отношениях прописываются условия участия иностранных граждан в трудовых отношениях: работодатель и заказчик работ (услуг) имеют право привлекать и использовать иностранных работников при наличии разрешения на привлечение и использование иностранных работников, а иностранец имеет право осуществлять трудовую деятельность в случае, если он достиг возраста восемнадцати лет, при наличии разрешения на работу.

Таким образом, для того чтобы привлечь или использовать иностранных граждан работодатель или заказчик должны сначала получить соответствующее разрешение на их привлечение и использование, которое представляет собой документ, подтверждающий право иностранного работника на временное осуществление на территории Российской Федерации трудовой деятельности или право иностранного гражданина, зарегистрированного в Российской Федерации в качестве индивидуального предпринимателя, на осуществление предпринимательской деятельности.

Очень важной стороной является административная сторона правоотношений между юридическими лицами, индивидуальным предпринимателем и иностранным работником. Согласно ч. 1 ст. 18.15 КОАП привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства при отсутствии у этих иностранного гражданина или лица без гражданства разрешения на работу либо патента, если такие разрешение либо патент требуются в соответствии с федеральным законом, - что ведёт к привлечению административной ответственности: на граждан в размере от двух тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц – от двадцати пяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц – от двухсот пятидесяти тысяч до восьмисот тысяч рублей либо административное приостановление деятельности на срок от четырнадцати до девяноста суток. Также в статье 18.15 КОАП указано, что привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства без получения в установленном порядке разрешения на привлечение и использование иностранных работников, если такое разрешение требуется в соответствии с федеральным законом, влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от двух тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц – от двадцати пяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц – от двухсот пятидесяти тысяч до восьмисот тысяч рублей либо административное приостановление деятельности на срок от четырнадцати до девяноста суток.

Правоотношения с наймом иностранных граждан имеют определённое количество проблем:

Во-первых, проблема правового статуса иностранца.

В ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» даётся понятие трёх статусов:

- а) временно пребывающий в Российской Федерации иностранец;
- б) временно проживающий в Российской Федерации иностранец;
- в) постоянно проживающий в Российской Федерации иностранец.

Иностранец будет признан иностранным работником в случае, если он временно пребывает в Российской Федерации и осуществляет в установленном порядке трудовую деятельность. Таким образом, иностранец, имеющий разрешение на временное проживание или вид на жительство, не относится к категории иностранных работников и может осуществлять трудовую деятельность в российских организациях наравне с гражданами Российской Федерации, т.е. без специальных разрешений.

Во-вторых, получение работодателем разрешения на привлечение и использование состоит из четырёх этапов, что делает эту процедуру довольно сложной и усиливает бюрократическую составляющую.

Проблемным также представляется оформление приглашения на въезд иностранного гражданина на территорию Российской Федерации.

Для каждого иностранца оформляется приглашение на въезд в Россию. Такие приглашения выдаются по ходатайству работодателя на основании уже полученного разрешения на привлечение иностранных работников. Количество приглашений не должно превышать квоту, которая ежегодно устанавливается Правительством РФ на основании заявок субъектов Российской Федерации.

Заявки подаются в Министерство труда и социального развития РФ (Федеральная служба по труду и занятости), которое вместе с Министерством экономического развития и торговли РФ и МВД России (Федеральная миграционная служба) готовит проект постановления Правительства РФ, где устанавливается общая квота по всей стране. Потом эти министерства проводят распределение по субъектам. Представляется, что воля субъекта Российской Федерации, указавшего в своей заявке определенную цифру, может неоднократно исказиться. Мнение субъектов предпринимательства, чьи интересы непосредственно затрагивает установленная квота, во внимание не принимается. Представляется, что установление подобной квоты не позволит работодателям и иностранным работникам быть до конца откровенными с государством, что затруднит последнему мониторинг миграционных процессов. Такие положения законодательства приводят к тому, что работодатель приглашает работников незаконно. В результате чего, его привлекают к административной ответственности. Так, осуществляющее деятельность на территории Приморского края ООО «Владими́ро-Петро́вское» согласно решению суда Ханкайского районного суда подверглось штрафу 250000 рублей, в связи с привлечением к трудовой деятельности на территории Российской Федерации граждан Китайской Народной Республики. Между тем, доказать, что «нелегал» работает в какой-то конкретной организации, в случае его задержания контролирующими органами, будет крайне проблематично.

В заключении можно сказать, что проблема найма иностранных граждан, несмотря на многочисленные исследования остаётся открытой. Работодателям выгоднее «закрывать глаза» на требования закона, чем длительное время добиваться получения разрешения. В этой связи, представляется необходимым признать, что следует сократить этапы оформления иностранного сотрудника, важно учитывать мнения предпринимательских субъектов для установления обоснованной квоты количества приглашений иностранных сотрудников.

1. Викторов, И.С. О правовом регулировании и состоянии законности в сфере труда иностранных граждан / И.С. Викторов // Трудовое право. – 2003. – № 9
2. Вышегородцев, М.М. Факторы, определяющие выбор средств оптимизации государственной миграционной политики России / М.М. Вышегородцев // Трудовое право. – 2003. – № 10.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. №195-ФЗ (с изм. от 1 марта 2014 г.).
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с изм. от 20 мая 2014 г.).
5. Федеральный закон №115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07. 2002 г. (с изм. и доп. от 30 декабря 2012 г.).
6. Дмитриев, А.В. Миграция: конфликт, безопасность, сотрудничество / А.В. Дмитриев, Г.А. Пядухов. – Рязань: РГСУ, 2009. – 201 с.
7. Жеребцов, А.Н. Проблемы пресечения и предотвращения незаконной миграции населения на территории субъекта Российской Федерации / А.Н. Жеребцов // Миграционное право. – 2009. – № 3. – С. 36–39.
8. Киселев, И.Л. Международный труд / И.Л. Киселев. – М.: Академия, 1997. – 214 с.
9. Коваленко, Н.Б. Миграционная ситуация в России. Демографический и геронтологический аспекты / Н.Б. Коваленко // Ученые записки. – 2004. – 21 янв.
10. Васильев, Ф.П. Административный регламент федеральной миграционной службы России / В.П. Васильев. – М.: Современный гуманитарный университет (СГУ), 2009. – 305 с.
11. Гапонова, А.П. Международная миграция кадров высокой квалификации. Современные тенденции / А.П. Гапонова. – Ламберг, 2011. – 208 с.

РОЛЬ ВСЕРОССИЙСКОГО ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОГО КОМПЛЕКСА «ГОТОВ К ТРУДУ И ОБОРОНЕ» В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е.О. Голянкин, студент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Закрепляя право человека на охрану здоровья, государство принимает на себя обязанность осуществлять целый комплекс мер, направленных на устранение, в максимально возможной степени причин, ухудшения здоровья населения. А также на создание условий, при которых каждый человек может воспользоваться любыми незапрещенными методами лечения и оздоровительными мерами для обеспечения наивысшего достижимого на современном этапе уровня охраны здоровья. С этой целью в 2014 году была

разработана программа и нормативная основа физического воспитания населения России, способствующая укреплению здоровья всех категорий населения – «Готов к труду и обороне». В соответствии с «Положением о Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО)» главная роль в механизме реализации этой программы отведена Министерству спорта Российской Федерации [6]. Восстановление отменённой в 1991 году программы «Готов к труду и обороне СССР» было вызвано, прежде всего, показателями высокой смертности среди молодежи по причинам алкоголизма, табакокурения и наркомании. Ежегодно от передозировки алкоголя умирает более 90 тысяч человек [3]. Согласно статистике 65% умерших в возрасте от 18 до 40 лет в момент смерти находилось в состоянии сильного алкогольного опьянения. По оценкам экспертов, 70% российских мужчин и 30% женщин – заядлые курильщики, при этом число курильщиков ежегодно растёт. По данным Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, в России ежегодно от наркотиков умирает 30 тыс. человек, от СПИДА 15 тыс., а 80 тыс. становятся наркоманами [4].

Решение проблем со здоровьем молодежи и ведением ими здорового и правильного образа жизни необходимо начинать еще с детского возраста и помочь в этом могут детско-юношеские спортивные школы и массовый спорт в целом. Что касается детско-юношеского спорта в России в настоящее время, то нельзя сказать, что он на высоком уровне, но и не на таком, как был в 90-е годы 20-го столетия. Еще лет 30 назад детско-юношеский спорт в нашей стране был развит практически идеально. Везде функционировали различные спортивные школы, и любой ребенок мог записаться в них. Обучение было бесплатным, а наиболее талантливые дети через некоторое время начинали заниматься спортом профессионально, а из детско-юношеских школ попадали в национальные команды по разным видам спорта. В олимпийской сборной никогда не было недостатка в молодых талантливых спортсменах. В 90-е годы сотни детско-юношеских спортивных школ элементарно было закрыто из-за недостатка финансирования. Провинциальные города до сих пор не могут выйти на уровень 70-80-х годов прошлого столетия.

Между тем, последнее время совершенствуется механизм обеспечения права человека на здоровье, особенно молодежи [1]. В настоящее время детско-юношескому спорту и массовому спорту уделяется все больше внимания. В целях совершенствования государственной политики в области физической культуры и спорта, создания эффективной системы физического воспитания, направленной на развитие человеческого потенциала и укрепление здоровья населения в марте 2014 года президент РФ подписал Указ о всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО).

Реализация госпрограммы позволит, в частности, обеспечить увеличение доли российских граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, в общей численности населения с 22,5% в 2012 году до 40% в 2020 году. Целями госпрограммы являются создание условий, обеспечивающих гражданам возможность систематически заниматься физической культурой и спортом, повышение конкурентоспособности российского спорта на международной спортивной арене, а также успешное проведение в России крупнейших спортивных соревнований.

Институциональный механизм обеспечения права человека на здоровье средствами комплекса ГТО составляют Правительство Российской Федерации совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации; Министерство спорта Российской Федерации. Нормативная часть механизма представлена физкультурно-спортивным комплексом «Готов к труду и обороне» (ГТО) – программой и нормативной базой по физическому воспитанию населения. Общие положения, цель и задачи ГТО, структура и содержание всероссийского физкультурно-спортивного комплекса ГТО, организация работы по реализации ГТО, структура управления и информационное обеспечение ГТО закреплены в Положении о Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне».

В плане мероприятий предусмотрено поэтапное внедрение ГТО и стимулирование различных возрастных групп населения к выполнению нормативов и требований Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО). Приняты нормативно правовые акты, направленные на реализацию мероприятий по поэтапному внедрению Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) на федеральном, региональном и местном уровнях.

Предусмотрено, что физкультурно-спортивный комплекс ГТО будет внедряться в три этапа до 2017 года. На первом этапе (2014–2015) комплекс ГТО охватит образовательные учреждения 12 регионов, в 2016 году будет распространен на образовательные учреждения всей России, а с 2017 года – будет предложен всем гражданам Российской Федерации. При внедрении ГТО будет применяться принцип добровольности и учета индивидуальных особенностей учащихся и других граждан. Предполагается создать электронную базу достижений в рамках ГТО и вести мониторинг показателей здоровья россиян по его итогам. При этом вузы смогут учитывать достижения по ГТО при поступлении и устанавливать государственные стипендии тем, у кого по ГТО есть особые отличия. Реализация мероприятий по поэтапному внедрению Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) осуществляется федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъек-

тов Российской Федерации в пределах бюджетных ассигнований, предусматриваемых указанным органам соответственно в федеральном бюджете и в бюджетах субъектов Российской Федерации.

Введение нормативов сдачи ГТО на территории Приморского края начнется с 2015 г. Но уже 27.08.2014 г. губернатор Приморского края издал распоряжение №304-РА об утверждении плана поэтапного внедрения сдачи нормативов ГТО, в соответствии с которым для всех 577 школ Приморского края, были закуплены комплекты спортивного инвентаря и оборудования [2].

Начиная с 2015 года при поступлении в российские вузы будут учитываться результаты сдачи норм ГТО в качестве дополнительных 10 баллов к ЕГЭ абитуриентов-обладателей золотого и серебряного знака ГТО. Но подобное положение закона имеет несколько дискриминационный характер в отношении граждан, которые по состоянию здоровья не могут сдавать нормативы ГТО. Поэтому следует согласиться с предложением ученых о разработке так называемых «облегченных» нормативов ГТО для лиц, имеющих проблемы со здоровьем [5]. Еще одним недостатком данного механизма является отсутствие соответствующих процессуальных и финансовых гарантий для многих граждан, проживающих в сельской местности, особенно в труднодоступных районах.

По мнению некоторых ученых, добавление дополнительных баллов к ЕГЭ за сдачу нормативов ГТО может стать причиной коррупционных деяний со стороны некоторых должностных лиц, привести к «купле-продаже» норм ГТО [5].

Подводя итог вышесказанному, считаем, что комплекс ГТО является весьма действенным механизмом обеспечения права человека на здоровье. Несмотря на существующие недостатки как в институциональной, так и нормативной части, он охватывает все возрастные категории граждан, не требует существенных финансовых гарантий. Таким способом может быть решена проблема слабого здоровья молодежи и высокой смертности трудоспособного населения.

1. Детский спорт в России – уже не в загоне, но и до расцвета далеко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://svpressa.ru/sport/article/39705/> (дата обращения 20.11.2014).

2. Комплекты для сдачи норм ГТО отправились во все школы Приморья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestiprim.ru/2014/09/03/komplekty-dlya-sdachi-norm-gto-otpravilis-vo-vse-shkoly-primo-gya.html> (дата обращения 24.11.2014).

3. От отравлений алкоголем и наркотиками ежегодно в России умирают более 100 тысяч россиян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/13nov2006/drugs.html> (дата обращения 17.11.2014).

4. Россию губят водка, курение, наркотики и аборты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/602136/> (дата обращения 17.11.2014).

5. Сергей Колесников: ГТО оздоровит? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/health/life/42099> (дата обращения 24.11.2014).

6. Указ Президента РФ от 28.07.2014 №533 «Об использовании Государственного герба Российской Федерации на знаках отличия Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/search/?x=49&y=7&q=%D0%B3%D1%82%D0%BE&where=main> (дата обращения 15.11.2014)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ЭТАПЕ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШЕННЫМ В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

П.В. Клочков

*Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России
г. Владивосток*

Иностранец – физическое лицо, не являющееся гражданином России и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства ч. 1. ст. 2 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» [1].

Существующие международные акты такие, как Декларация о правах человека [2], Международный пакт о гражданских и политических правах [3] и многие другие раскрывают содержание прав иностранцев, которые в соответствии с действующим законодательством и с учетом международных обязательств государств имеют право на личную неприкосновенность, судебную защиту.

Общий смысл приведённых формулировок заключается в том, что иностранные граждане на территории России, вовлеченные в сферу уголовно-процессуальных отношений, обязаны подчиняться действующему законодательству. Участвуя в правоотношениях, иностранцы могут выполнять в нем самые разные процессуальные функции – выступать в качестве свидетеля, потерпевшего, а также подозреваемого, обвиняемого или подсудимого. У каждого из перечисленных субъектов уголовного судопроизводства есть свои права и обязанности, не разъяснение которых следователем, дознавателем и органом дознания может привести к ущемлению прав указанной категории лиц. Стадия возбуждения уголовного дела, является своего рода фильтром и позволяет на ранних этапах расследования дел в отношении иностранцев решить ряд вопросов обязательных для разрешения:

- 1) статус гражданина иностранного государства (имеется у лица дипломатический или иной иммунитет);
- 2) основания пребывания на территории России;
- 3) требуется ли увеличить срок пребывания;
- 4) какие служебные обязанности имеет иностранец;
- 5) участие переводчика, представителей иных государственных органов (Федеральной миграционной службы, Министерства иностранных дел и т.д.).

При принятии заявления у иностранца и получения в дальнейшем объяснения следует выяснить следующую информацию:

- 1) гражданином, какой страны является лицо подавшее заявление;
- 2) владеет ли он языком судопроизводства;
- 3) что является основанием его пребывания на территории России;
- 4) имеет ли лицо регистрацию и где проживает на территории России;
- 5) где проживает за границей по месту постоянного жительства;
- 6) когда планирует выезд из России и куда конкретно;
- 7) где работает за границей, с указанием места, должности.

Вопросы и ответы на них должны быть закреплены с соблюдением процедуры, т.е. в заявлении или протоколе принятия устного заявления. Нередки случаи, когда должностные лица органов, производящих расследование, позволяют иностранным гражданам самостоятельно заполнять указанные выше документы, что в итоге приводит к утрате доказательственной информации и препятствует расследованию в дальнейшем.

В количественном соотношении преступлений, совершаемых в отношении иностранных граждан, преобладают преступления против личности и собственности, к которым относятся насильственные преступления, кражи, грабежи, разбойные нападения. При решении вопроса о возбуждении уголовного дела по указанным составам важно не только своевременно получить заявление и объяснение, но и провести ряд других действий, таких как освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования, составление субъективного портрета предполагаемого преступника. Возникают ситуации, когда иностранные граждане затрудняются в описании признаков внешности европейского типа лица, для избегания данной сложности следует уделить внимание, квалифицированному подбору переводчика. Но и это иногда не помогает решить всех трудностей, связанных с участием в стадии возбуждения уголовного дела иностранцев. Например, при совершении преступлений в отношении лиц китайской или японской национальности паспортные данные которых прописаны иероглифами, у переводчика возникает трудность с точностью перевода, данная проблема может быть решена только заменой переводчика.

Сроки проверки сообщения о преступлении составляют от 3 до 30 суток (ст. 144 УПК РФ), но на практике возникают моменты, когда иностранный гражданин, направивший заявление в полицию, на следующий день уезжает по месту постоянного проживания. Вариантом решения проблемы в данной ситуации является создание следственно-оперативной группы, которая могла бы в кратчайшие сроки провести необходимые процессуальные и иные действия.

Не всегда следователи и дознаватели знают, в какие организации необходимо обратиться для разъяснения вопросов, касающихся иностранцев. На территории Приморского края находятся 20 дипломатических представительств и несколько общественных организаций, например, общественная организация узбеков и уроженцев Узбекистана «Адолат», что переводится как «Справедливость», обращение с официальным запросом в которые позволит получить необходимую для расследования информацию и помочь в профилактике преступлений в отношении иностранных граждан.

Таким образом, в качестве дополнительных гарантий защиты прав и законных интересов иностранных граждан, в отношении которых совершены преступления в России, могут и должны выступать положения уголовно-процессуального закона, устанавливающие:

- обязательное участие переводчика с момента получения заявления о совершении иностранным гражданином преступления;
- обязательное участие защитника с момента возбуждения уголовного дела;
- обязательное участие законного представителя с момента первого допроса иностранного гражданина;

– перечень дополнительных обстоятельств, подлежащих доказыванию по преступлениям в отношении иностранных граждан, и др.

Установление указанных дополнительных гарантий для иностранных граждан, совершивших преступления в России, нельзя рассматривать как некое послабление для них. Это общепринятый подход, который следует из многочисленных международно-правовых документов. Введение предложенных новелл не только повысит уровень правовой защищенности иностранных граждан в Российской Федерации, но и поднимет международный имидж России в глазах мирового сообщества. Устанавливая подобные гарантии для потерпевших – иностранных граждан, Россия будет иметь право требовать от других зарубежных стран такого же отношения к россиянам, в отношении которых совершены преступления за пределами своей страны, и такое требование будет логичным и обоснованным [4].

1. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 07.06.2013) // СЗ РФ. – 29.07.2002. – № 30. – Ст. 3032.

2. Декларация прав и свобод человека от 05 сентября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР. – 1991. – № 37. – Ст. 1083.

3. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. Генеральной Ассамблеей ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.

4. Багаутдинов, Ф. Нужен особый порядок уголовного судопроизводства / Ф. Багаутдинов, Л. Хакимуллина // Законность. – 2009. – № 9. – С. 29–32.

ПРАВОВОЙ СТАТУС БАНКА РОССИИ: ПЛЮРАЛИЗМ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

Н.Г. Михальченко, студент

М.В. Вронская,

науч. рук., канд. юрид. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Как известно, банковская система нашей страны представляет собой двухуровневый механизм, верхний (высший) уровень которого представлен Банком России (Центральным банком), а нижний – остальными банками и небанковскими кредитными организациями. Нынешние источники не позволяют четко определить юридическую природу центрального, системообразующего органа денежно-кредитной политики и экономического управления в России. Именно поэтому данный вопрос имеет важное практическое значение, остается актуальным в настоящее время, открытым и требующим тщательного сравнительного анализа.

Перед исследователями стоит цель, заключающаяся в установлении юридической природы Центрального Банка РФ путем анализа свойственных ему противоречивых между собой признаков, которые не позволяют назвать банк первого уровня публичным органом, и поставить его в один ряд с другими публично-правовыми образованиями, такими как Министерство экономического развития или Министерство финансов, или с абсолютной уверенностью назвать Банк России, юридическим лицом.

К первому признаку относится: прямое установление Центрального Банка РФ в качестве юридического лица, закрепленное в Федеральном Законе «О Центральном банке» (далее по тексту – закон). Более того, Конституцией РФ он наделен исключительным правом на проведение денежной эмиссии независимо от других органов государственной власти. В этом же законе содержится положение о том, что председателя Центрального Банка РФ назначает и отстраняет от должности Государственная Дума, а так же то, что на Центрального Банка РФ лежит обязанность ежегодно отчитываться перед нижней палатой Федерального Собрания РФ, что априори должно исключать гражданско-правовую природу Центрального Банка РФ, как юридического лица, которому свойственны свобода в определении органов управления. Делегируя Центральному Банку РФ широкий спектр полномочий за счет транспарентных положений в нормативно-правовых актах, государство в целом навлекает на себя весомую вероятность проявления злоупотребления с его стороны. Центральный Банк РФ имеет операционную независимость в выборе средств для достижения поставленных целей в области денежно-кредитной политики. Однако, законодательство может накладывать ряд ограничений на свободу Центрального Банка РФ в выборе допустимых действий и инструментов, но Центрального Банка РФ по итогу, опробуя весь имеющийся арсенал, вправе выбрать наилучшую для себя комбинацию. Помимо этого, юридическую неограниченность данного института подтверждает тот факт, что в РФ Федеральный закон «О Центральном банке» запрещает Банку России предоставлять кредиты Правительству РФ для финансирования федерального бюджета, а также для бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов.

Изложенное выше больше приводит к выводу о публичной природе Центрального Банка РФ как органа государственной власти. При этом за пределами правопонимания, остается закрепление правового статуса Центрального Банка РФ как юридического лица.

Думается подобное явление не имеет структурно четкого описания, прозрачного обоснования и тем самым противоречит своему реальному облику, что приводит к процессу инициации по разобоченности мнений в обществе.

Так, И.В. Цельковский, определяя правовое положение Банка России указывает на важность Конституции РФ как основного источника регулирования. Автор считает, что от толкования, которое в нем дается, необходимо отталкиваться в установлении данного вопроса. Конституция, все-таки, является правовой основой взаимодействия Центробанка с Президентом РФ, а также органами государственной власти Российской Федерации. В то же время необходимо заметить то, что Конституция РФ определяет лишь общий порядок такого взаимодействия. Кроме этого, статьи Конституции РФ, в которых упоминается Банк России, больше касаются полномочий иных органов государственной власти, нежели самого Центрального банка. В этой связи, полагаем исследования И.В. Цельковский о публичной природе Центрального Банка РФ в качестве органа государственной власти не дают возможности уяснить того, к какой же ветви власти следует отнести Центрального Банка РФ, а значит, данная точка зрения является относительной.

Другой исследователь Е.Н. Пастушенко, отмечает, что с точки зрения теории административного права, где обязательным признаком является наличие органа исполнительной власти в качестве субъекта управления, Банк России, исходя из его функций, оказывает управляющее воздействие на банковскую систему и обладает необходимыми для этого полномочиями, в том числе и правом применения государственного принуждения и привлечения нарушителей к ответственности, тем самым, подпадая под категорию исполнительного органа. Однако, вопреки этому, он является юридическим лицом и может совершать определенные гражданско-правовые сделки с коммерческими банками и государством. Поэтому Банк России является органом государственного управления специальной компетенции и юридическим лицом одновременно, осуществляющим хозяйственную деятельность. Тем более, что осуществление Банком России хозяйственной деятельности и выполнение им в то же время административно-контрольных функций не совершаются независимо друг от друга. Заключая гражданско-правовые сделки с коммерческими банками, он, прежде всего, оказывает надлежащее целенаправленное воздействие на развитие системы кредитования и определяет кредитную политику в стране. По мнению Пастушенко, из этого следует вывод, что Банк России – это орган государственного управления и главной особенностью правового статуса Банка России является то, что осуществление его административных прав и хозяйственной деятельности подчинено решению одной и той же задачи – управлению в сфере денежно-кредитных отношений.

К.И. Данилов указывает на частичное сходство Центрального Банка с федеральным министерством и федеральной службой в одно время. В проведенной аналогии между толкованием понятия отраслевого министерства через призму выполняемых им функций с функциями, указанными в ст. 4 Федерального закона «О Центральном Банке России» видно, что он наделен теми же полномочиями. Но законодатель, несмотря на это, нигде не закрепляет за Центральным Банком РФ роль министерства. Что касемо федеральной службы, которой присущи функции по осуществлению контроля и надзора в определенных сферах деятельности, то опять прослеживается явное сходство с функциями, закрепленными в ст. 4 Федерального закона «О Центральном Банке». С целью уяснения юридической сущности Центрального банка РФ, К.И. Данилов предлагает обратиться к иному законодательству, анализируя которое представляется возможным вычленить значимые признаки, которые помогут нам придать Центральному Банку РФ тот или иной правовой статус. Так, согласно ст. 4 Федерального конституционного закона от 25 декабря 2000 года №2-ФКЗ «О государственном гербе Российской Федерации, государственный герб в РФ помещается на печатях федеральных органов государственной власти, иных государственных органов, организаций и учреждений, на печатях органов, организаций и учреждений независимо от форм собственности, наделенных отдельными государственно-властными полномочиями, а также органов, осуществляющих государственную регистрацию актов гражданского состояния. Это прямо согласуется с тем, что указано в ст. 1 Федерального закона «О Центральном Банке»: «Банк России имеет печать с изображением Государственного герба Российской Федерации и со своим наименованием». Таким образом, К.И. Данилов подтверждает, что в законодательстве нигде нет прямого указания на принадлежность Банка России к органам государственной власти, считая, однако, что в завуалированной юридической технике законодателя это прослеживается и подразумевается.

В том числе, К.И. Данилов указывает на ряд проблем, выступающих в роли сильных аргументов противников признания Банка России органом государственной власти, даже вопреки складывающимся к тому предпосылкам. В частности, к таковым относятся:

1. Как правило, все органы относятся к какой-либо одной из трех ветвей власти, а законодатель не отнес Центральный Банк ни к одной из них.
2. Служащие Банка России не являются должностными лицами государственных органов.

3. Банк России не значится как орган в Указе Президента от 12 мая 2008 года №724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти».

4. В соответствии со ст. 1 ФЗ «О Центральном Банке РФ» Банк России является юридическим лицом.

При этом, говоря о Центральном Банке РФ как юридическом лице, К.И. Данилов приводит ряд фактов, свидетельствующих о том, почему его нельзя считать таковым в полной мере. Попадая под признаки юридического лица, встает вопрос об отнесении Банка России как юридического лица к коммерческой или некоммерческой организации с точки зрения гражданского законодательства.

В соответствии со ст. 3 ФЗ «О Центральном Банке РФ»: «получение прибыли не является целью деятельности Банка России», следовательно, он является некоммерческой организацией. Основные цели деятельности Банка России базируются на защите устойчивости рубля, что крайне актуально в нынешнюю эпоху, на развитии и укреплении банковской системы, на обеспечении эффективности платежной системы. Исходя из чего прослеживается некоммерческий характер деятельности Банка России. В этой связи, по мнению К.И. Данилова, наиболее близкой организационно-правовой формой к Банку России является государственная корпорация, но она обладает имуществом на праве собственности, а имущество Центрального Банка РФ является федеральной собственностью.

По мнению же другого автора, В.А. Загривного, Центральный Банк наиболее четко подпадает под признаки некоммерческой организации в форме учреждения, поскольку Российская Федерация, как собственник федерального имущества, может создать некоммерческую организацию только в данной организационно-правовой форме, и такое имущество Центробанку будет принадлежать на праве оперативного управления.

Между тем отметим, что по своей правовой природе юридическое лицо никак не может осуществлять функции по выработке государственной политики, нормативно-правовому регулированию в определенной сфере, не может изымать и выдавать лицензии другим юридическим лицам, тем самым осуществляя контроль над их деятельностью, что характерно деятельности Центрального Банка и закреплено в специальном законе о нем, что напрямую противоречит сущности гражданско-правовых отношений, где в роли обычного субъекта выступают юридические лица.

Подводя итоги, отметим необходимость дальнейшей глубокой теоретико-методологической работы по установлению правовой сущности Центрального Банка России. В настоящий момент возможно лишь констатировать, что *Банк России как орган государственной власти, наделен специальной компетенцией*, а статус его как юридического лица мотивирован попыткой законодателя предоставить ему степень независимости, с одной стороны, и наделить широким спектром возможностей по выработке и осуществлению государственной политики и нормативно-правовому регулированию, контролю и надзору в банковской среде, с другой. Как нам известно, имеется схожая ситуация, связанная с неопределенностью отнесения к одной из трех ветвей власти некоторых других органов на федеральном уровне, например: Генеральной Прокуратуры РФ, Счетной Палаты, Центральной Избирательной Комиссии. В условиях сложных хитросплетений схожих признаков, присущим различным организационно-правовым формам юридических лиц и органов государственной власти, не представляется возможным выбрать одно из двух. В такой ситуации верным будет определить Центральный Банк России как орган государственной власти с особым (специальным) статусом, поскольку соответствие его органу государственной власти, нежели юридическому лицу, проявляется более четко на основании выше изложенного анализа различных точек зрения известных авторов научных статей.

В подтверждение данной теории сошлемся на зарубежный опыт: Органический закон «О Центральном банке Чили» 1976 г. устанавливающий, что «Центральный банк является независимым органом, который имеет самостоятельный конституционный статус, обладает правами юридического лица и имеет неограниченный срок полномочий. Банк при осуществлении своих функций и полномочий руководствуется исключительно нормами настоящего Органического закона и не должен следовать каким-либо иным общим или специальным установлениям публичного права». Поднимая вопрос, об «особом» правовом статусе и имеется в виду та самая степень автономии, которая крайне необходима для такого противоречивого по своей природе органа, призванного выполнять важнейшие функции и решать жизненно важные задачи в нашем государстве.

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.08.2014.

2. Федеральный закон от 10.02.2002 №86-ФЗ (ред. от 04.11.2014) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ. – 2002. – № 28. – Ст. 2790; 2014. СЗ РФ. – 2014. – № 45. – Ст. 6154.

3. Арзуманова, Л.Л. – Правовой статус центральных банков зарубежных стран и России в регулировании денежной системы: сравнительно-правовое исследование / Л.Л. Арзуманова // Актуальные проблемы российского права. – 2012.

4. Данилов, К.И. О правовом статусе Центрального банка / К.И. Данилов // Обозреватель. – 2011. – № 12.

5. Загривный, В.А. Правовая природа и конституционно-правовой статус Центрального Банка Российской Федерации / В.А. Загривный // Современное право. – 2009. – №6.

6. Моисеев, С.Р. Независимость Центрального банка / С.Р. Моисеев // Финансовая аналитика, проблемы и решения. Банковский надзор. – 2009. – №2 (14).

7. Пастушенко, Е.Н. Особенности правового статуса Центрального Банка Российской Федерации / Е.Н. Пастушенко // Юридический вестник РГЭУ. – 2005. – №4.

8. Цельковский, И.В. Источники регулирования конституционно-правового статуса Центрального банка Российской Федерации / И.В. Цельковский // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2013. – № 9 (40).

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)

В.А. Морозова, студентка

В.И. Шульга,

науч. рук., канд. юрид. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Проблема преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков была, есть и остается одной из самых актуальных для России. Она приобретает характер глобальной угрозы здоровью населения, экономике, правопорядку и национальной безопасности государства. Масштабы и динамика этого явления таковы, что уже сегодня наркомания и наркотизм угрожают нашему будущему – молодежи. Интересы государства и общества, каждой семьи, кого затронула эта беда и принесла много горя, требуют принятия согласованных мер противодействия ей.

Данные официальной статистики по наркопреступлениям свидетельствуют о росте преступлений рассматриваемой категории.

Так, согласно статистическим данным ГИАЦ МВД РФ в 2013 году на территории Российской Федерации выявлено и зарегистрировано 231,5 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 5,7% больше, чем за аналогичный период 2012 года. По сравнению с 2012 годом на 7,3% возросло число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а их удельный вес вырос с 46,3% в 2012 года до 47,0% 2013 года.

В 2014 году также наблюдается неуклонный рост выявления и регистрации преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Так, за 9 месяцев 2014 года выявлено 192,5 тыс. наркопреступлений. Возросло и число выявленных этих преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, удельный вес которых увеличился с 46,5% до 49,4%.

К числу регионов с наибольшим количеством зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков относится Дальневосточный федеральный округ, в особенности это касается Приморского края.

Так, в 2013 году в Приморском крае отмечен рост преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Число таких преступлений выросло на 23% (с 3856 преступлений до 4740).

Анализируя сложившуюся криминальную обстановку на территории края, следует отметить, что в первом квартале 2014 года на 30,2% возросло количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (с 906 до 1180), раскрываемость таких преступлений составила 61,1% [4].

Одним из наиболее эффективных средств противодействия криминальной активности в сфере незаконного оборота наркотиков является уголовный закон. Однако его четкая реализация в рассматриваемой сфере весьма затруднена ввиду большого количества возникающих в правоприменительной практике трудностей и ошибок при уголовно-правовой квалификации преступлений.

Анализ судебной практики Приморского края в отношении наркопреступлений показал, что в практике применения их составов возникает немало вопросов, связанных с пониманием предмета рас-

смаатриваемых нами преступлений, его места и роли среди других признаков состава преступных деяний, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Предметом преступления, предусмотренного нормами, входящими в исследуемую группу преступлений, выступают: наркотические средства, психотропные вещества, аналоги наркотических средств и психотропных веществ, прекурсоры, растения, включённые в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоры, подлежащих контролю в Российской Федерации. При этом они не являются общими для всех без исключения составов соответствующих преступлений, хотя в своей совокупности и образуют некую общность, отличающуюся своими качественными характеристиками от предметов преступлений, предусмотренных составами других норм УК РФ.

К обозначенным недостаткам системы уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков, на наш взгляд, можно отнести и легальное определение аналогов наркотических средств и психотропных веществ как предмета наркопреступлений.

Законодательное определение аналогов наркотических средств и психотропных веществ на сегодняшний день требует установления их схожести с запрещёнными веществами и по структуре, и по свойствам, в связи с чем, буквальное толкование закона вполне может исключить возможность обоснованного правового запрета нового вещества, обладающего свойствами наркотического, но отличающегося от такового по химической структуре.

С другой стороны, расширительное толкование закона и ориентация только на структуру вещества в процессе признания его аналогом наркотического может стать причиной необоснованного осуждения.

Кроме того, в действующем уголовном законодательстве имеет место внутриотраслевая несогласованность рассматриваемых составов преступлений в части определения предмета преступления.

Так, с одной стороны УК РФ запрещает незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Вместе с тем, ст. 230 УК РФ, регламентируя ответственность за склонение к потреблению наркотических средств и психотропных веществ, не запрещает склонение к потреблению их аналогов.

Подобного рода несогласованность наблюдается в регламентации ответственности за организацию и содержание наркопритонов.

Проблемные вопросы ответственности в сфере наркопреступлений встречаются в практике квалификации данных деяний и по объективной стороне преступления. Незаконное приобретение наркотиков или психотропных веществ есть получение их в свое владение тем или иным способом: за счет дарения, обмена, покупки, передачи взаймы, присвоения найденного, компенсации долга, оплаты услуги, сбора дикорастущей конопли или мака, а также остатков неохранных посевов наркотикосодержащей конопли. На практике достаточно часты случаи, когда нет возможности установить обстоятельства приобретения наркотика. Поэтому в процессуальных документах правоприменители пишут шаблонную фразу, что обвиняемый в неустановленное время, в неустановленном месте, у неустановленного лица приобрел такое-то количество наркотических средств. По этому поводу учёные пишут, что в таком случае лицо обвиняется в преступлении, объективная сторона которого не установлена. Как отмечает В. Васнецов, сам по себе факт обнаружения наркотиков у лица, хотя и является вполне достаточным для предъявления ему обвинения в их незаконном хранении, но еще отнюдь не свидетельствует о доказанности их приобретения. Данное действие нуждается в самостоятельном доказывании [1].

Сложные вопросы квалификации касаются и незаконного приобретения, хранения, перевозки, изготовления и переработки наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов в целях сбыта. Иногда такие действия квалифицируются как приготовление к сбыту по ч. 1 ст. 30 и ч.1 ст. 228.1 УК РФ. Однако на практике деяния виновных, даже при наличии признаков, свидетельствующих о последующей цели сбыта, квалифицируются, в конечном итоге, по ст. 228 УК РФ.

Распространение наркотиков и поступление их из-за рубежа стало одной из основных проблем и для Российской Федерации. Доля наркотиков, поступающих в Россию из других государств, составляет подавляющую часть от их общего незаконного оборота. Героин, кокаин и амфетамины, поступающие в Россию в основном путем контрабанды из других государств, представляют реальную угрозу безопасности России.

В настоящее время контрабанда наркотиков является одним из основных факторов постоянного роста их незаконного оборота в России. В связи с этим одной из новелл действующего УК РФ является ст. 229.1, предусматривающая уголовную ответственность за контрабанду наркотических средств, психотропных веществ, наркотикосодержащих растений, инструментов и оборудования, используемых для получения наркотиков [2].

Способ совершения преступления является одним из основных элементов объективной стороны преступлений. В общем виде способ совершения контрабанды наркотиков, то есть способ их незаконного перемещения через таможенную границу, законодательно определяется как совершение незаконных действий по ввозу наркотических средств и психотропных веществ на таможенную территорию или их выво-

зу с этой территории. При этом незаконное перемещение наркотиков через таможенную границу можно определить в качестве основного способа совершения данного вида преступления, который должен быть конкретизирован применительно к тем действиям, которые уголовный закон квалифицирует как контрабанду [3].

Следует отметить, что в ст. 229.1 УК РФ, в отличие от ранее действующей ч. 2 ст. 188 УК РФ, законодатель не закрепил способы перемещения наркотиков. Исходя из общего понимания, незаконное перемещение наркотиков через таможенную или Государственную границу РФ может осуществляться следующими способами: незаконного ввоза или вывоза наркопредметов через границу России; недостоверного декларирования или недекларирования таких веществ; предоставления недостоверных сведений о перевозимой продукции (с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации); сокрытия перевозимого товара или придания ему другого вида (используя тайники и различные способы, затрудняющие обнаружение наркотиков правоохранительными органами) и т.д.

При изучении обвинительных приговоров судов Приморского края было установлено, что в судебной практике при аналогичных способах совершения преступлений за контрабанду наркотиков, действия лиц, их совершивших квалифицируются по-разному [4]. Исходя из анализа судебной практики, можно сделать вывод о том, что в судебной практике нет единого мнения, в частности, по вопросу, когда считать контрабанду наркотиков окончанным преступлением. Поэтому, целесообразно в ст. 229.1 УК РФ в качестве обязательного признака объективной стороны преступления включить способы его совершения, так как место совершения преступления определяется в зависимости от способа незаконного перемещения и от характера деяния, состоящего в действиях по ввозу (вывозу) на (с) территорию (территории) Российской Федерации товаров или иных предметов либо единой территории Таможенного союза.

Таким образом, применение норм УК РФ о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотиков далеки от совершенства, что требует дальнейшего исследования.

1. Васнецов, А. Факт приобретения наркотиков надо доказывать / А. Васнецов // Российская юстиция. – 2009. – № 6. – С. 51.

2. Новоселова, А.А. Исторический аспект использования уголовно-правовых средств в борьбе с контрабандой наркотиков / А.А. Новоселова // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2014. – № 1 (2). – С. 70.

3. Степанова, О.Г. К вопросу о способах совершения контрабанды наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, растений либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества / О.Г. Степанова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 35(250). – Право. Вып. 30. – С. 70.

4. Дело № 1-204/2013 по обвинению Згадова Р.Е. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, п. «в» ч. 2 ст. 229.1 УК РФ УК РФ: приговор Фрунзенского районного суда г. Владивостока Приморского края от 20 мая 2013 г. [Электронный ресурс] // СПС РосПравосудие (Дата обращения 20 ноября 2014 года); Дело № 1-204/2013 по обвинению Тюлькова В.С. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 229.1 ч. 2 п. «в» УК РФ на ст. 30 ч.3, 229.1 ч. 2 п. «в» УК РФ: приговор Фрунзенского районного суда г. Владивостока Приморского края от 09 июля 2013 г. в отношении [Электронный ресурс] // СПС РосПравосудие (Дата обращения 20 ноября 2014 года).

ТЕРРОРИЗМ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Ю.Д. Пережогина, студентка

В.И. Шульга

науч. рук., канд. юрид. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Терроризм стал поистине мировой угрозой для человечества. Количество террористических групп растет, они все реже берут ответственность за совершенные теракты и различного рода заявления. Все это разрушает многовековые связи между народами и нациями. Отношения начинают основываться на жестокости, происходит обесценивание человеческой жизни.

Целью данной статьи является изучение терроризма как уголовно-правового явления: исследование понятия «терроризм», выявление проблем квалификации террористического акта, внесение предложения по решению данных проблем.

На сегодняшний день в Уголовном кодексе Российской Федерации отсутствует конкретное определение терроризма. Необходимо отметить, что термин «терроризм» употреблялся в ст. 205 УК РФ в период с момента вступления Уголовного кодекса в силу и до 27 июля 2006 г., когда он был заменен термином «террористический акт». При этом объективная сторона этих разных (по названию) преступлений практически осталась без изменения.

Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.06.2014) «О противодействии терроризму» раскрывает понятие «терроризм» как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [1]. Однако, несмотря на то, что терроризмом является уже сама идеология насилия, уголовная ответственность наступает только за совершение конкретных действий.

Проблема терроризма в России не просто существует, но с каждым годом обостряется, тем самым превращаясь в общегосударственную, связанную с обеспечением национальной безопасности страны, проблему в целом. Терроризм проявляется в различных формах. И если признаки объективной стороны терроризма как террористического акта достаточно хорошо изучены, то признаки субъективной стороны нуждаются в продолжении исследования.

Например, такой признак как цель, указанный в диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ в предыдущей редакции, не отражал её многообразие. Предлагалось сформулировать ее как «в целях дестабилизации деятельности...» и далее по тексту [2], что и было сделано [3]. Эти изменения должны уменьшить затруднения при квалификации преступлений террористической направленности. Ведь цель акта состоит не только в том, чтобы принудить совершить определенные действия, но и отказаться от их совершения. Отсутствие внимания к выяснению цели именно терроризма может приводить к квалификационным ошибкам, на что указывается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [4].

В отличие от цели, мотив, которыми руководствуется виновное лицо, не являясь конструктивным признаком субъективной стороны состава террористического акта, влияет на назначение наказания, его размер; определяет психологические корни терроризма, что очень важно для выработки мер превентивного характера. Вместе с тем мотив при терроризме также играет существенную роль при квалификации данного деяния. Он напрямую связан с целью теракта. Может быть поэтому нет необходимости вводить его в составы терроризма.

К наиболее распространенным ошибкам при квалификации деяния по ст. 205 УК РФ Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 9 февраля 2012 года № 1 относит:

1. Недостаточную квалификацию. В соответствии с п. 10 Постановления, если в процессе совершения террористического акта были использованы незаконно приобретенные либо хранящиеся ядерные материалы и радиоактивные вещества, а также незаконно приобретенные, хранящиеся либо изготовленные огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства, то действия лица подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных статьей 205 УК РФ и соответственно статьей 220, 222 или 223 УК РФ.

Так, согласно приговору Верховного Суда Республики Северная Осетия – Алания от 17 мая 2012 г. Даурбеков А.А. признан виновным, наряду с другими преступлениями, также по п. «б» ч. 3 ст. 205, ч. 3 ст. 222; ч. 3 ст. 223 УК РФ, что по совокупности преступлений повлекло более суровое наказание.

2. Избыточную квалификацию. В п. 9 говорится о том, что «если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (либо двум и более лицам), содеянное охватывается пунктом "б" части 3 статьи 205 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 105 УК РФ не требует».

К сожалению, терроризм в России становится явлением частым. И меры по предупреждению террористических актов не столь эффективны.

По информации Министерства внутренних дел России в январе – октябре 2014 года зарегистрировано 902 преступления террористического характера (+74,8%) [5].

По словам директора Федеральной службы безопасности России Александра Бортникова, за первую половину 2014 года удалось предотвратить 38 преступлений террористической направленности, в том числе 6 терактов, ликвидировано 130 боевиков, в том числе 21 главарь незаконных вооруженных формирований [6].

По данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ за период с января по октябрь 2014 всего зарегистрировано 902 преступления террористического характера и выявлено 410 лиц, совершивших преступления террористической направленности. Количество преступлений террористического характера, уголовные дела о которых направлены в суд, составило 287. Не раскрыто преступлений террористического характера – 248 [7].

Всего же, к примеру, за первое полугодие 2014 года за терроризм, включая ст.ст. 205, 205.1-205.5 УК РФ, по основному составу было осуждено 21 человек, из которых по ст. 205 УК РФ – только 13 человек.

Как видно, непосредственно за совершение террористического акта к уголовной ответственности с назначением наказания привлекается незначительное число виновных лиц. Одной из причин является невнимание к субъективной стороне составов терроризма.

Одним из выходов в сложившейся ситуации является, совершенствование правоприменительной практики в свете постановлений Пленума ВС РФ по терроризму. Необходимо полно охватывать содержание не только объективной стороны составов терроризма, но и их субъективной стороны.

Также улучшению ситуации в борьбе с террористическими преступлениями могло бы поспособствовать издание специальных правил по квалификации рассмотренного преступления по терроризму.

Таким образом, при решении указанных проблем в квалификации деяний по статьям терроризма возможно только при правильном и точном уяснении и разъяснении уголовно-правового смысла всех признаков состава в ней.

1. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 28.06.2014) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

2. Галкин, А.Ю. Субъективные признаки состава террористического акта [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2014. – № 12. Режим доступа: <http://www.moluch.ru/archive/71/12264/>.

3. Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

4. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

5. Состояние преступности – январь-октябрь 2014 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД РФ. Режим доступа: <https://mvd.ru/folder/101762/item/2812307/>.

6. Глава ФСБ доложил, сколько за первую половину 2014 года удалось уничтожить боевиков и предотвратить терактов // NEWSru.com. Новости России. Режим доступа: http://www.newsru.com/russia/10jun2014/terror_rus.html.

7. Показатели преступности в России [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура РФ. Официальный сайт. Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_map.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОСТАВОВ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ЗАКРЕПЛЕННЫХ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И БЕЛОРУССИИ

Э.Э. Сергиенко, студентка

А.В. Верещагина

науч. рук., канд. юрид. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Одной из предпосылок эффективного правоприменения является высокий уровень юридической техники норм, а также их построение с учетом действительности. В данной работе произведён анализ и сравнение норм, закреплённых в законодательстве двух постсоветских государств – России и Белоруссии – и направленных на защиту земельных правоотношений с целью совершенствования их конструкций.

Земельные преступления в целом можно разделить на две группы. Объектом первой является непосредственно охрана земель. Сюда можно отнести порчу земель (ст. 254 Уголовного Кодекса Российской Федерации – далее УК РФ [1], ст. 269 Уголовного кодекса Республики Беларусь – далее УК РБ [2] и самовольное занятие земельного участка (ст. 386 УК РБ). Вторая группа преступлений имеет иные объекты, но опосредованно они направлены на охрану земель. К ним нами отнесены нарушение экологических правил и требований при производстве работ (ст. 246 УК РФ, ст. 265 УК РБ); нарушение правил обращения с экологически опасными веществами и отходами (ст. 247 УК РФ, ст. 278 УК РБ); нарушение правового режима особо охраняемых природных территорий и объектов (ст. 262 УК РФ, ст. 264 УК РБ); нарушение правового режима недр (ст. 255 УК РФ, ст. 271 УК РБ); регистрация незаконных сделок с землёй (ст. 170 УК РФ).

1. Порча земель. При определении диспозиции уголовно-правового запрета порчи земель подходы законодателей России и Белоруссии сходны. При этом можно выявить в конструкции ст. 254 УК РФ ряд недостатков.

Во-первых, в качестве объективной стороны преступления указан достаточно краткий перечень способов обращения с веществами – только их хранение, использование и транспортировка. Таким образом, сужается объективная сторона рассматриваемого преступного деяния [3].

Во-вторых, ряд терминов, таких, как «иное обращение», «иная порча», «отравление земли», «загрязнение земли», «иные опасные биологические и химические вещества», «зона экологического бедствия», «зона чрезвычайной экологической ситуации» в действующем законодательстве не закреплены, это затрудняет применение нормы статьи ст. 254 УК РФ. Поэтому налицо необходимость раскрытия содержания вышеуказанных терминов в законе с целью устранения существующего пробела.

В белорусском законодательстве используется лишь один законодательно не определённый термин – «иное незаконное повреждение земель». Таким образом, белорусское законодательство более совершенно в аспекте использования экологической терминологии.

В-третьих, привлечение к уголовной ответственности за порчу земли в России осуществляется только при причинении вреда здоровью человека (под которым понимается причинение вреда любой степени тяжести в отношении любого круга лиц – п.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21[4]) или причинении вреда окружающей среде (т.е. негативном изменении окружающей среды в результате её загрязнения, повлекшем деградацию естественных экосистем и истощение природных ресурсов – ст.1 ФЗ «Об охране окружающей среды» [5]). В Белоруссии применение уголовно-правовых санкций за совершение порчи земли увязывается с предшествующим ему привлечением к административной ответственности по ст. 15.11 КоАП РБ, формулировка которой практически идентична ст. 269 УК РБ, это является положительным моментом с точки зрения публично-правового характера данных правоотношений. При этом для привлечения и к уголовной, и к административной ответственности не требуется наступления каких-либо последствий в виде причинения вреда человеку или окружающей среде в результате совершения порчи земель, в отличие от позиции российского законодателя. Таким образом, формулировка, используемая в белорусском законодательстве, более предпочтительна, т.к. доказать факт привлечения или непривлечения к административной ответственности гораздо проще, чем рассчитать ущерб, причиненный человеку или окружающей среде, даже при наличии соответствующей методики.

2. Нарушение экологических правил и требований при производстве работ. Данный уголовно-правовой запрет в целом сформулирован сходным образом, но имеются некоторые различия. Так, в качестве действий по объективной стороне в ст. 246 УК РФ не предусмотрено нарушение правил при консервации, демонтаже и сносе промышленных и иных объектов, а в ст. 265 УК РБ – нарушение правил при их размещении и вводе (в белорусском законодательстве используется термин «приёмка») в эксплуатацию. При этом согласно градостроительному законодательству, этапы жизненного цикла зданий и сооружений в России и Белоруссии идентичны [6].

Таким образом, логично было бы уточнить объективную сторону рассматриваемого состава путем закрепления в качестве преступного деяния нарушение правил на всех этапах жизненного цикла зданий и сооружений (их проектировании, размещении, строительстве, вводе в эксплуатацию, процессе эксплуатации, выводе из эксплуатации [7], консервации, демонтаже и сносе), что помогло бы правоприменителю при использовании данных норм и способствовало бы более точной квалификации.

Стоит отметить, что перечень объектов, нарушение правил при осуществлении этапов жизненного цикла которых может повлечь наступление уголовной ответственности, достаточно краткий. В России это промышленные, научные, сельскохозяйственные и иные объекты, в Белоруссии – промышленные, научные и иные. Такая формулировка может привести как к зауженному, так и к расширительному правоприменению.

При этом ранее существовавшее российское законодательство было точнее в использовании экологической терминологии, которой оперирует законодатель при формулировке конструкции ст. 246 УК РФ, т.к. определение «существенного изменения радиоактивного фона» содержалось только в утратившем силу постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 г.

Также отметим, что в ст. 265 УК РБ предусмотрен квалифицированный состав – совершение деяний по объективной стороне, если они создали угрозу наступления последствий, указанных в части 1 данной статьи. В ст. 246 УК РФ аналогичный состав отсутствует, это, на мой взгляд, является упущением российского законодателя, т.к. нарушение правил не всегда влечет последствия в виде реального причинения вреда.

3. Нарушение правил обращения с экологически опасными веществами и отходами. Объективные стороны уголовно-правовых запретов, содержащихся в ст. 247 УК РФ и ст. 278 УК РБ? сконструированы тождественно, однако имеются различия в определении предмета преступления – в белорусском законодательстве он шире, т.к. в него входят также генно-инженерные организмы. В России также существуют правила в области генно-инженерной деятельности, нарушение которых может повлечь наступление юридической ответственности, в том числе уголовной [8], однако законодатель не упомянул их при формулировании рассматриваемого уголовно-правового запрета.

Заметим, что применительно к рассматриваемым составам законодатели вновь оперируют терминами, не закреплёнными официально, и это отмечалось выше при рассмотрении уголовно-правового запрета порчи земель.

Уголовная ответственность по белорусскому законодательству за нарушение правил безопасности при обращении с генно-инженерными организмами, экологически опасными веществами и отходами наступает либо при совершении данного деяния в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение, либо при умышленном создании угрозы причинения вреда здоровью людей или природной среде. А в России – только при создании угрозы причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде. Представляется, что формулировка белорусского законодателя более предпочтительна с точки зрения публично-правового характера возникающих отношений, как и в случае уголовно-правового запрета порчи земель.

Квалифицирующими признаками, закреплёнными белорусским законодателем, являются последствия в виде причинение ущерба в крупном размере, и такой подход представляется более совершенным по сравнению с конструкцией ст. 247 УК РФ, где в качестве таких признаков выступает загрязнение, отравление или заражение, причинение вреда здоровью человека либо массовая гибель животных, т.е. ограничен круг последствий.

4. Нарушение правового режима особо охраняемых природных территорий и объектов. В целом конструкции ст. 262 УК РФ и 264 УК РБ совпадают. Однако в уголовно-правовом запрете, сформулированном российским законодателем, объективная сторона шире, т.к. в России существует большее количество видов особо охраняемых природных территорий и объектов. Также примечательно, что в белорусском законодательстве конкретные виды особо охраняемых территорий определены в зависимости от целей, для которых такие территории устанавливаются, а в российском экологическом законодательстве они определены в зависимости и от целей, и от установления запретов деятельности на их территории. При этом соответствующие запреты существуют и в белорусском законодательстве [9]. Мне представляется более логичным подход российского законодателя.

В качестве общественно опасных последствий российский законодатель указывает причинение значительного ущерба, а белорусский – причинение ущерба в крупном размере. В первом случае для определения значительности ущерба следует исходить из категории особо охраняемой природной территории, ее значимости, способности к самовосстановлению и т.п., что влечет сложность для правоприменителя. Во втором случае крупный размер прямо определен в примечании к гл. 26 УК РБ. Таким образом, белорусское законодательство более четко сформулировано в отношении данного вопроса.

5. Нарушение правового режима недр. Российский законодатель криминализирует нарушение правил охраны недр и их использования, в то время как белорусский законодатель – только нарушение правил охраны недр, а нарушение правил их использования влечёт лишь административную ответственность. При этом наступление уголовно-правовых санкций в Белоруссии увязывается с повторностью деяния, в то время как в России – с размером причиненного ущерба. Ущерб должен быть значительным. Однако в законодательстве отсутствуют разъяснения по поводу определения значительности такого ущерба.

Кроме рассмотренных уголовно-правовых запретов в законодательстве обоих государств, которые можно было сопоставить между собой, существует несколько особенных.

В российском законодательстве это регистрация незаконных сделок с землей. На мой взгляд, можно было бы произвести закрепление аналогичного запрета в законодательстве Белоруссии, т.к. регистрация незаконных сделок с землей – явление, присущее правоотношениям в сфере оборота земельных участков, и вряд ли какое-либо государство, где осуществляется такой оборот, является исключением.

В белорусском законодательстве в качестве особенного состава выступает состав самовольного занятия земельного участка. Ранее в российском законодательстве (в ст.199 УК РСФСР 1960 г. [10]) был закреплён аналогичный состав, но в нём наступление ответственности было связано с причинением значительного ущерба законному владельцу земельного участка либо его собственнику, в то время как в действующем белорусском законодательстве оно увязано с предшествующим привлечением к административной ответственности.

В заключение отметим, что в целом подходы законодателей к формулировке рассмотренных составов, за редкими исключениями, идентичны. Построение их осуществлено с использованием бланкетных норм, которые отсылают правоприменителя к обширному массиву актов экологического характера. Главными недостатками норм УК РФ и УК РБ является использование терминологии, содержание которой не раскрывается в действующем законодательстве, и сужение объективной стороны ряда составов. В белорусском законодательстве главной особенностью и в то же время положительным аспектом является то, что в большинстве случаев для применения уголовно-правовых санкций установлена административная преюдиция.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июля 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 04.08.2014 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь: закон от 9 июля 1999 г. № 275-3 (в ред. от 12 июля 2013 г.) [Электронный ресурс] // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE».

3. Качина, Н. Проблемы применения нормы об уголовной ответственности за порчу земли / Н. Качина, Г. Хлупина // Уголовное право. 2010. – № 1. – С. 49–54; Александрова, Н.С. Уголовная ответственность за порчу земли: проблемы правоприменения / Н.С. Александрова // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2013. – № 2 (40). Ч. 2. – С. 273–276.

4. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. №21 [Электронный ресурс] / СПС «КонсультантПлюс».

5. Об охране окружающей среды: федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

6. Об архитектурной деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 17 ноября 1995 г. №169-ФЗ (в ред. от 19 июля 2011 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»; Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»; Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь от 05 июля 2004 г. № 300-З (в ред. от 4 января 2014 г.) [Электронный ресурс] // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE».

7. Зартдинова, А.Р. Об уголовно-наказуемых формах нарушения правил охраны окружающей среды при производстве работ / А.Р. Зартдинова // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. – № 3. – С. 123–128.

8. О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности: федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ (в ред. от 21 июля 2011 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

9. Об особо охраняемых природных территориях: закон Республики Беларусь от 20 октября 1994 г. № 3335-ХП (в ред. от 7 мая 2007 г.) [Электронный ресурс] // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE».

10. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

ГЛАСНОСТЬ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ О СУДАХ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ДОСТУПА К ПРАВОСУДИЮ

Е.Н. Ярмоц

канд. юрид. наук

УО Полоцкий государственный университет

г. Полоцк

В Указе Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 года № 454 «О мерах по совершенствованию деятельности общих судов Республики Беларусь» [1] в качестве одного из направлений совершенствования судебной системы Республики Беларусь предусмотрено обеспечение качества, оперативности и доступности правосудия. В условиях возложения на суды обязанностей по исключению непроцессуального общения судей с участниками процесса, системному взаимодействию со средствами массовой информации, проведению широкой праворазъяснительной работы среди населения, мониторингу обращений, с одной стороны, а также процесса постепенной информатизации всех сфер общественной жизни, с другой стороны, назрела объективная необходимость в поиске новых и эффективных форм взаимодействия суда с населением и элементами гражданского общества. Думается, что оптимальным решением данного вопроса в нашем государстве будет организация работы по обеспечению права на доступ к правосудию, который предполагает реализацию принципа гласности судебного разбирательства и наличие механизма по распространению информации о деятельности судов.

В Республике Беларусь распространение информации об организации и деятельности судов связывается преимущественно с реализацией принципа гласности. Соответственно, гласный понимают как «доступный для общественного ознакомления и обсуждения» [2]. Гласность при осуществлении правосудия является разновидностью общественной гласности и вытекает из возможности реализации конституционного права граждан на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов и общественных объединений.

Правовой основой обеспечения гласности в судебном разбирательстве Республики Беларусь выступает ст. 34 Конституции Республики Беларусь, которая детализируется в отраслевом законодательстве применительно к тому или иному виду судопроизводства (ст. 23 УПК Республики Беларусь, ст. 17 Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ГПК Республики Беларусь), ст. 21 Хозяйственно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ХПК Республики Беларусь), ст. 2.14 Про-

цессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, ст. 7 Закона Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве»).

Специальным нормативным правовым актом, регламентирующим вопросы обеспечения гласности в деятельности суда, является постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 20 декабря 2013 г. № 11 «Об обеспечении гласности при осуществлении правосудия и о распространении информации о деятельности судов» (далее – постановление) [3]. Причем в постановлении категории «гласность» и «доступ к информации о деятельности суда» рассматриваются как взаимообуславливающие друг друга. По нашему мнению, данные категории лежат в разных плоскостях, но являются при этом составными элементами понятия «доступ к правосудию».

В постановлении определены основные формы реализации принципа гласности при осуществлении правосудия. Основной формой обеспечения гласности судебного разбирательства является проведение открытого судебного заседания, в котором все желающие (в том числе средства массовой информации) имеют право присутствовать в зале судебного заседания. Однако гласность судебного разбирательства подразумевает помимо этого возможность фиксации и распространения информации с целью ознакомления и обсуждения хода и результатов судебной деятельности, то есть общественную оценку деятельности суда и правоохранительных органов. Поэтому в открытом судебном заседании должна быть предоставлена возможность любому из присутствующих со своего места производить фиксацию хода судебного заседания средствами и способами, предусмотренными законодательством. Условия правомерности фиксации хода и результатов судебного разбирательства отражены в пунктах 5-6 постановления. Однако данную возможность целесообразно рассматривать в качестве одного из способов распространения своевременной, объективной и достоверной информации о деятельности суда, что способствует обеспечению доступности правосудия для населения.

В Республике Беларусь действует практика рассмотрения наиболее актуальных и социально значимых дел в выездных судебных заседаниях. Так, в 2013 г. в выездных судебных заседаниях судами общей юрисдикции Республики Беларусь было рассмотрено 2677 дел [4]. Однако председателям судов необходимо взвешенно подходить к выбору дел, подлежащих рассмотрению в выездном судебном заседании. Весьма полезным является опыт проведения выездных судебных заседаний в учреждениях образования, обеспечивающих получение высшего юридического образования, поскольку студенты могут непосредственно наблюдать за последовательностью действий участников судебного процесса. Однако ни в Кодексе Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей, ни в одном из отраслевых кодексов Республики Беларусь не упоминается о проведении выездных судебных заседаний в контексте принципа гласности.

Гласность судебного разбирательства как отраслевой процессуальный принцип тесно связана с другими процессуальными принципами. Причем гласность может выступать либо гарантией действия этих принципов, либо сама реализовываться с помощью тех или иных принципов [5. С. 17].

В юридической литературе можно встретить различные основания для ограничения гласности. Наиболее распространенным основанием является категория дела. Так, уголовные дела, в материалах которых содержатся или могут содержаться сведения, составляющие государственные секреты или иную охраняемую законом тайну, подлежат рассмотрению в закрытом судебном заседании. То же самое относится и к делам о половых преступлениях. Ограничение гласности также возможно в зависимости от субъектного состава лиц, участвующих в деле: несовершеннолетние обвиняемые, лица, находящиеся под защитой государства в связи с их участием в деле.

Анализ отраслевого законодательства Республики Беларусь указывает на то, что в нашем государстве неоднозначно решается вопрос императивности проведения закрытого судебного заседания. Так, УПК Республики Беларусь не содержит императивной нормы о необходимости рассмотрения дел в отношении несовершеннолетних только в закрытом судебном заседании. Решение данного вопроса относится к дискреционным полномочиям суда, к его усмотрению. В этой связи можно говорить о существовании обязательных и факультативных оснований ограничения гласности [5. С. 98]. Причем в ГПК Республики Беларусь закрепляется положение о том, что суд обязан провести закрытое судебное заседание, если существует вероятность разглашения сведений, составляющих государственную тайну. В ХПК Республики Беларусь в аналогичной ситуации принцип гласности сформулирован факультативно, то есть посредством допущения проведения закрытого судебного заседания. В этой связи представляется целесообразным унифицировать процессуальное законодательство в части, касающейся вопросов сохранности сведений, относящихся к государственным секретам или иной охраняемой законодательством тайне.

Понятие «гласность» не следует подвергать расширительному толкованию и включать в него помимо категории «открытость судебного разбирательства» еще и категорию «распространение информации о суде». Распространение информации о суде и практику проведения выездных судебных заседаний целесообразно рассматривать как один из способов обеспечения доступности правосудия, а также как средство реализации воспитательных, профилактических функций суда и повышения уровня правосознания граждан.

Принцип гласности судебного разбирательства как и понятие «распространение информации о деятельности судов» выступают в качестве отдельных элементов доступа к правосудию и представляют собой гарантии реализации этого доступа.

1. Гласный // Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=5235>. – Дата доступа: 14.11.2014.

2. Краткие статистические данные о деятельности общих судов по осуществлению правосудия / Верховный Суд Республики Беларусь (официальный портал системы судов общей юрисдикции) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://court.by/justice_RB/statistics/c5368c9e81ab56d0.html. – Дата доступа: 08.03.2014.

3. Макарова, З.В. Гласность уголовного процесса: монография / З.В. Макарова; науч. ред. З.З. Зинатуллин. – Челябинск. – Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1993. – 177 с.

4. О мерах по совершенствованию деятельности общих судов Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 10 окт. 2011 г., № 454 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

5. Об обеспечении гласности при осуществлении правосудия и распространении информации о деятельности судов / Верховный Суд Республики Беларусь (официальный портал системы судов общей юрисдикции) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://court.by/justice_RB/statistics/c5368c9e81ab56d0.html. – Дата доступа: 09.10.2014.

ОСОБЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Е.Н. Петрова, студентка

А.Г. Кравченко

науч. рук., канд. юрид. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Стабильное существование и развитие любого общества, а также создание достойных условий жизни граждан всегда связаны с состоянием защищенности жизненно важных интересов общества, личности и государства от внутренних и внешних угроз.

Особые правовые режимы являются необходимым условием жизнедеятельности общества, а их обеспечение должно рассматриваться как неотъемлемая часть управленческой функции государства. Для них характерны признаки, присущие административно-правовым режимам. Однако особые правовые режимы имеют и свои особенности, зависящие прежде всего от характера государственных задач и функций по обеспечению общественной безопасности, системы компетентных органов, содержания их режимной деятельности. Выявление указанных особенностей и обуславливает целесообразность проведения исследования данной проблематики.

Отдельные элементы характеристики особых правовых режимов представлены в работах специалистов конституционного и административного права, таких как: В.С. Афанасьев, Л.В. Воеводин, В.Н. Григорьев, Ю.М. Козлов, А.Н. Ларин, А.А. Фомин и других ученых.

Несмотря на то, что существует достаточно широкий спектр научных трудов по рассматриваемой тематике, следует отметить, что общетеоретические основы института особых правовых режимов разработаны недостаточно полно.

Основы особого правового режима устанавливают Федеральные законы: «О чрезвычайном положении», «О военном положении», «О полиции», «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации», «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации», «О государственной границе», «О безопасности», «Об обороне», и др.

Особый административно-правовой режим, наряду с общими, имеет также свои специфические признаки: 1) связан с объектами управленческой деятельности, временем и местом ее осуществления, спецификой самих действий, а, как правило, сочетанием этих и ряда других факторов; 2) его основой являются специфические принципы данной отрасли права; 3) неравные статусные позиции субъектов возникающих правоотношений.

Основные различия между видами особых правовых режимов проявляются в степени ограничения прав и свобод граждан, организаций, в количестве применяемых запретов и т.д. Профессор Д. Н. Бахрах в особых правовых режимах различает две стороны, которые взаимосвязаны между собой: формальную и содержательную [1. С. 123]. В формальной стороне содержится информация о процедуре введения особого правового режима, сроке его введения, системе действующих в этот период прав и обязанностей, а так-

же территории, на которой установлен особый правовой режим. В содержательной стороне указаны обстоятельства, послужившие причиной для введения особого режима, его цели, а также организационные и экономические элементы.

Для определения фактической основы особого правового режима законодатель использует различные термины: «угроза безопасности», «чрезвычайная ситуация» (ст.ст. 3 и 15 федерального закона «О безопасности»), «бедствие», «авария» «стихийное бедствие», «чрезвычайное положение» (федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении»), «военное время», «вооруженное нападение», «состояние войны» (федеральный конституционный закон «О военном положении», закон «Об обороне»), «угроза интересам Российской Федерации на государственной границе» (ст.ст. 30, 31 Закона «О государственной границе»), «зона экологического бедствия» (ст.ст. 5, 59 Закона «Об охране окружающей природной среды») и др.

Имея такое разнообразие понятий, неотвратимо возникает вопрос об их толковании, поскольку действия граждан, законодателей, а также правоприменителей напрямую зависят от точного понимания складывающейся обстановки. Перечисленные термины рассматривают кризисные ситуации через призму различных по уровню и значению признаков. В определении указанных понятий отсутствует единство и иерархия.

Многообразие терминов, которые определяют основу особого правового режима, связано с одной стороны, с недостаточным научным исследованием трактуемых ими понятий, традициями нормотворчества различных ведомств, обеспечивающих безопасность, с другой стороны, с тем, что само понятие обстановки, которая складывается в результате указанных экстраординарных событий, длительное время не было закреплено на законодательном уровне.

Словосочетание «особые условия» в смысловом значении означает необычность обстановки, в которой что-нибудь произошло (происходит). В нормативных правовых актах и специальной литературе часто использует понятие «особые (экстремальные) условия». Термин «экстремальный», («крайний, предельный») в сочетании с термином «условия» характеризует крайнюю, предельную по сложности обстановку. Следовательно, можно сделать вывод о том, что экстремальные условия означают необычность обстановки и подчеркивают ее крайность.

Введение особого правового режима (военного, чрезвычайного и т.п.) возможно только при условии, что обстоятельства, которые послужили основанием для его введения, являются реальной угрозой для безопасности граждан или конституционного строя, и когда устранение указанных обстоятельств невозможно без применения чрезвычайных мер.

Анализ российского права дает возможность сделать вывод о том, что законодательство закрепляет три основных вида особого правового режима: чрезвычайный, военный и «особое» положение.

Введение особых правовых режимов тесно связано с ограничением прав и свобод человека и гражданина. Человек, его права и законные интересы не всегда достаточно защищены, особенно в экстремальных условиях. Важное значение приобретают проблемы обеспечения прав и свобод человека и гражданина в кризисных ситуациях, когда жизнедеятельность общества ставится под угрозу вследствие действия негативных факторов природного, техногенного или социально-политического характера. С целью их устранения и нивелирования государство применяет соответствующий спектр административно-правовых мер, необходимых для преодоления последствий той или иной кризисной ситуации и восстановления нормального состояния общественных отношений в сфере государственного управления. Так, в случаях, установленных законом, может быть ограничено право на свободу передвижения, свободный выбор места жительства для тех, кто на законных основаниях пребывает на территории РФ, право свободно покидать территорию РФ. Такие ограничения определяются, в частности, Законом РФ от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» и др. Ограничение прав и свобод человека в условиях особого правового режима должно соответствовать общепризнанным международным принципам. Под понятием ограничения прав и свобод человека и гражданина в условиях особого правового режима следует понимать определенные законодательством об особом правовом режиме пределы осуществления человеком своих прав и свобод, выражающиеся в установлении определенных запретов, которые носят исключительно временный характер и применяются с целью устранения обстоятельств, повлекших введение особого режима. На сегодняшний день вопрос о четких и ясных критериях, позволяющих определить конкретные пределы ограничения прав и свобод граждан, остается дискуссионным [2. С. 95].

Категорию «ограничение прав человека» необходимо отличать от категории «нарушение прав человека», которая несет более негативный оттенок по сравнению с первой и имеет место при наличии фактов незаконного противодействия реализации прав и свобод личности. Определенную взаимосвязь имеют и такие понятия, как «пределы осуществления прав и свобод граждан» и «ограничение прав и свобод граждан», однако все же указанные выше понятия имеют разный смысл и значение.

Особые правовые режимы «требуют» от органов государственной власти принятия соответствующих мер, которые в обычных условиях являются противозаконными – ограничивать конституционные права граждан и организаций, накладывать на них дополнительные запреты и обязанности. Без введения таких средств деятельность государства по ликвидации чрезвычайной ситуации и ее негативных последствий значительно усложняется. Таким образом, проблема применения ограничительных мер в условиях чрезвычайных ситуаций является одной из важных сторон взаимоотношений государства и граждан, и в значительной мере обуславливает реальность провозглашенных прав и свобод.

На сегодняшний день конституционное законодательство всех стран мира, и в частности РФ, предусматривает возможность ограничения прав и свобод человека на вполне законных основаниях. При этом конституционно-правовое регулирование ограничения прав человека имеет исчерпывающие правовые параметры, которые не могут расширяться в произвольном порядке и имеют дискретный характер.

На протяжении длительного времени ученых также волнует вопрос об установлении оптимального баланса соотношения прав и свобод человека с интересами общества и государства в целом [3. С. 2]. В аспекте такого соотношения возникает проблема допустимости ограничения прав и свобод человека. Т.Я. Хабриева и В.Е. Чиркин подчеркивают, что абсолютных прав и свобод не существует, каждое из них может быть ограничено. В условиях чрезвычайных ситуаций, по мнению Т.Ф. Хабриевой и В.Е. Чиркина, осуществление субъективных конституционных прав человека может быть приостановлено [4. С. 133–134]. Представленная точка зрения доминирует среди современных ученых-правоведов, ее разделяют В.А. Лебедев, В.Б. Рушайло и т.д. [5. С. 21; 6. С. 29–30]. Мы также разделяем данную позицию, поскольку считаем, что без указанной временной меры принуждения невозможно достичь целей, ради которых вводится особый правовой режим.

Ч. 3 ст. 56 Конституции РФ устанавливает исключительный перечень прав и свобод человека и гражданина, которые не могут быть ограничены ни при каких условиях, в том числе при введении чрезвычайного положения. Весь перечень этих прав соответствует принципам, признанным международным сообществом и закрепленным в соответствующих международно-правовых актах. Однако считаем необходимым отнести к перечню таких прав и свобод право на медицинскую помощь, учитывая его бесспорную и неразрывную связь с основополагающим конституционным правом на жизнь, практика закрепления этого права как такового, не может быть ограничена. В условиях особых правовых режимов также должна быть реальная возможность обеспечить реализацию этого права.

Сегодня возникает противоречие между государственным вмешательством и потребностью в создании надлежащих условий для личной безопасности граждан, которая решается путем ограничения прав и свобод. В дальнейшем указанное выше может вызвать фактическое сужение достигнутого уровня обеспечения прав и свобод человека и гражданина на глобальном уровне (особенно в случае, если в этом направлении будет развиваться законодательство стран мира).

Вопрос системного совершенствования и развития законодательства в сфере регулирования особых правовых режимов является актуальным. Оптимальное достижение целей реализации каждого из особых правовых режимов прежде всего обусловлено уровнем их правового обеспечения. При этом определяющее значение для дальнейшего развития законодательства об особых правовых режимах, его совершенствования имеет уровень соответствия этого законодательства международно-правовым нормам и стандартам, регламентирующим как общие положения по обеспечению прав и свобод человека и гражданина, так и положения, непосредственно относящиеся к их обеспечению в зависимости от той или иной ситуации экстремального характера. Применение многочисленных административно-режимных производств должно сопровождаться не только выполнением определенных требований должностных лиц государственных органов, осуществляющих режимные функции управления, но и выполнением соответствующих правил, которые устанавливаются с учетом конкретной обстановки. Учитывая это, необходимо предусмотреть административную ответственность за невыполнение конкретных мероприятий определенного вида административно-правового режима соответствующими участниками режимных правоотношений.

В современных условиях развития государства первоочередной задачей является надлежащая реализация конституционных предписаний по обеспечению национальной безопасности во всех ее проявлениях, особенно в сфере общественных отношений, связанных с введением особых правовых режимов.

Таким образом, указанные проблемы обеспечения особых правовых режимов, с учетом высказанных в ходе исследования рекомендаций по их решению, способны повысить эффективность указанной режимной деятельности, привести ее в соответствие с требованиями действующего законодательства, что в целом будет способствовать укреплению законности и правопорядка в государстве во время применения односторонних принудительных мер в условиях кризисных и чрезвычайных ситуаций.

1. Бахрах, Д.Н. Административное право / Д.Н. Бахрах. – М.: «БЕК», 1996. – 368 с.

2. Волкова, Н.С. Общественная безопасность и законодательство о правах человека / Н.С. Волкова // Журнал российского права. – 2005. – № 2. – С. 93–100.

3. Карташкин, В.А. Права человека и международная безопасность // Юрист-международник. – 2003. – № 1. – С. 2–4.
4. Хабриева, Т.Я. Теория современной конституции / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. – М.: Норма, 2007. – 319 с.
5. Лебедев, В.А. Ограничения политических прав и свобод граждан в Российской Федерации / В.А. Лебедев // Конституционное и муниципальное право. – 2004. – № 2. – С. 19–24.
6. Рушайло В.Б. Административно-правовой режим особого положения: понятие и сущность / В.Б. Рушайло // Современное право. – 2004. – № 1. – С. 29–35.

АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНЫЕ МЕТОДЫ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН

М.М. Силкин, *стажер адвоката*

*Юридическая группа «Соломенников и партнеры»
г. Ростов-на-Дону*

В соответствии со статьей 41 Конституции РФ каждый гражданин имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Однако в современных условиях реализация этого всеобщего права, гарантированного Высшим законом страны, подчас сталкивается с множеством трудностей и остается актуальной и многоаспектной.

Согласно статьи 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» охрана здоровья граждан (далее – охрана здоровья) – система мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического (профилактического), характера, осуществляемых органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, организациями, их должностными лицами и иными лицами, гражданами в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи.

В числе правовых мер охраны здоровья граждан можно отдельно выделить административно-деликтные инструменты.

Как известно, глава 6 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) посвящена административным правонарушениям, посягающим на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность. Среди составов административных правонарушений, посягающих на здоровье граждан санитарно-эпидемиологическое благополучие населения можно выделить составы, которые связаны с распространением социально опасных заболеваний, например, ВИЧ-инфекции и венерических заболеваний (статья 6.1 КоАП РФ).

Однако возникает вполне закономерный вопрос о том, почему законодателем были оставлены без внимания другие социально опасные и социально значимые заболевания, представляющие опасность для населения. В частности это касается инфекционных заболеваний (туберкулез, гепатиты различной этиологии и типов).

В связи с этим актуальной становится установка мер административной ответственности для тех лиц, которым устанавливается соответствующий диагноз, но которые отказываются или уклоняются от прохождения специализированного лечения.

По мнению автора соответствующие дополнения необходимо внести в те нормативно-правовые акты, которые непосредственно регулируют вопросы оказания медицинской помощи лицам, страдающим тем или иным социально опасным или социально значимым заболеванием. В тоже время следует отметить, что закрепление в нормах федерального законодательства положений о наступлении административной ответственности за уклонение от прохождения диагностики, лечения и последующей реабилитации сделает эти нормы отсылочными. Так, на возможность наступления административной ответственности для лиц, уклоняющихся от прохождения лечения туберкулеза, следует указать в Федеральном законе «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации», в случае уклонения от лечения ВИЧ-инфекции – в Федеральном законе «О предупреждении распространения на территории Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)».

Дополнение главы 6 КоАП РФ нормами об административной ответственности за соответствующие правонарушения должно выглядеть, по мнению автора, следующим образом:

1) Внесение статьи 6.1.1 «Уклонение от прохождения стационарного лечения лицом, имеющим заболевание, вызываемое вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекцией)» следующего содержания: «Попытка лица, имеющего установленный в соответствующем порядке диагноз ВИЧ-инфекция, скрыться от прохождения стационарного лечения, создающие опасность заражения этим заболеванием – влечет наложение административного штрафа в размере от пятисот до одной тысячи рублей».

2) По аналогии внести статью 6.1.2, предусматривающую административную ответственность за уклонение от прохождения стационарного лечения от туберкулеза.

3) Статья 6.1.3 должна предусматривать ответственность за сокрытие источников заражения прочими социально опасными и социально значимыми заболеваниями, перечень которых устанавливается соответствующим постановлением Правительства РФ.

При этом не стоит ограничивать субъектный состав данных правонарушений только лишь лицами, которые знали о своем диагнозе, но умышленно скрывали его от окружающих. Представляется возможным установление ответственности и в отношении медицинских работников, которым в силу их профессиональной деятельности стало известен факт наличия у лица социально опасного или социально значимого заболевания, но по каким-либо причинам скрывшего это.

В силу таких дополнений следует также предусмотреть возможность принудительного доставления лиц, уклоняющихся от прохождения стационарного лечения. При этом необходимо определить также круг субъектов, уполномоченных осуществлять такое доставление или оказывающих содействие в доставлении.

Представляется логичным возложить такую обязанность на органы полиции по аналогии с их обязанностью осуществлять привод в учреждения здравоохранения лиц, признанных судом больными и опасными для общества.

Однако работники полиции в силу отсутствия у них профильного медицинского образования и специальных навыков не смогут в процессе осуществления ими своей профессиональной деятельности делать выводы о наличии у лиц соответствующих заболеваний. В виду этого представляется целесообразной разработка Министерством здравоохранения и социального развития и Министерством внутренних дел межведомственной «Инструкции о медицинском освидетельствовании для установления факта наличия у лица социально опасного и социально значимого заболевания, представляющего опасность для общества». В этой Инструкции следует изложить признаки и явные симптомы заболеваний, наличие которых может служить поводом для задержания и дальнейшего освидетельствования лица специалистами-медиками.

В том же случае, когда лицо отказывается от прохождения освидетельствования в добровольном порядке, имеет смысл предусмотреть возможность при наличии достаточных оснований осуществления доставления такого лица в специализированное лечебное учреждение в принудительном порядке. Такого рода доставление должно так же предполагать обязательное уведомление органов прокуратуры о факте недобровольного освидетельствования, так как в этом случае напрямую могут быть затронуты или ограничены основные права и свободы человека и гражданина.

Данные официальной статистики, представленные Федеральной службой государственной статистики, наглядно демонстрируют тот факт, что в Российской Федерации на территории некоторых регионов сохраняется тенденция увеличения роста заболеваемости иными социально опасными и социально значимыми заболеваниями.

На территории Российской Федерации в январе 2014 года по сравнению с соответствующим периодом 2013 года эпидемиологическая обстановка характеризовалась ростом заболеваемости населения по ряду инфекционных заболеваний, в их числе: болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека и бессимптомный инфекционный статус, вызванный вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ), острые гепатиты А и В, острый гепатит С, бактериальная дизентерия, коклюш.

Все это требует пристального внимания со стороны государства и принятия соответствующих мер реагирования, в том числе и правового характера. Представляется, что эффективным инструментом сдерживания темпов распространения в России социально опасных и социально значимых заболеваний может стать и административно-деликтное право через установление соответствующих мер ответственности.

МОШЕННИЧЕСТВО С МАТЕРИНСКИМ (СЕМЕЙНЫМ) КАПИТАЛОМ

А.Р. Евдокимова, студентка

В.И. Шульга

канд. юрид. наук, доцент

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

г. Владивосток

Материнский (семейный) капитал впервые появился благодаря ФЗ от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». Данный федеральный закон принят для установления дополнительных мер государственной поддержки семей, имеющих детей, в целях создания условий, обеспечивающих достойную жизнь этим семьям. К примеру, в 2014 году размер материнского капитала составил 429 408 рублей.

Материнский капитал представляет собой денежные средства, которые перечисляются собственником Пенсионному фонду России для осуществления целей, указанных в федеральном законе. Он дается в форме безналичных денег и безвозмездности получения права на распоряжение материнским капиталом.

В ст. 3 вышеназванного закона указаны категории граждан, которые имеют право на получение материнского капитала, и обстоятельства, при которых возникает такое право.

Право на получение материнского капитала возникает со дня рождения (усыновления) второго, третьего ребенка или последующих детей независимо от периода времени, прошедшего с даты рождения (усыновления) предыдущего ребенка (детей), и может быть реализовано не ранее чем по истечении трёх лет со дня их рождения (усыновления), за некоторым исключением.

С целью получения материнского капитала требуется обращение в соответствующий территориальный орган Пенсионного фонда России с заявлением о получении государственного сертификата на материнский капитал.

Заявление с просьбой выдать сертификат обязано содержать сведения, перечень которых дан в п. 6 "Правил подачи заявления о выдаче государственного сертификата на материнский капитал и выдачи государственного сертификата на материнский капитал (его дубликата) и формы государственного сертификата на материнский капитал", утвержденных Приказом Минздравсоцразвития РФ от 18 октября 2011 г. № 1180н.

К ним, в частности, относятся сведения о наличии оснований для выдачи сертификата, а также об отсутствии обстоятельств, мешающих его выдаче. К заявлению прилагаются документы, список которых дан в п. 5 Правил. По итогам рассмотрения заявления территориальным органом Пенсионного фонда РФ принимается решение о выдаче либо отказе в выдаче государственного сертификата на материнский капитал.

Материнский капитал может быть использован только в целях, перечисленных в ст. 10–12 названного закона, которыми являются: улучшение жилищных условий, получение образования, а также повышение уровня пенсионного обеспечения. При этом только в целях строительства, реконструкции объекта индивидуального жилищного строительства, осуществляемого гражданами без участия организации, средства материнского капитала после соблюдения довольно сложной процедуры могут быть перечислены двумя равными платежами с разрывом во времени на банковский счет непосредственно собственнику сертификата.

Во всех остальных случаях средства материнского капитала либо перечисляются на расчетные счета организаций или физических лиц, с которыми владелец сертификата находится в договорных отношениях, либо остаются в Пенсионном фонде и направляются для увеличения накопительной части пенсии. Тем самым, денежные средства, составляющие материнский капитал, как правило, не переходят в собственность граждан – обладателей сертификатов, а принадлежит государству до момента перечисления их на счета выше обозначенных организаций.

В порядке исключения средства материнского капитала могут быть использованы в любое время после рождения (усыновления) второго, третьего ребенка или последующих детей в случае подачи заявления гражданами о распоряжении средствами капитала для погашения основного долга и уплаты процентов по кредитам или займам на приобретение (строительство) жилого помещения, включая ипотечные кредиты, предоставленные гражданам по кредитному договору (договору займа), заключенному с организацией, в том числе кредитной организацией.

Данное исключение наиболее часто используется для хищения средств материнского капитала, поскольку другие случаи использования материнского капитала для этого менее удобны, потому что либо исключается возможность быстрого получения материнского капитала виновным лицом, либо значительно затрудняется, ввиду невозможности распорядиться средствами капитала в течение трех лет.

С появлением права на материнский капитал берет свое начало проблема незаконного приобретения средств материнского капитала и его использования, как их собственниками, так и сторонними организациями. Стали появляться всякого рода «агентства», обещающие за определенное вознаграждение помочь гражданам «обналичить» материнский капитал. Количество уголовных дел, возбуждаемых по всей стране в виде такого способа «обналичивания», растет день ото дня.

К примеру, по данным сайта Судебного департамента при Верховном Суде РФ [1] в 2013 году было осуждено за мошенничество при получении выплат (ст.159² УК РФ): по части 1 – 1012 чел., по части 2 – 141 чел., по части 3 – 928 чел., по части 4 – 69 чел. За первое полугодие 2014 года в сравнении с первым полугодием 2013 года было осуждено по ст. 159² УК РФ: часть 1 – 502 чел. (2013 г. – 463), часть 2 – 31 (66), часть 3 – 535 (418), часть 4 – 50 (14).

Как видно, в 2014 году по сравнению с 2013 годом отмечается рост числа осужденных за хищение денежных средств путем мошенничества по основному составу, причем значительный рост наблюдается по признакам: «с использованием служебного положения, а равно в крупном размере» и «совершение хищения в группе», в том числе в составе «организованной группы либо в особо крупном размере».

Принимая в расчет размер капитала, становится очевидным, что в отношении государства ущерб от незаконного получения денежных средств может составлять миллионы и даже миллиарды рублей.

В связи с тем, что данный капитал появился сравнительно недавно, правоохранительной и судебной практик по мошенничеству с материнским капиталом совсем немного. С первых же лет появления преступлений с материнским капиталом возникла проблема выявления таких преступлений, проведения следствия в установленные сроки, постановления обвинительных приговоров. Хищение материнского капитала многоэпизодные, довольно часто совершаемые в сговоре должностными и управленческими лицами с матерями несовершеннолетних детей.

Примечательно в этом отношении одно конкретное уголовное дело с использованием мошеннического способа хищения материнского капитала, возбужденное по введенному в конце 2012 года составу (ст. 159.2 УК РФ) в Приморском крае [2].

В ходе расследования дела установили, что некая И., являясь директором кредитного потребительского кооператива граждан «Ромашка» (далее – КПКГ), используя свое служебное положение, в соучастии с владельцами сертификатов на материнский капитал совершила 16 эпизодов мошенничества при его получении путем предоставления заведомо ложных и недостоверных сведений. Мошенничество совершалось по предварительному сговору группой лиц и в крупном размере.

Так, в январе 2011 г. Кукушкина, являясь матерью троих несовершеннолетних детей, имея государственный сертификат на материнский капитал серии МК-2 №* от 26.11.2010 г., полученный в связи с рождением второго ребенка, узнала о возможности распорядиться средствами материнского капитала в нарушение действующего законодательства РФ, а именно, ФЗ № 256 от 29.12.2006 г. «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и Постановления Правительства РФ № 862 от 12.12.2007 г. «О правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий», через КПКГ.

Для этого в один из дней февраля 2011 г., решив совершить действия, направленные на незаконное распоряжение средствами материнского (семейного) капитала, прибыла в офис КПКГ, где с указанной целью обратилась лично к директору КПКГ И. В ходе состоявшегося разговора И., являясь лицом, выполняющим управленческие функции в КПКГ, договорилась с Кукушкиной о совершении действий, направленных на хищение денежных средств материнского капитала в сумме 338 860 рублей, т.е. в крупном размере путем предоставления заведомо ложных и недостоверных сведений в Пенсионный фонд РФ.

Одновременно с этим разработав и обсудив преступную схему совершения указанного преступления, согласно которой Кукушкина должна была фиктивно вступить в члены КПКГ, заключить фиктивный договор займа денежных средств у КПКГ, якобы на покупку квартиры, фактически не получая денежных средств и не намереваясь покупать квартиру, заключить фиктивный договор купли-продажи квартиры и представить указанные документы, содержащие заведомо ложные и недостоверные сведения, и другие необходимые документы в отдел Пенсионного Фонда РФ для распоряжения средствами материнского капитала.

В свою очередь И. должна была надлежащим образом оформить фиктивные документы о вступлении Кукушкиной в члены КПКГ, о получении последней займа в КПКГ якобы на покупку квартиры, подыскать лицо для оформления фиктивной сделки купли-продажи, подготовить и обеспечить подписание фиктивного договора купли-продажи квартиры, обеспечить надлежащее оформление иных необходимых документов, в том числе содержащих заведомо ложные и недостоверные сведения, для представления в отдел Пенсионного фонда РФ с целью хищения средств материнского капитала.

В результате осуществления всех задуманных действий И. и Кукушкина завладели денежными средствами в сумме 338 860 рублей, часть из которых, равную 225 000 рублей, И. в первой половине июня 2011 года, согласно ранее достигнутой договоренности, через Иванова П.В., неосведомленного о преступных намерениях указанных лиц, передала Кукушкиной, которая их по назначению – на улучшение жилищных условий – не использовала, а потратила на собственные нужды, а оставшейся суммой в размере 113 860 рублей И. распорядилась также по своему усмотрению.

Таким образом, И. совместно с Кукушкиной похитили денежные средства материнского капитала в сумме 338 860 рублей, причинив материальный ущерб государству в крупном размере.

Для того чтобы обнаружить факт хищения денежных средств, потребовалось немало времени и профессионализма сотрудников правоохранительных органов, которые выявили 16 эпизодов мошенничества, совершенных по изложенной выше схеме. Подобных преступлений могло быть и больше, если бы не была пресечена преступная деятельность И.

Поводом к проверке деятельности И. стали подозрительные сделки с квартирами, которые совершались в течение очень коротких сроков. Прокуратура дала поручение следствию выяснить причину скорой перепродажи квартир по всем таким случаям. Следствию стало известно, что квартиры, которые «покупались» на самом деле куплены не были. Затем выяснилось, что сделки купли-продажи были совершены благодаря «помощи» И. В результате проведенной проверки было возбуждено уголовное дело в отношении И., Кукушкиной А.А. и еще пятнадцати матерей в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159.2 УК РФ.

Подобная мошенническая схема с материнским капиталом была пресечена в 2013 году оперативниками Приморья также в городе Фокино. Всего по ней за 2011-2012 годы было установлено свыше 20 эпизодов

мошенничества, а сумма ущерба составила около 730 тысяч рублей. Подозреваемые заключали поддельные договоры целевого беспроцентного займа на улучшение жилищных условий с потерпевшими, имевшими право на средства господдержки. После сделки матери получали наличными до 200 тысяч рублей, остальные деньги – более 100 тысяч рублей – забирали мошенники [3].

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что материнский капитал весьма притягателен для преступников, а для их привлечения к уголовной ответственности своевременно введен новый состав мошенничества, предусмотренный ст. 159² УК РФ.

1. Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Дата обращения 24.11.2014 г. // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362>.

2. Уголовное дело №4298//Текущий архив Находкинского городского суда Приморского края.

3. Громкие случаи мошенничества с материнским капиталом в России в 2012–2013 годах [Электронный ресурс]. Агентство экономической информации ПРАЙМ: Дата обращения 24.11.2014 г. // <http://1prime.ru/Politics/20131119/770910277.html>.

ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ И НАЛОГОВО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

Ю.Н. Белошапко

канд. юрид. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

В юридической науке сфера миграционных отношений в виде её различных аспектов (миграционной политики, миграционного законодательства, миграционных потоков, нелегальной миграции) представляет особый интерес для изучения [1, 2, 3, 4]. Более того, анализ нелегальной миграции свидетельствует: сегодня территория страны превращается в евразийский транзитный «коридор», используемый мигрантами из азиатских и африканских стран, стремящихся попасть в Западную Европу и другие развитые страны мира. Они управляются хорошо организованными криминальными структурами. Это – хорошо отлаженный и прибыльный бизнес. Фактически государству в борьбе с незаконной миграцией противостоят не сами мигранты, а глобальная структурная сеть, в которую входят криминальные группировки, действующие на территории России [5].

Проведённые исследования позволяют сделать вывод, что одним из основных условий, порождающих незаконную миграцию, является экономическая привлекательность России. Но при этом высокая латентность противоправной деятельности обусловлена характером неконтролируемой миграции. Незаконные мигранты вследствие неблагоприятных условий постепенно «уходят» в тень, полукриминальную сферу деятельности, в результате втягиваясь в криминал в составе этноорганизованных групп [6].

На Дальнем Востоке России наблюдается тесное взаимодействие внутренней миграции (выраженной в оттоке российского населения на запад страны) и внешней миграции – приток мигрантов необходим для поддержания функционирования хозяйственного комплекса региона, а также неизбежен в силу опустения пригодных для проживания территорий. Причина кроется исключительно в неудовлетворительном состоянии региональной экономики, обусловленном, в свою очередь, не дефицитом рабочей силы, а тем, что промышленность Восточной Сибири и Дальнего Востока не имеет чётких ориентиров развития [7].

В силу комплексного характера возникающих отношений присутствуют административно-правовые, уголовно-правовые, гражданско-правовые, трудовые, иные аспекты незаконной миграции. Но при этом редко анализируются её финансово-правовые и налогово-правовые аспекты.

На первый взгляд, незаконная миграция никак не влияет на состояние денежных фондов в стране, отношения по поводу формирования, хранения, распределения и использования которых (т.е. финансы, финансовые отношения) являются объектами финансово-правового и налогово-правового регулирования. На самом деле такое влияние имеется, причём весьма существенное. Попробуем это доказать посредством анализа каждого элемента российской финансовой системы (бюджетного, налогового, валютного, страхового, кредитного, инвестиционного, ценных бумаг).

Начнём с того, что работодатель фактически не выступает налоговым агентом незаконного мигранта, хотя юридически обязан им быть [8]. Работодатель для того и нанимает такого мигранта, чтобы с его помощью сэкономить на издержках, неизбежно наступивших бы в случае найма мигранта в установленном законом порядке (работодателя в первую очередь интересует чистая прибыль, которая тем больше, чем меньше налоговая база). Следовательно, работодатель применительно к незаконному мигранту не исчисляет, не удер-

живает и не перечисляет в бюджеты налог на доходы физических лиц, и бюджеты в этой связи недополучают налоговые доходы.

Незаконный мигрант также не для того пребывает в России, чтобы пополнять её денежные фонды: его основной интерес – получить доход для себя, своей семьи, своей страны и не подвергнуться налогообложению. Поэтому он принципиально избегает постановки на учёт в налоговом органе.

Но незаконный мигрант скрывает не только доходы. Он уклоняется от регистрации других объектов налогообложения, поскольку это неизбежно влечёт постановку на налоговый учёт. Поэтому не начисляется транспортный налог, налог на имущество физических лиц, а также другие налоги, предусмотренные налоговым законодательством РФ [9] и соответствующие тому объекту налогообложения, который фактически имеется у незаконного мигранта. Следовательно, недополучение налоговых доходов в бюджеты РФ является существенным.

Законодатель осознаёт проблему налогообложения незаконных мигрантов и пытается её разрешить, контролируя операции с участием таких мигрантов и доходы от этих операций. Дело в том, что операции с участием даже незаконного мигранта облагаются косвенными налогами (налогом на добавленную стоимость, акцизом, налогом на игорный бизнес). В соответствии с п. 1–2 ст. 161 Налогового кодекса РФ, при реализации товаров (работ, услуг), местом реализации которых является территория РФ, налогоплательщиками – иностранными лицами, не состоящими на учёте в налоговых органах в качестве налогоплательщиков, налоговая база определяется как сумма дохода от реализации этих товаров (работ, услуг) с учётом налога. Однако официально налогоплательщиками перечисленных налогов являются не сами мигранты, а те, кто принимает от них деньги при совершении указанных операций (п. 2 ст. 161 Налогового кодекса РФ). Иными словами, незаконные мигранты в указанных случаях в налоговых органах не регистрируются. Следовательно, проблема налогообложения незаконных мигрантов в данном случае решается лишь частично и «погоды не делает».

Помимо вышеизложенных, можно выявить и другие аспекты негативного влияния незаконной миграции на состояние денежных фондов страны, а следовательно, и российских финансов. Так, работодатель незаконного мигранта не перечисляет страховые взносы в государственные внебюджетные фонды (пенсионный, социального страхования, обязательного медицинского страхования). Названные взносы не входят в налоговую систему и регулируются специальным страховым законодательством [10], но имеют высокие ставки, а поэтому неуплата таких взносов негативно влияет на сбалансированность бюджетов государственных внебюджетных фондов, приводит к их дефициту, который компенсируется за счёт федерального бюджета. Что, в свою очередь, приводит к разбалансированности федерального бюджета.

Неважно обстоят дела и в кредитно-банковской сфере. Незаконные мигранты при перечислении денег в свою страну избегают пользоваться российской банковской системой (поскольку налоговые органы в этом случае неизбежно узнают о доходах мигранта), а обращаются к достаточно дешёвым услугам специальных курьеров из доверенных земляков. В результате банки лишаются прибыли, не повышают в этой связи свою налоговую базу, а бюджеты недополучают доходы от налога на прибыль организаций (в данном случае – банков).

Кроме того, незаконные мигранты избегают вкладывать в Россию инвестиции, в результате чего не пополняются инвестиционные фонды, регулируемые бюджетным правом [11], а также инвестиционные фонды, регулируемые инвестиционным правом [12]. Лишают незаконные мигранты доходов (а, следовательно, налоговой базы) и профессиональных участников валютного рынка [13], рынка ценных бумаг (т.е. биржи, финансовых консультантов, брокеров и др.) [14]. В результате бюджеты лишаются так нужных им, особенно сейчас, налоговых доходов, получаемых на всех финансовых рынках.

Немалыми на таком фоне являются бюджетные расходы: на реализацию такого административного наказания как административное выдворение за пределы РФ иностранного гражданина или лица без гражданства [15]; на содержание мигранта в специально отведённых помещениях, либо в специальных учреждениях до исполнения решения об административном выдворении за пределы РФ; на депортацию [16]. Поскольку, как правило, у мигрантов почему-то не оказывается собственных средств, либо не удаётся установить приглашающую сторону.

Проблему включения незаконных мигрантов в сферу налоговых интересов России можно решить путём оптимизации налогового контроля. В этой связи посредством внесения изменений в соответствующее законодательство [17] нужно разрешить налоговым органам осуществлять оперативно-розыскную деятельность, причём во взаимодействии с Федеральной миграционной службой. Это позволит своевременно выявлять у незаконных мигрантов объекты налогообложения и удерживать с них налоги, которые существенно пополнят бюджеты страны на всех уровнях российской бюджетной системы – федеральном, региональном, муниципальном.

Кроме того, названное усиление полномочий налоговых органов будет стимулировать привлечению в страну законопослушных мигрантов. Такой мигрант регистрируется в налоговом органе. Он обратится к услугам профессиональных участников рынка ценных бумаг, будет пользоваться российской кредитной

системой и услугами страховщиков, заниматься инвестированием в объекты предпринимательства на территории РФ, обменивать валюту в российских уполномоченных банках. Следовательно, его доходы, а также доходы лиц, с которыми мигрант вступил в правоотношения, будут облагаться налогами, а работодатель начислит ещё и страховые взносы. Всё это пополнит денежные фонды России, конечным из которых и ёмким, наиболее значимым для нашей страны являются бюджеты. Сбалансированный бюджет поддержит российскую экономику в кризисные периоды. Сильная и стабильная экономика, в свою очередь, поможет наполнить бюджеты.

1. Корчагин, А.Г. Проблемы юридической ответственности в публичном и частном праве: монография / А.Г. Корчагин, Ю.Н. Белошапко. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – С. 460–476;

2. Попов, И.А. Совершенствование правового и организационного обеспечения противодействия незаконной миграции / И.А. Попов, О.И. Попова // Миграционное право. – 2013. – № 2 [Электронный ресурс]. Edu.consultant.ru/ – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM);

3. Скачкова, Г.С. Трудовая деятельность иностранцев в России в контексте миграционной политики Российского государства / Г.С. Скачкова // Миграционное право. – 2013. – № 2 [Электронный ресурс]. Edu.consultant.ru/ – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM);

4. Нестеров, С.Е. Начисление страховых взносов с выплат работникам-иностранцам / С.Е. Нестеров // Оплата труда: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2013. – № 9 [Электронный ресурс]. Edu.consultant.ru/ – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

5. Голюк, Н.С. Криминологическое обеспечение миграционной политики в Дальневосточном федеральном округе России (региональный компонент): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.С. Голюк. – Иркутск, 2007. – С. 121–126.

6. Собольников, В.В. Незаконная миграция в системе координат России / В.В. Собольников // Незаконная международная миграция как угроза всеобъемлющей стабильности и безопасности государств XXI века: правовое обеспечение сотрудничества в России и приграничных стран: материалы международного теоретического семинара / науч. ред. проф. А.И. Коробеев. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. – С. 132–136.

7. Гельбрас, В. Перспективы китайской миграции на Дальнем Востоке / В. Гельбрас // Отечественные записки. – 2004. – № 4. – С. 25.

8. Налоговый кодекс Российской Федерации. Ч. 1 от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ. Ст. 161. П. 2 // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

9. Налоговый кодекс Российской Федерации. Ч. 2 от 05 августа 2000 г. № 117-ФЗ // СЗ РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.

10. О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования: федер. закон Рос. Федерации от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ // СЗ РФ. – 2009. – № 30. – Ст. 3738.

11. Бюджетный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ. Ст. 179.2 // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

12. Об инвестиционных фондах: федер. закон Рос. Федерации от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4562.

13. О валютном регулировании и валютном контроле: федер. закон Рос. Федерации от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ // СЗ РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4859.

14. О рынке ценных бумаг: федер. закон Рос. Федерации от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 17. – Ст. 1918.

15. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Ст. 3.2, п. 1, пп. 7 // СЗ РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1.

16. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ. Ст.ст. 2, 34 // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3032.

17. Налоговый кодекс РФ; О налоговых органах Российской Федерации: закон Рос. Федерации от 21 марта 1991 г. № 943-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 15. – Ст. 492; СЗ РФ. – 1999. – № 28. – Ст. 3484; Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ

Н.А. Демидов

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Если обращаться к первоначальному пониманию термина, то коррупция, согласно толковому словарю, это «подкуп взятками, продажность должностных лиц, политических деятелей» [1]. Сущность коррупции состоит в продажности и подкупности государственных чиновников и должностных лиц различного уровня, которые за различные блага, в том числе и деньги, принимают решения выгодные взяточдателям. Коррупция – «чума» современного общества, которая распространена во всех современных государствах. В России, в том числе и в Приморском крае, она приобрела наиболее значительные и острые формы.

Согласно данным прокуратуры в начале 2014 г. раскрыто 160 преступлений коррупционной направленности. Из них 130 преступлений выявлено сотрудниками ОВД, 11 преступлений выявлено сотрудниками ФСБ, 1 – сотрудниками органов наркоконтроля, 2 – сотрудниками органов ФССП, 1 – сотрудниками органов ФСИН, 13 – сотрудниками органов прокуратуры края [2].

Сотрудники прокуратуры отмечают наличие положительной тенденции к росту количества коррупционных преступлений. Так в 2014 году количество выявленных преступлений по фактам взятничества было 33 (для сравнения в начале 2013 г. выявлено 15): по факту получения взятки (ст. 290 УК РФ) выявлено 13 преступлений, по факту дачи взятки (ст. 291 УК РФ) выявлено 20 преступлений [3].

Если изучать структуру коррупционных преступлений в Приморском крае, то первое место принадлежит такому преступлению, как служебный подлог (ст. 292 УК РФ). По данному виду преступлений возбуждено 51 уголовное дело. Далее с незначительным разрывом следует мошенничество с использованием служебного положения – возбуждено 25 уголовных дел; по фактам злоупотреблений должностными полномочиями – 21 уголовное дело и за дачу взятки – 20 уголовных дел. Меньше зарегистрировано преступлений по статьям 159.2, 290 (получение взятки), части 3 ст. 160 (присвоение с использованием служебного положения – 10 уголовных дел), 204 (коммерческий подкуп), 201 (злоупотребления полномочиями) УК РФ [4].

Коррупция в Приморском крае расцвела потому, что чиновник получил возможность распоряжаться не только бюджетными средствами, но и государственной или муниципальной собственностью, государственными заказами, лицензиями, льготами и т. п. В действующем законодательстве присутствуют так называемые коррупционные «ниши», которые создаются с целью извлечения огромных доходов чиновниками при использовании своих должностных полномочий. Для значительной части руководителей как регионального, так и местного уровня коррупция выступает главным источником дохода. Именно коррупция стала главным побудительным мотивом для принятия нужных управленческих решений.

Наибольшую опасность представляет собой факт присутствия коррупции в правоохранительных органах, в прокуратуре, в спецслужбах и судебной системе, так как именно эти органы созданы для борьбы с проявлениями этого социального зла. Во многом усиление организованной преступности обусловлено наличием коррупции в правоохранительных органах. Взаимодействуя с коррумпированными группами предпринимателей и чиновников, получая за деньги доступ к политической власти и реальным возможностям для отмывания денег, организованная преступность еще более укрепляется, с ней практически не удается справиться.

По данным прокуратуры, субъектный состав лиц, осужденных за преступления коррупционной направленности в начале 2014 г., выглядит следующим образом: осуждено 7 сотрудников правоохранительных органов, 1 сотрудник ГУ ФСИН, 1 должностное лицо органов местного самоуправления, 1 сотрудник органов исполнительной власти, 1 сотрудник прокуратуры, 2 работника сферы здравоохранения, 4 работника сферы образования, 3 иных должностных лица, 5 взяточдателей [5]. Иными словами, наибольшее распространение коррупция в Приморском крае получила в среде сотрудников правоохранительных органов, и это не очень утешительный вывод.

Вера населения в способность государственной власти защитить права и свободы своих граждан во многом опирается на веру в непродажность и неподкупность именно сотрудников правоохранительных органов. В настоящее время отсутствие подобного доверия ведет к росту социальной напряженности и увеличению политической нестабильности как в стране, так и в Приморском крае в частности. Прокуратурой вскрывались факты вынесения решений арбитражными судами и судами общей юрисдикции в пользу той стороны, которая платит за выгодное ей решение. В этой сфере наблюдается незначительная реакция со стороны органов высшей судебной власти на подобные проявления в регионах, в связи с чем, избавление в судебном корпусе от коррупционных проявлений идет крайне вяло. Сейчас больше избавляются от тех, кто «выносит сор из избы» и сообщает о фактах взятничества в судебной системе.

Наибольшую опасность для общества представляет собой коррупция в органах федеральной государственной власти и местного самоуправления, особенно в тех, которые отвечают за выработку и приня-

тие решений в сфере управления. Именно в данной сфере происходит распределение бюджетных средств, а также выделение льгот, субсидий и преференций. В 2000 годы в России возник такой термин, характеризующий коррупцию, как «норма отката».

Норма отката представляет собой нижний предел размера взятки (в процентах) с которого начинаются договоренности чиновника и бизнесмена для реализации «режима наибольшего благоприятствования». Директор Центра антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл-Р» Е.А. Панфилова совместно с М. И. Савинцевой и Ю. А. Нисневичем в работе «Противодействие коррупции в РФ» осветили некоторые нормы отката. По их утверждению, при покупке транспортного средства на средства бюджета норма отката составляет около 10–15%; за обеспечение получения права на заключение государственного контракта – 20% от его суммы; за предоставление определённой площадки для застройки – около 30%; за право участия в реализации национального проекта – от 30 до 40% от его суммы [6]. За взятки предоставляются квоты на разработку природных месторождений, обеспечивается доступ к служебной информации для ее дальнейшего использования в интересах разных лиц, организуются торги и конкурсы с predetermined результатом и т.п.

Законодательное обеспечение противодействия коррупции в Приморском крае представлено Законом Приморского края «О противодействии коррупции в Приморском крае» [7]. В этом законе в качестве мер противодействия коррупции закреплены меры:

- 1) по созданию краевых и муниципальных антикоррупционных программ и их реализации;
- 2) по проведению антикоррупционной экспертизы актов Приморского края, муниципальных правовых актов, а также их проектов;
- 3) по созданию административных регламентов по исполнению государственных функций;
- 4) направленные на применение в кадровой работе органов власти Приморского края правил, согласно которым длительное, эффективное и безупречное исполнение служащим должностных обязанностей должно быть обязательно учтено при его назначении на вышестоящую должность, в случае присвоения ему классного чина или поощрения.

Данный нормативный акт принят в 2009 году и на тот момент предполагалось, что реализация этих мер позволит снизить уровень коррупции в органах государственной власти и местного самоуправления, но, как показывает статистика, ожидания не подтвердились. В 2012 г. закон дополнили новой мерой противодействия коррупции, а именно рассмотрение не реже одного раза в квартал органами власти Приморского края, а также органами местного самоуправления вопросов реализации положений в сфере признания недействительными ненормативных правовых актов, незаконными решений и действий (бездействия) данных органов и их должностных лиц. Данная мера направлена на последующую выработку и принятие мер по предупреждению и устранению причин таких нарушений [8]. Увеличение на законодательном уровне количества мер противодействия коррупции, как представляется, рано или поздно окажет свой положительный эффект.

В росте коррупции повинны как бедные, так и богатые россияне, а также правящая политическая и экономическая элита: министры, губернаторы, мэры и бизнесмены. Именно в высших сферах общества причиняется колоссальный материальный и моральный вред, рушится вера в демократию, в проводимые экономические и политические реформы, подрывается доверие к носителям власти и к государству в целом. В Приморском крае вызывает большой ажиотаж ситуация с постоянной сменой высших должностных лиц края именно в связи с подозрениями их в коррупции и дальнейшем возбуждении в отношении них уголовных дел.

На совместном совещании по проблемам взаимодействия органов прокуратуры и органов местного самоуправления Генеральный прокурор России выступил с докладом в котором озвучил, что органы власти и государственного управления заражены коррупцией в огромных масштабах: «Следует отметить, что коррупция характерна не только для каких-то определенных участков государственного механизма. Коррупция проникла во все уровни власти и приобрела системный характер» [9].

Практически во всех министерствах и ведомствах федерального уровня, в которых были проведены прокурорские проверки, выявлены факты нарушений должностными лицами законодательных норм о предоставлении сведений о доходах и имуществе, а также справок в отделах кадров о соблюдении ограничений, которые должны приниматься во внимание при замещении государственной должности.

В последнее время значительно увеличилось число зарегистрированных преступлений коррупционной направленности, совершаемых главами администраций, руководителями органов власти. Так генеральная прокуратура выявила значительные нарушения положений о государственной службе в Министерстве здравоохранения и социального развития, Федеральной таможенной службе, других органах государственного управления.

Несмотря на увеличение числа коррупционных преступлений в Приморском крае, борьба с данными проявлениями не прекращается как на законодательном, так и на правоприменительном уровне.

Пути решения проблемы для многих ученых, занимающихся изучением этого феномена, выступают следующие меры, которые должны привести к взятию коррупции под контроль:

1. Увеличение дохода лиц, выполняющих государственные функции до уровня дохода лиц, которые заинтересованы в покупке предоставления незаконных государственных услуг.

2. В сфере деятельности таможенных органов необходимо произвести снижение таможенных платежей, чтобы у лиц, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность, не было необходимости в даче взятки.

3. Усовершенствовать систему документооборота в процессе протоколирования нарушений.

Коррупцию невозможно искоренить, но можно взять ее под контроль и сдерживать ее рост на определенном уровне. И это значительно проще, чем пытаться искоренить коррупцию вообще как социальное явление.

Борьбу с коррупцией в Приморском крае невозможно рассматривать отдельно от борьбы с коррупцией в Российской Федерации. Проблему совершенствования борьбы с коррупцией невозможно решить только в Приморском крае. Для этого требуется изменение ситуации в условиях всей страны. В ситуации, когда действующее законодательство не определяет ни уголовную ответственность, ни конфискацию имущества, ни иные суровые меры противодействия коррупции, она, естественно, расцветает буйным цветом. Эффективность борьбы с коррупцией в Приморском крае зависит от эффективности принимаемых мер в России в целом.

Борьба с коррупцией, безусловно, является одним из приоритетных направлений деятельности в Приморском крае, и ее активизация – это не популизм и «кампанейщина», а закономерный ответ на вызовы современности, следствие демократической эволюции общества и государства

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов – М.: Мир и образование, 2012. – С. 299.

2. О состоянии коррупционной преступности в крае [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://prosecutor.ru/news/2014-04-29-o-sostoyanii-korrupsionnoy.htm> (Дата обращения 27 ноября 2014 года).

3. О состоянии коррупционной преступности в крае [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://prosecutor.ru/news/2014-04-29-o-sostoyanii-korrupsionnoy.htm> (Дата обращения 27 ноября 2014 года).

4. О состоянии коррупционной преступности в крае [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://prosecutor.ru/news/2014-04-29-o-sostoyanii-korrupsionnoy.htm> (Дата обращения 27 ноября 2014 года).

5. О состоянии коррупционной преступности в крае [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://prosecutor.ru/news/2014-04-29-o-sostoyanii-korrupsionnoy.htm> (Дата обращения 27 ноября 2014 года).

6. Противодействие коррупции в Российской Федерации: Указатель литературы на русском языке. 1991–2012 гг. / сост. Е. А. Панфилова, М.И. Савинцева; под ред. Ю.А. Нисневича. – М.: Центр ТИ-Р, 2013. – С. 31.

7. О противодействии коррупции в Приморском крае: Закон Приморского края от 10.03.2009 № 387-КЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zspk.gov.ru/submit.pl>. (Дата обращения 27 ноября 2014 года).

8. О внесении изменений в статью 2 Закона Приморского края «О противодействии коррупции в Приморском крае»: Закон Приморского края от 05.05.2012 № 35-КЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zspk.gov.ru/submit.pl>. (Дата обращения 27 ноября 2014 года).

9. Совместное совещание по проблемам взаимодействия органов прокуратуры и органов местного самоуправления // Городское управление. – 2011. – № 1(174). – С. 10.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

К.А. Пахарьков

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института

МВД России

г. Владивосток

Российская Федерация в международном сообществе позиционирует себя как открытое для иностранных граждан государство. В связи с указанным процессом Приморский край стал привлекателен для большого контингента иностранцев. Лидирующую позицию по въезду на территорию Приморского края заняли граждане Китайской Народной Республики, немногим от них отстали граждане Узбекистана и Азербайджана.

Открытость к международному сотрудничеству отразилась на увеличении притока денежных инвестиций и рабочей силы иностранных граждан и лиц без гражданства в Россию. В тоже время проявилось

и негативное явление, которое состоит в заметном увеличении количества преступлений, совершаемых как иностранцами на территории России в целом и Приморском крае, в частности, так и в отношении них. Произошло усиление влияния международной преступности на внутригосударственную криминальную обстановку, на территории нашего государства появились организованные преступные группировки, состоящие из иностранных граждан.

Статья 2 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» предусматривает, что иностранный гражданин – физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства. Лицо без гражданства – физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) иностранного государства [1].

Чем же привлекает иностранцев Приморский край и Дальний Восток? Попробуем разобраться в этом подробнее. Приморский край как административная единица Российской Федерации образован 20 октября 1938 года. Он занимает в России 20 место по территории и 23 – по численности населения. Край состоит из 34 муниципальных образований, 12 городов, из которых 10 краевого подчинения и 2 закрытых административно-территориальных образования (г.Фокино, г.Б.Камень), 22 района, 30 поселков городского типа и 617 сельских населенных пунктов. По территории края проходит одна дорога федерального значения: Владивосток – Хабаровск. Край обладает сетью железнодорожных путей протяженностью 2400 км и шоссейных дорог протяженностью 26261 км. Общая протяжённость границ края составляет 4000 км, в том числе морской – 1822 км. На самом юге он граничит с КНДР (протяженность границы – 17,5 км), на западе – с КНР (1145 км), на севере – с Хабаровским краем.

Край расположен в Дальневосточном регионе РФ на площади 164,7 тыс. кв.км, из которых 79,5% занимают лесные массивы, 2,4% – водные пространства Японского моря, 9,8% – сельхозугодья и 8,3% – прочие земли.

Кроме материковой части, в состав края входят многочисленные острова: Русский, Попова, Рейнке, Рикорда, Путятин, Аскольд и др.

Административным, политическим, производственным и деловым центром Приморского края является город Владивосток, который основан в 1860 году. Численность его населения превышает 600 тыс. человек.

С востока и юго-востока Приморье омывается водами Японского моря, являющегося окраинным морем Тихого океана. Самая северная точка Приморского края находится вблизи истоков реки Дагды (приток реки Самарги), а крайняя южная – в устье реки Туманной (Туманган, Тумыньцзян) на границе с КНДР. Крайняя западная точка лежит вблизи истока р. Новгородовки (Хасанский район) на границе с КНР, крайняя восточная точка – мыс Золотой на берегу Японского моря. Расстояние между крайними – северной и южной – точками ровно 900 км, между западной и восточной точками оно составляет 430 км.

Три четверти территории Приморья занимают горная система Сихотэ-Алинь и отроги Восточно-Маньчжурской горной системы. В крае около 6 тысяч рек, большинство из которых – горные.

Природные ресурсы края весьма разнообразны и велики, что является одной из самых важных его отличительных характеристик. Общегосударственное, региональное и локальное значение имеют: горно-химическое и горнорудное сырье для цветной металлургии. Имеются каменный и бурый уголь, торф, полевошпатовое сырье, природные сорбенты, стройматериалы, драгоценные и полудрагоценные камни и др.

Анализируя вышесказанное можно сделать вывод, что иностранцы прибывают в Приморье для предоставления своих услуг в качестве наемной рабочей силы и коммерческой деятельности. Наряду с законопослушными иностранцами приезжают и представители преступного элемента.

Согласно данным УФМС России по Приморскому краю в 2012 году на территории Приморского края с начала года зарегистрировано 273 355 иностранных граждан [2].

Цель въезда	Количество прибывших иностранцев
с частными целями	57 314
в целях осуществления деловых поездок	43 005
с туристическими целями	85 319
в целях обучения	4629
с целью осуществления, трудовой деятельности	81 278
в гуманитарных целях	1046
для временного проживания	764

По статистическим данным УМВД России по ПК за 2012 год на территории Приморского края зарегистрировано 527 преступлений, связанных с иностранными гражданами, за аналогичный период прошлого года 523 преступлений (далее АППГ), в том числе 300 преступлений, совершенных иностранными гражданами (АППГ – 299) и 227 преступлений, совершенных в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства (АППГ – 224).

В производстве находилось 372 уголовных дела, фигурантами которых являлись иностранные граждане (АППГ – 379) и 289 уголовных дел, совершенных в отношении иностранных граждан (АППГ – 259).

Основная масса преступлений, совершенных иностранными гражданами, приходится на граждан КНР – 145, Узбекистана – 122, других граждан СНГ – 40, Азербайджана – 33, Армении – 15, КНДР – 4.

Но не только иностранцы совершают преступления, в свою очередь они также становятся объектом преступных посягательств.

В 2012 году на территории Приморского края совершено 227 преступления в отношении иностранных граждан (АППГ – 224). Наиболее часто подвергаются преступным посягательствам граждане: КНР – 87, страны СНГ – 28, Узбекистана – 78, Азербайджан – 10 [3].

Обращаясь к статистическим данным? на территории Приморского края в 2013 году зарегистрировано 233 473 иностранных граждан [2].

Цель въезда	Количество прибывших иностранцев
с частными целями	47 407
в целях осуществления деловых поездок	38 014
с туристическими целями	79 818
в целях обучения	5733
с целью осуществления трудовой деятельности	59 555
в гуманитарных целях	1073
для временного проживания	1873

За 2013 год на территории Приморского края зарегистрировано 773 преступления, связанных с иностранными гражданами (АППГ – 527), в том числе 470 преступлений, совершенных иностранными гражданами (АППГ – 300) и 303 преступления, совершенных в отношении иностранных граждан и ЛБГ (АППГ – 227). В производстве находилось 921 уголовное дело (АППГ – 661), направлено в суд 536 уголовных дел (АППГ – 386).

Согласно сведениям ИЦ УМВД России по Приморскому краю основная масса преступлений, совершенных иностранными гражданами, приходится на граждан Узбекистана – 219, граждан КНР – 200, других граждан СНГ – 63, граждан Азербайджана – 20, граждан Армении – 19.

С начала 2013 г. число преступлений, совершенных в отношении иностранных граждан, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года возросло на 33,5% (2012 г. – 227, 2013 г. – 303).

Наиболее часто подвергаются преступным посягательствам граждане КНР – 34,7% от общего числа совершенных преступлений и 40,6% – граждане Узбекистана [3].

По состоянию на январь–сентябрь 2014 года на территории Приморского края зарегистрировано 45247 иностранных граждан [2].

Цель въезда	Количество прибывших иностранцев
с частными целями	10 146
в целях осуществления деловых поездок	7684
с туристическими целями	9305
в целях обучения	1664
с целью осуществления трудовой деятельности	15840
в гуманитарных целях	140
для временного проживания	468

За январь – сентябрь 2014 года на территории Приморского края зарегистрировано 102 преступления, связанных с иностранными гражданами (АППГ – 97), в том числе 57 преступлений, совершенных иностранными гражданами (АППГ – 45) и 45 преступлений, совершенных в отношении иностранных граждан и ЛБГ (АППГ – 52). В производстве находилось 246 уголовных дел (АППГ – 207), направлено в суд 151 уголовное дело (АППГ – 115).

Согласно сведениям ИЦ УМВД России по Приморскому краю основная масса преступлений, совершенных иностранными гражданами, приходится на граждан Узбекистана – 79, граждан КНР – 20, других граждан СНГ – 11, граждан Азербайджана – 9, граждан Грузии – 1.

Наиболее часто подвергаются преступным посягательствам граждане Узбекистана – 40,0%, граждане КНР – 26,6% от общего числа совершенных преступлений.

В практической деятельности сотрудников отдела по борьбе с преступлениями, связанными с иностранными гражданами УУР УМВД России по ПК, занимающихся раскрытием и расследованием преступлений совершенных иностранцами или в их отношении, возникают проблемы связанные с установлением личности иностранного гражданина, знанием им русского языка, взаимодействия с правоохранительными органами зарубежных государств и иные. Зачастую задержанный иностранец «забывает» русский язык. Предусмотренная действующим законодательством норма УПК РФ об обязательном участии в подобных случаях переводчика, решает данную проблему, но не в полной мере так, как иностранный гражданин может вообще ничего не говорить или делать вид, что не понимает переводчика. Данная ситуация может быть как вымыслена иностранцем, так и вполне правдоподобна. Например, в случае с гражданами КНР, у которых государственный язык единый, но диалекты провинций разнообразны, из-за чего сами китайцы из разных провинций могут не в полной мере понимать друг друга. Проблему вызывает процесс установления личности иностранного гражданина, так как не всегда приезжие регистрируются в органах ФМС России, либо теряют, оставляют в залоге свои документы. До 2001 года во Владивостоке функционировали: приемник-распределитель для иностранцев, в который в подобном случае можно было поместить лицо, сейчас ситуация осложняется тем, что ближайший приемник-распределитель находится в г. Артем. Установление личности для дальнейшего принятия какого-либо решения по материалам доследственной проверки или по уголовному делу занимает длительное время, которого нет. Аналогична ситуация и с иностранным гражданином, в отношении которого совершено преступление. Заявитель или потерпевший по уголовному делу, после признания его таковым и допроса, может покинуть пределы России. Что делает проблематичным проведение иных оперативно-розыскных, следственных и процессуальных действий, участие в которых необходимо. Немаловажной проблемой является отсутствие в органах предварительного расследования УМВД России по ПК специализированных подразделений с квалифицированно подготовленными следователями и дознавателями, занимающихся исключительно расследование преступлений, связанных с иностранными гражданами, знающими все проблемные моменты и обладающие навыками их преодоления.

Решение обозначенных проблем должно проходить на высшем уровне с внесением изменений в действующее законодательство и налаживанием связей по правовой помощи между Россией и иностранными государствами. Необходимо разработать региональные международные программы по борьбе с преступностью, организовывать проведение встреч российских правоохранительных органов с зарубежными партнерами.

1. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ // Российская газета. – 2002.– 31 июля.

2. Статистические данные УФМС России по ПК // официальный сайт www.fmspk.ru.

3. Статистические данные УМВД России по ПК // официальный сайт www.25.mvd.ru.

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

А.В. Березянская, студентка

А.В. Довбыш

науч. рук., ассистент кафедры публичного права

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

г. Владивосток

Участие России в международном рынке труда обусловлено целым рядом факторов. Как и в большинстве стран мира, важнейший из них – относительная нехватка рабочей силы в отдельных секторах экономики и регионах страны, по отдельным профессиям и видам работ. К ним относятся, прежде всего,

те сферы российской экономики, которые характеризуются низким уровнем оплаты труда, большим количеством непривлекательных рабочих мест, отдаленностью районов. Особенно ощутима дополнительная потребность в рабочей силе на Дальнем Востоке России [1].

В России число ежегодно прибывающих мигрантов увеличилось за последнее десятилетие в четыре раза – с 119 тыс. человек в 2004 году до 482 тыс. в 2013 году, хотя иностранных работников требуется обычно не больше 2% от численности занятых в экономике (это примерно 1,1 млн человека) [2].

В Дальневосточном федеральном округе на фоне непрекращающегося оттока коренного населения особенно ощутима дополнительная потребность в рабочей силе. В то же время сегодня у работодателей есть экономический интерес привлекать низкооплачиваемых работников из-за рубежа с целью снижения затрат на производство. Широкое использование нелегальных иммигрантов является угрозой рынку труда, проявлениями которой являются: уход от налогов; работодатели, сбивающие цену рабочей силы; полное бесправие в области охраны труда; отсутствие трудовых договоров, документов и прочее. Между тем ввиду сложностей с получением необходимых документов сами трудовые мигранты не стремятся легально фиксировать свое пребывание в нашей стране. Такие сложности с законным оформлением зачастую толкают трудящихся идти на нелегальный найм со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями как для государства, так и для самих трудящихся-мигрантов. Данные обстоятельства затрудняют эффективное воплощение в жизнь законодательно закрепленного социального обеспечения мигрантов.

В соответствии с Конституцией РФ [3] иностранные граждане пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ. Разумеется, это касается и трудового законодательства: в отношении условий и оплаты труда не допускается дискриминация иностранцев в зависимости от пола, расы, национальности, языка, вероисповедания и проч.; в России не признаются ограничения на трудовую деятельность, установленные национальным законодательством страны иностранца; на иностранных граждан распространяются положения об охране труда, специальные положения, касающиеся условий труда женщин и подростков, которые имеют право на социальные пособия, право на отдых и т.д. [4]

Ратифицируя международные конвенции, Российская Федерация признаёт приоритет норм международного права над собственным национальным законодательством, что имеет большое значение как для самой страны с точки зрения ее интеграции в мировое сообщество, так и для мигрантов, чьи права за рубежом существенно расширяются и получают правовую защиту. В данной сфере Россия ратифицировала несколько, в том числе Международную конвенцию о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей [5].

Одной из основных ее идей является признание государствами, ратифицирующими данный документ, равенства в отношении мигрантов независимо от их национальности, расовой принадлежности, религии, пола и т. п. Конвенция содержит статьи, направленные на регулирование условий, при которых трудящиеся-мигранты будут иметь равные с гражданами принимающего государства права в вопросах, определенных Конвенцией. Защита прав трудящихся-мигрантов обеспечивается:

- организацией бесплатных служб для помощи мигрантам и обеспечения их необходимой информацией (ст. 2);
- принятием мер против недостоверной информации и пропаганды в отношении вопросов, касающихся иммиграции и эмиграции граждан (ст. 3);
- принятием мер, облегчающих все стадии миграции: отъезд, перемещение и прием мигрантов (ст. 4);
- организацией соответствующих медицинских служб (ст. 5);
- разрешением переводить на родину заработок и сбережения трудящихся мигрантов (ст. 9) [6].

Помимо этого, в РФ действуют национальные нормы, разработанные и принятые самостоятельно в пределах своей юрисдикции и исходя из собственных интересов.

Начиная от медицинского обслуживания и заканчивая способствованию элементарной адаптации в обществе, происходят нарушения прав мигрантов не только как субъектов трудового, но также и как субъектов конституционного законодательства, что является доказательством наличия в системе права РФ пробела в отношении охраны социального обеспечения мигрантов. Возможным решением этой проблемы может быть ратификация РФ иных международно-правовых актов в отношении трудовых мигрантов. Примером является Конвенция МОТ № 143 «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении работникам-мигрантам равенства возможностей и обращения», которая закрепляет защиту большинства прав мигрантов, касающихся их пребывания на территории иностранного государства.

Эксперты отмечают, что органы власти в процессе нормотворчества по вопросам миграционного законодательства предпочитают наносить точечные удары, решают отдельные, наиболее злободневные с их точки зрения вопросы без стремления обозреть сложившуюся ситуацию комплексно, в рамках интересов участников миграционной политики государства. Они действуют путем внесения многочисленных изменений в существующие законы [7].

Однако, несмотря на огромную правовую базу, закрепляющую должное социальное обеспечение трудовых мигрантов в нашей стране, нарушения в данной области встречаются слишком часто. На прак-

тике недобросовестное отношение работодателей к своим обязанностям в отношении трудящихся у них мигрантов стало явлением постоянным, что подтверждается опросами трудящихся в нашей стране мигрантов и судебной практикой.

Одной из часто встречающихся проблем является отсутствие формального статуса на рабочем месте. Этот аспект порождает множество проблем в области социального обеспечения мигрантов.

Примером является исключение возможности медицинского страхования иммигрантов, что подтверждается результатами опроса. Только 26,9% опрошенных указали на наличие полиса, большая часть респондентов (73,1%) не имеют полиса медицинского страхования [8].

Основными барьерами доступности медицинской помощи для мигрантов выступают следующие: «недокументированное» положение многих иностранных работников, приводящее к невозможности получить страховку от работодателей и сдерживающее обращение в страховые компании; дороговизна полисов добровольного медицинского страхования и недоступность полисов ОМС; отсутствие мотивации у работодателей для охраны здоровья трудовых мигрантов; отсутствие возможности выбора медучреждения для прохождения медицинского освидетельствования.

Также, достаточно большое число нарушений фиксируется в отношении пенсионного обеспечения мигрантов, о чем свидетельствует многочисленная судебная практика. Сложность решения вопроса пенсионного обеспечения трудовых иммигрантов усугубляется тем, что большая часть иностранных граждан все еще продолжает находиться в стране пребывания на нелегальном положении. Граждане иностранных государств, работающие в России, без соответствующего разрешения, не обладают правосубъектностью в России, и тем самым не могут являться участниками системы формирования пенсионного обеспечения ни в соответствии с внутренним законодательством РФ, ни в соответствии с международными соглашениями, и даже с законодательством своей страны, что, безусловно, затрудняет решение вопросов, связанных с их пенсионным обеспечением.

Проблемы, связанные с защитой прав мигрантов в РФ, возникают на разных этапах их пребывания, проживания и трудоустройства. Так, трудности, связанные с нарушением прав, возникают при въезде в и выезде из РФ, поиске мигрантом принимающей стороны для оформления уведомления о прибытии, легальном поиске жилья и работы, оформлении разрешительных документов для осуществления трудовой деятельности, доступа к медицинским и образовательным учреждениям и т. д. Данное положение дел в сфере миграции глубоко укоренило в сознании всех субъектов миграционного процесса правовой нигилизм, и потребуются многие десятилетия для его устранения.

Возникающие при пересечении границ проблемы решаемы, если мигранты будут иметь возможность определить свой правовой статус в принимающей стране еще до отправления в неё, т.е. у себя на родине. К сожалению, сегодня не во всех государствах-поставщиках мигрантов присутствуют официальные информационные каналы, позволяющие вовремя предоставить мигрантам актуальную информацию о каких-либо ограничениях при въезде, выезде и пребывания в РФ.

Основные принципы и нормы трудового законодательства РФ в равной мере распространяются и на трудовых мигрантов. Однако, несмотря на это, работодатели часто отказываются заключать трудовой договор (контракт) с мигрантами, устанавливают им ненормированный рабочий график, иногда изымают документы (уведомления, разрешение на работу, паспорт), при форс-мажорных обстоятельствах не возмещают причиненный им вред и т.д. Опрос показал, что большинство мигрантов не смогли по разным причинам работать в РФ по трудовым договорам. Так, например, на вопрос, заключали ли Вы трудовой договор с работодателем во время Вашей работы за границей? – 85% респондентов ответили «нет» и только 15% – «да».

Неоднократно проводившиеся исследования и данные общественных организаций показывают, что большинство мигрантов трудоустраиваются через неформальные каналы либо самостоятельно. На вопрос, каким способом Вы искали работу за границей? – мигранты ответили следующим образом: самостоятельно – 60%; с помощью родственников (знакомых) – 35%; при содействии частных агентств по трудоустройству за рубежом – 5%; При содействии Государственной службы занятости – 0%.

Неформальные каналы трудоустройства — удобный и выгодный для работодателя механизм, позволяющий им выводить мигрантов за рамки действия законодательства РФ, сделать их нелегальными и бесправными. Работодатели стабильно получают доходы от нелегального использования труда мигрантов, занимая одно из первых мест по количеству нарушений их прав и интересов. Они являются основными ответственными за изменение правового статуса легального трудового мигранта, въезжающего в РФ и теряющего этот статус. Также активно в процесс трудоустройства мигрантов в РФ вовлечены нелегальные посредники, которые оказывают платные услуги в теневом рынке труда.

Отсюда и вытекает основная причина затруднения в обеспечении социальной защиты трудовых мигрантов. Трудовые мигранты просто вынуждены пользоваться нелегальными способами вследствие того, что не имеют возможности трудоустройства формальным путем: иммигранты отмечают сложности получения разрешения на работу, оформления патентов и так далее.

Таким образом, защита социальных прав мигрантов в РФ оставляет желать лучшего, несмотря на недавно объявленный курс на либерализацию режима пребывания и трудоустройства иностранных граждан.

Для того чтобы решать проблемы социального обеспечения мигрантов, необходимо упростить процедуры трудоустройства и легализации нахождения мигрантов в России, чтобы они могли получать гарантируемые законодательством социальные блага. В том случае, когда легализация правового статуса мигрантов станет проще и реальней, целесообразно будет ужесточать ответственность работодателей, мигрантов и посредников за участие в схемах нелегального трудоустройства. Кроме того, необходима ратификация РФ иных международно-правовых актов в отношении трудовых мигрантов.

1. Горбуль, Л.А. Трудовая миграция на Дальний Восток России: проблемы и перспективы / Л.А. Горбуль // Вестник ТОГУ. – 2009. – № 2 (13). – С. 257.

2. Центральная база статистических данных [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi?pl=2404001> (Дата обращения 15.11.2014 года).

3. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ) // Справочно-правовая система Консультант-плюс.

4. О медицинском страховании иностранных граждан, временно находящихся в Российской Федерации, и российских граждан при выезде из Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 11.12.1998 № 1488 // Справочно-правовая система Консультант-плюс; О порядке и условиях оплаты социальных услуг, предоставляемых гражданам пожилого возраста и инвалидам государственными и муниципальными учреждениями социального обслуживания: Постановление Правительства РФ от 15.04.1996 № 473 // Справочно-правовая система Консультант-плюс; О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 11.01.2013) // Справочно-правовая система Консультант-плюс; О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов: федеральный закон от 02.08.1995 № 122-ФЗ (ред. от 21.11.2011) // Справочно-правовая система Консультант-плюс; Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации: федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ (ред. от 02.04.2014) // Справочно-правовая система Консультант-плюс; Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // Справочно-правовая система Консультант-плюс; Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: федеральный закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ (ред. от 29.02.2012) // Справочно-правовая система Консультант-плюс; Об основах обязательного социального страхования: федеральный закон от 16.07.1999 № 165-ФЗ (ред. от 11.07.2011) // Справочно-правовая система Консультант-плюс; Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 22.10.2014) // Справочно-правовая система Консультант-плюс; Об основах социального обслуживания населения Российской Федерации: федеральный закон от 10.12.1995. № 195-ФЗ (ред. от 23.07.2008) // Справочно-правовая система Консультант-плюс; Трудовой Кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 04.11.2014) // Справочно-правовая система Консультант-плюс и др.

5. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей. Принята резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1990 года // Справочно-правовая система Консультант-плюс; Конвенция № 97 Международной организации труда «О трудящихся-мигрантах» (Заключена в г. Женеве 01.07.1949) // Справочно-правовая система "Консультант-плюс" и др.

6. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей. Принята резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1990 года.

7. Исследование Международного Альянса «Трудовая миграция» по проекту «Правоприменительная практика в области регулирования внешней трудовой миграции». // URL: <http://ialm.ru/pages/83/id321.html>. (Дата обращения: 15.11.2014 год).

8. Кузнецова, И. Трудовые мигранты в системе медицинских услуг: формальные и неформальные стратегии / И. Кузнецова, Л. Мухарямова // Журнал исследований социальной политики. – 2014. – Т. 12 (1). – С. 8.

РОЛЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА В ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ РЕБЕНКА В ПРИМОРСКОМ КРАЕ

А.В. Личковаха

*канд. юрид. наук, уполномоченный при Губернаторе Приморского края
по правам ребенка*

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Информационные права личности, в том числе несовершеннолетних, включают в себя право на доступ к информации и на информационную безопасность.

Особенность информационного права обуславливает дифференцированный подход к обеспечению как информационных прав несовершеннолетних в практике правового регулирования, так и в практике правоприменения. Принципиально обеспечить условия для информационной безопасности. Ч.4 ст.2 Федерального закона Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» определил информационную безопасность как состояние защищенности детей, при которой отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию. При этом в сфере информационной безопасности угроза жизненно важным интересам ребенка (информационная опасность) может возникнуть либо как от негативного информационного воздействия, так и от отсутствия необходимой информации. Исследователи давно установили прямую зависимость между активной вовлеченностью несовершеннолетних в агрессивную информационную среду и изменением их психики и поведения, а также ростом психопатических состояний. Стоит согласиться с утверждением о том, что неудовлетворительное состояние информационной безопасности детей и подростков в сферах массовой информации, рекламы, образования, книгоиздательства влечет последствия особо тяжкие для нравственно-психологического климата подростков. Поэтому обязанностью государства является обеспечение всеми имеющимися средствами защиту несовершеннолетних от деструктивной, социально-негативной информации, способной причинить вред здоровью или развитию детей.

В последние годы принят целый ряд нормативно-правовых актов, обеспечивающих реализацию информационных прав, среди которых принципиальное значение имеет Закон Российской Федерации от 29.12.10 г. №436-ФЗ «О защите детей от информации, наносящей вред их здоровью и развитию», определивший, в частности: виды информации, причиняющей вред здоровью или развитию детей, информацию, которая запрещена к распространению среди детей, информацию или ограничения для распространения среди несовершеннолетних определенных возрастных групп, правовые механизмы, позволяющие эффективно предупреждать доступ детей к вредной для них информации (например, возрастная классификация, маркировка информационной продукции), установлены основания и порядок проведения экспертизы информационной продукции, определены полномочия государственных органов исполнительной власти в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и т.д.

Постановлением Правительства РФ от 24.10.2011 № 859 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в части распределения полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию» Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор) Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор); Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), каждый в пределах своей компетенции, был наделен полномочием осуществлять государственный контроль (надзор), оказывать влияние на распространение информации деструктивной направленности, причиняющей вред здоровью и развитию детей, способствуя развитию здоровой психики у детей.

С момента вступления в силу Закона Российской Федерации от 29.12.10 г. №436-ФЗ «О защите детей от информации, наносящей вред их здоровью и развитию» федеральными службами, органами исполнительной власти Приморского края, совместно с органами местного самоуправления в рамках их компетенции проводится работа по созданию в Приморском крае условий для защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию.

Органами исполнительной власти Приморского края разработана подпрограмма «Обеспечение информационной безопасности детей, производства информационной продукции для детей и оборота информационной продукции в Приморском крае на 2015–2017 годы» Государственной программы Приморского края «Информационное общество» на 2013–2017 годы.

Наряду с этим проведены пресс-конференция по проблеме деятельности СМИ и информационной безопасности с приглашением главных редакторов и журналистов ведущих СМИ, аккредитованных на территории Приморского края; видеоконференция с участием руководителя Роскомнадзора А.А. Жарова по проблемным вопросам, возникающим при осуществлении государственного контроля за исполнением требований Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» в Управлении Роскомнадзора по Приморскому краю; круглый стол по проблеме обеспечения информационной безопасности детей, инициированный уполномоченным при Губернаторе Приморского края по правам ребенка и прокуратурой Приморского края с руководством и журналистами ФГУП ВГТРК ГТРК «Владивосток».

Департаментом образования и науки Приморского края изданы приказы, утверждены типовые инструкции по контролю за использованием сети Интернет в образовательных организациях, внесены дополнения в должностные инструкции работников образовательных учреждений. При этом следует отметить, что предоставление доступа в сеть Интернет для образовательных учреждений Приморского края осуществляется с фильтрацией контента по «Белым спискам» сайтов, которые составляются на основе экспертной оценки. При тестировании сайтов учитывается возрастная адаптация ресурсов. Образовательным учреждениям предоставляется возможность самостоятельного выбора «белых списков», предназначенных для контроля за веб-серфингом различных возрастных групп. Предусмотрена возможность пополнения «белого списка» педагогами или иными заинтересованными лицами (под контролем Экспертного совета). Обновление списков производится еженедельно (в том числе за счет анализа статистики отклоненных системой фильтрации запросов на посещение веб-сайтов); ежедневно осуществляется автоматизированный контроль за соответствием содержания сайтов. Отделом по контролю, надзору, лицензированию и аккредитации образовательных учреждений департамента образования и науки Приморского края регулярно проверяются сайты образовательных учреждений.

Все краевые государственные образовательные учреждения для детей с ограниченными возможностями здоровья в рамках реализации мероприятия «Развитие информационно-технической и телекоммуникационной инфраструктуры краевых государственных образовательных учреждений» государственной Программы Приморского края «Информационное общество» на 2013–2017 годы» были подключены к сети Интернет, контент-фильтрацию осуществлял провайдер. В профессиональных образовательных учреждениях Приморского края внедрены системы контент-фильтрации на персональных компьютерах в кабинетах информатики.

В учреждениях социальной защиты населения, в первую очередь в социально-реабилитационных центрах для несовершеннолетних, также созданы условия по обеспечению безопасности детей. Так, созданы социально ориентированные программы для детей и подростков по правилам безопасного поведения в интернет-пространстве, профилактики разных форм зависимости.

Кроме этого с 1 ноября 2012 г. функционирует интернет-портал zapret-info.gov.ru, в котором выложен единый реестр интернет-сайтов, содержащих информацию, распространение которой запрещено на территории России. В «черный список» вносятся сайты, содержащие информацию о наркотиках, детскую порнографию и призывы к суициду. Такие сайты блокируются в досудебном порядке, если противозаконная информация с них вовремя не удалена. Сайты, по которым вынесено судебное решение о нарушении, также попадают на zapret-info.gov.ru.

Федеральными службами, Администрацией Приморского края, уполномоченным при Губернаторе Приморского края по правам ребенка, органами местного самоуправления в рамках Всероссийской информационной кампании против насилия и жестокости в СМИ и других средствах массовой коммуникации в Приморском крае, целью которой являлось эффективное обеспечение информационной безопасности детей и семей с несовершеннолетними детьми при обороте информации в СМИ, информационно-коммуникационных сетях и иных средствах массовой коммуникации, а также в кино- и иной аудиовизуальной продукции, проведен ряд важнейших мероприятий для детей и с их участием. В том числе обучающие семинары «Основы информационной безопасности»; конференции «О повышении эффективности работы по защите детей от преступных посягательств», «Интернет – добро или зло», «Разнообразие компьютерных программ для создания электронного продукта. Информационная безопасность»; дискуссионная площадка «Информационная безопасность детей» на телеканале «Дальнегорск – новости» в г. Дальнегорске; диспуты по теме «Интернет – польза или вред?»; конкурсы, в том числе рисунков, плакатов, компьютерных презентаций «Безопасный компьютер», «Безопасность в интернете», «Телевизор – мой друг, телевизор – мой враг», «Правила безопасности в интернете» и т.д; выставки рисунков «Мой компьютер», «СМИ – вред или польза?», «Телевизор – друг или враг?», «Информация и здоровье»; классные часы, беседы «Как пользоваться информацией с компьютера: что полезно и что вредно?», «Кто несет ответственность?», «Защита детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», «Как дружить в сети Интернет?», «Основы безопасности в Интернете», «Здоровье и безопасность детей в мире Интернет», «Плюсы и минусы Интернета», «Что мы знаем о соцсетях», «Мой любимый журнал, моя люби-

мая телепередача», «Опасная информация вокруг нас», «Библиотека или Интернет?», «Подросток в мире привычек. Информационная зависимость», «Геймер и я», «Информационная опасность в Интернете», «Не попади в паутину компьютерной сети», «Социальная сеть – реальность и действительность», «Интернет – «за» и «против». «Личная информация в Интернете», «Правильное поведение в Интернете ребенка-подростка» (все муниципальные образования Приморского края); круглые столы «Социальные сети: что такое и стоит ли ими пользоваться», «Обзор молодежных журналов», «Информационное общество» (все муниципальные образования Приморского края); онлайн-игры «Изучи Интернет – управляй им» (все муниципальные образования Приморского края); медиауроки «Безопасный интернет – детям».

В Приморском краевом институте развития образования разработаны курсы лекций для всех категорий слушателей (воспитатели, педагоги, руководители) с рассмотрением методик проведения уроков и иных обучающих занятий по основам информационной безопасности. В рамках курсов повышения квалификации педагогических работников для работы в детских загородных лагерях, обучения вожатых по программам подготовки вожатых проводились лекции с разъяснением содержания действующего законодательства в сфере информационной безопасности.

В краевых, муниципальных СМИ на регулярной основе публикуется информация о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию.

Несмотря на проводимую работу, остаются проблемы, в том числе продолжающаяся эксплуатация образов детей в ток-шоу на федеральных каналах, рейтинг которых строится на несчастях детей; отсутствие эффективных методик блокировки запрещенной информации сети Интернет. В сети Интернет можно найти инструкции, как свести счеты с жизнью; информацию о том, какие виды наркотиков употреблять безопаснее всего и т.д. Решение указанных проблем возможно только в рамках системной работы как на региональном, так и на федеральном уровне, в том числе через совершенствование действующего законодательства, создание действительно эффективных механизмов пресечения негативного информационного воздействия на детей.

В Приморском крае имеют место факты размещения в файлообменных сетях Интернет-провайдеров, операторов связи, предоставляющих услуги связи для целей кабельного вещания в Приморском крае, информации, запрещенной для распространения среди детей.

Так, в адрес уполномоченного при Губернаторе Приморского края по правам ребенка, в районные прокуратуры обращались граждане, из обращения которых следовало, что ООО «ОктопусНет» посредством файлообменной сети создает свободный доступ абонентов, включая детей, к информационной продукции, в том числе экстремистского характера, запрещенной к распространению действующим законодательством.

В результате проведенных проверок установлен ряд нарушений действующего законодательства и возбуждены 7 уголовных дел по фактам распространения видеофайлов, содержащих порнографические изображения несовершеннолетних, среди абонентов компании Интернет-провайдера ООО «ОктопусНет» (знак обслуживания «Альянс Телеком») путем использования файлообменной сети «Шара» (Shara DC ++); по ряду материалов продолжается проверка.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в рамках существующего правового поля Интернет-провайдеры исключены из субъектов административной ответственности в вопросах информационной безопасности. Другими словами, Интернет-провайдеры предоставляют лишь доступ к сети Интернет, а за то, что в этой сети делают пользователи, в том числе их клиенты, Интернет-провайдеров не интересует. Составы преступлений будут составлять, прежде всего, действия (бездействие) физических лиц-пользователей услуг Интернет-провайдера, если они распространяют и (или) хранят запрещенный контент. Вместе с тем Интернет-провайдеры имеют административные, организационные, технические ресурсы для того, чтобы ограничивать возможными средствами распространение их клиентами запрещенной информации в публичное пространство. Поэтому объективной является необходимость продолжить работу с Интернет-провайдерами с целью разъяснения ответственности за распространение запрещенной информации на сайтах компаний, а также информирование последними пользователей о недопустимости распространения запрещенной информации и ответственности за это. А при выявлении запрещенной к распространению информации в файлообменных сетях уведомлять пользователей о юридической ответственности с требованием удалить запрещенную информацию, а также информировать правоохранительные органы о пользователях, размещающих запрещенную информацию с целью привлечения их к ответственности. Данная проблема была предметом обсуждений на заседании Общественного экспертного совета по развитию информационного общества в Приморском крае, совещания межведомственной группы по противодействию экстремистской деятельности и терроризму при Прокуратуре Приморского края, а также совещании, организованном Управлением Роскомнадзора по Приморскому краю при участии уполномоченного при Губернаторе Приморского края по правам ребенка с владельцами информационно-телекоммуникационных сетей, операторами связи, оказывающими услуги доступа к сети Интернет и услуги кабельного телевидения. Результатом проводимой работы стало то, что ряд Интернет-провайдеров,

понимая, что, в конечном счете, в фокусе внимания лежит благополучие наших детей, принял меры по созданию условий информационной безопасности.

В этой связи особенно актуальна работа с родительской общественностью. Именно родители могут оказать огромную помощь в создании безопасного информационного пространства, в котором находятся дети. Тем более действующее законодательство предусматривает наряду с государственным контролем (надзор) за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, общественный контроль. Данный контроль проводят зарегистрированные в установленном федеральным законом порядке общественные объединения и иные некоммерческие организации в соответствии с их уставами, а также граждане. При осуществлении общественного контроля граждане вправе осуществлять мониторинг оборота информационной продукции и доступа детей к информации, в том числе посредством создания «горячих линий».

Аппелируя к родительской общественности, в Приморском крае на межведомственной основе с участием уполномоченного при Губернаторе Приморского края для несовершеннолетних и их родителей, проведен ряд мероприятий. В том числе, родительский всеобуч «Учимся основам информационной безопасности», «Психологическая поддержка детей и семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации», «Школа правовой грамотности для несовершеннолетних и их родителей», «Безопасность в интернете», «Об ответственности за распространение информации экстремистского порнографического и наркотического характера», «Как защитить ребенка от негативного контента в СМИ и Интернете», «Телевизионные каналы для взрослых и детей», «Современные способы защиты детей от негативной информации на телевидении и в интернете», «Проблемы игровой зависимости у детей и подростков»; мастер-классы «Используйте Интернет вместе с ребенком» (во всех муниципальных образованиях Приморского края); обучающие семинары по методам и возможностям организации информационной безопасности учащихся в домашних условиях, в частности по возможности ограничения доступа к сети Internet (в профессиональных образовательных организациях Приморского края); мастер классы.

Среди прочего весьма эффективной оказалась серия краевых родительских собраний, инициированных уполномоченным при Губернаторе Приморского края, с участием Роскомнадзора по Приморскому краю, департамента образования и науки Приморского края, Приморского краевого института развития образования. Краевыми родительскими собраниями оказалась охваченной родительская общественность всех муниципальных образований Приморского края. В рамках данных мероприятий был разъяснен механизм того, как каждый родитель в домашних условиях может реализовать правовую возможность общественного контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию.

Можно утверждать, что только согласованная работа всех заинтересованных участников может стать залогом создания действительно безопасного информационного пространства, включая Интернет, для наших детей. Родители – это важнейший партнер федеральной службы, органов исполнительной власти, органов местного самоуправления в данной работе. Уполномоченный при Губернаторе Приморского края по правам ребенка, не подменяя деятельность органов власти, выявляя факты нарушения прав детей, в том числе информационных, является связующим звеном в данной работе.

4. ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ, МАЛОМ, СРЕДНЕМ И КРУПНОМ БИЗНЕСЕ

4.1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

СОВРЕМЕННАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ПРЕДПРИЯТИЙ СУДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ

Ф.Т. Агакеримова, А.В. Бережнова, А.В. Тараренко, студенты

З.В. Якимова

науч. рук., канд. психол. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Судостроение является одной из стратегических отраслей российского машиностроения. В 1990-е годы отрасль была в глубоком кризисе. Созданный в советское время отечественный научно-технический и технологический потенциал перестал развиваться.

Спустя годы государство стало оказывать поддержку судостроительной отрасли. Уже в 2006–2008 гг. были разработаны и утверждены «Стратегия развития судостроительной промышленности на период до 2020 года и на дальнейшую перспективу» и ФЦП «Развитие гражданской морской техники» на 2009–2016 гг. На базе этих программ в отрасли было создано восемь интегрированных структур. Основной из них является Объединённая судостроительная корпорация, в состав которой вошли почти все ведущие проектно-конструкторские бюро и крупнейшие заводы. Помимо этого завершается создание Государственного научного центра Российской Федерации на основе ФГУП «ЦНИИ им. академика А.Н. Крылова», который будет возглавлять отрасль.

Рассмотрев состояние судостроительной отрасли в стране, перейдем к ее положению на Дальнем Востоке. Самая главная проблема данной отрасли здесь – это нехватка персонала. Это проблема была затронута вице-премьером России Дмитрием Рогозиным. Он вынес решение о том, что в судостроительную отрасль Дальнего Востока к 2025 году нужно привлечь около 10 тысяч специалистов. Рабочими местами судостроительная отрасль обеспечит не только местных жителей, но и людей из западных регионов страны, а также из Крыма.

Судостроение вышло из кризисного этапа на путь развития, обновления, а для того ей нужен ключевой ресурс – квалифицированный персонал. Поэтому кадровая политика предприятий судостроения должна быть направлена на профориентацию и адаптацию специалистов. Об этом говорил и Рогозин. Он придерживается мнения о том, что рабочих необходимо воспитывать на месте, с учетом всех особенностей отрасли. Для этого он предложил создать для персонала учебный центр, который будет частью инфраструктуры завода и в котором получение теоретических знаний будет сочетаться с освоением их на практике. Так и есть, для того, чтобы создать высокопрофессиональную команду, которая будет способствовать развитию российского судостроения, и обеспечить рост предприятий, необходимо пересмотреть кадровую политику предприятия [1–4].

Конечно, важно привлечь в отрасль новых, энергичных, полных сил сотрудников. Для этого предприятиям нужно внедрить программу «Кадровый резерв», проводить конкурсы профессионального мастерства, тренинги, бизнес-игры, мероприятия на базе университетов и предприятий для того, чтобы восстановить утраченную репутацию отечественного судостроения и поднять престиж профильных профессий среди молодежи. Так же очень важно обеспечить высокий уровень качества персонала. Это возможно за счет программ повышения квалификации и организации стажировок на лучших предприятиях судостроения, повышения качества обучения в профильных учебных заведениях, в которых будет разработаны программы обучения с учетом потребностей современного производства, а также включены в учебный процесс практики на базе предприятий.

Ключевую роль в привлечении нынешней молодежи в предприятия судостроительной отрасли играет продуманная и слаженная организация проведения для них профориентационных мероприятий. Ведь от качества проведения профориентационных мероприятий будет зависеть то, какое мнение о данной отрасли сложится среди молодежи. Будет ли оно положительным или же наоборот отрицательным. А отсюда уже и получится то количество молодых людей, которое увидит интерес и перспективу в данной отрасли и свяжет с ней своё будущее.

Профориентационные мероприятия могут быть проведены как для школьников и их родителей, так и для студентов соответствующих профилей. Стоит отметить, что профориентация на этапе учебы является очень актуальной, так как это пик выбора учащимися своей будущей профессии.

Перед началом проведения профориентационных мероприятий необходима разработка базы данных имеющихся школ и университетов с необходимыми профилями. Лучше всего если на предприятии будет разработано сразу две базы данных, одна будет со школами, а другая – с университетами, где будут прописаны все необходимые контактные данные. Преимущество своевременной разработки базы данных состоит в том, что с помощью неё можно значительно облегчить работу в будущем, так как не придётся перед проведением профориентационных мероприятий заново искать всю необходимую информации в последующие годы.

Саму программу профориентационного мероприятия необходимо сделать как можно более интересной. Сейчас в век развития информационных технологий намного эффективнее и интереснее будет показать ребятам ролик или презентацию, чем сухо подать информацию с бумажного носителя. Также очень важно проводить и родительские собрания, так как многие школьники в силу своего возраста самостоятельно не могут выбрать профессию и часто прислушиваются к мнению своей семьи. Обязательным элементом в подготовке любого профориентационного мероприятия должна стать разработка листовок, чтобы учащийся мог дома ещё раз прочитать необходимую для него информацию.

Не стоит забывать и о получении обратной связи после окончания профориентационного мероприятия, так как, получив ее, предприятие может понять, какие сильные и слабые стороны были в этом мероприятии, что позволит избежать ошибок в будущем и сделать мероприятия еще более эффективными.

Но не стоит забывать и о том, что на проведении профориентационного мероприятия всё не заканчивается. Также важно и построение системы адаптации для молодых специалистов.

Результаты работы, достижение конкретных целей организации и возможность сотруднику реализовать свои способности будут зависеть от того, насколько эффективно организована и построена система адаптации в организации.

Как в судостроительной организации, так и в любой другой важнейшим фактором не только для построения карьеры, но и формирования молодого специалиста как профессионала своего дела и личности в целом является процесс адаптации.

Для того чтобы эффективно управлять процессом адаптации в организации, потребуется составить некий алгоритм, определить все способы и методы воздействия, качественные и количественные показатели, которые позволили бы контролировать процесс.

Приходя в организацию, молодой специалист сталкивается с огромным количеством проблем и трудностей, основная масса которых связана именно с отсутствием информации о системе работы, правил и порядков которые уже существуют в организации. Чтобы избежать этих проблем на начальном пути молодого специалиста, вновь пришедшего в организацию, следует с помощью определённой процедуры ввести сотрудника в курс дела. Новому сотруднику следует предоставить информацию о компании и первым делом ознакомить с ее производственной спецификой, рассказать о корпоративной культуре, правилах поведения и познакомить с нынешними сотрудниками, рассказать об индивидуальных особенностях его будущих коллег. Значительную пользу принесут всевозможные адаптационные семинары для новых сотрудников, которые дадут возможность наглядно продемонстрировать работу организации, задать интересующие вопросы, высказать свое мнение по какому-либо поводу. Тем самым процесс адаптации в организации станет наиболее результативным.

Назначение наставника также благоприятно влияет на адаптацию новичка, поэтому возобновления системы наставничества для молодых сотрудников в судостроительных организациях существенно увеличило бы эффективность процесса адаптации. Нельзя говорить о том, что системы наставничества вовсе отсутствуют в компаниях судостроительной отрасли. Они существуют, но наставники закрепляются далеко не за каждым работником, зависит это от разного рода причин. В существующие системы наставничества следует вносить корректировки и исправлять ошибки, в частности создать такую документацию, как: сопроводительные листы, дневники адаптации, отчеты наставников, положения о наставничестве и т.д.

Еще одна проблема адаптации новых сотрудников – это отсутствие неофициального отношения и товарищей по работе. Ее также можно решить с помощью создания в компаниях судостроительной отрасли «Комитета новичков», который бы занимался организацией культурно-массовых мероприятий для мо-

лодых специалистов, поддержкой и социальной адаптаций, организацией круглого стола, созданием программ и внесение предложений по улучшению различных процессов [5].

В российских компаниях начальству часто бывает не до новых сотрудников из-за нехватки времени, позиции власти и ряда других причин, нежели за рубежом. Взять, к примеру, США, в любой крупной компании в период адаптации с новым сотрудником в обязательном порядке приезжает знакомиться начальник, который всегда находит время для общения с новым сотрудником своей компании и от себя лично желает удачи на новом рабочем месте. Это также значительно мотивирует новых сотрудников и показывает их ценность для компании.

Еще одной немаловажной деталью в процессе адаптации является видение перспектив профессионального роста сотрудником, данные вопросы можно решить правильным планированием карьеры каждого сотрудника, в частности разработать индивидуальные схемы развития сотрудника для каждой конкретной должности.

Профессиональная ориентация и адаптация, несомненно, являются, важным составляющим элементом системы подготовки кадров и являются балансом связи между системой образования и производством.

1. Кадровая политика ОАО «Пролетарский завод»: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proletarsky.ru/about-the-company/personnel-policy/>

2. Кадровая политика ОАО «ОСК»: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.oaosk.ru/manpower_policy.html

3. Рогозин. Судостроителей на Дальний Восток привлекут зарплатами и соцгарантиями: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vz.ru/news/2014/8/30/703097.html>

4. Судостроительная отрасль: все надежды на Арктику: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.promros.ru/magazine/2012/oct/su-dostroitelnaya-otrasl-vse-nadezhdy-na-arktiku.phtml>

5. Уроки адаптации: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://planetahr.ru/publication/4735>

СПЕЦИФИКА РАБОТЫ КАДРОВЫХ АГЕНТСТВ КАК СЕГМЕНТ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА

Е.О. Демина, студентка

З.В. Якимова

науч. рук., канд. психол. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

В России существует около двух с половиной тысяч кадровых агентств, которые предоставляют услуги по подбору персонала. Основная часть кадровых агентств сосредоточена в центральной части нашей страны, таких городах, как Москва – 419 агентств и Санкт-Петербург – 186 агентств. В других городах России в среднем количество кадровых агентств составляет около 20–30 на город с численностью жителей от 500 тыс. чел.

Кадровому делу в России около двадцати лет. Еще в 1989 году зарубежные рекрутинговые агентства пришли на неосвоенный рынок труда в Россию. Вполне понятное, для тех лет, недоверие к западу и изучение этой структуры в самом начале 90-х дали импульс к развитию отечественных кадровых агентств. На протяжении всех этих лет, кадровый бизнес претерпевал значительные взлеты и падения. Взлеты были связаны с ростом рыночной экономики, с глобальным развитием малого и среднего бизнеса. И соответственно падения – это результат трудных времен в экономике России, кризиса в 1998, когда существенно повысился процент сокращения кадров и безработицы в стране. Также, не прошел бесследно и последний кризис 2008–2009 года.

Но, несмотря на взлеты и падения, – этот род занятий всегда актуален и всегда будет «на плаву». Если существует спрос, соответственно всегда имеется место и для предложений. Поднялась планка качественных требований к специалистам в разных областях, для работы в новых условиях, стали требоваться грамотные руководители, в кадровых агентствах развилось направление массового подбора персонала. И, конечно же, если какой либо, развивающийся бизнес, нуждается в подборе кадров, по возможности лучше это сделать с помощью профессионалов в данной сфере.

Основными критериями успешного агентства рекрутинговых услуг являются в первую очередь сотрудники, имеющие большой опыт в сфере поиска и подбора персонала, так как такой специалист обладает достаточными знаниями навыками, технологиями, позволяющими определить, подходит ли данный кандидат на заявленную должность или нет. Тем самым он ускоряет работу над поиском подходящего кандидата, что естественно дает преимущество данной компании на рынке.

Важной составляющей является и точное формирование заказчиком необходимых критериев для кандидата. Этот пункт может показаться простым, но это вовсе не так. Не всегда заказчик имеет точное представление о том, какими качествами, знаниями и навыками должен обладать нужный кандидат, эти представления могут быть размыты. Задачей кадрового агентства является как можно конкретнее выявить те требования, которые предъявляет заказчик. Все это необходимо для того, чтобы как можно эффективнее и с меньшими затратами времени выполнить заказ и при этом закрепить статус своего агентства.

В технологию поиска подходящего кандидата обязательно должен входить мониторинг рынка труда. Компания, прежде чем соглашаться на какой-либо заказ, должна четко для себя понимать, насколько велика вероятность выполнения данного заказа. Ведь при невыполнении заявленных требований, кадровое агентство может получить негативный отзыв от заказчика, что в дальнейшем может отрицательно сказаться на репутации компании и потере выгодных клиентов.

Важным элементом также является необходимость кадрового агентства заинтересовать соискателя. Суметь замотивировать кандидата, это тоже в своем роде искусство, со стороны может казаться, что кандидат сам должен быть замотивирован на получение вакансии, но значительную работу для заинтересованности соискателя должны проделать специалисты кадрового агентства, которые работают непосредственно с ним.

Современные кадровые агентства – это сегмент рекрутингового бизнеса, как правило, малого бизнеса с небольшой численностью персонала, но есть и крупные филиальные сети, например кадровое агентство АНКОР, которое работает на рынке рекрутмента и кадрового консалтинга с 1990 года и за это время приобрел заслуженную репутацию лидера отрасли. АНКОР сегодня – крупнейший российский кадровый холдинг, предлагающий широкий спектр услуг, среди которых: подбор кадров, кадровый консалтинг, аналитические исследования рынка труда и заработных плат и прочее.

Кадровые агентства – это посредники на рынке труда, они выполняют организационную, информативную и регулятивную функции. Организационная функция включает в себя кадровую диагностику, стратегии планирования персонала и рекрутинг. Информативная функция кадровых агентств, проявляется в успешном взаимодействии и коммуникации субъектов отношения и реализуется посредством программ по адаптации соискателей на новом месте работы, повышению квалификации имеющегося персонала и формированию корпоративной культуры. Регулятивная функция кадровых агентств как посредников социальных отношений на рынке труда состоит в предоставлении гарантий на рекрутинг, контроле трудовой деятельности соискателей и отслеживании перспективы, как дальнейшего взаимовыгодного сотрудничества, так и решения стратегических задач предприятия-заказчика.

Кадровые агентства отличаются от других посредников (центры занятости населения, агентства по трудоустройству) тем, что для потенциальных кандидатов – услуга бесплатная, а для заказчика платная, стоимость услуг в среднем составляет 15–18% от годового дохода специалиста.

Многие кадровые агентства оказывают целый комплекс услуг, таких, как расчет заработной платы, лизинг персонала, кадровый консалтинг, но основной статьей дохода является рекрутинг.

Каждое кадровое агентство имеет ряд технологий по поиску, привлечению, подбору и мотивации необходимого кандидата. Эти технологии в разных агентствах могут быть схожими или различаться. На сегодняшний день существуют три основных технологии, которыми пользуются кадровые агентства. Первую технологию, которую хотелось бы отметить, это рекрутмент. Рекрутинг – вид услуги по подбору руководителей среднего звена, специалистов и офисного персонала, при относительно небольшой доле в заказах на подбор топ-менеджеров и иногда рабочих. Следующей технологией является лизинг персонала – форма изменения численности персонала, при которой самостоятельная фирма («кредитор») передает на определенный срок одного или нескольких своих сотрудников, с которыми она имеет трудовой договор, в распоряжение др. фирмы («заемщик»), обязуя этих сотрудников в течение срока «аренды» работать на фирме-заемщике. При этом заключенный работниками с фирмой-кредитором трудовой договор сохраняет силу. И третьей основной технологией подбора персонала в кадровых агентствах является прямой поиск. Он заключается в комплексе мероприятий по вовлечению в процесс подбора специалистов с необходимой клиенту квалификацией, которые, в принципе, не собирались менять место работы. В обиходе под прямым поиском понимают «переманивание» специалистов из компаний-конкурентов.

Простые проекты по закрытию вакансий в кадровых агентствах могут быть реализованы путем подачи объявления на популярные сайты, или же размещение рекламы на телевидении, в газеты. Но технология прямого поиска не относится к проекту с простой задачей. Когда требуется специалист узкого профиля или руководитель высшего звена, чаще всего используют именно метод прямого поиска, так как такие специалисты востребованы на рынке и скорее всего уже заняты. В технологии прямого поиска есть два направления это «хэдхантинг» и «эксекьютив сеч». Дословный перевод понятия «хэдхантинг» – это охота за головами, представляет собой переманивание необходимого кандидата, путем предоставления более выгодного места работы, с более высокой заработной платой, лучшими условиями, льготами, обучением за счет компании и пр. «Эксекьютив сеч» в свою очередь в принципе является тем же самым «хэд-

хантингом», но различие заключается в том, что заказчик уже знает конкретного необходимого ему специалиста, и задачей кадрового агентства является не просто исследовать рынок труда и выявить лучших специалистов в необходимой заказчику сфере, а именно переманить конкретного человека. Поэтому каждый заказ, предполагающий метод прямого поиска представляет собой сложный и трудоемкий процесс.

Для того чтобы понять всю сложность технологии прямого поиска, нужно представить, какие этапы проходит проект для закрытия вакансии.

1. Подготовительный этап – на данном этапе происходит знакомство с компанией-заказчиком. Для успешного закрытия вакансии специалист кадрового агентства должен знать, какими конкретно критериями должен обладать необходимый специалист и что готов предоставить заказчик, для того чтобы и потенциальный кандидат заинтересовался предложением.

Данный этап включает в себя ряд подзадач, которые помогают более детально разработать проект.

2. Следующим этапом является – анализ предметной области, он включает в себя:

– словарь проекта – сюда включаются те ключевые слова или же словосочетания, которые могут быть заявлены в резюме потенциального кандидата, проводя поиск на сайтах с резюме, по ключевым словам можно провести сортировку и выявить наиболее подходящих кандидатов;

– список компаний проекта/поиск доноров – это те компании, в которых уже работают специалисты интересующего нас профиля;

– список экспертов – это люди, которые могут помочь с поиском необходимого кандидата, возможно они имеют связи, или могут порекомендовать кого-то;

– форму для заполнения – сюда входят кандидаты, которые были отобраны. Расписываются все необходимые критерии: ФИО, должность, компания, в которой работает этот специалист, заработная плата, на которую он претендует, источник, в котором нашли этого человека, итоги беседы и комментарии;

– общаю информации на рынке – содержит информацию о состоянии рынка на котором придется работать кадровому агентству. Это могут быть статьи или обзоры. Делается это для того, чтобы упростить поиск и для уточнения заявленных заказчиком требований, насколько они выполнимы.

3. Третий этап – поиск кандидатов с резюме, он производится в собственной базе компании или же на других джоб-сайтах.

4. Далее производится поиск кандидатов без резюме. Этот этап может проходить как параллельно с третьим этапом, так и после него. Этот этап подразумевает поиск кандидатов, которые не находятся в поиске работы, но обладают теми навыками и знаниями, которые необходимы заказчику. Искать их можно в Интернете, просматривая статьи, тематические форумы, конференции. Также в поиске могут помочь эксперты проекта, которые могут посоветовать какого-либо кандидата. И последнее, поиск может производиться в онлайн-сообществах.

5. Следующим поисковым этапом следует работа с компаниями-донорами. Этот этап является наиболее сложным в работе рекрутера. Так как для того, чтобы получить хотя бы Ф.И.О. ценного специалиста из другой компании, надо придумать легенду, что бы секретарь хотя бы соединил сотрудника кадрового агентства по телефону с нужным ему работником. Ведь ценными специалистами дорожат в компании и не желают их отдавать. Все результаты заносятся в специальную форму. Чаще всего кандидат отказывается от предложения, потому как он его не ожидал. И далее очень важны следующие действия рекрутера. Ему необходимо подобрать такие мотивы, которые являются ключевыми для кандидата. В большинстве случаев это срабатывает и кандидат соглашается.

Из вышеперечисленного можно проследить, на сколько, технология прямого поиска является сложным процессом. Сам процесс поиска, привлечения и подбора нужных кандидатов может занимать от четырех до двенадцати недель.

Таким образом, можно подчеркнуть, что современные технологии варьируются от простых к более сложным. Каждое кадровое агентство стремится укрепить свои позиции на рынке предоставления кадровых услуг, «обрасти» клиентской базой, завязать долгосрочные партнерские отношения с серьезными, крупными компаниями. Для успешной работы самому агентству необходимо расти, привлекая к работе профессионалов в своей области.

1. Добрынин, И.В. История кадровых агентств в России [Электронный ресурс] / И.В. Добрынин. Режим доступа: <http://www.zakadrami.ru/istoria.htm>

2. Свиначук, И.Г. Технология прямого поиска персонала [Электронный ресурс] / И.Г. Свиначук. Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/bux/58817>

УПРАВЛЕНИЕ ТАЛАНТАМИ: АНАЛИЗ ОПРЕДЕЛЕНИЙ И ПОДХОДОВ

М.В. Жилина, магистрант

З.В. Якимова

науч. рук., канд. психол. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Современный бизнес находится в постоянном поиске новых возможностей для оптимизации и повышения эффективности собственных процессов, следствием чего явилась все возрастающая значимость стратегических вопросов управления человеческими ресурсами. Квалифицированный персонал становится самым главным условием победы в конкурентной борьбе: его все сложнее находить, нанимать и удерживать. Нарастающая актуальность проблемы связана как со старением трудовых ресурсов, так и с разницей между подготовкой в вузах и навыками, которые нужны бизнесу. При этом высшее руководство компаний осознает, насколько ограничены технологии и насколько при этом могут быть изобретательны таланты. Исследования показывают, что компании с высокой и средней результативностью отличаются друг от друга не качеством кадровых процедур, а отношением и, как следствие, действиями руководства к талантливому сотруднику [9]. Таким образом, сегодня вопрос управления талантливыми сотрудниками является одной из актуальных исследовательских задач как зарубежных, так и российских ученых.

В научной литературе понятие «талант» трактуется по-разному. Разнообразие определений уменьшает возможность формирования единого подхода к управлению талантливыми сотрудниками. Однако можно выявить некие общие черты. Ниже приведены некоторые определения таланта с точки зрения различных подходов.

1. Талант как одаренность. Талант часто воспринимают как природный дар и сообразительность, выдающиеся способности и даже гениальность. Талант постоянен и уникален, он дан от рождения, а знания и навыки, которыми благодаря ему обладает человек, невозможно приобрести без него.

2. Талант – определенные знания и ценные навыки, которые необходимы любой организации. Талант – это способности и одаренность, которые могут быть развиты по мере приобретения опыта и навыков.

3. Сочетание двух предыдущих подходов. Талант – сумма человеческих способностей, дарований, навыков, знаний, опыта, умственных способностей, суждений, характера и напористости, способности к обучению и росту.

4. Талант как результативность. Как правило, о таланте говорят, если человек в силу присущих ему способностей может достигать выдающихся результатов [5].

5. Отличительной чертой любого таланта, по мнению HR-специалистов компании Lominger, одной из старейших компаний по оценке персонала, является так называемая обучаемость или способность к обучению. По мнению специалистов, «Именно обучаемость отличает перспективных сотрудников от остальных. Они... умеют извлекать уроки из прошлого и применять их в новых и совершенно разнообразных по сложности условиях. Именно они способны ответить на вопрос, что делать, если ты не знаешь, что делать» [10].

6. Определенный интерес вызывает трактовка таланта, предложенная Е. Емельяновым, С. Поварницыной и Л. Кольцовой, идентифицирующая талант на каждом из этапов жизненного цикла компании [3]:

– на стадии организации талантливым человеком считается самодостаточный лидер, способный определять цели и вести за собой коллектив (в 90-е годы в России именно такие люди создавали собственные компании);

– на стадии утверждения компании на рынке талантливым называют высококвалифицированного специалиста, достигающего высоких результатов благодаря мобилизации своих внутренних резервов;

– на стадии достижения организацией целевых показателей талантливым представляется любой сотрудник, грамотно использующий выделенные ему ресурсы и успешно достигающий поставленных руководством целей [2].

Анализируя подходы к определению таланта в сфере бизнеса, мы можем выявить общие черты. Талант – это одаренность, некая база, без которой человек не сможет в дальнейшем развить приобретенные знания и навыки, это высокая обучаемость, позволяющая подстраиваться под меняющиеся условия и достигать значительных результатов в своей деятельности. В конечном итоге, талант – это один из главных факторов, определяющих успех компании, в следствие чего мы можем говорить об управлении талантами, как ключевом источнике конкурентного преимущества организации.

Термин «управление талантами», появившийся в 1990-е годы, включает в себе деятельность в области управления персоналом, направленную на вовлечение сотрудников в инновационный процесс, формирование творческих стимулов и развитие творческого потенциала сотрудников. Этот термин был при-

думан Дэвидом Уоткинсом из Softscape, впервые использовавшем его в статье, опубликованной в 1998 году и в дальнейшем развитым в книге «Системы управления талантами» в 2004 году [11].

Наиболее фундаментальным трудом, послужившим основой для формирования современной концепции талант-менеджмента, на сегодняшний день является исследование компании McKinsey&Company, опубликовавшей в 2000 году результаты опроса менеджеров среднего и высшего звена компаний США в своей книге «Война за таланты». В результате, был сформулирован тезис, что талант – главный фактор, определяющий успех компании [7].

Не менее значимыми можно назвать исследования Алана Робертсона, Грэма Эбби опубликовавших итоги в работе «Управление талантами: как извлечь выгоду из таланта ваших подчинённых». В данной работе затронуты вопросы скрытых конфликтов между ожиданиями работодателей и ожиданиями самых талантливых сотрудников; предложены технологии пропагандирования, поддержки и вдохновения талантов [8].

Маргарет Баттерис, Билл Ройтер рассматривают практические аспекты управления наиболее ценными сотрудниками. Диапазон их исследований охватывает спектр тем от привлечения и удержания талантливых сотрудников, до роли менеджера по персоналу в управлении «трудными» талантами [1].

Большой блок работ по управлению талантами выполнен на основании опыта конкретных организаций, например Дэвид Майер и Джеффри Лайкер отразили ключевые концепции, применяемые в работе с талантливыми сотрудниками TOYOTA [4].

Рассмотрим два основных подхода к управлению талантами, сформировавшихся в современной научной литературе.

Первый подход трактует талант-менеджмент, как набор процессов управления персоналом (подбор, оценка, обучение, удержание и т. д.), насыщающих организацию нужными (эффективными) людьми и поддерживающих её в этом состоянии. В рамках этого представления организации не проводят чёткого разделения сотрудников на талантливых и нет — важно чтобы все сотрудники были максимально эффективны в рамках той работы, которую они выполняют;

Второй подход определяет талант-менеджмент, как процесс управления особыми (талантливыми) людьми, которых по определению в компании не может быть много; в рамках такой трактовки подразумевается чёткое разделение сотрудников на «талантливых» (или HiPo – от англ. high potential – высокий потенциал) и остальных, соответственно, для «талантов» используются специальные технологии управления и развития [6].

В рамках первого подхода учитываются индивидуальные особенности развития каждого сотрудника, оказывается помощь в совершенствовании его сильных сторон и в улучшении тех деловых качеств, в которых, по своему личному мнению, мнению коллег и линейных менеджеров, он испытывает недостаток. Цель этого подхода – выявление и развитие индивидуальных способностей каждого.

В рамках второго подхода под управлением талантами подразумевается целенаправленная деятельность в компании по созданию, развитию и использованию так называемого пула талантливых сотрудников, умеющих эффективно решать сложные бизнес-задачи, занимающих или способных в дальнейшем занять руководящие позиции.

Очевидна принципиальная разница между этими двумя подходами, заключающаяся в противоположности понятий «развитие каждого» и «развитие талантов». Безусловно, оба эти подхода являются стратегическими направлениями, но только один из них может быть отнесен к талант-менеджменту, а именно второй подход. Причин тому несколько:

- компании не могут гарантировать в обозримом будущем карьерный рост всем лучшим работникам;
- не всех талантливых сотрудников привлекает вертикальный карьерный рост, тогда как цель талант-менеджмента, по мнению его основателей, создание ключевых сотрудников;
- не у всех талантливых специалистов есть потенциал для развития управленческих навыков.

На основании вышеназванных подходов наиболее релевантным в рамках концепции талант-менеджмента является определение талантливых сотрудников, как людей, обладающих такими навыками, знаниями, опытом и способностями к обучению и росту, которые играют и/или смогут сыграть одну из ключевых ролей в достижении успеха компании.

Таким образом, управление талантами – это стратегическое направление, ориентированное на будущее и тесно интегрированное с целями бизнеса посредством привлечения, развития и удержания ключевых сотрудников компании; это циклический процесс, призванный на всех стадиях процесса управления персоналом обеспечивать потребность организации в талантливых сотрудниках.

1. Баттерис, М. Корпоративные бриллианты: как удержать талантливых сотрудников в компании / М. Баттерис, Б. Ройтер; пер. с англ. – М.: ГроссМедиа, 2005.

2. Емельянов, Е.Н. Психология бизнеса / Е.Н. Емельянов, С.Е. Поварницына. – М.: Армада, 1998. – 511 с.

3. Захарова, Ю. Как управлять талантливymi сотрудниками? //Человек и труд [Электронный ресурс] / Ю. Захарова. Режим доступа: <http://www.fleksagon.ru/?p=1848>
4. Лайкер, Дж. Талантливые сотрудники: Воспитание и обучение людей в дао ТОУОТА / Дж. Лайкер, Д. Майер; пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2012. – 296 с.
5. Латуха, М. Управление талантливymi сотрудниками: основные теоретические подходы //Экономический портал [Электронный ресурс] / М. Латуха. Режим доступа: <http://institutiones.com/general/2144-talantlivye-sotrudniki-v-rossiyskix-i-zarubezhnyx-kompaniyax.html>
6. Литвинова, М.И. Управление талантами: выводы делать рано, вопросов больше, чем ответов / М.И. Литвинова // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы междунар. науч. конф. (г. Москва, апрель 2011 г.).Т. II. – М.: РИОР, 2011. – С. 59–62.
7. Майклз, Э. Война за таланты / Э. Майклз, Х. Хэндфилд-Джонс, Э. Экселрод; пер. с англ. Манн, Иванов и Фербер. – М., 2005. – 253 с.
8. Робертсон, А. Управление талантами: как извлечь выгоду из таланта ваших подчинённых / А. Робертсон, Г. Эбби; пер. с англ. – Днепропетровск: Баланс-клуб, 2004. – 200 с.
9. Талантливые сотрудники в российских и зарубежных компаниях// Бизнес-реалити [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.topstrategy.ru/cncat/item300.html>
10. Ужакина, Ю. Управленческий потенциал: как его измерить и изменить// Тренинги, семинары, обучение и развитие персонала [Электронный ресурс] / Ю. Ужакина. Режим доступа: <http://www.trainings.ru/library/articles/?id=14909>
11. Watkins, David. Lightyear – An Application Framework for Talent Management That Acts as a Central Feedback Center for all Organizational Functions Softscape, Incorporated, 1998.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕНЕДЖЕРА ФРОНТ-ОФИСА В ФОРМИРОВАНИИ РЕПУТАЦИИ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА

Е.Е. Макова, студентка

О.В. Горшкова

науч. рук., канд. социол. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Банковский сектор Российской Федерации сегодня объективно исчерпал примитивные первичные инструменты развития. Географическая экспансия для большинства игроков ограничена территорией страны, объемы кредитов, выданных гражданам – численностью населения и уровнем его доходов [4].

На сегодняшний день со стопроцентной уверенностью можно декларировать, что рынок банковских продуктов и услуг, представленный различными финансово-кредитными учреждениями, перенасыщен различными предложениями. Этот факт обуславливает острейшую конкуренцию в банковском секторе, которая представляет собой динамичный соревновательный процесс коммерческих банков и прочих кредитных институтов. Борясь за каждого клиента с целью расширения своей клиентской базы, банки стремятся обеспечить себе прочное положение и занять свою нишу на рынке банковских услуг. В последние 5 лет конкуренция за существующих клиентов перешла в плоскость снижения эффективных процентных ставок, что в итоге привело к уменьшению чистого процентного дохода банков.

Однако именно наличие конкуренции вызывает расширение круга предоставленных услуг, а также обеспечивают регулирование цены на них до приемлемого уровня. Конкуренция также стимулирует банки к переходу на более эффективные способы предоставления услуг, способствует их развитию и совершенствованию [3. С. 98].

Каждый банк стремится обеспечить своим клиентам максимальное количество способов доступа к банковским услугам, сократить время, затраченное на обслуживание, включая время ожидания предоставления клиенту услуги, и при этом соблюсти должный уровень качества предоставляемого сервиса.

Таким образом, можно сказать, что конкуренция в банковском секторе складывается из качества предоставляемых услуг, цены и уровня обслуживания. В связи с этим российские и мировые маркетингологи пришли к выводу, что наиболее высокую конкурентоспособность коммерческим банкам удастся достичь по средствам введения в свою банковскую сеть фронт-офисов.

Возникает вопрос: в чем состоят особые характеристики фронт-офиса?

Фронт-офис – это отделение сетевого финансово-кредитного учреждения, оборудованное специальными информационными системами, позволяющими аккумулировать всю имеющуюся у банка информацию о клиентах и продуктах. Задачей такой фронтальной системы является эффективная организация

работы сотрудника в одном окне и с единым типом интерфейса, убрав множество фронтальных приложений информационной системы банка. При таком раскладе вся нужная информация находится в одном приложении – это может быть тонкий клиент на базе какого-либо Web-браузера, например Internet Explorer. Такая система позволяет быстро реагировать на запросы клиентов и использовать весь объем данных, существующих в кредитной организации. Переход к единому фронт-офису в части поддержки операций и процессов – это переход от разрозненных систем к интегрированным.

Так, фронт-офис позволяет реализовать высокую степень автоматизации процесса взаимодействия с клиентом и глубокую интеграцию систем, обеспечивающих эту автоматизацию, что является необходимые факторами для достижения этих целей.

Учитывая сказанное выше, следует отметить особую роль сотрудников фронт-офисов в обеспечении работы эффективного функционирования фронтальной системы. Фронт-менеджер имеет две важные функциональные составляющие, во многом отличающие данное решение от аналогов, – это «Единое окно обслуживания клиента» и «Машина рекомендаций» [1. С. 35].

«Единое окно обслуживания клиентов» представляет собой единую точку доступа сотрудника банка к операциям по всем продуктам и бизнес-процессам, которые могут быть востребованы клиентом: кредитам, депозитам, платежам и т.д. Следовательно, стратегическое значение данной функции состоит в возможности клиента сэкономить время. Многопрофильность менеджера позволяет клиенту, не занимая очередь в несколько окон, получить соответствующие услуги и различные консультации одним фронт-офисным специалистом.

Вторая отличительная функция фронт-менеджера – это «машина рекомендаций», которая представляет собой эффективный инструмент для осуществления кросс-продаж, адресных предложений продуктов клиентам банка. Функциональность «Машины рекомендаций» основана на информации, которая консолидируется в системе ЦФТ-Банк: частота использования банковских продуктов клиентами, каналы, по которым эти продукты наиболее востребованы, информация о клиентах, пользующихся конкретными продуктами. На основании подготовленной аналитики и статистики специалист банка получает возможность сформировать целевое предложение клиенту, обратившемуся за услугой, дополнительно предложить клиенту другие банковские продукты, которые могут его заинтересовать. Банк с максимальной точностью рекомендует клиенту необходимый ему продукт. Кроме того, стоит отметить, что «ЦФТ – Фронт-менеджер» может работать во взаимодействии с любыми информационными системами – АБС, CRM, БКИ, скоринговыми системами и встраивается в единый комплекс посредством промышленных средств интеграции, например IBM WebSphere. Легкая интеграция с системой ЦФТ-Банк, функционал которой расширяется каждые две недели, обеспечивает быстрое пополнение продуктовой линейки кредитной организации [4].

В современных условиях конкурентоспособность коммерческих банков и иных финансово-кредитных учреждений достигается посредством новых технологий, ценового предложения и разнообразия продуктов. При этом немаловажное значение имеет эмоциональная сторона отношения клиентов к компании, формирующая репутацию финансового учреждения, которая напрямую зависит не от собственника или топ-менеджера, а от клиент-менеджеров. Клиент-менеджер, зачастую, является первой ступенькой в бизнес-структуре любой компании.

Таким образом, клиент – фронт-менеджер является своеобразной «визитной карточкой» как конкретного фронт-офиса, так и всей сети конкретного коммерческого банка, работником которого он является. Аккаунт-менеджер – это приемо-передатчик между заказчиком и своей компанией. Сотрудник фронт-офиса – это лицо компании, так как именно клиент-менеджер – это первый, кто встречает клиента в компании. От того, насколько качественно он выполнит свою работу, зависит мнение клиентов о компании и качестве наших услуг, что объясняет систему мотивации сотрудников фронт-офиса, которая основана на количестве личных продаж и показателях качества работы – отзывах клиентов, жалобах, претензиях и благодарности [2. С. 65].

От успешной реализации специалистом банка своей коммуникативной функции зачастую зависит, насколько лоялен будет клиент и успешными продажи.

В соответствии с этим, к кандидату, претендующему на вакансию фронт-менеджера, работодателем предъявляются особые требования. Помимо традиционных: коммуникабельности, доброжелательности, открытости – есть и специальные, такие, как грамотная речь, стрессоустойчивость, желание помогать и умение находить выход из различных ситуаций, ориентация на результат. Именно вышеперечисленные требования, предъявляемые к кандидатам изначально, являются компетенциями, без которых сотрудник просто не сможет себя проявить в полной мере.

Следовательно, залог успеха специалиста фронт-офиса в большей мере зависит от его личных качеств. Однако не стоит забывать и о его профессиональных навыках, внешнем виде сотрудника, соблюдении требований дресс-кода и корпоративной культуры.

Фронт-менеджеры финансовых организаций взаимодействуют с клиентом как в части продажи, беспрепятственного обслуживания, так и работают с целью удержания для повторных продаж банковских продук-

тов и услуг. Их взаимодействие с клиентом может осуществляться через личную встречу, общение по телефону или использование сервиса дистанционного обслуживания. Внедренная во фронт-офисе система единого информационно-технологического пространства позволяют сотрудникам банка быстро и эффективно выполнять свою работу, а также добиться повысить свою репутацию, за счет положительных отзывов клиентов банка. Эффективное владение фронт-менеджера технологической системой, установленной в банке, позволяет получить наиболее полную информацию о клиенте, а также выстроить с ним партнерские взаимоотношения. Это требуется не только для удержания клиента в банке, но также оказывает значительное влияние на качество оценки платежеспособности, и в итоге на качество кредитного портфеля.

Таким образом, фронт-офис признан наиболее эффективной формой финансово-кредитного учреждения. Современный банк должен избавиться от недостатков своей нынешней организации и стать единым в рамках крупного банковского направления, включающего розничное и корпоративное обслуживание, а также инвестиционный департамент [Там же. С. 68].

В связи с этим к участникам финансового сектора приходит осознание того, что работа банка с клиентом должна начинаться еще до момента знакомства с ним и продолжаться как можно дольше и не только с клиентом, но и с его окружением. Этот факт обуславливает особую роль эффективной работы фронт-менеджеров в формировании успешной репутации коммерческого банка. Чтобы достигнуть этих целей, требуется совершенствование деятельности банка по трем базовым направлениям.

Во-первых, компетенция персонала должна стать несравнимо выше. В функциональную задачу специалиста должно входить, как минимум, умение адекватно оценить внешний вид клиента, выявить его первичные потребности, сделать выводы о его платежной культуре, соотнести уровень доходов и расходов в семье, провести проверку кредитной истории клиента в БКИ и внутренней базе банка, осуществить верификацию разного типа и уровня, и так далее [1. С. 34].

Во-вторых, внутреннее оснащение и атмосфера фронт-офиса в перспективе станут более комфортными. От уровня «магазина» с огромными очередями и недружелюбным персоналом со временем произойдет переход к «бутику» с индивидуальным общением в уютном кабинете за чашкой кофе. Наплыв клиентов станет контролируемым, поскольку время встречи будет согласовываться заранее. К тому же основная масса несложных, но объемных банковских операций со временем закрепятся в системах интернет и мобильного банкинга, а также в партнерских сетях платежных систем и ритейлеров.

В-третьих, обеспечение персонала фронт-офиса необходимым софтом потребует соотносить с возложенным на него функционалом. Необходимы возможность контроля и мониторинга действий и результатов работы фронт-менеджера специалистами back-офиса, координация работы со связанными подразделениями, быстрая перенастройка системы в соответствии с изменившимися бизнес-приоритетами.

1. Ардалянова, Е.А. Конкуренция в банковском секторе / Е.А. Ардалянова // Дальневосточный капитал. – 2013. – № 6. – С. 34–35.

2. Резниченко, А.А. Стратегия фронт-офиса / А.А. Резниченко // Аналитический бизнес журнал. – 2011. – № 4 (190). – С. 64–68.

3. Уткин, Э.А. Инновационный менеджмент / Э.А. Уткин, Н.И. Морозова, Г.И. Морозова. – М.: АКАЛИС, 2012. – 213 с.

4. Информационный бизнес портал / Режим доступа: <http://www.market-pages.ru/bankmark/28.html>

РОЛЬ КАДРОВОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Е.О. Остюкова, Л.А. Каирова, студентки

З.В. Якимова

науч. рук., канд. психол. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Кадровое делопроизводство в любой организации занимает одну из главных ролей. В большинстве случаев это объясняется очень пристальным вниманием органов надзора и контроля. От того на сколько организация ведения кадрового учета отвечает формальным признакам по выполнению всех требований и соответствует нормам, зависит насколько кадровое документообеспечение способно стать реальным инструментом и помощником для ведения и управления бизнесом.

В настоящее время успешный и эффективный менеджмент персонала не может осуществляться без хорошего знания нормативных документов. Существуют нормативные правовые акты федерального уровня, которые регулируют правила поведения людей на работе, перечень и порядок выполнения ими

своих обязанностей, также трудовое законодательство устанавливает количество времени, которое работники должны затрачивать на выполняемую ими работу и уделять своему отдыху; права и обязанности сторон трудового договора; порядок оплаты труда работников и т.д.

Однако у работодателей существует свой важный инструмент кадровой политики – это локальные нормативные акты. Согласно ст.8 ТК РФ «работодатели, за исключением работодателей – физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями, принимают локальные нормативные акты, содержащие нормы трудового права (далее – локальные нормативные акты), в пределах своей компетенции в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективными договорами, соглашениями». С одной стороны, данные документы не должны ухудшать положение работника и снижать уровень его прав и гарантий по сравнению с действующими федеральными законами, с другой стороны, диапазон вопросов, которые регулируют локальные нормативные акты, очень широк. В него входят такие вопросы, как конкретные режимы и расписание работы в организации; размер оплаты труда, включая премии, доплаты и надбавки; перечень профессиональных и должностных обязанностей работника и др.

Основной функцией кадровой документации является оформление и закрепление трудовых отношений. Трудовые отношения согласно ст. 15 ТК РФ – это отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретного вида поручаемой работнику работы), подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором [1].

Как уже говорилось в статье, локальные нормативные акты не должны снижать уровень положения работника в организации, поэтому согласно ТК РФ управление персоналом и организация труда должны основываться на принципах социального партнерства, согласованности интересов работников и работодателей. Однако, к большому сожалению, не все руководители уделяют достаточно внимания этому вопросу. В большинстве случаев о вопросе учета кадров руководители организаций начинают вспоминать тогда, когда к ним с проверкой приходят сотрудники контролирующих органов либо когда бывший сотрудник обращается в суд с иском. В таких ситуациях исправление ошибок может понести больших финансовых и временных затрат, которые не всегда помогут одержать победу и принести успехов решению вопроса. Именно это показывает, насколько важно организовать правильное ведение кадровой документации, в том числе при оформлении трудовых отношений в соответствии с действующим трудовым законодательством.

Трудовые договоры, которые заключаются с работниками, также могут стать провокаторами трудовых споров – если при их составлении работники кадровой службы не уделяли должного внимания возможным последствиям при включении в договор тех или иных условий; либо они могут стать страховкой как для работника так и для организации от нарушения прав и интересов одной из сторон трудовых отношений. Из этого следует, что одним из залогов успешного существования организации является серьезное отношение руководства предприятия к нормам трудового законодательства, отличное знание сотрудников, занимающихся вопросами кадрового делопроизводства своих компетенций, а также руководители должны уделять достаточно внимания обучению и профессиональному развитию сотрудников кадровой службы.

Кадровая служба – это своего рода внутриорганизационная страховая компания, цель которой – это предохранить своего работодателя от санкций со стороны надзорных органов и проигранных судебных споров, для чего нужно уметь решать следующие задачи:

- вовремя предостеречь руководство организации от действий, которые могут идти против норм закона, и уберечь от соответствующих рисков;
- предложить руководителю организации такие варианты решения вопросов, которые приблизят наиболее близко к желаемым результатам [2].

Также в работе кадровика очень важно не только четкое оформление документов, но и их регистрация и хранение дел. Этот процесс позволяет создать базу, которая поможет доказать свою правоту и обеспечит выигрыш в любом трудовом споре, а также и предотвратить его возникновение: ведь на пустом месте претензии не возникают, для каждой жалобы должен быть повод. А поводом для жалоб и судебных исков работников – это нарушение работодателями правовых норм и ошибки кадровых работников.

Однако иногда кадровики тратят много времени на создание совсем ненужных документов. Это может говорить о некомпетентности работника. Поэтому к вопросу создания, хранения, изменения, регистрации документов кадрового делопроизводства нужно подходить обдуманно и иметь как минимум опыт в данной сфере. Путь совершенствования профессионализма и приобретения опыта – это не бояться и уметь находить время для саморазвития.

Так что же такое кадровая документация?

Прежде чем попытаться ответить на данный вопрос, хочется отметить, что кадровая документация – это часть общих понятий, таких, как документооборот, делопроизводство и кадровое делопроизводство.

Документооборот — деятельность по организации движения документов на предприятии с момента их создания или получения до завершения исполнения: отправки из организации и (или) направления в архив. Следует отметить, что в этом определении упор делается на словах «движение документов», то есть их пути из одного подразделения или от одного сотрудника к другому. При этом порядок движения документа (их путь) предопределен принятым управленческим процессом в данной организации. Например, если руководитель организации требует, чтобы все полученные документы сначала докладывались ему и только он будет назначать исполнителя, путь движения документа будет многоступенчатым сверху вниз. Если же в организации четко проведено разделение функций между структурными подразделениями и сотрудниками, большая часть документов пойдет сразу же в отдел к исполнителям, то есть путь будет другой, значительно короче.

Делопроизводство – это более широкое понятие; это отрасль деятельности, обеспечивающая документирование и организацию работы с официальными документами.

Отсюда следует, что кадровое делопроизводство – это более узкое понятие, которое подразумевает организацию работы с документами, которые связаны с кадровыми вопросами.

При организации документооборота предприятие сталкивается со следующими основными понятиями:

– *документ* – это предусмотренная законом материальная форма получения, хранения, использования и распространения информации путем фиксации ее на бумаге, магнитной, кино-, видео-, фото-, пленке, оптическом диске или на другом носителе;

– *первичный документ* – это документ, включающий в себя исходную информацию;

– *вторичный документ* – это документ, представляющий собой результат аналитико-синтетической и другой переработки одного или нескольких документов;

– *электронный документ* – документ, информация в котором зафиксирована в виде электронных данных, включая обязательные реквизиты документа;

– *архивный документ* – документ независимо от его вида, вида материального носителя, информации, места и времени, создания и формы собственности на него, который прекратил выполнять функции, для которых был создан, но хранится или подлежит хранению, учитывая значимость для лица, общества или государства или ценность для владельца так же, как объект движимого имущества;

– *официальный документ* – документ, созданный организацией или должностным лицом и оформленный в установленном порядке;

– *электронный документооборот* (обращение электронных документов) – совокупность процессов создания, обработки, отправки, передачи, получения, хранения, использования и уничтожения электронных документов, выполняемых с применением проверки целостности и в случае необходимости с подтверждением факта получения таких документов;

– *регистрация документов* – фиксирование факта создания или получения документов путем присвоения им порядкового номера и записи установленных сведений о них;

– *бланк документа* – стандартный лист бумаги с воспроизведенной на нем постоянной информацией и местом, отведенным для изменяющейся информации.

Кадровая документация – это совокупность документов, которая отражает наличие и движение трудовых ресурсов. Кадровые процессы необходимо оформлять документально; прием, увольнение, перевод, применение дисциплинарного взыскания, командировка и отпуск должны оформляться соответствующими приказами, распоряжениями.

Кадровые документы фиксируют юридически важные факты, которые являются основой трудовых взаимоотношений работника и работодателей. Из этого можно увидеть насколько важно грамотно вести кадровое делопроизводство.

Ведение кадрового делопроизводства позволяет эффективно решить сразу несколько задач:

– создать эффективную систему управления персоналом, которая будет отвечать стратегическим задачам руководства;

– документально оформить все трудовые отношения;

– формализовать кадровые процедуры у конкретного предпринимателя;

– создать организационно-правовую основу трудовой деятельности как для работодателя, так и для работника; ведь кадровые документы поддерживают интересы обеих сторон трудовых отношений;

– регламентировать взаимоотношения работника и работодателя. Достигнуть определенного баланса во взаимоотношениях работника и работодателя можно путем ведения кадровой документации и четкой регламентации их прав и обязанностей (например, должностная инструкция четко регламентирует, что входит в обязанности конкретного работника, его ответственность, права и обязанности);

– разрешить трудовые споры. В большинстве случаев качество оформления кадровых документов помогает добиться успеха позиции работодателя в конфликтных ситуациях [3].

Однако главная задача кадрового делопроизводства – это придать трудовым отношениям больше прозрачности. Система кадровой документации определяет определенные правила, при соблюдении которых работники чувствуют стабильность и защищенность, а работодателям позволяет повысить уровень управления персоналом. Отсюда опять же можно отметить, что максимально точная регламентация круга прав и обязанностей работников и работодателей отвечает интересам обеих сторон.

В связи с этим особую роль в организации кадрового делопроизводства играет определение его роли в документационном обеспечении организации в целом, в котором можно выделить три группы документов: внутренние; поступающие (входящие); отправляемые (исходящие). Каждая из этих групп имеет свои особенности обработки и прохождения.

Порядок составления и согласования внутренних документов не имеет существенных отличий от составления исходящих документов и включает те же операции, за исключением отправки адресату.

Регистрация может производиться для всех групп документов, но прежде всего для входящих. Работа по исполнению и контролю исполнения охватывает внутренние, входящие документы и только как исключение – исходящие. Со стадии формирования дел все группы документов проходят одни и те же операции, кроме входящих документов, которые, за редким исключением, на архивное хранение не передаются.

Схема движения документов в организации:

1. Поступление документов
2. Сортировка документов
3. Регистрация
4. Передача руководителю организации или руководителям структурных подразделений
5. Принятие руководителем решения и передача документов на исполнение
6. Непосредственно само исполнение
7. Хранение документов (передача в архив)

Ответственное лицо должно осуществлять «фильтрацию» входящих документов, направляемых руководителю предприятия, и передавать ему на рассмотрение наиболее важные и срочные из поступивших документов. Документы, не требующие принятия решения на уровне руководителя, могут быть переданы непосредственно заместителю руководителя предприятия, в структурные подразделения или сразу исполнителям.

Вследствие того, что документооборот отражает систему управления, позволяя ее наглядно увидеть, крайне важно проводить анализ документооборота для совершенствования работы управленческого аппарата.

Сегодня уже никому не надо доказывать значение информации в сфере управления и каждый управленец понимает, что принять решение по любому вопросу он может, только располагая соответствующей информацией по вопросу. Чем быстрее он получит информацию и чем она будет полнее, тем больше у него шансов разработать наилучшее решение в кратчайший срок.

К основным принципам организации документооборота можно отнести:

– оперативное прохождение документов: чтобы сократить время их пребывания в сфере делопроизводства, следует различные операции по обработке документов выполнять параллельно (например, копирование и раздача копий документа лицам, в исполнении которого они участвуют одновременно, и т.д.);

– каждое перемещение документа должно быть оправданным, необходимо исключить или ограничить возвратные перемещения документов;

– порядок прохождения и процессы обработки основных видов документов должны быть единообразными;

– для оптимизации маршрутов движения различных категорий документов (входящих, исходящих, внутренних; приказов по основной деятельности и личному составу, писем и предложений граждан; заявок; рекламаций и т. д.), разрабатываются маршрутные схемы;

– вся корреспонденция, поступающая в организацию, независимо от адресата должна пройти обработку в канцелярии;

– на всех документах (как регистрируемых, так и нерегистрируемых) для фиксации факта и времени их поступления в учреждение делают отметку в виде регистрационного штампа. Проставление штампа и даты в нем производится в день получения документа.

В процессе первоначальной обработки документы сортируются по структурным подразделениям. Документы, адресованные руководству, передаются в канцелярию или секретарю-референту руководителя. Документы, адресованные в структурные подразделения, сортируются по их наименованиям, а затем разбираются секретарями этих подразделений.

Нерегистрируемые документы должны раскладываться по структурным подразделениям для доставки по назначению, остальная документация передается для регистрации.

Результаты рассмотрения документов руководителями отражаются в резолюциях. Руководитель учреждения или структурного подразделения, рассматривая полученный документ, должен дать четкие и

конкретные указания по его исполнению. С резолюцией документ передается ответственным исполнителям. Если указано несколько исполнителей, документ передается каждому из них поочередно. Для одновременной работы над документом с него изготавливаются ксерокопии по числу исполнителей. Подлинник документа направляется ответственному исполнителю, указанному в резолюции первым.

Исполнение резолюции осуществляется ответственным исполнителем совместно с сотрудниками, указанными в ней. При передаче ответственного документа на подпись к нему следует прилагать материалы, на основании которых он готовился. Это облегчает работу руководителя, позволяет избежать вызова исполнителей, и т.п. В дело документ и все относящиеся к нему материалы направляются тогда, когда работа над ответственным документом полностью завершена.

К числу исходящих (отправляемых) документов относятся, главным образом, ответные письма, излагающие согласие, отказ на соответствующую просьбу или предложение адресата, и инициативные письма самой широкой тематики, требующие ответной реакции адресата.

Прохождение исходящего документа включает несколько этапов:

- 1) составление проекта документа, его распечатка;
- 2) согласование проекта, его визирование в необходимых случаях;
- 3) подписание (утверждение) документа;
- 4) регистрация и отправка документа.

Процесс согласования и визирования можно ускорить, направив копии проекта заинтересованным организациям и лицам. Подписанные документы регистрируются и передаются на отправку (в канцелярию, экспедицию, секретарию).

Внутренние документы проходят следующие стадии: подготовка проекта документа, перепечатка, согласование, визирование, подписание, исполнение. Поэтому маршруты их прохождения на этапах подготовки и оформления те же, что и у исходящих документов, а на этапе исполнения совпадают с маршрутами входящих документов.

Подводя итоги можно сказать, что правильная организация документооборота на предприятии влияет на оперативность, экономичность, надежность функционирования предприятия в целом. При рациональной организации документооборота повышаются производительность и эффективность труда, выполняемого работниками предприятия, сокращаются затраты, связанные с функционированием аппарата управления. При этом, необходимо отметить, что ведение кадрового делопроизводства в организации имеет важную роль. Благодаря хорошей базе кадрового документирования можно решить большой ряд проблем, например, избежать конфликтных ситуаций, установить внутриорганизационные правила и трудовые распорядки, улучшить систему управления персоналом, облегчить работу менеджера по персоналу и самому руководителю, избежать штрафных санкций от проверяющих инстанций.

1. Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 N 197-ФЗ (действующая редакция от 04.11.2014) [Электронный ресурс] // СПС Консультант-Плюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/tkrf/?utm_campaign=law_doc&utm_source=google.adwords&utm_medium=cpc&utm_content=Labor%20Code&gclid=CKjGh4b3gsICFYPPcgoddmwAaQ

2. Журавлева, И.В. Кадровое делопроизводство и регулирование работы с персоналом – насколько важно соблюдать правила? [Электронный ресурс] / И.В. Журавлева // Электронный журнал СКБ «Контур». – Режим доступа: <https://school.kontur.ru/publications/6>

Щур, Д.Л. Справочник по кадровому делопроизводству / Д.Л. Щур, Л.В. Труханович. – 7-е изд. – М.: Дело и сервис, 2013. – 608 с.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ СФЕРЫ УСЛУГ

М.И. Плаксий, Л.А. В.В. Бондарев, студенты

З.В. Якимова

науч. рук., канд. психол. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Стремительное развитие сферы услуг является обязательным условием успешного завершения современной структурной перестройки экономики. Многие отрасли по оказанию услуг приобрели ключевое значение для функционирования экономики в перспективе, стали движущей силой научно-технического и социально-экономического развития страны. Это, в первую очередь, развитие науки и научного обслуживания, образо-

вания, здравоохранения, культуры и искусства, информационного обслуживания и др. Сфера услуг выполняет множество функций, основными из которых являются экономическая, социальная и воспроизводственная.

Современным инструментом управления развитием организации в условиях динамичных изменений внешней среде и связанной с этим неопределенности является методология тактического и стратегического управления.

Все вышесказанное означает, что управление организацией сферы услуг и принятие необходимых управленческих решений требует наличия большого объема информации в данной сфере.

Особенности сферы услуг с позиций принятия решений могут быть сведены к следующему [3]:

- высокая степень индивидуализации продукта в соответствии с требованиями потребителя;
- высокая трудоемкость работ в сфере услуг;
- динамичность инновационных процессов в условиях постоянного развития сферы;
- высокие требования к социально-психологическим навыкам сотрудников, задействованных в оказании услуг;
- расчет производственных мощностей не по среднему уровню спроса, а по пиковому спросу со стороны покупателей.

Структура управления предприятием должна удовлетворять следующим основным требованиям:

- соответствовать функциональному содержанию процесса управления предприятием;
- иметь в своем составе органы для связи с вышестоящими уровнями управления;
- обеспечивать постоянное прогрессивное развитие управляемого объекта;
- обладать внутренним потенциалом для совершенствования, восприятия использования новейших достижений науки и практики управления.

Направления совершенствования структуры управления:

- рационализация управления (укрупнение подразделений, более четкое разграничение прав, обязанностей и ответственности между различными звеньями управления, отладка механизмов межфункционального взаимодействия, повышение оперативности и гибкости в работе управленческого аппарата, разработка и внедрение АСУ, совершенствование методов управления);
- нахождение правильного сочетания централизации и децентрализации функций управления;
- специализация служб и отделов на выполнении ограниченного круга задач, рациональное распределение функций, устранение дублирования (важный резерв совершенствования структур управления предприятиями);
- разработка критериев и показателей для определения экономической эффективности системы управления в целом и структур аппарата управления [1].

В таблице сгруппированы направления, обеспечивающие совершенствование сферы услуг в разрезе социальной, бюджетной и экономической эффективности.

Таблица

Направления, обеспечивающие совершенствование сферы услуг в разрезе социальной, бюджетной и экономической эффективности

Направления по повышению эффективности сферы услуг	Эффективность сферы услуг		
	социальная	бюджетная	экономическая
1	2	3	4
Обеспечение конкуренции между организациями сферы услуг			+
Переход к ценообразованию с учетом качества оказываемых услуг	+		
Укрепление контроля над качеством оказываемых услуг (со стороны организаций и органов местного самоуправления)	+		+
Повышение качества государственного регулирования в сфере услуг и обуздание теневого рынка		+	+
Совершенствование антимонопольного регулирования и развитие конкуренции в сфере услуг	+		+
Стимулирование привлечения частных капиталов в оказание социально значимых видов услуг	+		+
Выравнивание территориальных пропорций в доступе к социально-значимым услугам и новым видам услуг	+		

1	2	3	4
Развитие новых видов высокотехнологичных и наукоемких услуг	+	+	+
Привлечение в сферу услуг высококачественных специалистов	+		+
Развитие новых методов финансового обеспечения сферы услуг регионов		+	+
Сохранение предоставления и развитие традиционно доступных видов услуг по приемлемым ценам	+		

Комплексная перестройка деятельности предприятия является очень важным способом финансового оздоровления при реализации стратегии предотвращения банкротства. Эта перестройка предполагает приспособление мощностей и организационно-технологической структуры предприятия к складывающейся экономической конъюнктуре [2].

Чаще всего при диагностике системы управления персоналом можно выявить следующие недостатки в работе руководства:

– *неудовлетворительная структура системы управления персоналом*, которая характеризуется неопределенностью структуры, недостаточной четкостью распределения функциональных обязанностей между работниками в области управления персоналом; дублированием одних функций по управлению персоналом и недостаточным вниманием другим;

– *недостаточно эффективная система подбора персонала*, которая характеризуется большой трудоемкостью при оценке кандидатов из-за длительной системы собеседований; недостаточным вниманием личностным характеристикам (таким, как способности к выполнению тех или иных функций, черты характера), во многом определяющим успешность выполнения должностных обязанностей и взаимодействия с окружающими;

– *неразвитая система обучения персонала*, которая характеризуется неэффективностью работы по созданию резерва, отсутствием программ обучения всех работников, а не только бухгалтеров, не использованием возможностей качественного (личностного) роста работников, который предполагает создание возможностей для проявления инициативы и развития способностей каждого отдельного сотрудника, зачисленного в резерв (т.е. отсутствует программа карьерного роста сотрудников);

– *использование недостаточно эффективных систем оценки персонала и его мотивации*; используется повременно-премиальная система оплаты (должностные оклады), которая действует уравнилельно. В результате не происходит развитие внутренних способностей, очень значимых для руководящего работника, – умение принять на себя ответственность, проявить инициативу, координировать деятельность подчиненных, завоевывать доверие коллег.

Результатом вышеуказанных упущений руководства является недостаточная заинтересованность сотрудников организации к повышению трудовой активности. Таким образом, можно поставить под сомнение достижение стратегической цели – увеличение объема продаж и охват рынка за счет максимального использования труда персонала, качества обслуживания ими покупателей.

1. Гусев, В.С. Экономика и организация безопасности хозяйствующих субъектов / В.С. Гусев, В.А. Демин. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2010. – 288 с.

2. Малюк, А.А. Информационная безопасность: концептуальные и методологические основы защиты информации: учеб. пособие для вузов / А.А. Малюк. – М.: Горячая линия. – Телеком, 2010. – 280 с.

3. Одинцов, А.А. Экономическая и информационная безопасность предпринимательства: учеб. пособие для вузов / А.А. Одинцов. – М.: Академия, 2011. – 336 с.

ПОНЯТИЕ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ, ЕЁ СУЩНОСТЬ И ВИДЫ

А.А. Ремезов, студент

З.В. Якимова

науч. рук., канд. психол. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Любой стране закрытой или открытой присуща своя государственная кадровая политика. Поскольку экономическая обстановка во многом зависит от грамотного использования человеческого потенциала. Для того чтобы достигнуть максимальных результатов в производстве, необходимо планирование стратегии кадровой работы и установление задач по определению потребности в кадрах и их подготовке, распределению персонала по отраслям, выборе методов работы с персоналом.

Кадровая политика государства имеет виды:

1. Государственная кадровая политика в области трудовых ресурсов:

- государственная демографическая политика;
- государственная политика в области занятости;
- государственная политика в области образования;
- государственная политика в области культуры;
- государственная политика в области управления персоналом.

2. государственная политика органов государственного управления:

- политика формирования и развития персонала федеральной госслужбы;
- политика формирования и развития персонала госслужбы субъектов Федерации;
- политика формирования и развития персонала органов местного самоуправления.

3. Государственная кадровая политика в отношении государственных организаций:

- политика формирования и развития хозяйственных товариществ и обществ;
- политика формирования и развития производственных кооперативов;
- политика формирования и развития государственных и муниципальных унитарных предприятий;
- политика формирования и развития некоммерческих организаций.

4. Государственная кадровая политика в отношении предпринимательских негосударственных организаций:

- персонал промышленного предпринимательства;
- персонал коммерческого предпринимательства;
- персонал аграрного предпринимательства;
- персонал предпринимательства в сфере науки, образования, культуры и консультационной практики [1].

Согласно ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» к организациям, относящимся у субъектам малого и среднего бизнеса относятся организации включенные в единый государственный реестр как потребительские кооперативы, коммерческие организации и физические лица, зарегистрированные как индивидуальные предприниматели, при условии:

- суммарная доля участия Российской Федерации, иностранных юридических лиц и других в уставном капитале юридических лиц не 25%;
- средняя численность работников не должна превышать предельные значения: до ста человек для малого предприятия, до двухсот для среднего предприятия;
- выручка от реализации товаров (работ, услуг) без учета налога на добавленную стоимость или балансовая стоимость активов (остаточная стоимость основных средств и нематериальных активов) за предшествующий календарный год не должна превышать предельные значения, установленные Правительством Российской Федерации для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства [2].

Характеристика предприятий малого и среднего бизнеса обуславливаются размером организаций, то есть численностью персонала в них и взаимодействием руководства и подчиненных.

Рассмотрим основные характеристики:

- из-за отсутствия жесткого разделения функционала между работниками сокращается расстояние между работниками и их руководителями, но не устраняет социальных различий (в оплате труда, например);
- отсутствие сложной организационной структуры повышает профессионализм работников из-за выполнения разной работы;
- высокая информированность работников, часто участие работников в производстве и принятии решений;
- отсутствие сложных бюрократических операций, большее количество личных коммуникаций, что сближает работников, но вызывает конфликты между участниками;
- отсутствие обучения, частое использование наставничества из-за экономии на персонале;
- большая сплоченность коллектива и как результат высокие требования к личности работников и их личным качествам;
- принципы отбора персонала часто направлены не на прямые, а на косвенные доказательства пригодности кандидата;
- социальная незащищенность работника из-за слабой формализации труда, часто используется только ТК РФ; максимальное стремление организации экономить на персонале из-за финансовых сложностей в организации.

Кроме указанных аспектов в организации труда выделяется ряд моментов, которые используются для мотивации служащих и высококвалифицированных рабочих:

- место работы находится рядом с домом;
- сотрудникам импонирует скорость коммуникативных процессов и принятия решений;
- тесные деловые отношения между подчиненными и работодателем позволяют достаточно легко решать проблемы;
- заслуги работников признаются и вознаграждаются быстрее;

- у персонала такого предприятия есть больше шансов для карьерного роста;
- работники имеют возможность участвовать в процессе принятия решений;
- зарплата может приближаться к оплате труда в крупных организациях;
- малые предприятия не ограничены множеством правил;
- участие в доходах компании;
- сотрудники могут стать партнерами или акционерами.

Не все из перечисленных возможностей доступны каждому предприятию, но многое может быть включено в план по управлению персоналом. Управление персоналом малого предприятия является мало систематизированным порядком действий. Но комплексная деятельность персонала и подчиненность всех функций одному лицу формируют предпосылки для образования системного подхода к управлению персоналом [3].

1. Управление персоналом организации: учебник / под ред. А.Я. Кибанова. – 4 изд., доп. перераб. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 695 с.

2. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ [Электронный ресурс] / СПС Консультант плюс.

3. Электронный ресурс [http://hr-ru.com/2012/04/osobennosti-upravleniya-personalom-malogo-predpriyatiya/]

УДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ ТРУДОМ КАК ЭЛЕМЕНТ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ

Т.С. Попова, М.А. Пономаренко, Л.Р. Васильева, студенты

М.Ю. Дикусарова

науч. рук., канд. социол. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Перед руководителем, заинтересованным в достижении высоких целей, стоит большая задача формирования мотивационной среды. Мотивационная среда – это действия, мероприятия, процедуры, которые создают климат организации, побуждающий работников к труду. Следует отметить, что мотивационная среда – динамичная система, требующая постоянных коррективов и действий со стороны руководства.

Создание и развитие мотивационной среды в организации приносит существенные изменения в деятельность работников и как частность в показатели удовлетворенности трудом.

Повышение удовлетворенности трудом неизбежно приводит к повышению продуктивности работников. Это связано с тем, что высокая удовлетворенность работников своим трудом в организации улучшает их отношение к работе и к организации, способствует росту уровня трудовой и исполнительской дисциплины и как результат – производительность работников повышается.

Таким образом, имеет место связь, представленная на рис. 1.

Рис. 1. Связь мотивации с производительностью труда

Мотивационное воздействие – один из рычагов, используемый руководством для повышения показателей удовлетворенности трудом и как следствие улучшением показателей эффективности.

Что же такое удовлетворенность трудом и как она возникает? Удовлетворенность трудом – эмоционально окрашенное оценочное представление субъекта деятельности о результате своей трудовой ак-

тивности, о самом процессе работы и внешних условиях, в которых она осуществляется. Из определения вытекает основное свойство удовлетворенности трудом – это понятие субъективное, что означает его формирование под влиянием внешних и внутренних факторов, на которые руководство не может влиять.

Однако данное утверждение не означает необходимость полного отрешения от процесса руководством. Остается часть, сформировать которую под силу руководству. Механизм такого формирования является мотивацией.

Представим формирование удовлетворенности трудом за счет мотивации на рис. 2.

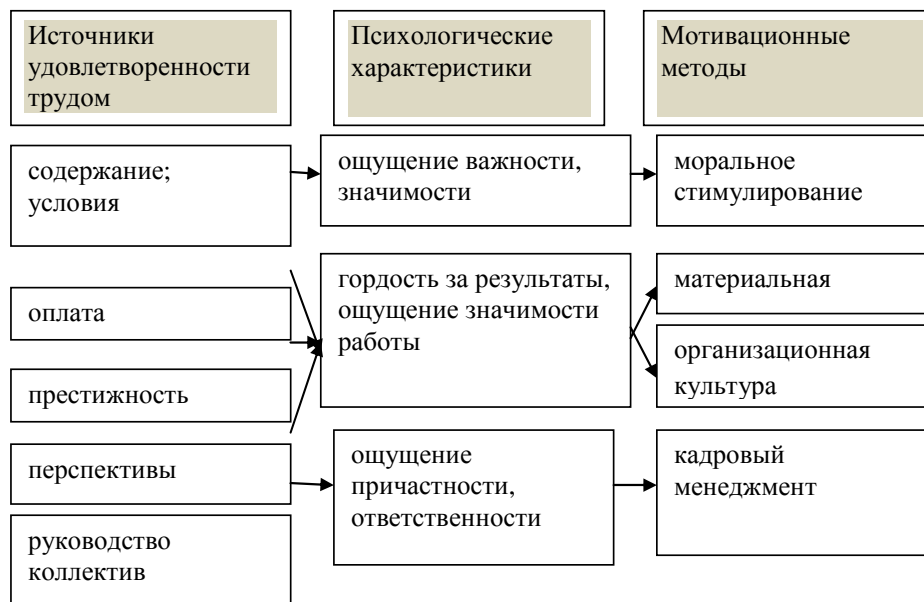

Рис. 2. Схема формирования удовлетворенности трудом

Как правило, исследователи выделяют следующие категории удовлетворенности работой: содержание работы; условия работы; оплата труда; престижность работы; руководство; перспективы (развитие карьеры, квалификации); коллектив.

Как говорилось ранее, особое значение имеет построение мотивационной среды. На рисунке видно, что практически все источники удовлетворенности трудом формируются (в разной степени) при помощи набора инструментов мотивации, что позволяет поддерживать показатели эффективности труда на должном уровне.

Сразу же оговоримся: нередко на практике возникают ситуации, когда использование одних и тех же методов мотивации дают различные результаты в разных отраслях, компаниях или даже подразделениях. Это связано с различными факторами, среди которых особенности индивидуумов, разница в корпоративной культуре и др., что обуславливает необходимость проведения тщательных исследований перед внедрением методов мотивации.

На рисунке представлены методы мотивации:

- Моральное стимулирование, которое включает: официальное признание заслуг, организация событий и мероприятий, особые привилегии. Данные методы позволяют сформировать чувство важности, которое формирует удовлетворенность содержанием и условиями труда.

- Материальная мотивация, имеет в своем основании систему оплаты труда. Формирование адекватной системы оплаты, построенной на принципах справедливости – источник удовлетворенности оплатой труда.

- Организационная культура – понятие масштабное. В это понятия входят: правила и ценности компании, этапы развития организации, иная символика, указание значимых для компании событий, заслуг отдельных работников, их вклад в развитие компании. Эти составляющие корпоративной культуры необходимо представлять работникам для формирования у них осознания престижности и надежности компании.

- Кадровый менеджмент. Установление мотивационной среды невозможно без осознания такого понятия у руководящего персонала. При формировании мероприятий необходимо подбирать работников исходя из портрета идеального, психологической совместимости между собой отдельных работников и служб. такой подход позволяет обеспечить удовлетворенность коллективом и руководством у подчиненных.

Представленную схему нельзя рассматривать как универсальный рецепт эффективной работы, однако использовать общие рекомендации возможно на предприятии любой отрасли.

Рассмотрим данную теорию на примере конкретного предприятия – ИП «Меркун М.В.» г. Владивосток.

Сфера деятельности предприятия – торговля сотовыми телефонами, планшетами и пр. гаджетами. Адрес – г. Владивосток, ул. Добровольского, д.5а.

Характеристика трудового коллектива. Организационная структура представлена на рис. 3.

Рис. 3. Организационная структура ИП «Меркун»

В организации работают:

Пятидневная рабочая неделя:

- управляющий;
- копирайтер;
- менеджер;
- менеджер по закупу.

Сменная работа:

- администратор;
- кассир;
- уборщица;
- продавец-консультант.

Методы мотивации, используемые на предприятии:

- материальная, используется оплата по результатам труда для продавцов-консультантов;
- моральное стимулирование – день рождения сотрудников;
- организационная культура – день рождения компании;
- кадровый менеджмент – подбор персонала, отвечающего требованиям управляющего.

Для выявления степени удовлетворенности трудом был проведен опрос среди сотрудников. В анкете требовалось определить уровень удовлетворенности по тем или иным параметрам от 0 – не удовлетворен до 4 – удовлетворен полностью.

Результаты составлены путем следующих вычислений:

$$R = (-2 \times q + -1 \times q + 0 \times q + 1 \times q + 2 \times q) / Q,$$

где q – кол-во работников давших соответствующий ответ;

Q – кол-во опрошенных.

Полученные данные представлены в табл.

Таблица

Параметр	Значение
Содержание труда	0,86
Условия труда	1,92
Оплата труда	-0,3
Престижность работы	-0,1
Руководство	1,86
Перспективы	1,08
Коллектив	1,62

Таким образом, наиболее низкие показатели имеют категории: престижность, содержание труда, оплата труда, перспективы, что является следствием отсутствия соответствующих мотивирующих факторов.

Наиболее высокие показатели имеют: условия труда, руководство, коллектив – следствие кадровой политики.

Рекомендуется развитие мотивационной среды с использованием инструментов мотивации, которые на данный момент не задействованы в организации.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРИФИРМЕННОГО ОБУЧЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ

Е.В. Трифонов, студент

А.С. Новгородов

науч. рук., ст. преподаватель

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Управление персоналом приобретает в деятельности коммерческого предприятия все более важное значение как фактор повышения конкурентоспособности, долгосрочного развития. Сегодня главным ресурсом на предприятии, который может обеспечить эффективное и динамичное развитие компании, является персонал, а точнее, уровень и качество его подготовки.

Обучение сотрудников является регулируемым процессом получения навыков, умений, знаний под руководством руководителей, специалистов и наставников.

Предметом обучения являются три составляющие:

- 1) знания – сотрудник получает теоретические, методические и практические знания, которые ему в дальнейшем будут необходимы для выполнения своих обязанностей на рабочем месте;
- 2) умения – овладение способностями выполнять обязанности, закрепленные за работником на конкретном рабочем месте;
- 3) навыки – знания и умения, которыми пользуется сотрудник при выполнении своей работы [3].

Повысить эффективность деятельности предприятия и профессионализм сотрудника возможно за счет проведения обучения работников предприятия.

Повышение эффективности труда сотрудника позволит повысить качества труда и как следствие повысить эффективность деятельности организации в целом. Обучение персонала играет также важную роль для сотрудника, так как во время обучения он получает новые профессиональные знания и навыки, которые в последствии им реализуются в его трудовой деятельности [6].

Для повышения профессионального развития персонала на предприятиях используется внутрифирменное обучение.

Внутрифирменным обучением являются виды обучения, которые предоставляются на предприятии для повышения квалификации своих работников. Данный вид обучения направлен на нужды предприятия и на достижение поставленных перед ней целей [1].

Система внутрифирменной подготовки будет эффективной только в том случае, если будет проведен анализ существующего положения, определен желаемый результат, разработан проект программы обучения, утверждены сроки и обчислены затраты.

Как и другие методы обучения персонала, внутрифирменное обучение имеет ряд достоинств:

- работники не покидают на длительное время свои рабочие места;
- за короткое время на предприятии обучение могут пройти значительное количество работников без ущерба для работы организации;
- разработка образовательных программ осуществляется с учетом специфики работы организации и с учетом максимального удовлетворения потребностей каждого обучающегося в организации;
- в ходе обучения группы сотрудников предприятия есть возможность более активно обсудить рассматриваемые в учебном процессе вопросы, провести их всесторонний анализ и выработать комплекс решений [5].

С функциональной точки зрения выделяют несколько видов внутрифирменного обучения:

1. Обучение вновь пришедших в организацию работников. что включает в себя профессиональную и социально-психологическую адаптацию работника к новым условиям, выработку им своей линии организационного поведения. В этом случае крайне важно информировать новых работников об организационной структуре компании, ее миссии и основных аспектах корпоративной культуры.

2. Обучение с целью повышения уровня компетентности. Оно необходимо в двух случаях: когда компетентность работника не позволяет ему эффективно и полностью реализовывать свои компетенции;

когда сами компетенции частично меняются в связи с развитием карьеры, переходом на новую ступень иерархической лестницы.

3. Переподготовка с целью ротации или освоения новых видов деятельности. Переподготовка подразумевает, в основном, овладение базовыми и профессиональными знаниями и навыками, необходимыми для освоения другого вида деятельности.

Следовательно, развитие системы внутрифирменного обучения является частью образовательной системы. С помощью внутрифирменного обучения предприятия наиболее результативно реагируют на процессы, которые происходят в экономических, социальных и технологических сферах.

При осуществлении программ внутрифирменного обучения компенсируются недостатки используемых традиционных форм обучения, а также происходит поддержка необходимого уровня компетенции работника необходимого для обеспечения конкурентоспособности предприятия

Кроме того, внутрифирменное обучение является самостоятельной ценностью для работника. С помощью данного вида обучения работник повышает свой уровень конкурентоспособности на рынке труда, а также повышает свои навыки и способности которые востребованы на внешнем рынке труда.

Для установления обратной связи внутрифирменного обучения осуществляется оценка эффективности. Данная оценка проводится с целью определения целесообразности проведения внутрифирменного обучения, а также установления насколько эффективно были выполнены поставленные задачи.

Основное содержание и формы внутрифирменного обучения определяют цели. Главной целью внутрифирменного обучения сотрудников предприятия является развития человеческих ресурсов.

Развитие человеческих ресурсов способствует:

- повышению результативности деятельности работников;
- обеспечению функционирования хозяйственной деятельности предприятия;
- формированию кадрового резерва работников;
- развитию новых направлений деятельности предприятия;
- повышению мотивации работников;
- сокращает текучесть кадров и т.д. [4]

Таким образом, от поставленных целей внутрифирменного обучения сотрудников зависит глубина и критерии оценки эффективности.

При установлении эффективности внутрифирменного обучения обычно используется экономические, психологические или социальные системы критерий.

С помощью результативных показателей (производительности труда, затраты, уровень рентабельности и т.д.) определяется экономическая эффективность внутрифирменного обучения.

При психологической оценки эффективности внутрифирменного обучения сотрудников используется система, состоящая из четырех составляющих:

- 1) оценка процесса – производится оценка достигнутых значений с прошлыми. Оценивается процесс развития личностных качеств и динамика изменений, происходящих непосредственно с индивидуумом;
- 2) оценка цели – производится оценка сравнения достижения внутренне ожидаемых целей обучения в плане приобретения новых, качественных знаний, их практической применимости в повседневной работе и фактически приобретенных знаний;
- 3) оценка удовлетворенности – производится оценка интереса и удовлетворенности участием в обучающем процессе или организацией процесса обучения;
- 4) оценка результата – производится оценка достигнутого результата по значимым параметрам: производительность труда, рост статуса, повышение оплаты труда [2].

В процессе оценки эффективности внутрифирменного обучения также используются критерии социальной значимости результатов обучения. С помощью социальной эффективности внутрифирменного обучения устанавливается степень удовлетворение потребностей или интересов сотрудников предприятия. Социальная эффективность помогает установить отрицательные моменты обучения и внедрить преимущества.

В процессе осуществления внутрифирменного обучения возникают различные расходы (трудовые, материальные и т.д.). После завершения процесса обучения сотрудников необходимо оценить эффективность данного процесса. При оценке эффективности устанавливается степень достижения желаемых целей в результате проведения внутрифирменного обучения сотрудников.

В случае, если сотрудники предприятий проходят в основном обучение за пределами предприятия, то есть с отрывом от производства, то данная система обучения не всегда является эффективной по нескольким причинам:

- 1) увеличиваются затраты на оплату труда (за время обучения сотрудник не работает, но получает среднюю заработную плату, и при этом его обязанности возлагаются на другого сотрудника которому производится доплата за совмещение профессий);

2) при отсутствии работника на рабочем месте снижаются объемы производства продукции.

При открытии собственного образовательного центра предприятие будет иметь ряд преимуществ. Основным преимуществом открытия собственного образовательного центра на базе предприятия, является то, что обучение сотрудников будет проводиться по тем профессиям, специальностям которые именно необходимы на данном предприятии.

Таким образом, создание образовательного центра позволяет руководству предприятия упростить систему обучения сотрудников предприятия, а также повысить объемы реализации продукции, снизить рост бракованной продукции, уменьшить затраты на обучение персонала и повысить уровень эффективности деятельности предприятия.

1. Бобков, А.С. Обучение и развитие персонала / А.С. Бобков. – СПб.: Питер, 2014. – 201 с.

2. Большаков, С.А. Оценка эффективности управления кадрами. Методы и показатели / С.А. Большаков, А.А. Костюков. – СПб.: Питер, 2010. – 304 с.

3. Валова Т. В. Обучение – универсальная технология управления / Т.В. Валова // Справочник по управлению персоналом предприятия. – 2013. – № 4. – С. 20–22.

4. Лапин, А.М. Формирование системы управления персоналом / А.М. Лапина. – СПб.: Питер, 2011. – 342 с.

5. Магура, М.И. Обучение персонала как конкурентное преимущество / М.И. Магура, М.Б. Курбатова М.Б. – М.: Инфра-М, 2010. – 218 с.

6. Терещук, Н.И. Как сделать процесс обучения на предприятии эффективным / Н.И. Терещук // Справочник по управлению персоналом. – 2014. – № 8. – С. 41–50.

4.2. СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА КОЛЛЕКТИВА ОРГАНИЗАЦИИ

Е.А. Базенкова, студентка

А.С. Новгородов

науч. рук., ст. преподаватель

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

На сегодняшний момент наметилась тенденция все возрастающего интереса к вопросам формирования благоприятного социально-психологического климата в коллективе. Такие процессы связаны с тем, что ухудшение социально-психологического климата в коллективе или в каком-то конкретном отделе – одна из главных причин снижения показателей эффективности труда.

На практике такие негативные последствия может иметь смена руководства. Что связано с установлением новых правил, сопутствующее таким изменениям. Последствия часто негативны – существующие правила разрушены, но в то же время новые не выработаны. Результат – снижение заинтересованности в результатах у ряда сотрудников или у целого отдела, повышение показателей текучести кадров, снижение мотивации персонала и т.д.

Данный вариант, описанный выше, – частный случай, однако, не стоит недооценивать роль социально-психологического климата в коллективе. Необходимо проводить его оценку, искать пути совершенствования.

Данная тематика раскрывается в работах теоретиков и практиков еще и потому что наметилось за последние годы стремительное развитие людских ресурсов: работник самосовершенствуется, стремится расширить собственный кругозор, овладеть достаточными знаниями, чтобы являться не просто функционалом на предприятии, а стать личностью, имеющей мощный потенциал знаний и умений, стремящейся полностью реализоваться в жизни [1].

Актуальность данной проблемы продиктована еще и запросами практики, характеризующейся повысившейся в современном деловом мире значимости коллективных отношений вследствие усилившейся тенденции коллективизации труда, росту значения социально-психологических факторов в формировании здоровой атмосферы в коллективе.

Модель социально-психологического климата представлена на рис. 1.

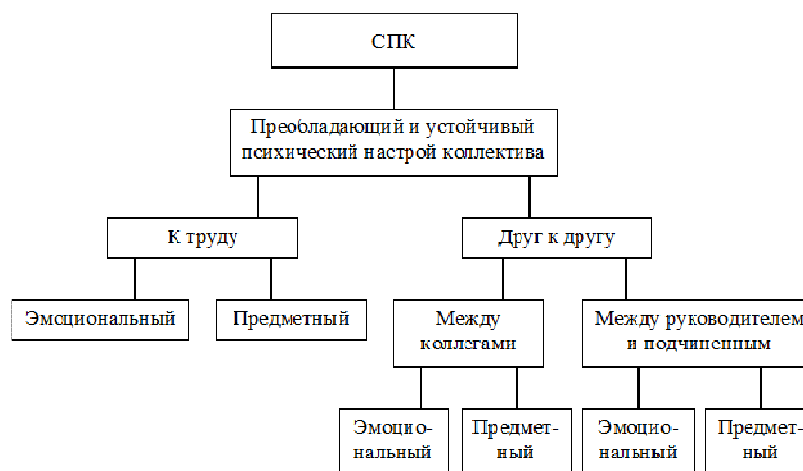

Рис. 1. Модель социально-психологического климата

Социально-психологический климат (СПК) характеризуется двумя составляющими:

- настрой коллектива к труду;
- настрой коллектива друг к другу.

Их совокупность дает полное представление о предмете. Основная задача при формировании СПК – создание нормальных рабочих взаимоотношений в коллективе.

Любые практические разработки сопряжены с теоретическими обоснованиями подходов. При изучении темы СПК появляются определенные трудности – данное понятие базируется на двух науках социологии и психологии.

Поэтому практические исследования и разработки по совершенствованию СПК в коллективе требуют тщательного изучения психологии как науки, отдельных ее разделов.

Приступая к изучению данного вопроса, необходимо определиться с понятийным аппаратом, составляющим тему исследования.

Вот как СПК определяется в литературе:

Климат социально-психологический [от греч. klima – наклон] – интегральная характеристика системы межличностных отношений в группе, отражающая комплекс решающих психологических условий, которые либо обеспечивают, либо препятствуют успешному протеканию процессов группообразования и личностного развития [2].

Рассмотрим факторы, влияющие на социально-психологический климат. Данные представлены на рис. 2.

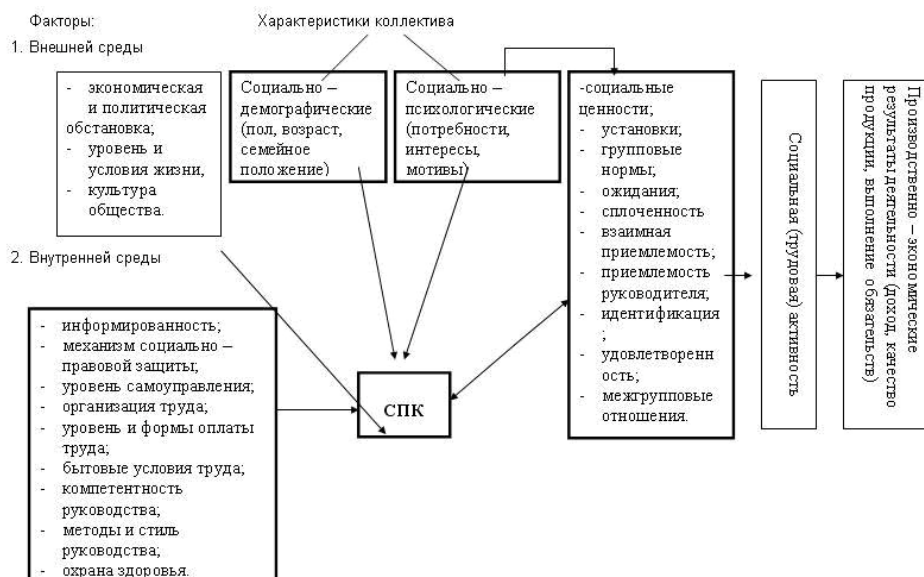

Рис. 2. Факторы, влияющие на СПК

Факторы, оказывающие влияние на СПК подразделяются на внешние и внутренние. К внешним факторам отнесены факторы макро окружения коллектива, а так же свойства отдельной личности. Данные

факторы находятся за пределами зоны влияния руководства. Внутренние факторы – свойства самой компании, коллектива.

Выявить факторы, негативно влияющие на СПК возможно при помощи набора приемов и мер. Впоследствии предпринимаются приемы по его улучшению. Направления такого улучшения тесно связаны с факторами влияния:

1. Улучшение условий труда.

2. Совершенствование организации и стимулирования труда. Совершенствование организации труда осуществляется:

- оптимизация системы разделения и кооперации труда,
- организация рабочих мест,
- нормирование труда,
- подготовка и переподготовка кадров,
- рационализация режима работы.

3. Улучшение материальной и моральной мотивации или ее создание. Мотивирующая среда – основа благоприятного в коллективе.

4. Совершенствование социально-демографических характеристик коллектива. Это касается повышения однородности трудовых ресурсов, т.к. чем более однороден коллектив по половозрастному составу, тем лучше СПК.

5. Совершенствование взаимоотношений и стиля управления.

Практическое применение данных направлений совершенствования СПК находит свое выражение в становлении системы построения команды, совершенствовании мотивирующей среды и т.д.

Для изучения и анализа морально-психологического климата ООО «Буоно», в работе использовались следующие методы сбора информации: наблюдение, индивидуальный опрос в виде интервью каждого работника, тестирование.

В исследуемой организации достаточно высокие показатели текучести кадров, что обусловлено разными факторами, один из которых – неблагоприятный социально-психологический климат.

В процессе работы ООО «Буоно» ежедневно возникает большое количество споров и разногласий, которые перерастают в кратковременные, а порой и затяжные конфликты, оказывая большое влияние на состояние социально-психологического климата в коллективе.

Одним из факторов, влияющих на социально-психологический климат организации, является психологическая совместимость людей.

Психологическую совместимость можно определить как взаимное принятие партнеров по совместной деятельности, которое основывается на оптимальном сочетании их индивидуально-психологических характеристик. К числу факторов, обуславливающих совместимость персонала, относят высокую степень однородности группы по таким признакам, как пол, возраст, образование, уровень квалификации.

Анализ кадров по половозрастному составу дал следующие результаты:

- 75% работников – женщины;
- 64% работника в возрасте 16–25 лет;
- законченное высшее образование имеет 32% работников.

Впоследствии климат был оценен самим персоналом по составленным анкетам (рис. 3).

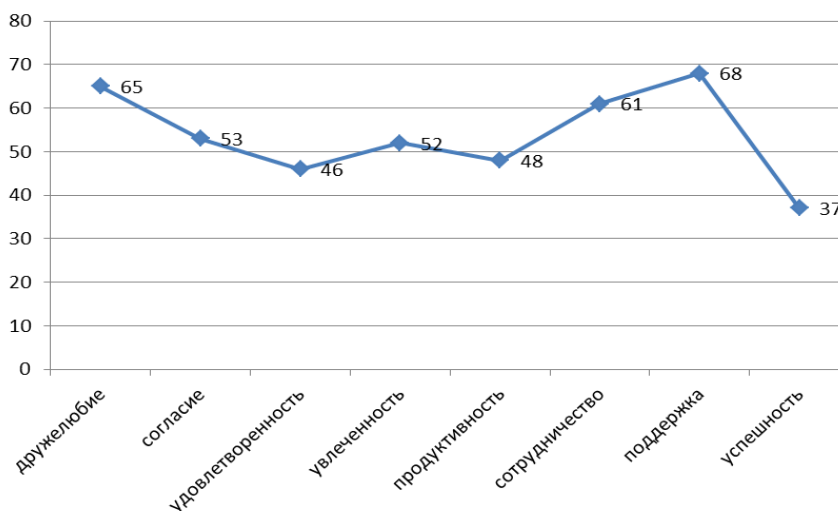

Рис. 3. Оценка социально-психологического климата

Все показатели получили значение средний (50–60 баллов) и чуть выше среднего (61–70 баллов), что свидетельствует о недостаточных усилиях работы в направлении совершенствования СПК.

Наибольшую удовлетворенность у сотрудников вызывает:

- дружелюбие коллектива;
- сотрудничество;
- поддержка со стороны коллектива.

Наименьшие значения получили:

- удовлетворенность трудом;
- продуктивность;
- успешность на рабочем месте.

Данные говорят о правильно подобранном составе кадров по возрасту и полу, что позволяет сотрудникам находить общий язык, однако налицо просчет в планировании системы мотивации, ошибки в управлении, что выливается в неудовлетворенность трудом и высокую текучесть.

Таким образом, регулирование СПК носит специфичный характер. Наибольшую эффективность дают такие факторы, как материальное стимулирование, условия труда. Главным условием совершенствования СПК является наличие трудовой мотивации.

1. Свенцицкий, А.Л. Психология управления организациями. / А.Л. Свенцицкий. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2010.

2. Уманский, Л.И. Методы экспериментального исследования социально-психологических феноменов // Методология и методы социальной психологии / Л.И. Уманский. – М., 2009. – С. 54–71.

ОЦЕНКА ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ПЕРСОНАЛА

А.В. Гарбузов, магистрант

З.В. Якимова

науч. рук., канд. психол. наук, доцент.

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

г. Владивосток

В конкурентных условиях рыночной экономики микро- и макроуровня каждая организация находится в зависимости от инноваций, поскольку новшество – это один из ключевых факторов экономического роста предприятия и способ приобретения конкурентных преимуществ, где инновационный потенциал является основным условием инновационных процессов организации.

Неотъемлемой составляющей инновационного потенциала является персонал предприятия, способный как создавать новые идеи, так и реализовывать их.

Одной из реально существующих на сегодняшний день проблем в области управления инновациями является оценка инновационного потенциала кадров организации.

Инновационный потенциал персонала – совокупность способностей и возможностей работников осуществлять устойчивое развитие организации [1].

Способности и возможности человека во много зависят от условий работы, которые может дать организация (организация рабочего места, предоставление возможности предлагать новые идеи, система вознаграждения за активность, корпоративной культуры) и личной мотивации работника, которая зависит от удовлетворенности работой и степени приверженности организации.

Множество российских организаций в целях поддержания мотивации работников к инновационной деятельности имеют свои системы стимулирования, обычно материальные. Но эффективность их часто низка по причине отсутствия методов диагностики инновационного потенциала кадров. Трудно не согласиться с тем, что нецелесообразно применять системы стимулирования инновационного потенциала к кадрам, когда отношение к выполняемой работе и организации низки. Также стоит подчеркнуть то, что уровень инновационного потенциала работников во многом зависит от отношения руководства к подчиненным (табл.) [2].

Уровни развития инновационного потенциала персонала

Позиция организации по отношению к персоналу	Уровень развития инновационного потенциала персонала
Персонал – издержки	Низкий
Персонал – один из ресурсов	Средний
Персонал – специфический ресурс	Выше среднего
Персонал – достояние организации	Высокий
Персонал – социальный партнер	Наивысший

Представленный в этой статье подход к оценке инновационного потенциала сотрудников основан на оценке таких параметров как:

- мотивация к инновационной деятельности;
- удовлетворенность условиями труда.

На рисунке изображена координатная плоскость, для построения которой необходимо дать оценку от 0 до 10 одному из параметров. Оценочный бланк параметра «Мотивация к инновационной деятельности» представлен в Прил. А. Сотруднику необходимо записать ответы на вопросы, которым будет дана оценка калибровщика от 0 до 10.

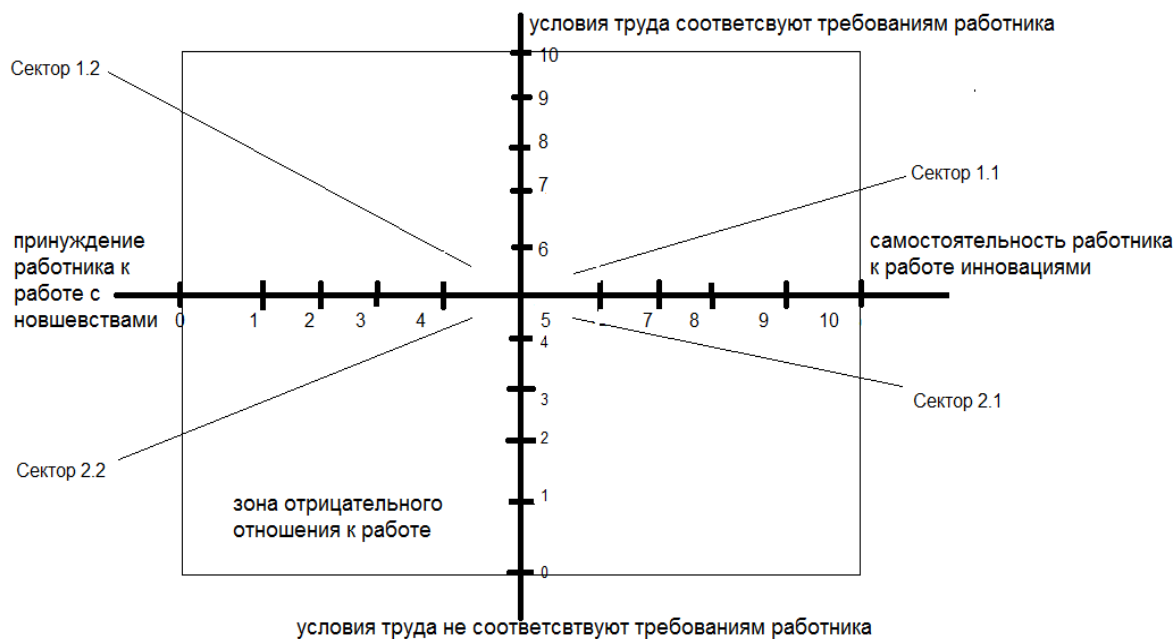

Рис. Шкала оценки инновационного потенциала работника

Оценочный лист параметра «Удовлетворенность условиями труда» представлен в Приложении Б. На основании выбранных вариантов оценщик может дать оценку от 0 до 10.

Выставив точку на координатной плоскости, можно сделать вывод о инновационном потенциале работника.

Сектор 1.1 – высокий уровень инновационного потенциала работника.

Сектора 1.2. и 2.1 – зоны средней комфортности работы в организации.

Сектор 2.2 – зона негативного отношения к работе.

По выставленной оценке необходимо поставить точку на координатной плоскости в один из секторов.

С помощью координатной плоскости можно сделать вывод о готовности работника к инновационной деятельности и о том, что необходимо сделать предприятию для увеличения этой готовности. Пример оценки параметра «мотивация к инновационной деятельности» приведён в Прил. А.

Бланк оценки мотивации работника к инновационной деятельности

Задание: в качестве ответов на вопросы приведите примеры из своего жизненно-го/профессионального опыта

Вопросы	Ответы, примеры	Результат
1. Как вы определяете, что добились успеха?		
2. Как вы принимаете решение какой вариант работы выбрать?		
3. Каким образом вы принимаете решение какому кандидату (на собеседовании) отдать решение?		
4. Как вы определяете успешно ли прошли переговоры?		
5. Вы хорошо готовите? Почему вы так считаете?		
6. Вы считаете свою карьеру успешной? Почему?		
7. Вы успешно входите в новый коллектив? Почему вы так считаете?		
8. Вы хороший командный игрок? Почему вы так считаете?		
9. Вы лидер? Почему вы так считаете?		
10. Как вы определяете успешно идёт проект или нет?		

Бланк оценки удовлетворенностью трудом

Задание: внимательно прочтите утверждения и их продолжения. Отметьте наиболее подходящий вариант для вас.

№	Утверждение		Место для отметки
1	Температура на рабочем месте:	1.1 Очень низкая (холодно)	
		1.2 Прохладно (терпимо)	
		1.3 Оптимально	
		1.4 Жарко	
2	Уровень шумности на рабочем месте:	1.1 Высокий	
		1.2 Средний	
		1.3 Немного слышен	
		1.4 Тихо	
3	Освещенность в помещении:	1.1 Слишком темно	
		1.2 Темно	
		1.3 Оптимально	
		1.4 Тихо	
4	Качество воздуха на рабочем месте:	1.1 Несносное (слишком сухой или влажный воздух, пыльно есть посторонние запахи)	
		1.2 Низкое	
		1.3 Оптимальное	
		1.4 Хорошее (вообще нет раздражителей)	
5	Уровень безопасности рабочего места:	1.1 Экстремальный	
		1.2 Есть опасности	
		1.3 Оптимальный	
		1.4 Хороший	
6	Время труда и отдыха:	1.1 Несносное	
		1.2 Плохо устроено	
		1.3 Оптимальное	
		1.4 Хорошее (так как мне хотелось бы)	
7	Взаимоотношения с коллегами:	1.1 Негативные	
		1.2 Плохие	
		1.3 Нейтральные	
		1.4 Дружеские	

1. Управление персоналом организации: учебник / под ред. А.Я. Кибанова. – 4-е изд., доп. перераб. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 695 с.

2. Макаренко, М.А. Принципы формирования методики оценки кадрового инновационного потенциала организации / М.А. Макаренко, Д.А. Лопатин // Научный журнал СПб НИУ ИТМО [Электронный ресурс]. – СПб.: СПб НИУ ИТМО, 2012. – №1. – март. – Режим доступа: <http://open-mechanics.com/welcome>

ДИАГНОСТИКА КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ОРГАНИЗАЦИИ

Д.В. Гридина, студентка

М.Г. Масилова

науч. рук., канд. социол. наук, доцент

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток

Организационная культура любой организации – это сложный феномен, на который оказывает влияние множество факторов: социально-экономические условия, в которых осуществляется деятельность организации; особенности организации; специфика отраслей и тенденции их развития; цели и культурные ценности организации; характеристики поведения; психологический климат в организации, с которым сталкивается человек при взаимодействии с ее сотрудниками. Перечисленные факторы, с одной стороны, формируют общие черты, присущие организационной культуре любой организации, а с другой стороны, создают ее уникальность в каждой конкретной организации.

Для изучения организационной культуры любой организации необходимо определить методологические принципы и подходы к исследованию.

Анализ теоретических подходов к феномену организационной культуры показывает, что исследователи выделяют различные ее типы и базовые элементы. Поэтому в качестве предмета исследования могут выступать следующие аспекты:

- доминирующий тип организационной культуры, наличие и соотношение других типов, тип предпочитаемой культуры. Это даст возможность выявить уникальные черты культуры организации;
- ценности, которые являются ядром организационной культуры организации, оказывают влияние на все стороны деятельности и придают организации уникальный характер (содержательный аспект);
- система отношений в организации и складывающийся на ее основе организационный климат (поведенческий аспект).

Типологический анализ организационной культуры проводится в целях ее идентификации. В настоящее время известно множество типологий организационной культуры (например, типология Ч. Ханди, Г. Хофштеде, Т.Е. Дила и А.А. Кеннеди, Р. Рюттингера, М. Бурке, Р. Аккофа и др.). Некоторые типологии имеют выраженный инструментальный характер, позволяя создать соответствующие методики для применения в прикладных исследованиях. К таким подходам можно отнести методику диагностики организационной культуры (ОСАИ) Р. Камерона и К. Куинна, в основу которого авторами положена «Рамочная конструкция конкурирующих ценностей».

В качестве основы для типологии в методике используются шесть основных составляющих организационной культуры: образ организации в целом; стиль управления; отношение к работникам и условия труда; ценности; стратегия развития организации; критерии успеха.

В методике объединены количественный и качественный подходы к диагностике культуры путем оценивания проявления характеристик различных типов в культуре организации в реальном и желаемом состоянии. Данная конструкция строится на исследовании главных индикаторов эффективности организации. В соответствии с измерениями «гибкость/стабильность» и «ориентация на внешнюю/внутреннюю среду» выделены четыре типа организационных культур: клановая, адхократическая, иерархическая, рыночная культура, при этом каждому типу свойственны как сильные, так и слабые стороны.

Сильными сторонами клановой культуры организации можно считать формирование благоприятных межличностных отношений, атмосферы согласия, заботы о сотрудниках организации; единство работников и вовлечение в организационную деятельность при открытом обсуждении проблем развития предприятия. Слабыми сторонами культуры такого типа являются замкнутость, сосредоточенность на внутренних проблемах, акцент на межличностные отношения вместо нацеленности на результат деятельности. Это может приводить к низкой конкурентоспособности предприятия.

Сильными сторонами адхократической культуры являются быстрая адаптация организации к постоянно изменяющейся среде и инновационная атмосфера, оптимальное использование ресурсов. Для этой организационной культуры характерно стратегическое управление, внедрение инноваций. Хотя чрезмерное стремление к изменениям может привести к хаотичности, излишней концентрации на приспособлении к внешней среде в ущерб внутренней интеграции.

При иерархической организационной культуре достоинством является четко отлаженное ведение документации, планирование и контроль организационной деятельности, система административной и дисциплинарной ответственности. Однако нередко «забюрократизированность» процессов и отношений мешает быстрой трансформации в соответствии с изменениями внешней среды.

Сильные стороны рыночной организационной культуры – предпринимательская активность организационного сообщества, нацеленность на продуктивность и качество деятельности. При этом важны пока-

затели результативности, а качество рассматривается как удовлетворенность потребителей. Предприятия с доминированием такого типа организационной культуры являются, как правило, высококонкурентоспособными. Об их эффективности свидетельствует рост следующих показателей: доля на рынке образовательных услуг, рост объемов (числа обучающихся, работников, направлений деятельности), прибыльность, удовлетворенность сотрудников, качество образовательных услуг, появление новых видов услуг и др.

Организация с доминированием предпринимательского типа культуры ориентирована в большей степени на рост и возможности, чем на контроль над ресурсами. Структура управления характеризуется сетевым построением и гибкостью, а деятельность оценивается не на основе производительности, а на основе эффективности. Мотивация предпринимательской деятельности строится на поиске возможностей и достижении результата, на индивидуальной инициативе. Сконцентрированное развитие заменяется развитием по многим направлениям.

Обобщение рассмотренных характеристик организационной культуры позволяет сделать вывод, что эффективность организации можно рассматривать как способность разрешать противоречия внутренней интеграции и внешней адаптации.

Соотношение в организации рассмотренных выше типов организационной культуры образуют профиль, отражающий ее своеобразие. При этом на основе выявления предпочтений работников и требований общества можно составить профили реальной, предпочитаемой и требуемой организационной культуры. Наглядное отображение профилей покажет, в каком направлении в организации следует развивать культуру, какого рода ценности и нормы отношений культивировать.

Существуют и другие различные методы диагностики орг. культуры на предприятии, такие как интервьюирование, анкетирование, анализ документации и процессов, фокус-группы, наблюдение за организационными процессами, опросы и другие методы. Эти же методы могут применяться при изучении организационного климата, а именно таких его характеристик как общий эмоциональный фон, стиль и этичность взаимодействия, наличие, причины и характер конфликтов и др.

Для формирования или корректировки корпоративной культуры любому руководителю организации необходимо понимать, что она представляет из себя на текущий момент и как ее необходимо изменить, чтобы добиться поставленных целей.

Именно диагностика корпоративной культуры позволяет организации выявить ее сильные и слабые стороны, также изучить мнения людей о настоящей корпоративной культуре и их индивидуальные ценности. Благодаря диагностике корпоративной культуры можно сформировать план по изменению или формированию корпоративной культуры.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНОГО ПРИСТАВА

С.С. Дерябина, студентка

О.В. Горшкова

науч. рук., канд. социол. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Служба судебного пристава входит в систему органов Министерства юстиции Российской Федерации и представляет собой орган принудительного исполнения, который выполняет функции по обеспечению установленного порядка деятельности судов, осуществляет судебные акты и акты других органов. Полномочия службы судебного пристава, порядок ее организации и деятельности устанавливаются Федеральным законом «Об исполнительном производстве» и Федеральным законом «О судебных приставах». На судебного пристава возлагается выполнение функций по принудительной реализации исполнительных документов [1].

Служба судебных приставов востребована в наше время и ни у кого не вызывает недоверия. Она зарекомендовала себя как оперативная правоохранительная структура. Службе судебных приставов поручены очень важные и серьезные функции по розыску должников и их имущества, дознанию и административной деятельности.

Служба судебных приставов находится на этапе продвижения и её деятельность с каждым днём совершенствуется. Принимаются меры к преимущественно эффективному и полному исполнению судебных актов и актов других органов, которые гарантируют определенный порядок деятельности судов. В настоящее время служба судебных приставов названные проблемы преодолевает благополучно.

Деятельность территориального органа Федеральной службы судебных приставов заключается в необходимости разработки теоретических и методологических способов проявления и дозирования правовых и организационных проблем, которые образуются в системе управления территориальными органами

Федеральной службы судебных приставов, также совершенствованием правового обеспечения системы управления территориальным органом Федеральной службы судебных приставов и подтверждением научно-практических предложений по оптимизации организационного и правового обеспечения управленческой деятельности территориального органа Федеральной службы судебных приставов.

Кроме того, с 2008 года работа Федеральной службы судебных приставов следует положениям значительных изменений в уголовно-процессуальном законодательстве. С 1 февраля 2008 года к компетенции органов дознания Федеральной службы судебных приставов выдвинуты преступления, предусмотренные статьей 157 УК РФ (намеренное отклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей) и статьей 177 УК РФ (намеренное уклонение от погашения кредиторской задолженности). Наряду с этим в некоторых регионах нагрузка на судебных приставов значительно увеличилась [2].

Анализ действующих нормативных правовых актов, а также опыт деятельности территориальных органов Федеральной службы судебных приставов позволяют сделать вывод о том, что в настоящее время, вместе с определенными наработками, существует ряд нерешенных организационно-правовых проблем в данной сфере деятельности.

Организация деятельности подразделений Федеральной службы судебных приставов как правовое и социальное явление представляет собой актуальную проблему, которая постоянно требует своевременного, научного и комплексного одобрения.

На нынешнем этапе реформирования системы Минюста России проводятся кардинальные изменения организации ее структурных подразделений, в частности Федеральной службы судебных приставов, необходимы соответствующие своевременные исследования всего блока проблем управления в первую очередь совершенствования деятельности судебного пристава. Федеральная служба судебных приставов – главный орган управления в области исполнительного производства. Каждая реформа, в том числе в такой своеобразной сфере, подразумевает внедрение в практику соответствующих новшеств. И наряду с этим необходимо осуществление научных исследований всего блока управленческих проблем в области исполнительного производства. В настоящий момент, несмотря на имеющиеся недостатки, такие, как не укомплектованность кадрами, недостаточное финансирование, служба судебных приставов работает и выполняет свои функции в соответствии со статьей 11 Федерального закона «О судебных приставах» [3].

Судебный пристав обеспечивает установленный порядок деятельности судов, гарантирует в судах сохранность судей, заседателей, участников судебного процесса и свидетелей, также он исполняет распоряжения председателя суда и судьи, относящиеся к соблюдению порядка в суде; исполняет решения суда и судьи о применении к подсудимому и другим гражданам предусмотренных законом мер процессуального принуждения; обеспечивает охрану зданий судов, совещательных комнат и судебных помещений в рабочее время; проверяет подготовку судебных помещений к заседаниям, обеспечивает по поручению судьи доставку к месту проведения судебного процесса уголовного дела и вещественных доказательств и их сохранность; поддерживает общественный порядок в судебных помещениях; взаимодействует с военнослужащими воинской части по сопровождению лиц, находящихся под стражей, по вопросам их охраны и безопасности; предупреждает и пресекает преступления и правонарушения, выявляет нарушителей, а в случае необходимости задерживает их с последующей передачей органам милиции; осуществляет привод лиц, уклоняющихся от явки в суд или к судебному приставу – исполнителю; участвует по указанию старшего судебного пристава в совершении исполнительных действий; проходит специальную подготовку, а также периодическую проверку на пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Судебный пристав, предоставляющий установленный порядок деятельности судов, имеет право обращаться за помощью к сотрудникам милиции, органам безопасности, военнослужащим внутренних войск, применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие в случаях и в порядке, которые предусмотрены настоящим Федеральным законом.

Трудности, имеющиеся в обеспечении установленного порядка деятельности судов, носят объективный характер. Как бы то ни было служба судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов совсем недавно начала функционировать и постоянно расширяет свой потенциал.

Процедура формирования системы подразумевает формирование ее организационной структуры. Наряду с этим, важным является определение состава структурных подразделений конкретной службы судебных приставов в зависимости от выполняемых ими функций [4].

Деятельность судебного пристава должна быть нацелена на поддержание на соответствующем уровне организационных действий. Её необходимо реализовывать с помощью тех методов и форм управления, которые содействуют наиболее успешной реализации организационной функции судебного пристава. Метод и форма управления между собой тесно взаимосвязаны. Наряду с этим метод управления допускает получить ответ на вопрос, как можно воплотить данную управленческую задачу или функцию,

а форма управленческой деятельности – как собственно данная управленческая задача или функция осуществляется.

Существующее законодательство, которое применяется в работе судебного пристава по обеспечению установленного порядка деятельности судов, недостаточно совершенно и требует дополнительных изменений.

Судебный пристав, который имеет право применять различные меры принуждения, включая использование оружия, не имеет устойчивых правовых и социальных гарантий, компенсационных выплат, которыми пользуются правоохранительные органы, правда их работа в значительной степени связана с угрозами для их жизни и здоровья.

Система органов принудительного исполнения по своему социальному назначению и месту в системе органов государственной власти РФ вызвана обеспечивать выполнение правовых норм с помощью мер правового принуждения в действия участников правовых отношений. Собственно служба судебных приставов реализует неизбежность имущественной и другой юридической ответственности должников в гражданском обороте, а без этого недопустимо решение серьезной части экономических проблем современной России [5].

Ежедневное управление, которое выполняет судебный пристав всех уровней системы Службы судебных приставов, предполагает принятие управленческих решений, адекватных изменений в ситуации, и внесение соответствующих корректировок. Оно также предусматривает распределение заданий между подчиненными, назначения личного состава по определенным видам работы, обучение судебных приставов и специалистов, методам и приемам, исполнению заданий и оказание им методологической и практической помощи. Умение своевременно выявить изменения в обстановке, найти и убрать недостатки.

Выполнение судебных актов и актов других органов, которые предусмотрены законом, – это правоприменительная деятельность специальных субъектов исполнительного производства судебных приставов. Деятельность судебного пристава по использованию процессуально правовых норм является публично-правовой, а также принудительно-исполнительной. В установленном указе Президента РФ «Вопросы Федеральной службы судебных приставов» поставлены полномочия Федеральной службы судебных приставов, в число которых вступили такие специфичные полномочия, как организация розыска должника и его имущества, производство дознания по ряду статей Уголовного кодекса РФ, административное производство. При исполнении своих полномочий по обеспечению установленного порядка деятельности судов, выполнении принудительного исполнения решений судов, судебный пристав может использовать огнестрельное оружие, а также дополнительные специальные средства. Одной из важной функции судебного пристава является принудительное взыскание долгов по налоговым платежам и сборам, раньше это относилось к функциям налоговой полиции, которая являлась правоохранительным органом [6].

Все вышеперечисленное явно рассматривает место Федеральной службы судебных приставов в системе правоохранительных органов. Придание этого статуса приведет к прекращению оттока убывания квалифицированных кадров из Службы судебных приставов, изменит систему оплаты труда судебных приставов и усилит и их защищенность.

1. Приказ Министерства юстиции РФ № 187 от 3.12. 2004 г. «Об утверждении Положения о территориальном органе Федеральной службы судебных приставов».

2. Уголовный кодекс РФ – Ст. 175, 177.

3. Федеральный закон « О судебных приставах»: от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ (ред. от 29 августа 2004 г.) // СЗ РФ. 2004. – № 27. – Ст. 2711.

4. Гришин, С.П. Учебно-практическое пособие, Судебные приставы по обеспечению установленного порядка деятельности судов / С.П. Гришин. – М., 2000. – 333 с.

5. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // СЗ РФ от 8 октября 2007 г. № 41. – Ст. 4848.

6. Указ Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1316 «Вопросы Федеральной службы судебных приставов» (ред. от 25.07.2014).

ИДЕАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КОМПЕТЕНЦИЙ ДЛЯ МЕНЕДЖЕРА ПО ПРОДАЖАМ

М.И. Ищенко, Н.Н. Домнич, *студенты*

Е.А. Могилёвкин

науч. рук., канд. психол. наук, профессор

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

При формировании эффективной команды определенной компании или подразделения перед руководителем встает вопрос о требованиях, которым должны соответствовать сотрудники. Данные требования формируют так называемый портрет «идеального сотрудника». Критерии качества трудовых ресурсов при данной постановке проблемы называются компетенциями.

Компетенция – круг вопросов, явлений, в которых данное лицо обладает авторитетностью, познанием, опытом [1].

Компетенция (от лат. *competere* – соответствовать, подходить) – это личностная способность специалиста (сотрудника) решать определённый класс профессиональных задач. Также под компетенцией понимают формально описанные требования к личностным, профессиональным и т. п. качествам сотрудников компании (или к какой-то группе сотрудников). В данном понимании компетенции используются при оценке персонала [2].

Составные части компетенции представлены на рис. 1.

Рис. 1. Состав компетенции

Таким образом, компетенции необходимые для осуществления той или иной деятельности разделяются на следующие группы:

– Компетенции, которыми индивидуум должен обладать – это личные качества и знания, умения, навыки, приобретенные в процессе получения образования, необходимой квалификации. Данный вид компетенций должен выявляться на этапе собеседования. Так как возможно возникновение ситуации, когда сотрудник, прошедший обучение в компании все равно покидает ее, не сумев добиться требуемых результатов.

– Профессиональные компетенции – требования, навыки, умения, присущие данной компании или должности, приобрести которые сотрудник может исключительно на рабочем месте.

Для разработки системы компетенций используются определенные технологии. Процесс разработки состоит из следующих этапов:

- 1) определить группу сотрудников;
- 2) определить способ создания системы компетенций;
- 3) выявление наиболее эффективных сотрудников и их качеств;

Модели компетенций в различных компаниях имеют как сходства, так и различия. Это связано с тем, что структура бизнеса у каждой компании индивидуальна, цели и задачи не поддаются унификации, стратегия самобытна, поэтому невозможно разработать такие модели компетенции которые бы отвечали всем требованиям различных условий. Но, в этой связи представляется возможным выделить наиболее значимые компетенции каждой должности [3].

Рассмотрим специфику работы менеджера по продажам. Его основные обязанности связаны с:

- продажей товара;
- расчетом покупателей (в некоторых случаях);
- убеждением покупателей в необходимости того или иного товара;
- знанием рынка.

Как результат можно выделить следующие унифицированные компетенции (табл.)

Таблица

Унифицированные компетенции менеджера по продажам

Компетенция	Источник формирования
Инициативность	Личные качества
Способность продавать	Профессиональные качества / личные качества
Устойчивость к стрессу	Личные качества
Коммуникабельность	Личные качества / Приобретенные в процессе обучения
Эффективное использование времени	Профессиональные качества
Выявление скрытых потребностей	Профессиональные качества
Отслеживание новых возможностей в рамках сегмента продаж	Профессиональные качества

Как следует из данных таблицы, большинство компетенций менеджера по продажам связано с выполняемыми функциями. Такие компетенции можно развить у индивидуума в процессе внутрифирменного обучения, тренингов и т.д. Однако принимать на работу индивидуума, не обладающего необходимыми личностными качествами нецелесообразно.

Данная тематика была рассмотрена применительно к ООО «Тракт», эта компания специализируется на продаже автозапчастей и аксессуаров.

Менеджеры по продажам работают в торговом зале, а так же осуществляют консультирование клиентов по телефону. В задачи менеджеров по продажам входит:

- продажа товаров, при этом важным качеством является умение продать товар дороже или предложить в дополнение сопутствующие товары;
- наличие необходимых знаний об устройстве автомобилей, а также новинок и тенденций рынка;
- умение работать с заказчиком – входит и умение взаимодействовать с постоянными клиентами;
- работа с возражениями;
- умение производить точные расчеты стоимости товара и по необходимости его доставки;
- умение работать с документацией: составление, ведение документации, заключение договоров.

Данные задачи обуславливают наличие у кандидатов следующих компетенций:

- стрессоустойчивость;
- настойчивость;
- гибкость;
- контактность;
- аналитические способности.

Был проведен внутрифирменный опрос сотрудников в компании, результаты которого были дифференцированы. В опросе предлагалось оценить наличие некоторых компетенций самостоятельно. Такую же оценку сотрудников провел руководитель. Выведена средняя величина.

Отдельно представлены результаты лучших сотрудников и оставшихся менеджеров. Данные представлены на рис. 2.

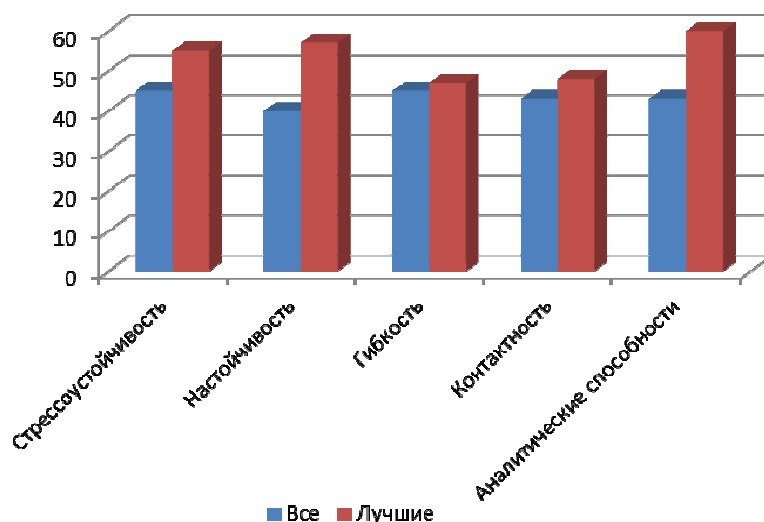

Рис. 2. Компетенции менеджеров по продажам ООО «Тракт»

С помощью рисунка 2 проведено сравнение всех искомых компетенций общей группы с результатами лучших менеджеров (стабильно высокие результаты работы).

Из рисунка видно, что у лучших менеджеров выражены лучше следующие компетенции:

- стрессоустойчивость;
- настойчивость;
- аналитические способности.

Данные компетенции формируются и под влиянием личностных качеств и в результате внутрифирменного обучения. Таким образом, на этапе собеседования необходимо выявлять их наличие, так как именно такие сотрудники будут добиваться наивысших результатов в компании.

Остальные компетенции по результатам исследования разнятся не очень сильно, что позволяет говорить о возможности их формирования в процессе осуществления своей деятельности в компании.

В результате проведения исследования по проблематике составления компетенций идеального менеджера по продажам были сделаны следующие выводы:

- не имеет смысла искать на этапе отбора кандидата, идеально отвечающего требованиям компании. Гораздо эффективнее искать кандидата, у которого сформированы искомые личностные качества;
- необходимо установить связь планируемых результатов работы менеджера по продажам с устанавливаемыми компетенциями;
- не стоит выделять все имеющиеся компетенции, которые содержатся в литературе, более эффективно подобрать несколько специфических и сосредоточиться на них.

1. Базаров, Т.Ю. Компетенции будущего: Квалификация Компетентность (критерии качества) [Электронный ресурс] / Т.Ю. Базаров Режим доступа: http://www.tltsu.ru/publectures/lecture_06.html

2. Профессиональные компетенции [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.smart-edu.com/index.php?option=com_content&view=article&id=701&Itemid=525

3. Шакур, Ю.А. Профессиональные компетенции сотрудников, как инструмент конкурентоспособности организации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ctgg.ru/>

ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ ДЕЛОВОЙ ОЦЕНКИ ПЕРСОНАЛА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОРГОВОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Л.А. Карезина, студентка

А.С. Новгородов

науч. рук., ст. преподаватель

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Деловая оценка является многоцелевой функцией в системе управления персоналом. Она предопределяет изменения во всех трех фазах управления персоналом: формировании, использовании, разви-

тии, играя особую роль в выявлении трудового потенциала работника и возможности его максимального использования.

В теории управления выделяются различные подходы к определению понятия деловой оценки персонала и ее целей. М. Магура полагает, что деловая оценка персонала является одним из инструментов, необходимых для того, чтобы привлечь человеческие ресурсы, мотивировать их на работу в интересах компании [2]. Деловая оценка персонала в интерпретации В.А. Столяровой – это процедура, проводимая с целью выявления степени соответствия личных качеств работника, количественных и качественных результатов его деятельности определенным требованиям организации [6]. Автор полагает, что важнейшая цель деловой оценки любого работника – обеспечить обратную связь: работник должен знать, как оцениваются результаты его деятельности, его стремление к качественному выполнению своей работы.

Для проведения процедуры деловой оценки персонала используют достаточно широкий набор методов и технологий. Ю.Г. Одегов под методами деловой оценки понимает способы установления конкретных значений показателей деловой оценки [4]. Каждый из видов деловой оценки предусматривает набор соответствующих методов ее проведения. Все методы деловой оценки персонала, применяемые в российских компаниях, В.А. Столярова объединяет в три группы:

- качественные (биографический метод, интервьюирование, описательный метод, метод критических случаев, метод комитетов, метод сравнения по парам и др.);
- количественные (балльный метод, метод коэффициентов);
- комбинированные (метод анкет, метод шкалы графического рейтинга, интервью, тестирование) [6].

Весьма широкое распространение в российских условиях получила такая форма периодической деловой оценки персонала как аттестация, которая, по определению О.С. Виханского, представляет собой процесс оценки эффективности выполнения сотрудником своих должностных обязанностей, осуществляемый его непосредственным руководителем [1]. Субъектами аттестации выступают руководители различных уровней управления, поскольку именно они осуществляют оценивание и принимают определенные решения в отношении работников, а также кадровая служба, как разработчик и координатор проведения оценочных процедур.

Определение стратегии проведения деловой оценки персонала заканчивается этапом выбора технологии (системы взаимосвязанных методов деловой оценки), каждая из которой имеет свои преимущества и недостатки. Наиболее часто в практике российских компаний применяются следующие технологии деловой оценки персонала: «360 градусов», экспертная оценка, а также технология «Ассесмент-центр». При этом в технологии «360 градусов» задействованы главным образом внутренние эксперты, что, по мнению Е.А. Могилевкина и А.С. Новгородова, может снижать объективность деловой оценки [3]. В технологии экспертной оценки участвуют преимущественно внешние эксперты, для адаптации которых требуется существенный период времени (от одного до трех месяцев), и использование ими ограниченного числа методов деловой оценки может снижать эффективность оценочных процедур. Рассмотренные ограничения двух вышеперечисленных технологий отсутствуют в наиболее точной и объективной, по мнению Е.А. Могилевкина и А.С. Новгородова, технологии деловой оценки персонала – «Ассесмент-центр». По утверждению указанных авторов, относительные недостатки «ассесмента» компенсируются наиболее высокой прогностической надежностью данной технологии, а точный прогноз и достоверность являются самыми важными атрибутами этого метода деловой оценки персонала [5].

Анализ практического опыта применения тех или иных методов (технологий) деловой оценки персонала российскими компаниями показывает, что крупные компании предпочитают использовать достаточно сложные оценочные технологии, позволяющие одновременно решать целый ряд крупных кадровых задач требующие привлечения высоко квалифицированных экспертов, в то время как коммерческие организации среднего звена склоняются к проведению деловой оценки персонала в форме аттестации, что не сопряжено с разработкой сложных критериев оценки и позволяет достаточно эффективно корректировать требования к персоналу.

Анализ практического опыта деловой оценки персонала, используемого в одной из торговых компаний г. Уссурийска (ООО «Батимат») показал, что избранная в данной компании форма деловой оценки – периодическая аттестация – по сути, не затрагивает оценку личностных компетенций специалистов, а сведена к формальной оценке весьма узкого перечня деловых качеств работников на основе использования устаревших методов. Кроме того, проведение деловой оценки персонала в форме аттестации не отвечает современным требованиям деловой оценки, поскольку в большинстве случаев проводится формально, а результаты аттестации используются весьма узко.

В целях совершенствования системы деловой оценки персонала ООО «Батимат» нами предложено скорректировать как сами методы деловой оценки, так и направления использования ее результатов:

Рекомендации по совершенствованию методов деловой оценки:

- привлечение к процедуре деловой оценки персонала сторонних специалистов, использование современных методик;

– обозначение конкретных критериев деловой оценки персонала.

Рекомендации по использованию результатов деловой оценки:

– корректировка кадровой политики в области отбора и набора персонала;

– определение необходимости и направлений обучения персонала;

– формирование кадрового резерва.

Таким образом, можно заключить, что усовершенствовать процедуру деловой оценки работников ООО «Батимат» можно, если:

– использовать для этого современные методы деловой оценки персонала, такие, например, как метод независимой экспертизы (или независимых судей, комитетов), индивидуальное и групповое психологическое тестирование, структурированные интервью и тематические дискуссии, а также математические (экономические) методы деловой оценки, которые должны быть четко соотнесены с условиями и спецификой работы предприятия и адаптированы к конкретным условиям и задачам деловой оценки персонала;

– привлечь для проведения деловой оценки работников профессиональных специалистов (психологов), а также проводить деловую оценку работников на основе авторской методики «Эффективный сотрудник», предлагаемой одной из компаний г. Владивостока (ОО «Бизнес и карьера»), основанной на использовании комплексного программного обеспечения, включающего административный и клиентский модули;

– разработать четкие критерии деловой оценки персонала, а также изменять их в соответствии с новыми стратегическими задачами предприятия, корректируя с учетом его изменившегося положения на рынке;

– использовать результаты деловой оценки персонала ООО «Батимат» по следующим направлениям: формирование кадрового резерва; корректировка кадровой политики в области отбора и набора персонала; определение направлений обучения персонала и разработка направлений его мотивации (табл.).

Таблица

Рекомендации по совершенствованию направлений использования результатов деловой оценки персонала ООО «Батимат»

Рекомендация	Характеристика
Корректировка кадровой политики в области отбора и набора персонала	Деловая оценка персонала позволит провести также оценку эффективности методов отбора и набора кадров, поскольку позволит составить мнение о наличии или отсутствии недостатков данной системы, исходя из характеристики уровня оценки уже набранных кадров, позволит выявить определенные закономерности между методов отбора и набора и наличием или отсутствием отрицательных характеристик принятого персонала
Определение необходимости и направлений обучения персонала	Уровень деловой оценки персонала в целом и каждого отдельного специалиста позволит определить уровень его профессиональной компетенции, дать характеристику ему как специалиста, позволит выявить его слабые и сильные стороны, на основании полученных данных будет составлен план обучения персонала по тем проблемным показателям, которые будут выявлены в ходе мероприятий деловой оценки
Определение причин неудовлетворительных оценок персонала	Деловая оценка персонала по разным направлениям позволит понять причины неудовлетворительных оценок, что даст возможность их дальнейшего исключения
Формирование кадрового резерва	Именно оценка деловых и личностных компетенций работника позволит сформировать кадровый резерв предприятия самостоятельно, из собственных сотрудников

Реализация данных направлений даст возможность наиболее широко и более профессионально оценивать именно деловые и личностные качества работников. При этом сам процесс оценки персонала перестанет быть формальным и приобретет черты научно-обоснованной процедуры.

1. Виханский, О.С. Менеджмент: человек, стратегия, организация, процесс. – 2-е изд. доп. / О.С. Виханский. – М.: Инфра-М, 2012. – 435 с.

2. Магура, М. Оценка работы персонала / М. Магура, М. Курбатова. – 2-е изд. – М.: Интел-Синтез, 2010. – 305 с.

3. Могилевкин, Е.А. Организация системы деловой оценки персонала в компании на основе современных технологий / Е.А. Могилевкин, А.С. Новгородцев // Управление человеческим потенциалом. – 2009. – № 1. – С. 54–65.
4. Одегов, Ю.Г. Управление персоналом, оценка эффективности / Ю.Г. Одегов.— М., 2010. – 116 с.
5. Селиверстова, А.В. Оценка персонала как инструмент реализации стратегии управления человеческими ресурсами / А.В. Селиверстова // Управление развитием персонала. – 2011. – № 2. – С. 34–38.
6. Столярова, В.А. Деловая оценка – инструмент управления эффективностью работы персонала / В.А. Столярова // Кадровый менеджмент. – 2009. – № 3. – С. 28–36.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ НАПРАВЛЕНИЯ И СПЕЦИАЛИСТА ПО ПОДБОРУ ПЕРСОНАЛА

Н.В. Ковтун, Ю.В. Шамахова, студентки

О.В. Горшкова

науч. рук., канд. социол. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

В настоящий момент фирмы перешли к активным методам поиска персонала. Компании стремятся привлечь в организацию как можно больше соответствующих требованиям соискателей. Происходит совершенствование процедур отбора и обучения. Раньше руководители выбирали работников без участия службы управления персоналом, полагаясь на свою интуицию, опыт, а также на рекомендации с прежнего места работы претендента. В случае ошибки подобранного сотрудника увольняли.

Процедуры отбора персонала раньше тоже проводились тщательно. Только в прошлом фирмы ограничивались оценкой качеств претендентов, которые обращались за работой по собственному желанию.

Руководитель любого уровня управления в своей деятельности выполняет следующие основные функции: планирование, организация, анализ, учет и контроль, регулирование. Однако с учетом места в системе управления и других факторов деятельность каждого руководителя можно детализировать на конкретные функциональные обязанности, которые отражаются в должностных инструкциях работников.

В условиях нынешнего производства и рыночной конкуренции «качество» человеческих ресурсов стало главным фактором выживания участвующих в мировой конкурентной борьбе фирм.

Линейные руководители и служба управления человеческими ресурсами также участвуют в организации отбора. В отборе на начальном и заключительном его этапах участие принимает руководитель. Ему принадлежит решающее слово при установлении требований к должности и выборе конкретного работника из числа отобранных службой управления человеческими ресурсами. Противопоставление прав и обязанностей линейных руководителей и специалистов службы управления человеческими ресурсами ошибочно.

Для закрытия должностей руководителей можно воспользоваться следующими способами: замещение опытными специалистами и руководителями, набранными вне организации, выпускниками вузов, подбираемыми вне организации, продвижение на вышестоящую должность внутри самой организации, сочетание продвижения с ротацией в рамках подготовки персонала.

Как только будут определены требования к занимаемой должности, то можно принимать правильные решения в области отбора. Только в этом случае характеристики кандидатов могут быть соизмерены относительно установленных нормативов.

Обучение персонала также является одной из функций руководителя обучения.

Своевременный анализ потребности в обучении различных категорий персонала поможет добиться эффективности обучения, который должен производиться систематически. Среди источников формирования потребности в обучении сотрудников можно выделить:

- изменения во внешней обстановке (рыночной, экономической, политической, правовой и т.д.);
- внутренние изменения в организации (изменение бизнес-плана, стратегии, структуры организации, ассортимента товаров и услуг и т.д.);
- изменение технологий (производственных, финансовых, маркетинговых,
- информационных и т.д.);
- изменение состояния сотрудников (перемещения, увольнения, повышения,
- изменение в распределении должностных обязанностей между сотрудниками).

К основным методам выявления потребности в обучении являются: анализ тестирования и результатов собеседования при приеме на работу новых сотрудников; анализируются результаты работы новых сотрудников в период адаптации, а так же анализ результатов оценки (аттестации) сотрудников, анкетирование и интервьюирование руководителей подразделений и сотрудников, наблюдается работа сотрудни-

ков; анализируются проблемы, мешающие эффективной работе; от руководителей подразделений и работников собирается и анализируются заявки на обучение; проходит организация работы с кадровым резервом, а также работа по планированию карьеры; изменения в работе, предъявляющие более высокие требования к квалификации персонала; анализ долгосрочных и краткосрочных планов организации и отдельных подразделений; кроме того анализируются решения руководителей фирмы; анализ изменений состояния персонала внутри компании [1].

В основном обучение в компаниях построено таким образом. Наибольшее внимание уделяется новым сотрудникам: первые две недели они проходят курс обучения, который направлен на ознакомление со специальностью и со стандартами работы и стратегическими целями компании. Далее в зависимости от занимаемой позиции, сотрудники проходят обучающие курсы, такие, как: проведение интервью, управление проектами (project management), межличностные коммуникации, эффективные продажи, управление проектами (project management) ведение переговоров, деловой английский язык и т.д. Выявление потребностей сотрудников компании в обучении происходит эпизодически, однако мнение сотрудников относительно проведения тех или иных тренингов всегда учитывается руководством.

Более того инициатива по поводу проведения того или иного тренинга может исходить как со стороны руководства, так и со стороны сотрудников, чему способствует открытая и дружелюбная корпоративная культура компании.

Наиболее важной ценностью современного предприятия являются: опыт, навыки и умения сотрудников, в конечном счёте, определяют успех или неудачу в любом виде деятельности. При подборе квалифицированной, инициативной, творческой команды, умелом распределении должностных обязанностей и стимулировании труда можно добиться значительного увеличения производительности и повышения качества конечного результата. В связи с этим большое значение приобретает вопрос в подборе и обучении персонала.

В свою очередь руководители тесно связаны со специалистами по подбору персонала, так как именно специалисты и руководители участвуют в принятии решений найма и подбора персонала. Поэтому далее рассмотрим функциональный анализ деятельности специалиста по подбору персонала.

По мере экономического развития и появления крупных организаций управление персоналом превратилось в особую функцию управления, требующую специальных знаний и навыков. В организациях были созданы специальные подразделения, состоящие из людей, обладающих такими знаниями и навыками – отделы человеческих ресурсов.

Спектр функциональных обязанностей специалиста по подбору персонала достаточно широк, от расстановки кадров в организации до обучения и повышения квалификации персонала [2].

Какими именно функциями наделить специалистов по подбору персонала – во многом зависит от руководства компании. Встречаются довольно крупные организации, где целый отдел персонала занимается исключительно подбором новых сотрудников, фактически работая как миниатюрное кадровое агентство.

Чем более «продвинутой» компания, тем больше значения она обычно придаёт работе с персоналом – и тем лучше заботится о своих сотрудниках.

Если рассматривать одну из главных функций менеджера по персоналу, то это непосредственно принятие кандидата на должность, которая начинается от заявки работодателя на вакантную должность, до принятия соискателя на работу. А между первым и последним шагом этой работы менеджер по персоналу обязан определить ресурсы и источники поиска кандидатов от заявок в газете или интернете до поиска рекомендаций, а также учитывать пожелания и требования работодателя к кандидату. Далее происходит отбор резюме, собеседование по телефону и личная встреча, которая может проходить в виде беседы для того чтобы узнать личные качества человека, чего он хочет получить от работы, его ожидания, интересы, уровень профессионализма и т.д. В каждой компании используют свои приемы и методы ведения интервью, наиболее распространенными из них являются **структурированное интервью, интервью по компетенциям, CASE-интервью** или **стресс-интервью**. Кроме традиционных методов отбора персонала, специалист по подбору персонала также может использовать нетрадиционные, такие, как brainteaster-интервью, физиогномика, шоковое интервью, соционику и т.д.

Специалист по подбору персонала обязан подготовиться к разговору с претендентом на вакантную должность и продумать структуру беседы исходя из требования вакансий и работодателя.

После того как было проведено собеседования следующим этапом отбора является тестирование, которое также имеет несколько вариантов, применяемых в зависимости от должности, на которую требуется сотрудник. Последний этап отбора персонала – это презентация выбранных кандидатов заказчику и контроль за выходом сотрудника на работу. Также одной из функций специалиста является последующая адаптация нового сотрудника в организации, в которую может входить наставничество и консультирование.

Так как постоянно внедряются новые технологии, техники, происходит рост коммуникационных возможностей, постоянно повышается уровень конкуренции, для организации наиболее эффективно и экономично повышение отдачи от уже работающих сотрудников на основе их непрерывного обучения, чем привлечение новых работников. Поэтому одной из функций специалиста по персоналу является обучение и повышение квалификации сотрудников. Для того чтобы определить потребность в обучении персонала менеджер должен:

- 1) использовать результаты оценки труда и персонала (аттестация персонала), выявляющие проблемы, с которыми сталкиваются работники;
- 2) проанализировать план технического обновления;
- 3) оценивать специфику общих программ подготовки, которую проходят студенты колледжей и университетов, приходящих на работу в организацию;
- 4) диагностировать средний уровень подготовленности новых сотрудников.

Через специалистов по персоналу реализуется кадровая политика организации, которая устанавливает цели и задачи управления, а также нормы и правила, которые определяют направления и содержания работы с персоналом.

Специалист по подбору персонала осуществляет важные функции в организации, поскольку от того какие сотрудники приняты в организацию, от их эффективности работы, зависит работа компании в целом, успех и преимущества компании перед ее конкурентами, а также получение большей прибыли.

1. Кибанов, А.Я. Управление персоналом организации / А.Я. Кибанов. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 638 с.

2. Кулагин, О.С. Справочник по управлению персоналом / О.С. Кулагин. – М.: Альпина Паблишер, 2011. – 214 с.

ИНТЕРВЬЮИРОВАНИЕ И АНКЕТИРОВАНИЕ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ ОТ ПЕРСОНАЛА

М.Н. Лысенко, студент

Е.А. Могилёвкин

науч. рук., канд. психол. наук, профессор

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Управленческое решение – достаточно распространенный механизм реализации труда руководителей. Принятие управленческого решения процесс сложный, многогранный, требующий определенных умений, навыков и квалификации.

В настоящее время наблюдается развитие вовлечения персонала в организацию принятием управленческих решений. Что обусловлено:

- формированием высокой степени лояльности со стороны персонала;
- возможностью повышения качества принимаемого решения;
- получением обратной связи.

Вообще процесс получения обратной связи от персонала должен быть инициирован именно руководством, т.к. в большинстве сам персонал сосредоточен на выполнении непосредственно возложенных на него обязанностей, что подразумевает его пассивность в данном вопросе.

Распространенными и достаточно простыми методами получения обратной связи являются интервьюирование и анкетирование.

Анкетирование – средство получения информации для социального обследования, применяется в социологических, социально-психологических, экономических, демографических исследованиях. При анкетировании каждому лицу из группы, выбранной для анкетирования, необходимо ответить на вопросы анкеты.

Интервьюирование – способ проведения опросов как целенаправленной беседы интервьюера и опрашиваемого. Интервью делятся на 2 вида: свободные и стандартизованные (формализованные) [1].

Главное отличие приведенных методов состоит в способе проведения – заочное (анкетирование) и очное (интервьюирование). Несмотря на это, данные методы в достаточной степени схожи, что позволяет организовывать их согласно приведенной ниже схеме (рис. 1).

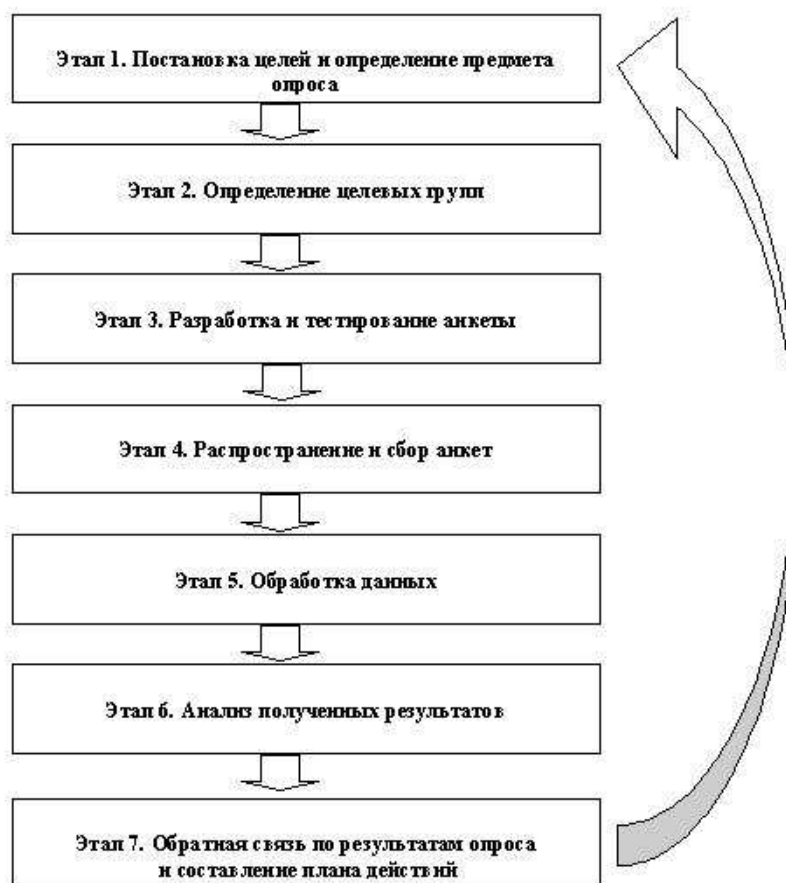

Рис. 1. Этапы проведения опросов на предприятии на примере анкетирования

Этапы, представленные на рис. 1, позволяют стандартизировать данное исследование, служа своеобразным чек-листом для руководства.

Первым делом руководству необходимо решить, какие задачи преследует анкетирование. В процессе принятия управленческих решений могут устанавливаться следующие задачи:

- выявить отношение персонала к предмету исследования;
- узнать мнение касательно искомой ситуации;
- составить управленческое решение.

Вторым этапом является определение целевых групп. Этим этапом нельзя пренебрегать, т.к. результаты исследования в таком важном вопросе, как управленческое решение напрямую связаны с компетентностью и квалификацией опрашиваемого персонала.

Третьим этапом является разработка анкеты. Она не должна включать лишних вопросов. Должна отвечать требованиям целевого назначения, полезности, лаконичности.

Четвертым этапом является распространение и сбор анкет. Данный этап различается для анкетирования и интервьюирования, при котором опрос проводится лично.

Пятый этап – обработка данных. На данном этапе проводится систематизация полученных данных, их группировка.

Шестой этап – анализ полученных результатов, заключается в составлении определенных выводов по результатам исследования:

- степень полезности исследования;
- степень соответствия полученных результатов назначению, ожиданиям;
- пригодность данных для построения управленческого решения [2].

Рассмотрим ситуацию принятия управленческого решения об открытии филиала.

Развитие предприятия характеризуется его ростом, расширением и как результатом – открытием новых филиалов. Однако в процессе развития важной задачей для руководства является недопущение хаотических ситуаций – таких как непонимание со стороны коллектива, соперничество между филиалами, отказ сотрудников участвовать в его развитии и т.д.

Способ преодоления данных явлений – это вовлечение персонала в деятельность.

Начальным этапом формирования управленческого решения в Вип Кид стало проведение анкетирования.

Цель – составить цель, миссию, назначение открываемого филиала, а также выявить отношение персонала к проектируемому филиалу в г. Находка.

Целевая группа: руководящий состав, менеджеры по продажам.

Анкета должна включать следующие вопросы:

- Ваше отношение;
- Какой вклад Вы хотели бы внести;
- Считаете ли Вы этот шаг полезным для компании / лично для себя;
- Какая форма организации филиала, на Ваш взгляд, более эффективна;
- Как должна быть организована работа в части взаимодействия с головным офисом.

Такая анкета помогает раскрыть отношение персонала, его степень вовлеченности и лояльности к компании.

Далее анкеты были распространены среди персонала, после сбора и систематизации данных, составлены результаты, которые представлены ниже.

На рисунке 2 представлена степень лояльности персонала оцененная по 10-балльной шкале.

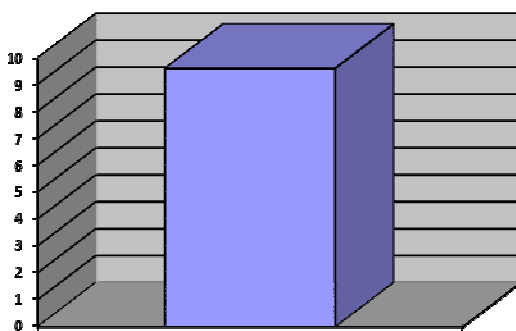

Рис. 2. Уровень лояльности персонала

Данный показатель свидетельствует о заинтересованности персонала в результатах, получаемых компанией, т.е. открытие филиала интерпретируется ими как собственные достижения. Налицо тот факт, что персонал оценивает себя частью общей команды.

На рисунке 3 представлены данные о степени вовлеченности персонала в процесс.

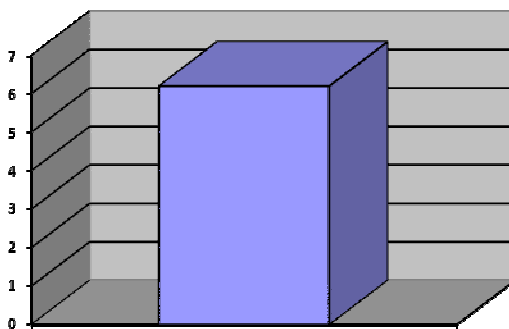

Рис. 3. Степень вовлеченности

Данные рисунка 3 свидетельствуют о пассивности почти половины сотрудников (из числа опрошенных). Причины такого результата могут крыться в:

- непонимании задач и целей предприятия;
- непонимании процессов;
- неготовности работать больше;
- неуверенности в своих силах;
- ощущении ненужности.

Исправить данную ситуацию возможно путем проведения общих собраний, разъясняя все связанные с открытием филиала моменты, определяя место в данном процессе для каждого.

Назначение филиала представлено на рис. 4.

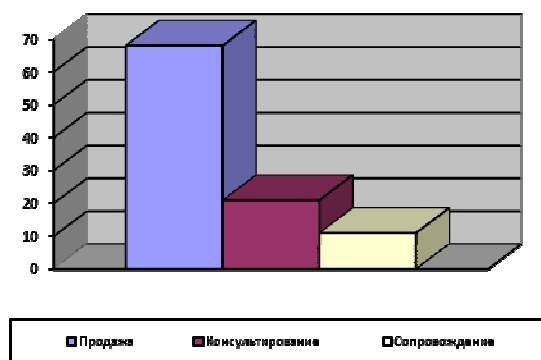

Рис. 4. Назначение филиала

Таким образом, большинство сотрудников считает, что филиал может осуществлять основной вид деятельности, 21% – что филиал должен взять на себя функции информационного центра, при этом продажи будут осуществляться через главный офис, 11% считают, что филиал должен обеспечить только сопровождение сделок, при этом опять-таки продажи будут осуществляться через главный офис. Такие результаты могут быть свидетельством того, что ряд сотрудников старается извлечь собственную выгоду (получая % за продажи), поэтому требуется дальнейший анализ ситуации.

Опрос сотрудников – это довольно эффективный инструмент, благодаря которому можно выявить проблемы и устранить их, проведя необходимые изменения. Улучшив ситуацию, организация может повысить результаты деятельности организации и уровень эффективности работников. У подобных исследований есть смысл лишь тогда, когда есть обратная связь, полученная от работников, и когда она переходит в конкретные действия.

Анкетирование и интервьюирование – мощный инструмент принятия решений, формирования лояльности персонала, мотивации.

1. Бабосов, Е.М. Управление персоналом / Е.М. Бабосов, Э.Г. Вайнолович, Е.С. Бабосова. – Минск: ТетраСистемс, 2012. – 288 с.

2. Кибанов, А.Я. Управление персоналом организации: учебник / А.Я. Кибанов, И.А. Баткаева, Е.В. Гурова и др.; под ред. А.Я. Кибанова; Гос. ун-т управления. – 4-е изд., доп. и перераб. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 695 с.

ДИАГНОСТИКА УРОВНЯ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ И ЛОЯЛЬНОСТИ ПЕРСОНАЛА

М.В. Марченко, Д.А. Замесина, студентки

З.В. Якимова

науч. рук., канд. психол. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

В литературе по управлению персоналом широкое распространение получила тема построения мотивационной среды на предприятиях различных отраслей. Многие методы и определения, ставшие классикой предмета управления персоналом, носят настолько теоретический характер, что их применение в условиях современной экономики становится неуместным. При этом мотивация персонала является одним из способов повышения производительности труда. Мотивация труда персонала считается ключевым направлением кадровой политики любого предприятия [2].

Реализуя это «ключевое направление», предприятие проходит несколько этапов по построению системы управления мотивацией (рис.).

Рис. Этапы построения системы мотивации [1]

В функционировании системы мотивации на предприятии исследователями данной проблемы особое внимание уделяется роли руководителя. Именно значимость последнего в работоспособности системы определяет отводимую ему роль в представленной схеме.

Следующим элементом системы мотивации является разработанный план. Это документ, в котором прописаны способы сближения целей каждого отдельного сотрудника с целями организации. Наличие документированной системы мотивации персонала – признак зрелости и стабильности организации, однако не является критерием оценки ее эффективности.

Последняя составляющая системы мотивации – инфраструктура мотивационной системы, которая включает в себя:

- ресурсы;
- положения;
- корпоративная культура.

Данные инфраструктуры создают предпосылки для функционирования системы мотивации.

Представленные составляющие являются обязательным условием для того, чтобы возможно было говорить о наличии системы мотивации на предприятии, диагностировать систему управления мотивацией. Процесс разработки таковой системы представлен несколькими этапами, поэтому если предприятие находится в процессе построения системы заниматься диагностикой ее управления нецелесообразно.

Мотивация сотрудников – это еще и возможность воспитания лояльных кадров. Лояльность – приверженность работников организации, всецелое и всестороннее разделение ее целей, миссии и видения. Такая приверженность является психологическим состоянием, определяющим ожидания работника, его потребности и установки.

Определение уровня лояльности персонала – задача не сложная. Более глобальная и содержательная проблема в рамках диагностики системы мотивации – выявление ее уровня. Управление лояльностью – процесс неразрывно связанный с построением системы мотивации [4].

Помимо наличия системы управления мотивацией необходимым условием эффективности системы является соответствие последней концепции деятельности организации, т.е. стратегия мотивационного управления должна вписываться в общую стратегию деятельности организации. Направленность системы мотивации труда должна соответствовать стратегии кадрового управления. Стратегическая система оптимальной мотивации труда должна учитывать стадию, на которой находится организация: становление, функционирование, развитие и внешние ограничения системы оптимальной мотивации труда (правовую, экономическую, социальную, политическую среду, а также факторы технологического развития отрасли, экологические и социокультурные факторы) [3].

Исходя из вышеприведенных данных сформулируем следующий подход к диагностике системы управления мотивацией на предприятии:

- оценка должна состоять из нескольких этапов начиная с ответа на вопрос о существовании системы мотивации, заканчивая анализом системы ее управления;
- при высокой эффективности управления системой мотивации на предприятии будет высока и эффективность отдельных элементов системы;
- диагностика системы управления мотивацией должна включать, помимо экспертной оценки ее состояния, оценку работниками (выявляется при помощи анкетирования, опросов, контрольных листков и др. методов).

Диагностика мотивации – это система аналитических мероприятий, направленных на определение наличия и уровня мотивации субъекта исследования, а также обнаружение отклонений и причин таких отклонений [2].

Диагностика системы управления мотивацией проведена на предприятии ООО «ПЕК». Сфера деятельности предприятия – общественное питание в формате бара. Предприятие общественного питания – предприятие, предназначенное для производства кулинарной продукции, мучных кондитерских и булочных изделий, их реализации и организации потребления.

Функционируют два предприятия, при этом организация имеет в составе общий административный персонал.

Персонал предприятия условно разделен на персонал контактной зоны и неконтактной зоны. На предприятии работает 69 человек. Можно отметить многообразие трудовых функций, выполняемых определенными работниками, что в значительной степени определяет необходимость ведения системы управления мотивацией на предприятии.

Для диагностики системы управления мотивацией был применен метод экспертных оценок, на его основании составлена матрица SWOT-анализа системы. Оценены сильные, слабые стороны.

Сильные стороны:

- 1) четкое разграничение функций, выполняемых работниками;
- 2) прозрачность ответственности персонала;
- 3) высокая квалификация административного персонала.

Слабые стороны:

- 1) отсутствие системы поощрений;
- 2) высокая текучесть линейного персонала;
- 3) неочевидность связи вклад-результат для персонала;
- 4) отсутствие стратегии в области мотивации.

Возможности:

- 1) создание конкурентоспособной системы мотивации;
- 2) более высокое качество услуг за счет лучшей работы персонала;
- 3) благоприятный имидж организации.

Угрозы:

- 1) более слабая кадровая политика по сравнению с конкурентами;
- 2) недобор персонала;
- 3) приход низкоквалифицированного персонала.

Таким образом, можно говорить лишь о развитии базисных подсистем мотивации, что выражается в наличии положений об:

- ответственности персонала;
- четком разграничении трудовых функций.

Однако при этом отсутствуют главные составляющие системы мотивации – премирование, нематериальных методов стимулирования, корпоративной культуры. К тому же не пройден ни один из этапов построения системы мотивации, не сформулированы цели системы.

В результате проведенной диагностики был сделан вывод об отсутствии системы мотивации персонала в ООО «ПЕК», что характерно для молодых организаций. На основании полученных данных рекомендуется:

- провести анализ мотивации с использованием таких методов исследований, как анкетирование персонала;
- на основании данных сформулировать цели системы мотивации;
- принять решение о необходимости проведения обучения административного персонала в части мотивации и при положительном результате организовать с привлечением сторонних организаций;
- разработать план;
- создать необходимые ресурсы, положения для функционирования системы.

Поэтапное проведение данных мероприятий позволит развить качественную и эффективную систему мотивации.

1. Минасян, С.С. Мотивация персонала / С.С. Минасян // Молодой ученый; гл. ред. Г.Д. Ахметова. – М., 2014. – С. 401–403.

2. Словарь экономических терминов / науч. ред. Б.А. Райзберг. – М.: Айрис-пресс, 2010. – 387с.

3. Радченко, Л.А. Организация производства на предприятиях общественного питания [Электронный ресурс] / Л.А. Радченко, Туристский портал. Режим доступа: http://tourlib.net/books_tourism/radchenko2-1.htm

4. Фаррахов, А.Г. Менеджмент / А.Г. Фаррахов. – СПб.: Питер, 2014. – 352 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОТДЕЛА ПРОТОКОЛА АППАРАТА ГУБЕРНАТОРА АДМИНИСТРАЦИИ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

И.С. Михайлов, студент

А.С. Новгородов

науч. рук., ст. преподаватель

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Говоря об управлении персоналом, сразу задумываешься об его основных принципах, а именно о приеме на работу, оценке, повышении и естественно высвобождении. Но зачастую во многих российских организациях все это, к сожалению, происходит на интуитивном уровне и только высвобождение, к счастью основывается на Трудовом кодексе. Главным подспорьем на всех этих этапах для избежания кадровых ошибок и демонстрации прозрачности всех кадровых операций для самих сотрудников являются модели компетенций.

Для того чтобы разобраться, что же это такое модели компетенций, нужно разобраться в основных принципах и понятиях. Компетенция – это личностная способность сотрудника решать определённый класс профессиональных задач. Также под компетенцией понимают формально описанные требования к личностным и профессиональным качествам сотрудников компании.

Различают следующие виды общепринятых компетенций:

1. Учебно-познавательная компетенция – это совокупность умений и навыков познавательной деятельности. Владение механизмами целеполагания, планирования, анализа, рефлексии, самооценки успешности собственной деятельности. Владение приемами действий в нестандартных ситуациях, эвристическими методами решения проблем. Владение измерительными навыками, использование статистических и иных методов познания.

2. Информационная компетенция – это способность самостоятельно искать, анализировать, отбирать, обрабатывать и передавать необходимую информацию.

3. Коммуникативная компетенция – это владение навыками взаимодействия с окружающими людьми, умение работать в группе. Знакомство с различными социальными ролями.

Модель компетенций – это набор компетенций, необходимых для успешного выполнения данной работы в данной организации. Модель компетенций может включать в себя самые различные знания, умения, навыки и индивидуально-личностные характеристики. Основное требование, которое к ним предъявляется, – они должны быть описаны в форме индикаторов поведения [2].

Нашей основной задачей является разработка моделей компетенций для сотрудников отдела протокола аппарата Губернатора Администрации Приморского края. Ведь это немаловажно, чтобы сотрудники данного отдела грамотно выполняли свои функции, так как от работы данных госслужащих зависит, сможет ли выполнять свои функции Губернатор.

Разработать модели компетенций сразу невозможно, для начала нужно понять функционал сотрудников отдела и выбрать методики, по которым будут создаваться эти модели.

Функции отдела протокола выглядят следующим образом:

1. Принятие мер по созданию необходимых условий в целях обеспечения деятельности Губернатора Приморского края по осуществлению им своих функций и полномочий высшего должностного лица Приморского края.

2. Подготовка во взаимодействии с органами исполнительной власти Приморского края, структурными подразделениями аппарата Губернатора Приморского края, аппарата Администрации Приморского края проектов правовых актов Губернатора Приморского края, Администрации Приморского края, проектов иных документов, необходимых для протокольно-организационного обеспечения мероприятий с участием Губернатора Приморского края и его супруги.

3. Участие в подготовке и согласовании программ и материалов, а также протокольное сопровождение официальных, деловых визитов и рабочих поездок по Приморскому краю и в субъекты Российской Федерации Губернатора Приморского края и его супруги.

4. Участие в приеме в Приморском крае подготовительных и передовых групп, осуществляющих организацию и обеспечение визитов официальных делегаций, в ходе которых планируются мероприятия с участием Губернатора Приморского края и его супруги;

5. Участие в подготовке и протокольном обеспечении мероприятий, связанных с приездом в Приморский край Президента Российской Федерации, руководителей федеральных органов государственной

власти Российской Федерации, иных федеральных государственных органов, а также по поручению Губернатора Приморского края, руководителей организаций.

6. Взаимодействие с департаментом международного сотрудничества и туризма Администрации Приморского края, другими органами исполнительной власти Приморского края, соответствующими структурными подразделениями аппарата Администрации Приморского края и организациями при подготовке и реализации комплекса мероприятий с участием Губернатора Приморского края и его супруги в ходе поездок за рубеж, визитов в Приморский край делегаций и представителей иностранных государств и международных организаций.

7. Согласование форматов и протоколно-организационное обеспечение массовых и иных мероприятий с участием Губернатора Приморского края и его супруги.

8. Оформление в установленном порядке поручений Губернатора Приморского края и обеспечение совместно с контрольным управлением аппарата Администрации Приморского края контроля за исполнением поручений.

9. Обеспечение учета и хранения подарков и сувениров, вручаемых Губернатору Приморского края [3].

Исходя из данного функционала наиболее подходящие методы для разработки моделей компетенций для сотрудников отдела протокола:

1. Работа с группой экспертов

В роли экспертов могут выступать руководители, лучшие сотрудники или сторонние эксперты. Группа экспертов в процессе обсуждения определяет личные характеристики сотрудников, необходимые для выполнения работы на минимально приемлемом и высшем уровнях.

2. Библиотеки компетенций

Использование библиотек компетенций обеспечивает сбор большого количества данных для статистического анализа в короткие сроки. Однако данные таких библиотек и сборников ограничены и поэтому при их использовании зачастую упускаются компетенции, которые не были включены в сборник его составителями. Библиотеки не дают возможности выявить новые компетенции или предоставить подробную информацию о нюансах компетенций. Библиотеки компетенций зачастую используются как вспомогательный источник информации, позволяющий дополнить создаваемый профиль компетенций новыми компетенциями, которые не удалось зафиксировать на других этапах разработки профиля.

3. Анализ рабочей задачи

Сотрудники или наблюдатели очень подробно перечисляют каждую задачу, функцию или действие, которые совершает работник во время выполнения работы. Данный метод дает очень подробные описания работы, полезные для анализа некоторых компетенций при разработке профиля компетенций. Например, спецификация технических заданий, требуемых в работе, может использоваться для того, чтобы установить когнитивные навыки, нужные для работы.

4. Прямое наблюдение

За сотрудниками, выполняющими рабочие задачи, производится наблюдение с письменной фиксацией индикаторов поведения, которые они демонстрируют при выполнении этих задач. Это хороший способ определить или проверить компетенции, предложенные группами экспертов, при обзорах или в интервью по получению поведенческих примеров. Однако этот метод дорог и неэффективен для первичного сбора поведенческих примеров.

5. Метод 360 градусов

Оценка методом 360 градусов – предоставляет обратную связь о результатах деятельности человека с разных точек зрения, обеспечивая понимание того, как может быть повышена эффективность работы.

Применение метода оценки 360 градусов подразумевает не только построение рекомендаций личностного развития отдельно взятых сотрудников, но и позволяет компании выработать стратегию по формированию кадрового резерва и оценить необходимость вложений в развитие профессиональные навыки персонала [1].

В данном конкретном случае мы решили, что наиболее эффективными и менее затратными в плане времени и средств будут использованы методы: анализ рабочей задачи, прямое наблюдение, метод 360 градусов. Что позволит без привлечения дополнительных специалистов опросить самих сотрудников отдела и всех тех, кто взаимодействует с ними и совместными усилиями провести анализ необходимых компетенций.

Главной задачей данной работы является внедрение данных моделей компетенций и увеличение работоспособности самого отдела за счет создание понятной структуры функций управление персоналом.

1. Как оценить компетентность сотрудника [Электронный ресурс]// HR-Portal // Режим доступа: <http://www.hr-portal.ru/article/kak-ocenit-kompetentnost-sotrudnika?page=1>

2. Виды компетенций [Электронный ресурс] // Академик // Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1309261>

3. АДМИНИСТРАЦИЯ ПРИМОРСКОГО КРАЯ ПОСТАНОВЛЕНИЕ 24 апреля 2013 года № 155-па «Об утверждении Положения о департаменте организационной работы аппарата Администрации Приморского края» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации Приморского края и органов исполнительной власти Приморского края . Режим доступа: <http://primorsky.ru/authorities/administration-staff/organizational/statement.php>

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ТРУДА ПЕРСОНАЛА

В.М. Свиридова, студентка

З.В. Якимова

науч. рук., канд. психол. наук, доцент

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

г. Владивосток

Оценка результативности труда – важная часть процесса управления персоналом и человеческими ресурсами, с помощью которой организация определяет, насколько эффективно работник выполняет свою работу. Эта процедура приемлема и к служащим, и к инженерно-техническим работникам, и к работникам сферы управления. Но для того, чтобы процедура оценки результативности труда была эффективной, она должна включать следующие обязательные ступени:

- 1) установить «стандарты» результативности труда для каждого рабочего места;
- 2) установить процедуру оценки результативности труда (когда, сколько часто и кто проводит оценку, критерии и методы оценки);
- 3) побуждение лиц, проводящих оценку, на то, чтобы собирать информацию результативности труда работников;
- 4) обсудить результаты оценки с работником;
- 5) принятие решений и документирование оценки.

Проанализированы практические проблемы, возникающие при оценке результативности труда работников:

- а) недостатки самих систем оценки и трудностей использования;
- б) проблемы с лицами, проводящими оценку;
- в) проблемы оцениваемых работников.

Описана процедура проведения беседы с работником по поводу оценки результативности его труда.

Для того чтобы давать информацию, необходимую для задач организации, система оценки результативности труда должна обеспечивать точные и достоверные данные. При однородной системе возможность получить достоверные и точные данные становится выше. Были выделены пять ступеней, которые обеспечивают основу для такого системного процесса:

- 1) выявить стандарты результативности труда для каждого рабочего места и критерии ее оценки;
- 2) выявить когда, как часто и кому следует проводить оценку;
- 3) наделить определенных лиц полномочиями производить оценку результативности труда;
- 4) обсудить оценку с работником;
- 5) принять решение и описать оценку.

Работники оцениваются по специальным показателям, которые называются критериями оценки. Сюда относятся качество выполняемой работы, количество и ценностная оценка является то, что оцениваться должны не личности, а результативность их работы.

Для оценки результативности труда необходимо довольно большое количество критериев. Нужно предусматривать оценку как объемов работы, так и ее результатов.

Одна из серьезных проблем является получения взвешенной оценки из различных критериев. Если задачей будет повышение результативности труда на рабочих местах, то критерии должны непосредственно относиться к результативности труда. Предпочтения, которые отдаются тем или иным критериям, определяются тем, для решения каких конкретных задач используются результаты оценки.

Оценку результативности труда следует проводить на некоторые произвольные даты или же всех работников оценивать на одну и ту же дату.

Более разумным представляется назначение оценки на дату окончания работы по каждой отдельной задаче. Исследователи выяснили, что чем меньше сообщаются работнику результаты оценки, тем больше результатов она дает [2].

Одной из причин, почему на ряде фирм сопротивляются введению оценок, является то, что они создают определенный стресс, — в особенности, если лицо, проводящее оценку, не особенно доверяет данной системе.

Наиболее удачной является оценка подчиненных их руководителем. Так как это человек с опытом и определенным багажом знаний, поэтому персонал прислушивается и старается выполнить по максимуму свою работу.

Чтобы сделать шкалу оценок более эффективной, персоналу, производящему оценку, дается более четко разграниченное описание проявления той или иной черты характера. Например, характеристика инициативности работника дается в трех вариантах:

1) он всегда сам берет инициативу, и начальнику не приходится как-то побуждать его;

2) он проявляет инициативу, но все же иногда начальнику приходится подталкивать его, чтобы он закончил свою работу;

3) он сидит и ждет указаний.

Наиболее худшей является последняя характеристика, таких работников можно и не оценивать, результат виден на лицо.

Также можно выделить некоторые методы оценки:

Описательный метод оценки. При описательном методе оценки лицу, производящему оценку, нужно описать преимущества и недостатки поведения работника.

Метод оценки по решающей ситуации. При использовании этого метода специалисты по управлению персоналом готовят список описаний «верного» и «неверного» поведения работников в отдельных ситуациях. Затем специалисты распределяют эти описания в рубрики в зависимости от характера работы. Метод оценки по решающей ситуации наиболее часто используется в оценках, выносимых руководством, а не подчиненными.

Анкеты и сравнительные анкеты. Анкета представляет собой перечень вопросов. Одной из модификаций анкеты является сравнительная анкета. Контролеры или специалисты по управлению персоналом, готовят большой список описаний правильного и неправильного поведения (аналогично методу оценки по решающей ситуации). Оценщики, которые наблюдают за выполнением работы, располагают эти описания по шкале «отлично» до «очень плохо». Когда приходят к общему мнению относительно одного пункта, то его включают в сравнительную анкету. Результатом является прежний рейтинг всех оценщиков до использования анкеты.

Метод классификации. В случае, когда используют метод классификации лицо, проводящее оценку, должно распределить работников поочередно, от самого достойного до худшего, по общему критерию. Это может стать сложной задачей, если группа работников превосходит 20 человек. Кроме того, гораздо проще определить лучшего и худшего работников, чем ранжировать работников со средними показателями. Выход может быть найден применением метода альтернативной классификации. Лицо, проводящее оценку, сперва отбирает самого достойного и худшего работников, затем отбирает следующих за лучшим и худшим и, таким образом, доходит до середины.

Сравнение по парам. Такой подход делает метод классификации проще и достовернее. Имена оцениваемых работников пишутся на отдельные карточки в определенном порядке – чтобы каждый оцениваемый сравнивался с остальными. Затем лицо, которое проводит оценку, помечает карточку с именем человека из каждой пары, который, как считает оценщик, лучше по тому или иному определенному критерию, скажем, по общей способности выполнять данную работу. Отмечается количество раз, когда работник оказывался лучшим в своей паре, и далее результаты обобщаются в виде индекса, основанного на количестве «предпочтений» по сравнению с общим количеством оцениваемых работников. Данный метод можно использовать при оценке руководством, коллегами и подчиненными [1].

Результаты исследований показывают, каждый из этих методов в той или иной ситуации результативен, а иногда – совершенно неприменим. Самое главное при этом – не сами методы, а их формы использования. Оценщики, которые не прошли подготовки, или лица, не имеющие ни желания, ни таланта, могут провалить любой метод. Таким образом, при разработке эффективных систем оценки результативности труда большее значение имеет лицо, которое производит оценку, а не метод.

1. Инструменты оценки эффективности работы по управлению персоналом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hr-portal.ru/article/instrumenty-ocenki-effektivnosti-raboty-po-upravleniyu-personalom>

2. Митина, О.В. Применение системы показателей оценки результатов деятельности в системе оплаты труда для достижения стратегических целей вуза / О.В. Митина О.В., И.А. Бедрачук // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2012. – № 5(18). – С. 77–86.

НАСТАВНИЧЕСТВО КАК МЕТОД АДАПТАЦИИ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ

И.В. Шкодик, студентка

З.В. Якимова

науч. рук., канд. психол. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Каждый человек при устройстве на новую работу вынужден адаптироваться не только к новым должностным обязанностям, но и к коллективу, сложившимся в организации правилам и нормам поведения. Адаптация персонала на рабочем месте является важнейшей составляющей кадрового менеджмента. По определению, адаптация персонала – это приспособление работников к содержанию и условиям трудовой деятельности и непосредственной социальной среде. Для того чтобы повысить эффективность адаптации сотрудника к новым для него рабочим условиям целесообразно использовать такой мощный инструмент, как наставничество.

Наставничество – это процесс, в котором один человек (наставник) ответствен за должностное продвижение и развитие другого человека («новичка» или наставляемого) вне рамок обычных взаимоотношений менеджера и подчиненного.

Наставничество является одним из самых старых и наиболее эффективных способов передачи знаний и навыков молодым сотрудникам предприятий в процессе их адаптации в новом коллективе. При работе с новыми кадрами наставничество носит характер постоянного метода обучения сотрудников непосредственно на рабочем месте.

Сам процесс обучения проходит непосредственно в коллективе организации, в качестве рабочих примеров по обучению выступают профессиональные задачи и обязанности, которые возложены на нового работника, и который решает поставленные задачи под руководством опытного специалиста, т.е. его наставника. Наставники работают с новыми кадрами, уровень знаний и подготовки которых, может быть очень широк и разнообразен. Так, новый сотрудник может иметь за спиной немалый профессиональный опыт и большой объем знаний, или же, наоборот, частичное или полное отсутствие профессиональных навыков и умений. Работники с солидным профессиональным опытом, попадая в новую организацию, также работают с наставником, но им помогают лишь адаптироваться на новом рабочем месте, оценить специфику и особенности работы компании, и освоиться в корпоративной культуре компании [2].

Система наставничества помогает новым людям быстро и легко приспособиться к новым условиям, а также позволяет их опытным коллегам приобрести опыт руководства, что является для них мотивирующим фактором. Самое главное преимущество заключается в том, что данная система ускоряет процесс внедрения новых сотрудников в компанию и повышает эффективность их работы за минимально короткое время.

Следует отметить, что наставничество может применяться не только к вновь принятым в организацию работникам, но и к уже работающим в компании сотрудникам, квалификацию которых по различным причинам необходимо изменить. Например, при переходе специалиста из одного структурного подразделения в другое, при повышении сотрудника в должности и т. д.

Различают индивидуальную форму наставничества (один наставник – один ученик) и групповую форму (один наставник – много учеников).

Наставниками в организации могут выступать:

- 1) самые опытные сотрудники, проработавшие в организации долгое время, готовые передавать свои знания, навыки и опыт работы, а также заинтересованные в этом;
- 2) сотрудники, готовые продвинуться по карьерной лестнице. В этом случае важно то, что они сумели показать отличные результаты и рост за определенный период работы. Они могут рассматриваться в качестве кандидатов на должность наставника, но перед этим необходимо проверить, как они взаимодействуют с подчиненными, насколько адекватно эта деятельность [1].

Роль наставника в процессе адаптации заключается в следующем:

- помощь сотруднику в понимании и принятии своего нового статуса в организации;
- освоение новых норм поведения;
- ознакомление с корпоративными ценностями организации;
- помощь в налаживании и поддержании взаимоотношений с коллективом;
- помощь сотруднику в формировании профессиональных навыков, необходимых для выполнения его функциональных обязанностей и т.д.

В обязанности наставника также входит определение целей на период испытательного срока, подведение итогов по его завершении и принятие решения о его прохождении. Для подведения итогов о прохождении испытательного срока наставник должен встретиться со своим подопечным и проанализировать, были ли достигнуты поставленные цели и если нет, то почему. В компаниях, где принят более

формализованный подход, наставник по итогам встречи заполняет специальную анкету. Подписывая ее, сотрудник знакомится с результатами оценки прохождения испытательного срока, то есть получает первую формальную обратную связь [1].

В процессе передачи опыта наставник выступает в трех ролях: как руководитель, как коммуникатор и как «научатель».

Для этого требуется:

1. Как руководителю – уметь планировать свою деятельность, ставить задачи обучаемому, мотивировать его и контролировать результативность обучения.

2. Как коммуникатору – уметь доносить информацию до сотрудника на понятном ему языке, уметь слушать и слышать.

3. Как «научателю» – уметь учитывать особенности обучения взрослых и этапы формирования навыка, умело пользоваться инструментом конструктивной обратной связи [3].

Метод наставничества может быть ориентирован на выполнение следующих значимых для организации задач:

1. Улучшение качества подготовки новых и опытных сотрудников в соответствии со стандартами и нормами, принятыми в организации.

2. Быстрое освоение корпоративной культуры, формирование позитивного отношения к работе и, как следствие, лояльности к компании происходит за счет внимательного отношения к новичкам и создания для них ситуаций успеха.

3. Внедрение корпоративных стандартов и обеспечение их преемственности, т.к. наставники изначально демонстрируют своим подопечным одобряемые стандарты поведения.

4. Предоставление наставникам возможностей карьерного роста. В данном случае имеется в виду горизонтальное развитие карьеры, когда обогащается труд сотрудника в рамках его должности. При этом успешный наставник вполне может входить в число кадровых резервистов на замещение вакантной руководящей позиции.

5. Снижение текучести персонала и связанных с этим процессом финансовых проблем. В первую очередь речь идет об испытательном сроке, т.к. известно, что увольнения стажеров часто связаны с недостаточным вниманием к новичкам и, соответственно, некачественной их подготовкой. Также грамотно организованная система наставничества может являться способом профилактики эмоционального «выгорания» у опытных сотрудников: осуществление функций наставника создает ощущение значимости и полезности труда, наполняет новым смыслом деятельность сотрудника-профессионала.

6. Формирование сплоченного грамотного коллектива за счет включения в адаптационный процесс опытных сотрудников компании.

7. Рост производительности труда. Было замечено, что наставники стараются работать лучше, т.к. на них смотрят новички, берут с них пример, а это, в свою очередь, стимулирует повышение результативности работы [4].

Исходя из выше перечисленных задач можно сделать вывод о том, что любой организации непременно выгодно внедрять и развивать наставничество. Данная система направлена на достижение различных целей организации, значимых с практической точки зрения.

Таким образом, среди управленческих методов адаптации персонала большой популярностью пользуется наставничество. Оно позволяет быстро и эффективно решать проблемы, связанные с обучением новых сотрудников и адаптацией всего персонала в целом. Важное преимущество наставничества – является экономически выгодным способом адаптации, простота в использовании, и возможность незамедлительного применения.

1. Вихарева, И.С. Наставничество как эффективный метод управления торговым персоналом / И.С. Вихарева // Управление продажами. – 2012. – № 6. – С. 346–350

2. Наставничество как элемент системы развития персонала в компании [Электронный ресурс] / Тренинговая компания Бизнес Партнер. Режим доступа: <http://www.training-partner.ru/staty/nastavnichestvo-kak-element-sistemy-razvitiya-personala-v-kompanii.html>.

3. Наставничество [Электронный ресурс] / Уголок HR-специалиста. Режим доступа: <http://planetahr.ru/publication/3065.html>.

4. Эффективное наставничество [Электронный ресурс] / Naim.ru – Рекрутмент будущего. Режим доступа: http://www.naim.ru/nodes/Эффективное_наставничество

4.3. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ВУЗЕ

АКТУАЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ СРЕДИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

В. Басенко, студент

Е.Ю. Княшко

науч. рук., канд. полит. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

В настоящее время проблема качественного и актуального образования стоит перед каждым человеком, который хочет занять достойное место среди нашего общества. Многие хотят быть востребованными специалистами и достичь высокие цели, которые помогут им реализовать себя. И правда, мы уже не можем провести границу между самоактуализацией и образованием – это стало единым целым.

Какими средствами пользуется современный человек для достижения этих целей? Чем он руководствуется, выбирая дальнейший путь развития? И самое главное: насколько самодостаточна и современна платформа российского образования, чтобы обеспечить достойное будущее тем людям, которые выберут ее в качестве инструмента достижения своих целей?

Вот главные вопросы, ответы на которые мы пытались найти и раскрыть в нашем социологическом исследовании.

Цель настоящего исследования: изучить проблемы актуальности российского образования, а также различия в мировоззрении студентов разного пола и из разных стран.

Материалы и методы исследования. Исследование проводилось методом опроса в форме анкетирования среди иностранных студентов ВГУЭС и ДВФУ г. Владивостока по следующим вопросам:

- Почему вы выбрали российский вуз для получения образования?
- Чем вы руководствовались, выбирая свою специальность?
- Устраивают ли вас условия проживания/питания/обучения?
- Дайте оценку эффективности российского образования.
- Дайте оценку эффективности преподавания.
- Дайте оценку отношения других студентов к вам.
- Какое ваше мнение о качестве образования в России (за время пребывания в вузе)?
- Хотели бы вы остаться жить и работать в России?

Работа со студентами осуществлялась на добровольной основе и анонимно. Респондентам была дана возможность высказать свое мнение по вышеуказанным вопросам после первого года обучения. Для наглядности исследования мы разделили опрашиваемых на две группы по половому признаку – мужчины и женщины. В общей сложности мы опросили 50 человек в период с 02.04.2014 по 05.05.2014.

Статистическую обработку полученных результатов проводили с помощью пакета статистического анализа Microsoft Excel.

Результаты и обсуждение

Исходя из полученных результатов исследования видно, что большая часть иностранных студентов считают российское образование актуальным. В вопросах, где был предоставлен вариант ответа «другое», мы предложили указать, какова была причина выбора именно этого ответа, таким образом большинство студентов проигнорировали данное место для ответа, а несколько написали, что сделали свой выбор по совету друга или преподавателя иностранного вуза. Все ответы респондентов мы представили в виде таблиц, указанных ниже.

Таблица 1

Показатели выбора российского вуза для получения образования.

Пол	По собственному желанию	По желанию родителей	Нравится система образования РФ	Другое
Мужчины	22%	20%	20%	10%
Женщины	10%	2%	16%	-

Показатели мотива выбора специальности.

Пол	По собственному желанию	По желанию родителей	Актуальность профессии	Другое
Мужчины	22%	10%	32%	6%
Женщины	16%	8%	6%	-

Таблица 3

Показатели мнения о качестве образования

Пол	Позитивное	Негативное	Нейтральное
Мужчины	52%	6%	14%
Женщины	18%	2%	8%

Также большинство студентов устраивают условия питания и проживания. Их число составило 87% от опрашиваемых, в то время как 13% неудовлетворенных предоставленными условиями составили только мужчины. Основными замечаниями были: низкое качество воды и ассортимент предлагаемой пищи. И лишь малая часть студентов ответили положительно на вопрос о дальнейшем проживании на постоянной основе и небольшая часть (примерно 36%) написали о желании жить и работать в России дальше.

Для подсчета данных об эффективности образования и преподавания в российских вузах мы предложили респондентам оценить эти факторы по 10-балльной шкале.

Таковы были результаты: одну треть иностранных студентов действительно не устраивает качество образования, в то время как две трети довольны как уровнем образования, так и преподаванием. При этом большинство отметили уровень образования на 7–8 баллов, а преподавания – на 8–10 баллов.

В дополнение можно сказать и о высокой оценке отношения русских студентов к иностранным. Большинство опрашиваемых отметили этот фактор выше 6 баллов.

Мероприятия для повышения интереса к российскому образованию и адаптации иностранных студентов во время обучения.

Для привлечения большего количества иностранных студентов и поднятия престижа российского образования не только среди иностранцев, но и среди русских студентов мы предлагаем следующие мероприятия:

- создание межнациональных клубов в каждом университете, для общения в неформальной обстановке студентов из разных стран;
- бесплатные курсы знакомства студентов с русской культурой. Причем их посещение не ограничивалось бы иностранными студентами, такие курсы были бы полезны для тех, кто хочет узнать свою родную культуру ещё ближе;
- увеличивать количество международных совместных программ и грантов, по которым иностранные студенты могут приехать к нам;
- предложить русским студентам курировать иностранных, которые изучают иностранные языки и интересуются культурой зарубежных стран, для помощи освоения и адаптации в российских вузах.

После проведения данного исследования можно сказать, что российское образование развивается довольно быстрыми темпами и завоевывает все больше признания у иностранных студентов, но все же ему предстоит еще долгое развитие до того момента, когда его можно будет назвать лучшим.

ПОДБОР ПЕРСОНАЛА КАК КАДРОВАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В МОЛОДЁЖНОМ ЦЕНТРЕ

Н.В. Василевский, студент

Е.А. Могилёвкин

науч. рук., канд. психол. наук, профессор

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Для эффективной деятельности любой организации необходимы высококвалифицированные специалисты.

Высококвалифицированный работник имеет соответствующее образование, стаж работы по специальности, ответственен к выполнению порученной ему работы, а также стремится постоянно повысить свое образование и навыки работы [6].

Таких специалистов возможно найти именно с помощью подбора персонала. Подбор персонала является необходимой функцией службы управления персоналом и от его качественного выполнения зависит эффективная деятельность организации.

Специалисты отдела кадров при подборе персонала используют различные методики для исследования качеств, которые необходимы для выполнения работы по данной специальности.

Однако полностью понять качества человека при подборе персонала, возможно только при выполнении работы. Для этого и устанавливается в организациях испытательный срок.

Для того чтобы найти специалиста, который необходим фирме, нужно составить перечень требований, предъявляемых к нему, и действий, которые он должен будет выполнять. Данные требования зависят от спецификации деятельности фирмы, особенностей производства продукции или выполнения услуг, а также от специалиста по подбору персонала и от руководства. Не рекомендуется выдвигать много требований к потенциальному работнику [1].

Требования к вакантной должности могут меняться в зависимости от новых желаний руководства, результатов поиска или в связи с изменением должностных обязанностей.

Таким образом, подбор персонала в организацию начинается с определения требований к кандидату.

Только грамотный специалист отдела кадров сможет выстроить требования к будущему сотруднику таким образом, чтобы проверить его знания и образование по данной специальности, чтобы эффективно кандидат на должность мог выполнять свою работу и приносить пользу от его деятельности всей организации [8].

Подбор персонала в настоящее время возможен через кадровые агентства или же с помощью специалистов отдела кадров собственной компании.

Подбор персонала осуществляется через размещение объявлений на специализированных сайтах по поиску сотрудников, через ярмарки вакансий, а также через поиск кандидатов через газеты.

К инструментам подбора персонала относятся:

1. Заполнение анкеты кандидатом на должность.

Данный инструмент позволяет установить личность кандидата, его образование, стаж работы и предыдущий опыт работы.

2. Моделирующие тесты.

Такие тесты разрабатываются в результате тщательного анализа конкретных рабочих заданий.

Суть пробного задания состоит в том, что кандидату предоставляют модель рабочего задания и просят выполнить задачу [2].

Практически выполняя ряд поставленных задач, кандидат показывает, что у него есть навыки и способности, требуемые для конкретной должности.

3. Стресс-интервью.

Данный метод направлен на проверку сохранения хладнокровности и сдержанности личности претендента. Современный бизнес построен на постоянных стрессах, жесткой дисциплине, сплошных трудностях. Человек, не ожидая такого поворота событий, начинает вести себя естественно, проявляя все свои пороки или недостатки [7].

4. Лингвистический анализ речи.

Данный инструмент подбора персонала основывается на анализе слов и предложений, речевых формулировок собеседника. При использовании данной методики обращается внимание на форму построения предложений, прерывистость, паузы, покашливания.

5. Собеседование.

При структурированном и хорошо организованном собеседовании можно рассчитывать на достоверное прогнозирование будущих успехов. Следует обращать внимание на то, как кандидат подошел к подготовке и к его имиджу.

Для того чтобы повысить эффективность собеседования, необходимо составить различные вопросы, относящиеся к должности; использовать минимальные предварительные сведения о подготовке, интересах кандидата; задавать вопросы, которые позволят кандидату рассказать, что ему придется делать на работе; делать пометки по ходу собеседования; избегать кратких собеседований, которые приводят к поспешным действиям.

Данные инструменты подбора персонала имеют свои сильные и слабые стороны. Их необходимо постоянно совершенствовать и создавать для каждой организации свои собственные инструменты. Для наиболее точного определения способностей и навыков кандидатов на конкретную должность лучше воспользоваться всеми ими для наиболее полного представления о личности будущего сотрудника, а также его образования и навыков деятельности по определенной должности. К подбору персонала следует относиться достаточно основательно, потому что только от высококвалифицированных специалистов зависит будущее организации, рост производства и получение доходов фирмы.

Подбор персонала в молодежных центрах имеет свою спецификацию и направлен на заинтересованность молодежи в современной жизни России.

Цель молодежной политики – реализация интересов молодых граждан, раскрытие потенциала молодежи в интересах развития общества, создание необходимых условий и гарантий для самореализации молодежи, а также поддержка молодежных объединений, инициатив [4].

Россия создает различные программы для поддержки развития молодежи.

Эффективная деятельность молодежного центра зависит от его персонала, поэтому подбору сотрудников в такие организации следует уделять значительное внимание.

На наш взгляд, можно выделить 3 наиболее значимых проблемы, влияющих на подбор персонала в молодежный центр:

1) у руководителей нет определенной стратегии подбора персонала. Большую роль играют случайные факторы при подборе персонала, отсутствуют четкие критерии оценки кадров молодежной политики и рабочего места;

2) не происходит повышения мотивации персонала. На практике, руководители не заинтересованы в повышении кадровой политики молодежного центра. Персонал молодежного центра нередко пополняется за счет студентов, которые желают попробовать себя на практике;

3) некомпетентность специалистов отдела кадров и непонимание руководителями необходимости совершенствования системы кадрового обеспечения.

Решение проблем, связанных с подбором сотрудников в учреждения, занимающиеся вопросами молодежной политики требуют:

1. Планирование численности в подборе персонала;

Потребность в новых сотрудниках должна быть четко сформулирована руководителем молодежного центра, а также вестись специалистами отдела кадров большая работа в подборе высококвалифицированных специалистов, которые смогут заинтересовать молодежь в налаживании обстановки в окружающем мире.

При запланированном высвобождении рабочего места поиск работника должен начинаться заранее, для того, чтобы не создавались перерывы в деятельности молодежного центра.

2. При подборе персонала следует оценить рабочее место, подходя к каждому рабочему месту с учетом его направления деятельности. Если не будет оценено рабочее место, то не будет правильно подобран персонал. Правильное формулирование требований к кандидатам является важным моментом к правильному выбору сотрудника молодежного центра [5].

3. Необходимо задействовать СМИ, а также различные ярмарки вакансий при подборе персонала.

Необходимо искать людей, готовых работать за идею и обладать следующими качествами: активность, организованность, адаптивность, креативность, стрессоустойчивость.

Подбор работников должен начинаться среди кандидатур из собственного резерва молодежного центра. Если среди них желающих не возникнет, то отделу кадров следует обратиться в студенческие советы вузов, так как многие студенты желают совмещать работу с учебой, получить опыт работы и трудовой стаж [3].

Необходимо наладить деловые отношения со студсоветами, которые помогут в процессе подбора персонала, рекомендуя и предоставляя кандидатуры своих студентов. Также необходимо размещать информацию о вакантных должностях на сайте молодежного центра и в газетах.

4. При подборе персонала необходимо изучить резюме каждого соискателя. Оставшихся кандидатов следует пригласить на собеседование. К собеседованию необходимо подготовиться заранее, в связи с тем, что правильность подбора персонала поможет повысить работу молодежного центра. Например, если

требуется сотрудник в отдел развития молодежного предпринимательства, помимо общих качеств данной должности, сотрудник должен обладать экономическими и юридическими знаниями, навыками бизнес-планирования. Только изучив компетентность кандидата возможно принять решение о приеме его на работу.

5. При адаптации нового сотрудника руководитель должен ознакомить его со всем персоналом молодежного центра, назначить ему наставника, ознакомить с деятельностью организации, выдать все необходимое для выполнения будущей работы.

В первое время руководителю желательно ежедневно видеться с работником, узнавать об успехах и помогать устранить проблемы. Это позволит как можно раньше полностью составить представление о его слабостях и достоинствах, взаимоотношениях в коллективе, исполнительности, внешнем виде [9].

Таким образом, именно данные пути подбора персонала в молодежный центр помогут усовершенствовать деятельность организации, а также выполнять свою работу более эффективно для каждого сотрудника молодежного центра и взаимодействовать с молодежью на более высоком уровне.

Совершенствование системы управления молодежной политикой предполагает внедрение традиционной системы подбора персонала. Это является необходимым условием эффективности функционирования органов молодежной политики, которые позволят им осуществлять разработку и реализацию молодежных программ, имея высококвалифицированный персонал, преданный своему делу.

1. Бровко, С.А. Управленческие аспекты найма, подбора и расстановки персонала / С.А. Бровко, Н.В. Трифонова // Вестник ИЭАУ. – 2014. – № 5. – С. 3.

2. Васильев, П.П. Современные тенденции формирования трудового потенциала и развития интеллектуального капитала / П.П. Васильев, О.М. Шевелева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2014. – № 5 (48). – С. 7–16.

3. Вишневская, Н.Г. Деятельность региональных центров содействия занятости выпускников в современных условиях / Н.Г. Вишневская // Путеводитель предпринимателя. – 2014. – № 23. – С. 95–101.

4. Грунистая, О.С. Государственная молодежная политика в РФ: проблема организационно – правового обеспечения / О.С. Грунистая // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. – 2014. – № 13. – С. 29–34.

5. Гужавин, Ю.А. Процесс и сложности подбора персонала / Ю.А. Гужавин // Научная перспектива. – 2014. – № 3. – С. 39–41.

6. Инна, Г. Комплексная оценка персонала / Г. Инна // Кадровик. – 2014. – № 5. – С. 152–163.

7. Кречетников, К.Г. Поддержание и развитие кадрового потенциала организации как функция менеджера по персоналу / К.Г. Кречетников, К.Е. Комолова // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. – 2013. – № 10. – С. 139–144.

8. Палагутина, Н.В. Подбор и отбор персонала организации / Н.В. Палагутина, Е.М. Дроздова, Г.В. Анисимова, М.А. Мельникова // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2014. – Т. 3, № 2. – С. 59–62.

9. Родин, Д.В. Совершенствование подбора персонала в организациях государственной молодежной политики / Д.В. Родин, К.В. Максимова // Экономика и социум. – 2013. – № 4 (9). – С. 73–77.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ И ДОБРОВОЛЬНАЯ СЕРТИФИКАЦИЯ ПЕРСОНАЛА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Е.Ю. Ким, студентка

О.В. Горшкова

науч. рук., канд. социол. наук, профессор

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Интеграция России в глобальный рынок труда предполагает гармонизацию процессов становления национальной системы квалификаций (НСК) с мировыми тенденциями. Прежде всего, это касается разработки профессиональных и образовательных стандартов и системы добровольной сертификации персонала. Национальные системы квалификаций призваны объединить профессиональные и академические квалификации в рамках одной структуры и выступают средством улучшения качества человеческих ресурсов. Идея внедрения четких результатов обучения и определения востребованных рынком труда компетенций оформилась в 80-е годы в Шотландии в «Плане действий 16+», положившем начало созданию НСК в различных странах, количество которых сегодня насчитывает более сотни. За последние двадцать лет разра-

ботка профессиональных стандартов получила широкое распространение в международной практике, прежде всего, это касается Великобритании, Германии, США, Канады, Японии, Австралии, стран Восточной Европы и ряда бывших советских республик (Казахстан и др.). Полученный опыт обобщается и анализируется в специальных исследованиях, подтверждающих ряд общих проблем, возникающих в процессе разработки НСК. Одну из них можно определить как «проблему терминологии» и связана она с различиями в понимании и применении терминов «результаты обучения», «квалификации», «компетентности» в разных странах и контекстах. Общей для всех стран проблемой является слабая заинтересованность работодателей в сближении с системой образования и недостаточное привлечение общественности к социальному диалогу по вопросам соответствия результатов обучения запросам рынка.

Отечественные исследователи отмечают специфику становления НСК в России: особенности регулирования рынка труда (сильный контроль государства), отсутствие профессиональных стандартов и системы добровольной сертификации, слабое развитие профессиональных ассоциаций, неспособность работодателей четко сформулировать требования к персоналу. Серьезной проблемой являлась рассогласованность действий заинтересованных сторон, действие устаревших нормативных документов (ЕТС и ЕТКС), запаздывание юридического сопровождения процессов. Например, квалификации «бакалавр» и «магистр» не нашли своего отражения в Общероссийском классификаторе занятий. Эксперты отмечали отставание России от других стран, как минимум, в десять лет. Сегодня ситуация с созданием национальной системы квалификаций меняется кардинально: вопрос взят под государственный контроль и курируется Минтруда России. Разработка НСК осуществляется совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, общероссийскими объединениями работодателей, общероссийскими объединениями профсоюзов, Агентством стратегических инициатив.

Преодолеть рассогласованность действий заинтересованных сторон призваны новые структуры: Национальный совет при Президенте РФ по профессиональным квалификациям, Общественный совет при Минтруда РФ и Экспертный совет по профессиональным стандартам при Минтруда РФ. Подписано Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2014–2016 годы, в котором предусматривается подготовка согласованных предложений по ключевым направлениям развития национальной системы квалификаций.

Современный этап развития НСК в России начался с издания Указа Президента РФ № 597 от 7 мая 2012 года, в соответствии с которым, с 2012 по 2015 годы, должно быть разработано и утверждено не менее 800 профессиональных стандартов. В настоящее время, разработан механизм подготовки профессиональных стандартов, поправки в Трудовой кодекс, предусматривающие обязательное применение профстандартов в бюджетных организациях и предприятиях с государственным участием, подготовлена соответствующая нормативная база. По данным Минтруда РФ, уже утверждено 124 и прошло экспертизу еще 250 профстандартов [1].

Пока функции и роль профессиональных стандартов не до конца ясны работодателям. Результаты опросов, проведенных РСПП и НАРК в 2013 году среди 200 организаций страны, показали, что учитывать требования профессиональных стандартов в обучении и развитии персонала будут только 44% опрошенных. Для информирования бизнес-среды и стимулирования профессиональных сообществ к участию в развитии НСК России, государством выделяется субсидия для РСПП в размере около 140 млн рублей. Становление национальной системы квалификаций невозможно без реформирования системы образования. Согласно новому закону об образовании, именно профессиональные стандарты являются механизмами влияния работодателей на результаты обучения. Данный механизм влияния реализуется через процедуры профессионально-общественной аккредитации, критерием успешности которой служат постоянные контакты образовательного учреждения с работодателями в организации прохождения практик, совместной разработки учебных планов и программ, целевой подготовки будущих специалистов. Профессиональные стандарты создают основу для разработки программ профессиональной подготовки и более эффективных методов оценки результатов профессионального обучения – добровольной сертификации персонала. Но вот как раз эта функция профессиональных стандартов еще недостаточно развита в России. Кроме профессиональных стандартов неотъемлемой частью национальной системы квалификаций является наличие механизма подтверждения и оценки имеющихся знаний, умений и навыков у заинтересованных лиц. Чаще всего для его обозначения используют термин «добровольная сертификация персонала», однако, можно отметить, что в последних нормативных документах к использованию предлагается иная терминология.

В июле 2014 года подготовлен законопроект «О независимой оценке квалификаций», в котором отражена принципиально новая для России оценка компетенций на соответствие профессиональным стандартам. Кроме того, в нем определены права и обязанности работодателей, профессиональных сообществ, полномочия профсоюзов и соискателей, решивших добровольно подтвердить свою квалификацию. Несмотря на то, что вопросы добровольной сертификации персонала нашли отражение в ряде государственных

ных документов г: Постановлении Минтруда РФ «О развитии системы сертификации персонала в РФ» № 21/9 от 29.04.97г. и принятых в 2003–2004 гг. федеральных нормативных актах: «Положение о Системе добровольной сертификации персонала в РФ», «Положение о Системе добровольной сертификации экспертов по сертификации персонала», «Положение о регистрации Системы добровольной сертификации», «Положение о Знаке соответствия Системы добровольной сертификации персонала», сама система не существовала и реализовывалась только в некоторых субъектах Российской Федерации в виде учебно-сертификационных центров: Москве, Санкт-Петербурге, Краснодарском крае и Мордовии. Во всем мире добровольная сертификация возникает, в первую очередь в областях, связанных с безопасностью, здоровьем, правом. Именно в этих областях, раньше, чем в других, разрабатывают этические кодексы, ищут механизмы, обеспечивающие принципы социального партнерства в обществе. История добровольной сертификации в истории Европы насчитывает более 100 лет, в СССР ее не существовало, так как все стандарты деятельности были обязательными. В отношении сотрудников сертификатами служили и служат до сих пор дипломы, выдаваемые учебными заведениями и «корочки» о повышении квалификации или переподготовке. Добровольное подтверждение соответствия начало развиваться в России с 90-х годов, и лишь с совершенствованием нормативно-правовой базы, когда в 2002 году был принят ФЗ «О техрегулировании», стали появляться первые российские системы добровольной сертификации. До сих пор в сознании многих работодателей добровольная сертификация связана, прежде всего, с подтверждением соответствия продукции международным стандартам менеджмента качества. Между тем, международный стандарт ISO 9001:2000 «Системы менеджмента качества – требования» в разделе 6.2. «Людские ресурсы» следующим образом формулирует общее положение: «Персонал, выполняющий работу, влияющую на качество продукции, должен быть компетентен на основе соответствующего образования, подготовки, навыков и опыта». Каждая страна по-своему решает проблему оценки компетентности персонала. Первый опыт по созданию системы сертификации можно отнести к Институту дипломированных страховщиков – организации, основанной в 1897 г. ассоциацией страховщиков и страховых брокеров. Институт был создан с целью сертификации страховщиков. Например, в Германии система получения образования и повышения квалификации регламентируется образовательными и тренинговыми стандартами. Система тестирования и сертификации охвачена экзаменационными стандартами. Последние как раз соответствуют системе добровольной сертификации и предполагают оценку знаний не только по базовому учебному курсу, но и оценку знаний в соответствии с требованиями работодателей. По мнению Можайского, наиболее интересным опытом формирования и развития системы профессиональной сертификации является канадский опыт, который показывает, что традиционно сертификация рассматривалась как инструмент оценки профессиональных и психологических качеств индивида. И соответственно при построении контрольно-измерительных материалов, используемых в системе сертификации, исходили из этих двух практик, профессиональной и психологической. Таким образом, на Западе при оценке тестируемых программ как формальных, так и неформальных исходили из политики стандартов (NCCA Standards, 2003), а также психометрической системы оценки качества труда. Можно отметить, что и в России, учет психологических характеристик сотрудника применяется в процедуре добровольной сертификации. Так, система добровольной сертификации специалистов в области кадрового менеджмента основана на стандартах профессиональной деятельности в области кадрового менеджмента и представляет собой независимую оценку уровня развития общих и профессиональных знаний, умений и навыков кандидата. На получение сертификата могут претендовать специалисты, как работающие, так и не работающие в сфере кадрового менеджмента, но стремящиеся подтвердить уровень своих общих и профессиональных знаний, умений и навыков в этой области. Процедура оценки включает как оценку общих профессиональных знаний, умений и навыков, так и прохождение модифицированного опросника «16 PF» Р. Кеттелла.

По результатам прохождения теста строится «профиль кандидата».

Для большинства предпринимателей долгосрочные выгоды добровольной сертификации персонала не всегда очевидны. Сертификация вообще и сертификация персонала, в частности – это затратная процедура, в России не сформирована культура социальной ответственности, работодателям проще и дешевле обзавестись сертификатами, выдаваемыми организациями, зачастую не имеющими лицензий и аккредитаций, но выдающими некие «сертификаты», красивые бумажки за небольшие деньги. Например, в области охраны труда актуальной является подготовка экспертов по сертификации условий труда и Интернет можно найти предложения пройти дистанционные курсы по охране труда за небольшие деньги. Сегодня перед профессионалом остро стоит вопрос выбора сертифицирующей организации, самой возможности прохождения процедуры подтверждения квалификаций. Поэтому одной из проблем исследователи называют отсутствие конкуренции между организациями, занимающихся сертификацией, что может влиять на качество услуг и снижать ценность выдаваемых сертификатов.

Современные тенденции развития системы добровольной сертификации состоят в том, что решение данной задачи находится под пристальным вниманием государства. Перечень поручений Президента

РФ по обеспечению неотложных задач социально-экономического развития РФ от 17 июля 2012 года гласит: «При выработке единых принципов оценки профессиональной подготовки рабочих кадров предусмотреть формирование национальной системы профессиональных квалификаций, включая механизм независимой оценки профессионального уровня квалификации работников». Определены основные принципы независимой оценки (сертификации) квалификаций: независимость (от работодателей, государственных организаций), добровольность и проведение ее аккредитованными организациями с привлечением профессиональных сообществ. К основным мероприятиям по развитию национальной системы квалификаций на 2014–2015 годы относят совершенствование нормативно-правовой и методической базы НСК, формирование информационного ресурса по вопросам профессионального развития, разработку и внедрение механизмов независимой оценки (сертификации) квалификаций работников на основе профессиональных стандартов и консультационное обеспечение разработки и применения профессиональных стандартов. В настоящее время определен порядок наделения полномочиями организаций, выполняющих функции экспертно-методических центров и центров оценки и сертификации квалификаций. Он утвержден решением Общественно-государственного совета системы независимой оценки качества профессионального образования (Протокол №7 от 5 декабря 2013 года). К функциям экспертно-методических центров относят разработку нормативной базы, формирования банка оценочных средств, методическую и консультационную поддержку центров сертификации. Центры сертификации проводят непосредственно оценку, ведут реестр выданных сертификатов и оказывают консультационную помощь работодателям и соискателям. Получить статус экспертно-методических и сертификационных центров могут организации любой формы собственности, объединения работодателей, но не образовательные организации. Актуальная задача – популяризация самой системы сертификации. По данным исследований, только 25 % организаций готовы учитывать наличие сертификатов о независимой оценке квалификаций у своих сотрудников и кандидатов на работу. Между тем постоянное подтверждение профессиональных компетенций повышает стоимость работников, увеличивает конкурентоспособность организаций и непосредственно влияет на развитие экономики в целом.

Одной из основных задач модернизации системы образования является создание современной системы непрерывного образования, подготовки и переподготовки профессиональных кадров. Сегодня на государственном уровне объявлено ведущее направление кадровой политики в области образования Российской Федерации. Это означает, что в ближайшем будущем будет создана система добровольной сертификации профессиональных квалификаций в соответствии с требованиями профессионального стандарта преподавателя, обеспечены условия для постоянной переподготовки профессиональных кадров. Государственная кадровая политика в области образования в России до сих пор осуществлялась несистемно, ее содержание в области образования не соответствовало той роли, которую должно играть государство, озабоченное судьбой интеллектуального развития будущих поколений. Такое отношение привело к падению престижа деятельности работников образования, снижению их социального и материального статусов. Главный приоритет государственной кадровой политики четко обозначен в Государственной программе развития образования – это качество образования. Для решения задачи модернизации государственной кадровой политики в области образования Министерством труда РФ был утвержден профессиональный стандарт педагога, разработанный по инициативе Министерства образования и науки РФ. Профессиональный стандарт педагога определяет ожидания общества в реализации эффективной государственной политики в области образования. Повышение социальных гарантий и уровня заработной платы учителя не может не сопровождаться повышенными требованиями к нему самому, к качеству его работы. Профессиональный стандарт педагога рассматривается как инструмент качественного обновления педагогического корпуса, привлечения лучших молодых кадров [2].

Профессиональный стандарт призван повысить мотивацию педагогических работников к труду и качеству образования, предназначен для установления единых требований к содержанию и качеству профессиональной педагогической деятельности, для оценки уровня квалификации педагогов при приеме на работу и при аттестации, планирования карьеры; для формирования должностных инструкций и разработки федеральных государственных образовательных стандартов педагогического образования. Разработка и принятие профессионального стандарта педагога является частью плана по реализации государственной политики в области образования: привлечению и закреплению высококвалифицированных кадров, справедливой оценке труда и мотивации к повышению качества образования, укреплению социального статуса педагогов повышению уровня их доходов. Кадровая политика образовательного учреждения невозможна без учета новых реалий, свойственных современной системе образования России: введению ФГОС (федеральных государственных образовательных стандартов). Их введение невозможно без новых компетенций педагогических и управленческих кадров. Таким образом, актуализируется проблема привлечения, удержания, мотивации и постоянной переподготовки

кадров. Решение данных проблем возможно с принятием профессионального стандарта педагога, который является частью национальной системы квалификаций и способствует становлению системы добровольной сертификации квалификаций персонала.

1. Профессиональные кадры для бизнеса: практика компаний в области образования и обучения. Сборник корпоративных практик / РСПП, М., 2013 г. – 124 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://media.rspp.ru/document>

2. Приказ Минтруда России от 18.10.2013 № 544н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.consultant.ru /document/ cons_doc_LAW_155553/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155553/)

НЕОБХОДИМОСТЬ ПРОВЕДЕНИЯ ТРЕНИНГА ФОРМИРОВАНИЯ КАРЬЕРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Г.С. Романова, студентка

А.С. Новгородов

науч. рук., ст. преподаватель

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

В наше время целью вузов стала не просто необходимость формировать грамотных специалистов, но тех, кто обладает профессиональными компетенциями, характеризует себя как личность, обладает практическим опытом. Сегодня важна свобода выбора своего дальнейшего пути каждым из нынешних студентов. Как готмечают в своей статье Л.А. Голенкова, В.В. Черняева, «Специфика карьерных установок у студентов высших учебных заведений»: важнейшей стратегической задачей образовательных учреждений всех видов и уровней является формирование личности, способной самостоятельно принимать решения об особенностях своего профессионального становления и нести ответственность за последствия принимаемых решений [1]. Здесь важной составляющей будет являться умение студентов гибко и динамично мыслить, использовать правильно свои навыки и умения.

Для авторов данной статьи важно определить, насколько сами студенты ВГУЭС имеют представление о важности данных аспектов. Задумываются ли они о будущем своей карьеры, и, главное, могут ли сейчас ставить и достигать собственных целей для того, чтобы в будущем уметь правильно планировать свой карьерный путь. Здесь стоит дать определение понятию «карьерный менеджмент». Карьерный менеджмент – это целенаправленное и последовательное применение индивидуальных методик по профессиональному и личностному развитию в комплексе с услугами по поиску новых предложений по работе.

Чтобы определить актуальность проведения тренингов карьерного менеджмента в университете, было проведено анкетирование среди студентов групп БУП-13-01 (управление персоналом), БГУ-12-02 (государственное и муниципальное управление), БМН-13-УБ2 (менеджмент, управление малым бизнесом). Анкетирование – инструмент для определения актуальности проведения тренингов, был разработан на основе «Анкеты самооценки для определения цели» по методу J.C. Crumbaugh [2]. Также за основу брались данные статьи, посвященной индикаторам для оценки компетенций [3].

Вопросы анкетирования направлены на выявление тех знаний и навыков в области целеполагания, которыми должны обладать студенты для построения в будущем карьеры, определения своего профессионального пути. Полученные результаты должны нести в себе ясную картину того, насколько студенты осведомлены в данных вопросах. Умеют ли они ставить цели, ясно видеть препятствия на пути их достижения; имеют ли представление о том, какие навыки необходимы для достижения того или иного результата, знают ли, как правильно их использовать; наконец, есть ли те, на кого они сами могут равняться; существует ли у них та база, от которой можно отталкиваться при обучении. Результаты опроса представлены ниже.

2 курс, БУП-13-01.

В опросе принимали участие 12 человек. В итоге проведенного анализа анкет были определены следующие результаты: 8 человек смогли определить за 30 секунд три своих цели. 3 человека смогли написать лишь две. 1 человек определил одну цель.

Самыми распространенными являлись такие цели как: окончание университета, желание устроиться на работу, желание обрести семью. Цели сформулированы достаточно четко и ясно. 90% студентов достаточно хорошо смогли описать пути достижения желаемой цели, с учетом того, что на это была дана всего минута.

Третье задание предполагало заполнения небольшого опросника, состоящего из 7 заданий. У 10 человек из 12 есть мечты, которые исходят еще со времени школы или даже детства. 6 человек видят пути их достижения, 5 из 10 видят, но не уверены в том, насколько это возможно для них.

На вопрос о том, на что чаще всего в жизни опираются студенты, большая часть указала варианты ответов «сильный стороны Вашей личности», а также «Ваши умения и достижения». На пути достижения цели главными препятствиями выступают лень, неуверенность, изменение планов, либо неблагоприятное стечение обстоятельств, нехватка времени, сил, ресурсов, невнимательность.

В вопросе о компетенциях, необходимых для построения успешной карьеры, большинство указывало все или почти все из предложенных. В четырех опросниках исключен был из выбранных вариантов ответ «способность творчески и нестандартно мыслить». Хотя в настоящее время многие работодатели действительно ценят данную компетенцию.

Когда речь шла о тех компетенциях, которые студенты хотели бы доработать, либо которым хотели бы научиться, то здесь наиболее распространенным являлось желание научиться управлять своим временем. Далее – навыки стрессоустойчивости, презентационные навыки и умение слушать. Также были предложены варианты ответов: целеполагание, умение выбирать приоритеты, коммуникационные навыки, организационные способности и даже творческие навыки.

На последний вопрос о личностях, которые, на взгляд опрошенных, смогли найти свое призвание в жизни и реализовать свои цели, дали четкие ответы 9 из 12 человек. Правда, не все предоставили обоснование своему выбору.

Сделав общее заключение, можно сказать, что студенты группы БУП-13-01 умеют ставить перед собой цели, видеть пути их достижения, стремиться к их реализации и верить в свои силы. Также они признают наличие своих недостатков и минусов и готовы развиваться.

3 курс, БГУ-12-02

В опросе принимали участие 17 человек. Были получены следующие результаты: 6 человек из 17 смогли определить 3 своих цели. 2 человека назвали две из трех. 5 человек смогли представить только одну. И, наконец, 24 студента не указали ни одной цели. Как и в предыдущем случае, самой распространенной целью являлась задача окончить университет. Также популярным был ответ «найти работу», при этом, некоторые из опрошенных указывали на важность работы именно по специальности и в соответствии с собственными интересами. Кроме того, целями для студентов 3 курса являлись: построение собственного бизнеса, саморазвитие, также успешная сдача курсовой работы в виде краткосрочной цели, успешное окончание семестра. Единичные цели звучали как: организация своего карьерного пути, успешная учеба в университете, получение дополнительного образования.

Со вторым заданием студенты справились гораздо лучше. 14 из 17 человек смогли дать четкое описание своим действиям, которые могут привести их к цели. В основе своей, студенты описывали именно организацию своего учебного процесса, который приблизил бы их к желаемым результатам, либо к успешному окончанию университета. 3 человека из 17 не смогли дать ответа на задание.

Весьма отличительно то, что 16 человек из 17, а это 94% имеют цели и желания, которые сохранились у них еще со школьных лет, причем 12 из них (75%) видят пути их достижения. 4 человека (25%) не уверены в своих возможностях.

На вопрос о том, на что студенты чаще всего опираются в жизни, большинство ответов звучало как «сильный стороны Вашей личности» и «Ваши умения и достижения», а также «помощь друзей и родных в трудных ситуациях».

По мнению учащихся группы БГУ-12-02, главными факторами, которые могут помешать им в достижении целей, являются: неуверенность в себе, лень, жизненные обстоятельства, неудачи, нехватка времени и даже такие факторы, как безграмотность окружающих, которая, как считает один из студентов, «отбивает все желание развиваться», а также зависть окружающих.

Когда речь шла о компетенциях, которые, как думают опрошенные, необходимы для построения успешной карьеры, самым популярным оказался ответ: «способность правильно ставить цели».

На вопрос о том, какие компетенции студенты хотели бы доработать, какими хотели бы обладать, на первом месте снова оказалось желание грамотно управлять своим временем. Чуть менее популярными были ответы: умение выбирать приоритеты, коммуникационные навыки, целеполагание, стрессоустойчивость, а также умение контролировать свои эмоции.

На последний вопрос, предполагающий указание тех личностей, которые, по мнению студентов, нашли свое призвание в жизни и реализовали свои цели, смогли ответить только 13 из 17 человек. Следовательно, только тринадцати из опрошенных есть на кого равняться, а значит, ставить перед собой все более высокие планки целей.

Делая общий вывод по проведению анкетирования для группы БГУ-12-02, можно заметить, что не все справились должным образом с заданием. Не все могут ставить цели, не все видят то, каким обра-

зом и с помощью каких средств их достигнуть. Однако ребята готовы развиваться, о чем свидетельствует выбор компетенций, которые, как они считают, не доведены еще до соответствующего уровня.

2 курс, БМН-13-УП2

Количество участников: 13 человек. 6 человек из 13 смогли определить 3 цели. 5 человек – всего две. 2 человека – смогли написать 1 цель.

Самой распространенной целью остается желание успешно окончить университет. Чаще остальных были отмечены цели, предполагающие хорошую и продуктивную учебу, нахождение достойной работы и развитие бизнеса. Также, что примечательно именно для направления управления малым бизнесом, для студентов целью стал заработок, как стабильный и приемлемый в будущем, так и необходимый для настоящего времени.

Были отмечены следующие цели: успешная карьера, семья, достижения в спорте, изучение иностранных языков, кроме того, такие специфические для отдельных индивидов цели, как окончание автошколы, покупка автомобиля и даже ремонт квартиры. Нельзя не отметить желание одного из студентов в достижении известности, также были предложены такие цели, как приобретение желаемых средств, а после оказание социальной помощи нуждающимся. Кроме того, для студентов важным было обретение уважения в глазах других людей и соответствующих кругов.

Следующее задание также было выполнено с должным качеством. 12 из 13 человек дали весьма четкие описания того, что именно им понадобится для достижения поставленной цели.

Что же касается анкеты, здесь следует отметить, что абсолютно все дали положительные ответы на вопрос о мечте, сохранившейся с детства/школы, и все 13 человек видят пути, которые к этой мечте приведут. Опорой в жизни для большинства опрошиваемых являются сильные стороны личности, умения и достижения. А то, что может помешать в достижении целей, определяется как лень, нехватка времени или сил, неуверенность в своем выборе и демотивация, конкуренция, а также отказ от цели ради родных и близких в случае, если это необходимо. В вопросе о компетенциях в равной степени были отмечены почти все варианты, хотя на первом месте для ребят все же стоят способность качественно и вовремя выполнять задачи и стрессоустойчивость, что вполне характерно для их будущей профессиональной деятельности. Недооцененными оказались такие компетенции как умение слушать (5 человек) и презентационные навыки (всего 2 человека). Хотя это далеко не последние компетенции, которые в некоторых моментах могут стать даже основными для построения успешной карьеры.

В 6 вопросе на первое место снова встал тайм-менеджмент. Одними из основных желаемых компетенций стали умение работать в коллективе, коммуникационные навыки, организаторские способности. Отмечены были также стрессоустойчивость, целеполагание, самоконтроль, умение убеждать.

Назвать людей, достигших своей цели, по мнению студентов, смогли только 9 из 13 человек.

Судя по проведенному исследованию, нельзя не отметить, что ребята действительно серьезно относятся к своему будущему.

Подводя общие итоги, нельзя не сказать о том, что, несмотря на важность успешного окончания университета в настоящее время для опрошенных, лишь малая часть из них ставит перед собой цели на перспективное будущее. Характерно, большая часть указывает на наличие определенной мечты, но далеко не все формируют даже долгосрочные цели.

Для многих открытым вопросом остается навыки тайм-менеджмента, что для современного человека является частой проблемой. Также можно сделать вывод, что немалое количество компетенций требуют у студентов серьезной доработки.

Делая вывод на основании анкетирования, можно говорить о том, что проведение тренингов, знакомство студентов с основами карьерного менеджмента более чем необходимо. Наша задача – дать учащимся осознать важность их выбора уже сегодня, на момент обучения в университете, познакомить с теми методами, которые смогут приблизить их к осознанию и достижению соответствующей цели. Хотелось бы также отметить, что тренинги, посвященные карьерному менеджменту, помогут студентам справиться с теми сложностями, которые мешают им определить конкретные шаги на пути достижения целей, поставленных еще задолго до учебы в вузе. Ведь если человек не изменяет данной цели, значит, она действительно носит для него незаменимый характер и должна быть достигнута.

1. Голенкова, Л.А. Специфика карьерных установок у студентов высших учебных заведений / Л.А. Голенкова, В.В. Черняева // Фундаментальные исследования. – 2013. – №6.

2. Анкета самооценки для определения цели (По методу J.C.Crumbaugh) [Электронный ресурс]. 2012. Режим доступа: <http://valiri.eu/anketa-samoostenki-dlya-opredeleniya-tseli/>

3. Индикаторы для оценки компетенций абитуриентом, HR-Portal [Электронный ресурс]. 2013. Режим доступа: <http://www.hr-portal.ru/tool/indikatory-dlya-ocenki-kompetency?page=0>

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Ф.Ю. Шумкин, Р.И. Винниченко, Д.А. Лицов, *студенты*

М.Ю. Дикусарова

науч. рук., канд. социол. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Кадровая политика – совокупность правил и норм, целей и представлений, которые определяют направление и содержание работы с персоналом. Через кадровую политику осуществляется реализация целей и задач управления персоналом, поэтому её считают ядром системы управления персоналом. Кадровая политика формируется руководством организации, реализуется кадровой службой в процессе выполнения её работниками своих функций [1].

Необходимо понимание того факта, что понятие «кадровая политика» не имеет ничего общего с подбором персонала какого-то конкретного отдела или на определенную должность. Кадровая политика – понятие масштабное, затрагивающее деятельность всей организации.

Кадровая политика организации находит отражение в уставе организации, миссии организации, коллективном договоре, правилах внутреннего трудового распорядка, контракте сотрудника, положении об оплате труда, положении об аттестации кадров [2].

Основная цель кадровой политики – реализация стратегии предприятия путем вовлечения персонала, формирования понимания ценностей организации.

К основным направлениям кадровой политики организации относят:

- 1) разработку единых принципов стратегического управления и развития персонала;
- 2) учет кадровой работы на всех уровнях организации;
- 3) вопросы совершенствования системы оплаты труда, применения экономических методов стимулирования работников за количество, интенсивность и качество труда и социальных гарантий сотрудников;
- 4) внедрение новых методов и систем повышения квалификации и переподготовки, развития персонала;
- 5) разработку нормативных и методических материалов для функционирования всей системы управления кадрами.

В настоящее время кадровая политика начинает охватывать такие аспекты:

- сфера трудовых конфликтов;
- взаимоотношения с администрацией, с новыми общественными организациями;
- роль социальных программ организации, оказывающих влияние на производственную отдачу персонала.

В этой связи в современных условиях разработка кадровой политики организации приобретает особое значение.

Кадровая политика определенного предприятия обусловлена его спецификой, историей, стилем руководства и другими факторами внутренней и внешней среды. Учитывая вышесказанное, кадровая политика вуза, как особой формы организации формируется в специфическом русле.

Рассмотрим особенности вуза, влияющие на формирование кадровой политики:

1. Высокие требования к сотрудникам, что обусловлено спецификой научной и преподавательской деятельности.
2. Необходимость аттестации, что связано с изменяющимися и все возрастающими потребностями общества в услуге образования.
3. Особая роль руководства, как координатора научной и учебной деятельности.
4. Разнообразие выполняемых функций преподавателей.

Особенности деятельности вуза создают предпосылки наиболее важного направления кадровой политики вуза – решение задачи активизация вузовской системы повышения научно-педагогической квалификации профессорско-преподавательского состава.

Если говорить о кадровой политике вуза, то это система мер, направленных на решение вопросов, связанных с формированием и функционированием университета и его структурных подразделений [3]. Именно через кадровую политику осуществляется реализация целей и задач, зафиксированных в миссии университета, и для её выполнения требуется постоянное вложение значительных инвестиций в развитие человеческого капитала вуза. Это означает, что в кадровой политике вуза, как ни в одной другой, особую важность приобретает система обучения и развития персонала.

Ниже представлены основные направления кадровой политики вуза.

В вузе, являющемся бюджетной организацией, ранее никогда не стояла задача маркетинга персонала. Всегда считалось, что университет сам может подготовить или переподготовить любого уровня специалистов, а уровень оплаты труда специалистов был определён государством. Сейчас, после перехода к рыночной экономике, в условиях научно-технического прогресса, когда появилась возможность за счет бюджетных средств приобретать уникальное научное оборудование, то перед многими вузами зачастую встаёт вопрос о должной квалификации кадров. Теперь и вузов касается вопрос рынка труда и одна из его составляющих – **маркетинг персонала**.

Актуальной становится информация о:

- стоимости специалиста,
- ресурсах в бюджете университета,
- подбор нужного специалиста,
- стоимость повышения квалификации своего сотрудника.

Маркетингом занимается руководство определенной кафедры. Это тоже один из парадоксов в государственных вузах – профессорско-преподавательский состав работает на условиях бюджетной организации, а специалисты по законам рынка труда.[3]

Следующим ключевым вопросом кадровой политики вуза является *подбор руководителей* (зав. кафедрами).

Главное требование к потенциальному руководителю государственной организации – это соответствие масштаба его личности масштабу решаемой коллективом задачи: его способность стратегически и системно мыслить; с государственных позиций оценивать каждый свой шаг; эффективно использовать корпоративный потенциал работников [2].

Руководитель факультета (кафедры) должен разбираться не только в научных направлениях работы ученых факультета (кафедры), но и в технологии учебно-научного процесса, иначе управление подразделением будет поверхностным. Основная его задача – обеспечить развитие вуза (факультета, кафедры) в нужном направлении, в полном соответствии с его миссией. Управленческая деятельность руководителя – это, прежде всего, деятельность по организации коллективного труда своих коллег.

Развитие специалистов. В этом ключе работа должна вестись по мониторингу зарплат молодых преподавателей и ученых, поиску источников возможного влияния на их изменение (стимулирующие надбавки, гранты ученого совета или попечителей и т.п.). Необходимо создать в университете такую систему стимулирования педагогического труда, которая понуждала бы каждого преподавателя трудиться больше и лучше, повышать свою квалификацию. Данное утверждение продиктовано и введением новых стандартов (ФГОС 3).

Именно по действующей в организации системе отбора персонала, а в вузах, в первую очередь, по системе комплектования научно-педагогическими кадрами кафедр и лабораторий складываются её престиж и имидж в обществе и государстве.

Для высших учебных заведений характерна открытость при наборе и отборе персонала, прозрачность всех процедур для потенциальных сотрудников на любом уровне отбора персонала, объективность конкурсов и процедур тайного голосования при отборе претендентов на научно-педагогические должности, а также соблюдение корпоративных требований, сложившихся в данной организации к её кадровому составу.

Аттестация. Система аттестации научно-педагогических кадров рассматривается, как действенная форма коллективного контроля уровня научно-педагогических кадров на кафедрах и факультетах, стимулирования роста их квалификации. При проведении аттестации оценивается:

- результаты научно-педагогической за прошедший период, выраженный в их вкладе в общее развитие;
- наличие ученых степеней, полученных за период;
- личный вклад в повышение качества образования, что выражается в формировании и совершенствовании читаемых курсов;
- личный вклад в развитие науки в области знаний;
- участие в развитии обучающихся их профессиональных качеств.

Процедура аттестации персонала включает три основных этапа:

1) подготовка к проведению аттестации (разработка методики проведения, издание приказа, плана проведения аттестации, инструкций по хранению персональной информации, создание специальных программ по подготовке к аттестации, разработка бланков, форм и т.д.),

2) проведение аттестации (подготовка отчета аттестуемыми, заполнение оценочных форм, анализ полученных результатов, проведение заседаний аттестационных комиссий);

3) принятие решений по результатам аттестаций (анализ кадровой информации, подготовка рекомендаций по работе с персоналом, утверждение результатов аттестации).

Таким образом, рассматривая основные составляющие кадровой политики вузов прослеживается ее специфика, уникальность и неповторимость. Упущение одного из составляющей негативно скажется на деятельности университета в целом, так как кадровый потенциал – основной ресурс вуза.

1. Одегов, Ю.Г. Кадровая политика и кадровое планирование / Ю.Г. Одегов, М.Г. Лабаджан. – М.: Юрайт, 2014. – 444 с.

2. Владимиров, А.И. О кадровой политике в вузе / А.И. Владимиров. – М.: ООО «Издательский дом Недр», 2011. – 77 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗА ЖИЗНИ И ДОСУГА СТУДЕНТОВ ВУЗОВ г. ВЛАДИВОСТОКА

**Ю. Попова, А. Кашина, Н. Колганова, В. Михайлова, Д. Попов,
Е. Новикова, С. Творогов, студенты**

Е.Ю. Кияшко

науч. рук., канд. полит. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Двадцать первый век характеризуется глобальными переменами, динамизмом и ускорением, что, безусловно, сказывается и на образе жизни человека во всех сферах деятельности. В данной статье мы прибегнем к анализу системы российского образования, а именно к образу жизни, досуга и приоритетов современных студентов.

С появлением новых технологий, тотальной компьютеризации полностью изменилась система образования в России. Обучение стало проще, доступ к информации свободнее. Традиционные книги и учебники вытеснили электронные носители, появилась конференц-связь, которая дала возможность дистанционного обучения. Можно очень долго перечислять всевозможные нововведения, но все они, на наш взгляд, облегчают жизнь студента. Так, например, большинство людей перестали посещать библиотеки, ведь все, что необходимо, можно узнать, не выходя из дома, главное чтобы был выход в глобальную сеть Internet. А, значит, у студентов появилось больше свободного времени. Помимо учебы, студент еще успевает веселиться, радоваться жизни, успевает побывать в нескольких местах за один день и при этом умудряется еще и сессию сдать.

Сделав такой вывод, наша группа заинтересовалась, как именно проводят и организуют свой досуг студенты вузов г. Владивостока. Влияет ли учебное заведение на их образ жизни. А также, умеет ли современная молодежь рационально распоряжаться своим свободным временем.

Для того, чтобы найти ответы на интересующие нас вопросы, мы решили провести исследование образа жизни и досуга студентов вузов г. Владивостока, для характеристики, а в последствии и предложений по обеспечению учащихся вузов полноценной жизнью после посещения занятий. Работа пока проделана не полностью. Но для ее реализации нами были поставлены следующие задачи: 1) опрос студентов; 2) анкетирование студентов; 3) анализ данных; 4) сравнение статистики между вузами; 5) выявление зависимости между отсутствием досуга и расположением на базе вузов мест для проведения культурно-досуговых мероприятий; 6) вывод по проделанной работе.

Для своего исследования мы выбрали два вуза: Владивостокский государственный университет экономики и сервиса и Дальневосточный федеральный университет. Именно со студентами этих вузов было проще найти контакт и они с радостью согласились нам помочь. Нами был проведен опрос и анкетирование молодых людей на интересующую нас тему. Мы задали ряд вопросов, а именно: Проживаете Вы в общежитии или дома? Чем Вы занимаетесь в свободное от учебы время? Работаете ли Вы? Что входит в круг Ваших интересов? Нравится ли Вам активный отдых? Хватает ли вам денежных средств на обеспечение своего досуга? И другие. А также студентам была предложена анонимная анкета (Прил.).

На основании вышеперечисленного мы выяснили, чем занимается студент в свободное от учебы время.

Прежде всего, это, бесспорно, Интернет. Социальные сети, чаты, сетевые игры, да и простое блуждание по ссылкам – пожалуй, занимают большее количество свободного времени у многих студентов.

Следующая позиция: прогулки по улице, дружеские посиделки в кафетерии, поход по магазинам – это далеко не все заведения, которые успевает посетить студент после занятий (или вместо занятий).

Как известно, студент – существо, бодрствующее по ночам, поэтому нельзя оставить без внимания посещение клубов, развлекательных центров и дискотек. Без них студент не студент.

Как правило, с началом студенческой жизни начинается и период похода по серьезным развивающим духовно местам, таким, как театры, музеи, выставки, концерты. Это бывает реже, чем поход по магазинам, но оставляет впечатлений куда больше.

Ну и конечно, сейчас редко встретишь такую девушку (как, впрочем, и молодого человека), которая бы не любила фотографироваться. Ведь именно в расцвет лет – в счастливую пору студенчества – происходят самые забавные, интересные и красивые моменты, которые запоминаются на всю жизнь!

Можно проследить связь между всеми этими занятиями, если идти от последнего: девушка фотографируется с чашечкой кофе, выставляет это фото на своем профиле в социальной сети, после чего ее фото нравится молодому человеку, который приглашает ее в клуб, ресторан, театр, и заканчивается все общим фото и как бонус приятными воспоминаниями!

Это всего лишь часть нашей работы, но мы уже можем сказать, что каждый студент формирует свой досуг основывая на интересах и увлечениях. Он свободен в выборе и в возможностях. Но при этом время, уделяемое на самообучение, к сожалению, сокращается. Дорогие студенты, не забывайте, что помимо развлечений, надо думать и об учебе.

Приложение

Анкета «образ жизни и досуга студентов»

Уважаемые студенты, Вам предлагается пройти анкетирование на вышеуказанную тему. Убедительная просьба отвечать на вопросы честно, серьезно и внимательно. Ваши ответы очень важны для нас и нашего исследования. Анкета является добровольной и анонимной.

Заранее благодарим!

1. Укажите ваш пол: Муж Жен
2. Укажите из какой вы страны _____
3. Укажите вашу национальность _____
4. Укажите ваш ВУЗ, курс _____
5. Укажите вашу специальность _____

6. Проживаете ли вы в общежитии

ДА НЕТ

↓ ↓

Есть ли организация досуга Чем занимаетесь в свободное в вашем общежитии от учебы время

ДА НЕТ

Пример _____

7. Организовывает ли ваш вуз развлекательные мероприятия? ДА НЕТ
8. Участвуете ли вы в этих мероприятиях? ДА НЕТ
9. Ваша творческая активность 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
10. Совмещаете ли вы работу и учебу? ДА НЕТ
11. Посещаете ли вы дополнительные секции?

ДА НЕТ

↓

Проводятся ли секционные

занятия на базе вуза

ДА НЕТ

12. Имеете ли вы вредные привычки?

ДА НЕТ

13. Много ли вы времени проводите в интернете?

ДА НЕТ

14. Ваше семейное положение:

Есть подруга/друг; Женат/замужем;

Свободен/свободна; Есть дети

15. Хватает ли вам денег на развлечения?

Да НЕТ

16. Как вы относитесь к данной анкете?

Интересная анкета

Анкета как анкета

Бесполезно потраченное время

ИНТЕРНЕТ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Д.И. Шеметова, М.А. Мальцева, *студентки*

Е.Ю. Княшко

науч. рук., канд. полит. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

В настоящее время современное общество стремительно развивается. Главным инструментом этого развития служат человеческие сила мысли и воображение. Лишь с их помощью человек способен изобретать что-то новое и каждый раз расширять границы своих возможностей. Воплощая мечты в реальность, человек совершает ошеломляющие открытия.

Одним из таких масштабных открытий человечества являются компьютерные технологии и интернет. Именно технические инновации помогают человеку творить.

Компьютерные технологии – это также искусство создания шедевров анимации и спецэффектов киноиндустрии, а главное – созданная система электронной связи, помогающая передавать не только письменную и наглядную цифровую информацию, но и документационные файлы, необходимые для создания общих работ и достижений. А что собой представляет достижение как не развитие?

Информационная сеть является в своём роде путеводной нитью. Человек осведомлённый способен управлять этой системой запутанных связей, как кукловод дёргает за нужные ниточки.

Интернет – это доступный каждому способ извлечения и передачи информации, наиболее упрощённая система получения необходимых сведений.

Развитие молодёжи в данном аспекте наиболее продвинулось вперёд. Студенты не могут обойтись при написании курсовых работ и рефератов без использования интернета, так как для них это уже привычная среда доступа информации.

В различных учебных заведениях также активно используются интернет инновации. К примеру, проводятся онлайн тестирования для оценки знаний учащихся, практикуется и дистанционное обучение. При помощи последнего осуществляется возможность полезной информационной связи не только с вашими непосредственными научными руководителями, но и с преподавателями из зарубежных стран. Дистанционное обучение является удобным способом получения знаний для тех, кто по каким-либо причинам не может учиться обычным очным способом образования (отсутствие достаточного количества времени, совмещение работы с учёбой, территориальная отдалённость и другие, не менее уважительные причины).

Также не стоит забывать, что интернет даёт возможность самостоятельного изучения учебных материалов и дополнительного саморазвития.

Таким образом, интернет является не только средством передачи информации между людьми, но и современным фактором в развитии образования.

И чтобы узнать, насколько необходим интернет современным студентам, и для каких целей они его используют, нами будет проведено исследование на примере студентов ВГУЭС. Образец анкеты, с помощью которой мы проведем опрос, представлен ниже.

Анкета «Интернет как фактор развития образования»

Мы студенты третьего курса университета ВГУЭС, просим уделить немного внимания данной анкете, чтобы помочь нам в исследовании.

Анкета анонимная.

1. Пол
 - а) мужской
 - б) женский
2. Студентом какой страны вы являетесь?

3. Укажите вашу национальность

4. Студентом какого курса вы являетесь?

5. Оцените интенсивность использования вами интернета по пятибалльной шкале, где 0 – не пользуюсь, 5 – постоянно использую
1. 2. 3. 4. 5.
6. В каких целях вы используете интернет чаще всего?
 - а) для общения
 - б) для обучения

- в) для развития
г) для работы
7. Как часто вам задают искать дополнительную информацию самостоятельно?
а) более 3-х раз в неделю
б) 3-4 раза в неделю
в) 1-2 неделю
г) меньше 1-р в неделю
8. Пользуетесь ли вы интернетом, который предоставляет ВГУЭС?
а) да
б) нет
9. Оцените качество интернета, предоставляемого ВГУЭС, по пятибалльной шкале
1. 2. 3. 4. 5.
10. Сталкивались ли вы с дистанционным обучением?
а) да
б) нет
11. Если сталкивались, оцените его по пятибалльной шкале
1. 2. 3. 4. 5.
12. Использовали ли вы интернет в школьные годы для подготовки к занятиям
а) да
б) нет
13. Пользуетесь ли вы раздаточными материалами на портале ВГУЭС?
а) да
б) нет
14. В каком виде, на ваш взгляд, информация воспринимается лучше?
а) видеоуроки
б) учебные статьи
в) аудиофайлы
15. Как вы оцениваете помощь интернета в обучении по пятибалльной шкале.
1. 2. 3. 4. 5.
16. Оцените данную анкету по пятибалльной шкале
1. 2. 3. 4. 5.

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ОЦЕНКЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Т.А. Чиновникова, студентка

З.В. Якимова

науч. рук., канд. психол. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

В мировом образовании идеи компетентностного подхода, зародившиеся еще в 1960–1970 гг. прошлого столетия, являются доминирующими. Основы идей компетентностного подхода изложены в работах Селевко Г.К., Чередова И.М., Якиманской И.С., Хуторского А.В., а также в трудах американских учёных Стила, Мередита, Уолтера. Все эти работы объединяет следующее утверждение: компетентностный подход предполагает не усвоение учеником отдельных друг от друга знаний и умений, а овладение ими в комплексе. Обучение иностранным языкам как одно из приоритетных направлений модернизации школьного образования ориентировано на усвоение обучающимися определенной суммы знаний, а также на развитие его личности, его познавательных и созидательных способностей, его продуктивную адаптацию в меняющемся мире. Важнейшими качествами личности становятся инициативность, мобильность, решительность, ответственность, способность творчески мыслить и находить нестандартные решения, умение выбирать профессиональный путь, готовность обучаться в течение всей жизни, способность выстраивать коммуникацию с другими людьми.

В свою очередь преподаватель ставит перед собой цель: формирование ключевых компетенций обучающихся на уроках английского языка с использованием возможностей современных образовательных технологий. Для достижения поставленной цели выдвигаются следующие задачи:

– мотивировать обучающихся на проявление инициативы и самостоятельности в процессе изучения английского языка для развития способностей и реализации своих интересов в учении;

- приобщить обучающихся к общечеловеческим ценностям;
- развивать навыки самоорганизации в процессе обучения иностранному языку;
- воспитывать толерантность к иноязычной культуре.

К содержанию профессиональной подготовки преподавателя выдвигаются высокие требования. Современный преподаватель должен быть:

- «человеком культуры» с высоким уровнем духовности, нравственности, образованности, высоким уровнем мотивации и интереса к профессиональной деятельности;
- свободной личностью, обладающей активной жизненной позицией, способной принимать самостоятельные решения и брать на себя ответственность за их исполнение;
- профессионалом с высоким уровнем профессиональных знаний и умений, готовым к саморазвитию;
- творческим исследователем, способным к открытию нового для себя, к созданию нестандартных ходов решения проблем, созиданию.

Поскольку компетентностный подход выступает в качестве инструмента модернизации в сфере профессионального образования, то его основными проводниками в учебный процесс призваны преподаватели высшей школы. Сущность компетентного подхода определяется двумя базовыми понятиями: компетенция и компетентность. В настоящее время отсутствует однозначное понимание понятий «компетенция» и «компетентность». Логически и исторически обоснованной представляется точка зрения доктора педагогических наук А.В. Хуторского: компетенция – это совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов, и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним. Компетентность – владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности. А также он выделяет образовательную компетенцию, которая представляет собой весь комплекс знаний, умений, навыков и опыта деятельности ученика по отношению к определенному кругу объектов реальной действительности, необходимых для осуществления личностно и социально значимой продуктивной деятельности.

По мнению А.В. Хуторского, образовательные компетенции сформированы на основе главных целей общего образования, социального опыта и опыта личности, а также основных видов деятельности ученика, позволяющих ему овладевать социальным опытом, получать навыки жизни и практической деятельности в современном обществе.

Рассмотрим основные ключевые образовательные компетенции, выдвинутые Андреем Викторовичем Хуторским:

1. *Ценностно-смысловая компетенция* связана с ценностными ориентирами ученика, его способностью видеть и понимать окружающий мир, ориентироваться в нем, осознавать свою роль и предназначение, уметь принимать решения в ситуациях учебной и иной деятельности.

2. *Общекультурная компетенция* относится к области познаний, степени осведомленности. Эта компетенция отражает особенности национальной и общечеловеческой культуры, духовно-нравственные основы жизни человека и человечества, отдельных народов, культурологические основы семейных, социальных, общественных явлений и традиций, роль науки и религии в жизни человека, их влияние на мир, она позволяет обучающимся приобщиться к диалогу культур, выработать толерантность. Развить общекультурную компетенцию можно на уроках иностранного языка при изучении обычаев и традиций в англоязычных странах.

3. *Учебно-познавательная компетенция* представляет собой совокупность компетенций ученика в сфере самостоятельной познавательной деятельности. Речь идет о знаниях и умениях ставить цели и задачи, планировать, анализировать, проводить оценку учебно-познавательной деятельности. По отношению к предмету обучения ученик овладевает креативными навыками продуктивной деятельности: учится добывать знания из реальности, находить альтернативные решения проблем в нестандартных ситуациях. Для того, чтобы овладеть учебно-познавательной компетенцией, педагог организует занятия в интерактивной форме в виде игр, круглых столов, дискуссий, предоставляя возможность самореализоваться, удовлетворить свои потребности в познании: сенсорные, интеллектуальные, духовные. А также дает свободу индивидуальной деятельности, примером может быть – подготовка презентации к конференции, семинару или письменная работа на тему истории, литературы, экологии и т.д. Большой популярностью в последнее пользуется проектная методика на уроках английского языка. Эффективность данного направления очень высока.

4. *Информационная компетенция.* Данная компетенция носит информативный характер, она подразумевает широкое использование всевозможных информационных технологий (аудио – видеозапись, электронная почта, СМИ, Интернет). Практика показывает, что электронные учебные ресурсы имеют преимущества перед традиционными методами обучения: красочность, увлекательность компьютерных программ; многовариантность предоставления информации; значительная экономия времени педагога; по-

вышение мотивации учащихся к обучению. Чтобы добиться успеха и стать профессионалом в своем деле, человек должен научиться самостоятельно искать, анализировать, преобразовывать, сохранять и передавать информацию, использовать разные источники информации для решения той или иной проблемы. Этими навыками должен обладать преподаватель и передать эти знания ученикам.

5. *Коммуникативная компетенция* реализует важнейшую функцию обучения иностранному языку – коммуникативную. Она заключается в умении взаимодействовать с окружающими и удаленными людьми и событиями, развивает навыки работы в группе, позволяет ученикам играть различные социальные роли в коллективе в диалогах, в театральные постановках, в тематических дебатах и т.д. Ученик должен уметь не только представить себя, написать письмо, воспроизводить наизусть небольшие произведения детского фольклора, но также заполнить анкету, заявление, задать вопрос, вести дискуссию, участвовать в творческой самодеятельности и др.

6. *Социально-трудовая компетенция*. С коммуникативной компетенцией тесно связана социально-трудовая, т.к. их общей характеристикой является реализация социальных ролей. Перед учеником ставится задача овладеть знаниями и опытом в сфере гражданско-общественной деятельности (выполнение роли гражданина, наблюдателя, избирателя, представителя), в социально-трудовой сфере (права потребителя, клиента, производителя), в сфере семейных отношений и обязанностей, в вопросах экономики и права, в области профессионального самоопределения. Умение вести диалог, грамотное распределение общественных ролей – эти навыки формируются на протяжении всего процесса обучения иностранному языку. Если ученики в полной мере овладеют социально-трудовой компетенцией, то они смогут не просто употреблять иностранную лексику, а уверенно и правильно решать проблемы в обществе со своими законами и правилами.

7. *Компетенция личностного самосовершенствования*. Объектом данной компетенции является личность ученика, его нравственный образ, отношение к самообразованию, желание реализовать компетенции. Среда, в которую попадает ученик, напрямую воздействует на его развитие. Поэтому учитель играет очень важную роль: его стиль общения с обучающимися, его профессиональная подготовка, его духовные ценности и приоритеты. Своим примером, своим отношением к предмету обучения – иностранному языку – учитель может вдохновить своих учеников на саморазвитие в физическом, духовном и интеллектуальном плане, совершенствование своих навыков, развитие необходимых в современном мире личностных качеств, поведенческих особенностей, психологической стабильности

Таким образом, можно сделать следующий вывод, все вышесказанное повышает актуальность использования компетентностного подхода при обучении иностранному языку, подчеркивает колоссальную эффективность такой модели обучения. Освоение ключевых компетенций приобретает смысл в разных формах деятельности, влияет на формирование ученика, как личности, способной принимать решения и доказывать свою точку зрения. Это даёт высокий результат на пути достижения поставленной цели – научиться использовать иностранный язык в работе, в жизни, других сферах деятельности. Так как обучение всегда сопряжено с мыслительной деятельностью, с поиском информации, творческой работой – это требует от учителя и учеников много сил, времени и, главное, большого желания – это, с одной стороны, а, с другой стороны, эти аспекты привлекают и захватывают главных участников процесса обучения учителя и ученика.

1. Галанова, О.А. Иностранный язык в компетентностной модели подготовки магистров / О.А. Галанова // Известия Томского политехнического университета. – 2005. – Т. 308, № 6. – С. 239–243

2. Английский язык: компетентностный подход в преподавании: технологии, разработки уроков / авт.-сост. А.Г. Штарина. – Волгоград: Учитель, 2011.

КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК

С.Ф. Литвинова

доцент, директор Института права

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

г. Владивосток

Вопрос об оценке работы правовых (юридических) клиник в высших учебных заведениях России пока является мало разработанным. Тем не менее он имеет значение для реализации государственной политики в области образования и обеспечения конституционного права на бесплатную юридическую помощь.

Ориентиры достижения эффективности работы клиник должны лежать в основе определения планов их работы, формирования учебных курсов для студентов, направленных на подготовку прохождения клинической практики, программ прохождения такой практики или освоения практико-ориентированной учебной дисциплины «Юридическая клиника».

Для того чтобы определить показатели эффективности юридических клиник, прежде всего, необходимо выделить и проанализировать цели, ради которых они создаются. Основные такие цели сформулированы в нормативных правовых актах, определяющих основные принципы создания и регулирующих основную их деятельность.

Современный этап развития сети юридических клиник в России был положен изданием приказа Министерства образования и науки Российской Федерации от 30 сентября 1999 г. № 433 «О правовых консультациях (правовых клиниках) для населения на базе вузов, осуществляющих подготовку юридических кадров» [1]. Он был принят во исполнение Приказа Минобразования России от 28 мая 1999 № 1487 «О мерах Минобразования России по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию на 1999 год «Россия на рубеже эпох (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» [2] и в соответствии с соглашением о порядке взаимодействия Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации и Федерального агентства правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации в области правовой информации. В приложении к Приказу № 1487 «План-график первоочередных мер Минобразования России в рамках Плана действий Правительства Российской Федерации по реализации в 1999 году Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию «Россия на рубеже эпох» (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации), одобренного Правительством Российской Федерации (протокол № 16 от 16 апреля 1999 года)» под п.1.3 значилось «Разработать план создания правовых консультаций («правовых клиник») для населения на базе ряда юридических факультетов и юридических вузов».

Анализируя текст вышеупомянутого Послания Президента на 1999 г. [3], можно сделать вывод, что главной целью создания правовых клиник было снятие остроты вопроса «об оказании юридических <...> услуг малообеспеченным гражданам». Это находит подтверждение и в Федеральном законе «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. №324-ФЗ [4] и докладе Министерства юстиции Российской Федерации «О реализации государственной политики в области обеспечения граждан Российской Федерации бесплатной юридической помощью» от 13 февраля 2013 г. [5], в котором отмечается, что граждане, в силу разных причин не имеющие доступа к бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы, имеют возможность получить юридическую помощь в негосударственном секторе, в который входят юридические клиники.

Таким образом, малообеспеченные граждане являются целевыми потребителями юридических услуг правовых клиник. Основное требование всех категорий граждан: обеспечение возможности получения бесплатной квалифицированной юридической помощи. Это обуславливает основную цель правовых клиник – обеспечение доступности получения бесплатной квалифицированной юридической помощи.

Критерием эффективности достижения этой цели может быть относительное количество (например, по сравнению с прошлым годом, месяцем) консультаций, предоставленных малоимущим гражданам. Доступность консультаций может определяться разнообразием способов их предоставления: устными в помещениях, отведенных под правовые клиники, письменными, направляемыми по почте, письменными посредством использования ИНТЕРНЕТА, на выездных сессиях (в социальных и образовательных учреждениях) и др.

Реализация требования получения квалифицированной бесплатной помощи может обеспечиваться в том случае, если кураторами клиники, под контролем которых студенты дают юридические консультации, являются опытные юристы. Критериями опытности являются: стаж практической работы кураторов; стаж преподавательской работы кураторов; время преподавания дисциплины, в содержательных рамках которой находится вопрос, по которому дается консультация.

Показателем эффективности работы юридических клиник может стать относительное количество обратившихся за юридической помощью граждан, не относящихся к категории малоимущих. А также относительное количество данных таким гражданам платных консультаций. Относительное количество платных консультаций показательный критерий для юридических клиник, если они организованы как юридические лица.

Граждане – не единственные субъекты потребители интеллектуального продукта деятельности юридических клиник. В их деятельности также заинтересовано и государство, в частности, Российская Федерация. Так, например, в Докладе Министерства юстиции Российской Федерации от 13 февраля 2013 г. отмечается, что юридические клиники способствуют доступу населения к правосудию, обеспечивают правовое информирование граждан и вместе с тем помогают воспитывать новое поколение юристов-профессионалов, ориентированных на социальную помощь. Таким образом была сформулирована еще одна из основных целей клинического обучения – воспитание юристов, готовых оказывать бесплатную помощь в социально значимых случаях. Критерием эффективности достижения этой цели может стать показатель – доля выпускников вузов, принимающих участие в оказании бесплатной юридической помощи, в том числе в рамках всероссийских дней оказания такой помощи, от общего количества выпускни-

ков. Учет такого показателя могут вести региональные управления Министерства юстиции и региональные отделения Ассоциации юристов России, одной из основных целей которых является организация предоставления бесплатной юридической помощи.

Другим социальным заказом государства является правовое просвещение населения. Эта миссия юридических клиник отражена в Порядке создания вузами юридических клиник и порядка их деятельности в рамках негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи, утвержденного Министерством образования и науки РФ от 28 ноября 2012 г. № 994 [6]. Показателями эффективности достижения этой цели может стать разнообразие и относительное количество соответствующих мероприятий. Их формы могут быть самыми разнообразными: конференции, семинары, круглые столы, консультации в СМИ и на сайте юридической клиники, акции и т.п.).

Привлечение студентов к правовому просвещению граждан, в частности в области защиты прав человека, осуществляется и омбудсменами: региональными уполномоченными по правам человека, уполномоченными по правам ребенка и защите прав предпринимателей и т.п. Омбудсмены, не располагающие собственным аппаратам, привлекают студентов, обладающих соответствующими навыками, к подготовке проектов ответов на жалобы граждан. Такое использование труда студентов является взаимовыгодным. Для студентов совместная работа с уполномоченными оказывается полезной и влияет на формирования у них общесоциальных и профессиональных компетенций.

Критерием эффективности работы юридических клиник совместно с омбудсменами могут стать: относительное количество проектов ответов на жалобы, поступившие омбудсменам и относительное количество мероприятий, организованных омбудсменами, в которых принимают участие юридические клиники.

Опрос работодателей выпускников юридических факультетов показал, что они более охотно берут на работу выпускников, которые имеют стаж работы по специальности или иной опыт профессиональной деятельности. В этой связи правовые клиники могут увеличить «спрос» на своих выпускников за счет формирования у них общесоциальных и профессиональных компетенций, позволяющих самостоятельно работать или в кратчайшее время влиться в профессиональный процесс. Такие компетенции предусмотрены Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»), утвержденным приказом Министерства образования и науки РФ от 4 мая 2010 г. № 464 [7], которым юридические клиники рассматриваются как возможное место прохождения практики.

Работа в юридической клинике должна сформировать у студентов навыки решения следующих профессиональных задач в соответствии с видами профессиональной деятельности: составление юридических документов; консультирование по вопросам права; осуществление правовой экспертизы документов.

Результатом практики в юридической клинике должны стать влияние на формирование у будущих юристов не только профессиональных компетенций, но и общекультурных, что не меньше ценится работодателями. К последним относятся: осознание социальной значимости своей будущей профессии, обладание достаточным уровнем профессионального правосознания (ОК-1); способность добросовестно исполнять профессиональные обязанности, соблюдение принципов этики юриста (ОК-2); овладение культурой мышления, навыками обобщения, анализа, восприятия информации, постановки цели и выбора путей её достижения (ОК-3); способность логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь (ОК-4); обладание культурой поведения, готовность к кооперации с коллегами, работе в коллективе (ОК-5); нетерпимое отношение к коррупционному поведению, уважительно относится к праву и закону (ОК-6); способность использовать основные положения и методы социальных, гуманитарных и экономических наук при решении социальных и профессиональных задач (ОК-8); способность анализировать социально значимые проблемы и процессы (ОК-9); владение основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации, навыками работы с компьютером как средством управления информацией (ОК-11).

К профессиональным компетенциям выпускников юридических факультетов, на формирование которых влияет работа в правовых клиниках являются:

1) в правоприменительной деятельности: способность осуществлять профессиональную деятельность на основе развитого правосознания, правового мышления и правовой культуры (ПК-2); способность применять нормативные правовые акты, реализовывать нормы материального и процессуального права в профессиональной деятельности (ПК-5); способность юридически правильно квалифицировать факты и обстоятельства (ПК-6); владение навыками подготовки юридических документов (ПК-7);

2) в экспертно-консультационной деятельности: способность толковать различные правовые акты (ПК-15); способность давать квалифицированные юридические заключения и консультации в конкретных видах юридической деятельности (ПК-16) и др.

Значимость практики в правовых клиниках в формировании общесоциальных и профессиональных компетенций обуславливают необходимость ее прохождения всеми студентами старших курсов юри-

дических факультетов. Подтверждением наличия опыта работы в клинике должен стать сертификат с указанием количества трудоемкости, затраченного на такую работу. Работа в студенческие годы в юридических клиниках, организованных как юридические лица, могут нарабатывать стаж в качестве помощников юристов, что должно быть подтверждено записью в трудовой книжке.

Обязательная организация практикоориентированных клинических площадок предусмотрена и Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр»), утвержденным Приказом Министерства образования и науки РФ от 14 декабря 2010 г. № 1763 [8].

Критерием эффективности достижения цели удовлетворения потребности работодателей может стать относительное количество выпускников юридических вузов, обратившихся в центры занятости за поиском работы, и признанных безработными. Вполне очевидно, что уменьшение такого показателя и равенство его нулю является показателем эффективности работы юридической клиники.

Прохождение практики в юридической клинике мотивирована и интересами самих студентов. Основным ее мотивом является конкурентоспособность на современном рынке труда после окончания вуза, что можно добиться, обладая компетенциями, сформированными в результате обучения, и в результате информированности работодателей о работе юридической клиники и ее результатах.

Критериями эффективности относительное количество выпускников юридических вузов, обратившихся в центры занятости за поиском работы, и признанных безработными, а также сегмент полного спектра работодателей, представители которых привлекаются к подготовке студентов к работе в юридической клинике.

Подготовка конкурентоспособных на современном рынке труда специалистов – главная задача всех учебных заведений. Это определяет и то, что сам вуз также заинтересован в организации клинического обучения. Чем выше конкурентоспособность выпускников, тем выше престиж вуза на рынке образовательных услуг, его эффективность и востребованность. Через юридические клиники вуз может формировать имидж социально значимого, практикоориентированного, а посредством участия юридических клиник в профориентационных мероприятиях привлекать абитуриентов. Поэтому в качестве «внутренней» цели работы юридических клиники является формирование положительного стереотипа вузу и привлечение абитуриентов. Критерием эффективности достижения этой цели может выступить относительное количество мероприятий профориентационного характера, в котором участвует юридическая клиника, относительное количество «заходов» на сайт юридической клиники. Наполнение последнего может сыграть значительную роль в формировании имиджа вуза.

Еще одним из заинтересованных субъектов в работе юридических клиник является Общероссийская общественная организация «Ассоциация юристов России», основной задачей которой является осуществление деятельности по оказанию бесплатной юридической помощи (п.4 Устава) [9]. И для решения такой задачи юридические клиники вузов являются ее партнерами. Такое партнерство взаимовыгодное, поскольку, с одной стороны, вузы повышают авторитет региональных представительств, с другой стороны, Ассоциация является профессиональным экспертом качества юридического образования. Общественная профессиональная аккредитация вузов, осуществляющих подготовку юристов, с ее стороны в последние годы приобретает большое значение для позиционирования таких вузов в профессиональном сообществе.

Критерием эффективности взаимовыгодного сотрудничества вузов и Ассоциации юристов России может стать доля мероприятий по оказанию бесплатной юридической помощи, организованных ею, в которых участвуют правовые клиники.

В заключение необходимо отметить, что предложенная система критериев эффективности деятельности юридических клиник не является бесспорной, но она позволяет системно построить работу юридических клиник, формировать систему логически-согласованных локальных нормативных актов вузов, регулирующих их деятельность.

1. О правовых консультациях (правовых клиниках) для населения на базе вузов, осуществляющих подготовку юридических кадров»: приказ Минобразования России от 30 сентября 1999 г. № 433 (в ред. от 01.03.2004 г. № 944) // Бюллетень Минобразования РФ. – 1999. – №11.

2. О мерах Минобразования России по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию на 1999 год «Россия на рубеже эпох (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации): приказ Минобразования России от 28 мая 1999 № 1487 [Электронный ресурс] // Российский общеобразовательный портал. Режим доступа: http://www.school.edu.ru/laws.asp?cat_ob_no=5960&ob_no=4122&oll.ob_no_to= (дата обращения: 08.01.2014 г.)

3. Россия на рубеже эпох (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации): послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию на 1999 год от 30 марта 1999 г. // Российская газета. – 1999. – 31 марта. – № 60.

4. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. №324-ФЗ (в ред. от 28.12.2013 № 397-ФЗ) // Российская газета. – 2011. – 23 ноября. – № 263.

5. О реализации государственной политики в области обеспечения граждан Российской Федерации бесплатной юридической помощью: доклад Министерства юстиции Российской Федерации от 13 февраля 2013 г. // Российская газета. – 2013. – 13 февраля.

6. Порядок создания вузами юридических клиник и порядка их деятельности в рамках негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи, утвержденного Приказом Министерства образования и науки РФ от 28 ноября 2012 г. № 994 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139442/ (дата обращения: 08.01.2014 г.).

7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»), утвержденный Приказом Министерства образования и науки РФ от 4 мая 2010 г. № 464 (в ред. от 31.05.2011г. Приказ № 1975). [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.mon.gov.ru> (дата обращения: 24.12.2013 г.).

8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр»), утвержденным Приказом Министерства образования и науки РФ от 14 декабря 2010 г. № 1763. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.mon.gov.ru> (дата обращения: 24.12. 2013 г.).

9. Устав Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», утвержденным Протоколом №1 Учредительного съезда Ассоциации юристов России от 22 декабря 2005 г. (в ред. от 22.12.2012 г.). [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООО «Ассоциация юристов России». – Режим доступа: http://www.alrf.ru/user/USTAV_ALRF.pdf (дата обращения: 28.12.2013 г.).

5. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ПРИМЕНЕНИЕ ПСИХОГЕОМЕТРИЧЕСКОГО ТЕСТА (С. ДЕЛИНГЕР) В ИССЛЕДОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ РОССИИ И КИТАЯ

И.Ю. Махова

канд. психол. наук, доцент

Фань ШО (КНР), магистрант

Н.Д. Четверикова, студентка

*Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет
г. Комсомольск-на-Амуре*

Проблема формирования гражданской идентичности актуальна в России и Китае, т.к. в наших странах происходит становление гражданского общества, характеризующегося демократичностью взаимодействия людей, ориентацией на правовые отношения в условиях свободы и независимости каждого [4].

Г. Тэджфел, Т.В. Водолажская, Р.Ю. Шикова рассматривают гражданскую идентичность как компонент социальной идентичности, результат отождествления себя субъектом с определенными социальными группами [6; 1; 8]. П. В. Григорьев считает, что гражданская идентичность – это отождествление субъектом себя с определенной нацией (в частности российской), его включённость в жизнь страны, переживание причастности к ее прошлому, настоящему и будущему [2].

Историки А.С. Селищев и Н.А. Селищев подчеркивают, что «китайское самосознание и гордость за родину растут с экономическими успехами этой великой державы» [5. С. 30]. Исследователи Ху Ли и Шу Кун Лун, анализируя понятие «народного самосознания» и китайской идентичности, связывают эти категории с однородностью, общностью или единством китайской нации [10; 11]. Китайская идентичность, с точки зрения этих авторов, есть соотношение между индивидуальным и общим в структуре индивидуальности. Самосознание является основанием интеграции личности, мерой уровня ее зрелости, объединяет компоненты личности и способствует развитию созидательных мотивов человека. Лю Шу Янь считает, что идентичность – условие успешности человека, его стремления и достижения лучшей жизни и преодоления трудностей жизни [11].

В современном Китае сохраняются традиционные ценностные ориентации на телесную и личностную самопрезентацию в социальных отношениях. Но наблюдаются и некоторые изменения в установках и ценностях современной молодежи. Так, отношения между мужчиной и женщиной приобрели новые черты: китайские девушки наравне с юношами стремятся получить хорошее образование, сделать профессиональную карьеру [10, 11].

Обучение в вузе является важнейшим периодом социализации человека. Социализация – это процесс формирования личности в определенных социальных условиях, процесс усвоения человеком социального опыта, в ходе которого человек преобразует его в собственные ценности и ориентации, избирательно вводит в свою систему поведения те нормы и шаблоны, которые приняты в данной группе и обществе. Процесс социализации включает освоение культуры человеческих отношений и общественного опыта, социальных норм, социальных ролей, новых видов деятельности и форм общения. Мощное социализирующее и воспитывающее воздействие на личность студента оказывает сама студенческая среда, особенности студенческой группы, в которую входит человек, особенности других референтных групп.

В настоящее время национальные особенности российских и китайских студентов в исследованиях психологических идентификаций практически не изучены и остаются открытой темой.

В условиях академической мобильности вопрос об особенностях формирования гражданской позиции молодежи и гражданских идентификаций студентов весьма актуален [9]. Выработка у юношей и девушек политических взглядов, принятие ими и переоценка религиозных и моральных убеждений наряду с выбором профессии, профессионального пути и принятием набора социальных ролей являются наиболее важными сферами их идентификаций.

Психометрический тест С. Делингер, адаптированный А.А. Алексеевым и Л.А. Громовой, является проективной методикой, выявляющей типичные черты личности тестируемого на основе его пред-

почтений в отношении геометрических фигур: квадрата, круга, треугольника, прямоугольника и зигзага [7]. Ассоциирование различных объектов с фигурами теста может свидетельствовать об имплицитном отношении тестируемого к данным персонажам и приписывании им некоторых качеств, обнаруживающих имплицитные представления о данных объектах, субъективно положительных и отрицательных их признаках. Такое применение психогометрического теста актуально в ситуации кросс-культурного исследования, т.к. позволяет без искажения предъявляемых стимулов (перевод не требуется) сравнить имплицитное отношение и имплицитные представления представителей разных культур. Нами данная модифицированная процедура тестирования применялась в исследовании гражданской идентичности российских и китайских студентов, обучающихся в российских и китайских вузах.

Испытуемым предъявлялись следующие категории, которые они должны были ассоциировать с фигурами теста: «гражданин», «патриот», «мы», «свой», «Россия», «Китай», «чужой», «они». Категории «мы», «свой», «они», «чужой» применены для определения черт, приписываемых респондентами группам и людям, с которыми они идентифицируются и деидентифицируются.

В масштабном исследовании, осуществленном в 2012-2014 годах, приняли участие 160 российских и китайских студентов, обучающихся в России (в АмГПГУ) и Китае (университет г. Цзямусы). Сравнение результатов исследования гражданской идентичности студентов по двум основаниям (гражданской принадлежности и территории проживания) нами было предпринято ранее [3]. В данной статье представлены результаты сравнения проявлений гражданской идентичности российских студентов (юношей и девушек), обучающихся на территории Китая (табл. 1–2).

Таблица 1

Количество ассоциаций с фигурами психогометрического теста российских девушек, обучающихся в Китае

Категории оценки	Ассоциируемые фигуры психогометрического теста										Всего оценок
	квадрат		треугольник		круг		зигзаг		прямоугольник		
гражданин	4	20%	2	10%	11	55%	1	5%	2	10%	20
патриот	6	30%	6	30%	1	5%	5	25%	2	10%	20
мы	6	30%	2	10%	4	20%	6	30%	2	10%	20
свой	3	15%	0	0%	7	35%	9	45%	1	5%	20
Россия	10	50%	6	30%	4	20%	0	0%	0	0%	20
Китай	7	35%	4	20%	3	15%	4	20%	2	10%	20
они	0	0%	1	5%	1	5%	12	60%	6	30%	20
чужой	2	10%	5	25%	1	5%	4	20%	8	40%	20

О гражданских идентификациях можно сделать выводы на основе корреляционного анализа данных (по критерию Спирмена), представленных в табл. 1–2.

Таблица 2

Количество ассоциаций с фигурами психогометрического теста российских юношей, обучающихся в Китае

Категории оценки	Ассоциируемые фигуры психогометрического теста										Всего оценок
	квадрат		треугольник		круг		зигзаг		прямоугольник		
гражданин	4	20%	2	10%	11	55%	1	5%	2	10%	20
патриот	6	30%	6	30%	1	5%	5	25%	2	10%	20
мы	6	30%	2	10%	4	20%	6	30%	2	10%	20
свой	3	15%	0	0%	7	35%	9	45%	1	5%	20
Россия	10	50%	6	30%	4	20%	0	0%	0	0%	20
Китай	7	35%	4	20%	3	15%	4	20%	2	10%	20
они	0	0%	1	5%	1	5%	12	60%	6	30%	20
чужой	2	10%	5	25%	1	5%	4	20%	8	40%	20

Результаты корреляционного анализа данных представлены в табл. 3–4.

Корреляционная матрица, отражающая гражданские идентификации российских девушек, обучающихся в Китае

Категории оценки	Гражданин	Патриот	Мы	Свой	Россия	Китай	Они	Чужой
гражданин	1,00	-0,34	-0,24	-0,89	0,66	0,53	0,41	-0,29
патриот	-0,34	1,00	0,80	0,65	-0,52	0,06	-0,89	0,46
мы	-0,24	0,80**	1,00	0,65	-0,24	-0,11	-0,56	-0,16
свой	-0,89*	0,65	0,65	1,00	-0,65	-0,43	-0,58	0,16
Россия	0,66	-0,52	-0,24	-0,65	1,00	-0,29	0,36	-0,50
Китай	0,53	0,06	-0,11	-0,43	-0,29	1,00	0,21	0,16
они	0,41	-0,89*	-0,56	-0,58	0,34	0,21	1,00	-0,67
чужой	-0,29	0,46	-0,16	0,16	-0,50	0,16	-0,67	1,00

* – достоверные связи ($p \leq 0,05$), выявленные с помощью критерия корреляции Спирмена

** – значения коэффициентов, приближающиеся к значимым, выявленные с помощью критерия корреляции Спирмена

Таблица 4

Корреляционная матрица, отражающая гражданские идентификации российских юношей, обучающихся в Китае

Категории оценки	Гражданин	Патриот	Мы	Свой	Россия	Китай	Они	Чужой
гражданин	1,00	-0,29	0,00	-0,05	0,55	-0,03	-0,76	-0,67
патриот	-0,29	1,00	0,16	-0,41	0,63	0,82	-0,39	0,21
мы	0,00	0,161	1,00	0,79	0,16	0,65	-0,08	-0,63
свой	-0,05	-0,41	0,79**	1,00	-0,36	0,10	0,36	-0,60
Россия	0,55	0,63	0,16	-0,36	1,00	0,71	-0,95	-0,41
Китай	-0,03	0,82**	0,65	0,10	0,71	1,00	-0,50	-0,36
они	-0,76	-0,39	-0,08	0,36	-0,95*	-0,50	1,00	0,46
чужой	-0,67	0,21	-0,63	-0,60	-0,41	-0,36	0,46	1,00

* – достоверные связи ($p \leq 0,05$), выявленные с помощью критерия корреляции Спирмена

** – значения коэффициентов, приближающиеся к значимым, выявленные с помощью критерия корреляции Спирмена

Мы видим существенные различия в гражданских идентификациях российских девушек и юношей, обучающихся в Китае. Девушки считают себя патриотками. На это указывает стремящийся к значимому коэффициент корреляции между категорией «мы», обозначающей ин-группу девушек, и категорией «патриот». Аут-группе («они») девушки приписывают непатриотические проявления ($r = -0,89$). При этом они деидентифицируются с позицией гражданина, о чем свидетельствует обратная корреляция между категориями «свой» и «гражданин». Высокие отрицательные значения коэффициентов корреляции между категорией «свой» и категориями «Россия» (-0,65) и Китай (-0,43) указывают на диффузию чувства гражданской принадлежности у девушек, обучающихся в Китае. Причем разрушение идентификации с Россией у них выше, чем с Китаем.

Не выявлено значимых связей категории гражданин с категориями, обозначающими ин-группу и аут-группу юношей. Выявленная значимая отрицательная взаимосвязь между категориями «они» и «Россия» (-0,95) указывает на то, что аут-группу юноши деидентифицируют с Россией. Китаю юноше приписывают патриотические чувства. Об этом можно судить по стремящемуся к значимости коэффициенту корреляции (0,82). При этом взаимосвязь категории «мы» с категорией «Китай», выраженная в достаточно

высоких значениях коэффициента корреляции (0,65), указывает на непатриотическую идентификационную тенденцию российских юношей.

Таким образом, исследование обнаруживает актуальность проблемы утраты чувства гражданства и разрушения гражданской идентичности российских юношей и девушек, обучающихся на территории другого государства.

1. Водолажская, Т. Идентичность гражданская / Т. Водолажская // Образовательная политика. – 2010. – № 5–6. – С. 140–142.

2. Григорьев, Д.В. Формирование гражданской идентичности современного школьника [Электронный ресурс] / Д.В. Григорьев // Интернет-конференция «Перспектива гражданско-патриотического воспитания в системе образования». URL:<http://proektpatriot2.jimdo.com/гражданская-идентичность/> октябрь 2013.

3. Махова, И.Ю. Гражданская идентичность студентов России и Китая в психологическом исследовании / И.Ю.Махова, Фань Шо // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2014. – №3(12).

4. Ниязходжаева, С.С. Взаимосвязь создания гражданского общества и формирования правового мышления / С.С. Ниязходжаева // Наука и мир. – 2014. – №2, Т. 3. – С. 88–90.

5. Селищев, А.С. Китайская экономика в XXI веке / А.С.Селищев, Н.А.Селищев. – СПб.: Питер, 2004. – 240 с.

6. Теджфел, Г. Социальная идентичность и межгрупповые отношения / Г.Теджфел, Г.Фрезер. – М., 1982.

7. Фетискин, Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – 2-е изд., доп. – М.: Психотерапия, 2009. – С. 49–51.

8. Шикова, Р.Ю. Гражданская идентичность молодёжи в современной России / Р.Ю. Шикова // Трансформация публичной сферы и сравнительный анализ новых феноменов политики: сб. науч. ст. – Краснодар: КубГУ, 2010. – С. 91–97.

9. Эриксон, Э. Детство и общество / Эрик Эриксон; пер. с англ.. – СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. – 592 с.

10. 是主体觉知到自身存在的心理历程 自我意识是衡量个性成熟水平的标志, 是整合、统一个性各个部分的核心力量, 也是推动个性发展的内部动因。[Ху Ли. Народное самосознание. Издательство восточно-педагогического университета. -2005. —С.12-128].

11. 预测人生的最好方法创造人生, 做只有你才能完成的工作, 了解自己是谁, 认清自我同一性, 并遵循思想, 追求美好的人生, 学会勾勒未来的美好, 从而找到战胜人生困境的方法 [Лю, Шу Янь. Взгляд изнутри: создание самоидентификации, построить успешное движение вперед. Издательство китайского научного-технического университета. – 2002. – С. 23–145].

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУТБОЛИСТОВ-ЮНИОРОВ И ДРУГИХ СПОРТСМЕНОВ ВЫСОКИХ ДОСТИЖЕНИЙ

В.С. Чернявская

д-р пед. наук, профессор

А.А. Дятлова, студентка

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

На достижение результатов спортсмена в наибольшей степени влияет правильная, умеренная мотивация, исследованию которой посвящён не один труд. В разный период времени данный феномен рассматривался в русле различных подходов и школ [7].

Действительно мотивация занимает одно из важнейших мест в спортивной деятельности. Особенно это касается достижений. Как заметил Е.П. Ильин, мотивация – это психический процесс, в ходе которого внешние воздействия преобразуются во внутреннее побуждение [3]. Таким образом, мотивация выступает как внутреннее побуждение к достижению цели, а стимул – как внешнее. Поэтому внутренне мотивированный (на оптимальном уровне) и внешне стимулированный спортсмен сможет правильно понять все указания тренера, грамотно их выполнить и, следовательно, достичь высоких результатов [6].

Мотивация в зависимости от вида спорта, уровня мастерства и возраста спортсмена может иметь разную направленность. Так, основоположники теории самодетерминации Э. Деси и Р. Район выделяли внешнюю и внутреннюю мотивацию. Первая зависит от внешних стимулов (поощрений и наказаний),

вторая – исключительно от внутреннего настроя и желаний игрока при отсутствии внешних требований или подкреплений. Внешняя мотивация делится на внешнюю мотивацию интроекции, которая проявляется в виде обязательств из-за чувства долга или вины и на внешнюю мотивацию идентификации, при которой спортсмен сознательно оценивает и принимает все правила и требования. Внутренняя мотивация может делиться на внутреннюю мотивацию к получению новых впечатлений, внутреннюю мотивацию к знаниям и внутреннюю мотивацию к компетенции [2].

По данным исследований, проведённых М. Младенович, А. Марьянович и другими авторами, у большинства юных российских футболистов преобладает внутренняя мотивация и все её аспекты. Так, сама по себе игра в футбол для молодых футболистов является мотивирующей, они получают удовольствие от игры. Кроме того, велико их желание узнать больше нового об этой игре, и значительно стремление юных спортсменов добиться успехов в футболе. В аспектах внешней мотивации наиболее распространённой является мотивация интроекции, в то время как личная ответственность и трудолюбие стоят на втором месте (идентификация), а материальное поощрение является для юных футболистов ещё менее значимым стимулом (внешняя мотивация) [5].

Также Левин В.С. среди мотивов спортивной деятельности выделяет шесть больших групп: мотив, заключающийся в получении удовольствия от процесса занятий, достижения спортивного результата, самосовершенствования, общения, получения материального вознаграждения, исполнения своего долга. И все эти мотивы существенно влияют на соревновательные результаты спортсменов [4].

Ещё одним профессионально важным качеством, как в игровых видах спорта, так и в единоборствах, является рефлексивность, которая составляет «сущность отображения тактики противника, своих действий и партнеров по игре, и имеет индивидуальные проявления» [1].

Соревновательная деятельность характеризуется быстротечностью. Однако за это непродолжительное время спортсмену нужно показать все свои навыки и способности. Добиться наилучшего результата игроку во многом поможет рефлексивное мышление. Поскольку его суть заключается в том, чтобы анализировать игру партнёров по команде, соперников и планировать в своём сознании их дальнейшие действия и на этой основе строить свои.

Стоит отметить, что степень проявления рефлексии зависит от спортивной квалификации и опыта спортсмена. С повышением спортивной квалификации повышается и уровень развития и проявления рефлексии у спортсменов. Что же касается мотивации, то результативность повышается при оптимальном уровне мотивации, а высокий уровень, побуждающий спортсмена преодолеть барьер комфорта необходим для начала спортивной тренировки [1].

В нашем исследовании приняло участие 54 спортсмена высших достижений разных видов спорта. Из них 36 футболистов и 18 – спортсменов, занимающихся другими видами спорта. Возраст испытуемых варьирует от 13 до 20 лет.

Поскольку мотивация и рефлексия играют одну из главных ролей в достижении результатов, то при выборе методик выбор пал на методику диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере, направленных на «альтруизм—эгоизм», «процесс—результат» и на «свободу – власть», «труд – деньги» О.Ф. Потёмкиной. А также на методику определения рефлексивности мышления О.С. Анисимова.

Результаты диагностики рефлексивности мышления

При сравнении уровня рефлексии у футболистов и других спортсменов высших достижений было обнаружено, что при равном уровне самокритичности и коллективности уровень рефлексии мышления у футболистов ниже (низкий, 7,4), чем у спортсменов других видов спорта (средний, 9). Однако проверка при помощи Q-критерия Розембаума показала, что уровень рефлексии в группе футболистов не превышает уровень рефлексивности среди других спортсменов. Таким образом, различия между двумя группами несущественные.

Таблица

Средние значения рефлексивности двух групп спортсменов

№	Спортсмены	Рефлексия		Самокритичность		Коллективность	
		Уровень	Показатель	Уровень	Показатель	Уровень	Показатель
1	Футболисты	7,4	низк	2,3	средн	9,6	средн
2	Другие спортсмены	9,0	средн	2,3	средн	9,7	средн

Это может говорить о том, что при адекватной оценке своих сил и возможностей у спортсменов происходит отслеживание и фиксирование определённых физических действий и сопутствующих им эмоций, которые в совокупности, приводят к лучшему результату. Эти показатели указывают на то, что в обе группы входят спортсмены, показывающие высокие для своего возраста достижения в спорте.

Стоит заметить, что средний возраст футболистов 13–15 лет, тогда как остальные спортсмены высших достижений находятся в возрастном диапазоне от 16 до 20 лет. Таким образом, низкий уровень рефлексии, выявленный у футболистов, можно объяснить тем, что старшие спортсмены находятся в спорте дольше, они более опытные, имеют представления о выбранном виде спорта, относятся к спорту как к серьёзному занятию, ставят и пытаются достичь конкретных спортивных целей. У них более отточенные технические навыки и тактика мастерства, они видят, распознают тактику противника, могут её воссоздать, а также отследив его особенности, планировать поведение другого на несколько шагов вперёд. В то время как юные спортсмены воспринимают свои спортивные занятия больше как игру и пока не совсем способны анализировать и предвидеть поведение соперников или партнёров по команде.

Результаты диагностики направленности спортсменов

Результаты, полученные по данной методике, показывают, что в группе футболистов преобладают показатели по графам «процесс» (6,4), «альтруизм» (4,9) и «свобода» (6,3).

Поскольку большинство нашей выборки – футболисты и спортсмены-юниоры, то данный результат можно трактовать, как желание спортсменов находиться в окружении сверстников и общаться с людьми, которые имеют общие с ними увлечения. Наблюдение также показывает, что для них является важным мнение товарищей по команде, они стремятся быть похожими не только внешне (по форме или причёске), а зачастую имеют схожие увлечения, привычки, модели поведения. Так как они ещё юные, то большинство из них занимаются спортом не из-за перспектив, сулящих им этот вид спорта, а потому, что им доставляет удовольствие сама игра, сам процесс занятия именно тем спортом, который они выбрали.

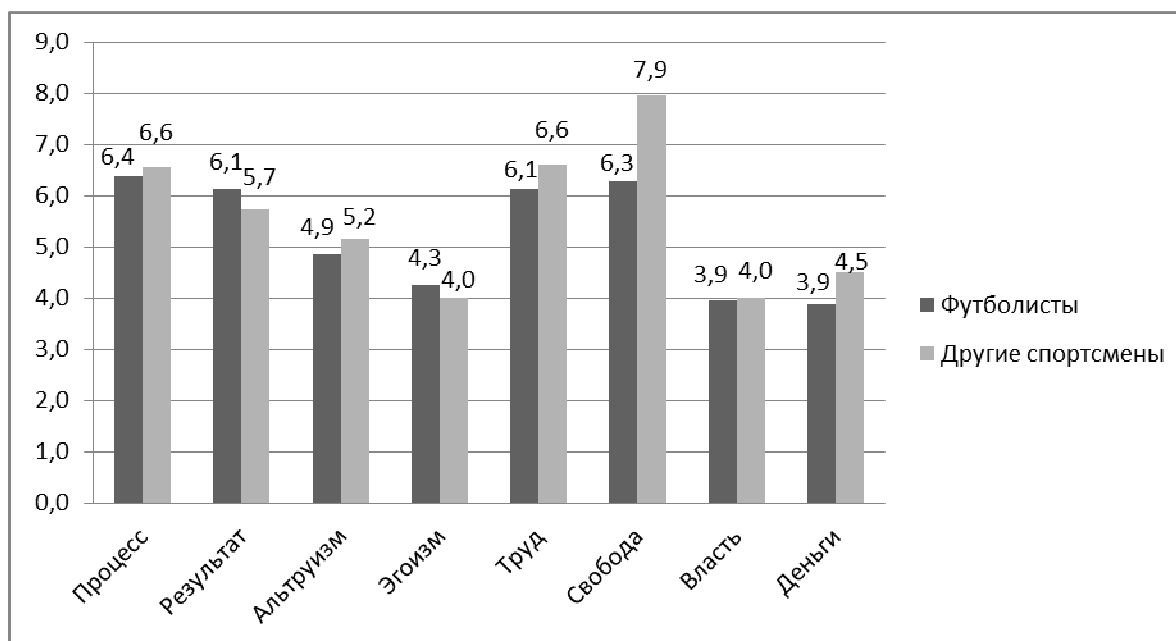

Рис. Распределение направленности мотивации в двух группах спортсменов

Что касается граф «деньги» и «власть», то показатели в них разделились ровно поровну, что может свидетельствовать о том, что спортсмены понимают, что существует несколько путей реализации в жизни, и орудиями, которые в этом могут помочь выступают деньги и власть. Так и власть, и деньги позволяют подчинять других, руководить ими, влиять на них и их поведение. Напомню, что футболисты в данной выборке довольно юные, возможно, сейчас они находятся в таком возрасте, когда для себя начинают определять, какой же путь для них ближе и не противоречит их моральным убеждениям.

В группе других спортсменов высших достижений наблюдается схожая картина: ориентация на «процесс» (6,6), «альтруизм» (5,2) и «свободу» (7,9). В группе «власть» и «деньги» большее предпочтение отдано второй графе, что говорит о том, что старшие спортсмены уже освоились в своём виде спорта, определили для себя, что хотят развиваться, достигнуть мастерства и в дальнейшем зарабатывать с помощью выбранного вида спорта.

Стоит отметить, что в группе футболистов разница между показателями всех дихотомичных пар не значительная. Это подтверждает вышеупомянутое суждение о юном возрасте спортсменов и не серьезному отношению к спорту. Для них это пока просто игра и они ещё не разбираются в её тонкостях, не в совершенстве владеют техникой и пока не выработали свою тактику игры. Они только стоят на пути выбора и только разбираются в своей сфере. Поэтому у них ещё не сформирована рефлексивность и существует путаница в направленности, преобладает внутренняя мотивация.

Резюмируя, скажем, что среди спортсменов высших достижений просматривается большая ориентация на альтруизм, чем на эгоизм и на процесс тренировки, занятия спортом, чем на результат. Ориентация на альтруизм также подтверждается средними результатами в шкале «коллективность», которая рассматривалась при анализе диагностики рефлексивности.

Главной особенностью спортсменов-футболистов является их недостаточная по сравнению со старшими спортсменами квалификация и юный возраст. Этим и объясняется низкая рефлексивность в совокупности с высокими спортивными достижениями и несущественная разница в мотивационных установках. Поскольку спортсмены находятся только в начале своего спортивного пути, они не успели настолько близко познакомиться со всеми тонкостями выбранного вида спорта, насколько это сделали старшие спортсмены. Им ещё придётся разобраться в специфике игры, её технике, выработать собственную тактику и выбрать способ реализации жизненного плана.

1. Бабушкин, Г.Д. Проявление рефлексии в спортивно-игровом взаимодействии и противоборстве / Г.Д. Бабушкин, Р.Э. Салахов // Материалы межрегион. науч.-практ. конф. тренеров по футболу «Актуальные вопросы развития детского и юношеского футбола». – Омск: СибГУФК, 2008. – С. 99-104.

2. Гордеева, Т.О. Мотивация достижения: теории, исследования, проблемы // Научный сборник «Современная психология мотивации» / Т.О. Гордеева; под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – 344 с.

3. Ильин, Е.П. Психология спорта / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2012. – 352 с.

4. Левин, В.С. Особенности мотивации футболистов / В. Левин, Г. Паскин, Р. Пилоян // Теория и практика футбола. – 2003. – № 4. – С. 37–39.

5. Младенович, М. Особенности мотивации юных российских футболистов разного возраста / М. Младенович, А. Марьянович, С. Кузикова // научно-методический журнал «Физическая культура, спорт – наука и практика». – 2012. – №2. – С. 17-21.

6. Сопов, В.Ф. Теория и методика психологической подготовки в современном спорте / В.Ф. Сопов. – М.: Кафедра психологии РГУФКСИТ, 2010. – 120 с.

7. Чернявская, В.С. Характеристики мотивации спортивной деятельности / В.С. Чернявская, А.А. Дятлова, Ю.М. Ротэрян // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №6 (43). – С. 172–174.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА ВЫПУСКНИКОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Е.К. Вылегжанина, студентка

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

г. Владивосток

В странах с рыночной экономикой социальная защищенность трудоспособного населения связана, прежде всего, с наличием условий для использования труда как главного источника доходов и обеспечения нормального уровня жизнедеятельности. Занятость населения выступает одним из важнейших факторов всестороннего развития общества и самореализации каждой отдельно взятой личности.

В настоящий момент все более актуальной становится проблема трудоустройства выпускников высших учебных заведений, не имеющих опыта работы. Большинство организаций и предприятий ищут сотрудников, имеющих стаж и определенный багаж знаний, умений и навыков. Сотрудник без опыта – это риск потерять время и средства на обучение и не получить желаемого результата. Также играет свою негативную роль неопределенность трудовых и профессиональных интересов, социальная и психологическая нестабильность молодых сотрудников.

Исследователи особо подчеркивают, что современный российский рынок труда не создает хороших условий для обеспечения занятости молодежи. Авторы Л.М. Низова и И.В. Малинкина справедливо отмечают, что переход к рыночным отношениям, отсутствие государственного заказа на подготовку кадров и распределительной системы трудоустройства выпускников вузов обострили структурный дисбаланс спроса и предложения рабочей силы [3]. По мнению П.А. Гурьянова, перед юношами и девушками стоят три главные проблемы: высокий рост цен на продукты, низкий уровень зарплат и безработица [1].

При относительно низких показателях безработицы в стране в целом (5%), молодежь находится в наиболее неблагоприятном положении. Согласно данным Росстата на сентябрь 2014 г. средний возраст

безработных в сентябре 2014 г. достиг 35,6 года. Молодежь до 25 лет среди безработных составила 25,7%, в том числе в возрасте 15–19 лет – 4,1%, 20–24 лет – 21,5%. Высокий уровень безработицы отмечался в возрастной группе 15–19 лет (26,6%) и 20–24 лет (12,4%) [2].

Среди причин, вызывающих проблемы с трудоустройством молодежи, можно назвать разбалансированность спроса и предложения на рынке труда. Многих работодателей не устраивает современный уровень подготовки выпускников высших учебных заведений. В качестве основных недостатков они называют завышенные амбиции молодежи, желание сразу получать большой доход, отсутствие опыта трудовой деятельности, недисциплинированность. Все это делает такие кадры неудобными и неэффективными работниками.

Несмотря на полученный диплом, выпускники обычно обладают недостаточными компетенциями для достижения необходимых компании результатов, а для их развития нужны дополнительные финансовые, временные и информационные вложения. Новички проходят более длительный период профессиональной адаптации, для них должна быть разработана гибкая система мотивации.

Работодатели убеждены, что уровень подготовки в большинстве вузов – ниже среднего. Им не хочется учить вчерашних студентов как работать. Нередко, взяв неопытных сотрудников на работу, они разочаровываются, и больше не желают иметь с ними дела. Практическому опыту работодатели придают основное значение. Вторая главная составляющая подбора кадров для работодателя – наличие соответствующего образования. Собственники индивидуальных предприятий с численностью работников до 10 человек на второе место ставят личные качества человека.

Ситуация складывается так, что бюджетные средства, выделяемые на подготовку молодого специалиста по конкретной специальности, используются с крайне низкой эффективностью: экономика страны не получает необходимые кадры; выпускники образовательных учреждений вынуждены переучиваться с учетом рынка труда; образовательные учреждения продолжают подготовку по специальностям, уже не пользующимся спросом.

Несомненно, проблема заключается не только в качестве профессиональной подготовки в вузах, но и в организации работы с кадрами на предприятиях и в учреждениях. Основная часть работодателей, особенно в частных компаниях, не уделяет внимания адаптации молодых специалистов, их подготовке и переподготовке. Не создается условий для раскрытия потенциала работников, хотя, как правило, молодые специалисты более восприимчивы к инновациям, мобильны, стремятся к новым знаниям.

Согласно результатам, полученным в ходе пилотного исследования учеными Центра занятости г. Якутска с целью уточнения социально-трудовой мотивации, для девушек первое место в определении идеальной работы занимает «удобный режим» (31%), а для юношей на первом месте «высокий заработок» (57%), на втором – «продвижение по службе, карьерный рост». Стабильность и перспективность предприятия важны лишь для 1/3 респондентов, что говорит о повышении мобильности современных работников. Также не представляет особой важности соответствие трудовой деятельности полученной специальности, данную позицию отметили лишь 14%, что коррелирует с установкой на материальную составляющую в работе и возможности саморазвития.

Наибольшее неудовлетворение у опрошенных вызывает уровень оплаты: более 70% недовольны вознаграждением за свой труд. Около 1/3 респондентов выразили недовольство «отсутствием возможностей для карьерного роста» и условиями труда. Менее беспокоят молодежь отношения в коллективе и режимом работы. Исследователи отметили, что чем моложе работник, тем меньше его устраивают материальные и организационно-трудовые условия на работе.

Основная причина, которая заставляет опрошенных поменять профессию – невозможность обеспечить себя и семью материально (38%). Значительная часть молодых людей трудится в бюджетной сфере, где имеются многочисленные варианты «тупиковых карьер». В связи с этим 27% девушек отметили, что профессия не позволяет достигнуть высокого общественного положения, 18% парней указали на невозможность подняться по карьерной лестнице и профессионально вырасти [4].

В связи с неразвитостью и окончательным падением престижа среднего профессионального образования спрос на высшее образование повышается. Одновременно снижаются требования к поступающим в вузы и обучающимся. В связи с этим растет всеобщее недовольство качеством высшего образования со стороны молодежи, родителей, работодателей, государства.

Молодые люди, получившие образование, часто не имеют возможности применить свои знания по специальности. Они занимаются неквалифицированным трудом, не отвечающим их материальным и моральным запросам, становятся неконкурентоспособными на рынке труда, и это нередко приводит к социальным проблемам и даже к психологическим травмам.

Ситуация с трудоустройством выпускников учреждений профессионального образования, сложившаяся в новых социально-экономических условиях, вызывает необходимость выработки принципиально новых подходов, организационных и методологических принципов создания и функционирования государственной системы содействия трудоустройству молодых специалистов, соответствующих потреб-

ностям общества и личности. Механизм государственного регулирования по эффективному функционированию рынка труда предполагает совершенствование нормативно-правовой базы, методов и инструментов, которые могут оказать значительное влияние на уровень занятости молодежи, а также повысить результативность принимаемых на разных уровнях решений и проектов. Регулирование рынка труда необходимо рассматривать как совокупность функций управления, которые осуществляют органы власти с целью сбалансированности спроса и предложения рабочей силы. Государственная политика занятости должна строиться на основе поддержки предприятий, создающих рабочие места, посредством налоговых и кредитных рычагов.

Важно осуществление целого комплекса мер по обеспечению занятости молодежи, включающих реализацию государственных программ трудоустройства выпускников; взаимосвязь между учебными заведениями и работодателями, закрепленную соответствующими договорными отношениями; развитие производственной сферы и расширение на этой основе рынка вакансий; качественное обучение, производственные практики и стажировки; информационное обеспечение в области состояния рынка труда.

1. Гурьянов, П.А. Развитие государственной молодежной политики в сфере занятости в России / П.А. Гурьянов // Гуманитарные научные исследования. – 2013. – № 5. URL: <http://human.snauka.ru/2013/05/3125> (Дата обращения: 27.04.2014).

2. Занятость и безработица в Российской Федерации в сентябре 2014 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/216.htm (Дата обращения 16.11.2014)

3. Низова, Л.М., Малинкина И.В. Трудоустройство выпускников вуза как элемент социального лифта / Л.М. Низова // Alma Mater. – 2014. – № 7. – С. 80–84.

4. Панина, С.В. Социально-психологические проблемы трудоустройства молодежи в региональных условиях / С.В. Панина, Т.А. Макаренко // Теория и практика общественного развития. 2013. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-problemy-trudoustroystva-molodezhi-v-regionalnyh-usloviyah> (Дата обращения: 11.11.2014).

ЛЮБОВЬ – ИСКУССТВО ИЛИ СЛУЧАЙНОСТЬ?

А.А. Пежемский, студент

В.С. Чернявская

д-р пед. наук, профессор

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

«Любовь – это активная сила в человеке, сила, которая рушит стены, отделяющие человека от его ближних; которая объединяет его с другими; любовь помогает ему преодолеть чувство изоляции и одиночества; при этом позволяет ему оставаться самим собой, сохранять свою целостность. Два существа становятся одним и остаются при этом двумя»

Эрих Фромм

«Для того, чтобы любовь была чем-то большим, чем сентиментальность, ей нужна сила, а силе, чтобы не превратиться в голое манипулирование, нужна любовь»

Ролло Мэй

Важность любви нельзя переоценить. Желание обрести истинную любовь – наиболее мощное стремление в человеке, а в наш век «общества потребления», когда материальный успех превалирует над всем остальным, а индивидуализм принял крайние формы, вопрос психологии любви становится особенно актуальным. Сейчас, когда люди слепо доверяют воле случая поиск любимого человека, особо остро встает вопрос о том, стоит ли нам отдавать такую уникальную возможность – найти того, с кем ты будешь по настоящему счастлив — простой случайности.

Будем отталкиваться от того, что любовь – это искусство, для освоения которого (как и для освоения любого искусства) необходимо приложить много усилий и немало времени. Возможно, по ходу рассуждений высказанное выше мнение изменится на прямо противоположное, однако, будем считать, что настоящая и чистая любовь невозможна без желания научиться любить.

Прежде всего, нужно написать о различных трактовках любви, которые зарождались на протяжении всей истории человечества.

Уже древние греки разделяли любовь на четыре основных типа: «эрос» (восторженная влюбленность, в виде почитания объекта любви), «филия» (любовь-приязнь, основанная на собственном выборе и социальных связях), «сторге» (любовь-нежность, семейная любовь), «агапэ» (жертвенная любовь, в христианстве- любовь Бога к человеку).

Великие философы древних времен были схожи в своих представлениях о любви. Эмпедокл считал любовь одним из начал вселенной, началом всемирного единства. Для Платона любовь – процесс непрерывного движения, стремление к полноте бытия. Аристотель так определял понятие любви: «любить значит желать кому-нибудь того, что считаешь благом, ради него, а не ради самого себя, и стараться по мере сил доставлять ему эти блага», это определение до сих пор используется в трудах великих психологов.

В средние века было две основных трактовки любви: любовь как предмет религиозной мистики, и отношение к любви как к особому роду поэзии, идеализации половой любви в смысле гармоничного соединения двух людей. В Персии и Арабском мире во времена Средневековья любовь сравнивали с вином, наполняющим сосуд, так и любовь наполняет человеческую оболочку духовной составляющей.

В 20 веке Фрейд высказал свою точку зрения на любовь, он считал, что она низводится к первобытной сублимации, исключал духовное начало любви. Впоследствии, на основе его работ, неофрейдистами была дополнена концепция любви, основой ее стала культурная и духовная составляющая, не исключая полностью биологическую природу любви.

На протяжении человеческой истории, любовь всегда была главным предметом обсуждения и споров. Ничто другое не волнует каждого так сильно, как любовь, именно поэтому психология любви будет актуальна всегда.

В искусстве любить есть множество аспектов, которые человек должен постичь.

Большинство людей сталкиваются с четырьмя внутренними установками, которые мешают им полюбить другого.

Первая заключается в том, что для многих людей, понятие «любовь» означает, прежде всего, быть любимым, но редко, когда значит уметь любить. И для того, чтобы стать любимым, прикладываются все усилия, чтобы выглядеть максимально соответствующе современным представлениям об объекте желания, забывая о том, что недостаточно просто соответствовать «рынку любви», нужно, и это главное, уметь любить и желать этого.

Следующая установка состоит в том, что люди часто заблуждаются, считая самым сложным найти объект любви и полагая, что умение любить — это нечто само собой разумеющееся.

«Даже и любовь есть труд, даже и любви надобно учиться» – Ф.М.Достоевский.

И только когда люди сознательно приходят к тому, о чем говорит Федор Михайлович, они делают большой шаг на пути к настоящей любви.

Третья установка особенно сильно развилась в современном обществе. Она состоит в том, что люди, для которых приоритетными являются задачи, направленные на материальную выгоду, просто не считают нужным тратить время на обучение тому, что приносит пользу, по их мнению, только душе.

Антуан де Сент-Экзюпери в «Маленьком принце» писал: «У людей уже не хватает времени, чтобы узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и поэтому люди больше не имеют друзей». Это относится и к любви. При современном ритме жизни слишком сложно перенаправить свое стремление к материальному обогащению в сторону обогащения духовного.

Последнее заблуждение, из-за которого люди не считают нужным учиться любить, исходит из того, что люди соединяют чувство влюбленности с дальнейшей любовью. Пребывая в начальном состоянии эйфории, они не задумываются о том, что оно прекратится. В конце концов они пресыщаются друг другом и больше не могут испытать возвышенное чувство познания партнера. Лишь человек, который действительно умеет любить, может день за днем снова «открывать» партнера, ведь его знание проникает в самую суть человека, оно растет вглубь, а невширь.

Мы сделаем огромный шаг на пути к искусству любить, если сможем нивелировать все эти установки. Но для того, чтобы любить по-настоящему, мы также должны обладать пятью элементами, которые составляют любовь.

Люди, только начинающие пытаться обрести любовь, никогда не задумываются о том, что любовь – это, прежде всего, отдавать, а не брать. Именно поэтому люди, которые готовы отдавать только в обмен на что-либо, редко находят настоящую любовь, ведь для них отдавать – это значит лишиться чего-то, чем-то пожертвовать. Но именно в процессе полной отдачи мы показываем свое истинное богатство, свою способность любить. Эрих Фромм писал: «Не тот богат, кто имеет много, а тот, кто много отдает». И тот, кто сможет отдать все, что есть в нем от человека, сможет обрести истинную любовь, ведь любовь это сила, которая рождает любовь.

«Если хочешь любви, люби» – латинская поговорка.

Но помимо элемента отдачи есть и другие, не менее важные элементы: забота, уважение, знание, ответственность.

Где нет заботы, то есть нет искреннего желания помочь, там нет любви.

В библейской притче об Ионе Бог показывает, что сущность любви – это труд для кого-то и содействие его росту. Каждый любит то, для чего он трудится, и каждый трудится для того, что он любит.

И действительно, нельзя представить, что человек не будет переживать за любимого, не будет пытаться помочь ему во всех начинаниях.

Заботу легче всего увидеть в любви матери к ребенку. Когда мама действительно заботится о ребенке, мы верим в её любовь, но если нет заботы о малыше, то и поверить в ее любовь невозможно. Забота является очень важной частью любви. Именно она во многом помогает человеку расти как духовно, так и физически.

Следующей составляющей любви является ответственность. Говоря о ней, нельзя не вспомнить слова Лиса Маленькому принцу: «Мы всегда будем в ответе за тех, кого приручили». И это так. По-настоящему любящий человек всегда чувствует ответственность за своих близких не меньше, чем за самого себя. В материнской любви ответственность, в основном, проявляется в удовлетворении физических нужд малыша. В любви между двумя взрослыми – в удовлетворении психических потребностей партнера. Но без следующего элемента любви – уважения – ответственность может перерасти в желание подчинить себе человека. Существует очень тонкая грань между желанием защитить человека и желанием полностью подчинить его себе.

Уважение. Многие, говоря об уважении, вспоминают поговорку: «Бойтся- значит уважает». Это в корне неверно, ведь уважение – это не страх перед человеком, это умение видеть человека таким, каков он есть, понимать, что каждый человек уникален. В любви уважение означает желание того, чтобы любимый человек рос и развивался без оглядки на партнера, развивался ради себя, а не для того, чтобы угодить своей «второй половинке». Если мы любим кого-то, то мы любим его таким, каков он есть, не пытаюсь «обстругать», изменить человека под себя. «Любовь» – как писал французский писатель Проспер Мериме – «дитя свободы». «И никогда-господства». Эрих Фромм.

Все эти элементы были бы бесполезными без самого фундаментального из них – знания. Хотя и оно было бы неполным без остальных, так как знание в любви не должно ограничиваться тем, что лежит на поверхности. Влюбленные должны понять саму сущность друг друга, а это невозможно, пока для каждого из них собственные интересы будут превыше интересов другого.

Истинное знание от поверхностного отличается тем, что при знании поверхностном, мы, например, можем увидеть только внешнюю рассерженность партнера, не зная при этом, что на самом деле испытывает любимый человек. Но при знании его сущности, мы за этим чувством увидим страх, беспокойность чем-то, и попытаемся ему помочь, в чем нам поможет элемент ответственности. Именно знание человека помогает нам самим познать себя.

Эрих Фромм говорил: «Любовь – это особый путь познания тайны самого себя и другого человека. Человек проникает в другое существо, и его жажду познания утоляет соединение с любимым. В этом единении человек познает себя, другого, тайну всего живого».

Все эти элементы и составляют настоящую любовь. Они взаимозависимы, если не будет даже одного из них, то любовь не сможет просуществовать долгое время.

Так считал и великий психиатр Гарри Салливан, который говорил: «Когда удовлетворение, безопасность и развитие другого человека становятся для вас такими же важными, как ваши собственные удовлетворение, безопасность и развитие, то можно сказать, что это любовь».

И лишь тогда, когда в нас органично будут сочетаться все элементы, а ограничивающие установки будут отброшены, мы сможем по-настоящему любить и быть любимыми. Да, многим покажется, что все это очень сложно, что не обязательно учиться любви, и тем более, относиться к ней как к искусству. Легче просто дождаться того единственного, не пытаюсь самому стать тем единственным для кого-то. Но никто не сможет ждать вечно.

Хочется верить, что все люди поймут такую истину: искусство любить – это искусство жить, ведь в любви рождается жизнь.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КРЕАТИВНОСТИ И НАДСИТУАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ

Е.К. Лашкевич, А. В. Швед, студенты

В.С. Чернявская

д-р пед. наук, профессор

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток

Для человека стремление реализовать себя, проявлять свои возможности – вечный источник развития как внутренних ресурсов, так и внутренней жизни – ресурсов личности. Оно проявляется, прежде всего, в мышлении и творчестве человека. Каждый человек, проявляет и формирует у себя мыслительные стратегии, технологии, привычки, умственные ходы.

Креативность – творческие способности индивида; способности порождать необычные идеи, отклоняться от традиционных схем мышления, быстро решать проблемные ситуации [3]. Креативность охватывает некоторую совокупность мыслительных и личностных качеств, способствующих творческому проявлению. Она есть потенциал, внутренний ресурс человека [2].

Проблема креативного мышления, в частности, вызывает не только интерес, но и стремление найти путь к ее развитию у себя, а также найти способы формирования ее как необходимого качества современного человека.

Работа психолога в нынешнем обществе становится все разнообразнее и сложнее. Она требует от специалиста не шаблонных, привычных действий, а подвижности, гибкости мышления, быстрой адаптации к новым условиям, творческого подхода к решению различных проблем. Существование взаимосвязи креативности и профессионального мышления у психолога не вызывает сомнения, поскольку он работает каждый раз с уникальным «человеческим материалом», поэтому сам является способным к уникальному пониманию и мышлению.

Актуальность нашей учебно-исследовательской работы, выполненной в рамках дисциплины «Психология творчества» состоит в том, что креативность и надситуативность мышления в настоящее время являются новыми и мало исследованными феноменами, которые мы изучаем в контексте профессионализации студентов-психологов, что также является достаточно новым исследованием.

Объект эмпирического исследования – креативность, рассматриваемая нами как ресурс профессионального мышления личности студента-психолога второго курса.

Предмет исследования: взаимосвязь креативности и надситуативного мышления у студентов-психологов.

Гипотеза исследования состоит в предположении о существовании взаимосвязи показателей креативности и надситуативного мышления у студентов-психологов.

Для проведения исследования были использованы методики диагностики креативности Дж. Рензулли и тест М.А. Кашапова, диагностирующий ситуативность-надситуативность мышления на базе практических ситуаций. Опросник креативности Рензулли – это объективный, состоящий из десяти пунктов, список характеристик творческого мышления и поведения, созданный специально для идентификации проявлений креативности, доступных внешнему наблюдению.

При диагностике креативности, в соответствии с подходом Дж. Рензулли было необходимо провести анализ показателей самооценки и экспертной оценки уровня креативности, а затем определить средний уровень данных показателей.

В исследовании в качестве респондентов выступили 15 студентов ВГУЭС, обучающихся по направлению «Психология».

Анализ результатов показал, что показатели самооценки креативности у всех испытуемых существенно завышены по сравнению с теми, которые были предоставлены студентами-экспертами, то есть: экспертная оценка оказалась существенно ниже самооценки (табл. 1).

Таблица 1

Показатели креативности (мет. Дж. Рензулли)

№ исп-го	Уровень креативности (мет. Рензулли)		Итоговый показатель
	2	3	
1	Я (самооценка)	Экспертная оценка	Средние показатели
1	33 высокий	25 средний	29

1	2	3	4
2	28 высокий	14 очень низкий	21
3	36 очень высокий	28 высокий	32
4	30 высокий	10 очень низкий	20
5	30 высокий	30 высокий	30
6	29 высокий	27 высокий	28
7	27 высокий	24 средний	25
8	23 средний	26 средний	25
9	29 высокий	16 низкий	16
10	28 высокий	27 высокий	27
11	38 очень высокий	31 высокий	34
12	34 очень высокий	30 высокий	32
13	27 высокий	25 средний	26
14	33 высокий	33 высокий	33
15	29 высокий	23 средний	26

Оказалось, что три респондента (с порядковыми номерами 3,11,12) являются обладателями очень высокого уровня креативности. Однако для них действует та же закономерность: экспертная оценка оказалась существенно ниже самооценки.

Такая тенденция наблюдается и в других случаях сравнения самооценок испытуемых с оценками экспертов, за исключением трех испытуемых (5,8,14). О которых можно сказать, что они – без завышенной самооценки креативности.

Так как практически все испытуемые имеют самооценку креативности, превосходящую оценку эксперта, что соответствует теории Дж. Рензулли о том, что люди склонны преувеличивать собственные возможности, уровень своей креативности (в связи с чем, мы высчитали среднюю оценку), но несмотря на это мы не можем с полной уверенностью утверждать о том, что баллы, выставленные экспертами, являются однозначно объективными и не имеют за собой субъективного подтекста.

Полученные результаты мы проверили статистически с помощью критерия U Манна Уитни:

Статистические гипотезы

H_0 : Значения самооценки не превосходят значение экспертной оценки.

H_1 : Существует взаимосвязь между показателями креативности и показателями профессионального мышления у студентов-психологов.

Таблица 2

Статистические суммы показателей креативности

Самооценка	Экспертная оценка
$\Sigma = 308.5$	$\Sigma = 187.5$

следуя формуле,

$$U_{\text{ман}} = (n_1 * n_2) + \frac{n_2(n_2+1)}{2} - T_x$$

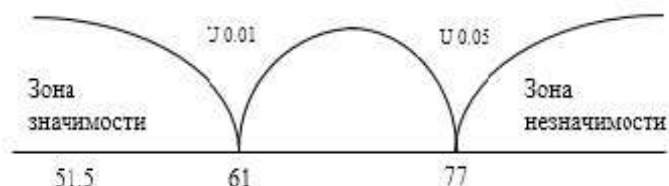
Получаем, что

$$U_{\text{ман}} = (15 * 15) + \frac{15(15+1)}{2} - 308.5 = 51.5$$

$$U_{\text{ман}} = 51.5$$

Критическое значение: Ось значимости:

$U_{\text{кр}}$	
$p \leq 0.01$	$p \leq 0.05$
61	77

$U_{\text{эмп}} = 51.5$ в зоне значимости, следовательно, гипотеза: значения самооценки не превосходят значение экспертной оценки, доказана частично, а результаты испытуемых № 7, 10, 16 противоречат гипотезе. Значит показатели самооценки испытуемых действительно статистически достоверно превышают показатели экспертной оценки креативности. Это говорит с одной стороны о том, что креативность является весьма популярным качеством, обладать которым хотят многие.

Студенты-психологи также, как и другие люди не вполне адекватно оценивают свой уровень креативности, что говорит о некоторой незрелости. Зрелость, с одной стороны, является фактором осознанного опыта, с другой стороны- продуктом особого типа мышления, которое имеет отношение не к ситуативным аспектам жизни, а, скорее к надситуативным.

При диагностике надситуативного типа мышления нами была использована методика М.А. Кашапова. В данной методике мышление рассматривается как уровневый процесс. Протекание процесса профессионального мышления рассматривается на двух уровнях: ситуативном и надситуативном. Надситуативный тип мышления выражается в «широте взглядов», «глобальном подходе к проблеме», открытой познавательной позиции. Надситуативный уровень характеризуется совокупностью отношений к проблемной ситуации в целом, к себе самому и своей деятельности. Именно поэтому надситуативный уровень разрешения проблемности связан с самоактуализацией творческого потенциала [3].

Обработав полученные данные, мы можем сказать о том, что 10 из 15 опрошенных умеют устанавливать надситуативную проблемность в процессе решения проблемных ситуаций, что способствует не только активизации их мыслительной деятельности, но и оказывает большое влияние на личностное развитие наших респондентов. Остальные испытуемые, обладающие ситуативным типом мышления, обычно подстраиваются под ситуацию и не воспринимают проблемную ситуацию как возможность саморазвития (табл. 3).

Таблица 3

Сопоставление показателей типов мышления и показателей креативности

№ исп-ого	Показатели надсит. мыш	Показатели креат-ти	Соответствие гипотезе
1	10 чаще над	29 выс	+
2	5 чаще сит	21	+
3	16 ярко выр над	32 очень выс	+
4	8 чаще сит	20 низ	+
5	17 ярко выр над	30 выс	+
6	6 чаще сит	28 выс	-
7	10 чаще над	25 ср	+
8	13 чаще над	25 ср	+
9	6 чаще сит	16 низ	+
10	13 чаще над	27 выс	+
11	6 чаще сит	34 очень выс	-
12	14 чаще над	32 очень выс	-
13	10 чаще над	26 ср	+
14	10 чаще над	33 очень выс	+
15	16 ярко выр над	26 ср	+

Анализ сопоставления показателей уровня креативности и надситуативности мышления показал, что в большинстве случаев гипотеза подтверждается. Поскольку статистического анализа мы не предусматривали мы обнаружили предполагаемую тенденцию в 12 случаях из 15.

Подводя итог, мы сделали вывод о том, что гипотеза нашего исследования, состоящая в предположении о существовании взаимосвязи показателей креативности и надситуативного мышления у студентов-психологов подтверждена на уровне тенденции.

1. Кашапов, М.М. Роль творческого мышления психолога в объяснении М.М. Кашапов // Методология и история психологии. – 2008. – Т. 3. Вып. 1. – С. 128–136.

2. Туник, Е.Е. Диагностика креативности. Тест Торренса. Методическое руководство / Е.Е. Туник. – СПб.: Иматон, 1998

3. Словарь практического психолога. – М.: АСТ, Харвест. – С. 19

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ УСПЕШНОСТИ СДАЧИ ЕГЭ

Ю.М. Ротэрян, студентка

В.С. Чернявская

д-р пед. наук, профессор

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

г. Владивосток

В настоящее время выпускники школ вынужденно находятся в условиях психологического и психического напряжения, связанного с необходимостью сдачи Единого Государственного Экзамена (ЕГЭ). Данные состояния способны сохраняться в течение длительного времени и затруднять взаимодействие подростка с окружающим миром, даже привести к тяжелым последствиям и несчастьям.

Существует ряд не только когнитивных, но и эмоциональных факторов, которые помогают или мешают достигать более высоких результатов на ЕГЭ.

В этом контексте были рассмотрены: тревожность, рефлексия и умение вербально выражать свои чувства и переживания.

По словам А.В. Карпова, рефлексия выполняет важные функции смысловой регуляции. Ее наличие позволяет человеку:

- сознательно планировать, регулировать и контролировать свое мышление;
- оценивать не только истинность мыслей, но и их логическую правильность;
- рефлексия позволяет найти ответы задач, которые без ее применения решению не поддаются [1].

А.М. Прихожан выделяет в своих работах два вида тревожности, первый – беспредметная тревожность, второй – тревожность как склонность к ожиданию неблагоприятия в различных видах деятельности и обобщения. При этом первый вариант тревожности обусловлен особенностями нервной системы, то есть нейрофизиологическими свойствами организма, и является врожденным, в то время как второй связан с особенностями формирования личности в течение жизни [2].

Пилотажное исследование, посвященное проверке данной гипотезы было проведено на группе из 17 первокурсников, в возрасте от 17 лет до 21 года. Мы предположили, что рефлексивный ресурс личности определяет уровень экзаменационной тревожности и позволяет осмыслить и вербализировать чувства и эмоции учащегося.

Исследование проводилось по желанию учащихся после их зачисления на первый курс обучения в университете.

Для проведения исследования были использованы: а) методика «Опросник отношения к экзаменам, контрольным и проверочным работам» [3], которая позволила выявить уровень тревожности выпускников в период сдачи ЕГЭ, б) методика определения уровня рефлексивности А.В. Карпова, В.В. Пономаревой [1] и в) эссе «Мои чувства до и после ЕГЭ», результаты его контент-анализа позволили выделить семантические предикаты экзаменационной ситуации.

Результаты диагностики уровня рефлексивности показали, что большая часть группы обладает средним уровнем рефлексивности, 14 человек из 17, данный уровень развития рефлексии Е. В. Морозова характеризует как: осознание сути мыслительной операции, умение вспомнить и сформулировать ее с помощью извне; умение описать собственные действия по применению мыслительной операции только с помощью извне [4].

В данной группе есть 2 участника (№ 3, 13), которые имеют высокий уровень рефлексивности, который можно отличить по следующим проявлениям: исследование сути мыслительной операции, сохранение ее в памяти, умение самостоятельно сформулировать ее; умение самостоятельно описывать собст-

венные действия по применению мыслительной операции; самостоятельное узнавание ситуаций применения мыслительной операции и приемов мышления; самостоятельное применение мыслительной операции на уровне обобщенного приема умственной деятельности; самостоятельное осуществление переноса осознания мыслительной операции, приемов мышления и навыков пользования ими в различные ситуации [4].

У одного (№ 8) из подростков – низкий уровень рефлексии, он характеризуется: незнанием или слабым знанием сути мыслительной операции, неумением сформулировать ее; неумением описать собственные действия по применению мыслительной операции [4].

В таблице, приведенной ниже (табл. 1) вы можете ознакомиться с более подробными результатами исследования уровня рефлексии.

Таблица 1

Результаты диагностики уровня рефлексивности выпускников

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Баллы	126	123	142	135	132	135	114	107	121	121	127	126	156	129	119	122	113
Стены	5	5	7	6	6	6	4	2	4	4	5	5	8	5	4	4	5
Качественный показатель	средний	средний	высокий	средний	средний	средний	средний	низкий	средний	средний	средний	средний	высокий	средний	средний	средний	средний

Таким образом, мы можем сказать, что для данной группы первокурсников характерен средний уровень рефлексии.

Рассмотрим результаты методики «Опросник отношения к экзаменам, контрольным и проверочным работам», уровень тревожности в данном возрасте приравнивается к 46,3, исходя из этих данных мы можем сказать, что уровень тревожности в данной конкретной группе в экзаменационный период довольно невысок, из 17 только четыре (№ 1, 5, 11, 12) участника исследования продемонстрировали высокий уровень тревожности. Это может являться показателем высокого уровня заинтересованности в своем будущем у перечисленных участников исследования. Так же вполне вероятно, что данные подростки привыкли учиться на «хорошо» и «отлично», поэтому для них важно получить положительную оценку на экзамене. В таблице 2, вы можете ознакомиться с более подробными данными об уровне экзаменационной тревожности подростков.

Таблица 2

Результаты диагностики оценочной тревожности

Показатель	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Общий балл тревожности	60	33	47	28	50	44	41	34	44	40	49	49	45	35	35	35	37
Уровень показателя	высокий	низкий	средний	низкий	высокий	средний	средний	низкий	средний	средний	высокий	высокий	средний	низкий	низкий	низкий	средний

Результаты большей части группы, а именно – 7 человек (№ 3, 6, 7, 9, 10, 13, 17), соответствуют среднему уровню тревожности. В послеэкзаменационный период данные показатели могут быть несколько сниженными, так как экзамены уже прошли и остаются в памяти наиболее приятные для человека моменты, а состояние стресса, постоянно забывается или же деформируется воспоминание о степени его воздействия. Так же, это может свидетельствовать о том, что данные испытуемые вполне уверены в своих силах, и адекватно оценивают свои возможности, что придает им уверенности в себе, а, следовательно, и снижает уровень тревожности.

Так же в данной группе присутствуют четверо (№ 2, 4, 8, 15) испытуемых, чьи результаты соответствуют низкому уровню тревожности.

Уровень тревожности, вызванный стрессовой ситуацией сдачи ЕГЭ неразрывно связан с уровнем врожденной тревожности таким образом, сложно однозначно выделить причины тревожности.

Результаты анализа эссе на тему «Мои ощущения до и после ЕГЭ»

По результатам исследования можно сказать, что 11 человек из 17 испытывали некие эмоциональные перегрузки при ожидании дня написания ЕГЭ, об этом говорят такие часто повторяемые фразы, как: «очень переживала», «повод для беспокойства», «очень волновался и переживал», «боялась чего-то неопределенного».

Вторая часть группы, состоящая из 6 (№ 4, 7, 8, 14, 16, 17) человек, в эссе описали свое состояние как спокойное. Часто встречались такие фразы как: «была спокойна», «не было сильных переживаний», «не охватывало беспокойство», «тревоги не было», можно сказать, что эта часть группы чувствовала себя более спокойно и в некоторой степени расслаблено.

В табл. 3 приведены полные результаты контент-анализа сочинений данной группы.

Таблица 3

Показатели результатов и проверка соответствию гипотезы результатов каждого испытуемого

№	Семантические предикаты		Ур. верб осознания-выражения	Уровень Тревожности	Уровень Рефлексивности	Соответствие гипотезе
	До ЕГЭ	После ЕГЭ				
1	2	3	4	5	6	7
1	очень волновался и нервничал	немного разочаровался; беспокоился о баллах	Низкий	35 Низкий	Средний	+
2	испытывала волнение и лёгкое напряжение; было трудно сосредоточиться	немного страшно за результаты; боялась, что разочарую родителей; хотелось забыть как о страшном сне	Высокий	50 Высокий	Средний	+
3	чувство страха; начались сомнения; появилось несосредоточенность и рассеянность; давление на саму себя	страх прошёл; никаких эмоций не было вообще; ощущение пройденного этапа	Высокий	60 Высокий	Высокий	+
4	не охватывало беспокойство; был небольшой страх; не мешало сосредоточиться; совершенно успокоилась	самый большой страх; ожидание было невыносимым; не находила себе места; испытала облегчение	Высокий	37 Средний	Средний	+
5	боялась наступления экзаменов; часто посещали мысли о том, что не справлюсь; сильно давило запускание	понимание, что экзамен – это не страшно	Низкий	44 Средний	Средний	+
6	было чувство страха	некое безразличие; надежда	Высокий	45 Средний	Средний	+
7	тревоги не было; отвечал с трезвой головой; уверен в своих силах	ощутил небольшое облегчение; удалось полностью расслабиться	Высокий	34 Низкий	Средний	+
8	была спокойна	немного колотило	Высокий	28 Низкий	Низкий	-

1	2	3	4	5	6	7
9	очень сильно боялся; страх охватывал меня; затем спокойно отвечал; ушёл со "спокойной душой"	оправдал ожидания	Высокий	41 Средний	Средний	+
10	повод для беспокойства; чувство страха не покидало меня; вызвал жуткую истерику; не могла есть, спать и сосредоточиться	чувствовала себя спокойно и комфортно	Низкий	33 Низкий	Средний	+
11	очень сильно переживала; казалось, что не смогу сдать; нетерпение; беспокойство	стало легче, но осталось беспокойство; смогла успокоиться после оглашения долгожданных результатов; наступило облегчение	Низкий	40 Средний	Средний	+
12	очень переживала; волнение усилилось; боялась чего-то неопределённого; пыталась настроиться на положительный исход	волнение при ожидании; облегчённость; спокойствие; уверенность в успехе; вера в себя	Низкий	35 Низкий	Средний	+
13	охватывали приступы беспокойства; не испытывала особого волнения; паника; вышла из состояния равновесия; не могла сосредоточиться	апатия; полное нежелание что-либо делать; испытала облегчение	Высокий	49 Высокий	Высокий	+
14	не было сильных переживаний; волнение от неизвестности	стало грустно; небольшое облегчение	Высокий	44 Средний	Средний	+
15	тревога	волнение прошло; ожидания результатов	Не существует	35 Низкий	Средний	+
16	спокоен; не переживал	спокоен; не переживал	Низкий	47 Средний	Средний	+
17	легкое волнение	полное спокойствие	Низкий	49 Высокий	Средний	-

Результаты контент-анализа эссе квалифицировались как высокие – в случае, если они существенно отражали осознанность эмоций, отсутствие затруднения в вербализации своих эмоций, если эмоциональная динамика не была отражена – низкий, в случае, если динамика отражена слабо – «несущественно».

В описании своих ощущений после сдачи ЕГЭ большая часть ребят указала, что чувствует: «облегчение», «волнение при ожидании результатов», «спокойствие», два человека указали, что чувствовали безразличие и опустошённость. К одному (№ 5) из участников исследования пришло осознание, того что «экзамен – это не страшно».

Результаты 15 из 17 участвующих в данном исследовании подтверждают нашу гипотезу, о том, что уровень развитости рефлексии опосредует уровень тревожности, и позволяет осознавать и вербально формулировать свои эмоциональные переживания, основываясь на ресурсе каждого конкретного участника исследования.

Так как выборка довольно мало, то возможно говорить о распространении данных только для нее, но определенно можно сказать о высокой вероятности существования данной гипотезы и вне границы данной группы.

Если выделить уровень развитости рефлексивности личности как одну из главных характеристик, позволяющих успешно справляться с тревожностью, как в общем, так и во время экстремальных ситуаций, например, во время подготовки и сдачи ЕГЭ, а также дает возможность осознавать и вербализировать свои страхи, вопросы и переживания, то при активной работе над развитием собственной рефлексивности, можно добиться высоких результатов при сдаче ЕГЭ и в повседневной жизни.

1. Карпов, А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методы ее диагностики / А.В. Карпов // Психологический журнал. – 2003. – Т.24, №5. – С. 45–57.

2. Прихожан, А.М. Формы и маски тревожности, влияние тревожности на деятельность и развитие личности / А.М. Прихожан // Тревога и тревожность. – СПб., 2001.

3. Карандашев, В.Н. Изучение оценочной тревожности / В.Н. Карандашев, М.С. Лебедева, Ч. Спилбергер. – М.: Речь, 2004. – 65 с.

4. Морозова, Е.В. Методика определения уровня развития логической рефлексии у школьников / Е.В. Морозова. – М.: Просвещение, 2010. – 32 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ И УРОВНЯ ИХ УЧЕБНОЙ УСПЕШНОСТИ

Т.К. Слабко, студентка

В.С. Чернявская

д-р пед. наук, профессор

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток*

Задача современного общества – воспитание человека думающего, творческого, обладающего способностью справляться с огромным количеством информации, уметь анализировать ее и находить главное. Многим из этих умений призвана научить современная система образования, ориентированная на всестороннее развитие студентов. Значительные возможности в этом направлении открываются в изучении структуры мотивации и использовании мотивационных резервов для успешного решения проблемы. Характер учебной мотивации, ее энергетический уровень и структура являются важнейшим фактором успешного обучения. И хотя этой проблеме посвящено большое количество психолого-педагогических исследований, она еще не получила достаточной разработки как на теоретическом, так и на практическом уровнях.

Актуальность изучения данной темы непосредственно, на наш взгляд, связана с тем обстоятельством, что студенты современных вузов имеют довольно слабые представления о своей будущей профессии. Это относится и к студентам, обучающимся по направлению «Психология» и может объясняться наличием таких явлений, как несовпадение их ожиданий с реальным содержанием учебного процесса. Это требует, с одной стороны – более активной профориентационной работы с будущими студентами, формирования привлекательного имиджа психологического факультета в глазах абитуриентов и их родителей, а с другой – более четкого позиционирования факультета по структуре специальностей, как в рамках университета, так и в масштабе города и региона.

Студенческий возраст представляет особый период жизни человека. Заслуга самой постановки проблемы студенчества как особой социально-психологической и возрастной категории принадлежит психологической школе Б.Г. Ананьева [1]. Одним из важнейших компонентов учебной деятельности является мотивационный комплекс личности: мотивация учебной и профессиональной деятельности, мотивация успеха и боязнь неудачи, факторы привлекательности профессии для студентов, обучающихся в педагогическом вузе. Правильное выявление профессиональных мотивов, интересов и склонностей является важным прогностическим фактором удовлетворенности профессией в будущем. Отношение к будущей профессии, мотивы её выбора являются чрезвычайно важными факторами, обуславливающими успешность профессионального обучения [1].

Понимаемая как источник активности и одновременно как система побудителей любой деятельности, мотивация, изучается в самых разных аспектах, в силу чего понятие трактуется авторами по-разному. Исследователи определяют мотивацию как один конкретный мотив, как единую систему мотивов и как особую сферу, включающую в себя потребности, мотивы, цели, интересы в их сложном переплетении и взаимодействии.

Трактовка «мотива» соотносит это понятие либо с потребностью (драйвом) (Ж. Ньютенн, А. Маслоу) [4], либо с переживанием этой потребности и ее удовлетворением (С.Л.Рубинштейн) [5], либо с предметом потребности.

Наиболее полным является определение мотива, предложенное одним из ведущих исследователей этой проблемы – Л.И. Божович [2]. Согласно Л.И. Божович, в качестве мотивов могут выступать предметы внешнего мира, представления, идеи, чувства и переживания, словом, все то, в чем нашла воплощение потребность [2].

Еще более широким является понятие «мотивационной сферы», включающее и аффективную, и волевую сферу личности (Л.С. Выготский), переживание удовлетворения потребности. В общепсихологическом контексте мотивация представляет собой сложное объединение, «сплав» движущих сил поведения, открывающийся субъекту в виде потребностей, интересов, включений, целей, идеалов, которые непосредственно детерминирует человеческую деятельность [3].

Учитывая то, что сейчас критерием успешности любого вуза является количество поступивших студентов с высоким уровнем учебной успешности, то есть высокой учебной успешностью по итогам единого государственного экзамена (ЕГЭ), мы решили проследить взаимосвязь мотивации студентов и уровня их учебной успешности.

Для диагностики мотивационной сферы студентов была использована методика «Изучение мотивов учебной деятельности» разработанная на кафедре педагогической психологии Ленинградского университета, модифицированная А.А. Реаном и В.А. Якуниным [6]. Имеется два варианта этой методики, различия между которыми определяются процедурой проведения, которые отражены в инструкции [6]. Нами был выбран 1 вариант методики.

Методика представляет собой набор из 16 приведенных в списке мотивов, из которых респондентам необходимо выбрать пять наиболее значимых для них мотивов.

Респондентами были студенты второго курса Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, направления «Психология». Исследуемая выборка состояла из 15 студентов. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Данные по методике «Изучение мотивов учебной деятельности»

№ мотива по списку	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Кол-во названий	11	5	2	6	6	11	2	2	1	11	0	1	0	4	3	8
Частота названий	0,7	0,3	0,1	0,4	0,4	0,7	0,1	0,1	0,06	0,4	0	0,06	0	0,3	0,2	0,5
Ранг мотива	1	2	5	2	2	1	5	6	6	1	7	6	7	4	4	3

Мотивы: 1 «стать высококвалифицированным специалистом»; 2 «получить диплом»; 3 «успешно продолжить обучение на последующих курсах»; 4 «успешно учиться, сдавать экзамены на «хорошо» и «отлично»; «постоянно получать стипендию»; 6 «приобрести глубокие и прочные знания»; 7 «быть постоянно готовым к очередным занятиям»; 8 «не запускать изучение предметов учебного цикла»; 9 Не отставать от сокурсников»; 10 Обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности»; 11 «выполнять педагогические требования»; 12 «достичь уважения преподавателей»; 13 «быть примером для сокурсников»; 14 «обиться одобрения родителей и окружающих»; 15 «избежать осуждения и наказания за плохую учебу»; 16 «получить интеллектуальное удовлетворение».

Из таблицы 1 видно, что наиболее важными для группы респондентов являются мотивы под номерами 1, 6, 10 («стать высококвалифицированным специалистом; приобрести глубокие и прочные знания; обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности»). На втором месте по значимости «получить интеллектуальное удовлетворение» (№ 16) и на третьем месте «успешно учиться, сдавать экзамены на хорошо и отлично» (№ 4), «постоянно получать стипендию» (№ 5).

Получив данные о результатах Единого государственного экзамена, студентов мы разделили их на 2 группы: с более высокими (группа А) и низкими баллами (Группа Б). Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Соотношение мотивов с уровнем учебной успешности (Методика «Изучение мотивов учебной деятельности»)

№ мотива	Частота называний мотива (%)	
	Группа А	Группа Б
1	40	33
2	13	20
3	0	13
4	26	13
5	26	13
6	33	40
7	13	0
8	0	13
9	0	6
10	40	40
11	0	0
12	6	0
13	0	0
14	13	13
15	6	13
16	40	13

Из таблицы 2 видно, что для студентов с высоким уровнем учебной успешности важно стать высококвалифицированными специалистами, обеспечить успешной будущей профессиональной деятельности, а также получить интеллектуальное удовлетворение от учебы. Нельзя сказать, что эти же мотивы не важны для второй группы, но выражены они меньше. Удивительно то, что для студентов с низким уровнем учебной успешности приобрести глубокие и прочные знания в процессе обучения важнее, чем для студентов группы А.

Далее мы решили определить, на что направлена мотивация студентов группы А и Б. Использовался опросник А.А. Реана «Мотивация успеха и боязнь неудачи» [6]. Методика состоит из 20 утверждений, по отношению к которым респондентам нужно было выразить согласие или несогласие.

Мы рассматривали результаты в тех же двух группах (табл. 3).

Таблица 3

Мотивация успеха и боязнь неудачи

Группа	Средний балл
Группа А	12,3
Группа Б	13,1

Из таблицы 3 видно, что у студентов с высоким уровнем успешности средний балл мотивации (12,3) ниже, чем у студентов группы Б (13,1). Разница составляет 0,8 балла. У двух групп респондентов мотивационный полюс ярко не выражен. При этом, как пишет А.А. Реан, можно иметь в виду, что если количество баллов 8,9, есть определенная тенденция мотивации на неудачу, а если количество баллов 12,13, имеется определенная тенденция мотивации на успех [6].

В нашем случае у студентов с высоким уровнем учебной успешности тенденция мотивации на успех меньше, чем у студентов с низким уровнем учебной успешности. А.А. Реан говорил о мотивации на успех, что она относится к позитивной мотивации. При такой мотивации человек, начиная дело, имеет в виду достижение чего-то конструктивного, положительного. В основе активности человека лежат надежда на успех и потребность в достижении успеха. Такие люди обычно уверены в себе, в своих силах, ответственны, инициативны и активны. Их отличает настойчивость в достижении цели, целеустремленность. Что же касается мотивации на неудачу, она относится к негативной мотивации. При данном типе мотивации активность человека связана с потребностью избежать срыва, порицания, наказания, неудачи. Вообще в основе этой мотивации лежит идея избегания и идея негативных ожиданий. Начиная дело, человек уже заранее боится возможной неудачи, думает о путях избегания этой гипотетической неудачи, а не о способах достижения успеха [6].

Люди, мотивированные на неудачу, обычно отличаются повышенной тревожностью, низкой уверенностью в своих силах. Стараются избегать ответственных заданий, а при необходимости решения сверхответственных задач могут впасть в состояние близкое к паническому. По крайней мере, ситуативная тревожность у них в этих случаях становится чрезвычайно высокой. Все это, однако, может сочетаться с весьма ответственным отношением к делу [6].

Итак, в ходе данного исследования, мы выяснили, что у студентов с разным уровнем учебной успешности есть явное различие мотивов учебной деятельности.

В двух группах респондентов мотивационный полюс ярко не выражен, но существует тенденция преобладания мотивации на успех.

Вероятно, неярко проявленные отличия связаны с недостаточным количеством респондентов, а также воздействием внешних факторов, которые не были учтены в рамках данного исследования.

Основной задачей общества, которое хочет получить опытных специалистов с реальными знаниями, является стимулирование интересов к обучению таким образом, чтобы главной задачей стало не просто получение диплома, а диплома, который подкреплён прочными и стабильными знаниями. К процессу мотивирования – побуждения к деятельности – необходимо подходить с разных сторон, т.к. каждый человек имеет свои приоритеты.

1. Ананьев, Б.Г. Избранные психологические труды: в 2 т. / Б.. Ананьев; под ред. А.А. Бодалева и др. – М., 1980. – 230 с.

2. Божович, Л.И. Проблема развития мотивационной сферы ребенка. Изучение мотивации поведения детей и подростков / Л.И. Божович. – М., 1972. – 315 с.

3. Головин, С.Ю. Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. – Минск, 1998. – 800 с.

4. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу; пер. с англ. – СПб.: Питер, 2006. – 352 с

5. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: «Питер», 2000. – 712 с.

6. Реан, А.А. Психология изучения личности: учеб. пособие / А.А. Реан. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999. – 288 с.

СООТНОШЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-РОЛЕВЫХ ПОЗИЦИЙ ПО ТЕСТУ БЕЛБИНА И УРОВНЯ КРЕАТИВНОСТИ ПО ТЕСТУ РЕНЗУЛЛИ

Е.А. Телушкина, Е. А. Черкашина, студентки

В.С. Чернявская

д-р пед. наук, профессор

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

г. Владивосток

Креативность – творческие возможности (способности) человека, которые могут проявляться в мышлении, чувствах, общении, отдельных видах деятельности, характеризовать личность в целом или ее отдельные стороны, продукты деятельности, процесс их создания. Креативность рассматривают как важнейший и относительно независимый фактор одаренности, который редко отражается в тестах интеллекта и академических достижений.

Важным этапом в изучении креативности послужили работы Дж. Гилфорда (1967), выделившего конвергентное (логическое, однонаправленное) и дивергентное (идущее одновременно в разных направлениях, отступающее от логики) мышление. Большинство заданий в тестах на креативность ориентировано на выявление дивергентных способностей: они не предполагают определенного числа ответов; оценивается не правильность ответов, а соответствие заданию; поощряется поиск нетривиальных и неожиданных решений[6].

П. Торренс (1974) определил креативность как процесс появления чувствительности к проблемам, к дефициту или дисгармонии имеющихся знаний; определения этих проблем; поиска их решений, выдвижения гипотез; проверок, изменений и перепроверок гипотез; и наконец, формулирования и сообщения

результата решения. Рассмотрение креативности как процесса позволяет выявить структуру креативности (как способности), условия, стимулирующие этот процесс, а также оценить творческие достижения.

Для определения креативности помимо тестов используются специальные опросники со списками ситуаций, чувств, интересов, форм поведения, характеризующих творческих людей. Эти анкеты могут быть адресованы как самому испытуемому, так и окружающим его людям. Для анализа продуктов творчества используются оценки экспертов: ученых, художников, изобретателей. Стандарты для таких оценок всегда основаны на общественном суждении [5].

Высокие показатели креативности у детей отнюдь не гарантируют их творческие достижения в будущем, а лишь увеличивают вероятность их появления при наличии высокой мотивации к творчеству и овладении необходимыми творческими умениями. Опыт обучения некоторым аспектам и способам креативного поведения и самовыражения, моделирования творческих действий демонстрирует существенный рост креативности, а также появление и усиление таких качеств личности, как независимость, открытость новому опыту, чувствительность к проблемам, высокая потребность в творчестве [6].

В настоящее время креативность рассматривается как несводимая к интеллекту функция целостной личности, зависящая от целого комплекса ее психологических характеристик. Соответственно, центральное направление в изучении креативности – выявление личностных качеств, с которыми она связана [2].

Актуальность нашей учебно-исследовательской работы, выполненной в рамках дисциплины «Психология творчества» состоит в том, что люди с более высоким уровнем креативности в большей степени способны осознавать свои стратегии в групповой работе.

Целью исследования является определение уровня креативности студентов и соотношение полученных результатов с командными ролями по тесту Белбина.

В качестве задач выделили следующее:

1. Определить креативность каждого испытуемого с помощью теста Рензулли.
2. Дать экспертную оценку каждому испытуемому по тесту Рензулли.
3. Выявить командные роли каждого участника обследования с помощью теста Белбина.
4. Выявить соотношение уровня креативности с командными ролями каждого испытуемого.
5. Выявить командные роли каждого испытуемого в ходе проведения тренинга «Кораблекрушение».

Объектом эмпирического исследования являются студенты второго курса отделения психологии.

Гипотеза исследования: студенты с более высоким уровнем креативности в большей степени способны осознавать свои стратегии в творческой групповой работе.

Для реализации поставленных задач были использован метод получения информации: опросник креативности Дж. Рензулли (адаптация Е.Е.Туник), тест Белбина, позволяющий определить «командные» роли в коллективе.

Опросник креативности Рензулли – это объективный, состоящий из десяти пунктов, список характеристик творческого мышления и поведения, созданный специально для идентификации проявлений креативности, доступных внешнему наблюдению. При диагностике креативности, в соответствии с подходом Дж. Рензулли было необходимо провести анализ показателей самооценки и экспертной оценки уровня креативности, а затем определить средний уровень данных показателей [6]. Данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели уровня креативности (мет. Дж Рензулли)

№ исп.	Уровень креативности		
	Я (самооценка)	Экспертная оценка	Итоговый балл (результат)
1	2	3	4
1	33	25	26
2	23	14	18,5
3	28	14	21
4	36	28	32
5	30	10	20
6	26	23	24,5
7	30	30	30

8	29	27	28
9	27	24	25,5
10	23	26	24,5
11	29	16	22,5
12	28	27	27,5
13	38	31	34,5
14	34	30	32
15	27	25	26
16	33	33	33
17	29	23	26

Проанализировав результаты, полученные после прохождения данного теста респондентами самостоятельно, видим, что трое из них имеют очень высокий уровень креативности:

1. Испытуемый № 4 – 36 баллов – очень высокий
2. Испытуемый № 13 – 38 баллов – очень высокий
3. Испытуемый № 14 – 34 балла – очень высокий

Сравнив вышепредставленные данные с баллами экспертов, видим, что экспертная оценка ниже оценки самих испытуемых:

1. Испытуемый № 4 – 28 баллов – высокий (разница в 8 баллов)
2. Испытуемый № 13 – 31 балл – высокий (разница в 7 баллов)
3. Испытуемый № 14 – 30 баллов – высокий (разница в 4 балла)

Можно сделать предположение, что респонденты с очень высокими результатами необъективно оценивали себя, желая показаться лучше. Но так же мы не можем утверждать, что экспертная оценка не несла за собой субъективной окраски.

По результатам анализа самооценки среди испытуемых выявлено 11 человек с высоким уровнем креативности.

При соотношении результатов самооценки с результатами экспертной оценки наблюдаем:

Полное совпадение оценок:

Испытуемый № 7 – 30 баллов – высокий

Испытуемый № 16 – 33 балла – высокий

Близость оценок:

Испытуемый № 8 – 27 баллов – высокий (разница 2 балла)

Испытуемый № 9 – 24 балла – средний (3 балла)

Испытуемый № 12 – 27 баллов – высокий (разница 1 балл)

Испытуемый № 15 – 25 баллов – средний (разница 3 балла)

Сильные различия:

Испытуемый № 1 – 25 баллов – средний (разница 8 баллов)

Испытуемый № 3 – 14 баллов – очень низкий (14 баллов)

Испытуемый № 5 – 10 баллов – очень низкий (20 баллов)

Испытуемый № 11 – 16 баллов – низкий (разница 13 баллов)

Испытуемый № 17 – 23 балла – средний (разница 7 баллов)

Анализ результатов позволяет сделать вывод, что показатели самооценки креативности у всех испытуемых существенно завышены по сравнению с теми, которые были предоставлены студентами-экспертами, то есть экспертная оценка оказалась существенно ниже самооценки.

Следующий тест «Командные роли» Р. М. Белбина позволил определить естественные для испытуемых роли в коллективе, а именно в ролевой игре «Кораблекрушение».

Восемь случайных испытуемых, из 17 ранее проходивших тест Рензулли, продолжили участие в исследовании. Результаты выявления «командных» ролей представлены в табл. 2.

Естественные роли для испытуемых и их проявление в ролевой игре (по тесту Белбина)

№ исп.	Результаты по тесту Р.М. Белбина	Соотношение характеристики респондента по тесту Белбина и проявление данных черт в игре «Кораблекрушение» (%)
№3	реализатор	реализатор – 0%
№4	исполнитель,	исполнитель – 60%,
№7	исполнитель	исполнитель – 100%
№10	исполнитель	исполнитель – 80%
№11	дипломат	дипломат – 50%
№12	дипломат	дипломат – 80%
№15	творец	творец – 100%
№16	координатор	координатор – 50%

Сравнив анализ результатов, полученных нами после прохождения теста Белбина и игры «Кораблекрушение», видим, что у двух испытуемых (№ 7 и № 15) соотношение характеристики и проявление данных черт в игре равно 100%. Один испытуемый (№3) никак не проявил свойственную ему роль в игре.

Анализ показателей уровня креативности по мет. Рензулли, соотношения характеристик по тесту Белбина и проявление данных черт в игре «Кораблекрушение» представлены в табл. 3.

Таблица 3

Уровень креативности и «командные роли» испытуемых

№ исп.	Уровень креативности (методика Рензулли)	Соотношение характеристики респондента по тесту Белбина и проявление данных черт в игре «Кораблекрушение» (%)
№3	21 балл – высокий	реализатор – 0%
№4	32 балла – высокий	исполнитель – 60%,
№7	30 баллов – высокий	исполнитель – 100%
№10	24,5 балла – высокий	исполнитель – 80%
№11	22,5 баллов – высокий	дипломат – 50%
№12	27,5 баллов – высокий	дипломат – 80%
№15	26 баллов – высокий	творец – 100%
№16	33 балла – высокий	координатор – 50%

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что в основном студенты с высоким уровнем креативности в большей степени способны осознавать свои стратегии в творческой групповой работе. Следовательно, подтверждается наша гипотеза.

1. Богоявленская, Д.Б. Психология творческих способностей: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Д.Б. Богоявленская. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 320 с.

2. Головин, С.Ю. Словарь практического психолога / С.Ю. Головин. – М.: АСТ, Харвест, 1998. – 301с.

3. Психология: учебник для гуманитарных вузов / под ред. В.Н. Дружинина. – СПб.; М.; Харьков-Минск, 2001. – 656 с.

4. Разумникова, О.М., Личностные и когнитивные свойства при экспериментальном определении уровня креативности / О.М. Разумникова, О.С. Шемелина // Вопросы психологии. – 1999. – № 5. – С.130–139.

5. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Издательство «Питер», 2000. – 712 с.
6. Туник, Е.Е. Диагностика креативности. Тест Е. Торренса. Методическое руководство / Е.Е. Туник. – СПб.: ИМАТОН, 1998. – 171 с.
7. Туник, Е.Е. Психодиагностика творческого мышления. Креативные тесты / Е.Е. Туник. – СПб.: СПбУПМ, 1997. – 2-е изд.; СПб.: Дидактика Плюс, 2002.

Научное издание

**ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
В XXI ВЕКЕ**

СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

**Материалы международной
научно-практической конференции**

29–30 октября 2014 г.

Под общ. ред. д-ра полит. наук, канд. юрид. наук
А.Ю. Мамычева

*Печатается с готового оригинал-макета
в авторской редакции*

Подписано в печать 22.01.2015. Формат 60 × 84/8 .
Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 35,4 .
Уч.-изд. л. 40,0. Тираж 100 экз. Заказ

Издательство Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41
Отпечатано во множительном участке Издательства ВГУЭС
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41